

63.3(4тп)52 - ФР

Б 68

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Луи Бланъ

ИСТОРИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789 года

ТОМЪ V

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1908

572421

✓

63.3/46p/52

783246

9 (M) 3-Фр

Б 68 Блан Луи

История Французской
революции 1789 года. Т.
5.

1908

✓

783246

м/ф

р.ф.

9(11)/3-1
н68
63.3/4А)2
568

ОГЛАВЛЕНИЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА II.

Революція въ арміи.

СТРАН.

Опасность отъ постоянной арміи, указанная Шарлемъ Ламетомъ.—
 Работы по переустройству арміи.—Дѣйствіе на армію революціи
 и ея принциповъ.—Офицеры-аристократы; молодой Бонапартъ—
 патриотъ.—Нансійскій гарнизонъ; аристократическій составъ Ко-
 ролевскаго полка.—Кавалерійскій полкъ.—Швейцарцы Шатовъ.—
 Восстаніе солдатъ въ Нанси; его истинныя причины; происхо-
 жденіе.—Поме, Арналь и Бургинонь.—Попытки наемныхъ
 убійцъ организовать терроръ.—Полкъ Сальмъ-Сальмъ и Булье
 въ Мецѣ.—Вмѣшательство Національнаго Собранія.—Страдная
 роль Лафайета.—Потворство Булье и Лафайета.—Характери-
 стика Булье.—Продолженіе волненій въ Нанси.—Уставъ 16-го
 августа.—Депутація солдатъ; арестъ военныхъ депутатовъ.—
 Прибытіе Мальсэня; его посѣщеніе квартиры швейцарцевъ; про-
 должительность посѣщенія; его рискъ жизнью.—Ночныя курьеры,
 посланные Лафайетомъ.—Внезапное вторженіе въ Нанси на-
 ціональной гвардіи, собравшейся отовсюду; общее безпокойство.—
 Неожиданный отъѣздъ Мальсэня въ Люневиль; необъяснимое
 раздраженіе солдаты. Дену заключенъ въ тюрьму, Пешелопъ подъ
 подозрѣніемъ; Кавалерійскій полкъ бросается въ погоню за бѣгле-
 цомъ; его встрѣча со стрѣлками Люневилля; сраженіе; капиту-
 ляція; Мальсэнь, вновь водворенный въ Нанси.—Булье идетъ къ
 Нанси.—Депутаціи, посланныя его умиловить.—Проектъ уми-
 ротворенія, предложенный Барнавомъ и принятый Національ-
 нымъ Собраніемъ.—Роковое столкновеніе у Степильскихъ во-
 ротъ; насильственное занятіе Нанси.—Улицы, залитыя кровью.—
 Сцены героизма.—Сцены ужаса.—Дезиль.—Совз.—Бутилье.—

572/24

г*

Дикое торжество муниципалитета въ Нанси.—Местъ и реакція.—
 Какъ отозвался Людовикъ XVI о рѣзаніи солдатъ.—Секретное
 письмо Лафайета, найденное впоследствии въ желѣзномъ шкафу.—
 Марсово поле, устланное чернымъ сукномъ.—Смерть Лустало.—
 Возстановленіе въ будущемъ швейцарскаго полка Шатовё, при-
 говореннаго къ галерамъ; колпаки каторжниковъ, какъ револю-
 ціонный уборъ 1

ГЛАВА III.

Восемьсотъ милліоновъ ассигнацій.

Упадокъ могущества Неккера; паденіе его популярности; пренебреже-
 ніе Національнаго Собранія; онъ удаляется; его арестъ въ Arcis-
 sur-Aube.—Неккеръ въ своемъ заточеніи.—Неккеръ передъ ли-
 цомъ исторіи.—Въ какомъ положеніи онъ оставилъ финансовыя
 дѣла.—Измѣнники сборщики податей; предложеніе Верньо.—
Казна не сможетъ уплатить сегодня вечеромъ.—Двадцать первое
 письмо Мирабо двору: онъ предлагаетъ Клавьера въ министры
 финансовъ; характеристика Клавьера, сдѣланная Мирабо.—
 Споры по поводу второго выпуска ассигнацій.—Талейранъ—
 защитникъ ассигнацій.—Памфлетъ Дюпонъ де Немура.—Блестя-
 щая рѣчь Мирабо въ защиту второго выпуска ассигнацій.—По
 его предложенію выпускають восемьсотъ милліоновъ ассигна-
 цій, прибавленныхъ къ четыремъ стамъ милліонамъ, выпущен-
 нымъ раньше.—Важность этого крупнаго факта 34

ГЛАВА IV.

Анархія.

Волненія во всемъ королевствѣ.—Новый морской уголовный кодексъ.—
 Бунтъ матросовъ въ Брестѣ.—Послѣднее сопротивленіе парла-
 ментовъ.—Вызванные призракъ 5-го и 6-го октября.—Мирабо въ
 сторонѣ.—Ожесточеніе роялистовъ противъ герцога Орлеанскаго.—
 Теорія мятежей, доложенная Дюпонъ де Немуромъ.—Мятежь,
 тайно рекомендованный Мирабо двору, какъ средство правленія.—
 Обыскъ въ домѣ Марата; безрезультатный ночной обыскъ у
 Менье.—Полное возмущеніе въ театрѣ «Комедія»; съ одной сто-
 роны патриоты, Тальма и Дюгазонъ; съ другой—m-De Кошта,
 m-De Рокуръ, Флери.—Дѣло браконьеровъ и охотничьей стражи.—
 Безпорядки въ самомъ Національномъ Собраніи; Мсри хочетъ
 взять приступомъ трибуны; президенту угрожаетъ Казалесъ; Ми-
 рабо «убійца и каторжникъ»; послѣбѣденныя засѣданія виконта
 де Мирабо,—Дуэль Шарля Ламета съ Кастриѣ.—Странное пове-
 деніе Мирабо въ этомъ случаѣ.—Его соперничество съ Бергас-
 сомъ.—Парламентское нападеніе на министровъ; краснорѣчивый
 выходъ Казалеса.—Министры, обвиняемые Дантономъ.—Пере-
 мѣна кабинета.—Дю Порталь.—Дюпоръ дю Тертръ.—Невозмо-
 жность никакой правильной власти; болѣзненное состояніе обще-
 ства 49

ГЛАВА V.

Клубы.

СТРАН.

Клубъ якобинцевъ.—Его первоначальный составъ.—Его уставъ.—*Августинцы.*—*Безпартійные.*—*Французскій клубъ.*—Расколъ въ обществѣ якобинцевъ.—*Клубъ 89-ти:* его пышность.—Наличный составъ якобинцевъ въ концѣ 1790 г.—Герцогъ Шартрскій въ *клубъ якобинцевъ;* его жизнь, рассказанная имъ самимъ.—*Колло Дербуа якобинцевъ.*—Теорія доносовъ.—Опредѣленіе истиннаго якобинца.—*Клубъ кордельеровъ;* его происхожденіе и характеристика.—Серьезный языкъ *клуба якобинцевъ* въ его манифестахъ; его сношенія съ филиальными отдѣленіями.—Якобинцы Лонъ-ле-Сонье.—Газета якобинцевъ, порученная Лакло.—Нападки на *клубъ якобинцевъ;* его возрастающая популярность.—Повсемѣстные клубы.—*Клубъ въ коюшнѣ.*—Жаяъ-Баръ.—Ворьба между *клубомъ якобинцевъ* и *Соціальнымъ кружкомъ.*—Закрытіе *Монархическаго клуба.*—Заключеніе

75

ГЛАВА VI.

Расколъ.

Гражданскій строй духовенства, защищаемый революціонерами и отвергаемый священниками.—Горячность словесныхъ преній.—Религіозная скорбь Людовика XVI.—Горячее упорство духовенства.—Мѣры противъ духовенства, предложенныя Вуаделемъ.—Напускная горячность Мирабо; архіепископъ тулузскій жалуется на это графу де Ла Маркъ; постыдныя объясненія, сдѣланныя Мирабо.—Сознательныя провокаціи аббата Мори, разоблаченныя Александромъ Ламетомъ.—Декретъ 27-го ноября 1790 года, предписывающій присягу духовенству.—Колебанія Людовика XVI; мрачное нетерпѣніе Камюса.—Поддѣльный бунтъ, утвержденный декретъ 27-го ноября.—Бракъ Камилла Демулена съ Сесиль Дюплесси; юре заставляетъ его признать себя добрымъ католикомъ и дать обѣщаніе исповѣдаться.—Камиллъ плачетъ за проповѣдью.—Укоръ Робеспьера, одного изъ брачныхъ свидѣтелей.—Камиллъ Демуленъ удвоилъ свой пылъ и свое рвеніе противъ духовенства.—*Протоколъ засѣданій духовенства у парижскихъ дворянъ;* опубликованныя разоблаченія Сартина; скандальное приключеніе аббата.—Странная сдержанность Марата относительно *конституціоннаго строя духовенства;* его письмо Людовику XVI.—Памятное засѣданіе 4-го января 1791 года; большинство духовенства, членовъ Національнаго Собранія, отказывается дать присягу.—Замѣстители Лустало.—Бадьи и юре св. Роза.—Талейранъ приноситъ присягу; обвиненный въ скандальной страсти къ игрѣ, онъ публично признается, что выигралъ тридцать тысячъ ливровъ въ Шахматномъ клубѣ.—Различные маевры священниковъ и ихъ противниковъ.—Исторія юре церкви

Дача *Marais*.—Первые приступы смерти.—Опубликованное Обанъ-Людовикомъ Миллэномъ письмо.—Г-жи Элизбэръ и Кулопъ.—Всеобщее волненіе при вѣсти о болѣзни Мирабо. — Странныя опасенія двора.—Мирабо на смертномъ одрѣ.—Героическій характеръ его агоніи.—Онъ умираетъ.—Весь Парижъ въ траурѣ.—Всюду распространяются подозрѣнія относительно отравленія; ужасающія обвиненія противъ Ламетовъ; странное происшествіе въ ночь съ 1-го на 2-е апрѣля.—Отданіе Мирабо чрезвычайныхъ почестей.—Его похороны.—Прахъ его въ Пантеонѣ.—Всѣ партіи единодушно оплакиваютъ его.—Пышно обставленная скорбь г-жи Монтезонъ.—Сожалѣнія, выраженные газетами *Sabbats jacobites* и *Père Duchêne*. — Жесткое слово Камилла Демулена.—Мирабо предъ судомъ Марата.—Безыменная могила близъ бывшаго *Кладбища казенныхъ*; что въ ней оказалось.—Каковъ будетъ приговоръ потомства надъ Мирабо?—Роль его кончилась съ его смертью

165

ГЛАВА IX.

Умаленіе роли Лафайета.

Маратъ и Фреронъ подрываютъ власть Лафайета.—Полемика между Маратомъ и Камилломъ Демуленомъ.—Тѣмъ не менѣе они соединяются противъ Лафайета.—Значеніе ихъ нападокъ.—Религіозная смута.—Папскія бреве.—На ослахъ возятъ куклу, изображающую папу.—Молодая дѣвушка, высѣченная на ступеняхъ церкви.—Людовикъ XVI тайно пишетъ епископу влермонскому, спрашивая, можно ли ему говѣть?—Отвѣтъ епископа.—Король причащается у священника, отказавшагося отъ присяги.—Возбужденіе общественнаго мнѣнія.—Клубъ кордельеровъ обвиняетъ Людовика XVI передъ націей.—Проектъ поѣздки въ Сентъ-Клу.—Бурная обвинительная рѣчь Фрерона.—Народъ силою противится отъѣзду королевской семьи.—Національная гвардія отказывается повиноваться Лафайету.—Адресъ королю, составленный Керсэномъ и Дантопомъ.—Людовикъ XVI въ Собраніи.—Неосторожное двуличіе двора.—Какъ Лафайетъ выходитъ въ отставку.—Присяга относительно слѣпота повиновенія начальнику вооруженной буржуазіи; энергическій протестъ Дюбуа-Крансе и Жирардена (визъ Эрменонвилля).—Паденіе популярности Лафайета

190

КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА I.

Появленіе Робеспьера.

Робеспьеръ.—Въ какую минуту онъ появляется.—Какъ буржуазія отдѣляется отъ народа: организація національной гвардіи; протестъ Робеспьера.—Его вмѣшательство въ пренія о правахъ петиціи

личность Людовика XVI.—Колебания французского двора.—Недовѣрие королевы къ графу Артуа.—Графъ Артуа въ Кобленцѣ.—Кобленцскій малый дворъ, руководимый Калонномъ.—Людовикъ XVI и королева внезапно сближаются съ графомъ Артуа.—Конфиденціальная миссія графа Дюрфора.—Совѣщанія въ Мантуѣ.—Колыбель коалиціи.—Леопольдъ противится проекту бѣгства Людовика XVI.—Интриги соперника Калонна, барона Бретейля.—Людовикъ XVI рѣшается бѣжать; побудительныя къ тому причины; онъ увлекаетъ Марію-Антуанету.—Неизданное письмо этой королевы къ Леопольду 250

ГЛАВА IV.

Бѣгство короля.

Приготовленія къ побѣгу.—Притворство и неосторожность.—Странная встрѣча герцога Орлеанскаго съ Ферзеномъ на Венсеннской дорогѣ.—Тайное сообщеніе Жавардена Марату; письмо, найденное въ карманѣ у одной придворной дамы; Марать обличаетъ проектъ побѣга.—Карра бьетъ тревогу.—Захватъ сундука, принадлежащаго графу Прованскому.—Балы и Гувьонъ получаютъ тайное извѣщеніе.—Распоряженія Булье.—Парижъ вечеромъ 20 іюня.—Ночное бѣгство королевской семьи.—Событія 21 іюня въ Парижѣ.—Впечатлѣніе, произведенное бѣгствомъ короля.—Народъ въ Тюильри.—Собраніе.—Мѣры общественнаго спасенія.—Слуги короля предоставлены народному мщенію.—*Воззваніе къ французамъ*.—Страстная выходка Бонвилля. Презрительное спокойствіе представителей.—Геройское поведеніе Парижа.—Нормальное состояніе партій.—Г-жа Роланъ и Робеспьеръ у Петіона.—Робеспьеръ въ клубѣ якобинцевъ.—Дантонъ задѣваетъ Лафайета.—Парижъ 22 іюня.—Распѣваемая на улицахъ пѣсня.—Въ клубѣ кордельеровъ требуютъ республики, въ клубѣ якобинцевъ ее отвергаютъ.—Республиканскіе плакаты Ахилла Дюшатле и Томаса Пана.—Противуположные одинъ другому призывы Бонвилля и Марата.—Презрительная гуманность Камилла Демулена.—Предложеніе барона Эльбека; новая формула присяги.—Отвѣтъ Собранія на *Воззваніе къ французамъ*.—Важное извѣстіе 271

ГЛАВА V.

Король подъ арестомъ.

Поѣздка изъ Парижа въ Вареннъ.—Неслышанное сѣпленіе роковыхъ случайностей.—Людовикъ XVI узнанъ.—Арестъ королевской семьи въ Вареннѣ.—Пребываніе въ мелочной лавкѣ Соса.—Возстаніе городовъ и деревень.—Тщетныя попытки и отступленіе Булье.—Отъѣздъ королевской семьи въ Парижъ.—Шалонскіе роялисты.—Назначеніе Собраніемъ трехъ комиссаровъ.—Сцены при возвращеніи.—Внутри кареты.—Королевская семья проѣзжаетъ по Парижу.—Поведеніе населенія.—Развязка 298

ГЛАВА VI.

Междуцарствіе.

СТРАН.

Политика Національнаго Собранія.—Политика якобинцевъ.—Политика кордельеровъ.—Старанія конституціоналистовъ выгородить Людовика XVI.—Положеніе дѣлъ во дворцѣ. Допросъ короля и королевы.—Политическое исповѣданіе Филиппа Орлеанскаго.—Ругательства Сюло.—Роялистская партія изъ эгоизма приноситъ въ жертву Людовика XVI; манифестъ 290-та.—Письмо Булье.—Оцѣнка, данная ему Сюло.—Отвѣтъ Рѣдерера по адресу Булье.—Посѣщеніе клуба якобинцевъ; ихъ сильное нерасположеніе къ республикѣ; въ чемъ они расходились съ конституціоналистами.—Рѣзкія выходки Марата и Камилла Демулена.—Лживыя заявленія Фрерова.—Бонвилль.—Его роль въ 1791 году.—Томасъ Пенъ; несправедливость его хулителей.—Его афиша, переведенная Дюшатле и требующая республики.—Письмо Дюшатле къ Шабру и Ле-Ипалелье.—Основаніе газеты *Républicain*.—Смѣлый починъ Бриссо.—Республиканцы Кондорсе и его жена.—Перенесеніе праха Вольтера въ Пантеонъ.—Превія объ участи короля.—Двусмысленное заявленіе Робеспьера въ клубъ якобинцевъ относительно республики.—Барнавъ, какъ реакціонеръ.—Декретъ 15 іюля 1791 г.—Народъ велитъ закрыть зрѣлища.—Проектъ петиціи.—Благоразумная предусмотрительность Робеспьера.—Политическія комбинаціи Лакло.—Составленная Бриссо петиція.—Демѣнье отражаетъ ударъ.—Собраніе кордельеровъ на Марсовомъ полѣ.—Грозяныя приготовленія.—Вадье 'перемѣняетъ фронтъ.—Вечернее засѣданіе клуба якобинцевъ 16 іюля.—Петиція Бриссо берется назадъ.—Набросанная Робеспьеромъ зловѣщая картина . . . 326

ГЛАВА VII.

Бойня на Марсовомъ полѣ.

Глубокое раздраженіе конституціоналистовъ; его причины.—Яростныя нападки Марата.—Брань Камилла Демулена.—Замѣчательная сводка поступковъ конституціоналистовъ, сдѣланная Камилломъ.—Оскорбленія по адресу національной гвардіи.—Всюду распространяется духъ законности.—Легальное ходатайство въ городской ратушѣ 16 іюля.—Росписка, выданная прокуроромъ-синдикомъ Демуссо; «*Законъ покрываетъ васъ неприкосновенностью*».—Двойное убійство въ *Gros-Cailion*, совершенное утромъ 17-го іюля.—Преступленіе это не имѣло ничего общаго съ проектированной народомъ петиціей.—Дѣлаемыя въ Собраніи усилія увѣрить въ противномъ и распространеніе ложныхъ слуховъ.—Странное великодушіе Лафайета.—Марсово поле имѣетъ праздничный видъ.—Мирное настроеніе толпы, собравшейся вокругъ алтара Отечества.—Подписаніе петиціи на Марсовомъ полѣ.—Ратуша посылаетъ на Марсово поле комиссаровъ.—Они очарованы предста-

вляющимся имъ зрѣлищемъ и одобряють петицію.—Видъ Гревской площади въ это время; въ національной гвардіи искусно возбуждается ярость.—Посланія Шарля Ламета въ ратушу; развернуть красный флагъ.—Возвращеніе комиссаровъ въ ратушу; ихъ докладъ, составленный въ благопріятномъ для сходимы духѣ; они протестуютъ противъ выставленія краснаго знамени; муниципалитетъ оставляетъ этотъ протестъ безъ вниманія.—На Гревской площади заряжаются ружья.—Провокаторы.—Задѣль, данный раньше трехъ установленныхъ предупрежденій: перебиты женщины и дѣти.—Благородные поступки національныхъ гвардейцевъ округа Марэ и Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, а также наемныхъ гвардейцевъ у Военнаго училища.—Ничѣмъ не оправдываемое отсутствіе Дантона, Фрерона и Камилла Демулена.—Вечеръ 17-го іюля.—Оскорбленіе клуба якобинцевъ.—Робеспьеръ находитъ пріютъ у столяра Дюплэ.—Балы на трубинѣ 18-го іюля.—Ложь въ протоколѣ муниципалитета.—Судъ исторіи.—Насколько извращались доннынѣ эти событія

Луи Бланъ.—Исторія французской революціи.

КНИГА ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

ГЛАВА II.

Революція въ арміи.

Опасность отъ постоянной арміи, указанная Шарлемъ Ламетомъ.—Работы по переустройству арміи.—Дѣйствіе на армію революціи и ея принципы.—Офицеры-аристократы; молодой Бонапартъ—патріотъ.—Нансійскій гарнизонъ; аристократическій составъ Королевскаго полка.—Кавалерійскій полкъ.—Швейцарцы Шатовьё.—Возстаніе солдатъ въ Нанси; его истинныя причины; происхожденіе.—Помье, Арналь и Бургиньонъ.—Попытки наемныхъ убійцъ организовать терроръ.—Полкъ Сальмъ-Сальмъ и Булье въ Мецѣ.—Вмѣшательство Національнаго Собранія.—Странная роль Лафайета.—Потворство Булье и Лафайета.—Характеристика Булье.—Продолженіе волненій въ Нанси.—Уставъ 16-го августа.—Депутаціи солдатъ; арестъ военныхъ депутатовъ.—Прибытіе Мальсэня; его посѣщеніе квартиры швейцарцевъ; продолжительность посѣщенія; его рискъ жизнью.—Почные курьеры, посланные Лафайетомъ.—Внезапное вторженіе въ Нанси національной гвардіи, собравшейся отовсюду; общее безлоказство.—Неожиданный отъѣздъ Мальсэня въ Люневиль; необъяснимое раздраженіе солдатъ. Дену заключенъ въ тюрьму, Пешелюшъ подъ подозрѣніемъ; кавалерійскій полкъ бросается въ погоню за бѣглецомъ; его встрѣча со стрѣлками Люневилля; сраженіе; капитуляція; Мальсэнь, вновь водворенный въ Нанси.—Булье идетъ къ Нанси.—Депутаціи, посланныя его умиловить.—Проектъ умиротворенія, предложенный Барнавомъ и принятый Національнымъ Собраніемъ.—Роковое столкновеніе у Стивенвильскихъ воротъ; насильственное занятіе Нанси.—Улицы, залитыя кровью.—Сцены героизма.—Сцены ужаса.—Дезиль.—Совэ.—Бутилье.—Дикое торжество муниципалитета въ Нанси.—Мостъ и реакція.—Какъ отозвался Людовикъ XVI о рѣзніи солдатъ.—Секретное письмо Лафайета, найденное впоследствии въ жезлѣномъ шкафу.—Марсово поле, устланное чернымъ сукномъ.—Смерть Дустало.—Возстановленіе въ будущемъ швейцарскаго полка Шатовьё, приговореннаго къ галерамъ; колпаки каторжниковъ, какъ революціонный уборъ¹⁾.

Всколыхнувшая весь порядокъ вещей, французская революція не могла не выяснить опасность отъ постоянной арміи. Съ

¹⁾ Мы уже упоминали объ историческихъ сокровищахъ Британскаго музея, касающихся специально французской революціи. Относительно дѣла въ

Это былъ прямой языкъ революціи. Къ несчастію, тогдашнее состояніе Европы было не таково, чтобы могли понять настоящій смыслъ этихъ простыхъ и сильныхъ словъ. Не нужно больше постоянной арміи! И это въ то время, когда короли со всѣхъ сторонъ уже выказывали тревогу и гнѣвъ, когда уже вдали можно было слышать шумъ ихъ надвигающихся батальоновъ, когда эту страшную силу, лишенную свободы, отечество готово было призвать для своей защиты. Передъ подобными опасностями колебались даже самые горячіе члены Національнаго Собранія, и вышло такъ, что оно сдѣлало по отношенію къ арміи то же самое, что по отношенію къ Церкви: не находя возможнымъ отмѣнить постановленіе, даже сознавая всѣ его недостатки, Собраніе рѣшило переформировать армію, рискуя, улучшивъ, сдѣлать ее еще болѣе опасной, еще болѣе роковой.

Въ арміи, какъ и вездѣ, при старомъ режимѣ, были страшныя злоупотребленія. Группами людей, предназначенныхъ убивать и быть убитыми, которыя называются полками, владѣли какъ лѣсомъ, полемъ, домомъ; части войскъ передавали изъ рукъ въ руки, ихъ давали въ приданое за дочь; высшіе ранги, почти всегда, принадлежали титулованнымъ людямъ; они не зависѣли ни отъ правъ, ни отъ признанныхъ достоинствъ, ни отъ служебныхъ заслугъ; большую часть года начальство было свободно отъ всѣхъ заботъ и вовсе не занималось наблюдениемъ за войсками; нѣкоторые полки пользовались предосудительными или смѣшными привилегіями; масса ненужныхъ должностей доходила до курьезовъ; наконецъ, судьба военнаго зависѣла отъ каприза, а не отъ закона¹⁾. На эти именно недостатки Учредительное Собраніе рѣшило опустить свою сѣкиру.

Послѣ спора о проектѣ Мену, согласномъ съ высказанными идеями Ноайля на засѣданіи 1-го февраля, или Шарля Ламета на засѣданіи 9-го февраля, было постановлено:

«Король—верховный вождь арміи.

«Армія *несомнѣнно* предназначена для боя съ внѣшними врагами отечества.

«Иностранныя войска не могутъ быть допускаемы въ королевство и армію иначе, какъ законодательною властью.

¹⁾ Рѣчь, произнесенная Шарлемъ Ламетомъ на засѣданіи 9-го февраля 1790 года.

«Суммы, необходимыя на содержаніе арміи, должны быть опредѣлены законодательнымъ порядкомъ.

«Ни одинъ военный не можетъ быть лишень своей должности иначе, какъ законнымъ судомъ.

«Военный не долженъ покидать своего мѣстожителства иначе, какъ по служебнымъ обязанностямъ, и можетъ пользоваться правами гражданина, если имѣетъ для этого подходящія условія.

«Въ противномъ случаѣ, эти права будутъ ему даны черезъ шестнадцать лѣтъ службы.

«Продажа военныхъ должностей будетъ уничтожена.

«Жалованье солдату будетъ увеличено на тридцать два денье»¹⁾.

Все это было еще очень далеко отъ главнаго плана реформированія. Оставалось узнать:

Какова будетъ численность арміи?

Какое будетъ ассигновано жалованье каждой должности?

Каковы будутъ правила принятія въ полкъ и повышенія.

Въ какихъ случаяхъ будутъ допускаемы иностранныя войка.

Какъ будутъ организованы военные суды?

Два вопроса были особенно важны и существенны. Было рѣшено, что рекрутскій наборъ дѣйствующей арміи будетъ составленъ изъ волонтеровъ, что весьма возможно въ мирное время, но въ военное?.. Можно ли было надѣяться, что волонтеровъ хватитъ на то, чтобъ замѣстить убыль, происшедшую въ бою? Отправленіе войскъ внутрь королевства представляло собою вторую задачу, требующую рѣшенія, и задачу опасную. Здѣсь дѣло касалось свободы.

Относительно всего этого Національное Собраніе приказало своему комитету военныхъ постановленій составить какъ можно скорѣе проекты, независимо отъ общаго плана, котораго оно ожидало отъ военнаго министра, взявъ на себя и просмотръ и рѣшенія²⁾.

Но въ эту эпоху соціального возрожденія было такъ много спѣшныхъ дѣлъ и такъ много неоконченныхъ работъ, что прошло четыре съ половиною мѣсяца, въ теченіе которыхъ только виконтъ Нойаль подалъ рапортъ о численности арміи. Въ этомъ рапортѣ, представленномъ 13-го іюля 1790 г., сила арміи сводилась къ цифрѣ двѣсти тридцать тысячъ человѣкъ въ случаѣ

¹⁾ *Мониторъ*, засѣданію 28-го февраля 1790 года.

²⁾ *Ibidem*.

большой войны; ораторъ поторопился прибавить, что въ мирное время такая сила была бы опасна, и закончилъ указаніемъ на то, что часть этой арміи должна быть расположена по департаментамъ, гдѣ она будетъ заниматься земледѣльческими работами или торговлей, готовая соединиться подъ знаменами въ часъ опасности по декрету Національнаго Собранія, подписанному королемъ¹⁾. Не распространяясь о принятіи въ армію иностранныхъ войскъ, въ проэктѣ великодушно перечислялись военныя заслуги, оказанныя Франціи ирландцами, иѣмцами и швейцарцами. Развѣ въ Гёттингенѣ, когда люди не могли стрѣлять по причинѣ дождя, они не сражались до конца при помощи камней? О, они съ достоинствомъ рисковали жизнью рядомъ съ сынами Франціи, эти воины, о которыхъ отцы наши написали въ Мургартенѣ на грудѣ костей: «Бургундцы хотѣли побѣдить свободный народъ; вотъ что отъ нихъ осталось!»

19-го іюля Національное Собраніе объявило, что число людей каждаго чина будетъ установлено законнымъ декретомъ, а 31-го іюля, что дѣйствующая армія будетъ состоять, самое большое, изъ ста пятидесяти шести тысячъ человекъ, изъ которыхъ тринадцать тысячъ *пѣхоты*, тридцать двѣ тысячи *кавалеріи* и одиннадцать тысячъ *инженерныхъ войскъ*²⁾.

Страшная военная драма прервала эти работы.

Могущество и слава человекѣ заключаются въ томъ, чтобы дополнить несовершенное и исправить то, въ чемъ есть недостатки; но пытаться водворить добро въ самомъ центрѣ зла, но стараться уничтожить ложь лишь на основаніи понятій объ истинѣ, но желать дать смерти законы жизни—это безумно. Національному Собранію пришлось убѣдиться въ этомъ на горькомъ опытѣ. Оно льстило себя надеждой, что безпрепятственно, основываясь на своихъ благороднѣйшихъ фантазіяхъ, сможетъ говорить солдатамъ о ихъ правахъ, наградить ихъ прекраснымъ званіемъ гражданина, пообѣщать имъ гарантіи, поставить ихъ подъ защиту общаго закона, возбудить въ нихъ сознаніе человѣческаго достоинства. Оно не приняло во вниманіе, что этимъ именно подрываетъ въ самомъ корнѣ дисциплину,—дисциплину, основное правило, безъ котораго невозможна никакая постоянная армія, правило, означающее отсутствіе всякаго права,

1) *Мониторъ*, засѣданіе 13-го іюля 1790 года.

2) *Лидет*, засѣданіе 31-го іюля 1790 года.

отрицаніе всякой воли, всякаго достоинства, выработанную привычку къ упражненію въ тираніи.

Людямъ, привыкшимъ быть слѣпымъ орудіемъ силы, нельзя безнаказанно указывать путь къ непокорности. Если неэнергичная и безоружная толпа становится ужасной въ минуты гнѣва, то что же будетъ съ толпою вооруженною, обученною, привыкшею разрушать? Горе всѣмъ, если среди этихъ ислушныхъ тѣлъ вдругъ возмутится и застонетъ хоть одно сердце. Горе всѣмъ, и самимъ солдатамъ, съ той минуты, какъ эти машины поймутъ, наконецъ, что они люди. Тогда не останется ни одного начальника, не дрожащаго отъ ужаса. Въ Римѣ солдаты вмѣстѣ съ властью возводить императоровъ получили и власть душиать ихъ, и тѣ, которые возложили корону на голову Отона, подняли ее въ крови Гальбы.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что съ первыхъ же дней революція проникла въ армію. Вспомнимъ эпоху взятія Бастиліи. Здѣсь французская гвардія стояла во главѣ народа, тамъ швейцарскій полкъ Шатовѣ отказался выступить. Нѣмецъ не отказывается, но мрачный обликъ солдатъ, ихъ безнадежныя взгляды ясно доказываютъ угнетенное состояніе ихъ души.

Начиная съ этой минуты революціонный духъ въ разговорахъ, въ сообщничествѣ, на столбцахъ газетъ, смѣшался, такъ сказать, съ воздухомъ, которымъ дышали солдаты, проникъ во всѣ казармы, начиная съ Парижа и кончая послѣднимъ гарнизоннымъ городкомъ. Горячіе эмиссары появились въ полкахъ; сформировались патріотическія общества, комитеты; появились прошенія и выговоры; старое и новое недовольство, ежедневныя несправедливости, старые счеты, подозрѣнія—все это сгруппировалось, какъ тучи; словомъ, сила организованная на служеніе деспотизму, открыто перешла на служеніе мятежу.

Зло было очевидно и усложнялось еще другимъ обстоятельствомъ: эта революція, такъ нравившаяся солдатамъ, была ненавистна офицерамъ, вслѣдствіе ихъ происхожденія и положенія. Тѣ, которые принадлежали къ дворянскому сословію, не могли не жалѣть о времени, когда для производства въ лейтенанты нужно было лишь имѣть за собою четыре дворянскихъ поколѣнія¹⁾. Старые офицеры выражали свое неудовольствіе

¹⁾ Dampmartin, *Evénements qui se sont passés sous mes yeux pendant la Révolution.*

молчаливой, благоразумной сдержанностью, но молодые безпрестанно его высказывали, и крайне неблагоразумно. Въ ученыхъ и серьезныхъ полкахъ, въ артилерійскихъ и инженерныхъ, склонность къ революціи замѣчалась даже среди офицеровъ. Странное вліяніе возраста и обстоятельствъ! Изъ этихъ послѣднихъ сильнѣе всѣхъ увлекся новымъ теченіемъ молодой артилерійскій поручикъ, которому судьба предназначила особое мѣсто въ исторіи. Нужно ли называть его имя? Удаленный въ Оксонъ, гдѣ стоялъ его гарнизонъ, занимая рядомъ со своимъ братомъ Людовикомъ жалкую комнатку съ голыми стѣнами¹⁾, Бонапартъ страстно предался революціи, которую внослѣдствіи ему суждено было подавить. Горячій проповѣдникъ свободы, поклонникъ независимости Корсики, завоеванной Буттафуоко, онъ былъ занятъ составленіемъ брошюры, полной патріотическаго энтузіазма по адресу своего соотечественника²⁾.

Но въ полкахъ, не принадлежащихъ къ артиллерійскимъ и инженернымъ, чувства Бонапарта не были раздѣляемы молодыми офицерами. Возбужденные противъ новаго порядка, они, подъ видомъ храбрости, изливали свою злобу въ дерзкихъ и насмѣшливыхъ поступкахъ; они придирались къ служебнымъ мелочамъ и наказывали солдатъ, какъ бы за преступленіе считать себя равнымъ офицеру.

Такъ увеличивалось недовольство, и, когда къ нему присоединилось дезертирство начальства и его потворство иностранцамъ, то его предѣламъ уже не было границъ.

Но для того, чтобъ общія идея подняла массы, необходимо, чтобы какое-нибудь побочное обстоятельство сдѣлало ее животрепещущей. Солдаты еще сильнѣе возненавидѣли контрреволюцію, когда она предстала передъ ними въ ужасномъ образѣ расхищенія королевской казны, и волненіе усиливалось.

«Въ штабахъ,—пишетъ Лусталò,—существовалъ своего рода грабежъ, недостойный офицеровъ, грабежъ, извѣстный подъ названіемъ *удержанія*. Изъ доставленныхъ намъ достовѣрныхъ источниковъ мы узнаемъ, что этотъ способъ воровства (какъ же иначе назвать его?) въ полку Боса утайлъ двѣсти сорокъ ты-

¹⁾ Carlyle, *The French Revolution*, т. II, кн. II, гл. II, стр. 93. Второе изданіе.

²⁾ См. это письмо въ *Revue du Progrès*, т. V, кн. 6.

дѣлали видъ, что не обращаютъ на нее вниманія, потомъ восхищались ею и стали появляться на застѣданіяхъ въ умышленно-небрежныхъ костюмахъ¹⁾. Форма національной гвардіи была для нихъ предметомъ презрѣнія и насмѣшекъ. Результатомъ этого получились провокаціи, нѣсколько дуэлей, изъ которыхъ граждане часто выходили побѣдителями, что усиливало возбужденіе. Власти все это допускали. Когда членъ коммуны Никола былъ посланъ къ нимъ депутатомъ съ просьбою не допустить одну изъ подобныхъ стычекъ, власти отказались вмѣшиваться²⁾.

Частное обстоятельство разожгло страсти и дало имъ роковой исходъ. Въ послѣднихъ числахъ мая одинъ солдатъ разсказалъ товарищамъ, что наканунѣ, когда онъ стоялъ въ караулѣ въ Пепиньерѣ, онъ видѣлъ около полуночи другого солдата Королевскаго полка, по фамиліи Русьеръ, подошедшаго въ кепи со шпагой въ рукѣ къ двумъ буржуа, которые шли совершенно спокойно; онъ оскорбилъ ихъ и вызвалъ на дуэль. Русьеръ былъ извѣстный наемный убійца; подозрѣвали, что онъ подкупленъ офицерами. Разсказчикъ прибавилъ, что на разстояніи десяти шаговъ за Русьеромъ слѣдовали три молодыхъ офицера, Шафонтэнъ, Бисси и Шаритабелла, что они приказали разсказывавшему солдату арестовать двухъ буржуа, и когда тотъ отвѣтилъ, что онъ и собирался это сдѣлать, захвативъ и провокатора, то одинъ изъ офицеровъ сказалъ провокатору: *Ступай, здѣсь нечего дѣлать*³⁾.

Толки объ этомъ происшествіи не замедлили проникнуть въ казармы. Солдаты были возмущены. Поймали Русьера, разспросили его, и онъ признался, что его подговорили Шафонтэнъ, Бисси и Шаритабелла⁴⁾. Тогда солдаты, громко крича, стали требовать, чтобы виновнаго прогнали сквозь строй. Узнавъ, что онъ приговоренъ только къ трехмѣсячному тюремному заключенію, они боялись, какъ бы ему не дали возможность бѣжать, и потребовали, чтобъ его вернули въ казармы. Едва только онъ

¹⁾ «Then did appear but in mere *redingotte* and undress, with scarcely a clean shirt on». Carlyle, op. cit., стр. 102.

²⁾ *Rapport de Sillery*, стр. 3.

³⁾ *Ibidem*, стр. 12.

⁴⁾ Sur cette affaire, racontée de plusieurs façons différentes, Sillery, dans son rapport à l'Assemblée, cite comme le seul véridique le témoignage des *commissaires du roi* sur lequel il s'appuie. *Ibidem*.

національную гвардію, вмѣстѣ съ Кавалерійскимъ полкомъ и полкомъ Шатовѣ, охранять городъ, Королевскій полкъ объявилъ, что онъ рѣшилъ не покидать своей службы. Могло случиться нѣчто ужасное; испуганный муниципальный совѣтъ умолялъ Дену взять обратно свой приказъ; пришлось уступить, и городскія ворота были предоставлены охранѣ непокорнаго полка¹⁾.

Въ это время точно такія же сцены разыгрывались въ Мецѣ. Комендантъ Булье рассказываетъ самъ въ своихъ *Мемуарахъ* о возмущеніи нѣмецкаго полка Сальмъ-Сальмъ. Здѣсь также дѣло шло о денежныхъ отчетахъ. Когда солдатамъ было отказано въ ихъ требованіяхъ, они составили проектъ овладѣть кассой и знаменами, хранившимися у командира полка. Узнавъ объ этомъ, Булье немедленно собралъ офицеровъ и сталъ у двери своего дома, со шпагой въ рукѣ. Пришли гренадеры, вооруженные по уставу, и построились передъ начальствомъ, но наступать на него они не посмѣли. Неустрашимый по натурѣ и неспособный размышлять, Булье вызвалъ полкъ драгунъ, казармы которыхъ находились по близости, велѣлъ имъ садиться на коней и атаковать гренадеръ, но ничего не могъ достигнуть. Тогда получилась странная картина. Цѣлыхъ два часа офицеры и солдаты стояли другъ противъ друга, обмѣниваясь взглядами, не дѣлая ни шагу впередъ, не произнося ни одного слова. Но, такъ какъ вокругъ нихъ собралась недовольная толпа, и Булье нѣсколько разъ прицѣливался, то эта сцена, очевидно, кончилась бы кровавой развязкой, еслибъ не вмѣшался муниципальный совѣтъ. Мэръ сказалъ рѣчь солдатамъ, которые вполнѣ спокойно разошлись по казармамъ, «что не помѣшало, однако,— пишетъ Булье,—имъ на другой же день вытребовать половину той суммы, которую они требовали наканунѣ»²⁾.

«Узнавъ объ этихъ безпорядкахъ, Національное Собраніе поторопилось издать декретъ, предложенный Эммери и тотчасъ же подписанный королемъ. Декретъ постановилъ:

«Въ полкахъ не будетъ болѣе совѣщательныхъ собраній.

«Короля будутъ просить назначить особыхъ инспекторовъ, избранныхъ изъ среды старшихъ офицеровъ для провѣрки счетовъ за послѣднія шесть лѣтъ, что будетъ сдѣлано въ присут-

¹⁾ *Rapport de Sillery*, стр. 17.

²⁾ *Mémoires du marquis de Bouillé*, гл. VIII, стр. 133, 134 и 135. Collection Berville et Barrière.

ствіи командира каждаго полка, капитана, поручика, подпоручика, старшаго и младшаго сержантовъ, старшаго и младшаго капраловъ или бригадировъ и четырехъ солдатъ, по жребію.

«Не будетъ больше позорныхъ разжалованій, помимо рѣшенія военныхъ судовъ.

«Позорныя разжалованія, произведенныя до сихъ поръ безъ ссылки на военные уставы, не имѣютъ въ себѣ ничего позорящаго.

«Виновные въ новомъ бунтѣ или причастные къ нему, понесутъ жестокое наказаніе.

«Офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты могутъ подавать жалобы министрамъ или Національному Собранію отъ себя лично безъ всякаго посторонняго посредничества»¹⁾.

Въ этомъ случаѣ Лафайетъ не препятствовалъ Эммери издать приказъ 6-го августа. Но онъ не имѣлъ въ виду остановиться на этомъ; онъ началъ побаиваться революціи и съ грустью видѣлъ какъ, по его выраженію, «конституціонный порядокъ смѣнялся революціонной анархіей»²⁾. *Нанести рѣшительный ударъ*³⁾— вотъ чего ему хотѣлось, вотъ въ чемъ онъ не боялся идти заодно съ Булье, который для того, чтобы вѣрнѣе *нанести этотъ рѣшительный ударъ*, былъ назначенъ командиромъ всей восточной границы, начиная отъ Швейцаріи и кончая Самброй.

При подобныхъ обстоятельствахъ ничто не могло быть хуже этого выбора. Булье обладалъ вѣскими качествами: испытанной храбростью, расчетливой смѣлостью, преданностью своей партіи и рѣшительностью ослѣпленнаго фанатика. Послѣдняя война противъ англичанъ покрыла славой его имя за взятые имъ нѣсколько колоній и именно въ награду за неопровержимыя заслуги онъ постепенно былъ назначенъ губернаторомъ Вѣтряныхъ острововъ, затѣмъ произведенъ въ генераль-лейтенанты и генераль-адъютанты. Но слишкомъ была извѣстна его склонность къ контръ-революціи; его отказъ принять гражданскую присягу произвелъ скандалъ; помнили, что въ апрѣлѣ 1790 года онъ поставилъ подъ ружье весь гарнизонъ, чтобы воспрепятствовать входу восьмидесяти пяти людямъ національной стражи,

1) *Мониторъ*, засѣданіе 6-го августа 1790 г.

2) См. письмо Булье, въ его *Мемуарахъ*, гл. VII, стр. 136.

3) *Ibidem*.

ихъ слабо стегали, можно было судить, что товарищи вовсе не порицають ихъ поведенія¹⁾). Произошло страшное волненіе. Два французскихъ полка прибѣжали въ казармы швейцарцевъ, выломали двери тюрьмы и освободили обоихъ плѣнныхъ, затѣмъ, съ саблями на-голо, заставили полковника ихъ простить. Ихъ торжественно вели на квартиры Королевскаго и кавалерійскаго полковъ, пока швейцарскіе офицеры были тутъ же, а маіоръ Салисъ вынужденъ былъ скрыться²⁾).

12-го августа должны были опубликовать декретъ 6-го августа, и Дену отдалъ приказъ полкамъ оставаться въ казармахъ. Несмотря на приказъ, они вооружились, отправились на Королевскую площадь и построились въ боевой порядокъ, имѣя одного изъ швейцарскихъ солдатъ въ Королевскомъ полку и другого въ кавалерійскомъ. Прибылъ Дену. Поднялся страшный шумъ; одинъ изъ солдатъ выступилъ впередъ и началъ громко читать письмо, въ которомъ военный губернаторъ Нанси употребилъ выраженіе *разбой войскъ*. Дену понялъ, что погибъ, если не оправдается. Онъ объявилъ, что никогда не примѣнялъ слова *разбойники* къ солдатамъ, въ средѣ которыхъ онъ служить тридцать лѣтъ; онъ объяснилъ, что, наоборотъ, всегда считалъ ихъ храбрыми воинами и, пройдя но рядамъ, успокоилъ ихъ ласковыми словами. Декретъ 6-го августа былъ обнародованъ, но дисциплина непоправимо нарушена³⁾). Пришлось выдать двумъ швейцарскимъ солдатамъ сто луидоровъ вознагражденія, а 13-го солдатамъ Шатовьё 27,000 ливровъ, которые они въ тотъ же вечеръ истратили на пирушку, предложенную товарищамъ и разрѣшенную муниципалитетомъ⁴⁾).

На другой день 200 солдатъ завладѣли кассою и унесли ее въ казармы. Они объяснили это тѣмъ, что имъ стыдно видѣть, что полковая касса охраняется не ихъ командой, и они не могутъ этого допустить. Къ тому же, они составили протоколъ о ея содержимомъ, и она оказалось нетронутой. Все поведеніе гарнизона Нанси въ эту эпоху представляетъ собою удивительную смѣсь гнѣва и раскаянья, жадности и благородства, уваженія къ властямъ и непокорности, въ сущности, совершенно

¹⁾ *Détail des évènements survenus à Nancy*, барона де Сали-Самадъ.

²⁾ *Rapportъ Силверн*, стр. 20.—Протоколъ муниципалитета Нанси.

³⁾ *Ibidem*, стр. 24.

⁴⁾ *Ibidem*.

то же самое, что нѣсколько вѣковъ тому назадъ характеризовало возстаніе германскихъ легионовъ.

Таково было положеніе вещей, когда въ Парижѣ ставленникъ Лафайета, депутатъ Эммери, явился въ Національное Собраніе съ разстроеннымъ лицомъ и, держа въ рукахъ письмо, въ которомъ Дену рассказывалъ факты, преувеличивая ихъ и дѣлая изъ нихъ нѣчто ужасное, чтобы напугать представителей народа. По его словамъ выходило, что солдаты чуть ли не готовы были короновать командира горнизона; они намѣревались посадить его въ колесницу и предоставить офицерамъ унижительную обязанность везти эту колесницу.

57224
По прочтеніи этого письма Дену и протокола засѣданія муниципальнаго совѣта Нанси, гдѣ къ правдивому обвиненію солдатъ прилеталась ловкая клевета, Эммери воскликнулъ: «Надо торопиться, все объято пламенемъ!»—и онъ, къ ужасу Собранія, представилъ декретъ, похожій на приговоръ. «Если принимавшіе, какимъ бы то ни было образомъ, участие въ возстаніи,—говорилось въ декретѣ—по истеченіи двадцати четырехъ часовъ, считая съ опубликованія настоящаго декрета, объявленнаго имъ ихъ властями, даже письменно, если власти этого потребуютъ, не поймутъ своихъ заблужденій и не раскаются въ нихъ,—подвергнутся суду и наказанію, какъ зачинщики»¹⁾. Это значило судить о дѣлѣ, не изучивъ его.

Едва былъ изданъ декретъ 16-го августа, какъ въ Парижъ прибыли восемь солдатъ, посланныхъ депутатами отъ гарнизона Нанси въ Національное Собраніе, чтобы изложить факты и предупредить поспѣшный судъ. Эти восемь депутатовъ передъ отъѣздомъ испросили согласія начальства, получили формальный отпускъ и имъ даже выдано было изъ казны 3,000 ливровъ на путевыя издержки²⁾. А между тѣмъ по закону, подписанному королемъ, они были приняты, какъ злодѣи. Лувенъ Пешелонгъ, капитанъ парижской національной гвардіи, получилъ приказаніе арестовать ихъ и препроводилъ въ Лафорсъ. Можно судить, какъ отнеслись къ этому насилію! Всѣ патріотическія газеты забили тревогу, лавки въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ закрылись и среди народныхъ воплей слышался хорошо знакомый впослѣдствіи голосъ пивного торговца Сантэра³⁾.

¹⁾ Мониторъ, засѣданіе 16-го августа 1790 года.

²⁾ Рапортъ Силлери, стр. 22.

³⁾ Карлейль, *The French Revolution*, т. III, кн. II, гл. IV, стр. 105. Второе изданіе.

онъ понялъ, что ему необходимо уйти, и подошелъ къ рѣшеткѣ, четыре гренадера преградили ему путь.

Было три различныхъ свѣдѣнiя о томъ, что тогда произошло. По объясненiю Мальсеня онъ поднялъ саблю на часовыхъ лишь послѣ того, какъ они угрожали ему штыками и, когда его сабля сломалась, отражая ихъ удары, онъ взялъ саблю находившагося подлѣ него прево, не зная въ сущности, ранилъ ли онъ кого-нибудь или нѣтъ. Пешелонъ объявилъ, что встрѣтилъ Мальсеня, когда тотъ уходилъ спокойно и неторопливо, какъ подобаешь въ подобномъ случаѣ идти офицеру¹⁾.

Такимъ образомъ, снова загорѣлся огонь мятежа. Тѣмъ не менѣе не все еще погибло, такъ какъ два другихъ полка громко порицали поведенiе полка Шатовьё²⁾. Вдругъ появился, приказъ Мальсеня идти швейцарскому полку въ Сарлюи. Полкъ отказался выступать до тѣхъ поръ, пока не будутъ сведены счета гарнизона. У нихъ было много кредиторовъ въ средѣ кабатчиковъ. Для того, чтобы вынужденная оплата этого долга не послужила предлогомъ къ неповиновенiю, Мальсенъ велѣлъ объявить, что онъ беретъ на себя уплатить кредиторамъ швейцарцевъ и что они могутъ явиться подписать счета въ ратушу³⁾. Швейцарцамъ предложили также, если они согласятся уйти, положить въ банкъ, до рѣшенiя военнаго совѣта, ту сумму, которую, по ихъ мнѣнiю, имъ должны⁴⁾. Но было уже слишкомъ поздно: солдаты Королевскаго и кавалерiйскаго полковъ испугались, что ихъ также заставятъ покинуть Нанси, и волненiе охватило всѣхъ.

Оно росло и удвоилось, когда по требованiю департамента, сдѣланному національной гвардiи черезъ Демота, адъютанта Лафайета, и разнесенному по всей странѣ ночными курьерами—гражданская милицiя каждаго городка, каждой деревни толпами стала прибывать въ Нанси. Королевскiй полкъ нахмурился. Жители, которымъ не объяснили, что значитъ это неожиданное нашествiе, спрашивали другъ друга: «Что это такое?» собирали новости, тревожились; каждая партiя старалась привлечь къ себѣ прибывшихъ; говорили, что Мальсенъ фальшивый генералъ,

¹⁾ *Rapportъ Силлери*, стр. 25 и 26.

²⁾ *Протоколъ муниципальнаго совѣта Нанси*, въ *la Bibliothèque historique de la Révolution*. Нанси, 326, 7, 8.

³⁾ *Lettre de Pescheloche*, стр. 21.

⁴⁾ *Ibidem*, стр. 40.

тушѣ¹⁾. Къ довершенію несчастья, перехватили два письма, написанныхъ одно къ Булье, два другихъ къ прево городовъ Туля и Понтъ-а-Муссона; а такъ какъ въ письмахъ говорилось объ уходѣ полка Шатовѣ изъ королевства, то многіе вывели заключение, что Мальсэнь продалъ этотъ полкъ австрійцамъ и уѣхалъ только потому, что его замыселъ былъ открытъ²⁾. Недовѣріе разрослось до такой степени, что даже самъ Пешелощъ былъ арестованъ, какъ сообщникъ Мальсэня, гренадерами Королевскаго полка и брошенъ въ тюрьму, откуда онъ могъ слышать, какъ ударами топора выламывали дверь порохового погреба³⁾.

Въ сопровожденіи лишь одного человѣка, Мальсэнь бѣжалъ въ Люневиль, гдѣ стоялъ Стрѣлковый полкъ, котораго онъ былъ генераль-майоромъ. Какъ только узнали объ его отъѣздѣ, двѣсти человѣкъ Кавалерійскаго полка бросились за нимъ въ погоню; вечеромъ, около семи часовъ, видѣли, какъ нѣсколько человѣкъ изъ этого отряда скакали что было духу по Нанси съ лицами, искаженными бѣшенствомъ и съ крикомъ: «Стрѣлки перебили нашихъ товарищей!» Дѣйствительно, Мальсэнь, пріѣхавъ въ Люневиль, велѣлъ стрѣлкамъ садиться на коней и выѣхать на дорогу, ведущую въ Нанси, гдѣ они, встрѣтившись съ отрядомъ Кавалерійскаго полка, атаковали его, многихъ убили или ранили, а нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ.

Тогда въ Нанси поднялся взрывъ бѣшенago негодованія. Пешелощъ рассказываетъ, что къ нему въ тюремную камеру пришелъ одинъ капралъ и съ жестами и страшными угрозами сказалъ: «Это я охраняю Дену. Вотъ ключъ отъ его камеры. Онъ просилъ меня принести ему молитвенникъ, чтобъ свести земные счеты. Онъ больше не выйдетъ оттуда: отвѣчаю за это моей головою»⁴⁾. Солдаты говорили: «Вернулись изъ Люневиля, какъ подлецы; но это потому что офицеры не командовали нами, а солдатъ безъ командира все равно, что тѣло безъ души»⁵⁾.

Они были глубоко оскорблены, только и говорили, что объ истребленіи стрѣлковъ и о томъ, чтобы вернуть Мальсэня живымъ или мертвымъ. Съ этими намѣреніями, три тысячи чело-

1) *Raportъ Суллери*, стр. 33.

2) *Ibidem*, стр. 34.

3) *Lettre de Pescheloche*, стр. 49.

4) *Ibidem*.

5) *Ibidem*, стр. 56.

вѣкъ изъ Королевскаго и кавалерійскаго полковъ и изъ полка Шатовѣ въ тотъ же вечеръ, выѣхали на дорогу въ Люневиль. Но, чтò особенно странно и придаетъ этому бунту особый отпечатокъ, это то, что они потребовали, чтобъ ими предводительствовали офицеры. Капитанъ, который находился впоследствии въ числѣ редакторовъ ультра-роялистовъ *Journal de la cour et de la ville*, Журньякъ Сенъ-Меаръ былъ избранъ главнымъ начальникомъ¹⁾. Печальная и опасная честь! Его распоряженіямъ не довѣряли, а въ случаѣ неуспѣха могли обвинить въ измѣнѣ²⁾.

На высотѣ Флинваля, которой отрядъ достигъ около одиннадцати часовъ вечера, на разстояніи полутора лье отъ Люневилля, онъ остановился, выжидая разсвѣта.

Между тѣмъ въ стрѣлкахъ вдругъ совершился неожиданный переворотъ. Они послали депутатовъ къ своимъ товарищамъ въ Нанси, предложили выдать имъ Мальсэня, на условіи, что они не сдѣлаютъ ему никакого вреда до тѣхъ поръ, пока Національное Собраніе не опредѣлитъ его виновность. Это было предметомъ, о которомъ долго потомъ говорили въ Люневилѣ, называя этотъ фактъ *капитуляціей*. Тѣ, къ кому относились, какъ къ врагамъ, были признаны братьями. Тѣмъ не менѣе, трагическій случай все испортилъ. Одинъ изъ солдатъ кавалерійскаго полка, встрѣтясь съ адъютантомъ стрѣлковъ, убившимъ наканунѣ его брата, бросился на него въ ту минуту, когда онъ обнимался съ солдатомъ Королевскаго полка и.. выстрѣломъ изъ пистолета смертельно его ранилъ³⁾.

30-го, рано утромъ, Мальсэнь, послѣ попытки къ побѣгу, вызвавшей ружейный залпъ, которымъ было ранено нѣсколько человекъ, былъ привезенъ въ Нанси, въ каретѣ; противъ него сидѣлъ стрѣлокъ и всю дорогу осыпалъ его оскорбленіями. Какъ только онъ прибылъ въ Нанси, его окружила толпа, разразившаяся проклятіями. Особенное возбужденіе выказывали женщины. Не было никакой возможности довести его до ратуши, и Королевскій полкъ пріютилъ его въ своихъ казармахъ⁴⁾.

1) *Ce qui m'est arrivé avant, pendant et après le transport armé de la garnison de Nancy à Lunéville*, Журньяка Сенъ-Меаръ, въ *Bibliothèque de la Révolution*. Нанси, 326, 7, 8.

2) *Bibliothèque historique de la Révolution française*. Нанси, 326, 7, 8.

3) *Ibidem*, также и стр. 10.

4) *Rapportъ Силлери*, стр. 41 и 42.

Раньше этих послѣднихъ безпорядковъ Булье тронулся въ путь. 28-го онъ выѣхалъ изъ Меца, но тайно, потому что боялся быть задержаннымъ солдатами гарнизона ¹⁾. Не имѣя около себя никакой иностранной пѣхоты и мало разсчитывая на національную гвардію, онъ распорядился, чтобъ въ Тулѣ, куда онъ ѣхалъ, было собрано нѣсколько швейцарскихъ и нѣмецкихъ батальоновъ и нѣсколько отрядовъ кавалеріи ²⁾. Скоро онъ узналъ, вѣроятно, къ своему большому удивленію, что войска и національная гвардія Меца жаловались на недовѣріе къ нимъ, помѣшавшее ему воспользоваться ими. Можно усомниться въ томъ, что эти жалобы были единодушны въ городѣ Мецѣ, такъ какъ, по собственному разсказу Булье, онъ могъ воплотить положиться лишь на шестьсотъ гренадеръ и шестьсотъ человѣкъ национальной гвардіи ³⁾.

Но эти частныя обстоятельства не были извѣстны въ Нанси; знали единственно лишь то, что Булье приближается, а такъ какъ всеобщее волненіе всегда преувеличиваетъ факты, то пошли слухи, что онъ идетъ во главѣ тридцатитысячной арміи водворять контръ-революцію. Администрація не могла не знать, что это слухъ ложный: слѣдовательно, ей легко было разсѣять потемки. Почему оно ничего не сдѣлало? Почему всѣ власти молчали и скрывались? Почему онъ не поторопился обнародовать прокламацію, которая успокоила бы всѣ умы? Въ этомъ ихъ впослѣдствіи горько упрекали и не безъ справедливости, такъ какъ ихъ молчаніе было причиной невѣроятнаго волненія ⁴⁾.

Солдаты Нанси стали готовиться къ оборонѣ; многіе, страшно перепуганные, мирные обыватели, думая, что они дѣйствуютъ заодно съ властями, дѣлали то же самое ⁵⁾. Узнали, что Королевскій нѣмецкій полкъ входитъ въ составъ арміи Булье; развѣ этого было недостаточно для того, чтобъ повѣрить угрозѣ контръ-революціей? •

Во всякомъ случаѣ, не будучи въ состояніи сдѣлать что-либо для водворенія спокойствія въ городѣ, члены совѣта департамента послали Булье трехъ депутатовъ съ явнымъ порученіемъ приказать ему отозвать свои войска, но съ тайнымъ по-

¹⁾ *Mémoires du marquis de Bouillé*, гл. IX, стр. 147.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ Силлеръ въ своемъ рапортѣ, стр. 42.

⁵⁾ Рапортъ Силлеръ, стр. 43.

ручникомъ обрисовать ему въ яркихъ краскахъ деспотизмъ гарнизона Нанси, прося его только объ отсрочкѣ¹⁾. Булье отвѣтилъ, что малѣйшее промедленіе можетъ послужить къ великому несчастію націи; что онъ не исполнилъ увѣренъ въ своей арміи, что она можетъ распасться, если онъ промедлитъ. Отвѣтъ былъ суровъ: двое изъ депутатовъ, Саладенъ и Фуасакъ, нашли болѣе благоразумнымъ вовсе не передавать его въ Нанси. Третій, Коллина, взялся передать прокламацію, въ которой Булье объяснялъ въ суровыхъ, но очень ясныхъ выраженіяхъ, что онъ идетъ на Нанси исключительно для того, чтобы добиться исполненія декрета 16-го августа и повиновенія постановленіямъ Національнаго Собранія. Итакъ, еслибъ эта прокламація была обнародована въ Нанси, то несомнѣнно, каковы бы ни были заднія мысли Булье, она дала бы встревоженнымъ умамъ иное направленіе, гораздо менѣе роковое. Почему ее обнародовали только 1-го сентября, когда было уже слишкомъ поздно, когда городъ ужъ былъ залитъ кровью?²⁾

31-го августа, въ этотъ навсегда памятный день, солдаты Нанси потребовали, чтобъ забили тревогу для того, чтобы призвать гражданъ къ вооруженію. Они обратились къ муниципальному совѣту, который отослалъ ихъ къ совѣту департамента. «Мы поставили пушки у городскихъ воротъ, — говорили солдаты: мы не можемъ дѣлать все одновременно: нести ежедневныя служебныя дежурства, охранять посты и орудія». Сначала власти противились, но потомъ уступили³⁾, и отъ имени сконфуженнаго муниципального совѣта раздался въ городѣ тревожный звукъ барабана, призывающаго гражданъ къ вооруженію. Точно также самъ муниципальный совѣтъ предложилъ національной гвардіи поскорѣе занять мѣсто у городскихъ воротъ. «Могли ли, — восклицаетъ по этому поводу Силлери, — жители не быть обманутыми этими распоряженіями?»⁴⁾. Такъ какъ контръ-революція казалась неминуемой, то всѣ они взя-

1) Замѣчательно, что въ своихъ мемуарахъ Булье ничего не говоритъ объ этомъ фактѣ, достаточно, однако важномъ, чтобъ быть упомянутымъ. См. гл. IX этихъ *Мемуаровъ*.

2) Въ протоколѣ муниципального совѣта Нанси говорится, что въ семь часовъ утра, 31-го августа коммуна *разрѣшила* печатаніе письма Булье. Но Силлери жалуется на то, что это разрѣшеніе послѣдовало слишкомъ поздно.

3) *Extrait du registre de liberations de la ville de Nancy*, стр. 42 и 43.

4) *Рапортъ Силлери*, стр. 50.

любви, потому что какимъ же словомъ назвать ту глубокую, нѣжную и неугасимую страсть, какую онъ пылалъ къ свободѣ? Больше всего поражаетъ въ газетѣ Лустало, когда ее пробѣгаешь, это мрачный, строгій, даже нѣсколько холодный языкъ самонаблюдательнаго ума. Здѣсь нѣтъ искусственнаго энтузіазма, нѣтъ расчитанныхъ нападокъ, нѣтъ декламаціи и, главное, нѣтъ пошлаго и подлаго желанія угодить. Врагъ королей, но строгій судья народа, столь же готовый осуждать раздраженіе форума, сколь и порицать интриги двора, Лустало никогда не поддавался жаждѣ популярности; онъ избѣгалъ ея безъ тщеславія и пренебрегалъ ею безъ хвастовства. Онъ не обращаетъ вниманія на то, что предмѣстья сердятся, когда онъ обвиняетъ ихъ въ легкомысліи, когда онъ старается ихъ предостеречь противъ опасности ихъ увлеченій и когда онъ журитъ ихъ за легкомысленныя радости. Онъ имѣетъ прекрасную причину никогда не лстить народу: онъ любитъ его. Все написанное Лустало привлекаетъ и держитъ васъ своей твердостью, спокойствіемъ и полною искренностью. Но проникните глубже, вслушайтесь въ эти крики, которые время отъ времени срываются съ губъ героическаго молодого человѣка: здѣсь уже видна его душа, полная безконечной нѣжности. Какой истинный любовникъ безъ грусти и тревоги добивается осуществленія своихъ золотыхъ грезъ? Лустало не былъ счастливъ. Видя, что свобода то сковывается могущественными врагами, то угнетается недостойными преслѣдователями, онъ не переставалъ бояться за нее и эта боязнь благороднаго сердца перешла въ меланхолію. Нѣтъ ничего болѣе трогательнаго, чѣмъ то, что онъ писалъ по поводу побѣды въ Нанси: «Какъ рассказывать со сжатымъ сердцемъ?.. Они тамъ, эти трупы... подождите: печать, раскрывающая всѣ преступления и разрушающая всѣ заблужденія, отниметъ у васъ всѣ надежды... Какъ сладко быть вашей послѣдней жертвой!» Эти слова слишкомъ хорошо указываютъ на внутреннія раны, отъ которыхъ умираютъ. Узнавъ объ ужасахъ, совершенныхъ въ Нанси, Лустало, въ отчаяніи, бросилъ свое перо и слегъ, чтобы больше ужъ не встать.

Лустало было всего двадцать восемь лѣтъ. Передъ этой преждевременной могилой, въ ту минуту, когда она готова была закрыться навсегда, Лежандръ произнесъ патетически-краснорѣчивую рѣчь, а Маратъ не могъ скрыть своихъ слезъ.

Швейцарцы Нанси, которыхъ приговорили къ галерамъ, н

стоинства частнаго человѣка. Безкорыстно служа націи въ теченіе семи лѣтъ, онъ не бралъ ни жалованья министра финансовъ, которое тогда выражалось въ суммѣ двухъ сотъ тысячъ франковъ, ни жалованья министра безъ портфеля, въ суммѣ двадцати тысячъ франковъ, ни пенсіи, соединенной съ этими должностями, ни ежегодныхъ процентовъ контроля, ни наградъ отъ провинцій, ни золотыхъ и серебряныхъ жетоновъ, которые муниципальные совѣты и разныя финансовыя корпораціи имѣли обыкновеніе подносить министру въ началѣ каждаго года. Онъ сдѣлалъ больше того: несмотря на то, что онъ былъ увѣренъ въ томъ, что кредитные билеты послужатъ на погибель общественнаго имущества, онъ не колеблясь взялъ ихъ на два миліона, что составляло половину его состоянія.

Никогда сдѣлки съ совѣстью, лицемѣрное голосованіе, словомъ, все то, что охотно практикуется въ странахъ съ собраніями, не обезчестило его политики. Отказавшись подкупить Мирабо, онъ создалъ себѣ въ немъ непримиримаго врага. Съ одного конца Европы до другого его честность, въ смыслѣ кредита иностранныхъ державъ, служила ручательствомъ революціи. Къ тому же, онъ былъ трудолюбивъ, образованъ, проницателенъ, благоразуменъ и прекрасно зналъ сущность дѣлъ. Но эти добродѣтели, эти качества, вполне удовлетворявшіе вначалѣ, цѣнились все менѣе и менѣе по мѣрѣ того, какъ развивалось и осложнялось положеніе вещей. Тамъ, гдѣ обстоятельства требуютъ смѣлости, осторожность становится малодушіемъ; тамъ, гдѣ нужна твердость—сдержанность очень напоминаетъ собою слабость и опытность мало помогаетъ въ непредвидѣнныхъ случаяхъ. На солнце, на самое солнце, съ его палящими огнемъ лучами, приходилось смотрѣть Неккеру, а ему не доставало орлиного взгляда. Подъ впечатлѣніемъ крупныхъ событій того времени ему, быть можетъ, простили бы, еслибъ онъ скрылся въ тѣни, бросаемою событіями; но такъ какъ его тщеславіе доходило почти до апогея его славы, тогда какъ его гений находился много ниже, онъ не могъ примириться съ забвеніемъ, онъ мучительно старался быть на виду, и съ этихъ поръ сталъ жалокъ. Несомнѣнно, его заслуги не были оцѣнены, но съ его стороны было мелочностью такъ горько жаловаться на это, такъ какъ, если народъ достоинъ, чтобы ради его пользы жертвовали собою, онъ недостоинъ, чтобы оплакивали его неблагоприятность;

слава и утѣшеніе гордыхъ характеровъ заключаются въ пре-
небреженіи къ тѣмъ людямъ, которымъ служить.

Уходя со своего поста, Неккеръ оставилъ финансы въ плачевномъ состояніи. Согласно официальному сообщенію *Монитѣра* проценты срочнаго и безсрочнаго долга дошли въ сентябрѣ 1790 г. до ста шестидесяти семи милліоновъ семи сотъ тридцати семи тысячъ девятисотъ восемнадцати ливровъ; что же касается *до дома*, составившагося изъ рентъ, должныхъ отнынѣ духовенству, изъ упраздненнаго содержанія судебныхъ властей, финансовыхъ операцій, платежей по поручительствамъ, платежей по жалованнымъ помѣстьямъ, словомъ, изъ всѣхъ безотлагательныхъ расходовъ, которые влекла за собою, благодаря принимаемымъ одна за другою реформамъ, тягостная ликвидація стараго режима, то онъ доходилъ до милліарда восьмисотъ семидесяти восьми милліоновъ восьмисотъ шестнадцати тысячъ пятьсотъ тридцати четырехъ ливровъ. Да, почти *два милліарда*¹⁾. Вотъ отъ какой тяжести революція должна была немедленно освободиться, подъ угрозой остановить свое теченіе; эти слова, эти ужасныя слова: *неотложный долгъ*, подобно звуку погребальнаго колокола, омрачали жизнь даже наиболѣе довѣрчивыхъ людей, какъ неотступная мысль о смерти.

Еслибъ еще свобода имѣла подъ рукою тѣ огромныя ресурсы, которые, увы, Франція такъ часто имѣла въ распоряженіи деспотизма! Но, нѣтъ: во многихъ провинціяхъ сборъ податей встрѣчалъ первое препятствіе (кто этому повѣритъ?), глухое недовольство и коварство со стороны тѣхъ, кому было поручено ихъ собирать. Было дознано, что сборщики податей въ департаментахъ, составляющихъ прежнюю провинцію Нормандію, задерживали поступления вмѣсто того, чтобы ихъ торопить, что въ Валонѣ платежъ патріотической контрибуціи былъ нахально отвергнутъ, что счетныя канцеляріи въ Лотарингіи не хотѣли передать властямъ нѣкоторые необходимые документы, которые, тѣмъ не менѣе, Національное Собраніе требовало²⁾ и т. д., и т. д. Потребовалось, по предложенію Верньо, говорившаго отъ имени финансовой комиссіи, чтобы Національное Собраніе издало декретъ, который угрожалъ строгимъ наказаніемъ всякому задер-

¹⁾ См. таблицу этого долга въ *Histoire parlementaire*, т. VII, стр. 165 и 166.

²⁾ *Монитѣръ*, засѣданіе 12 сентября 1790 года.

живающему казенныя деньги за *умышленное опозданіе взноса податей* ¹⁾.

За два дня передъ тѣмъ, въ Национальномъ Собраніи всѣ были поражены ужасомъ, когда Лабордъ торжественно произнесъ слѣдующія мрачныя слова: «Финансовый комитетъ только что получилъ письмо отъ г-на Дюффрена, которымъ онъ извѣщаетъ, что казна не сможетъ уплатить сегодня вечеромъ». Рѣшили наскоро, что учетная касса уполномочена внести въ казну десять милліоновъ въ счетъ будущихъ ассигнацій, для оборота на сентябрь мѣсяць ²⁾. Это была крайняя мѣра, и революція не могла держаться ею изо дня въ день.

И притомъ гдѣ же условный обмѣнный знакъ? Деньги исчезли, золото утекло. Не нести же на монетный дворъ серебряныя блюда? Превращенныя въ экю, они тотчасъ же ушли бы циркулировать въ Лондонъ.

Правда, что декретомъ 19-го декабря 1789 года создали четыреста милліоновъ ассигнацій на такую же стоимость національныхъ имѣній, которыя должны были быть проданы, и плата за которыя должна была производиться этими ассигнаціями; правда и то, что декретомъ 1-го іюня 1790 года пустили въ обращеніе четыре милліона ассигнацій, что составляло чистыя деньги, потому что онѣ держались на солидномъ залогѣ—на землѣ, на той монетѣ, въ которой ощущался такой недостатокъ. Но, кромѣ того, что четыреста милліоновъ ассигнаціями не могли оживить истощеннаго денежнаго рынка, сдѣлали еще оплошность, раздѣливъ эту сумму на тысячу двѣсти билетовъ слѣдующаго достоинства: сто пятьдесятъ тысячъ билетовъ по тысячѣ ливровъ; четыреста тысячъ билетовъ по триста ливровъ и шестьсотъ пятьдесятъ тысячъ билетовъ по двѣсти. Такимъ образомъ, тотъ, кто имѣлъ въ виду сдѣлать расходъ на сумму меньше, чѣмъ двѣсти ливровъ, неминуемо долженъ былъ мѣнять билетъ на деньги во что бы то ни стало, а достать деньги было крайне трудно. Такъ, можно было насчитать сотни фабрикъ безъ работы, тысячи купцовъ безъ покупателей и сотни тысячъ рабочихъ безъ хлѣба ³⁾.

¹⁾ Декретъ 12 сентября 1790 года.

²⁾ *Мониторъ*, засѣданіе 10 сентября 1790 года.

³⁾ Мирабо констатировалъ этотъ фактъ въ своей рѣчи по поводу ассигнацій. *Мониторъ*, засѣданіе 27 сентября 1790 года.

Таково было положеніе вещей. Мирабо, крайне озабоченный имъ, послалъ королю письмо, историческій интересъ котораго стоитъ того, чтобы привести нѣсколько выдержекъ:

«Не слѣдуетъ слишкомъ бояться банкротства,—писалъ Мирабо.—Самый твердый и сильный деспотизмъ не устоялъ бы противъ этого удара. Но деспотизмъ навсегда миновалъ для Франціи. Революція можетъ неудаться, конституція можетъ быть уничтожена, королевство можетъ быть раздираемо въ клочья анархіей, но никогда не вернуться къ деспотизму... Надо или согласиться на самую ужасную финансовую катастрофу, или сдѣлать большое пониженіе процентовъ долга и въ то же время держаться металлической монеты, которая убываетъ съ каждымъ днемъ; нужна монета, которую нельзя было бы такъ легко сбывать. Къ нашему счастью, имущества духовенства представляютъ собою прекрасное средство для этой двойной операціи... Съ одной стороны, кредитныя бумаги пойдутъ по номинальной цѣнѣ; съ другой, общественная казна, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, будетъ пользоваться доходомъ съ этихъ имѣній, результатомъ чего будутъ два прекрасныхъ источника. Обращеніе ихъ въ короткое время послужитъ къ такому улучшенію состоянія долга, что даже при самыхъ необыкновенныхъ и разорительныхъ обстоятельствахъ скоро наступитъ его полное погашеніе»¹⁾.

Слѣдовательно, не отвѣчая за успѣхъ операціи, Мирабо настаивалъ на новомъ выпускѣ ассигнацій. Онъ побуждалъ дворъ принять эту сдѣлку и очень совѣтовалъ назначить Клавьера преемникомъ Неккера. Онъ такъ характеризовалъ его: «честный, твердый характеръ, богатая голова, лишенная мелкаго тщеславія, работоспособенъ до высшей степени, подготовленъ къ успѣху и къ неудачѣ, нетерпимый якобинцами за пониманіе ихъ и слишкомъ хорошо ихъ знающій, чтобы быть имъ преданнымъ»²⁾.

Необходимо отмѣтить, что Мирабо не принималъ участія ни въ первыхъ преніяхъ по поводу ассигнацій, ни въ постановленныхъ 17-го марта 1789 года и 1-го іюня 1790 года декретахъ. Онъ самъ признавался, что представленіе объ обращеніи бумагъ, замѣнившихъ монету, сначала *удивило*, даже *испугало* его³⁾.

¹⁾ Двадцать первая нота Мирабо двору въ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, т. II, стр. 150 и 152.

²⁾ *Ibidem*, стр. 156.

³⁾ *Мемуары Мирабо*, т. VIII, стр. 60.

Но при всей его преданности двору онъ желалъ революціи, желалъ ее въ извѣстныхъ предѣлахъ, какъ ограниченія конституціонной монархіи. Онъ обладалъ слишкомъ проникающимъ взоромъ, чтобы не видѣть въ ассигнаціяхъ простой и энергичный способъ увеличить защитниковъ революціи и соединить ихъ интересомъ къ развитію новой монархіи, превративъ въ защитниковъ конституціи многихъ изъ этихъ клеветниковъ, наконецъ, овладѣть тѣми холодными и эгоистичными душами, которыя при государственныхъ переворотахъ всегда упрекаютъ лишь въ томъ, что потревожили ихъ сонъ или пошатнули состояніе, и всегда спрашиваютъ себя, когда вокругъ нихъ все рухнетъ: «*Что я потеряю? Что я выиграю?*» Не несомнѣнно ли, что всюду, гдѣ будутъ въ обращеніи кредитные билеты, зародится тайное желаніе придать прочность ассигнаціямъ? Упразднили старую магистратуру, такъ пусть же налоги вносятся ассигнаціями; если ихъ не платили изъ патріотическаго чувства, то будутъ платить изъ личнаго интереса.

Эта *политическая* польза ассигнацій не могла не поразить Мирабо; что же касается до пользы *финансовой*, то его другъ Клавьеръ безъ труда доказалъ ему ее. Онъ сразу понялъ открывающуюся ему карьеру и освѣтилъ ее, какъ мы увидимъ, всѣмъ пыломъ своего ума.

Многочисленны и сильны были противники новаго выпуска ассигнацій. Еслибъ Мирабо порицали только аббатъ Мори, Казалесъ и д'Эмпремениль, роялисты, дворяне, священники, то на это не обратили бы большого вниманія, такъ какъ это не было неожиданностью; но, не говоря уже о томъ, что жива была память о Неккерѣ, опытность котораго придавала нѣкоторый авторитетъ возраженіямъ противъ этой мѣры,—новаторы въ финансовыхъ операціяхъ должны были считаться съ человѣкомъ, котораго революція привыкла признавать своимъ, съ человѣкомъ, который, будучи членомъ духовенства, первый предложилъ воспользоваться духовными имуществами, какъ средствомъ облегченія обязательствъ королевства. Читатель догадывается, что этотъ человѣкъ былъ Талейранъ.

Онъ возражалъ противъ условнаго выпуска кредитныхъ билетовъ; доказывалъ невозможность придать клочку бумаги солидность золота или серебра; доказывалъ разочарованіе, къ которому приведетъ предположеніе, когда вмѣсто того, чтобъ покупать національныя имущества, кредиторы королевства, по не-

довѣрію или по иной причинѣ, оставляютъ эти бумаги безъ движенія въ своихъ портфеляхъ; больше того, онѣ доказывалъ страшный ударъ, который поразитъ всѣ состоянія и всѣ операціи, если случится такое несчастье, что революція, не стѣсняемая въ выпускѣ денегъ, выпуститъ ихъ слишкомъ много, и тогда произойдетъ нѣчто ужасное; торговлѣ придется кричать: *спасайся кто можетъ*, и результатомъ этого минутнаго безумія будутъ тысячи до тла разоренныхъ человѣческихъ жертвъ.

Изъ различныхъ аргументовъ, приведенныхъ епископомъ отѣнскимъ, самымъ серьезнымъ былъ послѣдній, признанный впоследствии пророческимъ; но кому въ то время могло показаться вѣроятнымъ, что наступитъ день, когда противъ желанія защитниковъ этого выпуска и наперекоръ всякому благоразумію, дойдутъ до того, что выпускаютъ *сорокъ девять миллиардовъ ассигнацій*, то есть цѣлую гору бумагъ безъ цѣны?—*Неограниченный* выпускъ ассигнацій—это безуміе, мы согласны возражали епископу сторонники этой мѣры. Мы просимъ лишь *строго ограниченаго* выпуска, согласующагося съ существующимъ фондомъ. При чемъ же тутъ ваше возраженіе? Смутная боязнь—не аргументъ, и когда крайняя необходимость не представляетъ иного выхода, то преждевременной тревогой дѣлу нельзя помочь.

Въ это время появилась брошюра, очевидно, написанная для предмѣстій. Слогъ ея былъ простой, ясный и сжатый. Кто же былъ ея авторъ? Онѣ подписался *«Другъ народа»*. Заглавіе брошюры было чрезвычайно захватывающее: *«Вліяніе ассигнацій на цѣну хлѣба»*. Это были экономическія выкладки, изложенныя точно, какъ бы подкарауливающія народъ у дверей булочныхъ. Вотъ ея содержаніе:

«Цѣна хлѣба, вина, другихъ продуктовъ и товаровъ опредѣлена количествомъ экю, которое надо отдать за четверть ржи, бочку вина или извѣстное количество другого товара.

«Когда покупаютъ товаръ, мѣняютъ на него экю, которые представляютъ собою тоже родъ товара.

«При всякомъ обмѣнѣ товара на товаръ, если одного изъ нихъ имѣется больше, чѣмъ другого, то тѣ, которые хотятъ избавиться отъ излишка товара, дадутъ его большее количество.

«Говорятъ, что ассигнаціи будутъ имѣть цѣну денегъ и обращаться такъ же свободно, какъ деньги. Если это такъ, то вслѣдствіи того, что ни хлѣба, ни вина не будетъ больше прежняго, тѣ, которые захотятъ получить хлѣбъ и вино за ассигнаціи

или деньги, будутъ вынуждены дать больше ассигнацій или денегъ за то же количество хлѣба и вина.

«Хотятъ выпустить столько ассигнацій, сколько уже имѣется денегъ въ королевствѣ, значить, удвоить количество денегъ.

«Но еслибъ было двойное количество денегъ, то пришлось бы покупать товары вдвое дороже, какъ это дѣлается въ Англии, гдѣ много денегъ и кредитныхъ билетовъ и гдѣ пара башмаковъ стоитъ двѣнадцать ливровъ.

«Тѣ, которые предлагаютъ выпустить два милліарда ассигнацій и обставляютъ дѣло такъ, какъ будто они добрые граждане, имѣютъ въ виду поднять цѣну хлѣба въ четыре фунта до двадцати су, бутылку обыкновеннаго вина до шестнадцати су, говядину до восемнадцати су за фунтъ и пару башмаковъ до двѣнадцати ливровъ.

«Они говорятъ, что этого не будетъ, потому что на ассигнаціи купятъ помѣстья духовенства; но они этимъ обманываютъ народъ, такъ какъ помѣстья духовенства не могутъ быть проданы всѣ сразу, въ одинъ день.

«Значить, ассигнаціи довольно долго будутъ лежать безъ движенія и обращенія въ торговлѣ...

«Въ это время товары, необходимые народу, и въ особености хлѣбъ, который представляетъ собою главный и наиболѣе полезный товаръ, будутъ продаваться за двойную цѣну и будутъ обдѣлываться дѣла за счетъ гражданъ...

«Вотъ о чемъ истинный другъ народа считаетъ своимъ долгомъ предупредить его»¹⁾.

Все это, конечно, софизмы, напоминающіе то, что мы уже говорили, излагая систему Лоу. Разумѣется, не слѣдуетъ смѣшивать богатство съ экою или съ бумагами, въ которыхъ оно заключается; всѣ экою и всѣ бумаги на свѣтѣ не вырастятъ былинки на безплодной скалѣ или на песчаной равнинѣ, мы это прекрасно знаемъ... но слѣдуетъ ли изъ этого, что, удваивая количество денегъ, мы дѣлаемъ вдвое дороже покупаемые предметы? Слѣдуетъ ли изъ этого даже, что тамъ, гдѣ циркуляція совершенно остановилась, за недостаточностью обмѣнныхъ знаковъ, нѣтъ никакой выгоды въ увеличеніи количества обмѣнныхъ знаковъ, имѣя въ виду, что то, что потеряно, пополняется числомъ выпущеннаго? Софизмы и софизмы! Если никогда не

¹⁾ Этотъ памфлетъ напечатанъ цѣликомъ въ *Gazette universelle*, № 287.

было болѣе спеціальныхъ софизмовъ, то никогда не было и болѣе роковыхъ. Безъ сомнѣнія, безразлично, много или мало монеты, если она служитъ только для того, чтобы *олицетворять собою* матеріи, строевой матеріалъ, кирпичъ, словомъ капиталъ. Но монета служитъ для того, чтобы *распространять* этотъ капиталъ, подобно тому, какъ кровь разливаетъ жизнь по нашимъ венамъ. Развѣ корабль, гнүющій на лѣсномъ дворѣ, представляетъ собою богатство? Если хотите, чтобы онъ представлялъ собою часть общественнаго капитала, то его надо снарядить и спустить на море. Но для этого необходима цѣлая серія обмѣновъ, и посредствомъ чего они достигаются? Посредствомъ денегъ. Слѣдовательно, онѣ влияют на богатство, которое приводятъ въ движеніе, и которое плодотворно лишь при условіи активной дѣятельности; въ этомъ смыслѣ и говорилъ Лоу: «Прибавленіе монеты повышаетъ цѣнность страны». Въ дѣйствительности монета не есть только *знакъ, представляющій собою цѣнности*, но она также и главное *орудіе обмѣна*; и каждый разъ, когда для необходимыхъ обмѣновъ будетъ ощущаться недостатокъ *количества* орудій обмѣна, не повлечетъ ли это замѣшательства, застоя? Что произойдетъ съ страной, которая не будетъ знать употребленія банковыхъ билетовъ и обмѣнные знаки которой будутъ сведены лишь къ экию? Пусть это экию имѣетъ въ себѣ стоимость всѣхъ, которые оно замѣщаетъ, пусть оно стоить хоть миллиардъ—обмѣнъ будетъ невозможенъ; придется его раздѣлить до крайности; это наглядно доказываетъ, насколько въ теоріи монетъ слѣдуетъ считаться съ вопросомъ о *количествѣ*. Несомнѣнно, что черезчуръ большое количество монеты ведетъ къ ея обезцѣниванію, но не сразу, не въ математической пропорціи; и, когда не вслѣдствіе быстрой и рѣзкой мѣры количество денегъ преувеличиваетъ потребность въ нихъ, то результатомъ этого будетъ ежегодное прогрессивное незначительное обезцѣниваніе цѣнностей, которое не внесетъ застоя въ промышленность. Все остальное—это лишь послѣдствія недостаточнаго количества денегъ. Тамъ, гдѣ существуетъ такой порядокъ вещей, общество, если не подвергнется тираніи ростовщичества, то подвергнется смерти.

Допуская даже, что въ самой точной и математической пропорціи обезцѣниваніе монеты будетъ соответствовать ея увеличенному выпуску,—заблужденіе, на которомъ основана вышеприведенная брошюра,—то что долженъ былъ заключить изъ этого

авторъ? Что народъ ничего не выиграеть отъ выпуска ассигнацій—вотъ и все. Но по какому чудовищному духу противорѣчія осмѣливался онъ увѣрять, что народъ отъ этого проиграеть? Не все ли равно, если ванъ хлѣбъ и ваше вино стоятъ вдвое дороже, если вы имѣете вдвое больше денегъ, чтобы купить ихъ?

Какъ бы то ни было, но памфлетъ произвелъ сенсацію. Какъ, хлѣбъ дойдетъ до двадцати су? Какъ, за бутылку плохого вина придется платить шестнадцать су? Какъ, вслѣдствіе того, что надо будетъ заплатить двѣнадцать ливровъ за пару башмаковъ, бѣдные люди вынуждены будутъ ходить босикомъ? Невольный ужасъ охватилъ предмѣстья; дворянство и духовенство торжествовали. Барнавъ, забывая, что человѣкъ недостоинъ пользоваться свободой, когда отказываетъ въ ней своимъ противникамъ, Барнавъ поторопился доложить о брошюрѣ и ея невѣдомомъ еще авторѣ Національному Собранію. Ее прочли съ трибуны; но кто ее написалъ?—«Я!»—крикнулъ твердымъ голосомъ Дюпонъ де Немуръ. Правая сторона разразилась аплодисментами. Все засѣданіе прошло въ вопросахъ, обращенныхъ къ автору лѣвой стороною; но дворянству нужна была побѣда: рѣшили голосовать ¹⁾.

Въ это время, озабоченный разрѣшеніемъ задачи, волновавшей умы, и какъ бы погруженный въ размышленія, Мирабо готовился дать рѣшительный ударъ. Радость охватила одну сторону залы и огромное изумленіе другую, когда 17-го сентября онъ появился на трибунѣ, увѣренный въ своей силѣ, съ открытымъ, яснымъ лицомъ и, заранѣе радующійся своей побѣдѣ. Ни радость, ни изумленіе не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Онъ вложилъ душу въ цифры, сдѣлалъ ихъ живыми; онъ заставилъ слушателей забыть сухость предмета, изложивъ его ярко и краснорѣчиво; онъ предупредилъ всѣ возраженія, перебравъ ихъ одно за другимъ.—Неккера, и Талейрана, и Дюпонъ де Немура, онъ, такъ сказать, повергъ ихъ на землю и придавилъ своею тяжестью. Никогда еще онъ не выказывалъ столько дѣловитости, мощи и блеска.

Почему объявлена эта безумная война ассигнаціямъ, необходимымъ въ данную минуту, этому героическому средству противъ банкротства, поддержкѣ революціи, народному перевороту? Ахъ,

¹⁾ *Монитёръ*, засѣданіе 10 декабря 1790 г.

еслибъ подъ кредитными билетами понимали негодные лоскутки бумаги, не имѣющей никакой дѣйствительной цѣнности, и торопились ее уничтожить, такъ какъ бумага, не имѣющая цѣны, это своего рода язва! Но развѣ дѣло идетъ объ этомъ? Развѣ вопросъ идетъ не о томъ, чтобы подъ видомъ кредитнаго билета пустить въ ходъ участки земли, замѣнить пустопорожнія земли—землями, полными движенія и жизни? Развѣ нѣтъ помѣстій духовенства, которыя служатъ гарантіей ассигнаціямъ? Какая же еще можетъ быть болѣе прочная, болѣе серьезная гарантія? Что же такое, въ концѣ концовъ, представляютъ собою, по существу, золото и серебро?—Предметы роскоши, которыми человѣкъ не сумѣлъ бы воспользоваться для своихъ истинныхъ потребностей. Но земля есть исключительное богатство, богатство богатствъ, источникъ всей промышленности, мать самихъ металловъ. И золотая или серебряная монета, олицетворяющая собою предметы второй необходимости, стоила бы больше, чѣмъ ассигнація, когда послѣдняя олицетворяетъ собою самое высшее изъ благъ! И условный знакъ выработаннаго предмета можетъ имѣть болѣе солидности, чѣмъ условный знакъ того, изъ чего вырабатывается предметъ! Ассигнаціи, какъ говорятъ, будутъ представлять собою лишь національныя имущества? Прекрасно; но національныя имущества—это земля, а земля представляетъ собою все. Дѣлали видъ, что боятся, чтобъ не исчезъ остатокъ денегъ, такъ какъ *бумага изгоняетъ деньги*; деньги изгоняетъ дурная бумага, потому что колеблются мѣнять на нее экую; хорошая бумага, наоборотъ, ихъ привлекаетъ. Неккеръ долго жаловался на отсутствіе обмѣнныхъ знаковъ, даже послѣ перваго выпуска ассигнацій; изъ жалобъ купцовъ, промышленниковъ, ремесленниковъ, потребителей, онъ поторопился вывести заключеніе о несовершенствѣ предложеннаго средства: удобное заключеніе! Какъ будто до употребленія этого оклеветаннаго средства купцы, промышленники, ремесленники и потребители не жаловались еще больше! И какъ будто недостатокъ обмѣнныхъ знаковъ могъ произойти оттого, что ихъ стало больше! Вѣрно, скорѣе то, что первый выпускъ ассигнацій не былъ сдѣланъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ; вѣрно, скорѣе, то, что оборотъ перваго выпуска былъ недостаточно правильно раздѣленъ, такъ какъ требовалось мѣнять билетъ въ двѣсти ливровъ, когда имѣлась надобность въ меньшей суммѣ. Почему не рѣшаются быть логичными—расширить благодѣяніе, вмѣсто того, чтобъ

суживать его, распространить его до самых низких слоев общества, сдѣлать пригоднымъ для мелкихъ ежедневныхъ расходовъ? И пусть не думаютъ, что отъ этого пострадаютъ крупныя операціи. Нѣкоторые боятся, чтобъ новыя деньги не исчезли изъ обращенія, не видоизмѣнились, подобно водамъ, которыя, выходя изъ океана, возвращаются лишь постепенно превратившимися въ пары, въ дожди и рѣки. Заблужденіе! Всегда будутъ существовать и большіе и малые обмѣны. Видоизмѣненіе и раздѣленіе нужны только для мелкихъ издержекъ, для скромныхъ платежей; но въ отношеніи крупныхъ продажъ, разныхъ складовъ транспортированія кладей, обращеніе будетъ совершаться въ крупныхъ размѣрахъ и деньги широкою волною потекутъ въ крупныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ.

Сравнивъ затѣмъ ассигнаціи, обезпеченіе которыхъ опредѣлено, внушительно цѣнно, съ бумагами большинства чужихъ странъ, основанныхъ на чисто нравственныхъ ипотекахъ, на туманной устойчивости, Мирабо воскликнулъ: — «Я предпочту владѣть ипотекой на садъ, чѣмъ на королевство!» Въ отвѣтъ тѣмъ, которые утверждали, что ассигнаціи не создадутъ денегъ, онъ говорилъ: «Утверждать, что ассигнаціи бесполезны, потому что онѣ не создадутъ монеты, это все равно, что говорить въ неурожайный годъ, что не надо сѣять рисъ, потому что онъ не родитъ ржи».

Дюпонъ де Немуръ также получилъ ударъ по своему адресу. «Авторъ,—насмѣшливымъ тономъ сказалъ Мирабо,—указываетъ на Англію, гдѣ количество денегъ значительно превышаетъ наше. *Башмаки тамъ стоятъ двѣнадцать ливровъ*,—увѣряетъ онъ. Я могъ бы многое сказать про эти двѣнадцати-ливровыя башмаки, обладающіе, очевидно, исключительной способностью стоить двѣнадцать ливровъ въ Лондонѣ и затѣмъ, вслѣдствіе поплины и провоза, продаваться по семи ливровъ въ улицѣ Діафанъ, въ Парижѣ. Но я спрошу автора, почему онъ не говоритъ о цѣнѣ хлѣба въ Лондонѣ, разъ въ его брошюрѣ рѣчь идетъ о хлѣбѣ? Почему вообще онъ не расскажетъ намъ о цѣнахъ на продукты первой необходимости въ этой странѣ, о платѣ рабочимъ и объ обыкновенномъ обиходѣ? Правда, что онъ тогда вынужденъ былъ бы сознаться, что все это не дороже, что все это даже дешевле въ Англіи, чѣмъ во Франціи; онъ увидалъ бы тогда, что удвоенное количество монеты не удваиваетъ цѣны необходимыхъ предметовъ, и не напечаталъ бы свою брошюру».

Эту рѣчь, настолько длинную, что мы не могли привести ее цѣликомъ, а должны были довольствоваться лишь нѣсколькими выдержками, Мирабо окончилъ слѣдующими вѣскими словами: «Дѣло идетъ не о свободномъ и легкомъ выборѣ; эта мѣра указана необходимостью, она кажется намъ отвѣчающей лучше другихъ, всѣмъ потребностямъ, она входитъ во всѣ представленныя намъ проекты и она даетъ намъ извѣстную власть надъ событіями и вещами. Развѣ можно выяснитъ сразу, предвидѣнныя и непредвидѣнныя затрудненія? День не несетъ съ собою одиѣ тѣни, онъ несетъ также и свѣтъ: мы работаемъ для того, чтобъ исправить недостатки. Обстоятельства не застанутъ насъ врасплохъ и всѣ граждане, такъ горячо заинтересованные нашимъ мѣропріятіемъ, составятъ патриотическую федерацію, чтобы его поддержать... Надо быть великимъ, умѣть быть справедливымъ, безъ этого нельзя быть законодателемъ»¹⁾.

Затѣмъ Мирабо предложилъ сдѣлать такое постановление:

«Срочный долгъ будетъ уплаченъ кредитными билетами, выпущенными для оплаты общественныхъ имуществъ.

«Будетъ выпущено восемьсотъ милліоновъ ассигнацій вдобавокъ къ уже выпущеннымъ четыремъстамъ милліонамъ.

«Ассигнаціи будутъ сжигаемы по мѣрѣ возвращенія ихъ въ казну.

«Выпускъ новыхъ ассигнацій можетъ быть допущенъ лишь въ пропорціи стоимости оставшихся не проданными общественныхъ имуществъ, по опредѣленному декрету законодательной власти, при условіи, что никогда въ обращеніи не будетъ сразу больше тысячи двухсотъ милліоновъ ассигнацій».

Предложеніе это было принято большинствомъ пятисотъ восемнадцати голосовъ противъ четырехсотъ двадцати трехъ и подтверждено декретомъ 29-го сентября 1790 года.

Мирабо оказалъ огромную услугу революціи и былъ правъ, хвалясь этимъ²⁾. Какъ ни былъ ужасенъ кризисъ, причиненный вполслѣдствіи ассигнаціями, въ немъ не могли упрекнуть тѣхъ, кто создалъ эту операцію, такъ какъ въ ней было столько же смѣлости, сколько и благоразумія. Солидная ипотечная стоимость ассигнацій, возобновленіе ипотеки каждымъ декретомъ, съ надписью на каждомъ билетѣ, четверть стоимости фонда, уста-

¹⁾ *Мониторъ*, засѣданіе 17 сентября 1790 г.

²⁾ Письма Мовиллону въ *Мемуарахъ Мирабо*, т. VIII, стр. 78.

новленная для того чтобъ ограничить выпускъ, и вѣрное обязательство сжигать ассигнаціи послѣ того, какъ ими оплачено общественное имущество — все это вмѣстѣ взятое было прекрасно обдуманной предосторожностью. Мы расскажем, въ силу какого неумолимаго рока революція была вынуждена расширить эту спасительную операцію и какимъ образомъ даже тогда ассигнаціи искупили причиненный ими вредъ.

ГЛАВА IV.

А н а р х і я.

Волненія во всемъ королевствѣ.—Новый морской уголовный кодексъ.—Бунтъ матросовъ въ Брестѣ.—Послѣднее сопротивленіе парламентовъ.—Вызванные призраки 5-го и 6-го октября.—Мирабо въ сторонѣ.—Ожесточеніе роялистовъ противъ герцога Орлеанскаго.—Теорія мятежей, доложенная Дюпюна де Немуромъ.—Мятежъ, тайно рекомендованный Мирабо двору, какъ средство правленія.—Обыскъ въ домъ Марата; безрезультатный ночной обыскъ у Менъ.—Полное возмущеніе въ театрѣ «Комедія»; съ одной стороны патриоты, Тальма и Дюгазонъ; съ другой—m-ле Конта, m-ле Рокуръ, Флери.—Дѣло браконьеровъ и охотничьей стражи.—Возпорядки въ самомъ Національномъ Собраніи; Мори хочетъ взять приступомъ трибуны; президенту угрожаетъ Казалесъ; Мирабо «убійца и каторжникъ»; *ослабѣвшія заспадія* виконта де Мирабо.—Дуэль Шарля Ламета съ Кастріе.—Странное поведеніе Мирабо въ этомъ случаѣ.—Его соперничество съ Бергассомъ.—Парламентское нападеніе на министровъ; краснорѣчивый выходъ Казалеса.—Министры, обвиняемые Дантономъ.—Переѣздна кабинета.—Дю Порталь.—Дюпоръ дю Тертрѣ.—Невозможность никакой правильной власти; болѣзненное состояніе общества.

Не забудьте, что эти блестящія рѣчи, эти могучіе подъемы мысли раздавались посреди всеобщаго колебанія, подъ звуки криковъ, долетавшихъ изъ возмущившихся городовъ, при свѣтѣ факеловъ, еще горѣвшихъ тутъ и тамъ въ рукѣ крестьянина, словомъ, тогда, когда Франція въ послѣднемъ порывѣ бросилась на тотъ невѣдомый путь, по которому она шла до самаго конца съ грозою надъ головою и съ Везувіемъ подъ ногами.

Прослѣдите ту дорогу, по которой шелъ мятежъ по всему королевству въ августѣ и сентябрѣ. Что за зрѣлище! Тулонъ, Авиньонъ, Марсель, Ніоръ живутъ лихорадочной жизнью. Въ провинціи Лангедокъ революція, по увѣренію однихъ, контръ-революція, по увѣренію другихъ, волнуется умы призракомъ приближающагося голода. Куда бѣгутъ эти люди съ ужасными улыбками на лицахъ и съ криками черезъ городъ Сентъ-Этьенъ. Они бѣгутъ въ тюрьму душить несчастнаго, заподозрѣннаго въ

барышничествѣ, и вотъ, созывается новый муниципальный совѣтъ съ требованіемъ понизить цѣну на рожь подѣ тайнымъ давленіемъ убійцъ¹⁾. Въ Анжерѣ, подѣ предлогомъ, что хлѣбъ слишкомъ дорогъ, а въ дѣйствительности, по словамъ Фрерона, потому что ихъ обманываетъ роялизмъ, доходятъ до безмысленнаго бѣшенства, рабочіе-каменоломщики затѣваютъ бунтъ, вступаютъ въ бой съ полкомъ Пикарди; ихъ побуждаютъ и они оставляютъ на висѣлицѣ тѣла двухъ своихъ предводителей²⁾. О волненіяхъ, въ то же время испугавшихъ и залившихъ кровью Орлеанъ, Маратъ писалъ:

«Господинъ Римберъ, крупный торговецъ уксусомъ, гражданинъ примѣрной честности, возмущенный тѣмъ, что муниципальныя власти Орлеана барышничали зерномъ, сталъ во главѣ жителей предмѣстья, чтобы заставить муниципальный совѣтъ продать имъ зерно. Муниципальный совѣтъ скрылся, вызвалъ войска, арестовалъ ночью бѣднаго Римбера, присудилъ его къ смерти въ теченіе двухъ часовъ и велѣлъ немедленно казнить. Кто бы могъ подумать, что городской палачъ оказался деликатнѣе муниципального совѣта? Возмущенный быстротою приговора, онъ отказался привести его въ исполненіе ночью. Пять буржуа, заинтересованныхъ въ монополіи зерна, оспаривали честь повѣсить этого несчастнаго. Слава выпала на долю одного подлага хирурга»³⁾).

Къ этимъ мрачнымъ свѣдѣніямъ газетъ трибуна прибавляла свои. 20-го августа Дюбуа Крансэ, держа въ рукѣ докладъ національной гвардіи городка Эдена, только что полученный имъ, объяснилъ представителямъ народа, что Эденъ представляетъ собою какъ бы военный лагерь, занятый непріателемъ. Полкъ Рояль-Шампань съ большими оскорбленіями удаленъ; по требованію муниципального совѣта вызваны иностранныя войска, которыя охраняютъ предмѣстья съ угрозами и провокаторствомъ; по рѣшенію муниципального и военнаго совѣтовъ, городскія ворота были все время открыты. И все это только изъ-за того, что послѣ одного обѣда, гдѣ офицеры - аристократы полка Рояль-Шампань оскорбили націю словами и пѣсней: «*Въ лѣвой сторонѣ нѣтъ ничего хорошаго, кромѣ сердца*»,—въ отвѣтъ на это чело-

¹⁾ *Moniteur*, вечернее засѣданіе 7 сентября 1790 г.

²⁾ *L'Orateur du peuple*, т. I, № 34.

³⁾ *Другъ народа*, № 225.

вѣкъ тридцать патріотовъ, вечеромъ, обошли вокругъ площади съ зажженной свѣчей въ рукѣ¹⁾).

Въ то самое время, волненіе иного рода царило среди матросовъ Брестской эскадры, готовой выйти въ море.

Въ заботахъ обо всемъ, что могло послужить къ чести человечества, Національное Собраніе пересмотрѣло старый морской уголовный кодексъ, стараясь примѣнить его къ принципамъ новой конституціи.

Оно постановило, что тѣлесныя наказанія моряковъ могутъ опредѣляться лишь судебнымъ совѣтомъ по докладу военнаго суда.

Для того чтобы не подвергать матросовъ пристрастному наказанію, оно хотѣло, чтобы въ составъ суда, которое будетъ рѣшать ихъ судьбу, входили три простыхъ матроса на ряду съ однимъ офицеромъ генеральнаго штаба и тремя морскими офицерами.

Оно постановило, что слѣдствіе, произведенное въ присутствіи суда, будетъ зарегистрировано въ корабельные списки.

Правда, что Національное Собраніе сохранило нѣкоторыя изъ жестокихъ законовъ, безъ которыхъ не существовало бы на свѣтѣ науки смертоубійства; правда, что оно сохранило въ числѣ тѣлесныхъ наказаній плети, килеваніе, прохожденіе сквозь строй, галеры, смерть... но, по крайней мѣрѣ, оно старалось смягчить жестокость этихъ наказаній, какъ видно изъ слѣдующихъ параграфовъ: «Матросъ, приговоренный къ прогнанію сквозь строй, будетъ проходить лишь четыре раза и подвергнется ударамъ не болѣе тридцати человекъ. — Подвергнутаго килеванію будутъ погружать въ воду только три раза».

Въ общемъ, проступки и соотвѣтствующія имъ наказанія были старательно выяснены раньше: за неповиновеніе по службѣ двѣнадцать плетей; за неповиновеніе и угрозы—килеваніе; за угрожающій жестъ офицеру—каторга—за ударъ офицеру—смерть.

Прибавимъ къ этому, что строгость законовъ въ извѣстныхъ предвидѣнныхъ случаяхъ касалась не однихъ матросовъ. «Каждый офицеръ, — говорилось въ новомъ уголовномъ кодексѣ, — покинувшій свой постъ во время сраженія, будетъ объявленъ измѣнникомъ». Другой параграфъ гласилъ: «Командиръ

¹⁾ *Монитёръ*, засѣданіе 20 августа 1790 года. См. также объ этихъ волненіяхъ *Народный ораторъ*, т. I, № 20.

корабля, спустивший свой флагъ въ то время, когда еще могъ бы защищаться, будетъ присужденъ къ смертной казни. Онъ долженъ покинуть судно послѣднимъ».

Что же касается до чисто дисциплинарныхъ наказаній, то они по новому кодексу должны были заключаться для провинившагося матроса лишь въ лишеніи вина не болѣе, какъ на три дня, стояніи на часахъ у румпеля не болѣе двухъ часовъ въ теченіе дней наказанія, въ ношеніи желѣзныхъ кандаловъ съ маленькимъ кольцомъ у ноги, въ ношеніи кандаловъ съ кольцомъ и висящей цѣпью¹⁾.

Едва лишь новый уголовный кодексъ былъ одобренъ Национальнымъ Собраніемъ, какъ Альберъ де Ріонъ, командиръ Брестской эскадры, издалъ циркуляръ, въ которомъ говорилось: «Старые уголовные законы были въ общемъ неясны и неопредѣленны, что давало начальству возможность произвола, отъ котораго мы теперь, къ счастью, избавились. Нерѣдко законы были настолько строги, что страшно было примѣнять ихъ. Новый законъ свободенъ отъ этого двойного недостатка. Опредѣляемые имъ наказанія такъ хорошо приурочены къ проступкамъ и преступленіямъ, что начальникъ не можетъ уже истолковывать ихъ произвольно, не подвергаясь обвиненію... Учрежденіе жюри дастъ возможность не опредѣлять послѣднихъ наказаній, возбуждавшихъ иногда раскаянье въ тѣхъ, которые ихъ постановили», и т. д., и т. д.²⁾.

Все это было неопровержимо, а между тѣмъ чтеніе новаго уголовного кодекса вызвало въ душѣ матроса неожиданный гнѣвъ. Революція поселила въ самыхъ неразвитыхъ гражданахъ такое живое сознание чувства человѣческаго достоинства, что моряки Бреста возмутились при одной мысли носить за какой-либо проступокъ кольцо съ висящей цѣпью. Пусть ихъ заставляють переносить весь ужасъ килеванія, пусть льется ихъ кровь подъ ударами плети, пусть ихъ разстрѣливаютъ... Это сколько угодно!.. Но влечить за собою цѣпь, подобно каторжнику, но чувствовать себя скованнымъ какимъ-то подлымъ кольцомъ... Ахъ, это ужъ слишкомъ! Охваченные бѣшенствомъ, они подняли бунтъ, вскочили въ плюшки и поѣхали просить защиты у муниципальнаго на-

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія можно найти въ *Anecdotes du règne de Louis XVI*, т. IV, § 11, стр. 261—270, 1791 годъ.

²⁾ *Ibidem*, стр. 273 и 274.

чальства Бреста. Со своей стороны, Альберъ де Ріонъ, написалъ муниципальному совѣту: «Недостойны названія настоящаго моряка тѣ, которые, вопреки военнымъ законамъ, вопреки офицерамъ и генераламъ, позволили себѣ взять шлюпки почти всѣхъ кораблей эскадры и отправились просить у васъ защиты противъ строгостей законовъ, постановленныхъ Національнымъ Собраніемъ... Они моряки только по названію». Гражданскія власти Бреста были сильно напуганы. До чего дойдетъ мятежъ? И если его не усмирять, то чѣмъ его успокоить?

Созвали экстренное засѣданіе. Оно объявило, что, опредѣляя наказаніе кольцомъ съ маленькой цѣпью, исключительно имѣло въ виду облегчить болѣзненное и нездоровое вліяніе желѣза на тѣло, а отмѣняя наказаніе долгимъ лишеніемъ вина, хотѣло сдѣлать наказаніе болѣе легкимъ, подведеннымъ подъ категорію дисциплинарныхъ наказаній; что это ни въ какомъ случаѣ не можетъ почитаться позорнымъ и имѣть что-либо общее между вполне достойными французскими матросами и отвратительными преступниками ¹⁾).

Это торжественное заявленіе внесло нѣкоторое успокоеніе въ положеніе вещей, но въ глубинѣ души возмущившихся еще таилось глухое недовольство... Альберта де Ріона считали аристократомъ; Маратъ, Камилль Демуланъ и Фреронъ, съ нѣкотораго времени, не переставали на него нападать, преслѣдовать его, и его имя часто фигурировало въ этой тайной перепискѣ, которою Парижъ возбудилъ къ себѣ ненависть провинцій. «Рокочовая корреспонденція, — говоритъ Неккеръ, — слѣдствія которой, подобно волшебной палочкѣ Медеи, успокаивали и возбуждали фуріи» ²⁾). Итакъ, Альбертъ де Ріонъ былъ подъ подозрѣніемъ.

Среди этихъ событій прибылъ «Леопардъ», корабль, привезшій изъ Санъ-Доминго во Францію много плантаторовъ, вынужденныхъ бѣжать изъ этой колоніи. Оно было въ то время добычею распрей, картину которыхъ мы изобразимъ позднѣе и въ которой плантаторы корабля «Леопардъ», далеко не играли роль мучениковъ за свободу. Но они пріѣхали издалека, ихъ никто не могъ изобличить: густая завѣса закрывала еще отъ всѣхъ взоровъ событія въ Санъ-Доминго, и вновь прибывшимъ легко было замѣнить правду ложью. Они не преминули также при-

¹⁾ *Buchez et Roux, Histoire parlementaire, т. VII, стр. 218.*

²⁾ *Sur l'administration de M. Necker, par lui-même, стр. 426.*

дать себѣ видъ преслѣдуемыхъ патриотовъ. По ихъ словамъ, ихъ горячая любовь къ революціи вызвала ненависть къ нимъ губернатора Пепье; колониальное собраніе, членами котораго они состояли, было оскорблено врагами свободы; имъ, ея защитникамъ, пришлось поднять паруса и уѣхать на родину и, о, ужасъ! губернаторъ въ минуту ихъ отъѣзда собирался стрѣлять въ увозившій ихъ корабль ¹⁾. По этому поводу было много состраданія, симпатій, восхищенія. «Леопардъ» получилъ напыщенное названіе *спасителя націи*. Моряки, съ властями во главѣ, отправились къ восьмидесяти тремъ мнимымъ изгнанникамъ, самымъ гостепріимнымъ образомъ предложили имъ столъ и домъ и первыя мѣста въ театрѣ ²⁾. Въ сущности, это было еще очень мирное возбужденіе обманутаго энтузіазма; но вскорѣ явилось возбужденіе негодованія.

Случайно узналось содержаніе письма Лаусаля, командира «l'Engageante» въ Сантъ-Доминго, въ которомъ онъ писалъ Мариньи, морскому генералъ-майору Бреста, что съ шестью линейными кораблями онъ добьется повиновенія въ колоніи. Этого было достаточно: матросы, какъ опалѣлые, спустились на берегъ и стали расхаживать по городу съ крикомъ и гамомъ. Они несли и показывали декретъ Національнаго Собранія съ подписью внизу: *Нитъ больше цѣпей!* Они окружили домъ Мариньи и у его дверей поставили висѣлицу ³⁾.

Альберъ де Ріонъ тотчасъ же написалъ морскому министру Ла-Люзерну, прося немедленно прислать въ Брестъ комиссію, составленную изъ членовъ Національнаго Собранія ⁴⁾. Встревоженное и еще болѣе разсерженное, чѣмъ встревоженное, Національное Собраніе, декретомъ, поддержаннымъ Барнавомъ, просило короля наказать зачинщиковъ мятежа, разоружить «Леопардъ» и послать въ Брестъ двухъ гражданскихъ комиссаровъ ⁵⁾. Пожаръ угасъ, но двѣ недѣли спустя, слишкомъ увѣренный въ томъ, что его поколебленная власть уже не укрѣпится, Альберъ де Ріонъ сложилъ съ себя званіе командира ⁶⁾.

¹⁾ Buchez et Roux, *Исторія парламента*, т. VII, стр. 219.

²⁾ *Gazette universelle*, № 296.

³⁾ *Ibidem*, № 297.

⁴⁾ Письмо Альберта де Ріона, прочитанное Кюртомъ на засѣданіи 20 сентября 1790 г.

⁵⁾ Декретъ 20 сентября 1790.

⁶⁾ Bertrand de Moleville, *Annales de la Révolution française*, т. III, гл. XXX.

Еще эпизодъ анархіи: парламенты, о которыхъ никто больше не думалъ, парламенты, считавшіеся мертвыми и въ дѣйствительности бывшіе таковыми, вдругъ встали, какъ трупы, нагальванизированные чьей-то невидимой силой. Уже около года они были упразднены, и съ тѣхъ поръ во многихъ провинціяхъ были учреждены временные суды изъ судей, выбранныхъ изъ среды адвокатовъ¹⁾; съ тѣхъ поръ Національное Собраніе иллюстрировало свое прохожденіе по исторической сценѣ организаціей новаго правосудія²⁾; съ тѣхъ поръ было приступлено къ ликвидаціи служебныхъ должностей, содержаніе которыхъ, вмѣстѣ съ актуаріусами, нотаріусами, прокурорами и канцелярскими чиновниками, доходило до цифры въ четыреста пятьдесятъ милліоновъ³⁾. Слѣдовательно, когда 6-го сентября 1790 года Національное Собраніе издало декретъ объ окончательномъ, безповоротномъ упраздненіи парламентовъ, нотаріальныхъ конторъ, ихъ помощниковъ, дворцовыхъ челобитчиковъ, президіумовъ, прево-тальныхъ вѣдомствъ, оно лишь осуществило уже состоявшееся упраздненіе; оно вовсе не убивало старую магистратуру, оно только поставило камень на его могилѣ.

Удивленіе получилось необычайное и даже не лишнее насмѣшекъ, когда увидали, что нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій упорствуютъ: это вышло похоже на мятежъ призраковъ. Однажды, когда Эмпремилъ краснорѣчиво защищалъ одно изъ совершенно бесполезныхъ уже учрежденій, Лави сказалъ недовольному Національному Собранію: «Оставьте его, дайте ему поговорить; два часа, которые мы теряемъ, слушая его, это послѣднее зло, причиняемое намъ парламентами»⁴⁾. Эти слова, полныя насмѣшливаго состраданія, прекрасно выразили чувства общества.

Но виданое ли дѣло, чтобъ учрежденіе добровольно умирало? Палата Дуэ объявила, что регистрируетъ декретъ объ упраздненіи *лишь уступая силѣ*. Въ Греноблѣ королевскій генеральный прокуроръ нѣсколько разъ являлся во дворецъ, но не былъ принятъ⁵⁾. Въ Тулузѣ болѣе смѣлые судьи протестовали—

¹⁾ 3-е ноября 1789 года.—См. въ третьемъ томѣ этого сочиненія главу подъ заглавіемъ *Guerre de la bourgeoisie aux parlements*.

²⁾ См. въ четвертомъ томѣ этого сочиненія главу подъ заглавіемъ *Organisation de la justice*.

³⁾ *Règne de Louis XVI*, т. 2, § 6.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *Ibidem*.

и въ какихъ выраженіяхъ! Они говорили въ своемъ постановленіи, что члены Національнаго Собранія въ вопросѣ о конституціи превзошли ихъ полномочія; они припутали къ своей ссорѣ духовенство, лишенное имуществъ, дворянство, лишенное своихъ правъ; они указывали на то, что поколеблена религія; они доказывали народу, что повый судебный уставъ повлечетъ за собою увеличеніе податей...

Это былъ формальный призывъ къ гражданской войнѣ, и одно время казалось, что она вотъ-вотъ разразится. Самъ король осудилъ постановленіе представителей народа. — «Безумный поступокъ!» — пренебрежительно сказалъ объ этомъ Робеспьеръ. — «Національное Собрание можетъ объявить членамъ прежняго парламента Тулузы, что позволяетъ имъ оставаться дурными гражданами»¹⁾. А нѣсколько дней спустя, въ заключеніе суровой громовой рѣчи, Брольи, назначенный докладчикомъ по этому дѣлу, просилъ, чтобы непокорные судьи были подвергнуты суду, который будетъ судить ихъ за оскорбленіе націи. Одинъ только членъ правой стороны осмѣлился противорѣчить. Это былъ Мадье²⁾.

Но виновные имѣли множество сторонниковъ, скрытыхъ въ тѣни трона. Сенъ-При, уполномоченный, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, къ исполненію приговора, послалъ его лишь въ видѣ простого письма муниципальному совѣту Тулузы, прекрасно зная, что помимо того, что онъ обезоруженъ, онъ и не можетъ исполнять карательныхъ мѣръ. Поставленные этимъ въ крайне затруднительное положеніе, члены тулузской коммуны рѣшили потребовать къ себѣ десять судей, входившихъ въ прежній составъ парламентской палаты, и заставили ихъ подписать такую декларацию: *«Я нижеподписавшійся обязуюсь честнымъ словомъ явиться, какъ только меня потребуютъ; если я буду находиться въ отсутствіи, поѣду къ себѣ въ помѣстье или въ иное мѣсто, то лишь съ разрѣшенія муниципальнаго совѣта»*³⁾. Однако, едва прошло нѣсколько дней, какъ подписавшіеся исчезли, и возмущенный муниципальный совѣтъ Тулузы опубликовалъ слѣдующую резолюцію:

«Мы просимъ нашихъ сосѣдей и всѣхъ французовъ, сознаю-

¹⁾ Засѣданіе 27 сентября 1790 года.

²⁾ Bertrand de Moleville, *Annales de la Révolution*, т. III, гл. XXXI.

³⁾ *Règne de Louis XVI*, т. II, § 6.

щихъ, что коварство должно быть наказано, помочь намъ арестовать господъ Гарди, Дюреня, Кюссака, Монтею, Фирми, Лаонъ Рома, Сегла, Дескалона, Рея, Камбрана и господина Рессеге, главнаго прокурора. Мы убѣждены, что всѣ благородные люди вмѣнять себѣ въ законъ исключить изъ общества и предать безчестію этихъ безсовѣстныхъ людей, которые неявились отбыть наказаніе за свое преступленіе, какъ обязались въ этомъ передъ нами...»¹⁾

Всѣ эти сопротивленія, всѣ эти волненія, всѣ эти безпорядки очень дурно принимались въ Парижѣ, который, сопоставляя ихъ, придавалъ имъ угрожающее направленіе: внезапно доносятъ, что скоро будутъ обнародованы мрачныя тайны; что затянувшійся процессъ Шатлэ, относящійся къ покушенію октябрскихъ дней, будетъ преданъ суду высшаго общественнаго мнѣнія. Роялисты увѣряютъ, что Мирабо скомпрометировалъ себя навсегда; они клянутся, что герцогъ Орлеанскій погибъ; ихъ злоба ужъ приближается къ трибунамъ, и на лицѣ аббата Мори сіяетъ мрачная улыбка. Наконецъ пришелъ этотъ такъ нетерпѣливо ожидаемый докладъ. Но каково же было бѣшенство роялистовъ, когда, вмѣсто того, чтобъ обрушиться на мнимыхъ злоумышленниковъ вторженія въ Версаль, Шабру изобразилъ это вторженіе какъ необходимый ударъ, нанесенный народомъ врагамъ революціи; когда онъ напомнилъ, чтобъ ихъ оскорбить, заговоры двора, слишкомъ памятную пирушку королевской гвардіи, святотатственный проектъ препроводить короля въ Мець и зажечь тамъ среди тѣлохранителей торжествующаго Булье тотъ огонь, которымъ должно было запылать королевство! Ахъ, несомнѣнно, въ октябрѣ былъ заговоръ; этотъ заговоръ составили придворные, а народъ раскрылъ. Шабру окончилъ такъ: «Октябрскія событія мы передадимъ исторіи для назиданія будущимъ поколѣніямъ; исторія сохранить вѣрную картину, которая будетъ полезнымъ урокомъ королямъ, придворнымъ и народамъ»²⁾.

Шабру сказалъ: *Наши коллеги совершенно невиновны*: Мори, почувствовавъ, что добыча ускользаетъ изъ его рукъ, въ бѣшенствѣ вскочилъ. Онъ очень желалъ бы дать понять, что въ

¹⁾ *Règne de Louis XVI*, т. II, § 6. Ультра-роялистъ Бертрамъ де Молевиль не включилъ этого курьзнаго эпизода въ исторію парламентскихъ сопротивленій, о которыхъ онъ говоритъ съ восхищеніемъ. См. *Annales de la Révolution*, т. III, гл. XXXI.

²⁾ Рапортъ Шабру, представленный 2-го сентября 1790 года, занялъ два вѣсѣданія. См. *le Moniteur* того числа.

его душѣ презрѣніе беретъ верхъ надъ ненавистью, и онъ выразилъ это въ словахъ; но этой ненавистью пылало его лицо, она сверкала въ его взорѣ, она возвышала его голосъ, сквозила въ порывистыхъ движеніяхъ. Онъ съ мрачнымъ удовольствіемъ пересчиталъ мертвыхъ, кровь которыхъ обогрѣла мраморъ дворца королей,—онъ вспомнилъ дочь Маріи - Терезіи, убѣгающую въ одной сорочкѣ въ шесть часовъ утра, чтобы ждать, рядомъ съ мужемъ, когда убійцы придутъ умертвить ихъ. Заговоръ, объ успѣхѣ котораго Парижъ узналъ по головамъ, несомымъ на окровавленныхъ пикахъ, этотъ заговоръ, «задуманный въ самомъ аду»¹⁾, какому демону можно приписать? Затѣмъ, ловкимъ и непредвидѣннымъ малевромъ, Мори, оставляя въ сторонѣ Мирабо, напалъ на герцога Орлеанскаго, перечисливъ то, что онъ называлъ его преступленіями. Къ тому же, ничто не препятствовало выставить въ послѣдствіи вопросъ о соучастіи; по замѣчанію Ферьера: «Дворъ,—та часть двора, для которой продажныя совѣсти трибуны оставались тайной,—былъ вполне увѣренъ, что если слѣдствіе продолжится, то Мирабо будетъ фигурировать въ процесѣ по заявленію новыхъ свидѣтелей или по словамъ тѣхъ, которые уже дали показанія»²⁾.

Изъ чувства ли собственного достоинства или потому, что ему было неловко, но герцогъ не присутствовалъ на засѣданіи³⁾, а Мирабо присутствовалъ. Онъ спокойно всталъ и, хотя былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы играть въ этомъ дѣлѣ иную роль, кромѣ роли обвинителя, онъ долго говорилъ о различныхъ обстоятельствахъ, которыя слѣдствіе по дѣлу въ Шатлэ сгруппировало около него. Затѣмъ, какъ бы устыдившись того, что онъ самъ себя защищаетъ, указывая рукою въ правую сторону, онъ сказалъ: «Тайна этого адскаго процесса, она тамъ цѣликомъ; она въ интересѣ тѣхъ, свидѣтельства и клеветы которыхъ сплели такую паутину; она въ тѣхъ средствахъ, которыя дала врагамъ революція; она... она въ сердцахъ судей такая, какою скоро попадетъ на страницы исторіи посредствомъ самой справедливой, самой неумолимой мести»⁴⁾.

Съ этими словами Мирабо сошелъ съ трибуны, подъ громъ

¹⁾ Рѣчь Мори, произнесенная 20-го октября 1790 года.

²⁾ *Mémoires de Ferrières*, т. II, кн. VIII, стр. 165. Collection. Berville et Barrière.

³⁾ *Règne de Louis XVI*, т. II, § 1.

⁴⁾ *Mémoires de Ferrières*, т. III, кн. VIII, стр. 181.

аплодисментовъ, не прекращавшихся даже долго послѣ того, какъ онъ сѣлъ¹⁾. Изумленныя дворянство и духовенство хранили гробовое молчаніе. «Процессъ былъ рассмотрѣнъ, едва только начался!»—воскликнулъ Барнавъ. Онъ просилъ, чтобъ этотъ процессъ былъ преданъ презрительному забвенію общества, отдалъ должную дань патріотизму герцога Орлеанскаго, и этимъ все было сказано.

На слѣдующій день, когда герцогъ появился въ Національномъ Собраніи, его приняли съ энтузіазмомъ. Клеветы, сыпавшіяся на него, были вмѣнены ему въ добродѣтель. Дѣйствительно, кто больше него подвергался сплетнямъ разныхъ партій? Развѣ не рассказывали, напримѣръ, что въ горячемъ желаніи быть выбраннымъ мэромъ Парижа, онъ занялъ восемнадцать милліоновъ въ Голландіи, чтобы купить избирательные голоса? А между тѣмъ, когда въ августѣ его кандидатура встрѣтила оппозицію въ кандидатурѣ Балли, у него оказалось всего лишь двѣнадцать голосовъ²⁾. Точно также, когда раньше онъ добивался мѣста командира батальона Сенъ-Рохъ, то большинство голосовъ досталось простому мяснику³⁾. «Никогда еще не были такъ дороги голоса,—писалъ по этому поводу Камилль Демулэнъ.—Филиппъ Орлеанскій могъ купить только двѣнадцать голосовъ за свои восемнадцать милліоновъ, а Балли получилъ двѣнадцать тысячъ. Нѣкоторые люди все объяснили словомъ *счастливый* Балли; прекрасная вещь эта *счастливая звезда*»⁴⁾.

Докладъ Шабру и послѣдовавшее за нимъ голосованіе огорчили, но не обезкуражили враговъ герцога Орлеанскаго: онъ отвѣтственъ за анархію, которая могла ему помочь получить корону. Онъ виновникъ волненія толпы, такъ какъ роялисты дѣлали видъ, что ничѣмъ инымъ не могутъ объяснить общаго колебанія умовъ, какъ общей продажностью; они сильно аплодировали Дюпонъ де Немуру, когда въ засѣданіи 7-го сентября онъ нарисовалъ картину заранѣе организованныхъ мятежей,—готовыхъ по одному слову вспыхнуть въ томъ или иномъ мѣстѣ и только и ожидавшихъ фразъ въ родѣ слѣдующихъ «въ такой-то день ожидается большое волненіе... ассигнаціи... грабежъ съ

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, т. III, кн. VIII, стр. 181.

²⁾ *Règne de Louis XVI*, т. II, § 4.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 38.

рукопашной схваткой въ пользу нижнихъ чиновъ, *людей вѣрныхъ*»¹⁾.

Замѣчательная вещь. Въ то время, когда Дюпонъ де Немуръ съ высоты трибуны обвинялъ членовъ клубовъ и журналистовъ-патріотовъ въ раздуваніи беспорядковъ, въ организаціи мятежей, Мирабо очень таинственно и очень коварно, сидя въ своемъ кабинетѣ, совѣтовалъ двору воспользоваться общимъ волненіемъ.

«Еслибъ народныя волненія сильно потрясли столицу, то это имѣло бы двѣ выгоды. Показавъ несовершенство новой власти, онѣ заставили бы желать иной формы правленія, и особенно болѣе широкой королевской власти... Съ другой стороны, онѣ разрушили бы вліяніе Парижа на провинціи... Но, говоря лишь объ обстоятельстве, которое легко предвидѣть, очень было возможно, что стыдъ терпѣть мятежъ, имѣя тридцатитысячную армію, побудитъ г. Лафайета стрѣлять въ народъ. Конечно, онъ этимъ самымъ смертельно ранилъ бы самого себя. Народъ, требовавшій головы де Булье за то, что онъ стрѣлялъ въ бунтовавшихъ солдатъ, проститъ ли командиру національной гвардіи убійство гражданъ гражданами? Каково должно быть поведеніе двора по этой теоріи народныхъ волненій? Онъ долженъ почти не замѣчать ихъ... однако дѣлать видъ, что ихъ боится, чтобъ имѣть возможность жаловаться на нихъ и, чтобы побудить г. Лафайета ихъ возбудить или усмирить, если это ему нравится, или если онъ думаетъ этимъ средствомъ сдѣлать себя необходимымъ»²⁾.

Итакъ, всюду, всюду дулъ вѣтеръ анархіи: роялисты его возбуждали, Дюпонъ де Немуръ раздувалъ, Мирабо совѣтовалъ, а Маратъ... Маратъ, главный руководитель мятежа, не могъ не двигать его впередъ. Какой твердою и неумолимою рукою скальпировалъ онъ личности! Какимъ холоднымъ, но пронизательнымъ взоромъ смотрѣлъ онъ на вещи! На стенанія ушедшаго отъ дѣлъ Неккера онъ писалъ: «Вы обвиняете судьбу въ вашей странно сложившейся жизни; а что бы было, еслибъ вы, какъ другъ народа, сдѣлались игрушкой людей и жертвой вашего патріотизма; еслибъ, охваченный смертельной болѣзнью, вы, по-

¹⁾ Бергранъ де Молевиль, *Annales de la Révolution*, т. III, гл. XXX.

²⁾ Двадцать четвертая нота графа де Мирабо двору въ *Correspondance entre le Mirabeau et le comte de La Marck*, т. II, стр. 170 и 171. Парижъ, 1851 года.

стократія. Единственная пьеса, имѣвшая успѣхъ—это «Карль IX», была самага революціоннаго содержанія, и молодой талантливый актеръ привлекалъ толпу и такъ возбуждалъ патріотовъ противъ духовенства, что, подобно абдеритянамъ, видѣвшимъ актера Архелая въ «*Андромедѣ*» Эврипида, бѣгали по улицамъ съ крикомъ: «*О, любовь, тиранъ боговъ и людей!*»—парижане, слышавшіе актера Тальма, выходили изъ театра съ крикомъ: «*Дужоვენство вздернуть на фонари!*».. Федераты Прованса просили, вѣрнѣе—требовали, чтобы давали «Карла IX», несмотря на замѣчанія Нодэ, что эта пьеса возбуждающая и ему не нравится и что слѣдуетъ давать только пьесы, полныя любви королей къ народамъ и народовъ къ королямъ—ее поставили, но Тальма въ послѣдній разъ сорвалъ аплодисменты. Большинство освистало его и заявило, что не желаетъ имѣть больше ничего общаго съ аплодируемымъ актеромъ. Послѣ этого патріоты не переставали вызывать Тальма. Наконецъ, его товарищи рѣшили выяснить этотъ инцидентъ въ пятницу; аристократы и демократы—постоянные посѣтители Французской комедіи—явились поддерживать каждый свою сторону. Сюло, первый комикъ аристократіи со времени отставки Мирабо Тонно, принесъ съ собой колокольчикъ для призванія къ порядку. Флери явился весь въ черномъ и въ перчаткахъ: «Моя труппа,—сказалъ онъ,—убѣжденная въ томъ, что г. Тальма измѣнилъ ея интересамъ, единогласно постановила не входить болѣе съ нимъ въ сношенія». При этихъ словахъ споръ сдѣлался общимъ и поднялся страшный шумъ. Тщетно Сюло потрясалъ своимъ звонкомъ.—«Какъ,—воскликнулъ одинъ судья, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ m-lle Конта,—вы думаете предпочесть г. Тальма m-lle Конта?»—Начались споры за и противъ. «Тѣмъ лучше!—сказалъ кто-то изъ-за кулисъ,—если придется помѣряться на шпагахъ, то мы побѣдимъ».

Услыхавъ это, патріотъ Дюгазонъ не выдержалъ, бросился на сцену и крикнулъ: «Господа, я обвиняю всю Французскую комедію; это ложь, что г. Тальма измѣнилъ труппѣ; все его преступленіе заключается въ томъ, что онъ сказалъ, что можно играть «Карла IX». При этомъ геройскомъ заступничествѣ Дюгазона за обиженнаго патріота поднялся такой невообразимый гамъ, что пришлось послать за мэркомъ».

Тутъ Демулэнъ рассказываетъ, какъ взбунтовавшіеся актеры не хотѣли признать авторитетъ Бальи и муниципальнаго совѣта. Затѣмъ, онъ продолжаетъ: «Порядокъ былъ восстановленъ и

актерамъ предписано временно играть съ Тальма. Труппа возмутилась этимъ постановленіемъ. Флорансъ закричалъ, что онъ скорѣе дастъ разрѣзать себя на куски; m-lle Конта обѣщала помощь шведскаго короля и д'Артуа; m-lle Рокуръ клялась, что не уступитъ даже подъ краснымъ флагомъ; Девессаръ угрожалъ Тали погубить своимъ уходомъ лучшія пьесы, а Нодэ—пьесы съ капуцинами; Флери и Грамонъ говорили, что *ихъ заставятъ отнести ключи отъ залы королю*. «Я прекрасно вижу, господа, что вы хотите перевести дѣло лишь *съ одного короля на другого*—очень находчиво отвѣтилъ Балли. Дориваль хотѣлъ драться на дуэли съ Дюгазономъ. «Принеси мнѣ,—сказалъ Дюгазонъ,—удостовереніе отъ твоихъ кредиторовъ, что я могу тебя убить, и ты умрешь черезъ десять минутъ...»—Какъ видите, господинъ Питтъ, наши дѣла подвигаются, на самой почвѣ Кордельеровъ и въ національномъ театрѣ контръ-революція готова...» ¹⁾).

Это курьезное возмущеніе актеровъ не единственная характерная черта настроенія минуты. Версальскій паркъ былъ предоставленъ *удовольствіямъ* Людовика XVI, страстнаго охотника, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей, оставленныхъ для публики. Случилось, что въ этихъ отдаленныхъ частяхъ раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, и тотчасъ же прибыла охотничья стража. Послѣдовало рѣшеніе совѣта департамента, осудившаго охотничью стражу. Декларация муниципальнаго совѣта Версаля, порицая рѣшеніе совѣта департамента, приписала ему бунтъ трехъ тысячъ браконьеровъ. Декретъ Національнаго Собранія призналъ неправымъ совѣтъ департамента и оправдалъ муниципальный совѣтъ. Патриотическая пресса долго воевала противъ декрета. А между тѣмъ его испросила лѣвая партія: Бареръ, Шарль Ламетъ. Новый предлогъ Марату разразиться негодованіемъ, кричать объ измѣнѣ: «О, Ламетъ, неужели вы хотите заставить насъ забыть о Малуэ, Казалесахъ, Мори, Фуко?.. Чье имя, бульше чѣмъ ваше, достойно быть покрыто безчестіемъ?» ²⁾).

Надо сознаться, что не только вокругъ Національнаго Собранія и у его ногъ царилъ беспорядокъ, но и въ самомъ центрѣ его. Что за странныя сцены! То Мори, по примѣру ви-

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 44.

²⁾ *L'Ami du peuple*, № 227.

жить въ этомъ полку и пришелъ просить у васъ удовлетворенія». Дѣло касалось далекаго прошлаго. Шарль Ламетъ отвѣтилъ холодно:—«Если вы такъ долго ждали удовлетворенія, то прекрасно можете и еще подождать; я приму вашъ вызовъ въ концѣ сессіи».—«Берегитесь! Я всюду буду говорить, что вы подлець».—«Никто вамъ не повѣритъ».

Такъ рассказываетъ Бертранъ де Молевиль¹⁾; большинство газетъ и сочиненій того времени увѣряютъ, что этотъ вызовъ офицера былъ основанъ на болѣе личной почвѣ, на томъ, что будто бы Ламетъ испортилъ его карьеру. Какъ бы то ни было, но этотъ Шовиньи де Бло подготовился къ своей кровавой роли; стало извѣстно, что онъ съ тѣхъ поръ каждый день упражнялся въ стрѣльбѣ изъ пистолета въ саду своего тестя Бирэ, и что дошелъ до того, что на разстояніи пятидесяти шаговъ всаживалъ пулю въ трехъ ливерное эку²⁾. Друзья Шарля Ламета одобрили его рѣшеніе, но, когда онъ появился въ Национальномъ Собраніи, на него посыпались тысячи ругательствъ съ правой стороны. Для того, чтобы сдержаться и не выйти изъ себя, ему, быть можетъ, пришлось припомнить прекрасную фразу своего брата: *Я всегда буду держать себя такъ, какъ будто достоинъ клеветы*³⁾. Хромому, оскорблявшему его Лотреку онъ отвѣтилъ только жестомъ состраданія⁴⁾; но отъ Кастриё, котораго онъ обвинялъ въ томъ, что тотъ подослалъ слѣдить за нимъ наемнаго убійцу, онъ тотчасъ же принялъ оригинальный вызовъ на дуэль. Они, въ сопровожденіи секундантовъ, отправились на Марсово поле. Кастриё предложилъ пистолеты, Ламетъ предпочелъ шпагу⁵⁾, и дуэль началась. Въ письмѣ къ графу Ла Марку Мирабо рассказываетъ о ней такъ: «Ламетъ никогда не отбиваетъ удара: онъ наноситъ ударъ за ударомъ, рассчитывая на свой ростъ и быстроту. Маленькій ростъ Кастриё спасъ ему жизнь, такъ какъ ударъ упалъ на плечо, и Ламетъ получилъ въ руку ударъ, предназначавшійся ему въ грудь. Сухожилія порваны, ножны шпаги поломаны; вчера онъ дѣйствительно былъ взволнованъ»⁶⁾.

¹⁾ *Annales de la Révolution*, т. III, гл. XXXII.

²⁾ *Règne de Louis XVI*, т. VI, § 23.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *L'Orateur du peuple*, т. II, № 30.

⁵⁾ *Règne de Louis XVI*, т. VI, § 23.

⁶⁾ *Correspondance entre le comte Mirabeau et le comte de La Marck*, т. II, стр. 327 и 328. Парижъ, 1851 г.

депутациі, депутатъ Ангулема, Рой, воскликнулъ: «*Только одни каторжники могутъ аплодировать!*» Сильный ропотъ недовольства. «Въ тюрьму его! Въ тюрьму оскорбителя!» Барнавъ желаетъ, чтобъ Роя арестовали тутъ же на засѣданіи. Вирье, Фуко рвутся къ трибунѣ, чтобъ его защитить. Съ своей стороны Малуэ, попросилъ слова, желая осудить съ трибуны разгромъ дома Кастріе; въ ту минуту, когда онъ собрался говорить, къ нему подошелъ Мирабо и сказалъ шопотомъ: «Я хочу предложить тѣ же мѣры, какія и вы; уступите мнѣ слово, меня благосклоннѣе выслушаютъ»¹⁾. Малуэ спустился и Мирабо началъ такъ: «Если въ этой ужасной сценѣ, при переживаемыхъ нами печальныхъ обстоятельствахъ, разыгравшейся при плачевномъ событіи»...

Такого начала, конечно, желалъ дворъ, но Мирабо внушалъ членамъ правой стороны такую ненависть, которую они не могли ни сдержать, ни скрыть. Тамъ, гдѣ ораторъ думалъ найти поддержку, онъ нашелъ лишь брань. На него бросали злобные взгляды, ему шептали оскорбительныя слова. Когда онъ сказалъ: «Еслибъ я могъ говорить въ ироническомъ тонѣ, то первому, подавшему свой голосъ за...»—Фуко перебилъ его; «Господинъ де Мирабо всегда осыпаетъ меня ироніей, онъ нападаетъ на меня; я прошу...». Тогда, разсерженный тѣмъ, какъ роялисты относятся къ защитнику вопроса, который въ данную минуту имъ такъ важенъ, Мирабо сразу измѣнилъ тонъ и сталъ горячо упрекать правую сторону въ томъ, что она относится съ презрѣніемъ къ декретамъ Національнаго Собранія, издѣвается надъ представителями народа, возбуждаетъ непокорность и называетъ все это дѣйствіями свободныхъ людей. Затѣмъ, устремивъ взоръ на Фуко, Мирабо закончилъ: «Вотъ что, милостивый государь, такъ какъ вы не любите ироніи, чувство глубокаго презрѣнія къ вашему поведенію и къ вашимъ рѣчамъ вынужденъ я сказать по вашему адресу»²⁾.

Въ порывѣ страшнаго бѣшенства поднялись роялисты со своихъ мѣстъ; съ большимъ трудомъ удержали нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ желанія броситься къ оратору, и въ залѣ поднялся невообразимый шумъ. Мирабо призываютъ къ порядку,

¹⁾ Разсказъ самого Малуэ, напечатанный въ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, т. II, стр. 331, въ *Annales de la Révolution française*, Вертрана де Молевилль, т. III, гл. XXXII, и въ *Histoire du règne de Louis XVI*, par Droz, т. III, appendice, стр. 293.

²⁾ *Монитёръ*, засѣданіе 13-го ноября 1790 года.

но фактъ на лицо: онъ поддерживаетъ или, по крайней мѣрѣ, извиняетъ то, что пришелъ порицать. Народъ, бунтовавшій у дома Кастріе и затѣмъ разгромившій его квартиру, не выказалъ ли свою ненависть, которую считалъ справедливою? Развѣ онъ не остановился почтительно передъ портретомъ короля? Развѣ онъ не отнесся съ большимъ сочувствіемъ къ госпожѣ Кастріе, уважая ея годы и несчастье? Развѣ онъ не потребовалъ, чтобъ, уходя, каждый вывернулъ свои карманы, дабы никому не были приписаны корыстолюбивыя намѣренія?¹⁾

Малуэ не могъ прійти въ себя отъ изумленія. Выходя изъ залы засѣданія, онъ подошелъ къ Мирабо и съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ негодованіемъ, спросилъ:—«Такъ-то вы держите ваше слово?»—«Я очень сконфуженъ,—отвѣтилъ тотъ,—но это было единственнымъ способомъ объясненія съ людьми, которые жаждутъ видѣть меня повѣшеннымъ»²⁾.

При дворѣ поведеніе Мирабо показалось страннымъ, непорядочнымъ. Это уже во второй разъ на трибунѣ появился революціонеръ; нѣсколько дней передъ тѣмъ, 21-го октября, онъ съ необычайнымъ пыломъ настаивалъ и добился доклада о замѣнѣ трехцвѣтнаго флага бѣлымъ флагомъ на судахъ. Что же, Мирабо и дальше пойдетъ такимъ путемъ? 15-го ноября тулузскій архіепископъ съ грустью писалъ Ла Марку, жалуясь на Мирабо: «Можетъ ли существовать необходимое при переживаемыхъ обстоятельствахъ довѣріе послѣ выходовъ въ родѣ той, которая произошла третьяго дня?»³⁾.

Мирабо вынужденъ былъ оправдаться и послалъ двору слѣдующее письмо: «Я понимаю, что долженъ объяснить мое поведеніе въ тотъ день, когда мнѣ пришлось выказать нѣкоторую ловкость... Надо умѣть быть скрытнымъ, когда хотятъ противопоставить ловкость силѣ, подобно тому, какъ надо умѣть лавировать во время бури. Это одно изъ моихъ правилъ, основанныхъ исключительно на наблюденіи природы вещей, такъ какъ оно совершенно не соотвѣтствуетъ моему характеру... Въ моей рѣчи есть двѣ вещи: очень строгое изображеніе безпорядка, царящаго въ Національномъ Собраніи, и очень снисходительное

¹⁾ *Монитѣръ*, засѣданіе 13-го ноября 1790 г.

²⁾ Вотировано въ засѣданіи 22-го октября 1790 года. См. *Монитѣръ* этого числа.

³⁾ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, т. II, стр. 333.

Нанси, въ народѣ стали раздаваться голоса противъ министровъ. По совѣту клубовъ, больше пятидесяти тысячъ человекъ обратилось въ Національное Собраніе съ требованіемъ перемѣны министерства¹⁾. Особенно опасно было положеніе военнаго министра Ла Туръ дю Пена, которому пришлось даже скрываться у одной дамы въ Сентъ-Жерменскомъ предмѣстьи²⁾; волненіе царило страшное. Пришло извѣстіе о мятежѣ въ Брестѣ, рассказанномъ уже нами, и революціонная партія Національнаго Собранія, принимая во вниманіе всеобщее возбужденіе, рѣшила воспользоваться случаемъ объявить министровъ единственной и истинной причиною всѣхъ огромныхъ беспорядковъ въ королевствѣ.

Дворъ узналъ объ этомъ планѣ раньше, чѣмъ онъ былъ приведенъ въ исполненіе. Что предпринять, когда объ увольненіи министровъ попросятъ одновременно и Національное Собраніе и вся эта толпа? Бергассъ былъ призванъ на тайное совѣщаніе и посовѣтовалъ уступить, какъ бы находясь подъ давленіемъ, предложивъ Національному Собранію самому составить новое министерство, что возложитъ на него отвѣтственность за выборъ и скоро скомпрометируетъ его въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Бергассъ не удовольствовался однимъ лишь ловкимъ совѣтомъ: онъ собственной рукою написалъ въ этомъ смыслѣ проектъ рѣчи³⁾, который послалъ Людовику XVI. Велико было негодованіе Мирабо, когда какими-то, оставшимися въ тайнѣ, путями онъ узналъ, что у короля есть другой тайный совѣтчикъ, другое довѣренное лицо и что этотъ совѣтчикъ, это довѣренное лицо... Бергассъ! Онъ написалъ графу Ла Марку письмо *ab irato*, начинавшееся такими словами: *Для васъ одного.* Онъ горько жаловался на *royal bétail*, какъ онъ выразился, «значить, вслѣдствіе иллюзій на извѣстныя упованія Бергасса, большого сторонника Месмера, значить, на треножникъ ученія иллюминатовъ они хотятъ найти лекарство противъ ихъ болѣзни!.. О, безуміе!»⁴⁾.

Къ этому письму Мирабо присоединилъ свое *тридцать третье письмо двору*, въ которомъ онъ говорилъ: «Говорятъ, что

1) *Memoires de Mirabeau*, т. VIII, стр. 120, Парижъ, 1835 г.

2) *L'Orateur du peuple*, т. I, № 32.

3) См. этотъ проектъ въ *Перепискѣ графа Мирабо съ графомъ де Ла Маркъ*, т. II, стр. 238, 239, 240, 241 и 242.

4) *Ibidem*, т. II, стр. 238.

если король откажется самъ назначить министровъ, то Національное Собрание вынуждено будетъ выбрать ихъ, вступить во все свои права и осуществить весь свой деспотизмъ. Нѣтъ, Національное Собрание не назначитъ ихъ; оно сначала предложитъ королю дѣйствовать на основаніи его верховной власти. На его второй отказъ оно велитъ назначить. На его третій отказъ... Я дрожу при одной мысли, но кто же скажетъ правду, если я малодушно скрою ее?—На его третій отказъ, оно оставитъ ему лишь два выхода: отречься отъ престола или повиноваться!»

Какъ видно, Мирабо совѣтовалъ двору предупредить декретъ отставки министровъ, выбравъ и утвердивъ новое министерство, такъ, чтобы это не было дѣломъ рукъ Лафайета. «Надо,—прибавляетъ онъ,—чтобъ якобинцы приняли и поддержали это новое министерство и чтобы они могли прійти въ соглашеніе съ тѣми, кому король хочетъ оказать нѣкоторое довѣріе»¹⁾).

Мирабо писалъ это 18-го октября, и на слѣдующій день Мену, отъ имени дипломатическаго, торговаго, военнаго и морскаго комитетовъ, просилъ отставки министровъ. Казалось тотчасъ же всталъ, чтобы доказать, что это—посягательство на прерогативы королевской власти. Онъ говорилъ замѣчательно краснорѣчиво.

«Еслибъ я могъ,—сказалъ онъ,—побѣдить въ себѣ то отвращеніе, которое испытываетъ порядочный человѣкъ, безъ всякаго авторитета и права нападающій на министровъ, то я выступилъ бы ихъ обвинителемъ. Я обвинилъ бы ихъ въ измѣнѣ королевскому авторитету, представителями котораго они состоятъ: это преступленіе противъ націи, такъ какъ этотъ авторитетъ защищаетъ народы отъ деспотизма Національныхъ Собраній, подобно тому, какъ Національныя Собранія защищаютъ народы отъ деспотизма королей. Я обвинилъ бы вашего скрывшагося Неккера за то, что онъ постоянно прятался въ тѣни, когда его долгъ требовалъ, чтобъ онъ игралъ видную и опасную роль...; я обвинилъ бы военнаго министра за то, что онъ давалъ отставку всѣмъ офицерамъ, которые ее просили, за то, что онъ позволилъ имъ покинуть ихъ полки и не призналъ за дурные поступки, когда они бросали свои трудныя и опасныя посты, что послужило главной причиною волненій въ арміи; я

¹⁾ *Переписка графа Мирабо съ графомъ де Ла Маркъ, стр. 245 и 248.*

обвинилъ бы министра внутреннихъ дѣлъ, допустившаго непокорность повелѣніямъ короля въ провинціяхъ и не ручавшагося своей головою въ законности своихъ распоряженій, къ исполненію которыхъ онъ не призвалъ все общество; всѣхъ ихъ я обвинилъ бы въ томъ, что они давали королю самые коварные совѣты... Крутыя мѣры, преувеличенно-строгія правила—это послѣдствія заблужденій человѣческаго ума: дѣйствія могутъ быть жестоки, а намѣренія чисты; но какъ извинить тѣ холодныя и мелкія души, которыхъ никогда не согрѣетъ любовь къ родинѣ? Эти души думаютъ только о личныхъ интересахъ и удаляются отъ общественныхъ, потому что общественные интересы въ опасности; они держатся постыднаго нейтралитета, когда эти интересы колеблются, и подло прячутся, когда злые умы волнуются... Во время долгихъ неурядицъ, переживавшихся Англіей при несчастномъ Карлѣ I, Страффордъ, таланты котораго соотвѣтствовали его добродѣтелямъ, погибъ на эшафотѣ; но Англія плакала на его могилѣ, но вся Европа восхищалась его достоинствами и его имя сдѣлалось предметомъ поклоненія его согражданъ. Вотъ примѣръ, которому должны слѣдовать честные министры. Если они не чувствуютъ въ себѣ силъ погибнуть или поддержать колеблющуюся монархію... пусть бѣгутъ! Страффордъ умеръ. А развѣ не умеръ подло бросившій Францію на имъ же созданныя муки? Развѣ его имя не вычеркнуто изъ списка живыхъ? Развѣ онъ не испытываетъ мученья пережить самого себя и оставить исторіи лишь воспоминаніе о своемъ позорѣ? Что же касается до его соговорицъ по работѣ и стыду, служащихъ предметомъ этого совѣщанія, то развѣ къ нимъ не можетъ быть примѣнимъ стихъ Тассо:

«Они еще ходили, но были уже мертвецами?»

Тогда Казалёсъ высказалъ, что предложеніе это колеблетъ конституціонные принципы монархіи, что насиліе надъ исполнительной властью власти законодательной ведетъ неминуемо къ страшному деспотизму; что въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобы министръ подавалъ въ отставку по желанію парламента; что во время великой борьбы Карла I съ англійскими палатами, которыя дерзали дѣлать почти все, даже убить короля, не осмѣливались вмѣшиваться въ выборъ его совѣтниковъ; что если хотя бы отставить министровъ, то надо, по крайней мѣрѣ, имѣть противъ нихъ серьезныя обвиненія, такъ какъ всякое туманное обвиненіе есть лишь выдумка тираніи; что если дѣло коснется

преданности королю, то истинные сторонники монархіи будутъ знать, что имъ дѣлать въ этомъ случаѣ: они соберутся вокругъ трона и погребутъ себя подъ его развалинами ¹⁾).

Споръ былъ горячъ, но слова Казалёса запечатлѣлись въ сердцахъ огненными чертами. Въ засѣданіи 20-го октября предложеніе Бомэ, просившаго сдѣлать исключеніе въ пользу министра иностранныхъ дѣлъ Монморена, было благосклонно принято многими членами, предложеніе же Мену объ отставкѣ министровъ было отвергнуто большинствомъ 405 голосовъ противъ 340 ²⁾).

Черезъ недѣлю морской министръ графъ де Ла Люзернъ подалъ въ отставку. Онъ былъ замѣненъ Флерье.

Ла Люзернъ слылъ за литератора; ему приписывали переводъ *Отступленія десяти тысячъ грековъ* Ксенофонта ³⁾, но онъ не обладалъ ни однимъ изъ необходимыхъ качествъ, требуемыхъ его постомъ. Къ тому же, его обвиняли въ томъ, что онъ, будучи въ теченіе двухъ лѣтъ губернаторомъ Сантъ-Доминго, выказалъ много жестокости, надменности и грубости.

Его отставка только придавала бодрости клубамъ и возбудила въ нихъ желаніе большаго. 10-го ноября послѣ двухкратнаго отказа, Балли вынужденъ былъ ввести въ Національное Собраніе депутацію, которая отъ имени сорока восьми отдѣленій подала адресъ объ увольненіи министровъ и объ организаціи верховной національной палаты для суда надъ ними. Адресъ этотъ былъ прочитанъ ужаснымъ Дантономъ ⁴⁾. Предсѣдатель отвѣтилъ туманно, но упорство депутата было такъ сильно, что повлекло за собою почти немедленную переимѣну министерства. 16-го Ла Туръ дю Пенъ уступилъ бразды военного правленія Дюпортайлю, а 20-го Шампюанъ де Сисэ передалъ портфель Дюпоръ дю Тертру, такъ что отъ прежняго кабинета остались лишь министръ внутреннихъ дѣлъ Сень-При и министръ иностранныхъ дѣлъ Монморенъ ⁵⁾. Что же касается до финансовъ, то, какъ намъ уже извѣстно, имъ управляло Національное Собраніе, и замѣстителемъ Неккера былъ лишь старшій управляющій Дюфрэнъ ⁶⁾.

¹⁾ *Монитёръ*, засѣданіе 19-го октября 1790 г.

²⁾ Засѣданіе 20-го октября 1790 г.

³⁾ *Règne de Louis XVI*, т. IV, § 11.

⁴⁾ *Монитёръ*, засѣданіе 10-го ноября 1790 года.

⁵⁾ Бушэ и Ру, *Histoire parlementaire*, т. VIII, стр. 145.

⁶⁾ *Ibidem*.

Только сохраненіе министерскаго портфеля за Сенъ-При нарупало общую радость. На Шампіона де Сисэ бордоскаго архі-епископа было много жалобъ; его упрекали въ томъ, что онъ умышленно задерживалъ опубликованіе нѣкоторыхъ революціонныхъ декретовъ, измѣнялъ текстъ многихъ другихъ ¹⁾, выбиралъ королевскихъ комиссаровъ изъ людей, завѣдомо преданныхъ старому режиму, и, между прочимъ, Буше д'Аржи, котораго Маратъ сдѣлалъ такимъ ненавистнымъ столицѣ. Такимъ образомъ, его паденіе было встрѣчено шумными криками радости, и всѣ повторяли фразу одного изъ членовъ Національнаго Собранія:—*Пусть остается законъ, а министръ юстиціи уходитъ* ²⁾. Не менѣе радовались и отставкѣ Ла Туръ дю Пена, противъ котораго взывала о мести кровь солдатъ полка Шатовьё.

Новые министры возбуждали во всѣхъ сердцахъ патріотическія надежды. Флерьё спеціально занялся изученіемъ морскаго дѣла, и если его политическія убѣжденія не были особенно ярки, то, во всякомъ случаѣ, можно было рассчитывать, что, стоя во главѣ морскаго департамента, онъ воспользуется пріобрѣтенными имъ познаніями ³⁾.

Дюпортайль, командовавшій войсками въ Нормандіи, когда его назначили военнымъ министромъ, много содѣйствовалъ независимости Америки. Онъ, прежде всего, созвалъ чиновниковъ военнаго министерства и сказалъ имъ: «Я люблю революцію. Мои принципы, равно какъ и мой долгъ, побуждаютъ меня упорно и храбро поддерживать ее; объявляю вамъ, что если всѣ тѣ, которые работаютъ подъ моимъ начальствомъ, не воодушевлены тѣмъ же рвеніемъ, то они могутъ уходить» ⁴⁾.

Что же касается до Дюпоръ дю Тертра, то его назначеніе Мирабо охарактеризовалъ такъ: «Вотъ Дюпоръ дю Тертръ назначенъ министромъ юстиціи,—это значитъ Кассандръ вмѣсто Криспена» ⁵⁾, то надо сознаться, что его назначеніе возбудило родъ энтузіазма, вызвавшаго даже подозрѣніе Марата. Это былъ человекъ простой, скромный, небогатый, извѣстный своимъ прямотушiemъ. Начавъ адвокатомъ, затѣмъ исполняя обязан-

¹⁾ Рѣчь Дантона въ засѣданіи 10-го ноября 1790 года.

²⁾ *Règne de Louis XVI*, т. II, § 6.

³⁾ *Ibidem.*

⁴⁾ *Ibidem.*

⁵⁾ *Переписка между графомъ Мирабо и графомъ де Ла Маркъ*, т. II, стр. 347.

ности прокурора коммуны, онъ въ такое время, когда общественное мнѣніе было такъ требовательно, не вызвалъ ни одной жалобы. Жилъ онъ въ четвертомъ этажѣ. Когда кто-то ему сказалъ:—«Я думалъ, что вы живете въ третьемъ», онъ отвѣтилъ:—«Я занимаю квартиру надъ моимъ портнымъ»¹⁾. Его скромность и прямота очаровывали всѣхъ. Генеральный совѣтъ парижской коммуны выбралъ депутацію изъ четырехъ членовъ муниципальнаго совѣта и восьми нотаблей для того, чтобы поздравить его съ назначеніемъ, когда доложили, что онъ пріѣхалъ самъ. Онъ вошелъ среди аплодисментовъ и, снимая свой прокурорскій шарфъ, заговорилъ такъ трогательно, что всѣ присутствующіе расцѣловали его²⁾.

Хотѣла ли революція заключить союзъ съ властью? Можно ли было, наконецъ, надѣяться на порядокъ и свободу? Увы, нѣтъ, потому что общество, такъ сказать, рождало свое будущее, и если анархія возмущаетъ васъ въ такого рода работѣ, то спросите у природы, зачѣмъ она соединяетъ муки съ процессомъ дѣторожденья. Скоро, скоро на этой, грозной, какъ никогда, сценѣ революціи появится—Сенъ-Жюстъ и при блескѣ молніи, подъ грохотъ грома, скажетъ слова, полныя глубокаго значенія: «Человѣкъ рождается со слезами!»

ГЛАВА V.

К л у б ы.

Клубъ якобинцевъ.—Его первоначальный составъ.—Его уставъ.—*Августинци.*—*Безпартійные.*—*Французскій клубъ.*—Расколъ въ обществѣ якобинцевъ.—*Клубъ 89-ти:* его пышность.—Наличный составъ якобинцевъ въ концѣ 1790 г.—Герцогъ Шартрскій въ *клубъ якобинцевъ;* его жизнь, рассказанная имъ самимъ.—*Колло Дербуа якобинцевъ.*—Теорія доносовъ.—Определеніе истиннаго якобинца.—*Клубъ кордельеровъ;* его происхожденію и характеристика.—Серьезный языкъ *клуба якобинцевъ* въ его манифестахъ; его сношенія съ филиальными отдѣленіями.—Якобинцы Лонъ-ле-Сонъ.—Газета якобинцевъ, порученная Лакло.—Нападки на *клубъ якобинцевъ;* его возрастающая популярность.—Повсемѣстные клубы.—*Клубъ въ конюшнѣ.*—Жанъ-Варъ.—Борьба между *клубомъ якобинцевъ* и *Соціальнымъ кружкомъ.*—Закрытіе *Монархическаго клуба.*—Заключеніе.

Среди громаднаго общественнаго волненія, подобно кораблямъ на бушующемъ океанѣ, выступали клубы и, въ первомъ ряду, между ними находился *Клубъ якобинцевъ.*

¹⁾ *Règne de Louis XVI*, т. II, § 6.

²⁾ *Ibidem.*

Въ теперешнемъ Версалѣ, въ этомъ уединенномъ и молчаливомъ городѣ, иностранцамъ показываютъ, какъ чудо протекавшихъ лѣтъ, зданіе, извѣстное со времени Людовика XIV подъ названіемъ Алтарь (Reposoir)¹⁾. Это протестантскій храмъ, то есть храмъ, предназначенный для суроваго богослуженія, самое происхожденіе котораго было возмущеніемъ. О, еслибъ кто-нибудь изъ смертныхъ, одаренный пророческимъ даромъ, могъ проникнуть въ это мрачное мѣсто въ концѣ 1789-го года, до ужасныхъ октябрьскихъ дней, въ какой трепетъ пришелъ бы онъ, увидавъ тамъ возбужденныхъ однимъ и тѣмъ же желаніемъ, воодушевленныхъ однимъ и тѣмъ же энтузіазмомъ, сидящихъ рядомъ и рука объ руку, тѣхъ, которые немного позднѣе сдѣлались конституціоналистами, жирондистами, монтаньярами, санкюлотами, термидорцами, филантропами; тѣхъ, которые по очереди и одинъ противъ другого, распорядились топоромъ палача: Мунье и Петіонъ, Сіейсъ и Вольней, Барнавъ и Бареръ, Камюсъ, Ревбель, Ларевельеръ Лепо, Бюзю, Робеспьеръ, Вадье, Буасси д'Англа, Талейранъ! Но что болѣе всего удивительно, это то, что въ клубъ, основанный депутатами Бретани для того, чтобы придать болѣе энергіи борьбѣ со старымъ режимомъ дѣйствіямъ Національнаго Собранія, для того, чтобы скорѣе покончить съ привилегіями рожденія, съ титулами, съ дворянствомъ, въ клубъ, скоро сдѣлавшійся *Клубомъ якобинцевъ*, стали массами стекаться дворяне. Какой праведный Богъ или какой злой демонъ ведетъ къ этимъ темнымъ плебеямъ и раздраженнымъ философамъ герцога Орлеанскаго, герцога де Ла Рошфуко, Матье де Монморанси, виконта де Ноайля, Кастеляна, обоихъ Ламетовъ, Лафайета и Мирабо?

Мы уже говорили, что въ Парижѣ, когда народъ препроводилъ туда плѣннаго короля, *Бретонскій комитетъ* устроился въ нанятомъ у доминиканцевъ залѣ, предоставивъ простымъ гражданамъ мѣста на своихъ скамьяхъ, которые первоначально предназначались лишь членамъ Національнаго Собранія, и назвался *Обществомъ сторонниковъ конституціи*.

Названіе выбрано самое спокойное и законное, указывающее на очень модный вопросъ. Но какая же его цѣль? Перевернуть Францію, поколебать старыя основы? Нѣтъ: обсуждать заранѣе

¹⁾ Разъясненіе, данное однимъ изъ жителей Версаля городскимъ бібліотекаремъ.

вопросы, рѣшаемые Національнымъ Собраніемъ, работать по учрежденію конституціи, поддерживать переписку съ единомышленными обществами, если таковыя создадутся?.. Тщеславіе основателей не шло дальше этого ¹⁾. Но какая же революція не имѣетъ своихъ миражей, своихъ горизонтовъ, удаляющихся по мѣрѣ того, какъ къ нимъ приближаются?

Изъ множества предложенныхъ проектовъ устава остановились окончательно на слѣдующемъ.

Назначили президента, вице-президента, четырехъ секретарей, двѣнадцать инспекторовъ, четырехъ цензоровъ, восемь комиссаровъ, казначея, архиваріуса. Правленіе клуба было раздѣлено на пять комитетовъ: *представительство корреспонденціи, администраціи, рапортовъ и наблюденія*; каждые три мѣсяца ихъ составъ долженъ былъ возобновляться.—Назначенія производились путемъ выборовъ.—Каждый кандидатъ имѣлъ быть представленнымъ членомъ общества и рекомендованнымъ двумя другими членами, прожившими въ городѣ по крайней мѣрѣ годъ. Тотъ, кто представлялъ мало знакомаго ему кандидата, подвергался исключенію изъ клуба. О принятіи въ клубъ подавались письменныя прошенія. Фамиліи кандидатовъ были вывѣшиваемы въ залѣ; члены, имѣвшіе что либо противъ нихъ, ставили крестъ около фамиліи, но они должны были въ теченіе недѣли заявить комитету представительства причины, по которымъ не желаютъ этого кандидата, иначе кандидата выбирали. Выбраннаго кандидата, вмѣстѣ съ рекомендовавшими его членами, вводили на трибуну и тамъ читали ему слѣдующее правило, которому онъ долженъ былъ подчиняться:

«Клянусь жить свободнымъ или умереть, оставаться вѣрнымъ правиламъ конституціи, повиноваться законамъ, заставлять ихъ уважать, всѣми моими силами стараться усовершенствовать ихъ, мнѣ лично примѣняться ко всѣмъ обычаямъ и правиламъ этого общества».

Независимо отъ издержекъ по принятію, выразившихся въ суммѣ 12 ливровъ, каждый членъ долженъ былъ ежегодно вносить 24 ливра въ четыре срока: 1-го января, 1-го апрѣля, 1-го іюля и 1-го октября для того, чтобы не только покрыть издержки общества, но и имѣть запасъ для печатанія циркуляровъ или

¹⁾ См. уставъ *Общества сторонниковъ конституціи*, какъ онъ напечатанъ въ № 73 *Actes des Apôtres*.

памфлетовъ, которые могутъ быть вызваны обстоятельствами. Того, кто не платилъ, исключали.

Сношенія съ единомышленными обществами велись исключительно *комитетомъ корреспонденціи*, а такъ какъ его обязанности требовали большой дѣятельности, то онъ состоялъ не менѣе, какъ изъ восемнадцати членовъ. Засѣданія назначались по вечерамъ. Сначала собирались только три раза въ недѣлю, но скоро стали собираться ежедневно, такъ какъ жизнь народа становилась тревожной и революція не ждала.

Таково было внутреннее устройство *Клуба якобинцевъ*. Что же касается его правилъ, то, чтобы о нихъ судить, не надо смѣшивать періода, предшествовавшего его раздѣленію, о которомъ мы сейчасъ расскажемъ, съ послѣдующимъ періодомъ. До среды 1790 года доктрина якобинцевъ, создавшихъ клубъ, представляла собою нѣчто до крайности туманное. Въ предисловіи къ первому проекту ихъ устава встрѣчались слова *любовь къ равенству, уваженіе къ правамъ людей, защита слабыхъ*. Но какъ должно быть понимаемо равенство? До чего простираются права людей? Вѣднхъ ли надо принимать за слабыхъ, которыхъ слѣдуетъ защищать, и какимъ образомъ и противъ кого? Была тамъ и такая подозрительная фраза: *учрежденія, противныя природѣ, нуждаются въ поддержкѣ глубоко обдуманыхъ законовъ*¹⁾.

9-го января 1790 года въ газетѣ *Observateur* очень пространенной въ народѣ, было напечатано: «Уже два мѣсяца какъ въ Парижѣ существуютъ два свободныхъ общества, одно изъ которыхъ непрестанно заботится о благѣ націи, а другое о благосостояніи нѣсколькихъ частныхъ лицъ. Первое, основанное депутатами Бретани, собирается въ *Клубъ якобинцевъ* въ улицѣ Сентъ-Онорэ; второе, основанное епископами и богачами, собирается у августинцевъ. Добрые граждане боятся августинцевъ, а злые боятся якобинцевъ»²⁾.

Малуэ и нѣкоторые изъ его друзей, испуганные намѣреніями *Клуба якобинцевъ*, несмотря на всю ихъ неопредѣленность, хотѣли противопоставить ему другое общество. Но между двухъ силъ, неисповѣдимая судьба которыхъ возбуждала взаимное раздраженіе подобный клубъ не могъ существовать. Тогда клубъ подъ названіемъ умѣренныхъ, помѣщавшійся въ августин-

¹⁾ *Préambule* reproduit par les *Actes des Apôtres*, № 73.

²⁾ *L'Observateur*, № 70.

Собрание у капуциновъ явилось на свѣтъ мертворожденнымъ; оно распалось вскорѣ послѣ того, какъ его освистали. Та же участь постигла и *Французскій клубъ*, такъ какъ по отношенію ко всѣмъ этимъ аристократическимъ собраніямъ народъ оказался неумолимымъ и, какъ это часто случается, становился тираномъ для того, чтобы быть свободнымъ. «Народъ,—пишетъ *Observateur* въ маѣ 1790 года,—разрушилъ клубъ аристократовъ, находившійся въ улицѣ Рояль на валу Сень-Рохъ... Это было мѣсто свиданія финансистовъ, приказныхъ и священниковъ, которые сходились въ надеждѣ на контръ-революцію. Нѣкая госпожа Левель отдала имъ первый и второй этажи своего дома за тысячу экю въ мѣсяць... Въ теченіе всей этой недѣли засѣданія шли подъ звуки свистковъ и шиканія и около дома постоянно стояло много стражи. «Вотъ одни аристократы охраняютъ другихъ»,—говорила толпа... Въ четвергъ былъ Балъи и увѣрялъ народъ, но безъ всякаго успѣха, что это собраніе не имѣетъ никакого дурного намѣренія. На другой день вышелъ приказъ, разрѣшающій собраніе... Но, въ тотъ же вечеръ толпа окружила домъ... Трактирщика, приносившаго кушанье, не впустили и заставили вернуться. Аббатъ Мори наканунѣ плюнулъ изъ верхняго этажа на народъ,—онъ, въ свою очередь, также былъ оплеванъ. Толстый Мирабо вынулъ пистолеты»¹⁾. Словомъ, для того, чтобы не допустить трагическаго оборота вещей, полиція вынуждена была формальнымъ приказомъ закрыть *Французскій клубъ*.

Такимъ образомъ, якобинцы не имѣли больше соперниковъ на публичной аренѣ. Но они сами распались. Люди, которые, подобно Лафайету, Балъи, Шапелье, Сиейсу, Ла Рошфуко, желали конституціонной монархіи, буржуазнаго режима и ничего больше, скоро были встревожены смѣлыми рѣчами Петіона,

On ose entre eux, pure ignorance!

Etablir une différence

Aux Capucins.

(Во Франціи есть двѣ партіи: одна нашла себѣ пріютъ у якобинцевъ, другая, блуждая по городу, съ трудомъ пріютилась у капуциновъ. Одна партія—у якобинцевъ—хочетъ устроить республику на манеръ древняго Рима; другая—у капуциновъ—любитъ единовластіе, держится монархіи. Въ первой всѣ равны: лакеи и господа, герцоги и цирюльники, иродажныя женщины и священники, а во второй—у капуциновъ, по невѣжеству дѣлаютъ между ними различіе).

¹⁾ Наблюдатель, № 122.

д'Антуана, Салля, Дюмеца; они вдруг увидели, какъ призракъ, выдвигающийся изъ мрака, вырастающую фигуру Робеспьера, складки лба котораго скрывали странныя мысли, и имъ стало страшно. Въ то время, въ началѣ 1790 года, ни Петіонъ, ни Робеспьеръ еще не играли первой роли въ клубѣ якобинцевъ; главарями минуты, заправилами, были оба Ламета, серьезный Дюпоръ и блестящій Барнавъ. Но жезлъ правленія даже и въ такихъ рукахъ, для такихъ гордыхъ умовъ, какъ Мирабо и Сиейсъ, былъ невыносимъ. Слѣдовательно, расколъ былъ неминуемъ; онъ совершился въ апрѣлѣ 1790 года. «12-го апрѣля,—разсказываетъ Феррьеръ,—раскольники, то есть отдѣлившіеся члены клуба, торжественно водворились въ роскошномъ помѣщеніи въ Пале-Роялѣ, со всей помпой, способной поразить толпу» ¹⁾. *Клубъ 87-ми* имѣлъ все, что могло дать ему блескъ; онъ имѣлъ въ числѣ своихъ членовъ крупныхъ финансистовъ; онъ завербовалъ академиковъ и философовъ; онъ могъ записать въ своей золотой книгѣ имена Кондорсе и Клавьеровъ, Мармонтеля и Шамфора. Скоро цвѣты, музыка, тонкія вина придали особенное обаяніе политикѣ. Послѣ всегда очень обильнаго обѣда члены выходили на балконы и наслаждались народными симпатіями и воздухомъ, напоеннымъ вечерними ароматами садовъ. Въ это самое время, собравшись въ мрачномъ монастырѣ въ улицѣ Сентъ-Онорэ, настоящіе якобинцы, при свѣтѣ нѣсколькихъ тусклыхъ факеловъ, отыскивали средства развить революцію.

Такая рѣзкая противоположность не могла, конечно, служить въ пользу новаго клуба. Популярность скоро блѣднѣетъ, особенно, когда она основана только на любопытствѣ. Толпа, собиравшаяся въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ окнами залитыхъ свѣтомъ залъ, могла удовлетворить тщеславію, но не упрочить могущества; въ то время, какъ дамы изъ la Halle пріѣзжали въ «клубъ 89-ти» привѣтствовать добраго Бальи, храбраго Лафайета, бретонца Шапелье, такъ достойнаго названія парижанина, и, наконецъ, *нашего графа де Мирабо*, вся серьезная часть народа толпилась у дверей старой залы якобинцевъ, ожидая выхода оракуловъ изъ этого убѣжища сивиллъ.

Инстинктъ не обманывалъ народа, такъ какъ вскорѣ, послѣ открытія роскошнаго клуба, члены его, засѣдавшіе въ Национальномъ Собраніи, обсуждали вмѣстѣ съ *черными* много серьез-

¹⁾ См. *Мемуари Ферьера*, т. II, кн. VII, стр. 123.

ныхъ дѣлъ и ихъ капризный союзъ съ правой стороною не разъ давалъ контръ-революціи неожиданный успѣхъ¹⁾.

Можно предположить, что, при всей ихъ роскошной обстановкѣ, раскольники Поле-Рояля держали себя не особенно нравственно, потому что одинъ изъ ихъ членовъ, Сіейсъ, сказалъ имъ однажды, въ порывѣ грубой откровенности:—«За исключеніемъ двухъ или трехъ внушающихъ мнѣ отвращеніе якобинцевъ, я люблю всѣхъ членовъ ихъ клуба, а за исключеніемъ дюжины членовъ этого клуба, которыхъ я люблю, я остальныхъ презираю»²⁾.

Между двумя клубами были разныя попытки къ сближенію. Лафайетъ старался объ этомъ, но безуспѣшно³⁾. Слишкомъ осторожный для того, чтобъ подвергаться опасности полнаго разрыва, Мирабо, перейдя въ Пале-Рояль, не порвалъ окончательно съ улицей Сентъ-Онорэ. Его достаточно боялись для того, чтобы заискивать передъ нимъ, а онъ, сознавая свою силу, не боялся ее скомпрометировать, лавируя съ настоящимъ кокетствомъ то въ одной партіи, то въ другой⁴⁾.

Между тѣмъ, члены клуба 89-ти, не довольствовались только глухой враждой со своими соперниками. Въ газетѣ, которая называлась *Мемуары клуба* и которую редактировалъ Андрэ Шенье, братъ автора «Карлъ IX», они очень рѣзко отзывались о якобинцахъ, «этихъ возмутителяхъ, голодныхъ бунтовщикахъ, о людяхъ, которыми пріятнѣе быть повѣшеннымъ, чѣмъ похваленнымъ»⁵⁾. И все это потому, что у якобинцевъ Балъи, Сіейсъ, Лафайетъ не пользовались привилегіей неприкосновенности. Камилль Демулэнъ возражалъ очень рѣзко: «Да будетъ проклятъ ересіархъ, создавшій 89!» Затѣмъ тономъ торжества онъ прибавляетъ: «Расколъ, который сначала насъ такъ ослабилъ, теперь лишь очистилъ атмосферу и отдѣлилъ плевелы отъ добраго зерна»⁶⁾.

¹⁾ См. что говорить по этому поводу Камилль Демулэнъ въ № 41 своей газеты. Лусталдъ за нѣсколько дней до смерти жаловался на то же самое въ *Révolution de Paris*.

²⁾ Эту фразу Сіейса Мирабо повторилъ на одномъ изъ знаменитыхъ засѣданій Клуба якобинцевъ. См. дальше.

³⁾ *Мемуары Ферьера*, т. II, кн. VII, стр. 125.

⁴⁾ Такъ выразился, говоря о Мирабо, Камилль Демулэнъ; См. № 72 его газеты.

⁵⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 41.

⁶⁾ *Ibidem*.

Дѣйствительно, въ то время, когда Камилль Демулэнъ писалъ эти строки, клубъ якобинцевъ сталъ извѣстенъ всей Франціи и отдѣленія его открылись въ ста сорока городахъ ¹⁾. Съ другой стороны, расколъ вовсе не отнялъ у него его литературный и аристократическій составъ.

Изъ списка, напечатаннаго 21-го декабря 1790 года по распоряженію общества, за подписью президента Мирабо, затѣмъ Фейделя, Вильяра, Вершера, Александра Богарнэ, въ качествѣ секретарей, видно, что число членовъ общества простиралось до тысячи ста двадцати.

Представителями дворянства были: Брольи, Богарнэ, Эгилонъ, Ноайль, Александръ и Шарль Ламеты; представителями народа—мясникъ Лежадръ и столяръ Дюплексъ; журналистики—Карра, Горза, Камилль Демулэнъ, Фрерронъ, Фабръ д'Эглантинъ; литературы—Жозефъ Шенъе, Шодерлось, де Лакло, Дюлоръ, Лагарпъ, бібліотекарь Ванъ Прэтъ, судейскаго сословія—Дюпоръ и Робеспьеръ; медицины—Кабанисъ; театра—Тальма; искусствъ—Давидъ, Жераръ и Гро; церкви—аббатъ Грегуаръ; банка—Лабордъ де Меревиль; скептической философіи XVIII столѣтія—Нежонъ; современнаго космополитизма—Клоцъ.

Неудивительно, что въ этомъ любопытномъ собраніи именъ не фигурируетъ имя Лафайета; впрочемъ, это вполне понятно, но странно, что здѣсь нѣтъ ни Фощэ, ни Дантона, ни Марата, которыхъ народъ считалъ якобинцами. Зато, подъ именемъ герцога Шаргрскаго, здѣсь фигурируетъ будущій король Франціи—Луи Филиппъ.

Чрезвычайно оригинальна и характерна жизнь этого якобинца, рассказанная имъ самимъ. 2-го ноября 1790 года онъ принятъ былъ въ члены общества; его привѣтствуютъ аплодисментами, и онъ выражаетъ благодарность за сдѣланный ему пріемъ, увѣряя, что никогда не уклонится отъ священныхъ обязанностей добраго патріота.—На слѣдующій день его дѣлаютъ членомъ *представительнаго комитета*.—Нѣсколько дней спустя его избираютъ цензоромъ, то есть, какъ онъ замѣчаетъ въ своей газетѣ, возлагаютъ на него экзекуторскія обязанности.—11-го, послѣ принятія гражданъ Лебрена, Комергаса и Бришара, онъ отсрочиваетъ принятіе кандидата, заинтересованнаго *Gazette Générale*, «какъ большаго аристократа».—23-го ему поручаютъ про-

¹⁾ *Révolutions de France et de Barbant*, № 41.

смотрѣть много писемъ, полученныхъ изъ провинціи.—3-го декабря, когда Бонъ-Карьеръ прочелъ проектъ устава, по которому только въ исключительномъ случаѣ принимались члены моложе двадцати одного года, онъ, имѣя всего лишь восемнадцать лѣтъ, просилъ, чтобы въ клубъ якобинцевъ, какъ въ школу, принимались молодые люди и недостижшіе совершеннолѣтія. Его доводы были признаны недостаточными; тогда онъ сказалъ, что если его предложеніе не пройдетъ, то его братъ, горячо желающій поступить въ общество, очень долго не будетъ въ состояніи сдѣлать это. Но одинъ членъ успокоилъ его, сказавъ, что когда принцы получаютъ такое хорошее образованіе, то для нихъ можетъ быть сдѣлано исключеніе. И случилось такъ, что этимъ цѣнителемъ образованія, получаемого во дворцахъ, былъ Колло д'Эрбуа!—24-го декабря произошла большая паника въ клубѣ. Карра объявилъ, что въ подвалахъ якобинцевъ подложенъ порохъ для того, чтобы ихъ взорвать. Тотчасъ же отрядили трехъ комиссаровъ, среди которыхъ находился и молодой герцогъ. И вотъ онъ осматриваетъ подвалы, гдѣ, къ великому счастью, оказалось лишь вино и проч. ¹⁾).

Есть вещь, которой никогда не слѣдовало бы довѣрять и которой всегда довѣряютъ,—это исторія побѣжденныхъ, написанная побѣдителями; благодаря распространившимся описаніямъ якобинства, послѣ его паденія, слово *якобинецъ* осталось олицетворяющимъ собою всѣ беспорядки и всѣ заблужденія, которые только можетъ повлечь за собою безумная демагогія. Между тѣмъ вполне достовѣрно, что духъ этого общества—по крайней мѣрѣ въ теченіе долгаго періода его существованія—отвѣчалъ идеѣ, діаметрально противоположной той, которую представляютъ себѣ теперь. Вѣрно лишь то, что много раяѣ эпохи революціи общество якобинцевъ было, прежде всего, обществомъ *политическимъ*. Ненависть къ прежнимъ условнымъ неравенствамъ, непреклонныя вѣрованія, родъ разсчитаннаго фанатизма, нетерпимость къ смѣлымъ новшествамъ, склонность къ самовластію и, главное, любовь къ порядку,—вотъ, что бы тамъ ни говорили, черты, изъ которыхъ сложился духъ якобинцевъ. Истинный якобинецъ—это нѣчто могучее, оригинальное и мрачное, нѣчто

¹⁾ Выдержки изъ журнала старшаго сына герцога Орлеанскаго въ сборникѣ, напечатанномъ L. C. R., стр. 220, 221, 225, 228, 230, 231, 235, 239.—Извѣстно, что оригиналы этого труда остались у издателя Леружъ, гдѣ каждый могъ ихъ видѣть до 1-го брюмера года IX.

среднее между агитаторомъ и государственнымъ человѣкомъ, между протестантомъ и монахомъ, между инквизиторомъ и судьей. Отсюда эта упорная бдительность, доходящая до добродѣтели, это шпионство, возведенное въ рангъ патріотическихъ преслѣдованій, и эта страсть къ доносамъ, надъ которой сначала смѣялись, а потомъ ея трепетали:

«Я доношу на Германію, Португалію и Испанію, Мексику и Шампань, на Лиму и Перу. Я доношу на Италію, Африку и Берберію, Англию и Россію, не исключая даже Москвы» ¹⁾).

Подобное общество могло ли долго находиться подъ вліяніемъ легкомысленнаго Барнава и братьевъ Ламетовъ? Очевидно, нѣтъ. Единственнымъ человѣкомъ, способнымъ олицетворить его, былъ Робеспьеръ. Скоро оно и довѣрилось ему.

Съ другой стороны, вполне понятно, какъ не по себѣ было въ этомъ, по существу организаторскомъ и основанномъ на формальностяхъ, клубѣ такимъ независимымъ натурамъ, какъ Камилль Демулэнъ, пылкій Дантонъ и дикій Маратъ. Для такихъ людей атмосфера якобинцевъ была слишкомъ тяжела; имъ не доставало воздуха. Ихъ свободнымъ размахамъ, ихъ стремленіямъ къ отрицанію и разрушенію, ихъ непокорному генію нужно было очень эластичное общество, въ которомъ не было бы определенной цѣльности. Это именно и послужило къ основанію *клуба кордельеровъ*. Клубъ кордельеровъ помѣщался въ капеллѣ, которая сохранилась до сихъ поръ и находится противъ медицинской академіи; это довольно обширная зала съ рядомъ деревянныхъ скамеекъ, разставленныхъ амфитеатромъ и представляющихъ наверху нѣчто въ родѣ трибуны ²⁾). Какъ зала якобинцевъ, такъ и зала кордельеровъ была полна воспоминаній, имѣвшихъ какое-то трагическое отношеніе къ своему новому назначенію. Въ первой происходило не мало засѣданій Лиги, и священники проповѣдывали тамъ объ убійствѣ королей; во второй, какъ отголосокъ религіозной анархіи XIII вѣка, собирались нищенствующие монахи, санкюлоты прежнихъ вѣковъ.

Въ сущности, клубъ кордельеровъ былъ лишь переведенный въ тѣсное помѣщеніе «Клубъ 89-ти», устроившійся на такую широкую ногу въ саду Пале-Рояля въ іюль, августъ и сентябрь 1789 года. Сюда сходились не для того, чтобы сгруппироваться

¹⁾ *Les Sabbats jacobites*, 8 sabbat.

²⁾ *Le Château de Tuileries*, т. I, стр. 266.

въ партіи, сюда шли для сосредоточенія всѣ разнузданные революціонеры, всѣ погибшіе сыны Вольтера, всѣ разрушители, дошедшіе до пьянства или экстаза, всѣ мистики всемірной анархіи, всѣ тѣ якобинцы, которые, уйдя изъ якобинскаго клуба, чувствовали потребность имѣть арену, куда они свободно могли бы приходиться, кричать, орать, мечтать вслухъ, набраться ума, воодушевляться случайно, пророчествовать, доходить до бѣшенства. *Каждый для революціи и революція для всѣхъ*—вотъ девизъ, который могли бы избрать себѣ якобинцы, кордельеры же могли бы выбрать другой:—*Революція для всѣхъ и каждый для себя...* Да, здѣсь каждый дѣйствовалъ для себя: Дантонъ—стоялъ за возмущеніе народа; Марать—за войну при помощи диктатуры; Камилль Демуланъ—за огромную смѣлость, при условіи, что она должна прійтись по вкусу; Геберъ—за санкюлотство. Моморо—за богиню Разума; хорошенькая Теруанъ де Мерикуръ—за свободу, какъ представительницу ея пола, а нѣмецъ Клоцъ—за объединеніе человѣчества.

Неудивительно послѣ этого, что клубъ кордельеровъ не имѣлъ развѣтвленій и не переходилъ за границы Парижа; по самой своей натурѣ, онъ не допускалъ никакой организаціи, никакой дисциплины. Дѣйствительно, кордельеры могли представлять собою только полкъ добровольцевъ; якобинцы, наоборотъ, создали армію—мрачную, съ лозунгами, съ начальниками, съ приказами, съ траншеями и пустынную по всѣмъ направленіямъ свои грозные отряды.

Но если, по отношенію къ прошлому и его обломкамъ, вдохновители клуба якобинцевъ были люди борьбы, не слѣдуетъ забывать, что во всемъ, что касалось подготовки будущаго, они имѣли претензію быть государственными людьми. Часто даже въ ихъ манифестаціяхъ конспиративный элементъ оставался въ тѣни и выступалъ наружу только элементъ политическій.

Нижеслѣдующій адресъ, посланный главнымъ парижскимъ обществомъ въ филиальныя отдѣленія провинціи, по поводу событій въ Нанси, дастъ представленіе о серьезномъ и догматическомъ языкѣ, которымъ способны были иногда говорить заправила якобинцевъ:

«Члены обществъ, учрежденныхъ въ городахъ, гдѣ имѣются линейныя войска и гдѣ сѣмена волненія возбудили вашу тревогу,—употребите всѣ ваши старанія, чтобы возстановить порядокъ и то единеніе, ту откровенность, ту сердечность, которыми

такъ необходимы военнымъ. Скажите имъ, что слѣпое заблужденіе прикрываетъ ихъ патріотизмъ; что, слушая внушенія враговъ отечества, они, сами того не желая, работаютъ надъ разрушеніемъ конституціи, которую клялись поддерживать; что въ то время, какъ добрые граждане встревожены этими безпорядками, злые—радуются имъ и надѣются создать, при помощи неповиновенія арміи, гибель конституціи, создавшейся стремленіемъ къ общему благу...

«Скажите начальникамъ, что солдаты, хотя и подчинены имъ, но представляютъ собою ихъ товарищей по полку, что это названіе заслуживаетъ расположенія; что авторитетъ не теряетъ своего достоинства, соединяясь съ привязанностью; что армія не можетъ существовать безъ дисциплины, а дисциплина безъ повиновенія; что повиновеніе, предписанное закономъ, есть долгъ чести.

«Скажите всѣмъ, что благо родины приказываетъ имъ примириться и соединиться!»¹⁾

Могло ли само Національное Собраніе сказать что-либо болѣе выдержанное, болѣе *политическое*?

И, въ сущности, главное парижское общество якобинцевъ было настоящимъ національнымъ собраніемъ, съ которымъ филиалныя отдѣленія были связаны гораздо тѣснѣе, чѣмъ административныя части съ законодательнымъ корпусомъ, засѣдающимъ въ Парижѣ. Для якобинцевъ провинціальныхъ городовъ сноситься прямо съ клубомъ въ улицѣ Сентъ-Онорэ было такую честью, какую они никому не уступили бы. Когда Александръ и Шарль Ламеты стояли еще во главѣ парижскаго клуба, съ какимъ краснорѣчивымъ и глубокимъ волненіемъ члены филиалнаго отдѣленія клуба якобинцевъ въ Лонгъле Сольнье, сформировавшагося въ клубъ, обрадованные тѣмъ, что состоятъ представителями ихъ, обращаются въ парижскій клубъ, выставляютъ свои права, просятъ справедливости: «Наши титулы—это наши мнѣнія о свободѣ печати, объ измѣненіи декрета, о денежныхъ знакахъ, о присоединеніи къ Франціи Авиньона, о защитѣ преслѣдуемыхъ швейцарцевъ, о вооруженіи границъ, объ организаціи національной гвардіи... и нашу кровь готовы мы пролить за революцію». Затѣмъ, они докладываютъ, что ихъ клубъ

¹⁾ См. этотъ адресъ, напечатанный *in extenso* въ *Révolutions de France et de Brabant*, № 43.

состоить» изъ національной гвардіи, судей, муниципальных офицеровъ, изъ гражданъ, съ опасностью жизни вырвавшихъ оружіе изъ рукъ аббата Ключи, изъ ремесленниковъ, изъ крестьянъ, привыкшихъ разсуждать въ овины вокругъ стола, поддерживаемаго по четыремъ угламъ пиками, съ фригійской шапкой на верху».

Это объясненіе даетъ ясное понятіе о мнѣніяхъ и составѣ филиальныхъ отдѣленій общества.

Для того чтобъ обнародовать свою переписку съ главнымъ парижскимъ обществомъ, была основана газета, первый номеръ которой появился 30-го ноября 1790 года, подъ названіемъ *Газета Общества друзей конституціи*. Она имѣла печать общества, состоящую изъ дубоваго вѣнка съ надписью въ срединѣ: *Жить свободнымъ или умереть!* Самое оригинальное въ этой газетѣ, издаваемой клубомъ якобинцевъ въ Парижѣ, это то, что они не печатали отчетовъ своихъ засѣданій. Историческія статьи о трудахъ Національнаго Собранія со времени его возникновенія, письма, полученныя изъ провинціи, анонимныя или коллективные доносы—вотъ все, что въ ней имѣлось. Редакція газеты была поручена Шодерло де Лакло, который, хотя и былъ орлеанистомъ, проповѣдовалъ въ этомъ листкѣ лишь уваженіе и любовь къ конституціи и говорилъ въ предисловіи: «Главная цѣль этого изданія—заставить полюбить конституцію; мы употребимъ все средства, чтобъ ознакомить съ нею».

Можно себѣ представить, какъ многочисленны и грозны были нападки, направленные на якобинцевъ. Ненависть изливалась во всѣхъ формахъ, клевета распространялась подъ всѣми видами. *Разоблаченные якобинцы, Якобинскій карнавалъ, Анти-якобинство; Тайны клуба якобинцевъ, открытыя народу; Разговоръ якобинца съ ребенкомъ; Пьеса хуже, чѣмъ дыра; Выпорить или не выпорить; Нужно ли для этого быть якобинцемъ или фейльянтинцемъ?..* и т. д., и т. д. Эти заглавія соотвѣтствуютъ пасквилямъ¹⁾. Но исторія напрасно будетъ искать въ этомъ объясненій; все это безотносительно, ни на чемъ не основано и высказано такимъ языкомъ, который не поддается пересказу.

Ф. Маршанъ сдѣлалъ якобинцамъ честь, создалъ для поле-

¹⁾ См. *la Bibliothèque historique de la Révolution.—Jacobins.*—Бритаискій музей.

мки съ ними спеціальную газету, подъ названіемъ *Шабани якобинцевъ*, украсивъ ее сатирической эпиграммой Меншпа.

Gardez, Messieurs, que l'on s'accorde,
Sans vous en demander avis;
Car, après, sans miséricorde,
Pourriez bien, au bout d'une corde
Faire la moue à vos amis.

(Старайтесь, милостивые государи, чтобъ приходили къ соглашенію, не спрашивая вашего мнѣнія, такъ какъ потомъ вы, безъ состраданія, на веревкѣ будете дѣлать кислыя рожи вашимъ друзьямъ.)

Въ этой газетѣ опять-таки мало фактовъ и еще менѣе остроумія; много лишь грубостей въ прозѣ и насмѣшекъ въ стихахъ. На одномъ вымышленномъ авторомъ засѣданіи якобинцевъ—по этому можно судить о его манерѣ писать, которой держались въ *Actes des Apotres* и во всѣхъ роялистскихъ газетахъ того времени—авторъ вкладываетъ въ уста герцога Орлеанскаго слѣдующія слова:

La France n'est pas ce que j'aime;
J'aime le trône de Louis,
Je voudrais bien m'y voir assis,
Avant la fin de ce carême.

(Я не люблю Францію; я люблю тронъ Людовика и очень хотѣлъ бы сидѣть на немъ ранѣе конца этого поста.)

Затѣмъ, вставая, герцогъ Шартрскій восклицаетъ:

No comptez jamais sur cela,
Papa, papa, papa, papa,
Que je vous plains, vous ne régnerez pas! ¹⁾.

(Не рассчитывайте никогда на это, отецъ; мнѣ очень жаль васъ: вы никогда не будете королемъ!)

Все это были холостые выстрѣлы. Популярность якобинцевъ росла день ото дня, часъ отъ часу и толпы шли къ нимъ, словно движимыя магнетическимъ токомъ. Но такъ какъ зала засѣданій могла вмѣстить лишь ограниченное число людей, такъ какъ она была закрыта для женщинъ, такъ какъ, наконецъ, рабочимъ классамъ было трудно вносить членскій взносъ,

¹⁾ *Les Sabbats jacobites*, 11 sabbat.

то всюду, подъ покровительствомъ клуба якобинцевъ, возникли филиальныя отдѣленія, куда принимались самые бѣдные граждане, женщины и дѣти. Первое изъ этихъ филиальныхъ отдѣленій возникло въ самомъ клубѣ якобинцевъ и для его засѣданій была отведена низкая зала въ монастырѣ. Вотъ что было напечатано объ этомъ въ газетѣ Камилла Демулэна:

«Самое старое и до сихъ поръ самое извѣстное филиальное отдѣленіе обязано своимъ возникновеніемъ уважаемому учителю пансіона, который сначала собралъ самый робкій классъ, то есть, наиболѣе интересный классъ народа, чтобы объяснять ему декреты. Достославный основатель, г. Дансаръ, продолжаетъ поучать свое филиальное отдѣленіе. Онъ тамъ, какъ отецъ среди дѣтей. Нѣсколько факеловъ освѣщаютъ залу. Плату за мѣста беретъ на себя общество. Обязательная плата взимается только по одному су съ человѣка, и общество находитъ еще возможность дѣлать благотворительныя дѣла. Общество исполняетъ не однѣ только гражданскія обязанности; такъ какъ оно состоитъ главнымъ образомъ изъ женщинъ и дѣвушекъ, то онѣ даютъ клятву научить своихъ дѣтей читать *Декларацию правъ* и никогда не выходить замужъ за аристократовъ» ¹⁾).

Скоро филиальныя отдѣленія и патріотическіе клубы размножились до невѣроятности, что служить характерной чертой той эпохи. Былъ *Дамскій клубъ*, дававшій концерты по пятницамъ и выпускавшій *Событія дня*, изданіе общества гражданъ ²⁾. Былъ *Клубъ убогихъ*, основанный Прюдомомъ и прозванный роялистскими газетами *Клубомъ шерстяныхъ колмаковъ* ³⁾. Былъ *Клубъ федератовъ*, *Клубъ черныхъ*, *Клубъ лакеевъ*. Въ Марэ возникъ клубъ, засѣданія котораго происходили въ старой конюшнѣ кардинала де Рогана, подъ предсѣдательствомъ конюха, возсѣдавшаго на овсяномъ ларѣ ⁴⁾.

Само собою разумѣется, что роялистскіе и аристократическіе листки не скупились на шутки надъ этими собраніями, «гдѣ,—говорили они—проповѣдуютъ о правахъ человѣка маленькимъ шалунамъ, лежащимъ въ стойлахъ» ⁵⁾; на эти собранія, по ихъ

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 64.

²⁾ Дешьенъ, повидимому, не зналъ эту газету, потому что онъ не упоминаетъ о ней въ своей *Библиотекѣ газетъ революціи*.

³⁾ См. *Le Contre-poison*, № 10.

⁴⁾ *Sabbats jacobites*, 5 sabbat.

⁵⁾ *Ibidem*.

мнѣнію, принимались лишь на условіи не имѣть ни крова, ни огня и ходить босикомъ¹⁾; въ этихъ филиальныхъ отдѣленіяхъ сидятъ рядомъ «жена честнаго ремесленника, болтуня - буржуазка и торговка рыбой». Периодическій памфлетъ, называвшійся *Жанъ-Баръ*, передававшій непристойнымъ языкомъ противоположныя мнѣнія, въ такихъ выраженіяхъ возставалъ противъ маніи клубизма:

«Теперь только и рѣчи, что о клубахъ, собраніяхъ, патриотическихъ притонахъ. Ахъ, я... ну его, весь этотъ показной патриотизмъ.... Я всюду встрѣчаю болтуновъ, мятежницъ и мятежниковъ, и посреди этого сумбура еще недостаточно французовъ. И потомъ, замѣтите противорѣчіе: Франція возстаетъ противъ партійныхъ умовъ; она знаетъ, какъ духовенство повредило ея счастью; она устраняетъ монаховъ. И вотъ, я вступаю въ общество, гдѣ меня не знаютъ.—«Что это за синее платье и широкіе штаны?»—Сударыня, это г. Жанъ-Баръ.— Кто онъ,—кордильеръ? Премонстрантъ? Фейльянтинецъ? Якобинецъ?—Я морякъ... сударыня, французъ по жизни, но.... не созданъ быть монахомъ.—«Вы не въ курсѣ дѣла, г. морякъ».— Клянусь Богомъ, сударыня, прошу тысячу миллионовъ извиненій, но я думалъ, какъ.... что для свободнаго человѣка нѣтъ лучшаго названія, чѣмъ французъ. Якобинецъ, фи! Я.... не хочу идти въ церковь, гдѣ монахи, преступники противъ націи, вооружили Якова Клемана противъ Генриха III и заставили этого каторжника, проглотить просфору. Онъ носилъ имя якобинцевъ, которыхъ вы безчестите, какъ добрыхъ патриотовъ, между тѣмъ какъ изъ ихъ числа есть патриоты. «Якобинецъ!» Я ненавижу это имя и люблю имя «французъ», которое, къ несчастію, люди переименовали въ якобинца. Эти... мои братья и я до омерзенія сожалѣю всѣхъ тѣхъ, которые называютъ себя добрыми гражданами и покупаютъ на шесть франковъ патриотизма. Нѣтъ больше партій, клянусь тысячью цѣпныхъ ядеръ! Нѣтъ больше партій! Духъ общественности есть ядъ свободы»²⁾.

Какъ ни были тогда полезны и необходимы клубы, для того ли, чтобъ поколебать салонные заговоры, для того ли, чтобъ посредствомъ общественнаго мнѣнія пробудить и просвѣтить

¹⁾ *Le Contre-poison*, № 10.

²⁾ *Jean Bart*, № 86.—*Отъ персв.* Слова, замѣненные многоточіемъ, настолько неприличны и даже непередаваемы по-русски, что мы не рѣшаемся переводить ихъ.

народъ, но несомнѣнно, что нападки на духъ общественности были для нихъ наиболѣе чувствительны; несправедливая война, объявленная *клубомъ якобинцевъ Общественному кружку*, слишкомъ ясно доказала, что циничная выходка *Жана Баръ* не была лишена основанія.

Общественный кружокъ или *Федеративное собраніе друзей истины* былъ открытъ 1-го октября 1790 въ циркѣ Пале-Рояля въ присутствіи пяти тысячъ зрителей, не считая толпы дамъ, наполнившихъ галереи. Всѣ торжественно ждали Клода Фопэ, который долженъ былъ говорить. Онъ появился на трибунѣ, среди всеобщаго волненія и самъ сильно взволнованный, началъ такими прекрасными словами:

«Насъ собрала великая идея образовать союзъ людей... Общество состоитъ только изъ отдѣльныхъ личностей; нигдѣ еще личности эти не соединены во-имя общаго блага. Законодатели начертали линіи, въ которые замкнули народы для того, чтобы ихъ обуздывать, но не для того, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми. Главные законы забыли всеобъединяющую дружбу и занимались только всеуничтожающимъ разногласіемъ. Ни одинъ еще не принялъ за общественное основаніе того, что человѣкъъ есть существо любящее, и не направилъ къ этой умиротворяющей наклонности общественныхъ учреждений. Всѣ законы, наоборотъ, имѣли въ виду человѣка-эгоиста, противника своего ближняго. Слѣдовательно, законы занимаются лишь запрещеніями, привилегіями, личными гарантіямъ, облегченіями однихъ, притѣсненіями другихъ; они воспретили человѣчность богачамъ, покровительствуя ихъ удовольствіямъ, они воспретили права природы бѣднякамъ, не слушая даже ихъ жалобъ. Разсадивъ такъ по клѣткамъ всѣхъ этихъ, по ихъ мнѣнію, хищныхъ звѣрей и сдѣланныхъ такими самими учреждениями, они, связавъ ихъ цѣпями, отдѣлили однихъ отъ другихъ, основали будто бы національныя общества и сказали: «другія націи вамъ чужды; приготовьтесь глядѣть на нихъ, какъ на враговъ». Такимъ образомъ, весь міръ находится въ постоянной войнѣ: внутри имперіи человѣкъъ воюетъ съ человѣкомъ, а внѣ ея—народъ съ народомъ...»¹⁾

Эта рѣчь достаточно ясно показала, что принципы *Общественнаго кружка* не будутъ основаны на индивидуальности, что они гораздо больше будутъ держаться Руссо, чѣмъ Вольтера,

¹⁾ См. *Histoire parlementaire* Бушэ и Ру, т. VII, стр. 449 и 450.

что въ политикѣ они будутъ держаться Мабли, въ общественной организаціи—Морелли, а въ области нравственной будутъ придерживаться Евангелія. И, дѣйствительно, въ *Bouche de fer*, органѣ *Общественнаго кружка*, Клодъ Фошэ напечаталъ цѣлый рядъ статей, гдѣ Вольтеръ принесенъ въ жертву Жанъ-Жаку, гдѣ самъ Жанъ-Жакъ съ уваженіемъ критикуется каждый разъ, когда выводитъ свои принципы не изъ радикальныхъ слѣдствій, и гдѣ культъ проповѣди человѣческаго братства ведется то съ мягкой и сильной серьезностью, то со страстнымъ краснорѣчіемъ.

«Быть свободнымъ, разсудительнымъ и добрымъ—оживляетъ твое существованіе, вооружаетъ мысль, возвышаетъ душу и охраняетъ твой очагъ. Природа бережетъ его; она опредѣлила время твоего пробужденія и конецъ своихъ отмщеній... Вся земля встаетъ на встрѣчу своему властелину и для того, чтобы подъ новымъ владычествомъ принять болѣе счастливый видъ. Дивный Руссо! Чувствительная и правдивая душа! Ты, одинъ изъ первыхъ понялъ вѣчный порядокъ справедливости. Да, каждый человѣкъ имѣетъ право на землю и долженъ имѣть собственный домъ, въ которомъ онъ живетъ... Въ товарищескомъ договорѣ, соединяющемъ націю, согласно властительнымъ условіямъ природы и правосудія, человѣкъ всецѣло отдается родинѣ и получаетъ отъ нея все; каждый даетъ ей свои права, свои силы, свои способности, свои средства къ существованію, и онъ становится соучастникомъ правъ, силъ, способностей и средствъ къ существованію всѣхъ: великое единство, изъ котораго вытекаютъ гармоническая сила, полная безопасность, вся сумма счастья, которой каждый достоинъ, и высшая оцѣнка повелѣній природы!»¹⁾

Кто не услышалъ бы въ этомъ какъ бы отдаленное эхо того социализма, который былъ скандаломъ, ужасомъ и славой XIX столѣтія?

Эти мнѣнія, несомнѣнно, раздѣлялись не всѣми членами *Общественнаго кружка*: ни Гупиль Префельтъ, ни Мальби де Шато Рено, ни Кондорсе не подписали бы такой программы, по крайней мѣрѣ, не измѣнивъ ее немного. Но не они были руководителями *Bouche de fer*, а Фошэ по социальному вопросу и Боневиль по философіи. Такимъ образомъ, въ то время, когда Фошэ проповѣдывалъ людямъ, что тайна высшаго счастья заклю-

¹⁾ *Bouche de fer*, № XV.

Между тѣмъ, эти блестящія проповѣди *кружка* привлекали такую толпу, что *клубъ якобинцевъ* встревожился. Полный ревнивыхъ мыслей и желая найти имъ благопріятный исходъ, Лакло, пользуясь текстомъ нѣкоторыхъ писемъ, въ которыхъ филиальныя отдѣленія спрашивали парижское общество якобинцевъ объ *Общественномъ кружкѣ*, онъ въ одномъ бурномъ засѣданіи якобинцевъ разразился грозной рѣчью. Непростительное преступленіе *Общественнаго кружка*, по мнѣнію Лакло, заключалось въ желаніи изданія принудительнаго поземельнаго закона. Но никогда не было болѣе несправедливаго обвиненія: вовсе не проповѣдуя равное раздѣленіе земли, то есть химерическую и вздорную идею, *Bouche de fer* не переставалъ настаивать на принципѣ товарищества, какъ на единственномъ средствѣ пользованія правомъ собственности каждаго члена общественной семьи. Правда, Боневиль расхваливалъ поземельный законъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, но это мнѣніе не поддерживалось ни рѣчами, произносимыми въ *Общественномъ кружкѣ* ни въ газетѣ, которая была официальнымъ выразителемъ его доктрины. Камилль Демуленъ присутствовалъ на засѣданіи, когда Лакло излагалъ свои принципы. Не вдаваясь въ обсужденіе поднятаго вопроса, онъ великодушно защищалъ отсутствующихъ; онъ утверждалъ, что революціонеры цирка были братья якобинцевъ по идеѣ; что онъ «присутствовалъ вмѣстѣ съ ними на богослуженіяхъ и узналъ ихъ по преломленію хлѣба»; что между двумя клубами существуетъ лишь та разниа, что вступительный взносъ въ одинъ изъ нихъ девять ливровъ, а въ другой—двѣнадцать... Ему не дали окончить,—Лакло сдѣлалъ слишкомъ хорошо понятный призывъ къ духу общности. Вѣднѣй Камилль, для котораго это было ораторскимъ опытомъ, ждалъ триумфа, какъ онъ самъ признался, но былъ вынужденъ подъ звуки свистковъ спуститься съ трибуны и изложить въ своей газетѣ все, что осталось невысказаннымъ. Приняли предложеніе Лакло, заключавшееся въ томъ, чтобъ послать адресъ филиальнымъ отдѣленіямъ для того, чтобы они не смѣшивали двухъ клубовъ, а на слѣдующій день, пользуясь репрессаліями, правленіе *Общественнаго кружка* рѣшило, что отнынѣ членскіе билеты якобинцевъ будутъ недѣйствительны для входа въ циркъ¹⁾.

Къ концу октября 1790 года *клубъ безпартійныхъ*, считав-

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 54.

пійся уже мертвымъ, вдругъ воскресъ подъ названіемъ *Монархическаго клуба*, съ болѣе совершенной организаціей и болѣе энергичнымъ образомъ дѣйствій. На этотъ разъ на первомъ планѣ фигурировалъ Клермонъ Тоннеръ. Цѣлью его было склонить общественное мнѣніе къ принятію конституціонной системы, нѣсколько схожей съ англійской¹⁾. Онъ зналъ, что ему придется для этого воевать съ якобинцами и рѣшительно приготовился къ этому.

Въ провинціи были учреждены филиальныя отдѣленія *Монархическаго клуба*; членами принимались лица всѣхъ классовъ и профессій; рѣшено было, что членскіе взносы будутъ взиматься по состоянію cadaго и пойдутъ на дѣла благотворительности²⁾. Скоро начались злоупотребленія. Карточки общества, за подписью его правленія, дали огромному числу бѣдныхъ надежду доставать у нѣкоторыхъ булочниковъ фунтъ хлѣба за су шесть денегъ и даже получать бесплатно.—Хлѣбъ въ четыре фунта стоилъ тогда девять су³⁾. Но то, что *Монархическій клубъ* разсчитывалъ сдѣлать себѣ на пользу, послужило ему во вредъ. Его обвинили въ развращающихъ поступкахъ. Какъ,—онъ осмѣливается соблазнять толпу? Неужели у бѣдняка ужъ такая плохая совѣсть, что онъ промѣняетъ ее на кусокъ хлѣба? Неужели общественное мнѣніе Франціи можетъ быть продано съ аукціона, какъ когда-го государство павнаго Рима? Горячія нападки клуба въ улицѣ Сентъ-Онорэ нашли отзвукъ въ каждомъ кварталѣ Парижа, всѣми повторялись и принимали угрожающій характеръ. Заволновались предмѣстья. Муниципальный совѣтъ былъ въ смущеніи и нерѣшительности. 25-го января 1791 года, на дневномъ засѣданіи, Барнавъ не по колебался заявить съ трибуны о недовольствѣ якобинцевъ. Онъ взывалъ къ властямъ, обязаннымъ слѣдить за общественнымъ спокойствіемъ, онъ взывалъ къ бдительности сыскаго комитета, указывая на опасность этой раздачи хлѣба за половинную цѣну, давалъ понять, что это не что иное, какъ плата, выдаваемая впередъ за мятежи, которые дѣлаются по найму. Прошелъ слухъ, что раздаваемый хлѣбъ отравленъ. Этотъ слухъ, рѣчь Барнава, клятва, данная якобинцами въ ихъ клубѣ, защищать своей кровью и

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, т. II, кн. VIII, стр. 222.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ См. *le Club des Jacobins*, par Ribeyrolles, dans *la Réforme*, № 10-го января 1849 года.

имуществомъ, какъ общественное дѣло, находящееся въ опасности, каждаго гражданина, доносящаго на заговорщиковъ и измѣнниковъ, — всколыхнули Парижъ. Домъ Клермонъ Тоннера окружила разъяренная толпа. Онъ вышелъ, ему закричали: *Повесьте его на фонарь!* Когда онъ заговорилъ, крики усилились. Онъ предложилъ дать публичное объясненіе и вышелъ; его окружила такая густая толпа, что нѣкоторые изъ его друзей, думая, что онъ въ опасности, прибѣжали и выручили его¹⁾.

Въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ Клермонъ Тоннеръ выказалъ много стоической твердости. Онъ отправился къ Балли, сказалъ ему, что право собраній существуетъ для всѣхъ гражданъ и жаловался, что его притѣсняютъ. Балли отвѣтилъ ему что самъ состоитъ въ *клубъ якобинцевъ*. «Тѣмъ хуже, милостивый государь, — возразилъ Клермонъ Тоннеръ, — начальникъ муниципальнаго совѣта не долженъ быть членомъ ни одного клуба». — И Балли объявилъ, что приметъ это къ свѣдѣнію. Но какимъ образомъ? Всеобщее волненіе умовъ было такъ сильно что могли посягнуть даже на муниципальные власти. Еще разъ, и въ послѣдній, собрались члены *Монархическаго клуба*. Ферриеръ увѣряетъ, что когда народъ снова началъ собираться толпами, пять или шесть якобинцевъ показали ему принесенныя въ карманахъ бѣлые значки, которыя они, будто бы сняли съ членовъ *Монархическаго клуба*. Этого было достаточно для того, чтобъ возбудить всеобщій гнѣвъ: залу взяли приступомъ. Когда Балли пріѣхалъ въ каретѣ, его встрѣтили криками, какъ соучастника безпорядка. На слѣдующій день муниципальный совѣтъ, объявивъ *Монархическій клубъ* отвѣтственнымъ за бунтъ, котораго онъ былъ жертвой, окончательно запретилъ его собранія²⁾.

Если вѣрить Феррьеру, то якобинцы департаментовъ повторили ту же самую сцену во всѣхъ городахъ, гдѣ существовали отдѣленія *Монархическаго клуба*. На нихъ доносили, на нихъ нападали и ихъ разгоняли; то, что сдѣлалъ муниципальный совѣтъ Парижа, дѣлали и муниципальные совѣты провинцій, и главный парижскій *клубъ якобинцевъ* одинъ царилъ во всей Франціи, не имѣя соперниковъ³⁾.

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, т. II, кн. VIII, стр. 227.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibidem*, стр. 230.

Горе тому, кто опрокидывает алтари, которые должны служить прибежищемъ слабымъ и угнетенныхъ! Горе тому, кто, находясь у власти, подниметъ руку на богиню-хранительницу свободы! Существуетъ ли такой побѣдоносный Цезарь, который могъ бы быть увѣренъ въ томъ, что вѣчно будетъ побѣждать? Существуетъ ли такая первенствующая партія, которая можетъ быть увѣрена въ томъ, что, испытавъ тиранію, не будетъ звать о свободѣ? Когда повернется колесо Фортуны, придетъ *золотая молодежь* и, въ свою очередь, якобинцы будутъ выгнаны изъ ихъ залъ, постыдно преслѣдуемы на улицахъ и убиваемы на площадяхъ!

Да, мы хотимъ высказать и скажемъ это громко: ошибка революціонныхъ клубовъ заключалась въ томъ, что они создали легіоны доносчиковъ, всюду посѣяли недоувѣріе, преувеличили подозрѣнія, и въ особенности въ томъ, что, для того чтобы побѣдить деспотизмъ, они, въ большинствѣ случаевъ, у него же заимствовали его жестокость и приемы. Въ этомъ заключалось зло, и было бы подлостью молчать объ этомъ; но нельзя отрицать и пользы, принесенной клубами. Если контръ-революція ничего не могла совершить безнаказанно и воздерживалась отъ смѣлыхъ поступковъ, если общее настроеніе умовъ долго и неустанно шло по пути, полному препятствій; если каждый городъ Франціи могъ жить полной событій жизнью Парижа и трепеталъ, когда трепеталъ Парижъ; если Камилль Демуленъ, вмѣшавшійся въ группы рабочихъ, воображалъ себя иногда въ своихъ любимыхъ Афинахъ, и если Клоцъ имѣлъ право писать Бѣрку то, что говорили простымъ ремесленникамъ по поводу Монтескьѣ и Беля, Фрерэ и Гельвеція, — то все это было дѣломъ революціонныхъ клубовъ и, главнымъ образомъ, *Клуба якобинцевъ!* Но зачѣмъ рядомъ съ добромъ стоитъ зло?.. Спросите Бога!

ГЛАВА VI.

Расколъ.

Гражданскій строй духовенства, защищаемый революціонерами и отвергаемый священниками.—Горячность словесныхъ преній.—Религіозная скорбь Людовика XVI.—Горячее упорство духовенства.—Мѣры противъ духовенства, предложенныя Вуаделемъ.—Напускная горячность Мирабо; архіепископъ тулузскій жалуется на это графу де Ла Маркь; постыдныя объясненія, сдѣланныя Мирабо.—Сознательныя провокаціи аббата Мори, разоблаченныя Александромъ Ламетомъ.—Декретъ 27-го ноября 1790 года, предписывающій присягу духовенству.—Колебанія Людовика XVI; мрачное нетерпѣніе Камюса.—Поддѣльный бунтъ; утвержденный декретъ 27-го ноября.—Бракъ Камилла Демулена съ Сесиль Дюплесси; кюре заставляеть его признать себя добрымъ католикомъ и дать обѣщаніе исповѣдаться.—Камиллъ плачетъ за проповѣдью.—Укоръ Робеспьера, одного изъ брачныхъ свидѣтелей.—Камиллъ Демуленъ удвоилъ свой пылъ и свое рвеніе противъ духовенства.—*Протоколъ засѣданій духовенства у парижскихъ двѣрицъ*; опубликованныя разоблаченія Сартина; скандальное приключеніе аббата.—Странная сдержанность Марата относительно конституціоннаго строя духовенства; его письмо Людовику XVI.—Памятное засѣданіе 4-го января 1791 года; большинство духовенства, членовъ Національнаго Собранія, отказывается дать присягу.—Замѣстители Лусталб.—Бальи и кюре Сентъ-Роха.—Галейранъ приноситъ присягу; обвиненный въ скандальной страсти къ игрѣ, онъ публично признается, что выигралъ тридцать тысячъ ливровъ въ Шахматномъ клубѣ.—Различные маневры священниковъ и ихъ противниковъ.—Исторія кюре церкви Сентъ-Роха.—Изъ ста тридцати восьми епископовъ или архіепископовъ только четыре присягаютъ.—Число отказавшихся отъ присяги кюре; преслѣдованіе.—Чудеса, разсказываемыя священниками.—Противорѣчивыя измѣны Мирабо; *его адресъ относительно гражданскаго строя духовенства*; адресъ отвергнуть.—Инструкція гражданскаго строя духовенства, одобренная Національнымъ Собраніемъ.—Отвратительные совѣты, данныя Мирабо двору.—Краснорѣчивая рѣчь Казалеса.—Мѣткія слова Монлозье о послѣдствіяхъ раскола.

Снова выступаетъ духовенство и соединенные противъ него въ послѣднемъ усилии, геніи Сентъ-Сирана и Вольтера.

Напомнимъ сначала, въ нѣсколькихъ словахъ, постановленія декрета, вотированнаго 12-го іюля 1790 года.

Этотъ знаменитый декретъ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ *«гражданскій строй духовенства»*, уничтожалъ почти всѣ старинныя духовныя учрежденія. Такъ, не было больше званія архіепископа, не было больше духовныхъ должностей при храмахъ и часовняхъ, приносящихъ доходы, капитуловъ, пріорствъ, аббатствъ, монастырей, не было больше бесполезныхъ должностей и лишнихъ учрежденій. Въмѣсто этого территориальнаго раздѣленія, которое раньше было такъ неравномѣрно и разнообразно, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ было по тысячѣмъ четыреста приходовъ, въ другихъ — всего лишь двадцать; епископства отнынѣ полагались лишь по одному на департа-

ментъ. Назначеніе епископовъ и кюре, дѣлавшееся раньше нерѣдко по пристрастному выбору короля, теперь было замѣнено общественными выборами, какъ въ первобытной церкви. Содержаніе, хотя еще и оставалось довольно большимъ, было значительно уменьшено противъ прежняго и уравнено. Наконецъ, выборный всякаго званія, прежде своего посвященія, долженъ былъ приносить присягу въ вѣрности націи, закону и королю¹⁾.

Въ сущности, странно было, думать, что какъ бы ни были важны всѣ эти нововеденія, Національное Собраніе, утверждая ихъ, налагало святотатственную руку на религію. Камилль Демуленъ былъ правъ, когда писалъ слѣдующія, продиктованныя здравымъ смысломъ, строки:

«...Національное Собраніе отдѣлило *землемѣровъ* отъ *священниковъ*. Еслибъ оно сказала землемѣрамъ, которые раздѣлили Францію на восемьдесятъ три департамента: *Крестите, проповѣдуйте, совершайте требы* на столькихъ-то квадратныхъ саженяхъ, вы были бы правы кричать о святотатствѣ; но если на васъ возлагаютъ исключительную заботу освящать этотъ участокъ, за сѣивать его божественнымъ словомъ, то на чтò вы жалуетесь? Скажите, развѣ Христосъ начерталъ пальцемъ карту католической территоріи, такъ что до нея нельзя ужъ и дотронуться? Развѣ, оставивъ себѣ психологію, Онъ не предоставилъ географію гражданской власти?»²⁾.

Что же касается до выборовъ народомъ, а не королемъ, то выборы не лучше ли, не чище ли, не спокойнѣе ли для нравовъ, не ближе ли духу первоначальной церкви? Демуленъ торжествовалъ:

«Знаете ли вы, мои дорогіе братья, какъ дѣлались епископами? — писалъ онъ, разумѣя выборы, дѣлавшіеся королями. — Прежде всего, *надо было быть изъ того тѣста, изъ котораго дѣлали епископовъ*. По этому поводу я вамъ расскажу маленькій анекдотъ. Когда Людовикъ XV состарился, его духовникъ сказалъ ему, что царь Давидъ, сдѣлавшись старымъ подагрикомъ, согрѣвался только теплотою Сунамиты... Людовикъ XV подумалъ, что не найдетъ лучшей Сунамиты, какъ Дюбарри, для того чтобы согрѣть подошвы ногъ и конечности, начинавшія холодѣть. Но о прелестной грѣшницѣ шла такая дурная

¹⁾ Декретъ 12 іюля 1790 г.

²⁾ *Revolutions de France et de Brabant*, № 60.

слава, что несмотря на страшнѣйшій развратъ этого двора, самые отчаянные повѣсы съ отвращеніемъ соглашались на поѣздку въ каретѣ съ тою, съ которой столько народу ѣздило на простыхъ извозчикахъ. Вы никогда не догадаетесь, мои братья во Христѣ, кто сдѣлалъ первый шагъ, кто первый отправился поцѣловать эту ручку?.. Это былъ папскій нунцій, святой представитель святѣйшаго отца! Затѣмъ явился кардиналъ Ла Рошъ-Эмонъ. Этотъ даже,—что вполнѣ достовѣрно,—не удовольствовался однимъ цѣлованіемъ ручки... Вотъ изъ какого тѣста дѣлали епископовъ, мои дорогие прихожане¹⁾».

Священники были не изъ тѣхъ людей, чтобъ сдаться безъ боя: на колкости послѣдователей Вольтера они отвѣчали богословской эрудиціей, прикрывавшей ихъ раздраженіе. Начался настоящій потокъ возраженій, протестовъ, пасторскихъ писемъ, инструкцій, религіозныхъ поясненій,—святыхъ филиппикъ. Перо историка не выдержало бы даже одного перечня всевозможныхъ сочиненій, вызванныхъ *гражданскимъ строемъ духовенства*²⁾. Въ общемъ, вотъ что говорило духовенство:

Постановленіемъ Иисуса Христа верховная власть церкви сосредоточена въ епископахъ, объединенныхъ властью папы: постановленіемъ вашихъ декретовъ, наоборотъ, вы, міряне, управляете церковью, вы устанавливаете іерархію по вашему капризу, вы раздѣляете стадо, вы распоряжаетесь пастыремъ.

Постановленіемъ Иисуса Христа существуетъ преемникъ святого Петра, которому принадлежитъ во всей своей священной широтѣ духовное вѣдомство: постановленіемъ вашихъ декретовъ, наоборотъ, конецъ Риму, конецъ папѣ!

Постановленіемъ Иисуса Христа простые священники подчинены епископамъ, представителямъ апостоловъ: постановленіемъ вашихъ декретовъ не разрѣшается ни одному епископу назначать священника въ приходахъ его епархіи: тому, кто долженъ повиноваться, вы даете право контролировать того, кто управляетъ,—вы отдаете дѣло апостола простымъ ученикамъ.

Постановленіемъ Иисуса Христа народъ находитъ благо лишь у истинныхъ пастырей, данныхъ ему церковью: постановленіемъ

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 60.

²⁾ Въ *Bibliothèque historique de la Révolution* въ Британскомъ музеѣ сочиненія, относящіяся къ духовенству, занимаютъ номера отъ 94-го до 180, то есть, не менѣе восьмидесяти шести томовъ.

вашихъ декретовъ, наоборотъ, создаются злые пастыри, готовые вводить въ заблужденіе свое стадо, обольстить его, погубить! Но наступитъ время, когда народъ перестанетъ даже вѣрить въ существованіе злого пастыря, потому что руководить имъ будутъ лишь тѣ, кого онъ самъ создастъ.

Итакъ, Иисусъ Христосъ далъ верховный авторитетъ соборнымъ правиламъ и папѣ: вы не оставили никакого авторитета ни папѣ, ни соборнымъ правиламъ. Иисусъ Христосъ подчинилъ священниковъ епископамъ,—вы подчиняете епископовъ священникамъ. Иисусъ Христосъ поставилъ пастырей во главѣ стада,—вы хотите, чтобы стадо шло впереди пастырей. Иисусъ Христосъ создалъ католическую церковь,—вы создаете церковь пресвитеріанскую¹⁾.

Изъ опасенія слабо передать эти аргументы, мы заимствовали суть ихъ у самаго знаменитаго духовнаго историка времени революціи, суроваго и иногда краснорѣчиваго аббата Барюэля. Но *постановленія Иисуса Христа* были ли дѣйствительно такими, какими ихъ выставляли? Правда ли, что Богъ довѣрилъ ихъ тѣмъ, которые съ такой смѣлостью заставляли его спускаться съ небесъ и повѣрять тайну своихъ божественныхъ мыслей? Гдѣ доказательство того, что вы, священнослужители, одни на дорогѣ вѣковъ были вѣрнымъ отзвукомъ великаго голоса, который слышится въ вѣяніи вѣтровъ, поднимается изъ глубины морей и наполняетъ звуками міръ? Истинный христіанскій уставъ содержитъ ли въ себѣ всѣ произвольныя толкованія, всѣ выгодныя для духовенства толкованія? Противники духовенства это рѣшительно отрицали; они открывали Евангеліе, это божественное законодательство равенства, и читали его народу передъ мраморными дворцами, которыми во имя Бога завладѣли епископы, и напоминали, что Иисусъ былъ сынъ плотника, и колыбелью Ему служили простые ясли.

Изъ этой словесной борьбы, какъ это всегда бываетъ, вытекла иная борьба. Произошли—сопротивленіе, насилія, скандалы. Каноникамъ запретили отправлять богослуженіе въ нѣкоторыхъ кафедральныхъ и коллегіальныхъ церквахъ; они упорствовали, и отряды солдатъ появились въ ризницѣ. Въ Суассонѣ власти наложили печати на дарохранительницу въ алтарѣ²⁾.

¹⁾ Барюэль, *Histoire du clergé pendant la Révolution française*, т. I, стр. 49—52.—Лондонъ, 1801 года.

²⁾ *Ibidem*, т. I, стр. 158.

Съ большимъ сердечнымъ волненіемъ слѣдилъ Людовикъ XVI за этимъ движеніемъ. Не рѣшаясь дать 24-го августа *гражданскому строго духовенства* уже давно откладываемую санкцію, онъ обратился къ папѣ¹⁾, въ надеждѣ получить отъ него разрѣшеніе, въ которомъ такъ нуждалась его встревоженная совѣсть. Пришелъ отвѣтъ: онъ былъ ужасенъ. Пій VI говорилъ: «Если король могъ отказаться отъ правъ своей короны, то, какими бы соображеніями онъ ни руководствовался, онъ не можетъ пожертвовать тѣмъ, что долженъ Богу и церкви, которыхъ онъ старшій сынъ»²⁾.

Эти слова были громовымъ ударомъ для несчастнаго Людовика XVI, и его гласно выражаемая скорбь послужила причиной упорства епископовъ.

Въ пылкой статьѣ, напечатанной подъ заглавіемъ *Изложеніе правилъ*, они внушали народу неповиновеніе законнымъ декретамъ. Тайнымъ предписаніемъ, разсланнымъ по епархіямъ, былъ начертанъ планъ и выяснены формы борьбы, которую должны были вести епископы и кюре³⁾. Каждый алтарь, каждая ризница, каждая исповѣдальня сдѣлались очагомъ возмущенія. Когда отъ священниковъ требовали, чтобъ они повиновались декрету 12-го іюля, они или оставались глухи къ распоряженію администраціи, или придавали своему повиновенію характеръ совершеннаго надъ ними насилія. Когда они вынуждены были соглашаться на переизбраніе, вслѣдствіе упраздненія многихъ епархій, забалатированные епископы не слагали съ себя духовнаго сана. Когда нѣсколько оставленныхъ епископовъ вынуждены были дѣлать распоряженія въ упраздненныхъ епархіяхъ, то они объявляли себя временными распорядителями и викаріями чужихъ епархій⁴⁾. Все это было условлено заранѣе и исполнялось съ изумительнымъ единодушіемъ.

За смертью епископа кемперскаго, на его мѣсто былъ назначенъ Экспилли, одинъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Камюса. Онъ обратился къ Сираку, епископу реннскому, за полученіемъ каноническихъ постановленій. Тотъ отвѣтилъ ему над-

1) См. въ четвертомъ томѣ этого труда главу, озаглавленную: «*Ясенисты въ Національномъ Собраніи*».

2) *Мемуари Мирабо*, т. VIII, стр. 163.

3) *Мемуари Феррьера*, т. II, кн. VIII.

4) *Мемуари Мирабо*, т. VIII, стр. 164.

меннымъ, подчеркнутымъ, рѣшительнымъ отказомъ, который расхвалилъ аббатъ Барюэль¹⁾). Но онъ самъ же прибавляетъ: «Національное Собрание узнало по этому факту, чего оно должно ожидать отъ епископовъ»²⁾).

Оно дѣйствительно узнало это, вслѣдствіе чего 26-го ноября Вуадель былъ принятъ съ необычайной любезностью, когда отъ имени духовнаго комитета произнесъ съ трибуны слѣдующія суровыя слова:

«Противъ государства и противъ религіи между нѣкоторыми епископами и нѣкоторыми священниками заключенъ союзъ. Предлогомъ служить религія, а самолюбіе и выгоды — причинами. Обдуманномъ упорствомъ показать народу, что можно безнаказанно попираеть законы, учить его презирать ихъ, подбивать его къ возмущенію, нарушать всѣ постановленія общественнаго договора, возбуждать гражданскую войну—вотъ цѣли союза»³⁾). И, нарисовавъ яркую картину упорства духовенства, Вуадель закончилъ тѣмъ, что этому слѣдуетъ противопоставить строгія мѣры.

Увѣренный въ намѣреніяхъ Національнаго Собранія, Казалесь хотѣлъ допустить пренія, но, по настоянію Барнава, преній не было, и всталъ Мирабо.

Онъ не принималъ никакого участія въ декретѣ 12-го іюля, быть можетъ потому, что не находилъ, чтобъ его вмѣшательство было нужно, а быть можетъ потому, что страдалъ въ то время мучительнымъ воспаленіемъ глазъ, едва не лишившимъ его зрѣнія⁴⁾). Мы сейчасъ увидимъ, какой тайный планъ руководилъ его вмѣшательствомъ. Онъ напалъ на духовенство съ такимъ ожесточеніемъ, такъ сильно поносилъ его, говорилъ съ такой несокрушимой логикой, что и трибуны и собраніе не могли сдержать своихъ восторговъ. Особеннымъ взрывомъ энтузіазма были встрѣчены его слова, когда, касаясь преступленій духовенства, онъ воскликнулъ: «Какъ, — ту минуту, когда вы соединяете судьбу

1) *Histoire du clergé pendant la Révolution française*, т. I, стр. 58.

2) *Ibidem*.

3) Этотъ докладъ Вуаделя относится къ 26-му ноября 1890 года; онъ былъ представленъ на вѣтренномъ вечернемъ засѣданіи. Авторы *Histoire parlementaire* ошибочно относятъ его къ 6-му ноября, въ т. VIII, стр. 100 ихъ сочиненія, а Камилль Демуленъ—къ 28-му ноября въ № 51 *Révolutions de France et de Brabant*.

4) *Mémoires Mирабо*, т. VIII, стр. 159.

религіи съ судьбой народа; когда вы присовокупляете ее къ существованію этого великаго королевства; когда вы стремитесь распространить ея господство и культъ на наиболѣе существенную часть государства; ту минуту, когда вы такъ достопамятно вводите ее въ этотъ дивный удѣлъ лучшаго изъ королевствъ вселенной и когда водворяете могучій стягъ христіанства во всѣхъ департаментахъ Франціи; когда вы исповѣдуете предъ лицомъ всѣхъ націй и всѣхъ вѣковъ, что Богъ столь же нуженъ французскому народу, какъ и свобода...—эту минуту наши епископы выбрали для того, чтобъ придать вамъ характеръ древнихъ гонителей христіанства, чтобъ обвинить васъ въ желаніи нарушить послѣдній источникъ общественнаго порядка и погасить послѣднюю надежду на несчастную добродѣтель!»¹⁾

Парламенское духовенство было поражено: Мирабо закончилъ такимъ предложеніемъ Національному Собранію: «Объявить вакантнымъ мѣсто всякаго епископа, обратившагося къ папѣ за новыми каноническими постановленіями; подвергнуть лишенію сана того епископа, который откажетъ въ каноническомъ утвержденіи вновь назначеннымъ епископамъ или юре; лишить содержанія священниковъ, возстающихъ противъ декретовъ; преслѣдовать, какъ виновныхъ въ оскорбленіи націи, тѣхъ изъ нихъ, которые позволяютъ себѣ осуждать революцію или законы; требовать гражданскую присягу отъ всякаго, кто захочетъ поступить въ число духовенства; прекратить, до новаго приказа, посвященіе въ санъ, въ виду слишкомъ большого числа священниковъ вслѣдствіе упраздненія монастырей»²⁾.

Вслѣдъ за своимъ докладомъ, гораздо менѣе пылкимъ по формѣ, чѣмъ рѣчь Мирабо, Вуадель предложилъ очень крутыя мѣры противъ духовенства; но впечатлѣніе минуты было такъ сильно, что на это не обратили сначала большого вниманія, и Камилль Демуленъ писалъ: «Никогда еще такъ не аплодировали Мирабо; всѣ говорили выходя: *Это по-истинѣ Мирабо-Тоннеръ* (Mirabeau-Tonnerre—Мирабо-Громовержецъ). Святой Мирабо показаль въ этомъ засѣданіи, что онъ могъ бы быть въ Сорбоннѣ *aquila theologiae*... Онъ ихъ научилъ катехизису, сдѣлалъ имъ пастырское внушеніе, что нѣкоторымъ показалось забавнымъ, когда

¹⁾ Засѣданіе 26-го ноября 1790 г.

²⁾ *Мемуары Мирабо*, т. VIII, стр. 179 и 180.

они вспомнили, что въ своемъ Вепсенскомъ замкѣ онъ не занимался аскетическими сочиненіями и религіозными размышленіями, когда адресовалъ господину Сатанѣ извѣстное посвященіе, о которомъ долго не забудетъ адъ»¹⁾.

Кто бы могъ догадаться? Весь этотъ пылкій гнѣвъ, которымъ Мирабо разразился противъ священниковъ, былъ съ его стороны лишь искусной маской, подъ которой скрывалось желаніе ихъ пощадить. Вотъ доказательство, писанное его собственной рукою. Въ самый день засѣданія онъ писалъ графу Ла Марку:

«Предупредите архіепископа, мой дорогой графъ, что декретъ соединенныхъ комитетовъ противъ духовенства состоитъ изъ тридцати четырехъ параграфовъ, очень возвышенныхъ, очень суровыхъ, очень пылкихъ, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не затрагиваетъ реально самой сути. Предупредите его, что мой проектъ состоитъ изъ пяти статей, полонъ предосторожности и угрозъ, но безъ рокового срока, между тѣмъ какъ декретъ комитетовъ ставитъ восьмидневный срокъ и очень рѣшительно затыкаетъ ротъ духовенству. Моя мѣра несравненно мягче, настолько мягче, что самый упорный слушникъ можетъ найти отговорку. Тѣ двое, которыхъ мнѣ удалось убѣждать, аббатъ Прадгъ и епископъ перпиньянскій,—меня прекрасно поняли. Необходимо, чтобъ и другіе были предупреждены о томъ, что болѣе или менѣе пылкая рѣчь не должна заставить забыть декретъ, потому что, по строгомъ размышленіи, только это остается и только это существенно. Только находясь въ извѣстномъ согласіи, среди этого шумнаго собранія можно имѣть право быть благоразумнымъ: они ничего не узнаютъ, пока не узнаютъ этого»²⁾.

Итакъ, Мирабо признался: разсужденія въ его рѣчи относились къ народу, а заключенія — ко двору. Постыдно лавируя между двумя силами, изъ которыхъ вторая оплачивала его удовольствія, а первая была кадиломъ, гдѣ курилась его популярность, онъ хотѣлъ согласовать и ту и другую и обѣихъ обманывалъ... или, вѣрнѣе, старался обмануть, такъ какъ, что бы тамъ ни говорили тѣ, которыхъ называютъ ловкими людьми,

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 54.

²⁾ *Переписка между графомъ Мирабо и графомъ де Ла Маркъ*, т. II, стр. 360 и 361.—Парижъ, 1851 г.

добиться уснѣха, при помощи фальши, трудно даже и для генія. Нижеслѣдующее письмо тулузскаго архіепископа къ графу Ла Марку достаточно ясно показываетъ, что дворъ не былъ такъ глупъ, какъ думалъ Мирабо, и понялъ его стратегію.

«Рѣчь Мирабо показалась мнѣ еще болѣе отвратительной въ чтеніи, чѣмъ когда я ее слышалъ. Худшая услуга, какую могутъ оказать ему его враги,—это распространять ее»¹⁾.

27-го ноября обсужденіе возобновилось. То, что говорилъ Петіонъ, Камилль Демулентъ назвалъ длинной рѣчью на тему: *Теологія для религіи то же самое, что ябеда для справедливости*²⁾. Непреклонный Камюсъ настаивалъ на томъ, чтобы ударъ, наносимый непокорному духовенству, далъ ему почувствовать силу наносящей его руки. Аббатъ Монтекиё защищалъ духовенство съ мягкостью и добротою, характеризующими его талантъ. Но возражалъ Мирабо всѣми признаваемый атлетъ—Мори. Онъ подвизался на ристалищѣ надменнѣе, рѣзче, раздраженнѣе, чѣмъ когда либо. Вооруженный теологическимъ знаніемъ, котораго недоставало его сопернику, онъ обвинялъ его въ томъ, что тотъ сказалъ, что каждый епископъ есть «всемірный епископъ», а когда Мирабо утверждалъ, что такія смѣшныя слова никогда не сходили съ его губъ, аббатъ Мори доказалъ, что то, что пзложилъ Мирабо, означало и должно было означать именно то, что онъ утверждаетъ и что могло выйти «если не насмѣшка, то изъ пустой головы». Такъ какъ Мирабо не отвѣтилъ на этотъ вызовъ, то Мори заявилъ, что молчаніе своего противника³⁾ онъ принимаетъ за побѣду надъ нимъ, и удвоилъ свою рѣзкость.

По словамъ челоуѣка, котораго нельзя заподозрить въ революціонной партійности и который былъ очевидцемъ того, что рассказываетъ—въ засѣданіи 27-го ноября цѣлью духовенства было не воспрепятствовать исполненію декрета, сдѣлавшагося неминуемымъ вслѣдствіе его упорства, но возбудить шумъ, чтобы подумали, что этотъ декретъ есть плодъ насилія, угнетенія и безвѣрія⁴⁾. Отсюда и обдуманная нападки аббата Мори. Но одинаково обдуманная сдержанность лѣвой стороны разбила эту тактику. Неподвижная и молчаливая, она дала возможность за-

¹⁾ *Переписка между гр. Мирабо и гр. де Ла Маркъ*, т. II, стр. 863.

²⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 54.

³⁾ См. рѣчь аббата Мори въ *Histoire parlementaire*, т. VIII, стр. 130—141.

⁴⁾ *Мемуары Феррьеря*, т. II, кн. VIII, стр. 192. Collection Berville et Barrière.

щитнику духовенства въ бесполезныхъ фразлахъ излить свое холодное бѣшенство. При малѣйшемъ нетерпѣливомъ движеніи въ собраніи, предсѣдательствовавшій Александръ Ламетъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ говорилъ: «Продолжайте, господинъ аббатъ. Я обѣщаль вамъ слово и оставляю его за вами». Или же, обернувшись въ лѣвую сторону, произносилъ съ пронической улыбкой: «Господинъ аббатъ Мори очень желалъ бы, чтобъ его прервали, но я оставляю за нимъ слово даже противъ его желанія». Въ результатѣ получилось то, что послѣ двухчасовыхъ краснорѣчивыхъ натяжекъ, длиннѣйшихъ отступленій и мучительныхъ усилій «аббатъ Мори сошелъ съ трибуны взбѣшенный тѣмъ, что его не прогнали, и до такой степени виѣ себя, что не сдѣлалъ даже заключеній»¹⁾.

Затѣмъ было постановлено: епископы, кюре, викаріи, духовные общественные дѣятели должны приносить присягу на вѣрность націи, закону и королю; они обязаны всѣми силами поддерживать конституцію; послушники будутъ лишены своихъ мѣстъ; духовныя лица, нарушившія клятву послѣ того, какъ дали ее, будутъ преслѣдуемы, какъ неповинующіеся закону, лишены содержанія и объявлены лишенными гражданскихъ правъ; присяга будетъ приниматься священниками, членами Національнаго Собранія, черезъ восемь дней послѣ утвержденія декрета²⁾.

Духовенство выказало рѣшимость бороться до конца. Людовикъ XVI, уже помышлявшій о бѣгствѣ, находился въ мучительной нерѣшительности. Прошло уже около мѣсяца, а утвержденіе не приходило. 23-го декабря Камюсъ, полный мрачнаго нетерпѣнія, докладываетъ объ этомъ запозданіи собранію, удивляется, возмущается, громить папу, громить духовенство. Его возгласы волнуютъ Національное Собрание. Къ королю посылаютъ депутацію просить немедленнаго рѣшенія. Людовикъ XVI отвѣчаетъ, что думаетъ, что обязанъ, ради религіи и общественнаго спокойствія, хорошенько взвѣсить утвержденіе такого декрета, чтобы сдѣлать его, по возможности, прочнымъ и пріятнымъ. Но развѣ позволялось королю отказывать въ *принятіи* конституціонныхъ декретовъ и откладывать дольше восьми дней *утвержденіе*, когда дѣло шло объ основныхъ законахъ? Что значать эти отговорки и промедленіе? Не ждали ли позволенія папы, ко-

1) Мемуары Феррьерса, т. II, кн. VIII, стр. 195 и 196.

2) Декретъ 27-го ноября 1790 г.

тораго епископы называютъ главою церкви, какъ будто главою церкви можетъ быть кто либо, кромѣ Иисуса Христа, ея Основателя? Такъ говорилъ Камюсъ ¹⁾ и, несмотря на оппозицію аббата Мори, Національное Собрание постановило, что президентъ его завтра же отправится къ королю просить его дать относительно декрета 27-го ноября письменный отвѣтъ, подписанный кромѣ того государственнымъ секретаремъ ²⁾. Въ тотъ же самый день, 23-го декабря 1790 года, противники духовенства, какъ бы для того, чтобы оставить болѣе сильное воспоминаніе о ихъ скорой побѣдѣ, издали такой декретъ:

«Ст. I. Автору *Эмиля* и *Общественнаго договора* будетъ воздвигнута статуя съ такой надписью: *Свободная французская нація Жанъ-Жаку Руссо*. На пьедесталѣ будетъ выгравированъ девизъ: *Vitam impendere vero*.

«Ст. II. Марія-Терезія Лавассеръ, вдова Жанъ-Жака Руссо, будетъ получать содержаніе отъ королевства; ей будетъ ежегодно уплачиваться изъ общественной казны по тысячѣ двѣсти франковъ».

«Торопитесь же, — воскликнулъ Мори, — торопитесь съ этимъ новымъ родомъ борьбы; поскорѣе утверждайте этотъ дорогой вашему сердцу декретъ! Жертвы готовы: зачѣмъ же длить муку ожиданьемъ? Чтобы добыть себѣ сторонниковъ, испробуйте средство мученика. Властвуйте или, вѣрнѣе, узнайте, что царство земное приходитъ къ концу. Ваше могущество ничто съ той минуты, когда мы перестанемъ его бояться» ³⁾.

Эти пылкія слова ясно давали понять, чего отнынѣ будетъ держаться духовенство: оно рѣшило дѣлать видъ, что подставляетъ голову подъ ножъ. Людовикъ XVI съ своей стороны желалъ только одного: казаться подавленнымъ. Бунтъ нѣсколькихъ сотенъ чловѣкъ, — возбужденный, какъ предполагали, самимъ дворомъ, — пришелся какъ нельзя болѣе кстати для того, чтобы король разыгралъ эту комедію. Давая утвержденіе декрета подъ шумъ мятежныхъ криковъ, онъ дѣлалъ видъ, что уступаетъ силѣ, и его совѣсть менѣе страдала отъ этого софизма.

26-го декабря радостные крики въ Національномъ Собраніи оповѣстили, что побѣда, наконецъ, одержана и указъ, подписан-

¹⁾ Вечернее засѣданіе 23-го ноября 1790 г.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ Барюэль, *Histoire du clergé pendant la Révolution française*, т. I, стр. 59 и 60.

ное Людовикомъ и Дюпоръ дю Тертремъ, торжественно сообщено представителямъ народа. Король объяснилъ свою медленность тѣмъ, что желалъ поступить какъ можно осторожнѣе. Если теперь онъ рѣшается дать утверждение, то это потому, что его намѣренія, повидимому, вызвали сомнѣнія, что для него крайне прискорбно. Онъ довѣряетъ себя Національному Собранію и проситъ его довѣри, въ полной увѣренности, что достоинъ его ¹⁾).

Янсенисты и вольтеріанцы торжествовали; первые изъ нихъ праздновали свою общую побѣду съ нѣсколько мрачной серьезностью, характеризующей шотландскихъ пуританъ, вторые— съ чисто французскимъ пыломъ.

Маленькая домашняя драма обострила пылъ того, кого воскресшій Вольтеръ, не колеблясь, привѣтствовалъ бы, какъ своего ученика. Камиллъ Демуленъ любилъ прелестную молодую дѣвушку, Люсиль Дюлесси, и она его любила. Уже давно два любящихъ сердца стремились соединиться; позволеніе родителей было получено, такъ что въ декабрѣ 1790 года между ними стояло лишь одно, но крайне трудно преодолимое препятствіе— благословеніе священника. Камиллу пришлось, измѣнивъ свой безпечный тонъ на сокрушенный, явиться къ Пансемону, кюре церкви Сентъ-Сюльписъ. Это было курьезное свиданіе и послѣдовалъ не менѣе курьезный діалогъ. Прежде всего кюре спросилъ:— Вы католикъ?— Почему вы это спрашиваете, милостивый государь?— Потому что, если вы не католикъ, то я не могу разрѣшить вамъ таинство католической религіи.— Въ такомъ случаѣ, да, я католикъ.— Нѣтъ, милостивый государь, вы не католикъ, потому что въ одномъ изъ номеровъ вашей газеты вы сказали, что религія Магомета такъ же ясна для васъ, какъ религія Иисуса Христа.— Значитъ, вы читаете мою газету?— Иногда.— И вы, господинъ кюре, не хотите меня обвинять?— Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока вы не докажете, что исповѣдуете католическую вѣру ²⁾).

Камиллъ Демуленъ отправился въ духовный комитетъ и принесъ довольно серьезный отзывъ Мирабо. Но кюре вовсе не желалъ причислять Мирабо къ отцамъ церкви, и своевольному автору *Révolutions de France et de Brabant* пришлось, во-первыхъ,

¹⁾ Засѣданіе 26-го декабря 1790 г.

²⁾ Это взято изъ брошюры, напечатанной въ 1792 году подъ заглавіемъ: *Histoire des évènements arrivés dans la paroisse de Saint-Sulpice pendant la Révolution*. Флѣри рассказываетъ это происшествіе въ біографіи Камилла Демулена.

покаяться въ своемъ прошломъ безбожіи, во-вторыхъ, дать слово воздерживаться въ будущемъ отъ безбожія и, въ-третьихъ, исповѣдаться, — да, исповѣдаться! Любовь дѣлаетъ чудеса—онъ все общалъ¹⁾, и его прежній директоръ лицея Людовика Великаго аббатъ Берардые помогъ ему, и 29-го декабря 1790 года его обвѣнчали. Свидѣтелями его церковнаго брака были Робеспьеръ и Бриссо, а со стороны Люсиль—Сильери и Петіонъ²⁾).

Скоро Камилль, толкнувъ на эшафотъ одного изъ этихъ свидѣтелей, будетъ доведенъ до него другимъ; и эта граціозная молодая дѣвушка, улыбающаяся теперь въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ, тоже не минуетъ эшафота; и этотъ Петіонъ, провожающій ее подъ вѣнецъ, избѣгнетъ гильотины только потому, что скроется въ лѣсу, гдѣ его найдутъ полуистерзаннаго волками! О, вѣчно правосудіе, какіе удары наносишь ты твоимъ слугамъ! Передъ обрядомъ Берардые произнесъ очень трогательную рѣчь, настолько трогательную, что Камилль Демуленъ заплакалъ. Почему бы и нѣтъ? Онъ былъ въ достаточной степени артистъ для того, чтобы быть искреннимъ... на минуту. Но Робеспьеръ, человѣкъ серьезныхъ и суровыхъ убѣжденій, не въ состояніи былъ понять это; онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать ему: «Не плачь, лицемеръ!»³⁾).

Изъ этихъ словъ враги Камилла Демулена не преминули сковать противъ него отравленное оружіе. А онъ, болѣе дорожа званіемъ революціонера, чѣмъ своимъ достоинствомъ, удвоилъ свои сарказмы по адресу духовенства и направилъ въ свою пользу адресованныя ему лично насмѣлки. Онъ весело рассказывалъ, какимъ образомъ «очутился въ сѣтяхъ св. Петра», и заявилъ, что, въ концѣ концовъ, его религіозная клятва есть лишь *побочная* принадлежность брака, а гражданская—*главная* и единственная обязательная для него; по этому поводу онъ общалъ читателямъ въ ближайшемъ будущемъ «выяснить этотъ вопросъ совѣсти»⁴⁾). А пока онъ писалъ:

«Нѣтъ больше кардиналовъ Рогана, Бурбона, Лотарингскаго.
«*Lugete, o veneres cupidinesque!*

¹⁾ См. вышеназванную брошюру.

²⁾ *Etudes révolutionnaires.*—Camille Desmoulins et Roch Mercandier, par M. Ed. Fleury, т. I, стр. 185.—Парижъ, 1851 г.

³⁾ *Histoire des évènements arrivés dans la paroisse de Saint-Sulpice pendant la Révolution.*

⁴⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 59.

«Ученый бенедиктинец донъ Карпантъе разсказываетъ, что нѣкто, встрѣтивъ молодую дѣвушку отъ пятнадцати до шестнадцати лѣтъ, предложилъ ей сдѣлаться его возлюбленной, пообѣщавъ подарить ей за это платье, шляпку и денегъ на покупку башмаковъ и *на то, чтобы заплатить за исповѣдь на Пасхѣ*. Дѣвушка согласилась. Насколько велика была жадность фанатизма, если деревенская дѣвушка вынуждена была пожертвовать своей невинностью, чтобы заплатить исповѣднику пять су на Святой недѣлѣ! Выходитъ, что она должна была совершить грѣхъ, чтобы получить отпущеніе» ¹⁾).

Не довольствуясь своимъ личнымъ матеріаломъ, Камилль Демулень съ особеннымъ удовольствіемъ совершалъ свои нападки, ссылаясь на другихъ авторовъ. Тогда была въ большомъ ходу скандальная книга, заимствованная, какъ говорили, изъ манускрипта, найденнаго въ Бастиліи, и выпущенная подъ заглавіемъ: *Разоблаченное цѣломудріе духовенства, или протоколъ заведеній духовенства у парижскихъ дьяволовъ*. Камилль пропагандировалъ эту книгу, расхваливалъ ее и разбиралъ; онъ разсказывалъ, какъ Сартинъ забавлялся тѣмъ, что по вечерамъ слѣдилъ за пробирающимися вдоль домовъ плохо переодѣтыми монахами, какъ онъ подкарауливалъ въ темныхъ аллеяхъ сладострастныхъ священниковъ и съ какимъ наслажденіемъ подсматривалъ въ замочныя скважины ихъ неосторожную любовь. «Такъ, господинъ аббатъ Оберъ, васъ засталъ однажды комиссаръ Сирибо, какъ Господь засталъ Адама во время грѣхопаденія... Это было въ 1758 году, въ пятницу 7-го января, въ *dies Veneris*, въ день Венеры, около восьми часовъ вечера, въ улицѣ Гренель-Сентъ-Онорэ, въ домѣ госпожи Віаръ, въ первомъ этажѣ на улицу... Вамъ было тогда тридцать лѣтъ, господинъ аббатъ Оберъ, и прелесть вашей любовной поэмы съ Психеей привела васъ въ прекрасное настроеніе духа» ²⁾).

А какъ держалъ себя Маратъ? Какимъ языкомъ говорилъ онъ? Ссылаясь на письмо короля, которое утверждало декретъ 27-го ноября, онъ напечаталъ адресъ отъ себя самого Людовики XVI, въ которомъ осмѣлился сказать королю, что онъ не заслуживаетъ довѣрія на слово; затѣмъ, съ рѣзкостью перечисляя поступки, недостойные короля, онъ писалъ: «Такова вѣрная

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 59.

²⁾ *Ibid.*

картина пов еденіа вѣшого величества въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ. Будете же сами своимъ первымъ судьей и скажите намъ, если у васъ хватитъ храбрости, заслуживаетъ ли подобный король иного названія, кромѣ *глупаго автомата* или *коварнаго обманщика?*»¹⁾.

Въ общемъ, замѣчательна та сдержанность, съ которой Матратъ относился къ *гражданскому строю духовенства*, надѣлавшему тогда столько шуму. Онъ почти не говоритъ о немъ. Въ номерѣ 311 своей газеты онъ рекомендуетъ его вниманію городскихъ частей, которыхъ онъ приглашаетъ соединиться; но онъ дѣлаетъ это какъ бы между прочимъ, и вполне ясно, что дѣло съ духовенствомъ для него есть лишь одна изъ тысячи причинъ доказать *необходимость общаго возстанія*, которое онъ каждое утро поддерживаетъ въ предмѣстьяхъ. Если просмотрѣть *Ami du peuple* за ноябрь и декабрь 1790 года, то поражаешься молчаніемъ Марата о священникахъ. Въ то время, какъ они занимаютъ и наполняютъ собою все поле битвы, на которомъ сталкиваются различные силы общественнаго мнѣнія—онъ громить, проклиняетъ, призываетъ *общее возстаніе*, возстаніе немедленное, страшное и рѣшительное противъ организациі національной гвардіи изъ буржуазіи, противъ большой и отвратительной, по его мнѣнію, интриги, задуманной противъ революці Лафайетомъ, котораго онъ дѣлаетъ посмѣшищемъ наг называя *divin Mottié*, и популярность котораго рветъ въ кл

4-го января 1791 года, въ срокъ, назначенный декрѣ касающимся *гражданскаго строя духовенства*, духовники Національнаго Собранія должны были давать присягу жественной формальности подверглись триста священниковъ²⁾. Изъ нихъ, которые сидѣли съ лѣвой стороны, еще наго дня дали полную присягу. Аббатъ Грегуаръ мѣръ. Барюзель въ *Histoire du clergé* говоритъ, что вѣрныхъ революціи священниковъ достигло, при тридцати³⁾: это ошибка,—ихъ было шестьдесят

¹⁾ *L'ami du peuple*, № 324.

²⁾ Барюзель, *Histoire du clergé pendant la Révolution*, стр. 61.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ См. ихъ имена въ опубликованномъ спискѣ 197 *Histoire parlementaire*.

Оставались тѣ, которые, желая высказаться, ждали назначеннаго дня, и среди нихъ двадцать девять епископовъ¹⁾.

Та и другая сторона приготовились къ борьбѣ; но замѣтно было, что и та и другая боялись ея исхода.

Епископъ клермонскій попытался начать ее, предложивъ очень искусно составленную формулу присяги; священство даетъ клятву поддерживать конституцію, за исключеніемъ вещей, которыя относятся специально къ авторитету церкви. Эта формула была отвергнута, но ее напечатали и она распространялась въ Парижѣ²⁾.

Со своей стороны горячіе революціонеры надѣялись въ возбужденныхъ страстяхъ найти опору противъ предвидѣннаго упорства. Вне палатъ, въ министерствѣ юстиціи чья-то невидимая рука написала надъ декретомъ 27-го ноября слѣдующія слова, не вотированныя національнымъ Собраніемъ: *подъ угрозою каждому духовному лицу быть объявленнымъ нарушителемъ общественнаго покоя и преслѣдуемымъ какъ таковой*³⁾. Цѣлью этой фальсификаціи было, очевидно, желаніе раздражить народъ противъ священниковъ, но какъ это могло случиться? Какая странная оплошность заставила парижскаго мэра расклеить на всѣхъ улицахъ столицы такой противорѣчивый законъ? Это навсегда осталось тайной. Только Дюпоръ дю Тертръ написалъ по этому поводу письмо Национальному Собранію, въ которомъ, возложивъ вину за ошибку на дѣлопроизводство министерства, съ большой прямою и благородствомъ не отказывался отъ отвѣтственности⁴⁾.

Между тѣмъ, наступилъ день испытанія. Аббатъ Грегуаръ, зная, что предстоятъ шипы, придумалъ лазейку для щепетильныхъ людей. «Присяга, требуемая Национальнымъ Собраніемъ,—сказалъ онъ,—не должна смущать богобоязненную совѣсть. Национальное Собраніе не требуетъ внутренняго убѣжденія». Это странное увѣреніе волнуетъ правую сторону,—она негодуетъ,

¹⁾ Барюэль, *Histoire du clergé pendant la Révolution française*, т. I, стр. 61.

²⁾ Вертранъ де Модевиль, *Annales de la Révolution française*, т. III, гл. XXXV.

³⁾ *Règne de Louis XVI*, т. II, § 5.

⁴⁾ «Я не отказываюсь,—говорилъ онъ—первый подать примѣръ отвѣтственности министерства».—*Ibid.* См. объ этомъ также въ *Révolutions de Paris*, № 78.

ропщеть. Кто исправитъ дурное впечатлѣніе, произведенное этими неприятными словами? Кто объяснитъ ихъ достойнымъ образомъ? Мирабо сказалъ: «Національное Собраніе не имѣетъ никакой власти надъ совѣстью,—оно объявляетъ только несомѣстимость такого дѣйствія съ такой присягой». Затѣмъ онъ прибавилъ: «Я не вошелъ бы на эту трибуну, еслибъ во всѣхъ переулкахъ Парижа не была расклеена афиша, противная конституціи, даже единственная въ своемъ родѣ. Въ ней объявлены нарушителями общественнаго покоя тѣ духовныя лица, которыя не дадутъ присяги, требуемой декретомъ. Національное Собраніе никогда не разрѣшало такой афиши. Тотъ, кто говоритъ:—Я не могу дать присяги и выхожу въ отставку,—конечно, не виновень».

Объясненіе было и искусно, и дано съ достоинствомъ: нѣкоторые кюрэ уже начали колебаться, епископы заволновались, аббатъ Мори бросился къ трибунѣ. Гнѣвные крики не допустили его до нея. «Бейте, но выслушайте!»—воскликнулъ онъ. Поднялось страшное волненіе. Одни хотѣли, чтобъ объясненіе, данное Мирабо, было занесено въ протоколь, другіе не хотѣли этого. «Клянитесь, клянитесь! — повторялъ хоръ революціонеровъ. Вдругъ снаружи раздались страшныя угрозы: *«Повѣсите на фонари тѣхъ, которые отказываются дать присягу! Повѣсите ихъ на фонарь!»* По словамъ духовныхъ писателей, это кричали «негодяи, нанятые бунтовщиками»¹⁾, прибывшіе изъ Тюльери, а по словамъ свѣтскихъ писателей, они исходили не съ террасы фельянтинцевъ, гдѣ все было вполнѣ спокойно, а со двора монастыря фельянтинцевъ, куда собрали разныхъ негодяевъ и объяснили имъ, что притѣсняють священнослужителей²⁾. Какъ бы то ни было, но президентъ поднялся среди страшнаго волненія, держа въ рукахъ списокъ еще не присягнувшихъ священниковъ. Первымъ вызвали Боннака, епископа Ажана. Въ только что шумной залѣ воцарилась глубокая тишина; на всѣхъ лицахъ выразилось тревожное ожиданіе. Епископъ Ажанскій произнесъ скромно и мягко: «Мнѣ очень жаль, господа, что я не могу сдѣлать того, что вы отъ меня требуете. Я вовсе не жалѣю моего мѣста и потерю содержанія; я пожалѣлъ бы лишь

1) Барюэль, *Histoire du clergé pendant la Révolution française*, т. I, стр. 64.

2) *Révolution de Paris*, № 78.

о потерѣ вашего уваженія». Вызвали Фурнэ, священника той же епархіи, и онъ сказалъ: «Я послѣдую за моимъ епископомъ всюду, даже на мученія, подобно тому, какъ архидіаконъ Лаврентій послѣдовалъ за палой Сикстомъ». Затѣмъ Леклеркъ, кюрэ Комба, отвѣтилъ: «Я родился католикомъ и хочу умереть въ этой вѣрѣ. Я не присягну».

Лѣвая негодуетъ; особенно сильно волнуются Камюсъ, Треильяръ, Вуадель, вольтеріанцы и главнымъ образомъ яansenисты. Чтобы прекратить этотъ спектакль, торжественность котораго ихъ раздражаетъ и исходъ тревожитъ, они просятъ кончить эти вызовы отдѣльныхъ личностей. Но, боясь упустить удобный случай для доказательства своей религіозности и преклонныхъ лѣтъ, Бонуаль де Сентъ-Олеръ, епископъ Пуатье, приближается къ трибунѣ и говоритъ прямо въ лицо президенту: «Мнѣ семьдесятъ лѣтъ; я тридцать пять лѣтъ управлялъ епископствомъ, стараясь сдѣлать столько добра, сколько могъ. Согбенный годами и недугами, я не обезпечу моей старости. Я отказываюсь». Это было вызывомъ¹⁾ людямъ, которые, привыкли, чтобъ даже сама королевская власть подчинялась ихъ декретамъ. Они встаютъ со своихъ мѣстъ, группируются посреди залы, снова возвращаются на свои мѣста, потомъ опять покидаютъ ихъ, совѣтуются; а между тѣмъ, неподвижные, горделивые, улыбающіеся епископы въ глубинѣ души торжествуютъ, потому что отнеслись къ революціи съ презрѣніемъ старинныхъ исповѣдниковъ. Наконецъ²⁾, пришли къ общему соглашенію. «Пусть подойдутъ тѣ, которые желаютъ дать присягу». Отвѣта нѣтъ. Полная нравственная побѣда духовенства въ Національномъ Собраніи и фанатизмъ Камюса принесли свои плоды.

Это съ горечью поняли революціонеры. Редакторы *Revolutions de Paris*, преемники Лустало, въ очень горячихъ выраженіяхъ пожалѣли о томъ, что вообразили, что можно заставить свя-

¹⁾ Баррюэль, *Histoire du clergé pendant la Révolution française*, т. I, стр. 61.

²⁾ Это достопамятное засѣданіе 4-го января 1791 года очень плохо сказано въ *Histoire parlementaire*. Чтобы имѣть о немъ настоящее понятіе, надо сдѣлать общій выводъ изъ разсказа Феррьера въ его *Mémoires*, т. II, кн. VIII; изъ описанія аббата Баррюэля въ его *Histoire du clergé*, стр. 61—67. и изъ разсказа Бертрана де Молевиля въ его *Annales de la Révolution française*, т. III, гл. XXXV.

щенниковъ дать лишнюю присягу и при томъ такую, какая возбуждала жалость къ духовенству ¹⁾. Но фактъ совершился, и оставалось только найти возможно лучший исходъ. Патриотическіе писатели также съ неустаннымъ пыломъ толковали о присягѣ. «Присяги духовенства поступаютъ массами,—писалъ Камилль Демуленъ.—Цѣлые округа присылаютъ присяги изъ всѣхъ учреждений въ одномъ пакетѣ» ²⁾.

Бальи не остановился передъ тѣмъ, чтобъ лично отправиться принять присягу отъ Мардюкэля, кюрэ Сентъ-Роха, который отказался явиться.—«Правда ли,—спросилъ его мэръ Парижа,—что декреты о *гражданскомъ строгъ духовенства* противорѣчатъ католической религіи?—Истинная правда.—Ну, въ такомъ случаѣ, еслибъ это зависѣло отъ меня, то католической религіи не существовало бы во Франціи» ³⁾. Авторъ, передающій этотъ любопытный діалогъ, прибавляетъ, что якобинцы не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы увеличить число давшихъ присягу въ Парижѣ; онъ увѣряетъ, что они довели это число до шестисотъ; онъ увѣряетъ также, что, съ цѣлью обмануть народъ, они доходили до того, что ставили у ступенекъ алтарей истопниковъ и савояровъ, переодѣтыхъ священниками ⁴⁾.

Въ свою очередь духовенство въ отвѣтъ своимъ противникамъ дѣлало всякія увертки, желая расположить народъ въ свою пользу. Одни продавали свою обстановку у дверей церковнаго дома, другіе, по соглашенію между собою, не отправляли богослуженій ⁵⁾.

Несомнѣнно то, что изъ всѣхъ городовъ Франціи Парижъ далъ наибольшее число священниковъ, воодушевленныхъ духомъ революціи. Они вдыхали этотъ могучій духъ съ самымъ воздухомъ, которымъ дышали. «Одинъ священникъ, оставившій свой приходъ, пришелъ къ отцу, честному ремесленнику, который прогналъ его, сказавъ, что не хочетъ его знать, пока онъ не дастъ присяги» ⁶⁾. Тѣмъ не менѣе, мало кюрэ подчинились закону; кюрэ Сентъ-Сюписъ, Сентъ-Рохъ, Сентъ-Северенъ, Сентъ-Бенедиктъ, Сентъ-Жерменъ л' Оксеруа—отказались са-

¹⁾ № 78.

²⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 60.

³⁾ Барюзель, *Histoire du clergé pendant la Révolution*, т. I, стр. 73.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 79.

⁵⁾ *Révolutions de Paris*, № 80.

⁶⁾ *Ibid.*

мымъ положительнымъ образомъ. Революція находила послѣдователей преимущественно среди викаріевъ и духовной молодежи. Одинъ священникъ Сентъ-Сюплисъ ¹⁾, Жакъ Ру, сдѣлалъ такое признаніе: «Я готовъ пролить мою кровь до послѣдней капли за такую революцію, которая признаетъ всѣхъ людей равными между собою, какъ они равны съ сотворенія міра передъ Богомъ» ²⁾).

Въ первомъ ряду парижскаго духовенства, давшаго присягу, находился отѣнскій епископъ, Талейранъ; заговорили о томъ, что его сдѣлаютъ парижскимъ епископомъ, и тотчасъ же на него посыпались тысячи обвиненій, которыя, къ несчастію, онъ только на половину могъ отрицать. Его очень открыто упрекали въ томъ, что онъ посѣщалъ игорные дома и выигралъ шестьсотъ или семьсотъ тысячъ ливровъ. Въ письмѣ, адресованномъ въ *Chronique de Paris* и въ которомъ онъ отказывался отъ епископства, просимаго для него, Талейранъ, писалъ по поводу распространившихся о немъ слуховъ: «Вотъ неопровержимая истина: я выигралъ въ теченіе шести мѣсяцевъ не въ игорныхъ домахъ, но въ обществѣ или въ шахматномъ клубѣ около тридцати тысячъ франковъ... Я порицаю себя, какъ частнаго человека и еще болѣе, какъ законодателя, и вмѣняю себѣ въ обязанность сознаться въ этомъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ наступило царство правды, я вижу, что самый честный способъ исправить свои заблужденія состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть мужество сознаться въ недостаткахъ. На это Камилль Демуленъ не преминулъ написать: «Епископъ отѣнскій, повидимому, хочетъ вернуть всѣ обычаи первобытной церкви и даже публичную исповѣдь» ³⁾).

Въ то время, какъ все это происходило въ Парижѣ, духовенство старалось посѣять смуту въ провинціи. Недовольные тѣмъ, что отказывающіеся отъ присяги лишаются своихъ должностей, епископы печатали зажигательныя воззванія; они отрицали святость крещенія и посвященіе въ санъ, которыя должны были совершать замѣняющія ихъ духовныя лица; они отнимали у священниковъ, покорныхъ гражданскому закону, право

¹⁾ Что не помѣшала аббату Барюзю увѣрять въ I томѣ, стр. 78, что изъ сорока священниковъ, служащихъ въ Сентъ-Сюплисъ, ни одинъ не присягнулъ.

²⁾ *Révolutions de Paris*, № 80.

³⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 64.

исповѣди и отпущенія грѣховъ; называя ихъ *самозванцами*, они возбуждали ненависть къ нимъ набожныхъ людей; тѣмъ вѣрующимъ, которые будутъ слушать новыхъ пастырей, они грозили всѣми ужасами отлученія отъ церкви. Горе молодой дѣвушкѣ, обвинчанной присягнувшимъ священникомъ: это конкубинатка! Горе младенцу, родившемуся отъ такого брака: это незаконнорожденный! ¹⁾). Здѣсь епископъ шалонскій приказывалъ вѣрующимъ созвать общественный совѣтъ; тамъ епископъ страсбургскій утверждалъ, что духовенство должно давать отчетъ только Богу ²⁾). Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ заставляли молодыхъ воспитанницъ читать молитву за бѣдныхъ, разоренныхъ націей священниковъ, какъ говорили они ³⁾). Затѣмъ множествомъ разныхъ комедій старались подѣйствовать на темныя массы; на примѣръ, выставляли черепа, въ отверстіи глазъ которыхъ искуснымъ составомъ фосфора зажигали голубой огонекъ ⁴⁾). Или же умышленно выставляли на видъ свою кажущуюся нищету, какъ тотъ викарій, который гулялъ въ Нанси по Красному мосту въ разорванной сутанѣ, въ грязныхъ брыжахъ и въ деревянныхъ башмакахъ ⁵⁾).

Непокорное духовенство говорило съ деревенскими людьми очень искуснымъ языкомъ: «Не въ оставленныхъ вамъ обрядахъ заключается религиозный культъ,—говорили они.—Не потому, что я сохранию сутану, стихарь и всѣ эти украшенія, могу я служить обѣдню и отпускать вамъ грѣхи. Къ вамъ можетъ явиться комедіантъ, одѣться точно такъ же, какъ и я, и продѣлать передъ вами тѣ же обряды. Они не будутъ имѣть никакой духовной силы. Если лакей одѣнется, какъ хозяинъ дома, и начнетъ командовать, онъ васъ обманетъ; то же самое сдѣлаютъ и пасторы, назначенные вамъ законами Національнаго Собранія» ⁶⁾).

Это дѣйствовало на простые сердца. Начались трогательныя сцены. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ народъ со слезами окру-

¹⁾ См. вполне достойное довѣрія свидѣтельство Феррьера въ его Мемуарахъ, т. II, кн. VIII, стр. 215 и 216. *Collection Berville et Barrière*.

²⁾ *Révolution de Paris*, № 79.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 61.

⁵⁾ *Ibid.*

⁶⁾ Барюэль, *Histoire du clergé pendant la Révolution française*, т. I, стр. 70.

жалъ своего кюрэ, заклиная его не покидать свою паству. Въ Шамперонѣ прихожане подписали между собою договоръ прогнать отъ себя каждаго священника, осквернившего себя схизматической клятвой, а въ Кернфантенѣ, когда *самозванецъ* явился въ церковь, прихожане оставили его въ ней одного¹⁾.

Видя это общее горячее сопротивленіе, революціонеры, само собою разумѣется, не бездѣйствовали. Воззваніямъ, инструкціямъ, пасторскимъ посланіямъ они противопоставляли сочиненія, пагубныя для духовенства, фривольныя сказки о монахахъ и монахиняхъ, смѣшныя или неприличныя каррикатуры на аббатовъ, наконецъ, людей, съ громкими, звучными голосами, которые, стоя на подмосткахъ, зывали къ прохожимъ²⁾.

Эти средства также дѣйствовали; они во многихъ возбудили презрѣніе къ тѣмъ, кто такъ долго былъ предметомъ безграничнаго почитанія, и, если и были селенія, остававшіяся вѣрными старому пастырю, то какое же множество другихъ передалось новому. Надо послушать Камилла Демулена, охотнѣе всего отдававшаго этой темѣ свой насмѣшливый умъ:

«Нигдѣ декретъ Національнаго Собранія не былъ *утвержденъ* съ такимъ удовольствіемъ, какъ въ Рюэлѣ. Господинъ кюрэ всходитъ на кафедру и не скрываетъ, что онъ рѣшилъ отказаться. Прихожане не прерываютъ его, но часть аудиторіи уходитъ. Въ то время, какъ пастырь воодушевляется и ораторствуетъ, его пожитки укладываютъ съ величайшей осторожностью, стараясь чего нибудь не разбить, не поломать и все до мелочей нагружаютъ на телѣги. Окончивъ проповѣдь, господинъ кюрэ спускается съ кафедры. Вокругъ него группируются, жмутъ ему руку, хлопаютъ по плечу: — Прощайте, господинъ кюрэ, прощайте! — Что такое, мои дорогіе прихожане, и почему эти нѣжныя прощанья?» Онъ выходитъ изъ церкви. Изумленіе его увеличивается. Онъ видитъ, что все готово къ отъѣзду, Жавотта въ слезахъ уже на телѣжкѣ и нѣтъ надобности въ присягѣ.

— «Гдѣ вы думаете ночевать, господинъ кюрэ?»

— «Въ Фонтенбло», — отвѣчаетъ аристократъ, скрѣпя сердце. «Пока господинъ викарій смѣется, пока школьный учитель со слезами на глазахъ прощается съ Жавоттой, пока наша гувер-

¹⁾ Барюэль, *Histoire du clergé pendant la Révolution française*, т. I, стр. 76, 77.

²⁾ *Mémoires de Ferrières*, т. II, кн. VIII, стр. *Collection Berville et Barrière*.

нантка клянеть медленность курьера изъ Рима, а господинъ кюрэ быстроту дѣятельныхъ гражданъ, извозчикъ клянеть своихъ лошадей, которыя увозятъ господина кюрэ. Онъ потерялъ уже изъ виду свою колокольню, а его насмѣшливые прихожане еще кричатъ ему издали: «Прощайте, господинъ кюрэ! Будьте здоровы, господинъ кюрэ! Счастливаго пути, господинъ кюрэ!»¹⁾

Къ несчастію, не вездѣ такъ легко отдѣлывались отъ упорства непокорныхъ священниковъ. Тамъ, гдѣ они чувствовали опору, они держали себя надменно, недоступно, и это привлекло на нихъ удары, въ общемъ, менѣе чувствительные для того, кто ихъ получаетъ, чѣмъ для того, кто ихъ наноситъ. Какъ только выяснилось, что есть мученики, такъ появились и фанатики. Какимъ ужаснымъ чувствомъ должны были быть полны сердца людей, привыкшихъ поклоняться Богу лишь въ священникѣ, когда они услышали, что священники вынуждены бѣжать, что ихъ преслѣдуютъ въ глубинѣ лѣсовъ, какъ дикихъ звѣрей? Одинъ изъ духовныхъ писателей увѣряеть, что въ Бретани бѣжавшіе священники падали обезсиленные въ лѣсахъ и въ кустахъ находили ихъ трупы, растерзанные въ клочья²⁾. Въ другихъ мѣстахъ случалось, что гражданскія власти въ мундирахъ, окруженные стражей съ пиками и штыками, врывались въ церкви и въ ризницы отбирали присягу, что казалось оскорбленіемъ священнаго мѣста³⁾. Въ Шампани кюрэ церкви Сэ-Со (Sept-Saux) убитъ на каедрѣ выстрѣломъ изъ ружья⁴⁾

Въ обществѣ, управляемомъ законами, которымъ всѣ должны повиноваться, существованіе отдѣльнаго класса гражданъ, тѣсно связанныхъ между собою, представляетъ странное и опасное явленіе, особенно когда этотъ классъ имѣеть свои собственныя правила, которыя онъ считаетъ выше общихъ законовъ, признаеть иностраннаго владыку и получаетъ отъ него приказы. Случилось такъ, что позднѣе, для того, чтобы придать большее значеніе упорству духовенства, изъ Рима была прислана папская грамота. Напрасно революціонеры высмѣяли эту грамоту, которою папа осуждалъ декретъ Національнаго Собранія, напрасно они ее предали публичному сожженію въ Пале-Рояль съ

¹⁾ *Révotutions de France et de Brabant*, № 61.

²⁾ Барюэль, *Histoire du clergé pendant la Révolution française*, т. I, стр. 78.

³⁾ *Ibid.*, стр. 72.

⁴⁾ *Ibid.*

манекеномъ, изображавшимъ самого папу въ его папскомъ облаченіи¹⁾; эта грамота осталась страшной силой. Въ дѣйствительности изъ ста тридцати восьми французскихъ епископовъ или архіепископовъ только четыре дали присягу: Талейранъ, епископъ отёнскій, Бриеннъ, архіепископъ сенскій, Жарентъ, епископъ орлеанскій и Савинъ, епископъ вивьескій²⁾).

Что же касается до кюрэ и викаріевъ, упорствовавшихъ въ отказѣ, то число ихъ достигало, по крайней мѣрѣ, до пятидесяти тысячъ³⁾).

По этому можно судить, легко ли было найти необходимое число священниковъ, чтобы заполнить вакантныя мѣста, тѣмъ болѣе, что случалось, что и присягнувшіе иногда отказывались отъ мѣстъ, когда ихъ называли *самозванцами*. Бывали приходы, въ которые назначались священники по семи, по восьми разъ, пока кто нибудь изъ нихъ рѣшался принять мѣсто⁴⁾).

Поторопимся прибавить, что *ослушники* не останавливались ни передъ чѣмъ для того, чтобы вселить религіозный ужасъ въ *самозванцахъ*. Они рассказывали съ торжествомъ, что когда Экспилли былъ выбранъ въ день Всѣхъ Святыхъ, громъ гремѣлъ въ продолженіе всѣхъ выборовъ и, когда онъ отправился на свое новое мѣсто и вошелъ на кафедру, окруженный многочисленной стражей, мракъ вдругъ спустился на землю, хотя до захода солнца оставалось еще два часа и ни одного облака не было на небѣ⁵⁾).

«Севъ,—пишетъ аббатъ Барюзель,—Севъ, первый *самозванный* епископъ въ Пуатье, испыталъ еще сильнѣе гнѣвъ небесъ. Едва прибывъ въ назначенную ему епархію, онъ собралъ совѣтъ и хотѣлъ излить свой гнѣвъ, подписавъ декретъ общаго отлученія вѣрныхъ священниковъ... Онъ палъ мертвымъ, и его сжатая правая рука и сведенный локоть долго еще свидѣтельствовали о безумномъ гнѣвѣ его послѣдняго вздоха»⁶⁾).

На другой день послѣ того, какъ духовные члены Націо-

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, т. I, кн. VIII, стр. 218. *Collection Berville et Barrière*.

²⁾ Барюзель, *Histoire du clergé pendant la Révolution française*, т. I, стр. 80.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 89 и 90.

⁵⁾ *Ibid.*, стр. 90 и 81.

⁶⁾ *Ibid.*, стр. 91 и 92.

нальнаго Собранія отказались дать присягу, Мирабо тайно писалъ графу де Ла Марку: «Національное Собраніе *повредило самому себѣ*, дорогой графъ... Если оно думаетъ, что отставка двадцати тысячъ кюрэ не произведетъ никакого впечатлѣнія въ королевствѣ, то смотритъ черезъ странные очки»¹⁾). Такимъ образомъ, Мирабо, повидимому, былъ въ восторгѣ отъ тѣхъ затрудненій, какія долженъ былъ создать конституціонный строй духовенства. Въ дѣйствительности, въ коварныхъ письмахъ, адресованныхъ имъ въ то время двору, онъ не переставалъ настаивать на принятіи всѣхъ средствъ, могущихъ скомпрометировать Національное Собраніе, обезславить его, унижить, заставить *повредить самому себѣ*. А между тѣмъ, чтобы успокоить волненія, вызванныя вакантными епархіями, а слѣдовательно, чтобы уменьшить затрудненія Національнаго Собранія, онъ предложилъ и заставилъ принять слѣдующія мѣры: 1) Сократить время, въ теченіе котораго слѣдовало прослужить въ духовномъ званіи въ епархіи прежде, чѣмъ быть выбраннымъ епископомъ или кюрэ. 2) Выборщикамъ дать возможность выбирать пастырей по всѣмъ департаментамъ, вмѣсто того, чтобы ограничивать ихъ выборъ только епископствомъ или епархіей²⁾).

Это не было полнымъ уничтоженіемъ зла, а было лишь нѣкоторой поправкой его, и въ этомъ Мирабо шелъ путемъ совершенно противоположнымъ той маккиавелевской системѣ, которую онъ тайно рекомендовалъ двору. Что же это? измѣнялъ онъ двору или измѣнялъ народу? Увы, онъ измѣнялъ и тому и другому. Увлекаемый поочередно своими симпатіями къ контрреволюціи и своимъ талантомъ — къ свободѣ, подобно свѣту исходящему отъ солнца — онъ постыдно изнемогалъ при невозможности служить двумъ господамъ и не могъ внести логики въ свои коварства.

Мы сейчасъ увидимъ новое и поразительное доказательство этому.

Національное Собраніе, убѣдившись въ томъ, что необходимо просвѣтить умы относительно *гражданскаго строя духовенства*, затемненные священниками, рѣшило, что духовный комитетъ издастъ *адресъ къ французамъ*³⁾. Мирабо, не будучи

¹⁾ *Переписка между графомъ Мирабо и графомъ де Ла Маркз*, т. II, стр. 365 и 366.—Парижъ, 1851 г.

²⁾ Засѣданіе 7-го января 1791 г.

³⁾ То же засѣданіе.

членомъ комитета, воспользовался случаемъ составить проектъ адреса. Этотъ трудъ у насъ передъ глазами: ничто не можетъ быть глубже прочувствовано и благороднѣе выражено. Говорятъ, въ немъ принималъ участіе аббатъ Ламуре²⁾, и этому можно вѣрить, такъ какъ на ряду съ сильными словами и огневыми фразами, присущими одному лишь Мирабо, въ немъ замѣчается религіозная мягкость, нѣжность сердца, которыми доказывается сотрудничество Ламуре. Авторы адреса начинаютъ съ того, что оправдываютъ Національное Собраніе въ томъ, что оно не хотѣло объявить католическую религію *религіей національной*. «Богъ создалъ великій факель христіанства не для того, чтобы дать форму и окраску общественной организаціи французовъ, но поставилъ его посреди вселенной, чтобъ онъ былъ точкой соединенія и центромъ единства рода человѣческаго. Почему насъ не порицаютъ за то, что мы не объявили, что солнце есть планета націи и что никакая иная планета не будетъ признана закономъ для того, чтобъ регулировать дни, смѣняющіеся ночами?»¹⁾.

Затѣмъ, *адресъ* защищаетъ принципъ общественныхъ выборовъ, основывая его на цитатахъ изъ Священнаго Писанія; онъ напоминаетъ интриги, посредствомъ которыхъ въ новѣйшія времена большинство епископовъ добывало посохъ и митру; онъ основываетъ на обычаяхъ первобытной церкви права свѣтской власти назначать епископовъ по своему желанію; онъ рисуетъ великолѣпную картину будущаго, обѣщаннаго истинной религіей, религіей высокихъ умовъ и чистыхъ сердецъ: «*О, Израиль, какъ красивы твои палатки! О Иаковъ, какой порядокъ, какое величіе въ твоихъ шатрахъ!*»³⁾.

14-го января Мирабо прочелъ въ Національномъ Собраніи проектъ своего адреса, сообщенный, какъ говорили, духовному комитету и одобренный имъ, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями. Но случилось такъ, что изложенные принципы показались страшною смѣлостью даже янсенистамъ; философское

¹⁾ Этьенъ Дюмонъ утверждаетъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, что рѣчи Мирабо по поводу *Гражданскаго строя духовенства* были работой аббата Ламуре и пріемный сынъ Мирабо сомнѣвается лишь въ тѣхъ мѣстахъ, которые слишкомъ рѣшительны и тенденціозны. См. *Mémoires de Mirabeau*, т. VIII, стр. 247.

²⁾ См. первый номеръ историческихъ документовъ въ концѣ этого тома.

³⁾ *Ibid.*

восхищеніе Евангеліемъ укололо ихъ какъ слишкомъ свободное напоминаніе *Vicaire savoyard* и какъ подтасованный деизмъ. Во время чтенія Мирабо Камюсъ замѣтно волновался. При словахъ адреса: «Уже мѣсяць, какъ просвѣщенные христіане задаютъ себѣ вопросъ, гдѣ же религія ихъ отцовъ», — онъ не могъ дольше сдерживаться и воскликнулъ: «Невозможно это слушать!.. Это нѣчто отвратительное!» Рейнгольдъ де Сень-Жанъ д'Анжели замѣтилъ тогда, что, быть можетъ, этотъ трудъ подвергся измѣненіямъ послѣ представленія его въ духовный комитетъ; тогда Мирабо, честность котораго была задѣта, просилъ, чтобъ дѣлопроизводство констатировало подлинность адреса, и гордо заявилъ: «Въ немъ нѣтъ ни одной строчки, ни одного выраженія, за которыя я не отвѣтилъ бы моею честью и головою». Засѣданіе было прекращено; духовный комитетъ, соединившись съ комитетами *отчужденія, донесеній и изысканій*, замѣнилъ адресъ Мирабо своимъ собственнымъ, который по существу не отличался отъ него; этотъ новый трудъ, представленный 21-го января 1791 года, былъ принятъ подъ названіемъ: *Инструкція для гражданскаго строя духовенства* ¹⁾).

Въ тотъ же самый день Мирабо писалъ двору:

«Нельзя найти болѣе благопріятнаго случая для того, чтобъ создать большое число недовольныхъ, — недовольныхъ самаго опаснаго свойства, — и увеличить популярность короля въ ущербъ популярности Національнаго Собранія. Для этого нужно: 1-е, побудить возможно большее число духовныхъ лицъ отказаться дать присягу; 2-е, побудить ревностныхъ прихожанъ, привязанныхъ къ своимъ пастырямъ, отказываться отъ новозбранныхъ; 3-е, довести Національное Собраніе до крайнихъ мѣръ противъ этихъ прихожанъ; 4-е, воспрепятствовать Національному Собранію принимать полу-мѣры, которыя позволили бы ему, сдѣлавъ незамѣтныя отступленія, сохранить свою популярность; 5-е, представить въ то же время всѣ проекты декретовъ, касающихся религіи и, главнымъ образомъ, возбудить обсужденіе вопроса о положеніи евреевъ въ Эльзасѣ, о бракѣ и разводѣ священниковъ, чтобы огонь не угасалъ за недостаткомъ топлива; 6-е, прибавить къ этимъ затрудненіямъ посвященіе во епископы; 7-е, воспротивиться всякому *адресу*, въ которомъ будетъ сказано,

¹⁾ См. *Переписку графа Мирабо съ графомъ де Ла Маркъ*, т. II, стр. 369—374.

что Національное Собрание не хотѣло трогать духовной стороны вопроса; 8-е, когда дойдутъ до употребленія общественной силы, разослать петиціи по департаментамъ, чтобы не допустить до этого» ¹⁾).

Вотъ какую постыдную западню хотѣлъ разставить Мирабо тому Собранию, президентомъ котораго онъ въ то время былъ. Впрочемъ, его отвратительные совѣты были излишни. Къ несчастію, священники не нуждались, чтобы дворъ помогъ имъ взволновать королевство, и Казалось только слишкомъ хорошо охарактеризовалъ зло, лежащее въ гражданскомъ строѣ духовенства, когда 26-го января 1791 года, въ самой пылкой изъ рѣчей, когда либо вдохновенныхъ его краснорѣчіемъ, воскликнулъ:

«Дай Богъ, чтобы нація смогла выдержать этотъ фактъ! Еслибъ насъ слышалъ французскій народъ, онъ былъ бы судьею между мной и вами. Я вамъ говорю, что готовится расколъ. Я вамъ говорю, что епископская корпорація и огромное большинство низшаго духовенства смогрять на повиновеніе вашимъ декретамъ, какъ на посягательство на основы религіи. Я вамъ говорю, что эти основы выше вашихъ законовъ. Выгнать епископовъ изъ ихъ епархій и священниковъ изъ ихъ приходоу, вѣрьте мнѣ, плохое средство для того, чтобы побѣдить ихъ упорство. Неужели вы думаете, что выгнанные епископы не отлучатъ отъ церкви своихъ замѣстителей? Неужели вы думаете, что большинство вѣрующихъ не сохранитъ привязанности къ своимъ старымъ пастырямъ и вѣчнымъ заповѣдямъ церкви? Вотъ расколъ уже выясняется, вотъ уже начинаются религіозные диспуты. Народъ начнетъ сомнѣваться въ истинности таинствъ, и трепещите дожидаться того, что онъ отдалится отъ этой дивной вѣры, которая, начинаясь съ колыбели, не покидаетъ человѣка до могилы и служить ему отраднымъ утѣшеніемъ въ несчастіяхъ этой жизни. Такимъ образомъ, жертвы революціи увеличатся и королевство раздѣлится. Вы увидите, какъ католики будутъ блуждать по королевству за своими преслѣдуемыми священнослужителями, за которыми они пойдутъ въ пещеры и въ пустыни. Вы увидите ихъ въ томъ состояніи угнетенія и нищеты, въ которомъ находились протестанты при уничтоженіи Нантскаго эдикта. Ахъ, если вы не

¹⁾ *Переписка между графомъ Мирабо и графомъ де Ла Маркъ, стр. 374 и 375. Сорокъ третья нота Мирабо двору.*

безчувственны къ несчастьямъ, которыя вы накликаете на вашу страну, если вы ее любите, повремените, подождите одобренія французской церкви, подождите, подождите!»

До Казалеса, Монлозье сказалъ:

«Я не думаю, чтобы можно было принудить епископовъ покидать ихъ епархіи. Если ихъ выгонять изъ ихъ дворцовъ, они удалятся въ хижины. Если у нихъ отнимутъ ихъ золотыя кареты, они будутъ ѣздить въ простыхъ, а въ концѣ концовъ вѣдь деревянный посохъ спасъ міръ»¹⁾).

Но зачѣмъ это спасительное дерево духовенство замѣнило золотомъ?..

ГЛАВА VII.

Благо челоѣчества—высшій законъ.

Лживость Людовика XVI; письмо его къ прусскому королю.—Перемѣна въ политической системѣ Европы.—Исторія обстоятельствъ, приведшихъ къ этой перемѣнѣ.—Оближеніе между Леопольдомъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ подъ влияніемъ ненависти къ французской революціи.—Рейхенбахскій конгрессъ.—Миръ въ Верелѣ между Екатериною II и шведскимъ королемъ.—Взоры всѣхъ государей устремлены на Францію.—Клеветники французской революціи въ Европѣ; Калоннѣ, Лалли-Толлендалъ, Вёркъ.—Яростный его памфлетъ; произведенное имъ громадное впечатлѣніе.—Едидушныя поздравленія автора со стороны королей.—То былъ первый пушечный выстрѣлъ; дѣйствительно выпущенный противъ Франціи.—Австрійцы въ Брюсселѣ; Людовикъ XVI подумываетъ о бѣгствѣ.—Планъ внутренней политики, тайно представленный двору Мирабо.—Тайная переписка Людовика XVI съ Булье.—Происки графа Прованскаго.—Безпорядки въ Э.—Обнаруженіе заговора въ Лионѣ.—Кровавое дѣло въ Шапелѣ.—Слухи объ эмиграціи, усиленный надзоръ на дорогахъ.—Тетки короля уѣзжаютъ изъ Парижа.—Всеобщее волненіе.—Народъ въ Люксембургскомъ дворцѣ.—Лицемѣріе графа Прованскаго.—Волненіе въ Венсенз, съ цѣлью разнести тюрьму.—Обсужденіе закона противъ эмиграціи.—Крупная роль Мирабо въ этомъ дѣлѣ.—Случай съ «кавалерами кинжала».—Засѣданіе клуба якобинцевъ.—Верховный законъ.—*Благо челоѣчества*, а не *Благо народа*.—Реальность и трагическая важность этого различія.

Въ важномъ и торжественномъ документѣ, которымъ Людовикъ XVI объявилъ Національному Собранію, что онъ *принимаетъ* декретъ о присягѣ священниковъ, онъ выразился слѣдующимъ образомъ: «...Такъ какъ относительно моихъ намѣреній возникли сомнѣнія, которыя всѣмъ извѣстная прямота моего

¹⁾ Бертранъ де Молевиль, *Annales de la Révolution française*, т. III, гл. XXXV.

характера должна бы была устранить, то довѣріе мое къ Національному Собранію обязываетъ меня *принять* этотъ декретъ. Для успокоенія волненій и преодоленія всѣхъ противодѣйствій нѣтъ болѣе вѣрныхъ, болѣе пригодныхъ средствъ, какъ взаимность этого чувства между Національнымъ Собраніемъ и мною. Довѣріе необходимо; я его заслуживаю и рассчитываю на него»¹⁾.

Заявленіе это, повидимому, такъ ярко свидѣтельствовавшее о порывѣ искренняго сердца, было подписано Людовикомъ XVI 26-го декабря 1790 г. А между тѣмъ за три дня, всего за три дня передъ этимъ, онъ тайно написалъ прусскому королю Фридриху-Вильгельму слѣдующее письмо:

«Возлюбленный братъ мой,

«Я узналъ отъ г. Мутье о томъ интересѣ, который ваше величество проявили не только ко мнѣ, но и къ благу моего королевства. Готовность вашего величества явить мнѣ доказательства этого интереса во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ можетъ быть полезенъ для блага моего народа, вызвала во мнѣ чувство живѣйшей признательности; я съ довѣріемъ взываю къ ней въ настоящую минуту, когда, несмотря на принятіе мною новой конституціи, крамольники (*les factieux*) открыто обнаруживаютъ умыселъ уничтожить остатки монархіи. Я только-что обратился къ императору, къ императрицѣ російской, къ королямъ испанскому и шведскому, предлагая имъ мысль о конгрессѣ главныхъ европейскихъ державъ, опирающихся на вооруженную силу, какъ о наилучшей мѣрѣ для того, чтобы остановить здѣсь крамольниковъ, дать средство къ установленію болѣе желательнаго порядка вещей и воспрепятствовать распространенію на другія европейскія государства развѣдающаго насъ недуга. Надѣюсь, что ваше величество одобрите мои мысли и сохраните въ безусловной тайнѣ дѣлаемую мною передъ вами попытку; вы легко поймете, что обстоятельства, въ которыхъ я нахожусь, обязываютъ меня къ величайшей осмотрительности; поэтому-то одинъ только баронъ Бретейль освѣдомленъ о моей тайнѣ, и ваше величество можете передать ему то, что пожелаете. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы поблагодарить ваше величество за милостивое отношеніе къ г. Эману и на-

¹⁾ См. текстъ *in extenso* въ *Histoire parlementaire*, t. VIII, p. 193 et 194.

хожу истинное удовольствіе въ изъявленіи вашему величеству увѣреній въ уваженіи и преданности, съ коими пребываю,

«Возлюбленный брагъ, вашего величества

«добрымъ братомъ.

«Подписаль: Людовикъ XVI»¹⁾).

А въ своихъ сообщеніяхъ Собранію Людовикъ XVI выражалъ негодованіе по поводу сомнѣній, высказывавшихся относительно его намѣреній,—сомнѣній, «которыя должна бы была устранить всѣмъ извѣстная прямота его характера!»

Мало того, онъ еще и до этого обращался къ государямъ: еще въ октябрѣ онъ рекомендовалъ испанскому королю не считаться ни съ какимъ публичнымъ актомъ, который появился бы отъ его имени, если только онъ не будетъ подтвержденъ ему собственноручнымъ письмомъ; а затѣмъ—доказательство чему мы находимъ въ вышеприведенномъ письмѣ—онъ препроводилъ въ Германію, своему бывшему министру барону Бретейлю, разрѣшеніе вести съ различными державами переговоры о возстановленіи свой законной власти²⁾).

Имѣли ли подобныя заявленія шансы на то, чтобы быть принятыми благосклонно? Возможна ли была коалиція королей въ пользу Людовика XVI и противъ французской революціи въ такое время, когда Россія и Австрія были вовлечены въ беспощадную войну съ турками, когда шла война между Екатериною II и Густавомъ III, когда Англія и Пруссія соединялись между собою, съ цѣлью образовать противовѣсъ союзу—сдѣлавшемуся страшнымъ—двухъ большихъ императорскихъ дворовъ: петербургскаго и вѣнскаго? Это, можетъ быть, хорошо выяснено только бѣгло набросанною картиной тѣхъ обстоятельствъ, которыя въ теченіе менѣе года кореннымъ образомъ измѣнили всю политическую систему Европы.

Мы сказали, какова была эта система, когда въ февралѣ 1790 г. Леопольдъ явился на австрійскомъ престолѣ преемникомъ знаменитаго и несчастнаго Иосифа II. Въ ту пору неслыханныя осложненія отвлекали взоры всѣхъ государей отъ зрѣ-

¹⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'État*, t. I, p. 94 et 95. Paris, 1831.

²⁾ *Ibidem*, t. I, p. 93.

лица французской революціи. Когда Россія и Австрія, въ видахъ разрушенія Отоманской имперіи, составили союзъ, всю Европу охватилъ ужасъ. Два императорскихъ двора, такъ тѣсно связанныхъ, очутившись на одной изъ чашекъ вѣсовъ, представляли слишкомъ большой вѣсъ, и люди приводили, въ видѣ предупрежденія, которымъ слѣдовало какъ можно скорѣе воспользоваться, слѣдующую гордую браваду Екатерины: «Если англичане сожгутъ Кронштадтъ и заставятъ меня покинуть С.-Петербургу—ну, что-жь?—я удалюсь въ Константинополь»¹⁾.

Этимъ союзомъ австрійцевъ съ русскими болѣе всѣхъ другихъ обезпокоился преемникъ обширныхъ замысловъ Фридриха Великаго, прусскій министръ Гертцбергъ; онъ рѣшился парализовать, хотя бы при этомъ вся Европа погибла въ огнѣ. Стараніями его и англійскаго агента Юарта (Ewart) образованъ былъ союзъ между Англіей, Портой, Польшей и Швеціей. Для Пруссіи важно было унижить Австрію; что же касается Англии, то она—всегда вѣрная своему духу—видѣла въ освобожденіи поляковъ ту выгоду, что обильные торговые и морскіе продукты весьма важной страны стали бы направляться въ англійскіе порты²⁾. Такимъ образомъ, произошло то, что подъ предлогомъ охраны политической независимости Европы, но въ дѣйствительности по побужденіямъ алчности и честолюбія, установленъ былъ громадный военный кордонъ, который, начинаясь отъ окраинъ Великобританіи, тянулся до береговъ Геллеспонта черезъ Голландію, Пруссію и другія, менѣе значительныя государства.

Гертцбергъ взялся за дѣло съ дикою энергіей. Онъ разжегъ ненависть бельгійцевъ къ Австріи, побудилъ венгерцевъ придать своимъ жалобамъ угрожающій тонъ, подстрекалъ Польшу къ сверженію ига русскихъ; онъ рукоплескалъ рыцарственному Густаву III по поводу того, что и тотъ обнажилъ, въ свою очередь, мечъ противъ русскихъ; наконецъ, онъ предложилъ надежную точку опоры фанатизму турокъ, который, вслѣдствіе великой для нихъ опасности, возросъ до размѣровъ героизма. Англія, съ своей стороны, стала вооружать эскадры, покрывала своими судами море и грозила Испаніи за нѣсколько контра-

¹⁾ См. въ IV томѣ настоящаго сочиненія главу, озаглавленную: «Видъ Европы».

²⁾ *Annual Register*, vol. XXXIII, chap. I, p. 12.

Рейхенбахѣ, гдѣ находилась главная квартира Фридриха-Вильгельма, въ то время, какъ арміи еще стояли наготовѣ, тайные переговоры смѣнились переговорами оффиціальными ¹⁾.

Гертцбергъ чувствовалъ, что не сегодня—завтра ему придется лишиться плодовъ долгихъ усилій. Не имѣвъ возможности предотвратить переговоры, которые разомъ разрушали и его политику и его кредитъ, онъ попытался помѣшать имъ гордо заявленнымъ притязаніемъ продиктовать условія мира. Онъ потребовалъ, чтобы Австрія, сохранивъ Вѣлградъ, Оршову и отнятую у турокъ часть Хорватіи, уступила Галицію обратно Польшѣ, которая, съ своей стороны, предоставила бы Пруссіи Торнѣ и Данцигъ, т. е. господство надъ Вислой. Но согласилась ли бы Екатерина на такое увеличеніе прусскаго могущества или допустила ли бы его безъ возраженія? Леопольдъ отлично зналъ, что нѣтъ. Сколько ни настаивалъ Гертцбергъ, Шпильманъ, получившій точныя инструкціи, былъ непоколебимъ. Тѣмъ временемъ Бишофсвердеръ и монархистскіе *иллюминаты* окружали Фридриха-Вильгельма, торопили его, возстановляли противъ главнаго министра... И каково же было изумленіе Гертцберга, когда онъ вдругъ получилъ приказаніе поставить свою подпись подъ статьями предварительнаго договора, тайны которыхъ онъ не зналъ, которыя были условлены безъ его участія и въ которыхъ не упоминалось ни о Торнѣ, ни о Данцигѣ, ни о чемъ такомъ, что могло бы придать миру выгодный для Пруссіи характеръ! Онъ съ трепетомъ повиновался, и конгрессъ завершился окончательною конвенціей, заключенной 5-го августа 1790 г. Леопольдъ при этомъ обязывался:

- 1) Начать мирныя переговоры съ Оттоманскою Портою;
- 2) дать Пруссіи эквивалентъ тѣхъ уступокъ, которыя могли бы сдѣлать ей турки;
- 3) не оказывать Россіи больше никакой помощи въ томъ случаѣ, если эта держава отказалась бы прекратить войну.

На этихъ условіяхъ Фридрихъ-Вильгельмъ обѣщалъ подать свой голосъ на предстоящемъ избраніи Леопольда въ римскіе короли и оказать поддержку для покоренія бельгійцевъ ²⁾.

Реальныя выгоды этой знаменитой конвенціи выпадали на

¹⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 84.

²⁾ *Annual Register*, vol. XXXIII, chap. I, p. 18, et *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 85 et 86.

долю Австріи. Перехитренный, обманутый, осыпанный оскорблениями, Гертцбергъ, слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ оказывавшій Пруссіи славныя услуги, приготовился очистить поле своимъ соперникамъ ¹⁾.

Вскорѣ послѣдовало заключеніе мира въ Верелѣ, разоружившаго на сѣверѣ Екатерину II и шведскаго короля. Густавъ вышелъ героемъ изъ величайшихъ опасностей, но долженъ былъ сознаться передъ самимъ собою, что власть его была не такъ обширна, какъ его сердце; что же касается Екатерины, то искусная умѣренность Леопольда открыла ей глаза. Рейхенбахская конвенція была подписана 15-го августа 1790 г. ²⁾, а спустя восемнадцать дней состоялось подписаніе мира въ Верелѣ.

Таковы были событія, которыя, внезапно измѣнивъ общую систему Европы, позволили государямъ болѣе внимательно взглянуть на французскую революцію.

Густавъ, вслѣдствіе мира въ Верелѣ утратившій почву для проявленія своихъ воинственныхъ наклонностей, былъ готовъ искать въ монархическомъ крестовомъ походѣ почестей авантюры, которая засвидѣтельствовала бы его мужество.

Екатерина чувствовала себя униженною тѣмъ покровительствомъ, которое она слѣпо оказывала философіи, послѣдствія коей стали затѣмъ столь тревожными для коронованныхъ особъ. Она писала князю де Линю: «*Во Франціи тысяча дѣтей законодателей, которымъ никто не повируется, за исключеніемъ короля*» ³⁾.

Леопольдъ вполне усвоилъ мнѣнія князя Кауница относительно полезности тѣснаго союза между домомъ Бурбоновъ и австрійскимъ — союза вполне монархическаго, который французская революція, конечно, имѣла намѣреніе парализовать; а съ другой стороны, могъ ли онъ позабыть, что Марія-Антуанета была его сестрой? Поэтому къ вмѣшательству побуждалъ его двойкій интересъ: политическій и семейный.

Что касается прусскаго короля, сочувствіе его Людовику XVI было легко вызвано и искусно поддерживаемо французскимъ посланцемъ, свѣдущимъ и преданнымъ французскому монарху

¹⁾ Louis-Philippe de Ségur, *Tableau historique et politique de l'Europe*, t. I, chap. VIII, p. 301.

²⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'État*, t. I, p. 86.

³⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, N° 63.

лей противъ нея, нужно было показать ее имъ всю въ крови, отвратительною; нужно было представить ее страню прокаженныхъ. Эту задачу взялъ на себя англичанинъ Бёркъ, и такъ какъ книга этого человѣка была дѣйствительно первымъ пушечнымъ выстрѣломъ, пущеннымъ въ Европѣ противъ французской революціи, то на ней слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Съ тѣхъ поръ, какъ Бёркъ огласилъ палату общимъ крикомъ ненависти къ духу современной Франціи—крикомъ, который такъ болѣзненно пронзилъ благородную душу Фокса¹⁾—онъ со страстью направилъ свое вниманіе на парижскія событія. Замысливъ нападеніе, о которомъ помнили бы долго, онъ посвятилъ нѣсколько мѣсяцевъ на собраніе матеріаловъ. Корреспондентами его были Дюпонъ, Кристи и — какъ это ни странно—двое самыхъ пылкихъ революціонеровъ того времени, Анахарсисъ Клоотцъ и Томасъ Пэйнъ²⁾. Нѣтъ надобности говорить, что оба послѣдніе постарались сообщить Бёрку документы, благоприятные революціи; но онъ сумѣлъ найти въ нихъ то, чего въ своей злобѣ искалъ³⁾. Надо видѣть, какъ онъ въ письмѣ, написанномъ въ маѣ 1790 г. лорду Чарльмонту, говоритъ о стараніи, которое онъ прилагаетъ къ этому обширному труду, о способностяхъ, которыя онъ въ немъ проявляетъ, объ ожидающемъ его успѣхѣ и о душевномъ волненіи, которое онъ почерпаетъ въ своей работѣ⁴⁾. Эта слишкомъ знаменитая книга появилась, наконецъ, въ началѣ ноября 1790 г. Она вышла подъ заглавіемъ «Размышленія о французской революціи» (*Reflections on the Revolution in France*) и, будучи тотчасъ же переведена Дюпономъ, заняла вниманіе всей Европы.

¹⁾ См. въ IV томѣ пастоящаго сочиненія главу «Видъ Европы».

²⁾ James Prior, *Mémoire on the life and characher of the Right hon. Edmund Burke*, chap. X, p. 347, 1824.

³⁾ Его біографъ ставитъ ему это въ заслугу: «The two latter men, more especially, who, though the very fanatics of Revolution and Republicanism, were fated to supply uninentionally, on their part, some of the materials which Mr. Burke, with equal speed und dexterity, sharperet into their most powerful antidotes». (Особенно двое послѣднихъ, хотя и были яркими фанатиками революціи и республиканской формы правленія, по волѣ судьбы, неумышленно доставили, съ своей стороны, нѣсколько матеріаловъ, которые Бёркъ съ одинаковымъ успѣшностью и ловкостью обратилъ въ ихъ наиболѣе сильное противоядіе). James Prior, chap. X, p. 247.

⁴⁾ «I have been much occupied and much agitated with my employment». (Я былъ оченъ занятъ и сильно потрясенъ моимъ дѣломъ). *Ibid.*, chap. XI, p. 363.

не народной экспедиціи изъ Версаля 6-го октября называетъ шествіемъ американскихъ дикарей, влекущихъ, среди насмѣшекъ и толчковъ своихъ женщинъ, такихъ же хищныхъ, какъ и они сами, своихъ злосчастныхъ плѣнниковъ въ обвѣшанные черепами шалаши¹⁾. Далѣе онъ восклицаетъ: «Мы, англичане, не числимся прозелитами Руссо; мы не ученики Вольтера; Гельвецій не имѣлъ среди насъ успѣха. У насъ нѣтъ атеистовъ въ качествѣ проповѣдниковъ и сумасшедшихъ въ качествѣ законодателей... Изъ насъ не вынули природнаго нутра... Въ Англіи насъ не выпотрожили и не набили, какъ птицъ въ музей, соломою, тряпьемъ, грязными обрывками бумажки, касающимися правъ человека»²⁾.

Джемсъ Прайоръ, біографъ Бёрка, его проникнутый изумленіемъ почитатель и панегиристъ во что бы ни стало, сознается, что книга его героя, въ виду ея нападокъ на самыя основы свободы, была отвергнута смѣлою, многочисленною и даровитою партіей, во главѣ которой стоялъ Фоксъ. «Это пасквиль на все свободныя привительства» (*a libel on all free governments*) — таково было грозное отзывъ Фокса о сочиненіи челоуѣка, который ранѣе былъ его другомъ. Хотя Бёркъ и говорилъ впоследствии, что «французская революція не ограничилась потрясеніемъ всехъ европейскихъ троновъ, но совратила также сердце и разумъ Фокса», однако, по признанію Прайора, постановленный Фоксомъ приговоръ совпадалъ съ мнѣніемъ всей массы писателей, многихъ самостоятельно мыслившихъ министровъ, многихъ адвокатовъ, почти всехъ врачей, философовъ и даже

¹⁾ «A spectacle more resembling a procession of American savages, entering in Onondaga after some of their murders called victories, and leading into hovels hung round with scalps, their captives, overpowered with the scoffs and buffets of women as ferocious as themselves». (Зрѣлище, болѣе похожее на шествіе американскихъ дикарей, вступающихъ въ Онондагу послѣ какой-нибудь бойни, именуемой побѣдою, и ведущихъ въ обвѣшанные скальпами шалаши своихъ плѣнныхъ, изнеможенныхъ отъ издѣвательствъ и пинковъ женщинъ, такихъ же хищныхъ, какъ и сами дикари). *Reflections on the Revolution in France*, p. 99.

²⁾ We are not the converts of Rousseau; we are not the disciples of Voltaire; Helvetius has made no progress amongst us. Atheists are not our preachers; madmen are not our lawyers... In England, we have not yet been completely embowelled of our natural entrails... We have not been drawn and trussed, in order that we may be filled, like stuffed birds in a museum, with chaff and rags, and paltry blurred shreds of paper about rights of man». *Reflections on the Revolutions in France*, p. 127, 128.

духовныхъ лицъ, вообще всѣхъ людей, принадлежавшихъ къ просвѣщенному классу¹⁾.

Понятно, что во Франціи Бёрка не пощадили. Камилль Демуленъ, уподобивъ свое перо скальпелю, произвелъ поистинѣ страшное вскрытіе названной книги и, оставивъ въ сторонѣ Бёрка, какъ мыслителя, недостойнаго его ударовъ, налегъ своею жестокою рукою на него, какъ на писателя. На бѣду, англійское сочиненіе было усѣяно до странности смѣшными фразами, вродѣ слѣдующихъ: «Теорія, осѣвшая въ консервативномъ сиропѣ краснорѣчія, приличнаго каедрѣ»; «бумажныя деньги оскудѣвшаго обмана и нищенствующаго грабительства»; «болеутоляющее питье забвенія, приправленное такимъ образомъ, чтобы поддерживать сильнѣйшую бессонницу и поддерживать живую язву ѣдкаго воспоминанія»²⁾ и т. п., и т. п. Какою удачною находкой была для Камилла эта—какъ сказалъ бы Вольтеръ—«тройная галиматья», которую можно было бросить на растерзаніе злымъ насмѣшкамъ! Но особенно ѣдко насмѣхался остроумный журналистъ надъ «шуточками г. Бёрка»: «Г. Бёркъ сравниваетъ ассигнаціи съ универсальнымъ лекарствомъ. *Assignare*, говоритъ онъ, *postea assignare, ensuite assignare*—вотъ все, что мы умѣемъ дѣлать для уврачеванія нашихъ финансовъ. Г. Бёркъ, который не совсѣмъ такой же шутникъ, какъ Мольеръ, потрудится замѣтить, что наше цѣлебное средство немного надежнѣе англійской панацеи и что *assignare* лучше, чѣмъ *empruntare, postea imposare, ensuite se ruinare*»³⁾. Затѣмъ, по поводу припадковъ бѣшенства англійскаго памфлетиста, немного черезчуръ юношескихъ, если онъ рассчитывалъ прослыть философомъ, Камилль Демуленъ спрашивалъ: «Сколько лѣтъ г. Бёрку?»⁴⁾.

Возраженій появилось множество, и въ числѣ тѣхъ изъ нихъ,

¹⁾ «The party besides embraced many other members of opposition, some philosophers, the great body of literary men, some clergymen, many lawyers many dissenting ministers, and nine tenths of the profession of physic, all therefore belonging to the educated classes». J. Prior, chap. XI, p. 368.

²⁾ Вотъ текстъ этой послѣдней фразы, которую лордъ Врумъ приводитъ въ видѣ образчика нелѣпо-туманнаго стиля, въ своихъ *Historical sketches of Statesmen*, подъ заголовкомъ «Burke»: «The anodyne draught of oblivion, thus drugged, is well calculated to preserve a galling wakefulness and to feed the living ulcer of a corroding memory».

³⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 58 (Вслѣдствіе опечатки, этотъ № газеты Камилла помѣченъ цифрою 57).

⁴⁾ *Ibidem*.

которыя произвели наиболѣе шума, приводили возраженія Стэнгопа, Ульстонкрэфта, Маколея, Грама, Макинтоша и Томаса Пэйна.

Но если въ одномъ лагерѣ книга Бёрка подвергалась горячимъ порицаніямъ, то въ лагерѣ противномъ она вызывала великое, почтительное удивленіе, и нѣтъ надобности прибавлять, что то былъ лагерь государей. Германскій императоръ—путемъ различныхъ посланій, французскіе принцы—черезъ посредство Казалеса, Екатерина II—черезъ своего посла, графа Воронцова—все засвидѣтельствовали Бёрку горячее одобреніе. Станиславъ прислалъ ему свой королевскій портретъ на золотой медали. Георгъ III пожелалъ имѣть нѣсколько экземпляровъ книги Бёрка въ изящныхъ переплетахъ и самъ раздавалъ эти экземпляры своимъ пріятелямъ, говоря: «Вотъ книга, которую долженъ прочесть каждый дворянинъ»¹⁾.

Итакъ, всколыхнулось рѣшительно все, а на иностранные дворы книга Бёрка произвела тѣмъ болѣе глубокое впечатлѣніе, что важное значеніе и число ея противниковъ, которые во всѣхъ концахъ Европы поднялись противъ клеветника французской революціи, достаточно доказывали, какой силой распространенія обладали принципы этой революціи и какія завоеванія уже были сдѣланы ею въ области мысли.

При такихъ-то обстоятельствахъ написано было приведенное въ началѣ настоящей главы письмо столь торжественно-важнаго значенія—письмо, которымъ Людовикъ XVI такъ настоятельно призывалъ всѣхъ королей къ себѣ на помощь. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ до такой степени пораженъ этимъ письмомъ, что, въ свою очередь, взялъ на себя передъ Леопольдомъ ту роль, которую сперва игралъ передъ нимъ Леопольдъ: онъ началъ настаивать на необходимости соглашенія, которое высвободило бы Людовика XVI изъ плѣненія и привело бы къ обузданію революціи. Леопольдъ не нуждался въ особенно настоятельныхъ просьбахъ на этотъ счетъ; но такъ какъ можно было опасаться, какъ бы революціонеры Франціи и Брабанта не оказали одни другимъ взаимной поддержки, онъ полагалъ, что прежде всего надо постараться вернуть бельгійскія провинціи. Будучи провозглашенъ 30 сентября 1790 г.²⁾ германскимъ

¹⁾ James Prior, *Memoir on the life and character of the Right hon. Edmund Burke*, chap. XI, p. 365.

²⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'État*, t. I, p. 87.

отвѣчалъ; Бендеръ «надѣлъ сапоги» и не успѣлъ окончиться 1790 годъ, какъ бельгійскія провинціи были вновь подчинены австрійскому владычеству.

Одинъ историкъ-дипломатъ писалъ: «Если, съ одной стороны, эта развязка не уяснила Французамъ опасностей анархїи и ихъ раздоровъ, то, съ другой, она дала королямъ и большей части высокопоставленныхъ лицъ въ Европѣ ложное представленіе относительно вѣроятнаго исхода французской революціи»¹⁾. Они возмнили, что ее легко укротить оружіемъ; это было заблужденіе, которое вело прямо къ войнѣ — и къ какой войнѣ!

Заблужденія этого не раздѣлялъ, да и не могъ раздѣлять Людовикъ XVI; онъ видѣлъ революцію со слишкомъ близкаго разстоянія, чтобы обманывать себя относительно степени таившейся въ ней силы, и перспектива вооруженной борьбы преисполняла его ужасомъ. По инстинкту, въ которомъ крылось какъ бы предсказаніе, изучая исторію Англіи, онъ постоянно имѣлъ передъ глазами Карла I, складывающаго голову на плахѣ, и Іакова II, теряющаго свое королевство за то, что покинулъ его. Но если бороться было невозможно, а бѣжать опасно, то какъ же быть? Если бы онъ былъ предоставленъ собственному вдохновенію, онъ, можетъ быть, оказался бы способнымъ покориться своей участи и послѣдовать за потокомъ. Но дворъ? но королева и особенно духовенство? Достоверно, что въ объятія иностранцевъ окончательно бросило Людовика XVI именно насиліе, совершенное надъ его религиозными чувствами въ дѣлѣ о присягѣ духовенства.

Притомъ, въ числѣ кажущихся носителей той небольшой доли власти, которую за нимъ оставили, не было ни одного дѣйствительно преданнаго ему человѣка.

Хранитель печати Дюпоръ дю Тертръ находился въ тѣсной дружбѣ съ Ламетомъ²⁾.

Военный министръ дю Портай былъ не столько министромъ короля, сколько министромъ военной комиссіи Собранія³⁾.

Министръ финансовъ Лессаръ отличался слишкомъ робкимъ,

¹⁾ *Memoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 90.

²⁾ Письмо графа Ла Марка къ графу Мерси-Аржанто въ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, t. II, p. 525.

³⁾ *Ibidem*.

слишкомъ малодушнымъ характеромъ, чтобы на него можно было рассчитывать ¹⁾).

Министръ иностранныхъ дѣлъ Монморэнъ повременамъ склонялся на сторону революціи и, кромѣ того, былъ нелюбимъ королевой ²⁾).

Одинъ только министръ внутреннихъ дѣлъ, Сенъ-При, могъ бы явить беззавѣтную преданность, если бы было возможно удержать его во власти; но его непопулярность дѣлала его безусловно безсильнымъ и приходилось замѣнить его другимъ лицомъ.

При такихъ обстоятельствахъ Мирабо представилъ двору проектъ, составленный съ совершеннымъ исключеніемъ мысли о побѣгѣ или объ обращеніи къ иностраннымъ державамъ.

Въ началѣ этого обширнаго труда, о которомъ мы говоримъ, Мирабо называлъ верхомъ безумія нападки на самый принципъ революціи и предположеніе вернуть французовъ къ тому положенію, изъ котораго они двинулись впередъ 27-го апрѣля 1789 г. «Можно бы,—говорилъ онъ,—сразу смести съ лица земли цѣлое поколѣніе, можно бы отнять у двадцати пяти милліоновъ людей память, и все-таки успѣхъ этотъ былъ бы невозможенъ» ³⁾).

По словамъ Мирабо, почти всѣ произведенныя разрушенія— а подъ этимъ онъ разумѣлъ отмѣну феодальныхъ привилегій, денежныхъ изъятій, многихъ разорительныхъ налоговъ — были, въ концѣ концовъ, одинаково благоприятны и для монархіи, и для націи: ихъ слѣдовало оставить въ силѣ. Въ видѣ драгоцѣнныхъ завоеваній, слѣдовало сохранить также единство въ распредѣленіи налоговъ, начала болѣе популярнаго управления, свободу печати, свободу религіозныхъ мнѣній, отвѣтственность агентовъ исполнительной власти, принципъ допустимости всѣхъ гражданъ къ занятію всякихъ должностей и болѣе широкой надзоръ за расходованіемъ государственныхъ суммъ. Значитъ, Мирабо не желалъ ниспроверженія конституціи,—онъ требовалъ только ея измѣненія, особенно съ точки зрѣнія королевской власти, чрезмѣрное ослабленіе которой онъ ставилъ конституціи въ упрекъ. Но сколько было къ тому препятствій: нерѣшительность короля; обвиненія, направленные противъ королевы; па-

¹⁾ Письмо графа Ла Марка къ графу Мерси-Аржанто, въ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, p. 525, 526.

²⁾ *Ibidem*, p. 532.

³⁾ *Ibidem*, 47-я записка графа Мирабо для двора, t. II, p. 429.

рижская демагогія, настроеніе національной гвардіи; склонность Собранія раздражаться и малая возможность взять его въ руки, въ виду его многолюднаго состава, непреоборимая популярность одной изъ секцій Собранія; опасность всеобщей вспышки при малѣйшей попыткѣ употребить насильственныя средства! Мирабо не скрывалъ отъ себя значительности этихъ затрудненій, однако не считалъ ихъ непреоборимыми. Постаравшись доказать, что пересмотръ конституціи является единственною цѣлью, къ которой нужно идти, и что пересмотра этого слѣдуетъ ожидать не отъ существовавшаго тогда Собранія, а отъ втораго законодательнаго учрежденія, онъ предлагалъ слѣдующее:

Постановить, что ни одинъ депутатъ Національнаго Собранія не можетъ быть избранъ вновь;

принять всѣ мѣры къ тому, чтобы очернить это Собраніе, лишить его популярности и опошлить;

ловкимъ маневромъ возбудить ревность Собранія по отношенію къ департаментскимъ управленіямъ; подстрекнуть его къ демагогическимъ излишествамъ, въ видахъ усиленія анархіи и, слѣдовательно, возбужденія болѣе живой потребности въ покоѣ, толкнуть его на захватъ всѣхъ властей, съ цѣлью навлечь на него обвиненіе въ тираніи; наконецъ, поставить его въ необходимость разойтись по собственному почину, вслѣдствіе того, что оно было бы поставлено въ невозможность выносить долше утрату своей славы и ужасающую картину своихъ ошибокъ, страстей и прихотей;

съ другой стороны, побудить короля и королеву энергично заняться завоеваніемъ себѣ популярности, показываясь возможно чаще народу, присутствуя на смотрахъ національной гвардіи, появляясь на нѣкоторыхъ засѣданіяхъ Собранія въ президентской трибунѣ, посѣщая больницы и видимымъ образомъ оказывая покровительство мастерскимъ;

оставить себѣ способы вліять на народное представительство не только чрезъ членовъ правой стороны, вроде Бонне, аббата Монтескіе, Казалеса, но еще и чрезъ членовъ лѣвой, каковы Клермонъ-Тоннеръ, д'Андре, Дюкенуа, Талейранъ, Эмри, Ле Шапелье, Туре и Барнавъ, оставляя, однако, однихъ въ неизвѣстности относительно содѣйствія, получаемаго отъ другихъ;

купить голоса тѣхъ изъ представителей, которые, не имѣя ничего, кромѣ своего голоса, могли бы быть совращены по дешевой цѣнѣ или простыми обѣщаніями;

организовать въ Парижѣ, подѣ управленіемъ Талона и Семонвилля, обширную *полицейскую мастерскую*;

воздѣйствовать на провинцію чрезъ 40 неизвѣстныхъ другъ другу разѣздныхъ агентовъ, которые были бы подчинены одному только Монморену;

основать, подѣ управленіемъ Клермонъ-Тоннера, фабрику сочиненій, предназначенныхъ для надлежащей подготовки общественнаго мнѣнія, для руководства имъ и достиженія опредѣленнаго выбора избирателей второго законодательнаго собранія.

Таковъ — за опущеніемъ множества мелкихъ подробностей, разработанныхъ авторомъ, повидимому, съ любовью — былъ, въ сущности, проектъ, тайно изложенный Мирабо двору и озаглавленный: «*Обзоръ положенія Франціи и средствъ къ тому, чтобы примирить общественную свободу съ королевскою властью*»¹⁾.

Все это было очень жалко, очень заурадно, и въ глубинѣ души Мирабо самъ не могъ, повидимому, не испытывать нѣкотораго стыда, предлагая употребить въ дѣло столько мелкихъ, нечистыхъ средствъ, потому въ трудѣ его мы читаемъ: «Если бы дѣло шло здѣсь не о послѣднихъ средствахъ и не о благѣ великаго народа, я, по моему характеру, отвергъ бы всѣ эти приемы темной интриги и хитраго обмана, которые я вынужденъ присовѣтывать. Но какъ быть, что попытаться сдѣлать, когда дѣло идетъ не обо мнѣ, а о другихъ, когда приходится бороться съ интригою и честолюбіемъ и когда оружіе, съ которымъ дѣлается нападеніе, является единственнымъ годнымъ для обороны?»²⁾.

Итакъ, благо великаго народа Мирабо ставилъ въ неизбѣжную, роковую зависимость отъ хитраго обмана и темной интриги. О, у меня отсохла бы рука, если бы я согласился съ такимъ выводомъ! Въ наше время достаточно страницъ было посвящено восхваленію *ловкихъ людей*, достаточно поощреній роздано нелѣпому культу *устыха*. Если мѣры, спасающія народы, носятъ по существу и должны носить такой же характеръ, какъ пистолетный выстрѣлъ, дѣлаемый разбойникомъ изъ-за угла по невнимательному путнику, если лукавство, лицемѣріе, лакейская ловкость являются освободительными добродѣтелями, то

¹⁾ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, t. II, p. 414. Эта записка Мирабо для двора, счетомъ 47-я, обнимаетъ не менѣе 87 страницъ.

²⁾ *Ibidem*, t. II, p. 463.

пусть господство надъ міромъ раздѣляетъ между собою Фигаро и Донъ-Базиліо, но пусть же тогда, къ чести человѣчества, умолкнетъ исторія!

Теперь хотите ли знать, кто были тѣ два человѣка, на которыхъ Мирабо возлагалъ заботу о спасеніи монархіи путемъ тайнаго направленія общественнаго мнѣнія въ Парижѣ?

О Талонѣ графъ Ла Маркъ писалъ королевѣ: «Я нѣсколько разъ видѣлся съ г. Талономъ, и всякій разъ онъ входилъ въ такія подробности, которыя не позволяли мнѣ сомнѣваться, что онъ желалъ выказать мнѣ безграничное довѣріе. Онъ показывалъ мнѣ подлинникъ важной бумаги — заявленіе объ участіи Маріи-Антуанеты въ заговорѣ Фавра... Для меня очевидно, что часть этой бумаги, которая могла бы скомпрометировать ваше величество, является не болѣе какъ плодомъ коварной интриги но менѣе достовѣрно то, что эта бумага, имѣющая нѣкотораго рода вѣрность, заслуживаетъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ большого вниманія. Когда-нибудь я позволю себѣ поговорить объ этомъ съ королевой и предложить ей нѣсколько очень простыхъ и очень легкихъ средствъ къ тому, чтобы изгладить всякій неудобный слѣдъ этого документа. Изъ обладанія этой бумагой г. Талонъ извлекаетъ извѣстную силу, при чемъ высоко цѣнитъ услугу, оказанную имъ тѣмъ, что онъ хранитъ ее втайнѣ»¹⁾.

Что касается Семонвилля, графъ Ла Маркъ описываетъ его въ томъ же письмѣ слѣдующими словами: «Этотъ является другимъ интриганомъ, — ловкимъ, искуснымъ въ притворствѣ, жаднымъ до денегъ, всегда спокойнымъ въ дѣлахъ, вѣрнымъ изъ интереса и предателемъ, когда въ томъ встрѣтится надобность и когда онъ усмотритъ въ томъ выгоду для себя; его знаютъ всѣ партіи, но онъ никогда не сближается ни съ одною изъ нихъ»²⁾.

Тѣмъ не менѣе, графъ Ла Маркъ совѣтовалъ воспользоваться услугами Талона и Семонвилля, потому что — говоритъ онъ — «нѣтъ необходимости уважать тѣхъ, чьими услугами пользуешься!»

Но въ теченіе этого времени Людовику XVI были подсказываемы и другія средства къ тому, чтобы выйти изъ положенія, считавшагося при дворѣ почти отчаяннымъ.

¹⁾ Письмо Ла Марка къ королевѣ въ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, t. II, p. 515.

²⁾ *Ibidem*, p. 316.

Графъ Прованскій очень желалъ бы избавиться отъ своего брата: какимъ способомъ достигнуть этого? Таковъ былъ предметъ наиболѣе горячихъ заботъ этого лукаваго принца. О томъ, чтобы склонить Людовика XVI къ отреченію отъ престола, нечего было и думать: но если бы онъ даже и согласился на это, развѣ дала бы когда либо согласіе на это также и Марія-Антуанета? Для того, чтобы устранить Людовика XVI, честолюбивому графу Прованскому представляюсь только одно средство: склонить короля къ тому, чтобы онъ допустилъ тайно увезти его и затѣмъ, подъ предлогомъ его освобожденія изъ королевской неволи, препроводить его въ какую нибудь крѣпость, гдѣ онъ, сидя безъ министровъ, безъ совѣтниковъ, безъ поддержки, вызывая ненависть націи и поневолѣ обращая умоляющій взоръ къ государямъ, былъ бы вынужденъ ввѣрить своему брату бразды правленія, вмѣстѣ съ званіемъ главнаго намѣстника королевства¹⁾. И дѣйствительно, всѣ усилія партіи Люксембургскаго дворца были направлены именно къ этой цѣли, и Людовикъ XVI, неспособный подозрѣвать такое коварство, легко поддавался убѣжденіямъ.

Въ концѣ октября 1790 г. онъ чрезъ епископа въ Памье д'Агу, вступилъ въ близкія отношенія съ Булье²⁾ и съ этихъ поръ между ними начался дѣятельный обмѣнъ шифрованными письмами, въ которыхъ обсуждался внушенный королю проектъ удаленія въ какой нибудь пограничный городъ. Проектъ этотъ расходился съ проектомъ Булье, заключавшимся въ слѣдующемъ:

Леопольдъ потребовалъ бы восстановленія правъ германскихъ государей, имѣвшихъ владѣнія въ Эльзасѣ и Лотарингіи—правъ, которыя не были признаны декретами Національнаго Собранія;

для поддержанія этого требованія, австрійскій императоръ двинулъ бы свои войска;

столь угрожающая демонстрація подала бы Булье поводъ собрать армію, командованіе которою—въ чемъ онъ не сомнѣвалъ—было бы сохранено за нимъ;

разъ это было бы достигнуто, было бы легко привязать солдатъ къ монарху и придать ему въ глазахъ націи роль миротворца; приняты были бы мѣры къ поддержанію недовольства, ко-

¹⁾ Рукопись г. Сокэра-Сулинье.

²⁾ *Mémoires de Bouillé*, chap. IX, p. 181. Collection Berville et Barrière.

торое могло быть вызвано въ части народа преслѣдованіемъ духовенства;

такимъ образомъ, наконецъ, въ распоряженіи короля оказалась бы внушительная сила ¹⁾).

Какъ ни велики были недостатки этого проекта, выполнение котораго представлялось такимъ труднымъ, вслѣдствіе возникшихъ повсюду подозрѣній, онъ все же еще былъ лучше того, который оказался принятымъ; но Людовикъ XVI какъ бы въ ослѣпленіи шелъ въ сторону эшафота.

Тѣмъ временемъ, слухи объ эмиграціи распространялись въ народѣ. Рассказывали, будто между Шамбери и Понъ-Бовуазеномъ встрѣченъ былъ таинственный поѣздъ, состоявшій изъ трехсотъ слишкомъ экипажей; будто видѣли, какъ къ герцогу Бурбонскому отправляли его форменное платье и шляпу; будто двое адъютантовъ Лафайета, посланныхъ въ погоню за бѣжавшими заговорщиками, были обманнымъ образомъ задержаны въ Дижонѣ почтмейстеромъ ²⁾). По словамъ большого числа газетъ, королева нашла подъ своимъ столовымъ приборомъ слѣдующую записку: «При первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, который пушентъ будетъ вашимъ братомъ во французскихъ патріотовъ, ему послана будетъ ваша голова». «Это—писалъ Камилль Демуленъ—быть можетъ, апокрифическій анекдотъ, но онъ напечатанъ въ такомъ множествѣ газетъ, что выходитъ, будто записка дѣйствительно была найдена подъ тарелкой» ³⁾).

Эта мысль объ эмиграціи была ненавистна народу особенно потому, что въ его умѣ къ данному вопросу примѣшивался другой: объ обширномъ роялистскомъ заговорѣ. Въ Э (Aix), въ пылу мятежа, повѣшены были трое подозрительныхъ гражданъ, Паскали, Ларокъ и Гиранъ, вслѣдствіе схватки между двумя соперничествовавшими клубами, одинъ изъ которыхъ—клубъ бѣлой кокарды—былъ поддерживаемъ офицерами полка Лионнэ ⁴⁾). Въ Лионѣ обнаруженъ былъ заговоръ, относительно котораго докладчикъ по этому темному дѣлу, Вуадель, заявилъ, что онъ находится въ связи съ разѣздами г. Отишана, съ тайнымъ прибытіемъ одного безчестнаго министра въ Туринъ и его свя-

¹⁾ *Mémoires de Bouillé*, ch. IX, p. 179, 180 et 181. Collection Berville et Barrière.

²⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 57.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ Письмо, прочитанное графомъ Мирабо въ засѣданіи Собранія 18 декабря 1790 г.

При такомъ расположеніи умовъ, лицамъ, принадлежавшимъ къ королевской фамиліи, слѣдовало бы держать себя крайне осторожно: но ничуть не бывало! Нѣсколько епископовъ и придворныхъ дамъ, вѣроятно разсчитывая нанести ударъ революціи ¹⁾, внушили теткамъ короля, титуловавшимся *Mesdames*, намѣреніе отправиться въ Римъ. Дѣло было въ концѣ февраля 1791 г., приближалось Свѣтлое Христово Воскресеніе и тетки Людовика XVI, женщины набожныя, трепетали при мысли, что при исполненіи ихъ религіозныхъ обязанностей имъ придется прибѣгнуть къ посредничеству священниковъ, присягнувшихъ конституціи. Поэтому онѣ собрались выѣхать изъ Парижа. Но едва стало извѣстно о ихъ предстоявшемъ отъѣздѣ, какъ всюду поднялась такая тревога, какъ будто оповѣщено было о выѣздѣ важныхъ лицъ. Парижскія секціи, явившись въ городское управление, заявили о роковой поѣздкѣ. Бальи, во главѣ многолюдной депутаціи, поспѣшилъ во дворецъ для сообщенія о ходящихъ въ Парижѣ толкахъ. Людовика XVI умоляли не допускать такого тревожнаго бѣгства. Онъ отвѣчалъ: «То, о чемъ вы просите, неконституціонно; когда вы покажете мнѣ декретъ Собранія, воспреещающій поѣздки, я запрещу моимъ теткамъ уѣзжать; до тѣхъ же поръ онѣ такъ же вольны выѣзжать изъ королевства, какъ и всѣ другіе граждане» ²⁾).

Доводъ этотъ казался правильнымъ: Камилль Демуленъ, держась всегда на-готовѣ, взялся опровергнуть его. Подобно Мильтону, мѣрившемуся силами съ англійскимъ королемъ на полѣ логики, смѣлый журналистъ льстилъ себя надеждой безъ труда побѣдить въ этой борьбѣ *господъ, весьма сильныхъ на войнѣ, но обыкновенно очень слабыхъ въ разсужденіяхъ, такъ какъ они отъ колыбели привыкли пользоваться своей волей, какъ правой рукою, а своимъ разумомъ—какъ рукою лъвой*. И почему же бы теткамъ монарха пользоваться такими же правами, какъ другіе граждане? Развѣ нація даритъ другимъ гражданамъ, при ихъ рожденіи, по милліону дохода, какъ этимъ *Mesdames*? Развѣ во всѣхъ странахъ и во всѣхъ вѣка народы не требовали отъ королей какой нибудь преміи «за пышность, въ которой они даютъ имъ жить?» Развѣ предки Людовика XVI не оплачивали всегда

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. IX, p. 234. Collecton Berville et Barriète.

²⁾ *Ibid.*, t. II, liv. IX, p. 235.

рабством нѣкоторые обычаи, противные правамъ челоуѣка, исключительную привилегію быть помазываемыми изъ священной мѣрохранительницы и излечивать золотуху? «Нѣтъ, государь, ваши теткн не имѣютъ права ѣхать для того, чтобы проѣхать наши милліоны въ папской землѣ... Пусть онѣ откажутся отъ своихъ пенсій, пусть возвратятъ въ государственный сундукъ все увозимое ими золото: тогда пусть себѣ отправляются, если хотятъ, въ Лоретту или въ Компостеллу, съ бѣлымъ посохомъ въ рукахъ, въ накидкахъ изъ ракушекъ и устричныхъ скорлупокъ»¹⁾).

Маратъ отозвался въ менѣе шутиномъ тонѣ: «Этихъ богомолокъ надо задержать въ видѣ заложницъ, а къ прочимъ членамъ фамиліи приставить тройную стражу... Граждане, замѣтьте хорошенько, что теткн короля оставили бы три милліарда долговъ и увезли бы съ собою двѣнадцать милліоновъ золотомъ, которое накопили, платя до двадцати девяти ливровъ за каждый луидоръ»²⁾).

Загремѣли, въ свою очередь, и клубы. Пустили въ дѣло рыночныхъ торговокъ и направили ихъ къ Бельвю; но принцессы, во время предупрежденія, ускользнули отъ этого грознаго посѣщенія и въ тотъ же вечеръ вернулись для ночлега въ Тюильри³⁾. Слѣдовало ли имъ отказаться отъ своего проекта? Мирабо полагалъ, что слѣдовало⁴⁾; но онѣ заупрямились, тайно выѣхали изъ Парижа 19-го февраля 1791 г. и направились въ Ліонъ.

На слѣдующій день Людовикъ XVI письменно сообщилъ Собранію объ ихъ отѣздѣ, прибавивъ, что не считалъ своимъ долгомъ препятствовать ему, такъ какъ онѣ убѣждены, что его теткн, какъ и всякій другой, располагаютъ свободой передвиженія. «Хорошо же! тотчасъ же воскликнулъ яростнымъ тономъ Камюсъ: пусть вычеркнутъ изъ цивильнаго листа отпускаемое на *Mesdames* содержаніе!»⁵⁾).

За стѣнами Собранія возбужденіе было чрезвычайное. Когда въ народѣ распространился слухъ, что за тетками короля вскорѣ послѣдуютъ и остальные члены королевской фамиліи, что королевѣ удалось скрыть дофина, вмѣсто котораго она показываетъ

1) *Révolutions de France et de Brabant*, № 64.

2) *L'Ami du peuple*, № 371.

3) *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. IX, p. 235.

4) *Mémoires de Mirabeau*, t. VIII, p. 288.

5) *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. IX, p. 236.

очень похожаго на юнаго принца ребенка г. Сенъ-Совёра ¹⁾— всѣ очаги агитациі запылали. Вечеромъ 22-го февраля, когда пронеслась вѣсть, что и братъ Людовика XVI тоже собирается уѣхать, рыночныя торговки, въ сопровожденіи громаднѣйшей толпы людей всякихъ профессій, шумно двинулись къ Люксамбургскому дворцу. Графъ Прованскій обѣдалъ у г-жи Бальби ²⁾. Ему дали знать; онъ явился и сталъ увѣрять, что никогда не покинетъ особу короля. «А если король уѣдетъ?» крикнулъ изъ толпы какой-то человѣкъ, которому этотъ отвѣтъ принца показался двусмысленнымъ. *Monsieur* повернулся къ незнакомцу и, устремивъ на него спокойный взоръ, сказалъ ему съ тѣмъ достоинствомъ, которымъ онъ такъ хорошо умѣлъ прикрывать свое лицемѣріе: «Вы осмѣливаетесь предвидѣть это?» Народъ потребовалъ, чтобы *Monsieur* и *Madame* отправились въ Тюильри, что они и сдѣлали, не колеблясь, поѣхавъ подъ эскортомъ сильнаго коннаго отряда, предоставленнаго Лафайетомъ въ ихъ распоряженіе. И буря на мгновеніе утихла...

На мгновеніе—потому что какъ только стало извѣстно объ арестованіи тетокъ короля въ Арнэ-ле-Дюкѣ, едва улегшееся озлобленіе пробудилось вновь. Уѣзжая изъ Парижа, онѣ запаслись паспортомъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ, однако не имѣли паспорта отъ парижской коммуны, къ которой имъ пришлось обратиться, но которая отвѣтила отказомъ. На этомъ основаніи и въ виду того, что ихъ паспортъ не былъ подписанъ президентомъ Національнаго Собранія, городское управленіе Арнэ-ле-Дюка не допустило ихъ дальнѣйшаго слѣдованія и задержало ихъ въ гостиницѣ, впредь до распоряженія законодательнаго корпуса ³⁾.

Монморенъ, какъ только узналъ объ этомъ происшествіи, написалъ графу Мирабо:

«*Mesdames* задержаны въ Арнэ-ле-Дюкѣ; король требуетъ отъ меня проекта письма къ Собранію. Прилагаю набросанный мною проектъ: одобряете ли вы его?» ⁴⁾

Мирабо, въ свою очередь, спросилъ совѣта у графа Ла Марка

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. IX, p. 237.

²⁾ *Ibid.*, p. 238.

³⁾ *Règne de Louis, XVI*, t. VI, § 27.

⁴⁾ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck* t. III, p. 64.

запискою, которая не была найдена и о которой извѣстно только по слѣдующему, вызванному ею отвѣту:

«Когда я проснулся, Пеллэнъ показалъ мнѣ вашу записку. Я легъ въ 4 часа утра. Ночь провелъ за питьемъ. Предупреждаю васъ, что мысли мои еще не вполне ясны. Однако вотъ нѣкоторыя, касающіяся васъ соображенія по поводу арестованія *Mesdames*. Онѣ обращаются къ вамъ; онѣ посылаютъ къ вамъ Нарбонна; скажите это, когда взойдете на трибуну. Заявите себя ихъ *защитникомъ*. Тогда все станетъ легкимъ, потому что до сихъ поръ нѣтъ никакого закона противъ нихъ. По моему, въ такомъ выступленіи есть нѣчто великое, античное, простое: вы будете краснорѣчивы и убьете, если окажется нужнымъ, Робеспьеровъ, Крансе и Барнавовъ. Прощайте»¹⁾).

Мирабо хотя и напелъ, что «для пьяницы соображенія эти не такъ ужъ плохи»²⁾, побоялся, однако, дать поводъ къ подозрѣніямъ относительно его сношеній со дворомъ слишкомъ смѣлымъ заявленіемъ объ участіи, которое онъ принимаетъ въ теткахъ короля. Будучи назначенъ 18 января 1791 г. начальникомъ мѣстнаго баталіона національной гвардіи, а 29 числа того же мѣсяца сдѣлавшись президентомъ Національнаго Собранія, чего онъ такъ добивался, онъ не желалъ рисковать заманчивостью этого положенія, своимъ вліяніемъ и на парламентъ, и на общественное мнѣніе. Поэтому онъ ограничился предложеніемъ слѣдующаго рѣшенія, которое и было принято послѣ оживленныхъ преній: «Такъ какъ отъѣздъ *Mesdames* не возбраненъ никакимъ закономъ, то въ преніяхъ по поводу протокола общины Арнэ-ле-Дюка не представляется надобности»³⁾. Вслѣдствіе этого принцессы могли продолжать свою поѣздку. Мену увлекъ Собраніе одною только слѣдующею фразой: «Европа очень изумится, узнавъ, что Національное Собраніе такъ долго обсуждало вопросъ объ отъѣздѣ двухъ женщинъ, которымъ болѣе нравится побывать у обѣдни въ Римѣ, чѣмъ въ Парижѣ»⁴⁾).

Но за стѣнами Собранія выходка Мену встрѣчена была менѣе сочувственно. Камилль Демуленъ разразился насмѣшками надъ подобными законодательными рѣшеніями, которыя сры-

¹⁾ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, t. III, p. 64, 65.

²⁾ *Ibid.*, письмо Мирабо къ графу Ла-Марку.

³⁾ *Moniteur*, засѣданіе 24 февраля 1791 г.

⁴⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 66.

ваются при помощи *паквильных выходовъ*¹⁾; Марать болѣе горячо, чѣмъ когда либо, заговорилъ о необходимости всеобщаго возстанія, что было его обычною, любимую, кровавою мечтой, и въ тотъ же вечеръ объятая страстью толпа, среди которой было много мужчинъ, переодѣтыхъ въ женское платье²⁾, переполнила садъ Тюильрійскаго дворца, со страшнымъ ревомъ требуя, чтобы король приказалъ своимъ теткамъ вернуться къ нему³⁾. Потребовалось вмѣшательство Лафайета; пришлось выставить національную гвардію въ боевомъ порядкѣ, привезти шесть пушекъ съ зажженными фитилями и сдѣлать видъ, будто собираются разгромить народъ. И всетаки возбужденіе, схлынувъ лишь съ улицы, съ еще большею силою перенеслось въ умы. Со всѣхъ сторонъ стали требовать изданія закона противъ эмиграціи. Какъ будто человѣкъ держится корнями въ землѣ! Какъ будто не въ томъ его первое право, чтобы покидать мѣста, гдѣ мысли его недостаетъ воздуха, а сердцу спокойствія! Какъ будто возможно сказать человѣку, находящемуся въ движеніи: «Объясни сперва, почему ты не остаешься неподвижнымъ!» Для моей могилы достаточно шести футовъ, но для жизни моей—я чувствую—нуженъ просторъ!

Надо замѣтить, что среди слѣпного увлеченія, которое по поводу отъѣзда тетокъ короля побудило людей требовать закона противъ эмиграціи, Робеспьеръ былъ однимъ изъ тѣхъ, кого это увлеченіе не охватило. Онъ не старался разобраться какъ слѣдуетъ въ софизмъ, выведенномъ изъ того, что называлось государственнымъ интересомъ, но совѣсть подсказывала ему, что тутъ кроется ошибка; онъ желалъ бы, чтобы его избавили отъ мукъ неизвѣстности въ этомъ отношеніи, и онъ самъ наивно обнаружилъ состояніе своего духа, когда произнесъ слѣдующія, выдающіяся въ его жизни слова: «*Законъ противъ эмиграціи мнѣ не нравится, но я хотѣлъ бы, чтобы мнѣ доказали дѣльными доводами, что его слѣдуетъ отвергнуть*». Передавая эти слова въ своей газетѣ⁴⁾, Бриссо хвалитъ Робеспьера за то, что онъ ихъ произнесъ, и прибавляетъ: «Я видѣлъ еще, что Робеспьеръ держится здравыхъ принциповъ, когда Собраніе стали искушать кипюю аристократическихъ печатныхъ произве-

¹⁾ *Révolution de France et de Brabant*, N° 66.

²⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. III, p. 241.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Le Patriote français*, N° 571.

деній, посланныхъ за его скрѣпою. Непослѣдовательные любопытные желали, чтобы ихъ вскрыли; фанатики хотѣли, чтобы они были сожжены: «Сдѣлайте это, — сказалъ Робеспьеръ, — и вскорѣ инквизиціи подвергнутся также и патріотическія прозведенія»¹⁾).

Тѣмъ временемъ наступило 28-е февраля 1791 г., — день, назначенный для обсужденія закона противъ эмиграціи. На лицахъ было написано необычнаго характера возбужденіе; казалось, будто таинственный перстъ указываетъ всѣмъ, позади такого закона, нѣчто ужасное... Утромъ, когда разнеслась совершенно ложная, но очень дѣятельно распространявшаяся вѣсть, будто въ Венсенскую башню перевезены оружіе и всякаго рода боевые припасы и будто изъ Тюильрійскаго дворца есть тайный подземный проходъ въ эту башню, чрезъ который должны ускользнуть король и его семья²⁾), сильно всколыхнувшийся народъ предмѣстій хлынулъ къ крѣпости, съ цѣлью разрушить ее. Но на мѣсто явился, во главѣ національной гвардіи, Лафайетъ и нападавшіе, которыми руководилъ пивоваръ Сантеръ, были вынуждены отступить. Они съ шумомъ вернулись въ Парижъ и засѣданіе Собранія открылось среди чрезвычайнаго волненія, при грохотѣ барабановъ, бившихъ сборъ.

Ле Шапелье началъ съ заявленія, отъ имени конституціонной комиссіи, что онъ вноситъ проектъ декрета — неконституціоннаго, мало соответствующаго принципамъ и учреждающаго прямо-таки диктатору: странный пріемъ для предложенія принять этотъ проектъ: Робеспьеръ поспѣшилъ заявить, что онъ не сторонникъ закона противъ эмиграціи, но потребовалъ торжественнаго обсужденія его, которое склонило бы общественный интересъ и разумъ на сторону противниковъ подобнаго закона. Мерленъ напомнилъ слѣдующее мѣсто изъ «Общественнаго договора»: «Въ минуты смутъ эмиграція можетъ быть воспреощаема». Тѣмъ временемъ графу Мирабо передавались записки, въ которыхъ его, съ противными цѣлями, побуждали взойти на трибуну. Онъ, наконецъ, всталъ и прочелъ письмо, нѣкогда написанное имъ прусскому королю Фридриху-Вильгельму. Въ этомъ письмѣ краснорѣчиво доказывалось принадлежащее человѣку право покинуть страну, гдѣ для него нѣтъ

¹⁾ *Le Patriote français*, N° 571.

²⁾ L'abbé de Montgaillard, *Histoire de France*, t. II, p. 283.

счастія. Въ Собраніи слышались и рукоплесканія и ропоть. На крайнихъ скамьяхъ лѣвыхъ царило глубокое молчаніе. Ожидали, что на арену выступятъ Варнавъ и оба Ламета, но они, по соображеніямъ, которыя были объяснены ими впоследствии, рѣшили воздержаться. Такъ, когда Гурданъ, наклонившись къ Александру Ламета, спросилъ его: «Вы не будете говорить?» тотъ отвѣтилъ: «Имъ этого-то и хочется»¹⁾). Брошенную графомъ Мирабо перчатку поднялъ Ревбель. «Никакое общество—сказалъ онъ—не можетъ существовать безъ взаимныхъ обязанностей. Какъ сталь бы я моимъ тѣломъ и кровью защищать владѣнія моего сосѣда, если онъ убѣгаетъ далеко отъ моихъ владѣній?» Доводъ казался правильнымъ, но единственное, что можно было изъ него вывести, было то, что никто не имѣетъ права пользоваться—ни по отношенію къ своей личности, ни по отношенію къ своему имуществу—покровительствомъ законовъ той страны, отъ которой онъ отрекается. Но о чемъ же дѣло? Имѣлось ли въ виду только лишить тѣхъ, кто экспатріировался изъ-за ненависти къ новымъ законамъ, всякой общественной должности и заставить ихъ продать свое недвижимое имущество? Нѣтъ, дѣло шло о безусловномъ недопущеніи эмиграціи, о прикрѣпленіи человѣка къ землѣ, объ обнесеніи отечества стѣною. А въ такомъ случаѣ какую пѣню имѣло разсужденіе Ревбеля? Притомъ, какъ примѣнить выставленный имъ принципъ, не входя въ инквизиторское разслѣдованіе поводовъ, побуждающихъ гражданина выѣхать изъ королевства? Какъ отличить эмигранта отъ простаго путешественника, политическое перемѣщеніе отъ перемѣщенія торговаго? Какой просторъ открылся бы для тираніи! Это-то и предстало съ зловѣщею ясностью передъ глазами Собранія, когда Шапелье, уступая настояніямъ прочесть проектъ комитета, прочелъ: «Национальнымъ Собраніемъ будетъ учрежденъ совѣтъ изъ трехъ лицъ, которыя будутъ пользоваться диктаторскою властью только по отношенію къ праву выѣзда изъ королевства и обязательству возвратиться». При этихъ словахъ по всѣмъ скамьямъ пронесся невольный трепеть, и Мирабо, властно взявъ слово, воскликнулъ: «Заявляю, что я счелъ бы себя освобожденнымъ отъ присяги на вѣрность тѣмъ, кто имѣлъ бы подлость назначить диктаторскую комиссію». Затѣмъ, гордо поднявъ голову, онъ прибавилъ: «Популярность, къ

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 66.

которой я стремился и честь которой выпала на мою долю, какъ и другимъ, не слабая трость; я хочу водрузить ея корни въ землю на незыблемой основѣ разума и свободы». Раздались рукоплесканія и онъ продолжалъ: «Если вы издадите законъ противъ эмигрантовъ, я клянусь, что никогда не стану ему противиться». Проектъ комиссіи былъ единогласно отвергнутъ и Вернье предложилъ препроводить законъ на разсмотрѣніе каждой изъ комиссій Собранія, которыя, занявшись имъ каждая отдѣльно, собрались бы потомъ воедино въ лицѣ выбранныхъ отъ нихъ членовъ. До сихъ поръ Мирабо ограничивался тѣмъ, что съ большимъ величіемъ защищалъ великое дѣло; но такъ какъ успѣхъ опьянилъ его, то онъ пожелалъ вторично овладѣть трибуной, какъ король, всгунающій во владѣніе своимъ трономъ, и вызвалъ слѣдующее рѣзкое восклицаніе Гупиля: «Какъ называется диктатура, которую проявляетъ г. Мирабо въ этомъ Собраніи?» Мирабо не обратилъ на это вниманія. Онъ требовалъ, онъ желалъ безусловно добиться принятія простого перехода къ очереднымъ дѣламъ. Онъ держалъ себя насмѣшливо, повелительно, презрительно; повернувшись лицомъ къ членамъ крайней лѣвой, которые роптали, онъ осмѣлился крикнуть имъ тономъ раздраженнаго повелителя: «Молчать, тридцать голосовъ!» Онъ забылъ — и впоследствии Робеспьеръ сумѣетъ напомнить ему это — что добродѣтель всегда бывала въ меньшинствѣ на землѣ; что Сидней, умершій за народъ, былъ въ меньшинствѣ; что въ меньшинствѣ были Сократъ, когда выпилъ цикуту, и Катонъ, когда распарывалъ себѣ животъ. «Молчать, тридцать голосовъ!» Но тиранія ненавистна во всѣхъ своихъ формахъ, и чѣмъ же тиранія цифры лучше тираніи удара дубиной? Предложеніе Вернье было принято; переполнявшій трибуны народъ вздрогнулъ, а Ламеты вышли съ бѣшенствомъ въ сердцѣ¹⁾.

Тѣмъ временемъ происходила странная сцена во дворцѣ. Въ покояхъ наслѣдника престола задержали кавалера ордена св. Людовика, по фамиліи Куръ де Тоннэль, у котораго оказался спрятаннымъ подъ одеждой небольшой охотничій ножъ въ видѣ

¹⁾ Ни *Moniteur*, ни *Histoire parlementaire* не даютъ истиннаго представленія объ этомъ знаменитомъ засѣданіи. Странно, что въ *Mémoires de Ferrère* о немъ даже не упоминается. Мы находимъ его живьемъ лишь въ рѣчи, произнесенной вечеромъ Александромъ Ламетомъ въ клубѣ якобинцевъ, и въ отчетѣ, напечатанномъ въ *Révolutions de France et de Brabant*, № 66.

свой возгласъ: «*Молчатъ, тридцать голосовъ!*» говорилъ своей сестрѣ, г-жѣ дю-Сальанъ (Saillant): «Этимъ я вынесъ себѣ смертный приговоръ»¹⁾. Онъ не захотѣлъ, однако, погибнуть безъ боя и, собравъ всѣ свои силы, смѣло явился въ клубъ якобинцевъ.

Залъ былъ полонъ, «какъ въ минуты великихъ опасностей для республики», рассказываетъ Камилль Демуленъ. Едва появился Мирабо, многие стали роптать: «Какъ смѣетъ онъ являться въ нашу среду?» На трибунѣ находился Дюпоръ. Прибытіе грознаго посѣтителя, повидимому, поставило его въ затрудненіе. Онъ пространно заговорилъ объ умышленно вызываемыхъ мятежахъ, объ экспедиціи въ Венсенъ, о Лафайетѣ, который могъ бы, но не захотѣлъ предотвратить ее, о пушкахъ, которыя съ хитрымъ умысломъ провезены чрезъ все предмѣстье... Но собраніе интересовалось не этимъ. Онъ это почувствовалъ и, наконецъ, рѣшился: «Люди, наиболѣе опасные для свободы,—сказалъ онъ,—недалеко отъ васъ». Это были тѣ слова, которыхъ ждали: всѣ взоры устремились на Мирабо, а нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, вставъ со своихъ мѣстъ, стали рукоплескать передъ его лицомъ. Тогда ораторъ напомнилъ объ утреннемъ засѣданіи Собранія и указалъ на невыносимую спесь Мирабо, но вдругъ—по природному ли великодушію или вспомнивъ объ услугахъ, оказанныхъ его противникомъ дѣлу свободы—расчувствовавшись, заключилъ свою рѣчь словами: «Пусть онъ честный человѣкъ—и я тотчасъ обниму его, а если онъ отвернетъ отъ меня лицо, я все-таки поздравлю себя съ пріобрѣтеніемъ врага, лишь бы онъ снова сталъ сторонникомъ общественнаго дѣла».

Мирабо, конечно, подумалъ, что его щадятъ потому, что боятся его. Рѣзкимъ шагомъ подойдя къ трибунѣ, онъ сдѣлалъ сопоставленіе диктатуры интриги съ диктатурою таланта, выразилъ презрительное сожалѣніе о людяхъ, прибѣгающихъ къ первой изъ нихъ за отсутствіемъ возможности проявить вторую, назвалъ признаніемъ безсилія то молчаніе, которое хранили утромъ въ Собраніи *лавари общественного мнѣнія*, и прибавилъ: «Мое мнѣніе объ эмиграціи раздѣляется всѣми философами, и еслибы я даже ошибался, я легко утѣшился бы тѣмъ, что раздѣляю его со столькими великими людьми». Этотъ отвѣтъ былъ

¹⁾ *Mémoires de Mirabeau*, t. VIII, p. 299.

при громѣ рукоплесканій, дѣлавшихъ ее еще болѣе ужасною, Мирабо былъ въ такомъ угнетенномъ состояніи, что по лицу его струились крупныя капли пота. По выраженію Камилла Демулена, онъ находился тутъ какъ въ своей Маслинной рошцѣ. Онъ вторично попытался поддержать борьбу. Но какая перемѣна! То былъ уже не прежній, только что передъ этимъ выступавшій, смѣлый и гордый ораторъ. Теперь онъ снизошелъ до простой ловкости. Насколько онъ раньше наносилъ якобинцамъ удары, настолько старался на этотъ разъ смягчить ихъ, польстить имъ. «Я будировалъ якобинцевъ,—сказалъ онъ,—но отдавая имъ справедливость. Я думаю о нихъ такъ же, какъ аббатъ Сійесъ, который говорилъ о клубѣ 89-го года: «За исключеніемъ двухъ или трехъ якобинцевъ, которыхъ я ненавижу, я люблю всѣхъ членовъ этого общества и, за исключеніемъ дюжины членовъ, которыхъ я люблю среди васъ, я презираю васъ всѣхъ». Тутъ не могло не раздаться рукоплесканій. Впрочемъ, геній Мирабо былъ такимъ сокровищемъ, которое революція до послѣдней минуты боялась потерять. Даже въ клубѣ якобинцевъ большинство было склонно предпочесть снисходительность Дюпора непреклонности Ламета. Поэтому, какъ только Мирабо произнесъ фразу: «Я останусь среди васъ впредь до остракизма», раздавшіеся во всѣхъ концахъ зала возгласы даровали ему прощеніе. Прощеніе же, при данныхъ условіяхъ, являлось торжествомъ ¹⁾).

И торжество это должно быть благословляемо, потому что Мирабо, отвергая законъ противъ эмиграціи, боролся за справедливость; и это будетъ если не искупленіемъ его передъ будущимъ, какъ говоритъ одинъ новѣйшій историкъ ²⁾, то, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ наиболѣе трогательныхъ правъ его на сочувствіе потомства.

О, конечно, великимъ преступленіемъ была систематическая эмиграція, имѣвшая цѣлью, изъ ненависти къ справедливымъ реформамъ, навлечь на отечество ярость и оружіе иноземцевъ! Но принципъ, требующій, чтобы преступленіе было караемо не раньше, чѣмъ оно будетъ доказано, безусловно свято, безусловно неприкосновенно. Подчинять право передвиженія, принадлежа-

¹⁾ Объ этомъ важномъ засѣданіи имѣется лишь одинъ полный отчетъ, къ которому могутъ прибѣгать историки революціи, и помѣщенъ онъ въ *Révolutions de France et de Brabant*, № 66.

²⁾ Michelet, *Histoire de la Révolution*, t. II. chap. X, p. 435.

наго преходящими правительствами, непогрѣшимыми, пока они держатся, но обвиняемыми въ обманѣ, когда падутъ? Боже, сколько открывається могилъ, сколько привидѣній встаетъ на протяженіи залитой кровью исторіи! и сколько вырвавшихся изъ глубины временъ голосовъ начинаетъ хоромъ кричать логикамъ государственнаго блага: убійцы! убійцы! убійцы!

Дѣло въ томъ, что на всемъ этомъ спорѣ тяготѣетъ ужасающее недоразумѣніе и горе тому, кто не указалъ бы на него, думая, что открылъ его! Всякій разъ, когда говорится о примѣненіи принципа: *верховный законъ—благо народа*, въ виду имѣется всегда лишь опредѣленное число людей, лишь данная группировка обстоятельствъ, а это значитъ вотъ что: во Франціи, въ Англіи, въ Испаніи благо народа требуетъ въ настоящую минуту, чтобы такой-то принципъ былъ нарушенъ; такимъ образомъ, на практикѣ *благо народа* всегда значитъ *благо одного народа*. Но вѣдь это неправда, будто по отношенію ко всему человѣчеству и къ тѣмъ поколѣніямъ, которыя еще народятся, благо какого бы ни было одного народа было *верховнымъ закономъ*. Ибо если этотъ народъ идетъ по пути несправедливости, если роль его среди націй разбойничья, то пусть онъ погибнетъ, пусть онъ погибнетъ! Миръ, взятый въ его широкой совокупности и въ неопредѣленномъ ряду вѣковъ, долженъ будетъ затрепетать отъ радости. Не говорите же: *верховный законъ—благо народа*; говорите: *верховный законъ—благо человечества*. Тогда тьмы уже не будетъ. Въ самомъ дѣлѣ, возможно представить себѣ, что, въ виду особаго положенія и то только на минуту, нарушеніе принципа будетъ сочтено въ интересахъ того или другого народа; но какъ представить себѣ, чтобы непризнаніе одного изъ великихъ законовъ нашей природы, что подавленіе человѣческой совѣсти, было бы когда либо въ интересахъ человечества? Всякій отдѣльный, страдающій отъ несправедливаго акта челоуѣкъ, какимъ бы малымъ и темнымъ его ни предполагали, представляетъ собою человечество, олицетворяетъ его, носить его живьемъ въ себѣ. Убивая невиннаго, вы угрожаете неисчислимой толпѣ ему подобныхъ на всей поверхности земнаго шара, во всѣхъ будущихъ вѣкахъ и ужъ, конечно, нѣтъ такого народа, благо котораго стоило бы того, чтобы изъ-за него попираемъ былъ ногами такой громадный интересъ.

О, Камиллъ, неосмотрительный Камиллъ! Какой тиранъ не вступалъ во власть, говоря: «Я явился спасти общество»? По-

годи, погоди! это благо народа, вашъ верховный законъ, выдвинутъ также и противъ васъ; и когда вы будете на роковой телегѣ, не жалуйтесь на логику, посадившую васъ на нее, потому что эта логика—ваша!

ГЛАВА VIII.

С м е р т ь М и р а б о .

Угасаніе Мирабо.—Чрезвычайная дѣятельность его въ послѣдніе дни жизни.—Издаваемые противъ него пасквили; жена кабатчика Мура, г-жа Сентъ-Юберти, Генріэта Нэри, г-жа Ле-Жэ.—Подозрѣваемая попытка отравленія: письмо Мирабо объ атомъ.—Его припадки меланхолии.—Странное положеніе, занятое имъ въ преніяхъ о регентствѣ.—Дѣло о рудникахъ.—Посѣщеніе графомъ Мирабо графа Ла Марка: «*Ваше дѣло выиграно, а я умеръ*».—Дача *Marais*.—Первые приступы смерти.—Опубликованное Обанъ-Людовикомъ Милленомъ письмо.—Г-жи Элисабѣ и Кулонъ.—Всеобщее волненіе при вѣсти о болѣзни Мирабо.—Странныя опасенія двора.—Мирабо на смертномъ одрѣ.—Героическій характеръ его агоніи.—Онъ умираетъ.—Весь Парижъ въ траурѣ.—Всюду распространяются подозрѣнія относительно отравленія; ужасающія обвиненія противъ Ламетовъ; странное происшествіе въ ночь съ 1-го на 2-е апрѣля.—Отданіе Мирабо чрезвычайныхъ почестей.—Его похороны.—Прахъ его въ Пантеонѣ.—Всѣ партіи единодушно оплакиваютъ его.—Пышно обставленная скорбь г-жи Монтесонъ.—Сожалѣнія, выраженные газетами *Sabbats jacobites* и *Père Duchêne*.—Жесткое слово Камилла Демулена.—Мирабо предъ судомъ Марата.—Безыменная могила близъ бывшаго *Кладбища казненныхъ*; что въ ней оказалось.—Каковъ будетъ приговоръ потомства надъ Мирабо?—Роль его кончилась, когда онъ умеръ.

Въ революціи и исторіи вскорѣ образуется большое пустое мѣсто: Мирабо умираетъ. Онъ умираетъ, и все уже предвѣщаетъ это: его мертвенно-блѣдное, увядшее лицо, сгладившаяся волнистость его волосъ, пробѣгающія по лицу его тѣни, внезапно случающіеся обмороки¹⁾. Но какъ же это мы встрѣчаемъ его всюду—и въ клубѣ якобинцевъ, и на трибунѣ въ Собраніи, и во главѣ его баталіона, и въ театрѣ, и на банкетахъ? Странный человѣкъ! Дворъ продолжаетъ получать отъ него совѣты; съ его могучихъ устъ съ большею чѣмъ когда-либо торопливостью и порывистостью слетаютъ рѣчи, изъ которыхъ рождаются событія, его переписка нисколько не замедлилась; онъ, какъ обыкновенно, раздаетъ матеріалъ своего генія своимъ изумленнымъ сотрудникамъ и—тоже какъ обыкновенно—по цѣлымъ днямъ работаетъ, а ночи посвящаетъ наслажденіямъ. Если секретарь говоритъ ему: «Г. графъ, это невозможно», онъ отвѣчаетъ власт-

¹⁾ *Journal de la maladie et de la mort d'Honoré-Gabriel-Victor Riquetti Mirabeau, par S. C. Cabanis. Paris, 1791.*

нымъ тономъ: «Не говорите мнѣ этого глупаго слова»¹⁾. Такова его гордость.

А тѣмъ временемъ какъ надъ нимъ витаетъ смерть и онъ корчится, бьется и таетъ въ туникѣ Деяниры, враги его, бобѣе беспощадные, чѣмъ сама смерть, стараются истерзать его сердце. Пройдетъ еще нѣсколько дней, и его стануть боготворить, а до тѣхъ поръ его раздраютъ въ клочья. «*публичная исповѣдь графа Мирабо!—Раздается даромъ!*» Вотъ, что выкрикиваютъ на-ходу какіе-то неизвѣстные люди на перекресткахъ улицъ; или же, подъ болѣе серьезнымъ заглавіемъ: «*Общественная и частная жизнь Оноре-Габриеля Рикетти, графа Мирабо*», гдѣ предлагается очеркъ всѣхъ безпутствъ его жизни. Мѣшая ложь съ истиною и приправляя печальную дѣйствительность ядомъ своихъ коментаріевъ, пасквилянты говорятъ:

«Вы видите этого человѣка, который проходитъ съ такимъ величественно-гордымъ видомъ и на котораго каждый указываетъ пальцемъ, говоря вполголоса: вотъ Мирабо! Ну-съ, вамъ нужно знать его жизнь. Будучи еще молодымъ, но уже отмѣченнмъ печатью отцовскаго проклятiя, уже навлекшимъ на себя подозрѣніе въ кровосмѣсительной ревности, онъ хитростью овладѣлъ дѣвицей Мариньянъ и вскорѣ ее бросилъ.—Въ замкѣ Ифъ имъ соблазнена была и осквернена жена кабатчика Мурэ.—Имъ же Софія Монье была...; но кто же не знаетъ этой исторiи?—Содержась подъ арестомъ въ форгѣ Венсенъ, онъ погрязалъ тамъ умомъ въ самыхъ грязныхъ источникахъ разврата и являлся послѣдователемъ Аретино²⁾.—По своемъ освобожденiи, онъ сталъ бродягой, сдѣлался любовникомъ богатой и безобразной актрисы, г-жи Сентъ-Юберти, и жилъ на щедроты любовнаго страстія.—Потомъ наступила очередь Генриеты Нера, которую онъ таскалъ съ собою изъ Амстердама въ Лондонъ и изъ Лондона въ Парижъ, гдѣ ему пришлось замѣнить ее женою его книгоиздателя.—Зеленая повязка, которою онъ иногда прикрываетъ свои больные глаза—вѣдь носить ее стало для него необходимымъ вслѣдствіе пощечины, полученной имъ отъ г-жи Ле-Жэ во время любовныхъ ссоръ.—Если бы онъ, по крайней мѣрѣ, хотъ не заражалъ вокругъ себя развратомъ на даль-

¹⁾ Etienne Dumont, p. 311.

²⁾ Пьетро Аретино (род. 1492 г. въ Ареццо, откуда и его прозвище), прославившійся ѣдкими и полными непристойностей сонетами и сатврами на палъ и владѣтельныхъ особъ. (*Примѣч. переводчи.*).

нее разстояніе! Но изъ-подъ чьего же пера вышло столько циническихъ произведеній, вродѣ «Рубикона», «Знатнаго развратника» или «Воспитанія Лауры»? — Теперь онъ живетъ на широкую ногу, составляетъ себѣ роскошную библіотеку, великолепно отдѣлываетъ свою дачу, задаетъ шири не хуже Апиціевыхъ¹⁾; а всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ, затерявшись въ Лондонѣ, свидѣтельствовалъ о драматичности своей нищеты въ письмахъ вродѣ слѣдующаго: «Г-жа Нера только что лишилась тетки, которая немного возмѣщаетъ ущербъ, нанесенный ей другою. Она нуждается въ черномъ платьѣ, чтобы сходить къ послу для выполненія необходимыхъ формальностей. Не найдешь ли ты возможности немедленно достать для меня въ кредитъ платье отъ Ра де Сень-Моръ? потому что у насъ нѣтъ ни единого су. У меня лично смѣшины и негодныя для носки пряжки и совѣмъ нѣтъ пряжекъ къ подвязкамъ», и т. д., и т. д. Какими же нечистыми тропинками выбрался изъ такой крайней нужды этотъ удивительный искатель приключеній на ту степень богатства, на которой онъ находится нынѣ? О, дворъ отлично знаетъ это и могъ бы разказать объ этомъ!... Вотъ, вогъ вамъ Мирабо»²⁾.

Такъ говорила ненависть; а какъ она поступала? Было ли бы для нея достаточно того, чтобы морально убить такого человѣка? Въ запискахъ, изданныхъ его вриемнымъ сыномъ, говорится, что г-жѣ дю Сальанъ не разъ приходилось выбрасывать съѣстные припасы, тонкія вина и ликеры, присылавшіяся въ подарокъ неизвѣстными лицами; что въ ноябрѣ 1790 г. въ Фрошо и въ слѣдующемъ декабрѣ въ Шелленѣ онъ довольно сильно заболѣлъ, выпивъ чашку кофе, предназначавшуюся для Мирабо; что такъ какъ полученныя отъ честнаго Казалеса предостереженія наводили на мысль о злостныхъ замыслахъ, то семья до такой степени встревожилась, что г-жа Сальанъ поручила своему сыну, хорошо вооруженному и въ тайномъ сопровожденіи надежныхъ слугъ, проводить его дядю, когда тотъ уѣзжалъ поздно

¹⁾ Апицій, извѣстный гастрономъ и обжора, жившій въ Римѣ во времена Августа и Тиверія. (*Примѣч. переводч.*)

²⁾ См. въ *Bibliothèque historique de la révolution* въ British Museum, 284—5 и 288—9, статьи *Vie publique et privée de Honoré-Gabriel Riquetti comte de Mirabeau, dédiée aux amis de la Constitution.—La vie privée de Riquetti.—La confession générale du comte de Mirabeau, etc., etc.*

въ Аржантёйлъ, не вѣдая о томъ, какой за нимъ установленъ преданными людьми надзоръ¹⁾.

Въ тѣхъ же запискахъ приведено факсимиле слѣдующаго письма Мирабо къ женщинѣ, которая, какъ кажется, открыла ему о существованіи замысла убить его:

«Я никогда никого не обманывалъ, хотя самъ былъ обманываемъ всю жизнь; и, конечно, я не начну обмана съ той, которая хочетъ оказать мнѣ такую большую услугу. Ни вашъ мужъ, ни жалкій человекъ, *который не захотѣлъ*, никогда не будутъ скомпрометированы. По отношенію къ завѣдомому злодѣю самому, я только желалъ бы знать, кто его подстрекатель, махинаціи котораго, очевидно, могутъ касаться не только одного меня, хотя все же и я самъ заслуживалъ бы лучшей участи, чѣмъ пасть жертвою такого преступленія. Обо всемъ этомъ ничего не узнаютъ ни Конъ, ни Фрошю, да и самъ Пелланъ будетъ знать кое-что только потому, что вы сами первая говорили ему объ этомъ»²⁾.

Достовѣрно то, что Мирабо, чувствуя, что жизнь его уходитъ, предался подъ конецъ меланхолическимъ мыслямъ; по выраженію одного англійскаго писателя, онъ видѣлъ приближавшихся «вѣстниковъ блѣднаго покоя»³⁾. Близкіе друзья его повѣдали потомъ, что въ ту пору онъ *у всѣхъ просилъ эпитафій*⁴⁾. Когда Этьенъ Дюпонъ, уѣзжая въ Женеву, зашелъ къ нему проститься, онъ съ необыкновеннымъ волненіемъ поцѣловалъ его, какъ бы самъ находясь наканунѣ отправленія въ невѣдомое путешествіе, изъ котораго нѣтъ возврата. Однажды, уходя отъ г-жи Сальанъ и ся дочерей, онъ сказалъ третьей изъ нихъ, которая блистала своеобразною свѣжестью: «*Смерть лобызаетъ всену*»⁵⁾.

Но неукротимая гордость, честолюбіе, пожирающая потребность дѣятельности, горячность вѣрныхъ дружественныхъ привязанностей, порывистыя желанія—все это еще господствовало въ сердцѣ этого человека, полною противорѣчій и глубины.

Послѣдними преніями, во время которыхъ Мирабо счелъ

¹⁾ *Memoires de Mirabeau*, t. VIII, liv. IX, p. 424, 425 et 426.

²⁾ *Ibidem*, p. 425.

³⁾ «Heralds of the pale repose». Carlyle, *the French Revolution*, vol. II, chap. VII, p. 170.

⁴⁾ *Memoires de Mirabeau*, t. VIII, liv. X, p. 421.

⁵⁾ *Ibidem*, liv. IX, p. 421.

нужнымъ взойти на трибуну, были пренія, поднявшія, съ одной стороны, вопросъ о регентствѣ, а съ другой—вопросъ о рудникахъ.

Въ случаѣ смерти короля и оставленія имъ малолѣтняго сына, должно ли регентство быть *выборнымъ* или *наслѣдственнымъ*, т. е. быть ввѣреннымъ члену королевской фамиліи, наиболѣе близкому къ малолѣтнему королю? Таковъ былъ вопросъ, обсуждавшійся въ засѣданіяхъ 22-го, 23-го, 24-го и 25-го марта 1791 года. И Мирабо еще разъ проявилъ тутъ талантъ, съ которымъ равнялась развѣ только его блестящая непослѣдовательность. 24-го марта онъ написалъ изъ Собранія графу Ла-Марку:

«Мы въ очень большой опасности. Будьте увѣрены, что насъ хотятъ привести къ выборамъ, т. е. къ упраздненію наслѣдственности, т. е. къ упраздненію монархіи. Аббатъ Сійесъ никогда не любезничалъ съ Собраніемъ и не агитировалъ въ пользу какого-нибудь мнѣнія такъ, какъ дѣлаеть теперь, а сторонниковъ у него очень много. Я дѣйствительно испугался только сегодня и весьма поостерегусь предлагать завтра мою теорію. Я употреблю всѣ силы на то, чтобы добиться отсрочки, для чего буду критиковать проектъ и доказывать, что онъ недостаточенъ, неполонъ, предрѣшаетъ крупныя вопросы и т. д., и т. д.... Моя теорія, конечно, не прошла бы, а добиться отсрочки, весьма вѣроятно, удастся; тогда можно будетъ поработать. Пошлите немедленно за Пелланомъ; пусть онъ изслѣдуетъ декретъ во всѣхъ подробностяхъ, пусть выпишетъ въ немъ всѣ опасности *для общественной свободы*. Въ настоящее время онъ основательно знаетъ мою доктрину; но я хочу, чтобы она только мелькомъ проглядывала; рисковать ею я отнюдь не хочу. Выгадаемъ время, и все будетъ спасено... Будьте увѣрены, дорогой графъ, что я не преувеличиваю себѣ опасности и что она громадна. О, легкомысленная, трижды легкомысленная нація! Полчище наше, въ трехъ четвертяхъ своего состава, держитъ въ этомъ вопросѣ сторону аббата Сійеса. *Vale et me ата*»¹⁾.

Нѣтъ ничего темнѣе и непонятнѣе этого письма. Стоялъ ли Мирабо за *выборное* регентство? Нѣтъ, не стоялъ, такъ какъ онъ

¹⁾ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, t. III, p. 105, 106.

видѣлъ въ немъ «упраздненіе наслѣдственности, т. е. упраздненіе монархіи» и указывалъ на торжество этой системы, какъ на громадную опасность. Да, стоялъ, такъ какъ говорилъ о намѣреніи бороться противъ внесеннаго проекта, которымъ предлагалось регентство *наслѣдственное*.

Противорѣчіе было явное и Мирабо—съ тою отвагою, на которую одинъ онъ былъ способенъ—не колеблясь вынесъ его на трибуну. Слушая его доводы въ пользу выборнаго регентства, никто не сомнѣвался, что онъ подастъ голосъ въ этомъ смыслѣ. Онъ былъ такъ оживленъ, говорилъ такъ настойчиво, такъ ясно! И сколько удачныхъ, рѣшающихъ чертъ!

«Предположите, что малолѣтній король очень юнъ, а ближайшій его родственникъ очень старъ: не смѣшно ли не стремиться избрать, вмѣсто двухъ младенцевъ, зрѣлаго человѣка?—Когда король несовершеннолѣтенъ, королевская власть не прерывается, а становится бездѣятельною, она останавливается, подобно часамъ, утратившимъ движеніе; пустить часы снова въ ходъ—дѣло того, кто ихъ изготовилъ: пусть же обратятся къ народу! Но выборы всегда сопровождаются бурями? Это преувеличеніе! И, кромѣ того, неужели вы отнимете у меня мое поле подъ тѣмъ предлогомъ, что иногда на немъ выпадаетъ градъ?»—Онъ продолжалъ въ такомъ родѣ, пересыпая полные здраваго смысла доводы блестящими остроуміями. Каково же было изумленіе Собранія, каково недовольство трибунъ, когда онъ, дойдя до заключительной части своей рѣчи, вдругъ заявилъ, что, несмотря на все сказанное имъ и въ виду маловажности вопроса о регентствѣ при конституціонномъ порядкѣ вещей, онъ подастъ голосъ заодно съ комиссіею—за наслѣдственное регентство ¹⁾.

Мотивы этого страннаго поведенія Мирабо неизвѣстны. Говоря за проектъ и давая заключеніе противъ него, желалъ ли онъ тѣмъ самымъ выгородить себѣ мѣсто между народомъ и *ближайшимъ родственникомъ*, графомъ Прованскимъ? Или же не имѣлъ ли онъ цѣлью породить вокругъ себя неувѣренность, сбить Собраніе съ толку и похоронить вопросъ? ²⁾ Именно

¹⁾ См. *Histoire parlementaire*, t. IX, p. 190—196.

²⁾ Конституціею 3-го сентября 1791 г. регентство предоставлялось ближайшему родственнику малолѣтняго короля, отъ регентства устранились женщины и постановлялось, что, въ случаѣ неимѣнія законно способнаго родственника, регентство будетъ исходить изъ двухстепенныхъ выборовъ.

во время этихъ преній онъ, услышавъ ропотъ на трибунахъ, припомнилъ фразу, сказанную Кромвеллемъ одному изъ его сотоварищей, Ламберту, который упивался рукоплесканіями толпы: «Этотъ народъ еще болѣе рукоплескалъ бы намъ, если бы видѣлъ насъ всходящими на висѣлицу»¹⁾.

Насколько двусмысленно держался Мирабо въ вопросѣ о регентствѣ, настолько опредѣленно и ясно было его отношеніе къ вопросу о рудникахъ.

Требовалось выяснить, должны ли рудники принадлежать государству или владѣльцамъ поверхности земли, слѣдуетъ ли эксплуатацію нѣдръ предоставить владѣльцамъ поверхности или избраннымъ отъ правительства компаніямъ, и слѣдуетъ ли оставить въ силѣ или отмѣнить старинныя концессіи на рудники. И вотъ, въ докладѣ, представленномъ земледѣльческою и торговою комиссіями, предлагалось отнести рудники къ числу тѣхъ общественныхъ имуществъ, которыми государство вольно располагать путемъ концессій, при томъ условіи, чтобы эксплуатація нѣдръ предоставлялась преимущественно владѣльцамъ поверхности.

Въ принятіи этого заключенія комиссій, вполне соответствовавшаго, впрочемъ, здравымъ принципамъ, Мирабо былъ заинтересованъ по интимнымъ причинамъ. Въ случаѣ устраненія системы концессій, графъ Ла Маркъ лишился бы одной изъ важнѣйшихъ частей своего достоянія. Вѣрный другъ его, Мирабо, озаботился предотвратить такой результатъ и занялся этимъ дѣломъ съ рвеніемъ, горячность котораго не могли ни охладить, ни отвлечь его физическія страданія. Онъ поручилъ одному изъ своихъ сотрудниковъ, Пеллану, сочинить рѣчи, которыя онъ затѣмъ тщательно изучилъ, частью дополнилъ, частью сократилъ и вполне усвоилъ, и, когда вооружился съ ногъ до головы, то выступилъ на арену. Партія противниковъ была очень сильна и очень многочисленна, а Мирабо чувствовалъ, что жизнь его на исходѣ. Но дружба—большая сила. Первою рѣчью, произнесенною имъ по данному вопросу 21-го марта 1791 г., онъ потрясъ Собраніе. Тѣмъ не менѣе, побѣда не была обезпечена; надо было сдѣлать вторичное выступленіе. Въ тотъ день, 27-го марта, когда Мирабо предстояло нанести вторичный ударъ, онъ отправился ранѣе девяти часовъ утра къ графу

¹⁾ *Biographie universelle*; см. слово Mirabeau.

Ла Марку. На лицѣ его лежалъ отпечатокъ смерти; пріѣхавъ къ графу, онъ лишился чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, то заговорилъ о томъ, что поѣдетъ въ Собраніе, а на попытку друга удержать его, отвѣтилъ: «Нѣтъ, нѣтъ, если я туда не поѣду, то эти люди разорятъ васъ». Чувствуя себя слишкомъ слабымъ для того, чтобы идти, онъ позвонилъ, велѣлъ подать себѣ стараго токайскаго, выпилъ два стакана, сѣлъ въ карету и уѣхалъ. Около 3-хъ часовъ онъ снова явился къ графу Ла Марку. Въ Собраніи онъ говорилъ пять разъ, расточая остатокъ горѣвшаго въ немъ божественнаго огня въ этомъ великодушномъ, послѣднемъ усиліи. Войдя въ комнату графа, онъ бросился на диванъ и сказалъ: «Ваше дѣло выиграно, а я умеръ»¹⁾.

За полтора мѣсяца передъ этимъ онъ пріобрѣлъ близъ Аржантѣйля красивый домъ подъ названіемъ *Marais*. Туда онъ ѣздилъ каждую субботу подышать чистымъ воздухомъ, полюбоваться прекраснымъ небомъ и присмотрѣть за работами, которыя были ему любимы потому, что давали вѣрный хлѣбъ бѣднымъ рабочимъ; исторія должна отдать ему справедливость: онъ никогда не относился къ чужому несчастью равнодушно. «Онъ разрѣшилъ аржантѣйльскому приходскому священнику—рассказываетъ Кабанисъ—выдавать отъ его имени записки на хлѣбъ, мясо и бѣлье для больныхъ или на пособія нуждающимся увѣчнымъ».²⁾ На эту-то дачу онъ и велѣлъ отвезти себя по выходѣ отъ графа Ла Марка. Тамъ онъ переночевалъ, испытывая тревожную тоску, зловѣщее впечатлѣніе которой еще болѣе усиливалось тѣмъ, что по близости не было никакой помощи; а такъ какъ на слѣдующій день страданія его увеличились, то онъ вернулся въ Парижъ. Принявъ ванну, онъ почувствовалъ себя на столько успокоившимся, что поѣхалъ въ театръ. Обманчивый проблескъ надежды! Дни его были сочтены.

Однако природа надѣлила его желѣзнымъ сложеніемъ, и въ ту пору онъ, по выраженію Данте, былъ всего на полудорогѣ жизни; но, даже если отбросить всякое предположеніе объ отравленіи, какой человѣкъ могъ бы долго устоять противъ утомленія

¹⁾ Замѣтка графа Ла Марка въ *Correspondance, etc.*, t. III, p. 92 et 93.

²⁾ *Journal de la maladie et de la mort d'Honoré-Gabriel-Victor Riquetti Mirabeau*, p. 21 et 22.

ума, не знавшаго отдыха, противъ мукъ непримѣрной и безудержной дѣятельности, противъ убійственныхъ для чело-вѣка страстей страстей, противъ ненасытной чувственности? По поводу ходившихъ слуховъ, будто въ началѣ марта Мирабо присутствовалъ на одной ночной оргіи, редакторъ *Chronique de Paris*, Миллэнъ, рассказываетъ въ опубликованномъ письмѣ, что въ домъ, о которомъ говорили, привелъ графа Мирабо онъ; что Мирабо ушелъ, правда, поздно, но ѣлъ мало и никакому роковому излишеству не предавался ¹⁾. «Что доказываетъ это письмо—восклицаетъ въ своихъ *Mémoires* Бриссо—какъ не то, что не въ этотъ вечеръ и не въ кругу своихъ друзей онъ истощилъ остатки своей жизни?» И затѣмъ Бриссо прибавляетъ не допускающимъ возраженій тономъ: «За нѣсколько дней до болѣзни, сведшей его въ могилу, онъ провелъ ночь въ объятіяхъ двухъ танцовщицъ Опернаго театра, дѣвицъ Элисберъ и Кулонъ. Вотъ кто его убилъ; не слѣдуетъ винить другихъ» ²⁾.

Какъ бы ни было, Мирабо былъ боленъ смертельно. Будучи вынужденъ вечеромъ 28-го марта выйти изъ театра, онъ съ большимъ трудомъ спустился изъ своей ложи и, такъ какъ кареты его не оказалось въ назначенномъ мѣстѣ, поплелся домой съ ужаснѣйшими страданіями, опираясь на руку своего врача Лашеза, друга Кабаниса. Послѣдній, пріѣхавъ со всею поспѣшностью, засталъ больного въ ужасномъ состояніи. «Другъ мой—сказалъ ему въ агоніи Геркулесъ—мнѣ невозможно прожить нѣсколько часовъ въ такой болѣзненной тревогѣ. Поторопитесь, такъ не можетъ продолжаться» ³⁾. Тѣмъ не менѣе, къ вечеру онъ на нѣсколько минутъ успокоился, счелъ себя спасеннымъ и съ трогательною радостью воскликнулъ: «*Какъ от-радно быть обязаннымъ жизнью своему другу*» ⁴⁾.

Тѣмъ временемъ, когда вѣсть о болѣзни Мирабо разнеслась, во всемъ Парижѣ возникло глубокое, молчаливое, неопишемое возбужденіе. Тацитъ рассказываетъ, что когда умиралъ Агрикола, люди стали непрерывно ходить въ его домъ, толковали о немъ на площадяхъ и улицахъ, и что самъ Домиціанъ, согласно существующему у государей обыкновению всегда посылать за себя когонибудь другого, послалъ къ больному своихъ

¹⁾ Письмо Обанъ-Людовика Миллена въ *Chronique de Paris*, № 96.

²⁾ *Mémoires de Brissot*, t. III, chap. XVIII, p. 199 et 200.

³⁾ Cabanis, *Journal de la maladie et de la mort de Mirabeau*, p. 33.

⁴⁾ *Ibid.* p. 35.

довѣренныхъ врачей, своихъ вольноотпущенныхъ. Такъ случилось и съ умиравшимъ Мирабо. Къ дому, изъ котораго ему суждено было выйти лишь въ гробу, сбѣжались, тѣсня другъ друга, люди всѣхъ состояній, всѣхъ партій, всѣхъ воззрѣній. Король, королева, графъ Прованскій присылали своихъ пажей¹⁾. «Будемъ признательны Людовику XVI—писали республиканскіе преемники Лустало—за то, что онъ самъ не заѣзжалъ къ Мирабо: его стали бы боготворить»²⁾. Общество якобинцевъ командировало нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ въ качествѣ депутации, съ Барнавомъ во главѣ. Александра Ламета въ Парижѣ не было; братъ его Шарль отказался присоединиться къ депутации, сказавъ: «Я лгать не умѣю», и Камилль Демуленъ хвалить эту откровенность. Но самъ онъ, этотъ полный горечи Камилль, который уже нѣсколько дней такъ сильно нападалъ на великаго оратора, Камилль, который на слѣдующій послѣ похоронъ день выражалъ сожалѣніе по поводу того, что не могъ слѣдить за послѣдними минутами Мирабо, «чтобы посмотрѣть, все ли еще онъ требуетъ отъ своихъ слугъ, чтобы они называли его *и-номъ графомъ*, все ли еще онъ домогается роли Ришлье или Питта больше, чѣмъ роли Катона, и предпочитаетъ ли онъ и на смертномъ одрѣ покоить свою голову на тѣни славы, на подушкѣ, надутой вѣтромъ, вмѣсто того, чтобы склонить ее на чистое сердце³⁾», — этотъ самый Камилль не могъ не ощутить тревоги и поспѣшилъ «записаться»⁴⁾ у больного, вспомнивъ, что нѣкогда любилъ его.

Тѣмъ временемъ, дворъ испытывалъ страхъ передъ открытіями, которыя могла бы повлечь за собою слишкомъ хорошо предвидѣнная бѣда.

Одинъ изъ агентовъ той системы подкупа, въ которую далъ вовлечь себя Мирабо, нѣкій Дюкануа, съ тревогою писалъ къ графу Ла Марку:

«Вы навѣрное уже сознали весьма настоящую и весьма важную необходимость распорядиться, чтобы бумаги нашего несчастнаго друга были доставлены къ вамъ... Пожалуйста, займитесь этимъ предметомъ немедленно; подумайте, что если мы

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 72.

²⁾ *Révolutions de Paris*, № 91.

³⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 72.

⁴⁾ *Ibid.*

его лишимся, то почти навѣрное какой нибудь дѣйствительный или ложный кредиторъ¹⁾ явится для опечатанія и *тогда все откроется!*

Такого же рода ужасъ проглядывалъ въ слѣдующей запискѣ Монморена:

«Я крайне перепуганъ...; присланная сегодня утромъ записка Кабаниса была прескверная. Я снова посылаю за свѣдѣнїями. Если они окажутся такими же дурными, какъ поутру, то не полагаете ли вы, что надо было бы принять кое-какія мѣры предосторожности *относительно бумагъ?*... Я очень встревоженъ, очень огорченъ и очень упалъ духомъ»²⁾).

Но народъ, передъ которымъ не были еще разоблачены эти прискорбныя тайны и вѣра котораго въ независимость умиравшаго генія не была еще поколеблена ни оскорбленїями Марата,— народъ боялся потерять опору. Поэтому онъ продолжалъ осаждать двери Мирабо, толпясь у нихъ въ мрачной тревогѣ и среди тишины, которую прерывалъ только голосъ вѣстника, ежечасно выкрикивавшаго бюллетень о ходѣ болѣзни.

Мирабо слышалъ съ постели эти мрачныя извѣщенїя и, тронутый любовью, которую проявлялъ ему народъ, говорилъ: «Я чувствую, какъ отраднo умирать среди него»³⁾).

Повременамъ онъ возмущался противъ невѣдомой силы, которая, не побѣдивъ его титанической гордости, раздавливала его жизнь. Услышавъ пушечный выстрѣлъ, онъ воскликнулъ: «Ужъ не погребеніе ли это Ахилла?»⁴⁾ А своему лакею онъ сказалъ слѣдующую чудовищную фразу, о которой вспомнилъ впоследствии подъ рукою палача Дантонъ: «Приподними мою голову, тебѣ никогда не имѣть такой»⁵⁾).

Но бывали у него также и порывы невыразимой меланхоліи. «Ты великій врачъ—говорилъ онъ Кабанису въ минуту религіознаго экстаза—но есть врачъ покрупнѣе тебя, создатель вѣтра, который опрокидываетъ все, воды, которая всюду проникаетъ и все оплодотворяетъ, огня, который все живить и все

¹⁾ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, т. III, р. 109 et 110.

²⁾ *Ibid.*, р. 110.

³⁾ *Chronique de Paris*, № 93.

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ *Ibid.*

отвѣчать на слезы друзей, лишь движеніями губъ давая имъ понять, какъ отрадны ему ихъ ласки. Около 8 часовъ онъ сдѣлалъ движеніе человѣка, желающаго писать. Ему принесли перо, бумаги, и онъ очень четко написалъ: *спать*. То было Гамлетово слово! Онъ страстно хотѣлъ *отія* и, когда къ нему на минуту вернулась способность рѣчи, онъ воспользовался ею, чтобы выразить жалобу на то, что желанія его не исполнили. Въ половинѣ девятаго приглашенный другой врачъ, въ задумчивости стоя въ ногахъ его кровати, могъ сказать и сказалъ: «Онъ уже не дышитъ!»¹⁾.

Общественная скорбь была такъ велика, что ничего подобнаго не бывало видано никогда, даже въ ту пору, когда *машатаи мертвыхъ тѣлъ* расхаживали по улицамъ, звоня въ свои колокольчики и выкрикивая: «*Скончался добрый король Людовикъ, отецъ народа!*» Теперь передъ неподвижными группами произносили надгробную хвалу покойному популярныя ораторы, стоя на каменныхъ выступяхъ. Въ Собраніи, какъ бы оцѣпенѣвшемъ, всѣ устремляли взоры на это опустѣвшее мѣсто... Театры были закрыты, развлеченія запрещены. Нѣкая маркиза осмѣлилась дать балъ вечеромъ скорбнаго дня, но къ дому ея въ ярости набѣжалъ народъ, жестоко избилъ отрядъ дворянъ, взявшихся за шпаги, и заставилъ дрожавшихъ танцовщицъ сѣсть обратно въ кареты²⁾. Рассказывали о поступкѣ одного молодого человѣка, который предлагалъ свою кровь, чтобы, совершить ея переливаніе въ жилы Мирабо, если это признается спасительнымъ³⁾. Съ удовольствіемъ повторяли слова—какъ выраженіе общаго настроенія—старшины литераторовъ, Ла Пласа, который на замѣчаніе, что погода хороша, отвѣчалъ: «Да, но Мирабо умеръ!»⁴⁾.

И соболѣзнованіе усиливалось еще вслѣдствіе повсюду распространившагося слуха, что онъ умеръ отъ отравы. Народъ не могъ повѣрить, чтобы такой сильный человѣкъ скончался въ пять дней отъ естественныхъ причинъ. Толки на этотъ счетъ стали такъ оживленны, такъ сильны, что вызвали производство слѣдствія *общественнымъ обвинителемъ* перваго парижскаго округа. Пришлось произвести осмотръ и вскрытіе тѣла. Такъ какъ

¹⁾ Cabanis, *Journal de la maladie et de la mort de Mirabeau*, p. 59—61.

²⁾ *Chronique de Paris*, № 98.

³⁾ Cabanis, *Journal de la maladie et de la mort de Mirabeau*, p. 64.

⁴⁾ *Chronique de Paris*, № 93.

врачи, которымъ это было поручено, не нашли присутствія яда или, по крайней мѣрѣ, не упомянули о томъ въ протоколѣ вскрытія, а Кабанисъ, въ свою очередь, приписывалъ смерть Мирабо болѣзни грудобрюшной преграды, вызванной ревматическимъ и подагрическимъ нагноеніемъ, то сомнѣнія, казалось бы, должны были разсѣяться. Но семья Мирабо вѣрила въ отравленіе ¹⁾. Это было извѣстно, и публика стала приписывать сдержанность производившихъ вскрыіе врачей ихъ боязни вызвать ужасныя сцены, еслибы они сказали все.

Ступенію потемокъ способствовало событіе, случившееся въ ночь съ 1-го на 2-е апрѣля. У Мирабо былъ довѣренный секретарь Конъ, жившій надъ нимъ въ томъ же домѣ. 2-го апрѣля, часу въ четвертомъ утра, Мирабо, занятый въ то время мыслью о своемъ завѣщаніи, послалъ за этимъ молодымъ человѣкомъ въ верхній этажъ. Лакеи постучались, но безрезультатно: сквозь дверь, остававшуюся запертой, они слышатъ страпные крики и различаютъ слова: *преступленіе, идѣ*. Въ изумленіи и испугѣ, они бросаются звать на помощь стражу. Дверь взламываютъ... и что же оказывается? Секретарь Мирабо лежитъ безъ чувствъ, весь въ крови. Вооружившись перочиннымъ ножомъ, онъ нанесъ себѣ имъ пять ранъ въ шею и грудь. На нѣсколько разъ повторенные вопросы полиціи онъ долго не могъ отвѣчать, такъ какъ впадалъ то въ сопровождавшееся бредомъ отчаяніе, то въ нѣмое оцѣпенѣніе. Но наконецъ, будучи приведенъ въ чувство поданною ему помощью и успокоенъ уговорами друга и земляка, Реньо де Сень-Жанъ д'Анжели, онъ заявилъ, что къ попыткѣ самоубійства побудило его отчаяніе въ утратѣ Мирабо ²⁾.

Объясненіе это принято было на вѣру тѣми, кому оно было сдѣлано, и, по свидѣтельству пріемнаго сына Мирабо ³⁾, оно было вѣрно; но не менѣе истинно и то, что въ ту пору, когда фактъ этотъ случился, онъ далъ поводъ къ совершенно другимъ рассказамъ и къ зловѣщимъ толкованіямъ. Не зная о нѣжной привязанности, которую Мирабо питалъ къ Кону, и о томъ, что онъ выдѣлилъ ему въ завѣщаніи почетную долю, газетчики, пользовавшіеся довѣріемъ публики, стали утверждать, что несчастный молодой человѣкъ похитилъ 22 тысячи ливровъ

¹⁾ *Mémoires de Mirabeau*, t. VIII, liv. X, p. 464 et 465.

²⁾ *Ibid.*, t. III, p. 470—473.

³⁾ *Ibid.*

леніе Парижа. Балконы, террасы, крыши домовъ, даже деревья— все было усѣяно народомъ¹⁾. Кorteжъ тронулся въ путь въ въ половинѣ шестого, вечеромъ. Шествіе открывалъ отрядъ конницы. Затѣмъ слѣдовали канониры отъ каждаго изъ шестидесяти баталіоновъ, старые раненые солдаты, штабъ національной гвардіи и Лафайетъ, часть «швейцарской сотни» и духовенство, шедшее впереди тѣла, которое несли двѣнадцать сержантовъ и окружали гренадеры. Надъ сердцемъ почившаго возложена была замаскированная цвѣтами графская корона; надъ гробомъ развѣвался флагъ²⁾. По странной и характерной для того времени снисходительности, президентъ Національнаго Собранія пожелалъ уступить въ шествіи мѣсто впереди себя президенту и членамъ клуба якобинцевъ; но они отказались и удовольствовались занятіемъ мѣстъ, въ числѣ 1,800 человекъ, непосредственно позади Собранія, т. е. впереди департамента, впереди муниципалитета, министровъ и всѣхъ учрежденныхъ властей!³⁾. Балъи былъ боленъ и въ процессіи не участвовалъ; Булье же шелъ въ ней со шляпою на головѣ⁴⁾. Тутъ же былъ Съейсъ, шедшій подъ-руку съ Ламетомъ, съ которымъ онъ не говорилъ уже полтора года⁵⁾. Одинъ человекъ отказался освятить своимъ присутствіемъ промахи почившаго генія: то былъ Петіонъ⁶⁾.

Послѣ трехчасоваго торжественнаго шествія corteжъ, занявшій пространство свыше одного льё, вступилъ въ церковь св. Евстафія, сплошь обтянутую чернымъ. Тамъ, предъ высившимся посрединѣ саркофагомъ, въ присутствіи благоговѣйней толпы, Серутти произнесъ надгробное слово; онъ помянулъ великія имена Монтескье, Фенелона, Вольтера, Руссо, Мабли и слѣдующими словами опредѣлилъ историческую роль, сыгранную послѣ нихъ графомъ Мирабо: «Мирабо сказалъ себѣ: они сотворили свѣтъ, я сотворю движеніе»⁷⁾.

Снова тронулись въ путь. Надъ городомъ спустилась ночь

1) *Révolutions de Paris*, № 91.

2) Протоколъ секціи Grange-Batelière.

3) Abbé Montgaillard, *Histoire de France*, t. II, p. 302.

4) *Ibid.*

5) *Révolutions de France et de Brabant*, № 72.

6) *Ibidem*,

7) *Éloge funèbre de M. de Mirabeau*, par M. Cérutti, въ *Bibliothèque historique de la révolution*, Mirabeau aîné, p. 288—289. British Museum.

и при трепетавшемъ свѣтѣ факеловъ, при гулѣ окутанныхъ барабановъ, при совершенно новыхъ тогда звукахъ *тромбона* и *тамъ-тама* ¹⁾, этихъ невѣдомыхъ инструментовъ, сливавшихся свои дикіе и звучные заунывные тоны съ погребальными пѣснопѣніями, написанными Госэкомъ, шестіе медленно потянулось къ Пантеону среди окутанныхъ тѣнью глубокихъ улицъ. О, какія впечатлѣнія должно было испытывать тогда такое множество людей, которыхъ такъ разнообразно озабочивали будущія событія! Не предстояло ли трону рухнуть, когда отпала еще поддерживавшая его сильная и скрытая рука? А Собраніе—сумѣетъ ли оно продолжать свой путь вдоль пропастей въ отсутствіе человѣка, бывшаго его свѣтомъ? А свобода — потому что она всегда считала его своимъ человѣкомъ и имѣла возможность когда-нибудь снова вернуть его къ себѣ—свобода?... Люди вышли въ чреватое кораблекрушеніями море: кто могъ утверждать, что, лишившись такого кормчаго, судно не разобьется о подводные камни, оставивъ поблѣднѣвшую толпу биться подъ бурей на необозримомъ пространствѣ водъ?

Была полночь, когда шестіе достигло конца скорбнаго пути. Отслужена была панихида, тѣло опущено въ склепъ, и все было кончено...

Я ошибаюсь: въ теченіе нѣсколькихъ дней смерть Мирабо занимала вѣ мысли, и слѣдуетъ замѣтить, что самыя противныя одна другой партіи единодушно оплакивали его. За исключеніемъ принцессы Елизаветы ²⁾, различные члены королевской фамиліи почувствовали понесенную ими утрату, хотя, можетъ быть, и не могли опредѣлить всего ея значенія. Нѣкоторыя высокопоставленныя дамы не побоялись показываться въ заплаканномъ видѣ; въ числѣ ихъ была и г-жа Монтесонъ, о которой говорили по поводу пышной обстановки ея скорби ³⁾.

Взрывъ сожалѣній раздался и въ печати, даже въ такихъ газетахъ, которыя являлись выразительницами самыхъ крайнихъ предѣловъ каждаго мнѣнія.

Авторы *Sabbats jacobites*, оставивъ на этотъ разъ циническій стиль, къ которому они, въ своемъ роялизмѣ, чувствовали пристрастіе, писали: «Отчего бы ему не пожить еще нѣсколько

¹⁾ Оба эти инструмента публика впервые услышала на похоронахъ Мирабо. Cadet-Gassicourt, цитируемый въ *Mémoires de Mirabeau*, t. VIII, p. 493.

²⁾ *Mémoires secrets du comte d'Allonville*, t. II, chap. X, p. 192. Bruxelles.

³⁾ *Ibid.*

мгновеній?... Онъ чувствовалъ необходимость затормозить ярость якобинской партіи... Присущая нашей конституціи монархія представлялась ему ея твердыней... Онъ имѣеть дѣйствительныя права на то, чтобы мы пожалѣли о немъ» ¹⁾).

Къ такому же заключенію приходилъ и *Père Duchesne*, не мѣняя, однако, формъ своего низменно-грязнаго языка: «Мори Жанъ-Франсуа ²⁾—восклицалъ онъ — ты торжествуешь. Смерть доставила тебѣ отмщеніе за тѣ удары рыломъ, которые нанесли тебѣ этотъ грубый кабанъ, когда ты, весь въ пѣнѣ отъ бѣшенства, старался укусить его, лая какъ гончая собака... Подумай, что и тебѣ придется, подобно ему, убраться къ чорту и исчезнуть, на-подобіе китайской тѣни, и что на твоей забытой могилѣ, но которой будутъ ползать рдѣющіе слизняки, выростутъ крапива и цикута, тогда какъ близъ его гробницы, отбренной безсмертнымъ дубомъ, изваянною свободной рукой, будутъ расти апельсинное дерево, миртъ и лавръ... Да трепещутъ прохвосты-аристократы (*les aristojeanfoutrés*): мы въ дурномъ расположеніи духа! Пусть они хорошенько вобьютъ себѣ въ башку, что мы не шутки шутили, когда сплотившись всеъ вокругъ короля, клялись на Марсовомъ полѣ остаться свободными или потрясти преисподнюю... Древній безумецъ Діогенъ погасилъ свой фонарь, когда, послѣ долгихъ поисковъ чловѣка, увидѣлъ, что напрасно теряетъ свое время; я же нашелъ чловѣка, не искавъ: я вдребезги разобью мою бутылку и трубку, такъ какъ—увы!—потерялъ его ³⁾).

Впрочемъ, среди этого обширнаго концерта похвалъ и сожалѣній раздалось и нѣсколько угрожающихъ голосовъ.

Услышавъ объ отказѣ Шарля Ламета присоединиться къ депутаціи якобинцевъ, умиравшій Мирабо сказалъ: «Я отлично зналъ, что онъ бунтовщикъ, но не зналъ, что онъ дуракъ» ⁴⁾, и друзья Ламета едва ли могли забыть эту злую фразу. Кромѣ того, Мирабо говорилъ, что уносить съ собою трауръ по монархіи, обломки которой бунтовщики раздѣляютъ между собою: въ этомъ крылось оскорбленіе; къ кому оно относилось? Респу-

¹⁾ Onzième sabbat.

²⁾ Аббатъ, въ послѣдствіи кардиналъ Мори, политическій противникъ Мирабо. (*Примч. переводч.*).

³⁾ *Les vitres cassées ou collection des lettres B.....t patriotiques du véritable Père Duchesne*, 64-e lettre.

⁴⁾ *Mémoires de Mirabeau*, t. VIII, liv. X, p. 438.

бликанцы составляли въ ту пору въ націи поистинѣ незамѣтное меньшинство. Въ клубѣ якобинцевъ «ихъ было такъ мало, что не стоитъ и считать ихъ» ¹⁾. Республиканскаго образа мыслей не держались ни Дюпоръ, ни братья Ламетъ, ни Барнавъ ²⁾, ни даже *père Duchesne* ³⁾, плагиаторъ того Гебёра (Hébert), которому суждено было впоследствии зайти такъ далеко въ ненависти къ установленной власти! Такимъ образомъ анаеема, которую Мирабо провозгласилъ съ одра смерти предвидѣвшимся разрушителямъ монархіи, падала, повидимому, лишь на нѣсколькихъ челоувѣкъ, уже извѣстныхъ своимъ республиканскимъ образомъ мыслей, напр. на Бриссо и Камилла Демулена. Тѣмъ живѣе было отъ этого ихъ негодованіе. Бриссо сдержалъ себя; но Камиллъ Демуленъ, прикинувшись, будто онъ сомнѣвается въ выходкѣ Мирабо, слишкомъ глубоко проникшей, однако, въ его убѣжденіе и сердце, разразился слѣдующими словами: «Что касается меня, то когда передо мною приподняли гробовой покровъ, я не почувствовалъ, чтобы у меня навернулась хоть одна слеза, и я смотрѣлъ на покойника такимъ же сухимъ взоромъ, какимъ Цицеронъ смотрѣлъ на тѣло Цезаря, пронзенное двадцатью тремя ударами» ⁴⁾. Слова сильныя, настолько сильныя, что въ тѣ времена только одинъ челоувѣкъ могъ зайти дальше. Вотъ что писалъ Марать: «Народъ, возблагодари боговъ! Подъ косою Парки палъ твой опаснѣйшій врагъ: не стало Рикетти! Онъ палъ жертвою своихъ многочисленныхъ предательствъ, своихъ слишкомъ запоздалыхъ сомнѣній, варварской предусмотрительности своихъ жестокихъ сообщниковъ, встревожившихся при видѣ колебаній хранителя ихъ ужасныхъ тайнъ. Трепещи отъ ихъ ярости и благословляй небесную справедливость... Жизнь Рикетти была запятнана множествомъ преступленій: пусть мрачная завѣса прикроетъ отнынѣ ихъ отвратительную ткань, такъ какъ она вредить тебѣ не можетъ, и пусть рассказъ о нихъ не скандализируетъ болѣе живыхъ. Но слезы побереги для своихъ

1) *Révolutions de France et de Brabant*, № 72.

2) *Ibid.*

3) Въ вышеприведенной выдержкѣ изъ *Père Duchesne* читатель, конечно, замѣтилъ слова: «сплотившись все вокругъ короля». Но нужно замѣтить, что этотъ *Père Duchesne*, называвшій себя «настоящимъ», былъ составленъ не Геберомъ, а однимъ изъ его наиболее ловкихъ плагиаторовъ, нѣкимъ Леметромъ.

4) *Révolutions de France et de Brabant*, № 72.

честныхъ защитниковъ. Помни, что онъ былъ однимъ изъ при-
рожденныхъ холоповъ деспота; что онъ фрондировалъ передъ
дворомъ только для уловленія твоихъ голосовъ; что, едва по-
павъ въ Генеральныя Штаты, онъ продалъ двору твой священ-
нѣйшія права...; что именно ему ты обязанъ всеми гибельными
декретами, которые снова надѣли на тебя ярмо и скрѣпили твои
оковы: декретами о военномъ положеніи, объ отерочивающемъ veto,
о правѣ объявлять войну, о независимости народныхъ делегатовъ,
о верховной исполнительной власти, объ избирательномъ цензѣ, о
принесеніи поздравленія мецкимъ убійцамъ, о скопленіи звонкой
монеты путемъ выпуска мелкихъ ассигнацій, о дарованіи заговор-
щикамъ разрѣшенія на эмиграцію, и проч... Въ пользу народа
онъ не поднималъ голоса никогда, кромѣ случаевъ, не пред-
ставлявшихъ никакой важности. Послѣдовательно измѣнивъ ему
множество разъ, онъ только однажды, въ день происшествія съ
кинжалами, отказался принять участіе въ новомъ заговорѣ, и
этотъ отказъ былъ его смертнымъ приговоромъ»¹⁾. Но особенно
сильный гнѣвъ Марата возбудило то, что прахъ Мирабо по-
мѣстили въ Пантеонъ, что Національное Собраніе тѣмъ са-
мымъ присвоило себѣ роль потомства, что возникаетъ смѣш-
ная опасность увидѣть когда-нибудь сопричисленными къ
великимъ людямъ разныхъ Эмри, Тарже, Дандре, Прюньоновъ,
Деменье, Вуаделей: «Эта почеть, по которой они вздыхаютъ,
повергла бы въ отчаяніе великую душу, и какой честный чело-
вѣкъ могъ бы согласиться на то, чтобы прахъ его покоился
рядомъ съ прахомъ подобныхъ господъ? Руссо и Монтескье по-
краснѣли бы, увидѣвъ себя въ такой дурной компаніи, а другъ
народа былъ бы безутѣшенъ отъ этого. Если бы во Франціи
когда-нибудь водворилась свобода и если бы какое-нибудь зако-
нодательное собраніе, вспомнивъ о томъ, что сдѣлано много для
родины, впало бы въ искушеніе отвести мнѣ мѣсто въ церкви
св. Женевьевы, я громко протестую здѣсь противъ этой кровной
обиды. Да, я сто разъ предпочелъ бы вовсе никогда не умирать,
чѣмъ опасаться столь жестокаго оскорбленія»²⁾.

Сколько неизмѣримой гордости въ этихъ страхахъ Марата,
полныхъ такого презрѣнія и такихъ пророчествъ! Сколько желчи

¹⁾ *L'Ami du peuple*, № 415.

²⁾ *Ibidem*, № 421.

на днѣ этой темной души и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько глубокой грусти: «*Я предпочелъ бы вовсе никогда не умереть!*»

Извѣстно, какой оборотъ получило презрительное пожеланіе Марата... Менѣ трехъ лѣтъ спустя, 27 ноября 1793 г., третье Собраніе революціи, по докладу Жозефа Шенье и имѣя передъ глазами найденныя въ *железномъ шкапу* бумаги, приняло декретъ слѣдующаго содержанія: «Національный Конвентъ, находя, что безъ добродѣтелей не бываетъ великаго человѣка, постановляетъ: удалить тѣло Оноре-Габріеля Рикетти-Мирабо изъ французскаго Пантеона и перенести туда тѣло Марата».

Это безжалостное постановленіе было приведено въ исполненіе только 21-го сентября 1794 г., но зато осуществлено уже со всею точностью, холодно, въ отсутствіи публики, среди тишины, ночью ¹⁾. И теперь прахъ его покоится гдѣ-то между улицами Фэръ-а-Мулэнъ, Франъ-Буржуа, Фоссе-Сенъ-Марсель и площадью Сципіона, въ безымянной могилѣ, которую ежедневно попираетъ ногами разсѣянный прохожій. Тамъ, въ непосредственной близости бывшаго кладбища Клармаръ, *Кладбища казенныхъ*, лежитъ прахъ того человѣка, который въ минуту божественной печали набросалъ слѣдующія строки: «Помните, что единственная дошедшая до насъ отъ древнихъ вѣковъ посвятельная надпись—надпись Эхила—заключаетъ въ себѣ только одно слово: «*Времени!*». И эта надпись является девизомъ всякаго, кто искренно и больше всего любитъ славу. «*Времени!*» Сколько бы они ни старались, я буду скошенъ молодымъ и вскорѣ, при чемъ за меня отвѣтитъ *Время*, потому что я пишу и буду писать для *Времени*, а не для партіи» ²⁾.

Такимъ Мирабо прошелъ по міровой сценѣ. Онъ отъ природы получилъ все то, что можетъ глубоко запечатлѣть образъ человѣка въ умѣ другихъ людей ³⁾. Его массивный ростъ, атлетическія формы, высокій лобъ, устроенный, казалось, такъ, чтобы выносить тяжесть его мыслей, слегка оливковый цвѣтъ лица, изборожденныя шрамами щеки, большіе глаза съ маленькими зрачками, сидѣвшіе подъ густыми бровями и въ кругахъ свинцоваго цвѣта, неправильный ротъ — все это придавало ему

¹⁾ *Mémoires de Mirabeau*, t. VIII, chap. X, p. 524.

²⁾ *Ibidem*, p. 609, 610.

³⁾ Относительно наружности Мирабо есть множество набросковъ, разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ его соотечественниковъ. Можно взглянуть особенно на то, что говорили о ней г-жа Сталь, Дюлоръ, Байель, Лемерсье.

самое удивительное, самое могучее безобразіе, какое только когда-либо бывало. О своихъ волосахъ, которые были необычайно густы и увеличивали и безъ того уже очень большую голову, онъ самъ говорилъ: «*Когда я встряхну моею ужасной головою, не находится никого, кто дерзнулъ бы прервать меня*». Походка его была рѣзкая, движенія повелительны. Когда онъ говорилъ, голосъ его, менѣе рѣзкій, чѣмъ черты лица, бывалъ вначалѣ прерывистъ и тягучъ; но по мѣрѣ того, какъ онъ овладѣвалъ словомъ, голосъ этотъ оживлялся, становился стремительнымъ и поистинѣ обращался въ музыку его генія.

Намъ ничего не остается сказать о Мирабо, какъ о политическомъ дѣятелѣ и ораторѣ: съ этой стороны онъ достаточно выясненъ въ настоящей книгѣ его поступками и рѣчами; но есть о немъ болѣе интимныя подробности, которыя исторія должна собрать, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ несправедливости. Вѣдь самъ онъ всегда былъ такъ справедливъ относительно своихъ противниковъ или враговъ! Не восхвалялъ ли онъ великодушно умъ и откровенность Шарля Ламета? ¹⁾ Не говорилъ ли онъ о Барнавѣ: «*Это большой дубъ, который сдѣлается корабельною мачтой!*» ²⁾. Никто не выставлялъ на видъ достоинства своихъ друзей съ болѣшими любезностью и благородствомъ. Ему, напр., часто случалось говорить такъ, будто онъ хотѣлъ, чтобы его приняли просто за «часы, которые только отмѣчаютъ своимъ боемъ мысли Свейса на трибунѣ...» ³⁾. Когда его не охватывала страсть, въ немъ сказывался чрезвычайный тактъ приличія. Одинъ изъ его современниковъ, въ которомъ трудно заподозрѣть пристрастіе къ нему, написалъ о немъ: «Онъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы говорить пріятныя для другихъ вещи. Я помню, что въ бытность его президентомъ Национальнаго Собранія почтенный и уже дряхлый старикъ Тронше, читалъ однажды длинный и мало интересный докладъ. Въ Собраніи шумѣли, и Мирабо, чтобы водворить тишину, сказалъ, звоня въ колокольчикъ: *Господа, благоволите вспомнить, что у г. Тронше грудь не такъ сильна, какъ голова*» ⁴⁾.

О, пусть останется на Мирабо покровъ, которымъ шестьде-

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 72.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Souvenirs et portraits*, par M. le duc de Lévis, цитированные въ *Mémoires de Mirabeau*, t. VIII, p. 537.

сятъ лѣтъ тому назадъ Конвентъ окуталъ его статую, пусть онъ останется до тѣхъ поръ, пока общество будетъ погрязать въ томъ состояніи порчи, которое требуетъ безошаднаго отношенія къ пороку! Но если люди когда-либо станутъ свободны, если разсѣется когда-либо тьма, въ которой бродятъ нынѣ заблудшіе умы,—о, потомство будущихъ счастливыхъ умовъ, пощади Мирабо или, по крайней мѣрѣ, пожалѣй его! И не забудьте—вы, которые будете позже судить его—не забудьте, что въ жизни его бывали дни, когда онъ боролся за право; что бывали дни, когда онъ страдалъ за справедливость; что подъ его провинностями, въ концѣ концовъ, пробивались плѣнительныя качества; что этотъ столь буйный человѣкъ былъ, тѣмъ не менѣе, доступенъ и пріятенъ въ обращеніи; что онъ испытывалъ волненіе при видѣ всякаго несчастнаго; что у него были фанатическіе друзья и обожавшіе его слуги; что въ его сердцѣ—увы! слишкомъ бурномъ—небесный огонь, любовь къ свободѣ, страннымъ образомъ колебался, но никогда не угасалъ совсѣмъ; что если онъ опускался до вкусовъ, въ которыхъ не сознаются, то не былъ лишенъ и самыхъ возвышенныхъ стремленій и что если порою онъ осквернялъ стыдливость своего имени на подушкахъ безстыдныхъ женщинъ, то умѣлъ также любить женщинъ по-геройски, чисто, такъ-же, какъ онъ любилъ славу или—что, можетъ быть, еще лучше—какъ онъ любилъ цвѣты.

Что произошло бы, еслибы онъ остался живъ? Это вопросъ, ставившійся тысячу разъ и очень праздный. Въ драмѣ временъ у каждаго есть своя роль, заравѣ предначертанная великимъ таинственнымъ Творцомъ. Когда актеръ—будь онъ славенъ или нѣтъ, будь онъ одѣтъ въ пурпуръ или покрытъ лохмотьями—уходитъ, это значитъ, что ему нечего было больше дѣлать на сценѣ, и доказательствомъ того, что роль его кончена, служитъ смерть. Притомъ революція, пока не достигла послѣдней стадіи своего развитія, таила въ себѣ нѣчто, очевидно, неукротимое; она шла къ своей развязкѣ въ силу логики, противъ которой ничего невозможно было сдѣлать. Этого, повидимому, не понималъ хорошенько самъ Робеспьеръ, когда, намекая на одну фразу бившагося въ агоніи Мирабо, воскликнулъ: *Ахиллъ умеръ, Троя не будетъ взята* ¹⁾. Какъ будто участь Трои въ ту пору могла зависѣть отъ жизни Ахилла! Нѣтъ, нѣтъ: какимъ бы Ми-

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 72.

рабо ни былъ, онъ не могъ бы ни остановить революцію, ни нарушить ея рокового хода. Позволительно предположить, что его преобладавшими дарованіями были дарованія государственнаго человѣка и что въ его лицѣ ораторъ на покоѣ могъ бы проявиться подъ видомъ Ришлье; а между тѣмъ, читая его тайную переписку со дворомъ, поражаешься его безсиліемъ. На каждомъ шагу онъ колеблется; его противорѣчія осязательны; его совѣты не имѣютъ ни серьезнаго значенія, ни величія; скудость его комбинацій очевидна, и если въ ряду предлагаемыхъ имъ средствъ спасенія вы станете искать взглядовъ Ришлье, то найдете лишь заурядныя хитросплетенія какого нибудь капуцинскаго монаха Жозефа. Да онъ и самъ не дѣлалъ себѣ иллюзій въ этомъ отношеніи, онъ самъ зналъ, что, покупая его, дворъ возлагалъ на него борьбу съ гораздо большею силой, чѣмъ его собственная: это угадывается по воплямъ унынія, которыя по временамъ вырываются у него положеніемъ дѣлъ, и еще болѣе по его постоянной потребности привлечь къ себѣ расположеніе націи, подольщаться къ ней, опираться на нее... чтобы предать ее. Да что ужъ! сама-то революція развѣ не была также окружена опасностями? Не казалась ли она уже носящеюся въ утлой ладѣ по бушующему морю? Конечно, но что за бѣда? Подобно Цезарю, даже болѣе необходимымъ, чѣмъ Цезарю, образомъ, ей надо было выполнить свою судьбу и она, конечно, имѣла право, среди волнъ поднявшихся пучинъ, подъ охваченнымъ пламенемъ небомъ, сказать объятому ужасомъ кормчему: «Впередъ, не бойся ничего: ты везешь народъ и его судьбу!»

ГЛАВА IX.

Умаленіе роли Лафайета.

Марать и Фреронъ подрываютъ власть Лафайета.—Полемика между Маратомъ и Камилломъ Демуленомъ.—Тѣмъ не менѣе они соединяются противъ Лафайета.—Значеніе ихъ нападокъ.—Религіозная смута.—Палскіи брѣве.—На ослахъ возятъ куклу, изображающую папу.—Молодая дѣвушка, высѣченная на ступеняхъ церкви.—Людовикъ XVI тайно пишетъ епископу клермонскому, спрашивая, можно ли ему говѣть?—Отвѣтъ епископа.—Король причащается у священника, отказавшагося отъ присяги.—Возбужденіе общественаго мнѣнія.—Клубъ кордельеровъ винитъ Людовика XVI передъ націей.—Проксъ поѣздки въ Сень-Клу.—Бурная обвинительная рѣчь Фрерона.—Народъ силою противится отъѣзду королевской семьи.—Національная гвардія отказывается Лафайету въ повиновеніи.—Адресъ королю, составленный Керсэномъ и Далтономъ.—Людовикъ XVI въ Собраніи.—Неосторожное двудичіе двора.—Какъ Лафайетъ выходитъ въ отставку.—Присяга относительно слѣпного повиновенія начальнику вооруженной буржуазіи; энергическій протестъ Дюбуа-Крансе и Жирардена (изъ Эрменонвилля).—Паденіе популярности Лафайета.

Мы видѣли, что Лафайетъ былъ единственнымъ человѣкомъ, популярности котораго завидовалъ Мирабо и могущества котораго онъ опасался. И, въ самомъ дѣлѣ, съ начала революціи Лафайетъ пользовался ни съ чѣмъ несравнимою властью. Состоя начальникомъ сформированной по-военному и вооруженной парижской буржуазіи, онъ однимъ знакомъ приводилъ ее въ движеніе; его распоряженіямъ повиновались все національные гвардейцы въ королевствѣ; народъ уважалъ его; муниципалитетъ былъ связанъ съ нимъ, какъ тѣло бываетъ связано съ рукою, и Балъи считалъ за счастье быть его сотоварищемъ; имѣя порученіе охранять жизнь короля и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдить за его поступками, онъ наполнилъ своею стражей Тюильрійскій дворецъ, доступъ внутрь котораго былъ открытъ ему во всякое время; въ Собраніи слово его имѣло отчасти авторитетъ приказанія, а голосъ его при рѣшеніи вопросовъ обладалъ вѣсомъ меча. Словомъ, казалось, что революція постоянно находится наканунѣ полученія отъ него приказа, а король считалъ себя его плѣнникомъ. Берегитесь Кромвелля! говорили одни. Берегитесь Монка! говорили другіе. А Камилль Демуленъ восклицалъ въ отчаяніи: «Парижъ могъ бы съ большимъ правомъ, чѣмъ городъ Соединенныхъ Штатовъ, называться Файетвиллемъ»¹⁾.

¹⁾ *Révolutions de France et des royaumes qui, demandant une assemblée nationale et arborant une cocarde tricolore, méritèrent une place dans les*

безуміемъ». И, грозя народу тѣмъ, что онъ отступится отъ него, Маратъ заявлялъ, что отправится апостоломъ проповѣдовать свободу среди какой-нибудь другой, менѣе развращенной націи ¹⁾).

Угроза эта была притворна; но Камиллъ Демуленъ принялъ ее за серьезную и написалъ: «Изъ всѣхъ журналистовъ Маратъ, безспорно, лучше всѣхъ послужилъ революціи. *L'Ami du peuple* опозоритъ себя, если покинетъ поле битвы. Совершенно справедливо, что ему не удался его планъ привести народъ къ цѣли, увлекая его за ея предѣлы; но тѣ три баталіона, которые хотѣли недавно пронести по Парижу его обвитый лаврами бюстъ, доказываютъ ему, что его мужеству воздается справедливость» ²⁾).

Кто повѣрилъ бы? На эти похвалы неговорчивый Маратъ отвѣтилъ потокомъ брани, что вызвало со стороны его сотоварища по оружію слѣдующую отповѣдь, являющуюся образцомъ тонкости, иронической умѣренности и жестокаго достоинства: «Маратъ, ты пишешь въ подпольѣ, гдѣ окружающій воздухъ неспособенъ вызывать веселыя мысли и можетъ обратитъ *Vade* въ *Тимона*» ³⁾. Ты правъ въ томъ, что присвоиваешь себѣ старшинство передо мною и презрительно называешь меня *молодымъ человекомъ*, такъ какъ минуло уже 24 года съ тѣхъ поръ, какъ Вольтеръ поднялъ тебя на-смѣхъ. Ты правъ, называя меня *несправедливымъ* за то, что я сказалъ, что изъ журналистовъ ты лучше всѣхъ послужилъ революціи; ты правъ, называя меня *недоброжелательнымъ*, такъ какъ изъ всѣхъ писателей одинъ только я осмѣлился похвалить тебя; правъ ты, наконецъ, и въ томъ, что зовешь меня *дурнымъ патриотомъ* за то, что на нѣсколько нумеровъ вкралась одна опечатка, но столько явная, что никакаго не можетъ ввести въ заблужденіе.— *Apostat* вмѣсто *apostolat*.—Но сколько бы ты ни ругалъ меня, Маратъ,—что ты дѣлаешь уже полгода—я заявляю, что до тѣхъ поръ, пока я буду видѣть крайнія выходки съ твоей сто-

¹⁾ *Révolutions de France et des royaumes* и т. д. Въ цитату, сдѣланную изъ *Ami du peuple* Камилломъ Демуленомъ, вкралась опечатка: вмѣсто *apostolat* было напечатано *apostat*.

²⁾ *Révolutions de France et des royaumes* и т. д., № 73.

³⁾ *Vadé*—франц. поэтъ-весельчакъ (род. 1720, ум. 1757), написавшій много писемъ, шуточныхъ мадригаловъ, пьесъ и пр., пользовавшихся огромною популярностью.—Тимонъ—извѣстный своимъ человѣконенавистничествомъ афинянинъ (IV в. до Р. Х.). (*Примѣч. переводч.*).

роны въ духѣ революціи, и буду попрежнему хвалить тебя, потому что полагаю, что мы должны защищать свободу, какъ городъ Сень-Малё, при помощи не только людей, но и собакъ»¹⁾.

Эти полемическія стычки—слишкомъ характерныя для того, чтобы обойти ихъ молчаніемъ — не мѣшали Камиллу Демулену и Марату вести вмѣстѣ безошадную войну противъ всѣхъ репутацій, подозрѣвавшихся въ революціонной нерѣшительности, особенно же противъ Лафаеита. Связи генерала съ судомъ Шатле; его собесѣдованія съ Сюло; едва прикрытыя связи съ Монмореномъ и Булье; его недружелюбное отношеніе къ герцогу Орлеанскому, за которымъ онъ установилъ въ Лондонѣ шпионскій надзоръ; глухое или явное гоненіе его на Сантера; его отказъ признать независимость бельгійцевъ; его голосованіе въ пользу *безусловнаго veto*, закона о *восномъ положеніи*, о *предоставленіи королю права заключать миръ и объявлять войну*; наконецъ, положеніе, занятое имъ въ событіяхъ въ Венсенѣ, въ Ла Шапелѣ, въ Нанси²⁾... таковы были жалобы, которыя Камиллъ Демулень рѣзко высказывалъ въ своей газетѣ.

Событія не замедлили выдвинуть на видъ значеніе этихъ нападокъ.

Близилось пасхальное время: не злоупотребятъ ли отвергшіе присягу священники своимъ нравственнымъ вліяніемъ въ теченіе дней, специально посвящаемыхъ дѣламъ набожности? Вотъ какой вопросъ должно было ставить себѣ управленіе парижскаго департамента.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ глазахъ священниковъ, не принявшихъ присяги, новая церковь, прежде всего, была еретическою. Истинные католики, какъ называли себя приверженцы папы, отказывались отъ общенія съ нею, отъ присутствія на общественныхъ богослуженіяхъ³⁾. И дѣло стало значительно хуже, когда пала двумя бревне—одно отъ 10 марта 1791 г., а другое отъ 13 слѣдующаго апрѣля—объявилъ *лишними сана* всѣхъ тѣхъ изъ принявшихъ присягу священниковъ, которые не отрекутся отъ присяги въ теченіе сорока дней. Такъ какъ гра-

¹⁾ *Révolutions de France et des royaumes* и т. д.—(Въ Сень-Малё существовало встарь обыкновение возлагать патрульную службу вокругъ города на большихъ собакъ, которыхъ на ночь спускали съ цѣпи. *Переводч.*)

²⁾ *Révolutions de France et des royaumes*, etc., № 73.

³⁾ L'abbé Barruel, *Histoire du clergé pendant la Révolution française*, t. I, p. 94. Londres, 1801.

жданское устройство духовенства являлось, по словамъ папы, лишь безпорядочною смѣсью расколовъ и ересей¹⁾, то какого же уваженія могло оно ждать отъ тѣхъ, кого велѣ на шнуркѣ Римъ? Для нихъ стало дѣломъ благочестія бравировать и оскорблять новую церковь. А такъ какъ нѣтъ такой крайности, которая не вызывала бы крайности противоположной, то съ той и другой стороны явилась нетерпимость и, притомъ, самая яростная. Папа проклиналъ революціонеровъ, а тѣ мстили ему тѣмъ, что возили по улицамъ на ослахъ чучело изображавшую папу²⁾.

Такимъ образомъ, управленіе Парижскаго департамента имѣло справедливое основаніе опасаться, чтобы церковная служба на Страстной недѣлѣ не сдѣлалась поводомъ къ величайшимъ безпорядкамъ. Оно думало предотвратить ихъ тѣмъ, что приказало закрыть церкви, не воспрещая, однако, монахинямъ быть на богослуженіи внутри своихъ монастырей; кромѣ того, требовалось, чтобы не присяжный священникъ, который пожелалъ бы служить тамъ, заручился позволеніемъ на то отъ мѣстнаго приходскаго священника и визировалъ его у новаго епархіальнаго епископа³⁾. Эта тираническая мѣра была вызвана нетерпимостью конституціоннаго духовенства, и мы поневолѣ должны признать, что какъ-то странно было видѣть, что римско-католики были безъ церквей, тогда какъ у кальвинистовъ были свои храмы, у евреевъ синагоги, а у турокъ мечети. Но народъ даже не думалъ обращать вниманіе на эту непослѣдовательность, которая при другихъ обстоятельствахъ дѣйствительно поразила бы всѣхъ. А почему? Потому что чутье подсказывало народу, что религія являлась здѣсь лишь покровомъ, которымъ прикрывались политическія страсти и мірскіе интересы; потому что подъ тѣнью старинныхъ алтарей онъ видѣлъ скрытыми королей, дворянъ и всякаго рода привилегированныхъ людей; потому что онъ отлично чувствовалъ, что римскій священникъ стремился, подъ богословскою окраской, подорвать самоѹ революцію. И вотъ, когда общество антиконституціонныхъ католиковъ наняло у городского управленія, согласно закону, и заранѣе оплатило церковь ордена театинцевъ, на набережной собралась густая толпа. На бѣду, туда яви-

¹⁾ L'abbé Barruel, *Histoire du clergé pendant la Révolution française*, p. 95.

²⁾ *Ibid.*, t. I, p. 96.

³⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. IX, p. 267

«Чтобы получить отпущеніе грѣховъ и сдѣлать насъ достойными приблизиться къ святому престолу, необходимы искреннее соболѣзнованіе о прошломъ и твердая рѣшимость на будущее время. Но это настроеніе должно быть очевиднымъ, когда на лицо есть совершенная погрѣшность, и я осмѣлюсь сказать вашему величеству, что принятіе или утвержденіе извѣстныхъ декретовъ, особенно же тѣхъ, которые въ гражданскомъ строѣ духовенства относятся къ предметамъ духовнымъ, повлекло за собою самыя пагубныя для религіи послѣдствія. Я знаю, что ваше величество оплакиваете ихъ, знаю, что сердце ваше отвергаетъ то, что было исторгнуто изъ вашей руки, знаю, что вы сочли возможнымъ уступить принужденію. Но, государь, когда дѣло касается религіи и Божьяго закона, ваше величество должны чувствовать, что только противленіе силъ дѣлаетъ мучениковъ и что пролитіе ихъ крови ради скрѣпленія дѣла нашего искупленія было самымъ могучимъ средствомъ къ тому, чтобы передать намъ этотъ драгоценный даръ неба... Поэтому я обязанъ заявить вашему величеству, что всего благоразумнѣе было бы отложить говѣніе... и т. д., и т. д.

«Подписано † епископъ клермонскій».

Итакъ, для того, чтобы сохранить священникамъ ихъ богатая имѣнія или защитить проникшія въ церковное управленіе явныя злоупотребленія, Людовику XVI слѣдовало бы дать убитъ себя на престолѣ. Для него былъ только одинъ выборъ: стать мученикомъ или навлечь на себя проклятіе!

Письмо епископа клермонскаго было писано 16 апрѣля 1791 г., а на слѣдующій день король, уступивъ другимъ внушеніямъ и совѣтамъ, принялъ причастіе, въ присутствіи Балли и Лафейета, изъ рукъ священника, отвергшаго присягу¹⁾. Онъ долженъ былъ предвидѣть, что такой шагъ будетъ принятъ за браваду, что и случилось. Уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ со всѣхъ сторонъ раздавались очень сильныя жалобы на то, что онъ даетъ въ своемъ дворцѣ приютъ не-присягнушимъ священникамъ; на то, что онъ удалилъ своего духовника, приходскаго священника церкви св. Евстахія, за то, что тотъ принялъ присягу, и на то, что онъ оказывалъ довѣріе хорошо извѣстному иезуиту, аббату

¹⁾ Объ этомъ Бертраиъ де Мальвилль не упоминаетъ ни однимъ словомъ. Не зналъ ли онъ о постановленіи клуба кордольеровъ о причащеніи короля, отъ 17 апрѣля 1791 г.

Л'Анфану... и дѣло дошло уже до того, что разносчики газетъ выкрикивали на улицахъ: «*Большая измѣна французскаго короля!*»¹⁾. Общее возбужденіе удвоилось, когда стала извѣстна сцена приращенія и всѣ узнали, что при ней присутствовалъ Лафайетъ и что гренадеръ Дюпэнъ отказался отдать честь придворному священнику, «подобно тому, какъ нѣкогда начальникъ стражи Валентиніана далъ пощечину жрецу, окропившему его святою водою и хотѣвшему сдѣлать его соучастникомъ отщепенства императора»²⁾. Какъ! таковы-то были результаты санкціи, данной Людовикомъ XVI гражданскому строю духовенства, при чемъ онъ съ такимъ паѳосомъ и кладя руку на сердце увѣрялъ въ своей искренности? Клубъ кордельеровъ дерзнулъ опубликовать свое постановленіе, которымъ всему французскому народу указывалось на то, что *самъ король, первое должностное лицо государства, первый подданный закона, преступаетъ законы королевства*³⁾; и въ Парижѣ нарасхватъ раскупались экземпляры того номера *l'Orateur du peuple*, въ которомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ сообщалось о предположенной поѣздкѣ Людовика XVI въ Сень-Клу:

«Людовикъ XVI, все еще состоящій королемъ французомъ, постановляетъ... Куда ты бѣжишь? Ты думаешь укрѣпить свой тронъ, а онъ готовится рухнуть! Хорошо ли ты взвѣсилъ послѣдствія этого шага, затѣяннаго твоею женой?.. Народу небезизвѣстно, что изъ Сень-Клу ты намѣреваешься уѣхать въ Компьень, а оттуда на границу. Напрасно стараешься ты распространить слухъ о своемъ возвращеніи къ церемоніи омовенія ногъ. Развѣ мы не знаемъ, что уста королей—яма лжи? Я утверждаю, что еще до четверга ты будешь въ объятіяхъ Конде. Фурія толкаетъ тебя въ пропасть. При какихъ обстоятельствахъ ты уѣзжаешь? Ты ѣдешь, когда отвергнушіе присягу священники, пользуясь двухнедѣльнымъ срокомъ, посвященнымъ исполненію религиозныхъ обязанностей, сѣютъ тревогу въ совѣсти запуганныхъ людей и разжигаютъ пылкое и суевѣрное воображеніе довѣрчивыхъ женщинъ, раздавая одною и тою же рукой четки, благословленія и кинжалы! Ты уѣзжаешь, когда твой австрійскій комитетъ разложилъ по мѣстамъ всѣ фитили контръ-революціи

1) *Révolutions de France et des royaumes* и т. д., № 73.

2) *Ibidem.*

3) *Ibidem.*

и нужна уже только искра, чтобы зажечь во Франціи пожарище!.. Но ты затѣялъ это слишкомъ поздно. Мы знаемъ тебя, великій возстановитель французской свободы!.. Если сегодня сваливается твоя маска, то завтра свалится твоя корона... Скажу еще лишь одно: если ты уѣдешь, мы захватимъ твои замки, твои дворцы, мы подвергнемъ опалѣ твою голову. Пусть выступаютъ Порсенны, а Сцеволы готовы!»¹⁾

Однако-же онъ собрался уѣзжать—собрался при гулѣ этихъ свирѣпыхъ проклятій, отлично зная, что его задержать, или, по крайней мѣрѣ, будутъ пытаться задержать, и идя навстрѣчу насилію, выгодною стороною котораго было бы то, что Европа увидѣла бы его плѣнникомъ... 18 апрѣля 1791 г., въ 11 часовъ, изъ Тюильри начали выѣзжать кареты, нагруженные такъ, какъ будто предстояла поѣздка въ сто лье²⁾, и въ нихъ помѣстились король, королева, дофинъ и принцесса Елизавета. «Морской приливъ достигаетъ берега съ меньшею быстротой, чѣмъ съ какою массы народа нахлынули въ эту минуту къ Тюильрійскому дворцу»³⁾. Поспѣшно прибылъ съ многочисленными отрядами національной гвардіи Лафайетъ, но большинство этихъ вооруженныхъ гражданъ не захотѣло сражаться съ толпой и проявило готовность принять ея сторону; многие изъ нихъ даже провели ночь въ Булонскомъ лѣсу, поджидая короля съ тѣмъ, чтобы доставить его обратно⁴⁾. Ворота дворца заперли, съ шумомъ обступили кареты, лошадей взяли подъ уздцы. Изъ окрестныхъ мѣстностей неслись крики; въ церкви св. Роха ударили въ набатъ. Тщетно обходилъ Лафайетъ ряды національной гвардіи, грозя, умоляя, ссылаясь на декретъ, разрѣшающій королю отлучки на разстояніе двадцати лье: изъ всѣхъ устъ раздавались крики: «Онъ не уѣдетъ! мы не хотимъ, чтобы онъ уѣхалъ!» Лафайетъ, чувствуя себя униженнымъ въ виду перваго случая неповиновенія со стороны своихъ людей, спѣшно обратился къ департаментскому управленію съ ходатайствомъ о провозглашеніи военнаго положенія; но тамъ былъ Дантонъ: онъ заставилъ отклонить это убійственное ходатайство, и генералу, заявившему, что онъ подастъ въ отставку,

¹⁾ Камилль Демуденъ перепечаталъ цѣликомъ эту статью въ № 73 своей газеты.

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ *Ibidem.*

⁴⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. IX, p. 272.

крикнулъ громовымъ голосомъ: «Только трусъ можетъ покинуть въ опасности свой постъ!»¹⁾ Тогда Лафайетъ отправился въ сопровожденіи Балли въ Собраніе. Тамъ шло обсужденіе законопроекта о флотѣ. «Невозможно—говоритъ Малуэ—занимать ваше вниманіе вопросомъ объ организациі флота теперь, среди общаго оцѣпенѣнія, законы государства нарушены; въ лицѣ монарха сдѣлано нападеніе на конституцію».—«Долой Малуэ—отвѣчаетъ лѣвая—онъ вызываетъ междоусобіе! Къ порядку дня! Къ порядку дня!»—«Порядокъ дня есть общественный порядокъ», возражаетъ Вирьенъ. Но раздаются новые крики, обсужденіе законопроекта о флотѣ возобновляется и Лафайетъ съ Балли, не сказавъ ни слова о томъ, что творится во дворцѣ, возвращаются на мѣсто мятежа²⁾. Тамъ генераль приказываетъ конницѣ двинуться съ саблями на-голо. Конница отказывается обнажить сабли, но наступаетъ, загѣмъ останавливается передъ національными гвардейцами, которые, рѣшившись выдержать борьбу, направляютъ штыки на лошадей. Въ это время одинъ изъ гренадеровъ говорилъ Людовику XVI: «*Мы васъ любимъ, государь, но только васъ одного*». Королева плакала³⁾. Прошло уже полтора часа, какъ король, сидя въ каретѣ, ожидалъ развязки этой драмы; тутъ подошелъ къ нему муниципальный служащій и сталъ умолять, чтобы онъ удалился, при чемъ сообщилъ ему, что этого желаютъ какъ національная гвардія, такъ и народъ. «*Мнѣ этого не говорили*»⁴⁾, машинально пробормоталъ Людовикъ XVI, и королевская семья вернулась во дворецъ.

Лафайетъ тотчасъ же отправился въ ратушу, чтобы подать въ отставку, что было, можетъ быть, болѣе ловкимъ, чѣмъ искреннимъ поступкомъ. Марату, который во все вносилъ озлобленіе, поступокъ этотъ далъ поводъ назвать Лафайета *генераломъ Тартюфомъ*. Лафайетомъ было сказано: «Такъ какъ общественное мнѣніе уже не за меня, то интересы порядка требуютъ, чтобы я вышелъ въ отставку. Я вернусь въ строй рядовымъ гренадеромъ⁵⁾».

Въ тотъ же день парижскій департаментъ послалъ королю адресъ, составленный, какъ говоритъ, Камилль Демуленъ, Дан-

¹⁾ *Révolutions de France et des royaumes* и т. д., № 73.

²⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. IX, p. 273.

³⁾ *Révolutions de France et des royaumes* и т. д., № 73.

⁴⁾ *Règne de Louis XVI*, t. VI, § 27, p. 471. Paris, 1791.

⁵⁾ *L'Ami du peuple*, № 439.

тономъ и Керсеномъ; но, кажется, по меньшей мѣрѣ вдохновителемъ его былъ Талейранъ, потому что впоследствии, въ *опродательномъ письмѣ* къ Национальному Конвенту, онъ ставилъ этотъ адресъ себѣ въ заслугу¹⁾. Въ адресѣ Людовику XVI совѣтовали удалить отвергшихъ присягу священниковъ и заявить націи, что онъ стоитъ во главѣ свободнаго народа. «Обстоятельства тяжелы, государь, говорилось въ адресѣ; двуличная политика должна быть противна вашему характеру и ни на что не была бы пригодна»²⁾.

19 апрѣля шло засѣданіе Собранія, когда явившійся посланецъ объявилъ о прибытіи короля. Король войдя сказалъ:

«Господа, я пришелъ къ вамъ съ тѣмъ довѣріемъ, которое всегда вамъ оказывалъ. Вы освѣдомлены о сопротивленіи, которое оказано было вчера моему отъѣзду въ Сень-Клу. Я не захотѣлъ, чтобы это сопротивленіе было прекращено силою. Я опасался вызвать строгія мѣры противъ обманутой толпы, которая, нарушая законы, думаетъ, что дѣйствуетъ въ ихъ пользу; но для націи важно доказать, что я свободенъ; это самое существенное для того, чтобы придать авторитетъ санкціямъ и утвержденіямъ, даннымъ мною вашимъ декретамъ. Опираясь на этотъ сильный мотивъ, я настаиваю на моей поѣздкѣ въ Сень-Клу. Чтобы поднять вѣрный народъ, любовь котораго я заслужилъ всѣмъ тѣмъ, что сдѣлалъ для него, стараются, кажется, внушить ему сомнѣнія относительно моихъ чувствъ. Я принялъ конституцію и далъ клятву сохранить ее; гражданскій строй духовенства составляетъ часть ея, и я буду всею моею властью поддерживать его выполнение»³⁾.

Сопоставьте эти слова Людовика XVI съ тѣмъ, что за три дня передъ этимъ онъ говорилъ въ своемъ тайномъ письмѣ къ епископу клермонскому, и скажите: заходилъ ли когда либо какой либо государь такъ далеко въ двуличности, порожденной его слабостью?

Предсѣдательствовавшій въ Собраніи Шабру отвѣчалъ высокопарными и весьма опошленными увѣреніями въ преданности особѣ монарха, но тщательно обошелъ жгучій вопросъ о поѣздкѣ въ Сень-Клу. Собраніе понимало необходимость этой осто-

1) *Révolutions de France et des royaumes* и т. д., № 73.

2) См. *Moniteur* отъ 24 декабря 1792 г.

3) *Ibidem*, засѣданіе 19 апрѣля 1791 г.

рожности. Не желая ни нарушать собственныхъ декретовъ, ни ставить себя лицомъ къ лицу съ народною яростью, оно пригрозило тюрьмою маркизу Блакону, собиравшемуся возбудить пренія, заглушило умышленно поднятыя Казалесомъ вопли и отсрочило свои засѣданія.

Что касается общественнаго мнѣнія, то оно было приведено въ негодованіе этой сценою, въ которой ни съ той, ни съ другой стороны не было ни прямоты, ни достоинства. Публика дивилась тому, что Людовикъ XVI осмѣлился утверждать, будто уважаетъ гражданскій строй духовенства, тогда какъ всѣмъ было извѣстно, что оно ему ненавистно; люди проницески ставили другъ другу вопросъ, не съ цѣлью ли избѣгнуть употребленія *силы* король почти цѣлыхъ два часа дожидался въ своей каретѣ провозглашенія военнаго положенія и прибытія тѣхъ челоуѣкоубійственныхъ приказаній, за которыми Лафайетъ ѣздилъ въ ратушу. Между тѣмъ, Собраніе сдѣлало видъ, что до слезъ растрогано его недобросовѣстными заявленіями и, такимъ образомъ, на лживыя слова короля отвѣтило, пожалуй, еще болѣе постыдно лживыми восторженными заявленіями! Такъ говорили даже тѣ люди, которые, будучи менѣе республиканцами, чѣмъ Вриссо, побоялись бы воскликнуть, какъ воскликнулъ онъ въ этомъ случаѣ: «Почему Собраніе встало передъ королемъ? Рабочій не встаетъ передъ инструментомъ»¹⁾.

На просьбу городского совѣта рѣшить словами «да» или «нѣтъ», слѣдуетъ ли просить короля, чтобы онъ осуществилъ свое намѣреніе ѣхать въ Сенъ-Клу, или же выразить ему благодарность за то, что онъ предпочелъ остаться, чтобы не дать повода къ нарушенію общественнаго спокойствія, сорокъ восемь секцій сухо отвѣтили:

1) что члены муниципальнаго совѣта не имѣютъ права говорить муниципіямъ: Вы должны рѣшить вопросъ словами «да» или «нѣтъ»;

2) что просить короля ѣхать въ Сенъ-Клу вовсе не нужно

3) что не слѣдуетъ и благодарить короля за то, что онъ *предпочелъ остаться*, потому что если лгать позволительно королю, то великой и могущественной націи ложь недостойна.

Затѣмъ слѣдовали жестокія слова: *Обманываетъ слабѣйшій*²⁾.

1) Цитировано Камилломъ Демуленомъ въ № 73 его газеты.

2) *Ibidem.*

безпредѣльна; народъ чувствовалъ измѣну надъ своею головою, у себя подъ ногами, кругомъ себя повсюду; не было хитрости, на которую онъ не считалъ бы Людовика XVI способнымъ, лишь бы выѣхать изъ Парижа. И бдительность его, часто вводимая въ обманъ, но неутомимая, заходила такъ далеко въ подозрѣніяхъ, что однажды народъ задержалъ и обшарилъ повозку, вообразивъ, что въ ней, подъ снопами соломы, онъ найдетъ короля¹⁾.

Что же дѣлалъ тѣмъ временемъ Лафайетъ? Если вѣрить свидѣтельству Камилла Демулена и Марата, Лафайетъ, едва подавъ въ отставку, сталъ употреблять всѣ средства, чтобы взять ее назадъ. *L'Ami du peuple* рассказываетъ, что въ ночь 19 апрѣля генералъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ пограничныхъ стрѣлковъ и гренадеровъ-добровольцевъ изъ округовъ *Filles-Saint-Thomas*, *Saint-Roch* и *Henri VI*, ходилъ, въ киверѣ рядового гренадера, по кафе и кабакамъ Пале-Рояля, чтобы вновь поднять — если еще было не поздно — свою исчезавшую популярность²⁾. Были ли или не были дѣлаемы эти попытки, представляющіяся такъ мало правдоподобными, въ виду извѣстнаго характера Лафайэта достоверно то, что его отставка вызвала своего рода испугъ въ массѣ парижской буржуазіи. Большинство баталіоновъ выразило пожеланіе увидѣть его вновь во главѣ національной гвардіи, и 21 апрѣля, въ 11 часовъ вечера, муниципальный совѣтъ отправился пѣшкомъ, подъ дождемъ, къ «этому Кромвелю»³⁾. Балли началъ умолять его, а Лафайетъ не соглашался, или дѣлалъ видъ, что не соглашается. «Эта была сцена на луперкаліяхъ, когда Антоній, по соглашенію съ Цезаремъ, возлагалъ ему на голову корону, которую тотъ притворно отклонялъ»⁴⁾. Но какъ не сдаться въ концѣ концовъ на такое нѣжное насиліе? Домъ былъ переполненъ національными гвардейцами, и всѣ они присоединились къ настойчивымъ просьбамъ муниципалитета. Нѣкоторые даже пали передъ генераломъ на колѣни, и такъ какъ это повергло его въ тягостное изумленіе, то одинъ изъ гренадеровъ сказалъ: «Не бойтесь ничего, мы становимся въ положе-

1) *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. IX, p. 275.

2) *L'Ami du peuple*, № 439.

3) *Révolutions de France et des royaumes* и т. д., № 75.

4) *Ibid.*—(Луперкаліи—празднества въ честь Пана у древнихъ римлянъ Переводч.).

ніе людей свободныхъ: преклоняемъ колѣни передъ статуей свободы»¹⁾).

Наконецъ Лафайетъ сдался. На его бѣду, его сторонники не сумѣли соблюсти мѣру. По предложенію Дюбуа де Лоншана, составлена была формула присяги въ слѣпомъ повиновеніи Лафайету и было рѣшено разносить эту формулу изъ дома въ домъ, съ угрозою, что всякій, кто откажется подписать ее, будетъ изгнанъ изъ строя²⁾). Въ пылу перваго порыва собрано было нѣсколько тысячъ подписей; но въ этомъ крылась опасность, на которую циникъ Эберъ указалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Со стороны національныхъ гвардейцевъ, конечно, прекрасно то, что они любятъ своего командира; но есть, чортъ возьми, сказка объ обезьянахъ, которую они должны были бы помнить. Нѣкая паскудная мартышка такъ много ласкала своего дѣтеныша, что онъ и духъ испустилъ. Если бы эта бл...ща поменьше ломалась, она его вырастила бы»³⁾). Предупрежденіе было отличное; сторонники не приняли его во вниманіе и потому не замедлила наступить сильнѣйшая реакція. Дюбуа-Крансе въ качествѣ національнаго гвардейца, заявилъ въ благородныхъ и энергичныхъ словахъ протестъ, Жирарденъ (изъ Эрменонвилля) отвѣчалъ явившимся къ нему янычарамъ: «Вы изгоняете меня изъ вашей шайки, какъ добраго гражданина, желающаго повиноваться только закону, а я выгоняю васъ изъ моего дома, какъ убійць, состоящихъ подъ командой атамана разбойниковъ»⁴⁾). Когда многіе патріотически настроенные солдаты стали проситься въ отставку изъ ненависти къ требуемой отъ нихъ присягѣ, Маратъ началъ яростно кричать имъ: «Остановитесь, остановитесь! Когда въ баталіонахъ не останется никого, кромѣ сплоченныхъ убійць, которые снова закуютъ васъ въ кандалы, имъ даже австрійскій мечъ окажется ненужнымъ. Вейте вашихъ враговъ ихъ же собственнымъ оружіемъ; противъ разбойниковъ все дозволено. Подражайте отцу народа, который двадцать разъ нарушалъ свои клятвенныя обѣщанія; подражайте вѣроломному генералу, который, не довольствуясь подтасовкою своихъ приказаній, со-

¹⁾ Современная брошюра, цитированная въ *Histoire parlementaire*, t. IX, p. 414.

²⁾ *Révolutions de France et des royaumes* и т. д., № 75.

³⁾ *Les vitres cassées ou collection des lettres b.....t patriotiques du véritable Père Duchesne*, 74-е lettre.

⁴⁾ *Révolutions de France et des royaumes* и т. д. № 75.

ставлялъ фальшивые декреты, чтобы имѣть поводъ къ избіенію патріотовъ. Клянитесь ему во всемъ, чего онъ захочетъ, пока не придетъ минута всадить ему въ сердце штыкъ»¹⁾. И эти рѣчи изувѣра находили твердую почву въ совокупныхъ злобныхъ выходкахъ Фрерона, Андруэна, Прюдома и Камилла Демулена. Какъ могла популярность Лафайета не потерять вскорѣ столько же въ силѣ, сколько она, казалось, приобрѣла на минуту въ блескѣ? Вскорѣ по своемъ возстановленіи въ должности, онъ, по соглашенію съ членами муниципальнаго совѣта, раскассировалъ роту гренадеровъ округа *Oratoire*, виновной въ его глазахъ тѣмъ, что 18-го апрѣля она поддержала сопротивленіе народа: этотъ его поступокъ былъ выставленъ на видъ, какъ поступокъ тирана. Раскассированная рота была какъ разъ та самая, которая взяла Бастилію! Въ виду поднявшагося уже въ предмѣстьяхъ рева, ее пришлось возстановить; но такъ какъ четырнадцать гренадеровъ были изъяты изъ этой возстановляющей чести мѣры, то вопли продолжались. Секція округа *Oratoire* постановила возбудить дѣло о четырнадцати солдатахъ, незаконно наказанныхъ исключеніемъ изъ роты, а впредь до дня суда выдавать имъ по 30 су въ день²⁾. Все это были удары по Лафайету. Начались отпаденія. Баталіонъ округа *Saint-Nicolas-Champs*, первый принявшій присягу въ слѣпомъ повиновеніи, былъ прозванъ, въ видѣ насмѣшки, *баталіономъ слѣпыхъ*³⁾. Баталіонъ округа *Saint-Roch* отрекся отъ присяги, сжегъ присяжные списки и устроилъ вокругъ костра пляску⁴⁾.

¹⁾ *L'Ami du peuple*, n° 444.

²⁾ *Révolutions de France et des royaumes* и т. д. № 77.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibidem*.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА I.

Появление Робеспьера.

Робеспьеръ.—Въ какую минуту онъ появляется.—Какъ буржуазія отдѣляется отъ народа: организація національной гвардіи; протестъ Робеспьера.—Его вмѣшательство въ пренія о правахъ петиціи и афишированія.—Соперничество клуба якобинцевъ съ Собраніемъ; возрастающее вліяніе Робеспьера въ клубѣ якобинцевъ.—Робеспьеръ домогается изданія декрета о томъ, что члены Собранія не будутъ избраны вновь; сильная досада Туре, Ле Шампелье, Демёнье и всей конституціонной партіи.—Грустная рѣчь Дюпора; онъ заявляетъ, что *Революція завершилась*.—Робеспьеръ и Дюпоръ вступаютъ въ соглашеніе, съ цѣлью потребовать отміны смертной казни, но это оказывается тщетнымъ.—Замѣчательная статья автора *lettres b.....t patriotiques* объ отміны смертной казни.—Онъ клевететь на народъ.—Народный ораторъ и Казалёсъ на террасѣ фельянтинцевъ.—Аббатъ Рейналь.—Пренія по вопросу объ увольненіи офцеровъ; Робеспьеръ одинокъ въ Собраніи.—Насколько онъ былъ популяренъ.—Дюпоръ, назначенный предсѣдателемъ уголовного суда, уже отказывается въ виду того, что общественнымъ обвинителемъ назначенъ Робеспьеръ.—Выступленіе Камилла Демулена противъ Дюпора.—Коалиціи рабочихъ.—Робеспьеръ становится героемъ данной минуты.

Въ минуту, когда сходитъ со сцены Мирабо, появляется на ней Робеспьеръ.

Дѣйствительно, въ наполняющихъ май мѣсяцъ большихъ парламентскихъ преніяхъ мы увидимъ, какъ онъ импонируетъ своимъ противникамъ, отодвигаетъ на задній планъ своихъ послѣдователей, сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе общественнаго мнѣнія и уже занимаетъ первенствующее положеніе въ Собраніи, которое то раздражается, то изумляется при видѣ силы, которой оно въ немъ и не подозрѣвало.

Бывало, что въ то время, когда Робеспьеръ, выпрямившись въ своемъ оливковомъ фракѣ, смотря неподвижнымъ взоромъ, съ нахмуреннымъ лбомъ, рѣвкимъ голосомъ, сопровождая свои

веть въ жалкой квартирѣ на улицѣ Сэнтонжъ, при чемъ половину этой квартиры занимаетъ и оплачиваетъ товарищъ его юности¹⁾; онъ тратитъ на ѣду едва 30 су²⁾, ходитъ по своимъ дѣламъ пѣшкомъ³⁾, а на свое депутатское вознагражденіе, изъ котораго онъ съ любовью удѣляетъ часть на ренту сестрѣ, онъ не всегда бываетъ въ состояніи купить себѣ платье⁴⁾.

Бываютъ, однако, несовершенства, къ которымъ мы, по несовершенству нашей природы, относимся съ сочувствіемъ, бываютъ слабости, которыя вызываютъ обожаніе; вотъ этого-то и нѣтъ въ Робеспьерѣ. Душа его окутана чѣмъ-то непроницаемымъ. Добродѣтель его, подобно больному свѣтилу, блеститъ, не давая лучей. Даже на такихъ устахъ, которыя открываются обыкновенно только для превознесенія его, его присутствіе, кажется, останавливаетъ легковѣсныя похвалы и всякую фамильярную улыбку. Когда онъ говоритъ о милосердіи, онъ внушаетъ страхъ.

Между тѣмъ въ Аррасѣ, гдѣ онъ родился, онъ проявлялъ въ дѣтствѣ—какъ увѣряютъ—много ласковости и очаровательныхъ склонностей. Хотя уже и въ ту пору онъ обнаруживалъ склонность къ серьезному размышленію, однако, еще смѣялся тогда непринужденнымъ смѣхомъ и иногда даже до слезъ⁵⁾; въ то время республикой его былъ птичій дворъ; рано оставшись сиротою, онъ нѣжно любилъ своего брата, боготворилъ своихъ сестеръ; слѣдующее мѣсто въ его привязанностяхъ занимали его милыя птицы⁶⁾. Позже, по выходѣ изъ коллежа Louis-le-Grand, куда онъ поступилъ по протекціи аббата Сень-Вааста и гдѣ сотоварищемъ его былъ Камилль Демулень, онъ, будучи уже молодымъ человѣкомъ, сталъ предаваться мечтамъ о любви и писать любовные стихи; онъ вступилъ въ общество *Rosatis*⁷⁾,

¹⁾ *Mémoires de Charlotte de Robespierre sus ses deux frères*, p. 413 продолженія II тома *Œuvres de Maximilien Robespierre*, par Lapouge. Paris, 1840.

²⁾ *Révolutions de France et des royaumes*, № 78.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ Относительно чернаго фрака, который Робеспьеръ былъ вынужденъ *взять напрокатъ*, чтобы быть въ траурѣ по случаю смерти Франклина, см. *Histoire de la Révolution*, par Michelet, t. II, ch. VI, p. 232.

⁵⁾ *Mémoires de Charlotte de Robespierre*, p. 399, *ubi supra*.

⁶⁾ Этотъ анекдотъ пространно изложенъ въ мемуарахъ его сестры, p. 391.

⁷⁾ Названіе членовъ литературнаго общества *Rosati*, основаннаго въ 1778 г. въ Аррасѣ юнымъ поэтомъ Ле Гэ и просуществовавшаго до револю-

воспѣвалъ легкомысленнаго пѣвца *Vert-Vert*¹⁾ достойнымъ своего героя тономъ и былъ награждаемъ академическими вѣнками въ своей провинціи. Что сказать о немъ еще? Онъ испыталъ сильную и наивную скорбь изъ-за дѣвицы Дезорти, которая поклялась ему никогда не принадлежать никому, кромѣ него, но нарушила эту клятву въ его отсутствіе²⁾.

Да, таковъ былъ Робеспьеръ ребенкомъ, таковъ молодымъ человѣкомъ. Но пришла революція, захватила его и передѣлала соотвѣтственно той надобности, которую имѣла въ немъ; и вотъ онъ сталъ холоднымъ принципомъ, статуей права, статуей мыслящею, но мраморною. Онъ, однако, любить человѣчество, любить съ холодною восторженностью, любить до того, что хочетъ умереть за него, весь покрывшись позоромъ. Но чувство его сосредоточилось отнынѣ въ головѣ: только тамъ будетъ разыгрываться драма его самоотверженія; не кладите руки на его сердце—вы не ощутите въ немъ бѣнія жизни! Ибо сердцу свойственно отзываться на видимыя слезы, на слышимыя стоны, на кровоточащія раны, которыя можно оцупать; отвлеченныхъ же привязанностей сердце не вѣдаетъ, оно не мыслитель и неспособно дѣлать обобщенія. А Робеспьеръ, стоя на развалинахъ, будетъ внимать вошлю человѣческихъ страданій сквозь время и пространство, обнимая эти страданія въ ихъ темной совокупности, въ ихъ спутанной массѣ. Поэтому онъ и будетъ понять только сбившимися въ кучу толпами, и тогда какъ онѣ инстинктивно обратятъ его въ своего кумира, каждый человѣкъ въ отдѣльности отойдетъ всторону отъ этого могучаго и несчастнаго, отталкивающаго и искренняго существа. Приверженцы у него будутъ, но друзей не будутъ!

ціи. Собирались періодически въ мѣстности, гдѣ было много розъ (откуда и названіе), члены общества вели бесѣды объ искусствѣ и поэзіи, читали свои импровизаціи и предавались веселью. Общество вскорѣ привлекло въ свою среду почти всѣхъ литераторовъ и юмористовъ сѣверной Франціи. (*Переводч.*)

¹⁾ *Vert-Vert*—юмористическая поэма Гресса (1734 г.). Въ ней рассказаны похождения попугая, научившагося во время перевозки моремъ разнымъ лическимъ выраженіямъ, перенятымъ имъ отъ драгунъ, двухъ нимфъ и толстаго монаха. Въ монастырѣ, куда его привезли, онъ наводитъ на всѣхъ ужасъ своими выходками. Монахи передаютъ его суду, который приговариваетъ попугая къ заточенію и посту, а когда онъ оказывается исправившимся, его награждаютъ такою обильною пищею, что онъ, объѣвшись, околѣваетъ. Поэма эта имѣла въ свое время блестящій успѣхъ. (*Переводч.*)

²⁾ *Mémoires de Charlotte de Robespierre*, p. 401.

Доказательствомъ того, что положеніе дѣлъ создаетъ нуж- ные ему орудія, является то, что вліяніе Робеспьера проявилось именно въ ту минуту, когда Собраніе, принеся идею *права* въ жертву идеѣ *привилегіи*, старалось организаціею національной гвардіи окончательно закрѣпить такъ несправедливо устано- вленное различіе между *активными* и *неактивными гражданами*.

Конституціонная комиссія выработала на этотъ счетъ про- странный проектъ, представленіе доклада о которомъ поручено было Рабо Сентъ-Этьену. Но Маратъ, не дожидаясь доклада, забилъ тревогу. «Они—писалъ онъ—начали съ того, что временно исключили изъ національной гвардіи недостаточные классы, т. е. $\frac{7}{10}$ народа¹⁾.—Первыя шесть статей обращаютъ гражданъ и ихъ сыновей въ солдатъ законодательнаго корпуса, слѣдова- тельно въ солдатъ монарха, а не отечества²⁾.—Какова ихъ цѣль? Вооружить богатыхъ противъ бѣдняковъ, оставленныхъ безъ оружія³⁾.—Хотя статьею XVI допускаются роты по 102 чело- вѣка въ большихъ городахъ, а статьею IV число ихъ опредѣ- ляется въ 54, однако условія, требуемыя статьями XIV, XV и XXIV число это неизбѣжно уменьшается до 45; а такъ какъ въ каждой ротѣ числятся одинъ капитанъ, одинъ поручикъ, два подпоручика, два сержанта и четыре капрала, то число офи- церовъ составитъ четверть гражданской арміи—явленіе, примѣра которому нѣтъ ни въ одномъ войскѣ цѣлаго міра и которое имѣетъ цѣлью поработить солдатъ офицерамъ, всегда продавав- шимся своимъ начальникамъ, какъ эти начальники продались двору⁴⁾. Статья XIX присвоиваетъ національнымъ гвардейцамъ право избирать своихъ офицеровъ; но почему статья XXII пре- доставляетъ капитанамъ, поручикамъ и подпоручикамъ наиме- нованіе членовъ *баталіонныхъ штабовъ*? Почему только одни они призваны выбирать членовъ *легионныхъ штабовъ*? И почему офицеровъ главнаго штаба⁵⁾? По статьѣ XXVIII, на лѣвой сторонѣ мундира, на груди, будетъ находиться красный медальонъ съ кругообразно написанными бѣлою краскою словами: *Конститу- ція, Свобода, Равенство*, а посрединѣ слово: *Бдите!* Но въдѣ

¹⁾ *L'Ami du peuple*, № 428.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibidem*, № 429.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *Ibidem*.

конституція убила свободу»¹⁾. Эти, приведенныя нами вкратцѣ, критическія замѣчанія Марать дополнилъ картиною, которую считалъ наиболѣе пригодною для того, чтобы отвратить гражданъ отъ службы въ національной гвардіи. Ихъ—говорилъ онъ—замучать ночью службой и утомительной работой! Пусть они готовятся къ жизни каторжниковъ, пусть будутъ увѣрены, что отъ строгихъ наказаній имъ не уйти! И, кромѣ того, нечего сказать, велика честь служить щитомъ для нѣмецкихъ гусаръ и конной полицейской стражи! Выводъ дѣлался тотъ, что гражданамъ слѣдуетъ отказаться отъ записи въ національную гвардію, что слѣдуетъ уничтожить всякаго рода организацію этой гвардіи, что настоятельно необходимо вооружить всѣхъ гражданъ безъ различія, и что, если только станутъ угрожать свободѣ, остается лишь бросить ихъ на враговъ²⁾.

Рабо представилъ свой докладъ 27 апрѣля и Робеспьеръ тотчасъ же потребовалъ слова. Съ гораздо меньшею горячностью, чѣмъ Марать, онъ, подобно ему, прямо обратился къ самой сущности вещей. Онъ указалъ на то, какъ необходимо не допускать, чтобы національные гвардейцы образовали военную касту и усвоили корпоративный духъ, отъ котораго рано или поздно застонетъ свобода. Онъ доказалъ, что въ высшей степени важно слить должность солдата и гражданина, чего нельзя достигнуть иначе, какъ сокративъ число офицеровъ, назначая ихъ на ограниченное время, сосредоточивъ командованіе въ районѣ округа и ограничивъ внѣшніе знаки чиновъ требованіями службы. Онъ возсталъ противъ злоупотребленія военными знаками отличія, которые свыше мѣры возбуждаютъ тщеславіе однихъ, унижаютъ другихъ, опошливаютъ народъ, понижаютъ національный характеръ и придаютъ смѣлость тиранамъ. Но истинное краснорѣчіе онъ проявилъ тогда, когда сталъ развивать свое требованіе, чтобы каждый имѣющій осѣдность гражданинъ имѣлъ право входить въ составъ національной гвардіи. «Развѣ тѣ,—говорилъ онъ,—кто не уплачиваетъ извѣстныхъ податей, являются рабами? Развѣ они не заинтересованы въ общественномъ дѣлѣ? Всѣ они содѣйствовали избранію членовъ Національнаго Собранія; они предоставили вамъ осуществлять за нихъ права: развѣ они поручили вамъ осуществлять права противъ нихъ? Граждане

¹⁾ *L'Ami du peuple*, № 429.

²⁾ *Ibidem*.

по преимуществу курила еиміамъ уличная толпа, были теперь Петіонъ и Робеспьеръ¹⁾—особенно Робеспьеръ. Въ клубѣ якобинцевъ вліяніе послѣдняго возростало со дня на день; это возбуждало въ Ламетахъ зависть, которая въ глубокой душѣ Дюпора не замедлила перейти въ ненависть, и насмѣшливая улыбка, которая такъ часто вызывала появленіе Робеспьера на трибунѣ, смѣнилась на устахъ проникнутаго самолюбіемъ Барнава порывами глухой злобы.

Злобу эту раздѣляли Демёнъ, Ле Шапелье и всѣ патриоты, взятыя теперь подъ подозрѣніе, но они меньше старались замаскировать ее: они рѣшили добратся до Робеспьера чрезъ клубы, въ которыхъ онъ почерпалъ большую часть своего вліянія.

Въ обычаѣ клубовъ были два средства дѣйствія, которыми они и пользовались съ грознымъ успѣхомъ: право петицій и право афишированія. Сломить въ ихъ рукахъ это двойное оружіе было нельзя, но ничего не было легче, какъ притупить его; для этого стоило только постановить декретомъ, что право петицій не можетъ быть впредь осуществляемо коллективно, а правомъ афишированія можетъ пользоваться только общество чрезъ правительство, которое является его представителемъ.

Такое направленіе дѣла и было принято. 9-го мая, въ отвѣтъ на требованіе управленія, вызванное, по всей видимости, умышленно, Ле Шапелье внесъ отъ имени конституціонной комиссіи докладъ, заключенія котораго сводились къ слѣдующему:

- 1) признать право петицій только за *активными гражданами*;
- 2) объявить, что право петицій имѣетъ характеръ индивидуальный и, слѣдовательно, оно не можетъ быть осуществляемо коллективно никакимъ собраніемъ или ассоціаціей гражданъ;
- 3) предоставить право афишированія исключительно только власти, въ силу того соображенія, что публичныя мѣста составляютъ общественную собственность²⁾.

Робеспьеру не трудно было доказать, какъ отвратительно запрещать *неактивнымъ гражданамъ* или, скорѣе, тѣмъ изъ гражданъ, которымъ совершенно произвольно присваивалось это наименованіе, пользоваться такимъ естественнымъ, такимъ священнымъ правомъ, какъ право подачи петицій. «Я особенно

¹⁾ *Révolution de France et des royaumes*, № 78.

²⁾ См. *Histoire parlementaire de la Révolution*, t. X, p. 1—5.

буду защищать наиболѣе бѣдныхъ, сказалъ онъ.—Чѣмъ чловѣкъ несчастнѣе и слабѣе, тѣмъ больше пуждается онъ въ правѣ петицій. А вы отнимаете его именно у слабыхъ и бѣдныхъ! Богъ пріемлетъ просьбы не только отъ несчастныхъ, но и отъ виновныхъ»¹⁾. По второму изъ поставленныхъ въ докладѣ комиссіи вопросовъ онъ сказалъ: «Всякое общество, имѣющее признанное закономъ право существовать, имѣетъ право дѣйствовать, какъ собраніе существъ разумныхъ, могущихъ опубликовывать свое общее мнѣніе и открыто выражать свои желанія»²⁾. Робеспьера поддержали аббатъ Грегуаръ и Бюзо. «Оставить право петицій только за отдѣльными лицами, — воскликнулъ послѣдній,—это значитъ оправдать его. Подождите, пока деспотизмъ станетъ силенъ: кто посмѣетъ тогда первымъ подписать смѣлую петицію? Горе этому первому подписавшему!»³⁾.

Не менѣе горяча была оппозиція и въ печати. Камилль Демуленъ разразился такою вспышкой: «Хитрый Ле Шапелъ утверждаетъ, будто и право личной самообороны тоже индивидуальное право: значитъ, всѣ не могутъ сплываться воедино, чтобы предстать передъ непріятелемъ въ болѣе внушительномъ видѣ? Жалкій крючоктворъ!»⁴⁾.

Подъ конецъ, послѣ продолжительныхъ преній, почти всю тяжесть которыхъ вынесъ на себѣ Робеспьеръ, было декретировано:

что всякій подающій петицію обязанъ подписать ее;

что никакое объявленіе не можетъ впредь быть афишируемо отъ коллективнаго имени и что граждане, причастные къ объявленію, должны подписать его⁵⁾.

Мы видимъ, что предназначенный клубамъ ударъ постигъ ихъ; но, по крайней мѣрѣ, право подачи петицій не было отнято у бѣднѣйшихъ гражданъ, а право афишированія—вопреки предложенію конституціонной комиссіи, выраженному ею черезъ докладчика — не становилось силою, которою могла бы пользоваться только власть. Честь же этой двойной побѣды принадлежала болѣе, чѣмъ кому-нибудь другому, Робеспьеру и популярность его отъ этого увеличилась. Камилль Демуленъ съ удо-

¹⁾ *Histoire parlementaire de la Révolution*, t. X, p. 5.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Révolutions de France et des royaumes*, и т. д., № 76.

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ *Histoire parlementaire de la Révolution*, t. X, p. 12—22.

и Барнава, и уже совсѣмъ готовые беззавѣтно отдаться Робеспьеру, естественно были заинтересованы въ томъ, чтобы Собраніе въ тогдашнемъ своемъ составѣ уступило мѣсто совершенно новому Собранію. Желаніе удалить со сцены людей, вліяніе которыхъ стало для якобинцевъ подозрительнымъ или ненавистнымъ, надежда измѣнить по-своему конституцію, когда для ея защиты и сохраненія уже не будетъ налицо тѣхъ людей, созданіемъ которыхъ она была, увѣренность, что движеніе революціи ускорится, если ее вырвать изъ утомившихся рукъ— вотъ каковы были мотивы якобинцевъ. И на этомъ пути сошлись всѣ новые люди, которыхъ нарождавшаяся популярность намѣтила для заполнения подлежащихъ очисткѣ мѣстъ.

Но не того хотѣли—что, впрочемъ, понятно—тѣ лица, которыя законодательнымъ путемъ начинали революцію, ея ветераны, авторы конституціоннаго договора, признанные представители побѣдоносной буржуазіи—всѣ эти Туре, Демёнъ, Ле Шапелле, Балли. Ни самъ Дюпоръ, ни Барнавъ, ни Ламеты, которые такъ долго фигурировали на крайней лѣвой, не могли раздѣлять это мнѣніе, съ тѣхъ поръ, какъ поняли, что клубъ якобинцевъ ускользаетъ отъ нихъ. Такъ какъ имъ грозила утрата ихъ вліянія на толпу, то они съ тѣмъ большею горячностью должны были дорожить сохраненіемъ своей парламентской позиціи.

Оставалось меньшинство Собранія—дворяне и духовенство. Склонятся ли они въ этомъ рѣшительномъ вопросѣ на сторону якобинцевъ или на сторону конституціоналистовъ? Они склонились на сторону якобинцевъ—оттого ли, что рассчитывали одолѣть ихъ, когда другіе будутъ низвергнуты¹⁾, или же потому, что, на ихъ взглядъ, лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы столкнуть революцію въ пропасть, было—толкать ее впередъ²⁾.

Таково было настроеніе умовъ, когда 15-го мая Робеспьеръ произнесъ въ Собраніи слѣдующія торжественныя слова: «Я требую слѣдующаго декрета: члены настоящаго Собранія не могутъ быть избраны вновь въ будущее законодательное собраніе». Со всѣхъ концовъ зала раздались привѣтственные

¹⁾ Таково мнѣніе, высказываемое Ферьеромъ. См. его *Mémoires*, t. II, liv. IX, p. 289.

²⁾ Мнѣніе это выражено аббатомъ *Montgaillard*. См. его *Histoire de France*, t. II, p. 334.

клики¹⁾. Ранѣе онъ уже добился принятія декрета о томъ, что ни одинъ членъ Собранія не можетъ быть назначенъ министромъ въ теченіе четырехъ лѣтъ со времени прекращенія его законодательной функціи²⁾; теперь же онъ потребовалъ гораздо большаго!

Позволительно было предположить, что въ этомъ Робеспьеръ дѣйствовалъ по внушенію личнаго интереса, потому что онъ былъ вполне увѣренъ, что, лишившись трибуны въ Собраніи, онъ найдетъ другую, не менѣе громкую, въ клубѣ якобинцевъ; и если, при такомъ условіи, кому либо было легко проявить равнодушіе къ своимъ интересамъ, то именно ему. Однако, справедливость требуетъ признать, что въ подкрѣпленіе своего предложенія онъ привелъ такія соображенія, величіе и благородство которыхъ исходили, повидимому, изъ глубины его самыхъ возвышенныхъ убѣжденій.

Надо было отклонить первое возраженіе: при составленіи слѣдующаго законодательнаго собранія изъ совершенно новыхъ людей, можно ли разсчитывать, что найдется достаточное число законодателей, которые по заслугамъ, ясности ума и опытности могли бы идти въ сравненіе съ тѣми, которые были въ первый разъ облечены общественнымъ довѣріемъ и оправдали его,— по крайней мѣрѣ, въ столь многихъ отношеніяхъ? Робеспьеръ отвѣчалъ на это:

Наши труды и наши успѣхи даютъ намъ право вѣрить, что нація въ 25 милліоновъ человѣкъ не низведена до невозможности найти 720 человѣкъ, достойныхъ принять и сохранить ввѣренныя имъ народомъ права... Я думаю, впрочемъ, что конституція вышла вовсе не изъ головы того или другого оратора, а изъ лона самого общественнаго мнѣнія, которое намъ предшествовало и поддерживало насъ». И онъ доказалъ, что Собраніе было, въ концѣ концовъ, не болѣе, какъ внушительнымъ отголоскомъ націи.

Перейдя затѣмъ къ разсужденіямъ тѣхъ ораторовъ, которые признавали необходимымъ, чтобы нынѣшнее Собраніе, сходя со сцены, завѣщало слѣдующимъ Собраніямъ руководящія начала, Робеспьеръ повелъ рѣчи, очень поразительныя въ человѣкѣ, котораго впоследствии винили въ диктатурѣ:

¹⁾ *Histoire parlementaire de la Révolution*, t. X. p. 25.

²⁾ Декретъ отъ 7 апрѣля 1791 г.

«Я нисколько не вѣрю въ пользу этихъ, якобы, руководящихъ началъ, сказалъ онъ. Когда имъ удастся обуздать пренія, отъ національнаго представительства остается лишь призракъ. Тогда осуществляются словаThemistocles, который, указывая на своего сына, говорилъ: «Вотъ кто править Греціей: этотъ малышъ править своею матерью, его мать править мною, я правлю аѳинянами, а аѳиняне правятъ Греціей». Итакъ, двадцатипятимилліонная нація была бы управляема представительнымъ Собраніемъ, а это Собрание — небольшимъ числомъ ловкихъ ораторовъ; а кто же управлялъ бы иногда ораторами? Я не рѣшаюсь сказать это... Я отнюдь не люблю этой новой науки, которую называютъ тактикою большихъ Собраній: она слишкомъ похожа на интригу... Я не люблю, чтобы ловкіе люди могли, господствуя при помощи этихъ способовъ надъ Собраніемъ, готовить свое господство надъ другимъ Собраніемъ и, такимъ образомъ, увѣковѣчивали систему коалиціи, которая является бичомъ свободы. Я питаю довѣріе къ представителямъ, которые, не имѣя возможности распространить свои честолюбивые замыслы за предѣлы двухъ лѣтъ, будутъ вынуждены ограничить свое честолюбіе славою служенія человечеству и своей родинѣ».

Но заранѣе возбранять избирателямъ тотъ или другой выборъ не значило ли насиловать ихъ свободу? Не значило ли это покушаться на верховную власть народа? Это возраженіе было серьезно, оно затрогивало одинъ изъ принятыхъ Робеспьеромъ принциповъ: онъ опровергъ его въ слѣдующихъ словахъ:

«Какъ! устанавливать формы, вводить правила, необходимыя для того, чтобы выборы были полезны свободѣ, значитъ насиловать свободу? Развѣ не усвоенъ этотъ обычай всѣми свободными народами? Особенно, развѣ они не возбрали переизбранія въ важныя должности, съ цѣлью не допускать того, чтобы честолюбцы не засиживались подъ этимъ предлогомъ навсегда, помощью ли интриги, или привычки, или благодущія народовъ?.. Всякое несправедливое ограниченіе, противное правамъ человека и не клонящееся на пользу человечества, является покушеніемъ на свободу народа; но всякая предосторожность, которую сама сущность вещей повелѣваетъ принять противъ происковъ, противъ злоупотребленій властью представителей, предписывается самою любовью къ свободѣ. Притомъ, не именемъ

ли народа вы пишете законы? Выдавать ваши декреты за законы, будто бы диктуемые государями подданнымъ, значить разсуждать плохо. Законы выносить сама нація чрезъ своихъ представителей. Если они справедливы и соотвѣтствуютъ правамъ всѣхъ, они всегда законны. А кто же можетъ сомнѣваться въ томъ, что нація имѣетъ право выработать правила, которыхъ она будетъ держаться на выборахъ, чтобы оградить самое себя отъ ошибки и неожиданности?»

Въ заключеніе, онъ сказалъ: «Побѣдоносные, но усталые атлеты, предоставимъ поприще свѣжимъ и сильнымъ борцамъ, которые постараются идти по нашимъ стопамъ подъ взорами внимательной націи и которыхъ уже одни наши взоры не допустить измѣнить своей славѣ и отечеству. Что касается насъ, то виѣ Собранія мы лучше послужимъ нашей странѣ. Разсѣявшись по всѣмъ частямъ родины, мы просвѣтимъ тѣхъ изъ нашихъ согражданъ, которые нуждаются въ свѣтѣ; мы распространимъ общественный духъ, любовь къ миру, порядку, законамъ и свободѣ»¹⁾.

Слова эти подѣйствовали рѣшающимъ образомъ. Правая сторона рукоплескала; лѣвая не посмѣла отвергнуть сдѣланнаго какъ бы къ ея безкорыстію призыва. Сколько ни протестовали Туре и конституціоналисты противъ внезапнаго сближенія двухъ крайнихъ партій Собранія; сколько ни требовали Ревбель и Ле Шалелье, чтобы ихъ, по крайней мѣрѣ, выслушали; сколько ни восклицалъ Бомэсъ (Beaumeset): «Я знаю, что составленъ былъ проектъ сорвать эти пренія разомъ»²⁾, — толчокъ былъ данъ. Собраніе было взято за его слабую струнку—страсть къ похваламъ: колеблясь передъ славою своего самоубійства, оно боялось опозориться. Оно постановило напечатать рѣчь Робеспьера и съ восторгомъ приняло заключенія, сводившія его живымъ въ могилу.

17-го мая обсужденію былъ подвергнутъ вопросъ о томъ, на всѣ ли послѣдующія законодательныя собранія будетъ распространяться дѣйствіе принятаго рѣшенія. Дюпоръ, погрузившійся было въ горестное молчаніе, не смогъ больше сдерживаться. Въ рѣчи, полной горечи, упадка духа и волненія, онъ сталъ жаловаться на то, что начинается злоупотребленіе *принципами*.

¹⁾ *Histoire parlementaire de la Révolution*, t. X, p. 27, 33.

²⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. IX, p. 290.

Онъ сознался, что его страшить столь порывистый, быстрый ходъ революціи впередъ. Онъ указалъ на рабство, какъ на неизбежную развязку драмы, разыгрываемой преувеличенными поклонниками свободы. Онъ утверждалъ, что если слѣдовало разрушать, то давно пора приступить и къ перестройкѣ. Наконецъ, онъ произнесъ слѣдующія слова, которыя въ его устахъ звучали мужественно, но опровергались всѣми событіями и всѣми умами: *Революція завершилась!*

Какъ! революція завершилась, когда дворяне и духовенство вели противъ нея заговоръ на всемъ пространствѣ Франціи; когда ей измѣнялъ король; когда вся Европа становилась подъ ружье, чтобы задавить ее; когда одержанная надъ феодальнымъ строемъ побѣда казалась одержанною еще только къ выгодѣ буржуазіи; когда политическія привилегіи рожденія были замѣщены привилегіями богатства; когда къ разрѣшенію задачи труда и законнаго распредѣленія его плодовъ не было даже приступлено; когда для тысячъ человѣческихъ существъ еще существовало рабство невѣжества и голода! Нѣтъ, нѣтъ, революція еще не была завершена!.. Вѣтры были разнузданы, воли яростно вздымались... доплывутъ ли люди до пристани? Увы, это было едва ли вѣроятно! Но достовѣрно было то, что въ ту пору не было руки, способной бросить якорь.

Въ эпохи величайшихъ историческихъ волненій наблюдается какое то заблужденіе, общее всѣмъ людямъ, даже наиболѣе сильнымъ и устойчивымъ: наступаетъ минута, когда ихъ одолеваетъ усталость, и тогда они, чтобы не сознаться въ томъ передъ собою, мѣрятъ все соотвѣтственно своему утомленію. Такъ случилось и съ Дюпоромъ—этимъ смѣлымъ вожакомъ парламентской оппозиціи, потомъ побѣдоноснымъ противникомъ старой магистратуры, потомъ учредителемъ клуба якобинцевъ и организаторомъ народной тревоги. Послѣ столь широкой дѣятельности онъ хотѣлъ отдохнуть и говорилъ теперь: Остановимся! Чтобы раздавить его, Робеспьеру стоило только сказать: «Идемъ, попрежнему, впередъ!»

Вышло, впрочемъ, такъ, что, прежде чѣмъ разойтись навсегда, эти два человѣка сошлись на одной великой, благородной мысли.

Читатель-мыслитель, бывали ли вы—случайно или изъ мрачнаго любопытства—на Гревской площади въ Парижѣ въ часы совершенія казней? Какое ужасное зрѣлище! Тутъ общество, во всеоружіи своей силы, готовится сразить одинокаго человѣка.

Этотъ слабосильный врагъ стоитъ передъ нимъ въ оковахъ, блѣдный и дрожащій; отнынѣ онъ поставленъ въ невозможность наносить вредъ: нужды нѣтъ! общество поступаетъ такъ, какъ будто боится его, и, олицетворяясь въ профессиональномъ убійцѣ, котораго само же оно признаетъ отбросомъ челоѳчества, оно хватаетъ преступника, волочитъ его на эшафотъ, толкуетъ ему о Богѣ и милосердіи и отрубаетъ ему голову. Вокругъ эшафота—громадная толпа; зачѣмъ она явилась сюда? поучаться примѣромъ? Нѣтъ, она пришла насладиться даровымъ зрѣлищемъ. Въ толпѣ смѣются, шутятъ, бесѣдуютъ о томъ, хорошо или дурно держитъ себя преступникъ, любятъ ловкостью палача. Выходящія на площадь окна переполнены изячно одѣтыми женщинами: онѣ смакують возбужденіе, въ которомъ, по ихъ увѣреніямъ, нервы ихъ чувствуютъ съ нѣкоторыхъ поръ потребность. Такъ какъ вслѣдствіе густоты толпы воровство становится легче, то случаемъ этимъ пользуются поспѣшно сбѣжавшіеся воры. Но вотъ дѣло кончено; окровавленную голову подбираютъ, трупъ увозятъ; народъ уходитъ въ одну сторону, палачъ въ другую, и, расходясь, они могли бы сказать другъ другу: До свиданія! потому что публично исповѣдуемое презрѣніе къ челоѳческой жизни непременно ожесточаетъ нравы. Куда ты дѣнешь эту кровь, общество? Ты хочешь выпить ее?—Карать убійство такимъ образомъ—значитъ обучать ему!

Сохранить или нѣтъ смертную казнь въ новомъ уголовномъ уставѣ? Вотъ что предлагалъ рѣшить докладъ, внесенный Лепельте Сенъ-Фаржѣ отъ имени конституціонной и уголовно-законодательной комиссіи. 30-го мая начались пренія.

Въ сочиненіи, представленномъ на конкурсъ и увѣнчанномъ мецскимъ Обществомъ наукъ и искусствъ, Робеспьеръ—когда былъ еще совсѣмъ молодымъ—старался доказать, что позоръ преступленія не долженъ переноситься съ отца на сына¹⁾, и съ тѣхъ поръ принципъ этотъ вошелъ въ новое законодательство: 30-го мая Прюньонъ, услышавъ, что смертная казнь подвергается спору, воскликнулъ:

«Вы устранили позоръ, составлявшій часть этой кары; преступникъ—если онъ отецъ—уже не передастъ своего позора въ наслѣдіе дѣтямъ. Но если вы упраздните и смерть, и позоръ, то какая же узда останется въ вашемъ распоряженіи?»

¹⁾ *Notice historique sur Maximilien Robespierre, par le citoyen Laponneraye, p. 9. Paris, 1834.*

Ему отвѣчалъ Робеспьеръ—и отвѣчалъ превосходно:

«Какъ! побѣдителя, предававшаго смерти своихъ плѣнныхъ враговъ, называютъ варваромъ! Человѣка, который, имѣя возможность обезоружить ребенка, убивалъ его, считаютъ чудовищемъ! И общество не понимаетъ, что передъ нимъ преступникъ слабѣе, чѣмъ ребенокъ передъ зрѣлымъ человѣкомъ! Чѣмъ же, какъ не официальными убійствами, совершаемыми хладнокровно, медленно, съ произнесеніемъ извѣстныхъ сакраментальныхъ формулъ, да еще цѣлыми націями, являются эти сцены смерти, устраиваемыя съ такой торжественной обстановкой? Что въ глазахъ какого-нибудь Тиверія восхваленіе Брута являлось преступленіемъ, заслуживающимъ смерти, что какой-нибудь Калигула жаждалъ крови всякаго, рѣшившагося раздѣться въ присутствіи его изображенія—это понятно: убивать—пріемъ, достойный тирановъ; но какое оскорбленіе для свободы поддерживать этою цѣной ея сохраненіе и благополучіе! Говорятъ, смертная казнь необходима. Необходима? А отчего же столь многіе народы могли обходиться безъ нея? И отчего народы эти были именно наиболѣе свободными, наиболѣе счастливыми? И отчего преступленія всегда встрѣчаются рѣже тамъ, гдѣ народъ не привыкъ видѣть отсѣченія головъ и вдыхать опьяняющій запахъ крови? Развѣ неизвѣстно, какъ мягки были нравы въ греческихъ республикахъ и какими они стали въ Римѣ послѣ отмѣны *закономъ Порція* жестокихъ наказаній, установленныхъ царями и децемвирами? Кто хочетъ найти отвратительныя казни, пусть обратится къ Японіи... но и тамъ мы увидимъ преступленія, вызывающія содроганіе и безусловно неукротимую жестокость, какъ послѣдствіе варварства законовъ. Идея убійства внушаетъ гораздо менѣе ужаса, когда самъ законъ даетъ ему примѣръ и совершаетъ его въ видѣ зрѣлица, и ужасъ передъ преступленіемъ уменьшается, когда законъ караетъ его не иначе, какъ другимъ преступленіемъ. Притомъ, развѣ судьи стоятъ выше ошибокъ? Если они не могутъ назвать себя *непогрѣшимыми*, то по какому праву они назначаютъ *непоправимое* наказаніе? Убить человѣка! Да подумали ли о томъ, что это значитъ убить его возможное возвращеніе на путь добродѣтели, убить искупленіе вины и—какая гнусность!—убить раскаяніе»¹⁾).

¹⁾ Текстъ этой рѣчи воспроизведенъ *in extenso* въ *Histoire parlementaire*, t. X, p. 66, 71.

Эти краснорѣчиво развитыя Робеспьеромъ и поддержанныя Петіономъ соображенія нуждались только въ дополненія; и вотъ на слѣдующій день, 31-го мая, на трибуну вошелъ, въ свою очередь, Дюпоръ.

Съ неменьшимъ краснорѣчіемъ и съ еще большею глубиной онъ доказалъ, что смертная казнь далеко не обладаетъ тою дѣйствительностью въ смыслѣ репрессіи, какую ей приписываютъ. «Что такое смерть? сказалъ онъ. Условіе существованія. Что вы дѣлаете, убивая виновнаго? Вы ускоряете для него наступленіе часа непремѣннаго событія, вы назначаете наудачу срокъ его послѣдней минуты—вотъ и все. Но не удивительно ли уже одно то, что неизмѣнное правило природы обратилось въ челоувѣческихъ рукахъ въ уголовный законъ? Какъ смѣютъ говорить людямъ, что небольшая боль составляетъ единственную матеріальную разницу между болѣзью и преступленіемъ? Къ сожалѣнію, злодѣи слишкомъ хорошо сознаютъ эту аналогію; они закрѣпляютъ ее въ своихъ максимахъ; она встрѣчается во всѣхъ ихъ обычныхъ заявленіяхъ; всѣ они говорятъ, что *смерть есть не что иное, какъ непріятная четверть часа*; они сравниваютъ себя съ кровельщикомъ, солдатомъ, матросомъ, т. е. съ людьми, которые по своей почтенной и полезной профессіи больше и чаще подвергаются риску смерти; умъ ихъ привыкаетъ къ этимъ расчетамъ, сердце ихъ осваивается съ этими мыслями, и тогда казни совершенно перестаютъ дѣйствовать на ихъ воображеніе... Какъ! вы ничего, кромѣ смерти, не можете дать и преступленію, и добродѣтели, вы сулите ее одинаково и герою, и убійцѣ! Да—можетъ быть, отвѣтите вы—но въ одномъ случаѣ позоръ, а въ другомъ бессмертная слава.—Значитъ, вы рассчитываете не на *матеріальную* дѣйствительность смертной казни? И въ самомъ дѣлѣ, для преступника, котораго позоръ нисколько не касается, смерть есть лишь *непріятная четверть часа*»¹⁾).

Тѣхъ, кто ссылался на слѣпой и звѣрскій законъ возмездія, Дюпоръ спросилъ, готовы ли они карать по закону возмездія подлогъ, воровство, грабежъ со взломомъ, поджогъ²⁾? Онъ прибавилъ, что источникъ смертной казни кроется въ рабствѣ. Тутъ одинъ изъ священниковъ крикнулъ: «А Каинъ?» и ора-

¹⁾ *Ibidem*, p. 73 et 74.

²⁾ *Histoire parlementaire*, t. X, p. 82.

торъ продолжалъ: «Богъ не говорилъ: *Да будетъ Каинъ убитъ*. Онъ сказалъ: *Пусть Каинъ скитается*»¹⁾. Онъ произнесъ также слѣдующія прекрасныя слова: «Вы думаете, что я говорю съ цѣлью спасти убійцу? Нѣтъ, я говорю для того, чтобы моимъ примѣромъ научить людей уваженію человѣческой жизни»²⁾.

Вся эта масса краснорѣчія, философіи и разума не смогла одержать верхъ. Въ печати поддержкою мыслей Дюпора и Робеспьера обратилъ на себя вниманіе одинъ писатель—и писателемъ этимъ былъ авторъ *Lettres b.....t patriotiques*. Никогда болѣе высокія чувства—помимо брошеннаго народу оскорбленія—не были облакаемы въ болѣе грубыя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ болѣе энергичныя формы: «Я больше не хочу, чтобы убивали. Вѣсная человѣка, совершившаго большое преступленіе, вы совершаете еще большее преступленіе чѣмъ онъ, потому что *Charlot*³⁾, всегда хладнокровно пляшетъ на плечахъ негодяя, котораго отправляетъ на тотъ свѣтъ.—Законъ, который убиваетъ, проповѣдуетъ убійство.—Законодатель, относясь съ ужасомъ къ пролитію человѣческой крови, внушалъ бы такое отвращеніе къ убійству, что толпа—всегда кровожадная, всегда готовая вѣшать на фонаряхъ направо и налево, стала бы говорить: Да вѣдь это ужасно—уничтожать Божье твореніе!.. Законъ не смѣетъ этого дѣлать.—Кто далъ тебѣ, прохвостъ (*Jeanf...*), право убивать человѣка? Богъ?—На казнь стекаются толпами, а меньшими ли мошенниками становятся отъ этого мошенники? Пока вѣшаютъ человѣка, они воруютъ. Вы хотите, чтобы меньше стало виновныхъ? Измѣните свои нравы»⁴⁾.

Авторъ *Lettres b.....t patriotiques* былъ правъ, протестуя противъ палача; но не правъ онъ былъ, называя по этому поводу толпу *кровожадною*, потому что въ эту минуту эта якобы кровожадная толпа живѣйшимъ и трогательнѣйшимъ образомъ интересовалась успѣхомъ обсуждавшагося въ Собраніи предложенія. Маркизь Ферьеръ рассказываетъ, что въ тотъ день, когда поднятъ былъ вопросъ о смертной казни, Казалесь, выйдя изъ зала, увидѣлъ на террасѣ у фѣльятинцевъ многолюдную группу, также имѣвшую свои засѣданія. Онъ подошелъ и сталъ

¹⁾ *Patriote français*, № 662.

²⁾ *Histoire parlementaire*, t. X, p. 81.

³⁾ Простонародная кличка палача. (*Pepes.*).

⁴⁾ *Les vitres cassées, ou collection des lettres b.....t patriotiques du véritable père Duchesne*, 99-e lettre.

слушать, что говорятъ. Дворяне того типа, какъ Казалесь, никому не внушали сомнѣнія и народъ любилъ его, несмотря на весь его аристократизмъ: одинъ изъ ораторовъ группы узналъ его и, съ доброжелательнымъ видомъ потрепавъ его по плечу, сказалъ: «*Слушай-ка, сейчасъ внесли хорошее для насъ предложеніе; ты славный малый, не вздумай говорить противъ него!*»

3-го іюня постановленъ былъ слѣдующій декретъ: «Наказанія, налагаемыя на лицъ, которыхъ присяжные признаютъ виновными, суть слѣдующія: смертная казнь, кандалы, заключеніе въ смирительный домъ, пытка, тюремное заключеніе, ссылка, лишеніе гражданскихъ правъ, выставленіе къ позорному столбу. Смертная казнь будетъ заключаться въ простомъ лишеніи жизни, при чемъ къ осужденнымъ никогда не можетъ быть примѣняема пытка. Наложеніе клеймъ отмѣняется. Всякому приговоренному къ смерти будетъ отсѣчена голова»¹⁾).

На этотъ разъ Маратъ не поспешилъ на одобренія Собранію. «Оно постановило правильно,—писалъ онъ, выражаясь съ ужающею неопредѣленностью,—что смертная казнь будетъ сохранена для большихъ преступленій; наши же вѣрные Пегіонъ и Робеспьеръ высказали по этому вопросу мысли, которыя дѣлаютъ честь ихъ чувству, но ведутъ къ неудобствамъ, слишкомъ серьезнымъ для того, чтобы мысли эти могли быть приняты!»²⁾).

Пока все это происходило, въ Парижъ пріѣхалъ нѣкій аббатъ, прославившійся своею книгой *Histoire politique et philosophique des deux Indes*, именно аббатъ Рейналь. Дворяне, епископы и Малуэ тотчасъ же окружили его и завладѣли имъ. Въ убѣжденіи, что революціи нанесенъ будетъ чувствительный ударъ, если его нанесетъ такой ветеранъ XVIII вѣка, бывшій другъ Дидро, они упростили его громогласно выразить порицаніе тому направленію, котораго до сихъ поръ держалась власть, и обратиться съ этимъ порицаніемъ къ самому Собранію³⁾. Чтобы вѣрнѣе воздѣйствовать на него, управляющій по дѣламъ цивильнаго листа Деланортъ написалъ ему, что король назначаетъ ему вознагражденіе въ 24 тысячи франковъ, въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ имъ вслѣдствіе поднятаго на него го-

¹⁾ Montgaillard, *Histoire de France*, t. II, p. 337.

²⁾ *L'Ami du peuple*, № 478.

³⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. IX, p. 313.

ненія. Рейналь получилъ эту сумму, далъ въ томъ росписку¹⁾ и тѣмъ изготавилъ свой обвинительный актъ. Это былъ по-истинѣ пасквиль, декламаторскій, напыщенный сводъ всѣхъ нападокъ на новый порядокъ со стороны памфлетовъ и газетъ, державшихъ сторону павшаго строя. Адресъ аббата Рейналя былъ сообщенъ Собранію въ засѣданіи 31-го мая предсѣдательствовавшимъ тогда Бюро-де-Пуэзи, которому онъ былъ переданъ въ собственныя руки²⁾. Адресъ былъ прочитанъ среди презрительнаго молчанія. Затѣмъ поднялся Робеспьеръ. Похваливъ Собраніе за то, что оно сохранило спокойствіе, онъ въ нѣсколькихъ словахъ, полныхъ презрительнаго соболѣзнованія, рекомендовалъ ему быть снисходительнымъ, и провелъ свое предложеніе о переходѣ къ очереднымъ дѣламъ³⁾.

Возрастающее вліяніе Робеспьера какъ нельзя лучше отмѣчено было тѣмъ, что онъ не только могъ уже иногда увлекать за собою Собраніе, но и считать себя въ правѣ говорить отъ его имени!

Спустя нѣсколько дней онъ же высказалъ съ депутатской трибуны повелительныя пожеланія клуба якобинцевъ относительно увольненія офицеровъ арміи. По своему рожденію и воспитанію, по своимъ привычкамъ, общественнымъ и семейнымъ отношеніямъ, всѣ эти офицеры жили воспоминаніемъ прошлаго и сожалѣніемъ о немъ. Предоставляя имъ свою защиту, революція рисковала отдаться своимъ врагамъ. Какъ поступить? Взять съ офицеровъ честное слово, письменное обязательство, которое обезпечивало бы ихъ вѣрность конституціи, и сократить на три четверти жалованіе тѣмъ изъ нихъ, которые отказались бы дать требуемое обязательство—вотъ что было предложено. Робеспьеръ возражалъ противъ этой мѣры, находя ее недостаточною и смѣшною; онъ говорилъ, что не понимаетъ, какимъ образомъ вмѣсто простаго увольненія офицеровъ стараго режима, такъ какъ считается опаснымъ оставлять въ ихъ рукахъ мечъ революціи, можно полагаться на внушенія чести, чтобы получить отъ нихъ гарантію, ставшую необходимою. «О какой чести толкуютъ намъ? воскликнулъ онъ сурово. Что это за честь, ко-

¹⁾ «Мы видѣли его подпись на квитанціи», говоритъ Montgaillard. См. его *Histoire de France*, t. II, p. 329.

²⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. IX, p. 313.

³⁾ Засѣданіе 31 мая 1791.—Въ *Mémoires de Ferrières* засѣданіе это ошибочно отнесено къ 21 мая.

видѣть на шляпѣ Робеспьера золотую нашивку?.. Тотъ ли это Дюпоръ, который въ засѣданіи клуба якобинцевъ, 28-го февраля говорилъ Мирабо: «Будь честнымъ человѣкомъ и я обниму тебя»? Презрѣнный лицемеръ! ты отталкиваешь отъ твоего суда Робеспьера, самое честность, и, не успѣвъ устранить его, покидаешь постъ, на который возвело тебя довѣріе или, вѣрнѣе, заблужденіе твоихъ согражданъ!.. Ты знаешь, какое громадное, на взглядъ общественнаго мнѣнія, разстояніе между его и твоимъ патріотизмомъ... Ты сто разъ бывалъ свидѣтелемъ единодушныхъ рукоплесканій, которыя вызывали среди якобинцевъ его рѣчи и даже одно его присутствіе»¹⁾.

На мѣсто Дюпора избиратели поставили Петіона, что было, въ нѣкоторомъ родѣ, вторичнымъ назначеніемъ Робеспьера же.

Такимъ образомъ надъ обломками революціонныхъ репутацій вчерашняго дня поднималась репутація новая, которой вскорѣ предстояло разнестись во всѣ концы земли, благодаря посыпавшимся на нее проклятіямъ и клеветѣ. Повторяю: дѣло въ томъ, что Робеспьеръ являлся представителемъ идеи, домогавшейся и желавшей занять свое мѣсто въ революціи: идеи *политическаго равенства всѣхъ*.

Я говорю «политическаго» потому, что ни онъ, ни кто-либо другой, еще не шли далѣе этого. Возьмите одну за другою его рѣчи, прочтите *Patriote français* Бриссо, *Annales politiques* Карà, *Révolutions* Камилла Демулена, *Ami du peuple* Марата—вездѣ вы найдете пылкое обсужденіе вопросовъ политическаго характера, каковы: организація національной гвардіи, право подачи петицій, право афишированія, увольненіе офицеровъ. О жалкомъ же положеніи наемныхъ рабочихъ, о конкуренціи и ея жертвахъ, о необезпеченной жизни, на которую осуждаетъ рабочаго промышленная анархія, объ экономическихъ средствахъ къ устраненію страшнаго призрака, который въ дурно устроенномъ обществѣ непрерывно сопутствуетъ труду и называется *голодомъ*—обо всемъ этомъ вы не встрѣтите ни слова. Маратъ кричитъ противъ богачей, но это не значитъ спасать бѣдняковъ: ненавистью не замѣнишь знанія. А между тѣмъ, изъ *протоколовъ* коммуны оказывается, что уже тогда въ глубинѣ мастерскихъ нарождался современный социализмъ, о чемъ свидѣтельствовали горячіе протесты рабочихъ. Рабочіе по постройкѣ моста Людо-

¹⁾ *Révolutions de France et des royaumes, etc., № 81.*

вика XVI настойчиво требовали повышения дневной платы съ 30 до 36 су; плотничьи подручные спланивались между собою съ цѣлью добиться увеличенія заработной платы; тамъ и сямъ устраивались или дѣлались попытки устроить ¹⁾ *стачки*, эти возстанія въ формѣ бездѣятельности, эти войны со сложенными на груди руками; наконецъ, въ городскую ратушу доносились требованія и жалобы бѣдствовавшихъ рабочихъ, пока еще глухія, но и грозныя, какъ отдаленный шумъ бушующаго моря. И что же отвѣчала ратуша? Въ единогласіи съ редакторами *Révolutions de Paris*—смѣлыми, все-таки, республиканцами—она отвѣчала, что цѣна труда должна быть устанавливаема по добровольному соглашенію между рабочими и работодателями, что рабочіе не имѣютъ права давать своимъ единеніемъ отпоръ деспотизму положенія вещей даже въ тѣхъ случаяхъ, когда деспотизмъ этотъ раздавливаетъ ихъ, что это есть *свобода* ²⁾. Какъ будто бѣднякъ, которому приходится рѣшать тотчасъ же или умирать, свободенъ договариваться объ условіяхъ! Какъ будто возможенъ свободный договоръ съ кинжаломъ, остріе котораго чувствуешь на своемъ горлѣ! Какъ будто свобода сплоченія тоже не заслуживаетъ въ этомъ отношеніи того, чтобы ее уважали! И за что же проклинать Шейлока, когда онъ, съ договоромъ въ одной рукѣ и съ ножомъ въ другой, торопится вырѣзать изъ груди своего должника Антоніо выговоренный фунтъ мяса? О свобода, свобода! О кумиръ гордыхъ сердецъ! сколько тираническихъ дѣйствій совершалось во имя твое! Но тогда не пришла еще пора защищать это великое дѣло порабощеннаго труда: даже и нынѣ, въ нашъ XIX вѣкъ, когда я пишу эти строки, она едва ли поставлена на очередь человѣческой мыслью. Не удивляйтесь же тому, что Робеспьеръ молчалъ, когда голосъ наемныхъ тружениковъ издавалъ лишь нечленораздѣльные звуки. Въ революціи Робеспьеръ всегда былъ лишь человѣкомъ настоящей минуты, но зато такимъ, по крайней мѣрѣ, человѣкомъ онъ былъ всегда.

¹⁾ См. извлеченія изъ *procès-verbaux de la Commune*, приведенныя въ *Histoire parlementaire*, t. X, p. 102—105.

²⁾ *Ibid.*

ГЛАВА II.

Притягательная сила французской революціи.

Жители Авиньона хотятъ быть французами.—Священники возбуждаютъ Карпентрасъ противъ Авиньона.—Ужасное междоусобіе въ графствѣ Конта.—Якобинцы оказываютъ авиньонцамъ поддержку.—Бойня въ Саррианѣ.—Убіеніе Патриса.—Погонщикъ мулловъ Журданъ становится генераломъ.—Осада Карпентраса авиньонцами.—Ужасающія подробности этой осады.—Національное Собраніе понуждаютъ удовлетворить желаніе Авиньона.—Докладъ Мену.—Преніи о присоединеніи Авиньона къ Франціи.—Долгія колебанія Собранія.—Въ Конта посылаются трое комиссаровъ-успокоителей.—Авиньонъ раздѣляется между партіями муниципалитета и военною.—Декретъ о присоединеніи Авиньона къ Франціи.—Смута въ Авиньонѣ.—Смерть Лекюе.—Бойня у Гласьеръ.—Авиньонцы остаются въ душѣ французами.—Обаятельная сила революціи и Франціи.

Тѣмъ временемъ, революціонная Франція все болѣе и болѣе ширилась за свои предѣлы, ибо историческою привилегіей великаго и злосчастнаго французскаго народа является то, что онъ привлекаетъ къ себѣ другіе народы—либо ослѣпляя ихъ, либо наводя на нихъ ужасъ. И даже въ то самое время, когда столько шума вызывала эмиграція знати, а Бёркъ своею повсюду распространившеюся книгой заклиналъ весь свѣтъ проникнуться ненавистью къ революціи и къ Франціи, обаятельная власть Парижа распространилась быстро, непреодолимо и далеко за предѣлы королевства. На франкфуртской ярмаркѣ съ нѣкотораго рода рвеніемъ продавали платки, на которыхъ напечатаны были новые принципы; съ высоты своихъ горъ савойцы бросали завистливые взоры на долины французскаго Дофине; на пространствѣ отъ Сентъ-Женгольфа до подножія Сентъ-Бернара люди стали носить французскую трехцвѣтную кокарду и, по выраженію Камилла Демулена, «швейцарцы начали глубоко задумываться надъ аристократизмомъ главы бернскаго магистрата, своихъ судей и фискаловъ»¹⁾. Въ Константинополѣ, когда нѣкіе французъ и дервишъ были арестованы за то, что разъясняли на улицѣ группѣ турокъ *декларацию правъ человека*, народъ возмутился, освободилъ арестованныхъ и увелъ ихъ въ домъ, на которомъ распорядился выставить надпись: *Горе тому, кто силою вторгнется въ это убожище, данное народомъ двумъ добροжелателямъ рода человеческого*²⁾.

¹⁾ *Révolutions de France et des royaumes, etc.*, № 50.

²⁾ *Ibid.*, № 61.

Одинъ изъ славныхъ новѣйшихъ писателей живо почувствовалъ и въ оригинальной формѣ выразилъ, какъ велика была въ ту пору притягательная сила Франціи.

«Въ странѣ сѣверныхъ морей—говоритъ онъ—жило странное и могучее существо: человѣкъ?—нѣтъ, система, живая схоластика, взъерошенная, твердая, изваянная алмазнымъ рѣзцомъ изъ балтійскаго гранита. Всѣ религіи, всѣ философскія ученія прикасались къ этому существу и разбивались объ него. А оно оставалось неподвижнымъ. Звали его Эммануиломъ Кантомъ, а само оно называло себя Критикомъ. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ это совершенно отвлеченное существо, чуждое сношеній съ людьми, выходило изъ моря всегда въ одинъ и тотъ же часъ, и, ни съ кѣмъ не говоря, совершало въ продолженіе даннаго числа минутъ всегда одинъ и тотъ же кругъ, подобно тому, какъ на старинныхъ городскихъ часахъ желѣзный человѣкъ выйдетъ, пробьетъ часы и снова скроется. Какая странность: однажды жители Кѣнигсберга увидѣли—и это было для нихъ знаменіемъ великихъ событій—что планета эта поколебалась, сошла со своего вѣкового пути! Пошли за нею слѣдомъ и увидѣли, что она движется къ западу, къ тому пути, по которому приходила почта изъ Франціи»¹⁾...

И этому по-истинѣ магнетическому вліянію поддавались не только одни мыслители, философы, но и цѣлые народы, устремивъ взоры на Францію и протянувъ сложенные руки, просили, чтобы ихъ приняли въ славную французскую семью.

Мы видѣли, что такъ поступилъ авиньонскій народъ. Правда, Авиньонъ жестоко страдалъ отъ владычества папъ въ теченіе всего того времени, пока городъ этотъ былъ ихъ резиденціей, при чемъ онъ сталъ подъ конецъ ихъ собственностью, будучи проданъ имъ безстыдною королевой. Вѣдь папское зданіе все еще стояло здѣсь, все еще высилось на утесѣ со стороны Роны—это зданіе, выстроенное подъ дворецъ, подъ тюрьму и скрывавшее въ своихъ чудовищныхъ стѣнахъ, рядомъ съ залами, въ которыхъ столько жертвъ подвергалось пыткамъ, нечистые притоны, гдѣ погрязали въ развратѣ палачи этихъ жертвъ! Надо, однако, сознаться, что въ эпоху французской революціи все это было уже далекимъ прошлымъ; въ Авиньонѣ, какъ и

¹⁾ Michelet, *Histoire de la Révolution*, въ главѣ о Федерациі, т. II, р. 181, 182.

въ другихъ мѣстахъ, религіозному фанатизму приходилось считаться съ философіей, и съ тѣхъ поръ какъ папы окончательно вернулись на жительство въ Римъ, ихъ правленіе, не тяготѣвшее уже непосредственно надъ авиньонцами, было очень сносно. Почему же авиньонцы съ 1789 г. захотѣли стать французами, да еще захотѣли этого со страстною горячностью? О, обаяніе побѣдоноснаго права! О, вѣчно святая власть справедливости надъ людьми въ извѣстныя торжественныя минуты! А то ли еще было, когда въ 1790 г. авиньонскіе депутаты, привлеченные въ Парижъ навѣки незабвеннымъ зрѣлищемъ федераціи, могли, по возвращеніи, рассказать о чудесахъ, свидѣтелями которыхъ они были! Съ той минуты священный договоръ о сляніи этого народа съ Франціей былъ безповоротно скрѣпленъ во всѣхъ сердцахъ; мало того, на утесѣ Донъ раздался однажды и поднялся къ небу вырвавшійся изъ груди нѣсколькихъ тысячъ людей крикъ: «*Лучше умереть, чѣмъ не быть французами!*»¹⁾

То же желаніе вырваться изъ-подъ римскаго ига и то же стремленіе къ Франціи сказались и въ Венесенскомъ графствѣ²⁾. Но здѣсь, съ одной стороны, расколъ между *патріотами* и *папистами* былъ болѣе рѣзокъ, а съ другой—главный городъ Венесенскаго графства, Карпентрасъ, питалъ по отношенію къ Авиньону зависть, бросавшую его на пути, противные тому, которымъ шелъ его соперникъ. Эту пагубную зависть слишкомъ хорошо умѣли разжигать священники. Когда авиньонцы выразили намѣреніе слиться съ жителями Венесена и для этого предложили созвать, въ лицѣ депутатовъ, всѣ города, мѣстечки и селенія графства, партія папы воспользовалась этимъ для возбужденія въ жителяхъ Карпентраса тревоги относительно неизбѣжной утраты ими мѣстнаго преобладанія. «Авиньонъ—говорили паписты—обнаруживаетъ наконецъ свои тайныя мысли! Можно ли отнынѣ сомнѣваться въ этомъ? Если этотъ честолюбивый городъ хочетъ стать французскимъ, то именно для того, чтобы властвовать надъ Карпентрасомъ, чтобы быть главнымъ городомъ одного изъ департаментовъ Франціи! Странные же *патріоты* тѣ изъ сыновъ графства Конта, весь патріотизмъ

¹⁾ *Révolutions de France et des royaumes, etc.,* № 50.

²⁾ Comtat Venaissin—бывшее французское графство Авиньонское и Венесенское (нынѣ департаментъ Воэлюзы). (Переводч.).

которыхъ сводится къ желанію перестать быть контадинцами и стать авиньонцами!» Такими-то лукавыми рѣчами, разжиганіемъ зависти, всегда тѣмъ болѣе страстной, чѣмъ тѣснѣе замкнута она въ небольшомъ кругу, священникамъ удалось заручиться господствомъ въ Карпентрасѣ. Въ противовѣсъ авиньонскому *выборному Собранію* они учредили *Собраніе представительное*, которое, имѣя въ своемъ распоряженіи небольшую армію національныхъ гвардейцевъ, открыло систематическое ожесточенное преслѣдованіе сторонниковъ Франціи—*патріотовъ*. Совершаемы были ужасныя насилія. Чрезъ своихъ наемныхъ убійцъ *Представительное собраніе* отправило на тогъ свѣтъ семидесятилѣтняго старика—полковника національной гвардіи Тора; въ видахъ порабощенія жителей Кавальона, оно поставило въ этомъ городѣ гарнизонъ и заставило пятьсотъ слишкомъ *патріотовъ*, которымъ грозила ярость собранія, искать убѣжища въ Авиньонѣ¹⁾.

Авиньонцы, возбужденные этими невольными выходцами, наскоро сформировали армію. Одинъ изъ ихъ согражданъ, Патрисъ, двинулся на Кавальонъ и овладѣлъ имъ. Но жестокость вызываетъ жестокость: побѣдители опозорили свой успѣхъ, продолжая изъ мести проливать кровь и послѣ боя. Вскорѣ на всемъ пространствѣ графства Конта шло ужасное сплошное опустошеніе. То была междоусобная война съ ея обычными спутниками: ужасами и репрессіями. Мѣсто *Представительнаго собранія*, разсѣявшагося подъ вліяніемъ ужаса, не замедлило занять другое собраніе—собраніе въ Сентъ-Сесилии: 4,000 авиньонцевъ, усиленные отрядомъ французскихъ дезертировъ изъ полковъ, расположенныхъ въ Суассонѣ и Шантьеврѣ, расположились лагеремъ подъ Карпентрасомъ и уже началась осада, какъ вдругъ разразилась такая страшная и зловѣщная гроза, какой до тѣхъ поръ не бывало и примѣра; осаждавшіе были объаты суевѣрнымъ ужасомъ и обратились въ бѣгство²⁾.

Надо ли говорить, что въ Парижѣ всѣ революціонеры держали сторону авиньонцевъ? Такъ какъ Національное Собраніе

¹⁾ Докладъ и заключенія общественнаго обвинителя при авиньонскомъ уголовномъ судѣ, стр. 26 и 27 въ *Bibliothèque historique de la Révolution*.—Avignon.—394, 5, 6. British Museum.

²⁾ *Histoire abrégée de la Révolution*, par l'auteur du Règne de Louis XVI, t. I, liv. VI, p. 166.

еще не рѣшалось принять въ даръ отъ авиньонцевъ отвоеванную ими послѣ бѣгства вице-легата независимость, то Бриссо, Маратъ, Камилль Демуленъ, Карà и Фреронъ безъ устали преслѣдовали своими воплями это слишкомъ робкое учрежденіе. Они возлагали на него отвѣтственность за бѣдствія междуособной войны, прекратить которую могло только вмѣшательство Собранія; жителей Карпентраса они называли мятежниками и въ упорствѣ ихъ усматривали съ проклятіями вліяніе аббата Мори, родившагося въ Вальреасѣ. Народныя общества, съ своей стороны, такъ горячо приняли къ сердцу дѣло авиньонцевъ, что въ программѣ клуба якобинцевъ присоединеніе Авиньона къ Франціи заняло одно изъ первыхъ мѣстъ среди статей ихъ политическаго исповѣданія¹⁾.

При такихъ обстоятельствахъ, авиньонцы снова подступили къ Карпентрасу, вслѣдствіе случившагося двойного убійства. Одинъ изъ членовъ ихъ выборнаго собранія, по фамиліи Лавилась, поѣхавъ въ Вэссонъ, гдѣ у него была дача, имѣлъ глупость окружить себя стражею, появляться въ публикѣ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, и еще большую глупость — отвести воду отъ мукомольныхъ мельницъ деревни Сегюре, которая стала подъ знамена Карпентраса²⁾. Это послужило ему смертнымъ приговоромъ: ночью его зарѣзали, зарѣзали также его друга Ансельма, послѣ чего надъ ихъ истерзанными тѣлами проиѣтъ былъ *Te Deum*³⁾.

При вѣсти объ этомъ, Авиньонъ огласился единодушнымъ крикомъ: отомститъ! Въ походъ двинулась новая армія, силою, на этотъ разъ, въ 8,000 человекъ⁴⁾. Она получила наименованіе *воклюзской арміи* и командовалъ ею Патрисъ. Она объята была такимъ одушевленіемъ, что, почти не останавливаясь подъ двумя очень оживленными перекрестными огнями, прошла узкое ущелье, считавшееся непроходимымъ и охранявшееся стоявшимъ во главѣ карпентрасцевъ Альберомъ де Риомомъ⁵⁾ (Rioms), тѣмъ

¹⁾ См. въ № 64 газеты Камилла Демулена письмо якобинцевъ изъ Лонъ ле Сонъ къ центральному обществу.

²⁾ *Histoire abrégée de la Révolution*, par l'auteur du *Règne de Louis XVI*, t. I, p. 166.

³⁾ Докладъ общественнаго обвинителя при авиньонскомъ уголовномъ судѣ, стр. 36.

⁴⁾ *Éclaircissements sur les évènements d'Avignon et du Comtat*. Paris, 1791.

⁵⁾ *Histoire abrégée de la Révolution*, par l'auteur du *Règne de Louis XVI*, t. I, liv. VI, p. 155.

самымъ, который сперва былъ начальникомъ, а потомъ дезертиромъ брестской эскадры.

Подступивъ къ небольшому городу Саріану, авиньонцы вошли въ него безъ недовѣрія, такъ какъ положились на миролюбивыя вѣсти оттуда; когда же изъ оконъ сдѣлано было по нимъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, они сочли себя жертвами гнуснѣйшаго вѣроломства и предалися варварскимъ жестокостямъ, которыхъ не избѣгъ и собственный ихъ начальникъ. Заподозрѣнный въ измѣнѣ, Патрисъ былъ убитъ на мѣстѣ, а голова его послана была въ Авиньонъ, гдѣ ее носили по улицамъ на пикѣ. Надо было дать ему преемника, и на эту должность выбрали Журдана—не Журдана-головорѣза, а погонщика муловъ, человѣка столь же свирѣпаго, какъ его однофамилецъ, пріобрѣтшій такую ужасную знаменитость¹⁾. Первымъ дѣломъ новаго генерала было то, что онъ своею саблей обрубилъ Патрису окровавленные пальцы, сталъ брать ихъ поочередно въ ротъ на-подобіе трубки и въ такомъ видѣ расхаживалъ на виду своей арміи²⁾.

Между тѣмъ, карпентрасцы изо всѣхъ силъ готовились къ энергичной оборонѣ. Для отлитія пушекъ каждый приносилъ мѣдныя или бронзовыя вещи, какія только у него были. Призваны были на помощь жители Монванту и Люберона и съ вершинъ Брантскихъ горъ, этого царства вѣчныхъ снѣговъ, стали спускаться люди страшнаго вида³⁾. Прислало подмогу также и управленіе Дромы, которое настоятельно о томъ просили. Карпентрасъ былъ вторично осажденъ авиньонцами.

Первый натискъ выдержанъ былъ городомъ съ такимъ мужествомъ, что осаждающіе сперва отошли и принялись обстрѣливать его калеными ядрами. Тогда осажденные, желая привлечь непріятеля поближе, придумали разставить на крышахъ наиболѣе высокыхъ зданій сосуды со смолой. Смолу они зажгли, а сами подняли крики, подражая воплямъ отчаянія. Авиньонцы, полагая, что ихъ каленныя ядра произвели въ городѣ пожаръ, подошли безъ всякихъ предосторожностей. Но вдругъ демаскиро-

1) *Comte rendu* par l'abbé Mulet à l'Assemblée nationale, comme commissaire du roi à Avignon, p. 13.

2) *Histoire abrégée de la Révolution*, par l'auteur du *Règne de Louis XVI*, t. I, p. 158.

3) *Ibid.*, p. 16,

ваны были двѣ картечныя батареи, и началась ужасная бойня ¹⁾. Увѣряють, что авиньонская конница, которой поручена была уборка убитыхъ и раненыхъ—а число ихъ было значительно—прибѣгла къ слѣдующему, вызывающему содроганіе средству: каждая лошадь волочила за собою веревку, однимъ концомъ привязанную къ шлеѣ, а на другомъ снабженную желѣзнымъ крюкомъ; трупы и стонавшіе раненые подцѣплялись какъ попало и всадники, скача галопомъ, утаскивали ихъ за собою ²⁾.

Вообще, эта война была ознаменована безпримѣрными жестокостями, въ которыхъ повинны обѣ стороны. Въ Каромѣ девять солдатъ *воклюзской арміи* были разстрѣляны и положены въ могилы, вырыть которыя ихъ заставили собственноручно; въ Саріанѣ одинъ солдатъ той же арміи былъ зарытъ въ землю живымъ; во время разгрома Кавальона убитъ былъ карпентрасецъ и враги пили его кровь! ³⁾

Таково было положеніе графства Контѣ въ маѣ 1791 г. Но *патріоты*—какъ авиньонцы, такъ и контадинцы—еще до этого стали умолять Національное Собраніе о вмѣшательствѣ. Въ пользу этого во многихъ отношеніяхъ важнаго дѣла—присоединенія Авиньона и Контѣ къ Франціи—Робеспьеръ говорилъ съ трибуны еще въ ноябрѣ предшествовавшаго года, и хотя усилія его оказались тщетными, однако муниципальныя должностныя лица Авиньона: Ришаръ, Манвиелль, Эмъ, Ніэль и Дюпрѣ написали ему письмо, въ которомъ въ страстныхъ выраженіяхъ изливали предъ нимъ свою благодарность ⁴⁾. Мы только что видѣли, къ какимъ ужасамъ привели съ тѣхъ поръ колебанія Собранія. Если бы только оно стало медлить еще и впредь, можно было опасаться, что городъ Карпентрасъ, будучи какъ-нибудь взятъ яростнымъ штурмомъ, переполнитъ мѣру и безъ того уже страшныхъ бѣдствій. Разъяснить этотъ вопросъ поручено было Мену и онъ исполнилъ эту задачу съ замѣчательными освѣдомленностью, точностью и ясностью.

Прежде всего, надо было узнать, въ какой степени законно право владѣнія папъ.

Относительно государства Авиньонъ, обратившагося въ ре-

¹⁾ *Histoire abrégée de la Révolution*, par l'auteur du *Règne de Louis XVI*, t. I, p. 163.

²⁾ *Ibid.*, t. I, p. 164.

³⁾ *Ibid.*, p. 165.

⁴⁾ См. Buchez et Roux, *Histoire parlementaire*, t. VIII, p. 90—97.

зиденцію папъ съ той поры, какъ во время папства Кли-
мента V туда былъ перенесенъ папскій престолъ, не было ни-
какого сомнѣнія въ томъ, что въ 1348 г. неаполитанская коро-
лева, графиня Провансская, Иоанна, продала это государство
римскому двору за 80,000 флориновъ золотомъ. Продажа эта
оказывалась недѣйствительною по многимъ причинамъ; недѣй-
ствительна была она потому, что Иоанна получила графство
Прованское въ наслѣдство лишь подъ непремѣннымъ условіемъ
неотчуждаемости; затѣмъ потому, что она сама, въ присутствіи
собравшагося въ Э большого числа провансальцевъ, дала тор-
жественное клятвенное обѣщаніе признавать свои владѣнія не-
подлежащими отчужденію; далѣе потому, что при совершеніи
продажи она была несовершеннолѣтнею, подписала актъ объ
этой продажѣ тотчасъ послѣ убійства своего перваго мужа
Андрея, въ убіеніи котораго обвиняли ее, и послѣ вступленія
въ бракъ съ Людовикомъ Тарентскимъ, считавшимся ея сообщ-
никомъ убійства; наконецъ, потому, что такъ какъ судить
Иоанну поручено было папѣ, то является полное основаніе пред-
положить, что продажа, совершенная за очень умѣренную цѣну,
при чемъ и уплата по ней осталась сомнительною, была без-
нравственною цѣной оправданія, которымъ Римъ покрылъ досто-
вѣрно совершенное преступленіе.

Не менѣе скандальна была исторія и графства Венесенскаго.
Графъ тулузскій Раймундъ VII навлекаетъ на себя подозрѣніе
въ ереси со стороны папы Григорія IX, который требуетъ его
имущества; графъ былъ отлученъ отъ церкви. По просьбѣ Рима,
французскій король Людовикъ VIII становится во главѣ кре-
стоваго похода. Подавленный, несчастный Раймундъ вынужденъ
уступить алчному папѣ всѣ свои земли по ту сторону Роны,
взамѣнъ чего папа милостиво разрѣшаетъ ему предстать въ со-
рочкѣ для испрошенія прощенія! Такой грабежъ былъ настолько
позоренъ, что Григорій IX не посмѣлъ удержать графство въ
собственность. Онъ заявилъ, что заставилъ уступить себѣ мар-
кизатство Прованское лишь временно, чтобы искоренить въ немъ
ересь, въ интересахъ спасенія души Раймунда VII. Узурпиро-
ванныя владѣнія были поэтому сданы на храненіе св. Людовику,
а потомъ возвращены графу. Но Римъ не имѣлъ въ виду от-
ступиться такимъ образомъ отъ добычи, и въ 1274 г. Филиппъ
Смѣлый, распорядившись графствомъ такъ, будто онъ былъ его
хозяиномъ, отдалъ его Григорію X.

Факты эти, изложенные нами здѣсь лишь въ общихъ чертахъ, Мену развилъ и доказалъ исторически¹⁾ въ докладѣ, прочитанномъ имъ 30-го апрѣля въ Собраніи. Онъ настаивалъ также на томъ, что вслѣдствіе браковъ и завѣщаній владѣтельныхъ особъ Авиньонъ и графство Венесенское должны, по праву наслѣдованія, принадлежать Франціи. И, дѣйствительно, французскіе короли Карлъ VIII, Францискъ I, Францискъ II, Карлъ IX непрестанно заявляли притязанія на обѣ эти страны и дѣлали относительно ихъ предупредительныя оговорки; мало того, Людовикъ XIV приказалъ парламенту въ Э потребовать отъ вице-легата документы папскаго престола для просмотра, а когда вице-легатъ не явился, парламентъ Э постановилъ присоединить графства... Но, въ концѣ концовъ, вопросъ былъ не въ этомъ,—онъ былъ глубже, и Бриссо въ своей газетѣ сдѣлалъ докладчику упрекъ въ томъ, что онъ понапрасну потратилъ свою эрудицію²⁾. Развѣ для того — спрашивалъ онъ — чтобы перемѣнить тягостное для нихъ правительство, народы нуждаются въ согласіи своихъ правителей? Развѣ авиньонцы и контадинцы не имѣютъ правъ на самихъ себя? Развѣ народы—противная скотина, которую первому, кто ея завладѣтъ, предоставлено продавать—да еще навсегда—дающему наибольшую цѣну? По словамъ Бриссо, ничего другого нельзя было принимать въ соображеніе. А въ этомъ отношеніи, какъ догадывается читатель, заключенія Мену нисколько не расходились съ мнѣніемъ Бриссо.

Однако, тутъ возникало возраженіе, казавшееся правильнымъ: значить, та или другая провинція Франціи могла бы, если бы ей вздумалось, отпасть отъ королевства? «Нѣтъ — отвѣчалъ Мену—потому что та или другая провинція французовъ не составляетъ нынѣ независимаго народа. Конечно, до революціи, до конституціоннаго договора, объединившаго всѣ части Франціи, каждая изъ этихъ частей могла бы выдѣлиться; она имѣла право на то, такъ какъ не была связана съ другими частями общественнымъ договоромъ, скрѣпленнымъ ею и всеобщимъ согласіемъ. Но нынѣ всѣ 24 милліона французовъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ враговъ общественнаго блага, связаны между собою общественнымъ договоромъ, который на каждого налагаетъ обяза-

¹⁾ *Rapport sur Avignon et le Comtat Uenaissin*, par Jacques Menou, p. 7—23, въ *Bibliothèque historique de la Révolution*.—Avignon, 594 595, 596. British Museum.

²⁾ *Le Patriot français*, № 631.

тельства относительно всякаго и на всѣхъ по отношенію къ каждому, и никто не можетъ нарушить этотъ договоръ иначе, какъ по волѣ другихъ участниковъ; безъ этого общество могло бы въ каждую минуту распасться»¹⁾).

Разъ эта задача была рѣшена—а она представляла громаднѣйшій интересъ, какъ и всѣ поднятые французскою революціей вопросы—оставалось уже только выяснить, дѣйствительно ли авиньонцы и контадинцы желаютъ присоединенія и будетъ ли для Франціи выгодно согласиться на него.

Мену безъ возраженій доказалъ, что присоединеніе было требуемо и все еще требуется огромнымъ большинствомъ авиньонцевъ не только формальнымъ образомъ, но, такъ сказать, съ молитвенно сложенными руками. Онъ установилъ, по отношенію къ Контѣ, что по вычисленію, сдѣланному на основаніи собственныхъ заявленій собранія въ Сентъ-Сесилии, число высказавшихся за присоединеніе жителей составляетъ не менѣе 140,000 на населеніе въ 152,000 душъ. Да и то еще остальные 48,000 вовсе не высказались противъ присоединенія: они только не обсуждали этого вопроса,—вотъ и все²⁾).

Могла ли и должна ли была Франція отклонить предложеніе обѣихъ прекрасныхъ странъ, которыя, будучи расположены между Роной, департаментами Дромы, Нижнихъ Ширенеевъ и устьевъ Роны, обладали плодородной почвой, занимали пространство въ 45 квадратныхъ льѣ, представляли могучія средства обороны противъ нападенія и оказывались славнымъ завоеваніемъ не силы, а новаго духа?

Какъ ни простъ кажется этотъ вопросъ намъ въ настоящее время и казался въ ту пору истиннымъ сторонникамъ революціи, Національное Собраніе употребило на его разрѣшеніе слишкомъ долгое время. Заключенія доклада Мену были горячо оспариваемы множествомъ противниковъ. Они возражали: Ліанкуръ—что въ странахъ, терзаемыхъ междоусобной войной, невозможно выяснитъ желаніе большинства; Жессе—что Франція и безъ того уже объята смутой изъ-за религиозныхъ споровъ; аббатъ Мори—что отбирать земли у папы было бы и невеликодушно, и несправедливо; Клермонъ-Тоннеръ—что Патрисъ былъ разстрѣ-

¹⁾ Первый докладъ Мену, *ibi supra*, стр. 32.

²⁾ *Ibidem*, стр. 54.

Но сдѣлано это было слишкомъ поздно для того, чтобы унять еще не улегшуюся ярость. Одинъ изъ вождей военной партіи, Лекюйе, былъ убитъ въ авиньонской церкви кордельеровъ членами противной партіи за то, что онъ велѣлъ унести изъ ломбарда сундукъ съ серебряными вещами и продалъ колокола. Въ объявленіи, расклеенномъ въ тотъ день на стѣнахъ по всему городу, было сказано: «Богородица была до того возмущена, что статуя ея плакала отъ гнѣва»¹⁾. Партія Журдана отвѣтила на убійство цѣлою массою убійствъ. Авиньонъ, тотъ самый Авиньонъ, гдѣ все еще хранилась нѣжная память о любви Петрарки и Лауры, пережилъ раньше Парижа свои 2-е и 3-е сентября. Тюрьмы обратились въ могилы и массовыя убійства были прозваны въ народѣ «*Гласьерскою рѣзней*», по имени башни, въ которую были бросаемы тѣла убитыхъ.

Картина поразительныхъ результатовъ моральнаго вліянія французской революціи на отдаленные края была бы неполна, если бы мы не рассказали о томъ, какъ она, привлекая къ себѣ населеніе цѣлыхъ странъ и охватывая цѣлыя королевства единственно въ силу простого сочувствія, вмѣстѣ съ тѣмъ съ одной стороны покоряла благороднѣйшіе и величайшіе умы, а съ другой вызывала мрачное бѣшенство въ людяхъ выдающагося ума, которыхъ она раздражала.

Мы уже рассказали о знаменитомъ спорѣ, который въ началѣ 1790 г. вооружилъ въ Англии благороднаго Фокса и Шеридана противъ Бёрка²⁾. Въ ту пору Бёркъ окончательно порвалъ сношенія съ Шериданомъ; но дружба его къ Фоксу, хотя и сильно поколебленная, сохранила нѣсколько корней въ его сердцѣ. Книга, изданная имъ въ концѣ 1790 г. противъ революціи, и формальное неодобреніе ея Фоксомъ обострили ихъ отношенія.

Питтъ съ тайною радостью слѣдилъ за тѣмъ, какъ усиливался этотъ разладъ. Въ 1791 г., встревожившись тѣмъ, что король неоднократно отзывался о Фоксѣ съ благосклонностью, и опасаясь, чтобы его славный соперникъ не сталъ вскорѣ его преемникомъ, Питтъ началъ повсюду распространять молву, что глава оппозиціи въ сущности республиканецъ; полагаютъ, что

¹⁾ Докладъ общественнаго обвинителя при авиньонскомъ уголовномъ судѣ, стр. 54, *ubi supra*.

²⁾ См. I главу IV тома настоящаго сочиненія, подъ заглавіемъ «Видъ Европы».

именно онъ, желая придать этому отзыву больше вѣса, побудилъ Бёрка провоцировать Фокса въ парламентъ, наведя его на тему о французской революціи¹⁾. Фоксъ провѣдалъ объ этомъ замыслѣ, такъ сильно походившемъ на заговоръ; онъ узналъ, что нападеніе должно быть сдѣлано при обсужденіи билля о квебекской колоніи, и, подъ вліяніемъ чувства добропорядочности, наканунѣ дня, назначеннаго для обсужденія этого билля, отправился къ Бёрку.

Джэмсъ Прайоръ, въ своей очень страстной и очень пристрастной біографіи Бёрка, ни слова не говоритъ о предполагаемыхъ проискахъ Питта и въ принятомъ тогда его героемъ рѣшеніи усматриваетъ лишь законное нетерпѣливое желаніе дать отвѣтъ на намеки, сдѣланные ранѣе на его счетъ либо Фоксомъ, либо Шериданомъ. Но фактъ свиданія онъ признаетъ²⁾.

Фоксъ чистосердечно потребовалъ объясненія, не скрывая того, что говорилось въ публикѣ. Бёркъ отрицалъ существованіе заговора, но заявилъ, что дѣйствительно имѣетъ твердое намѣреніе войти въ обсужденіе *французскихъ принциповъ*³⁾. Тогда Фоксъ выразилъ желаніе, чтобы борьба была, по крайней мѣрѣ, отсрочена, но Бёркъ отказался отъ этого, и затѣмъ обѣимъ сторонамъ не оставалось уже ничего другого, какъ готовиться къ бою.

И вотъ, 6 мая 1791 г. произошло событіе, быть можетъ, самое достопамятное, какое когда-либо встрѣчалось въ политическихъ лѣтописяхъ Англіи—до того глубоко было произведенное имъ впечатлѣніе, до того важны были его результаты! Въ палатѣ общинъ обсуждался билль о Квебекѣ, какъ вдругъ, противъ существовавшаго обыкновенія говорить стоя и съ непокрытою головой, но не покидая своего мѣста, Бёркъ вышелъ на средину зала. Лицо его носило выраженіе спокойной простоты, руки онъ скрестилъ на груди, а рѣчь свою началъ слабымъ,

¹⁾ «The minister, it was reported, in order to secure himself in his situation, had given out the watch-word, that Mr. Fox was by principle a republican, and it was supposed that, in pursuance of this plan, he instigated Mr. Burke to bring forward, on the present occasion, a discussion of French principles, and an attack on Mr. Fox in the house of Commons». *Annual Register*, vol. XXXIII, ch. XII, p. 265.

²⁾ *Memoir of the life and character of the Right hon. Edmund Burke*, by James Prior, ch. XI, p. 389, 390.

³⁾ «But avowed his intention of entering fully into a discussion of French principles». *Annual Register*, *ibid.*, p. 266.

едва слышнымъ голосомъ ¹⁾). Но вскорѣ, постепенно одушевляясь, онъ сталъ крупными чертами изображать головокружительное настроеніе, ослѣпившее большую часть европейскихъ правительствъ; онъ указывалъ на Испанію, которая, по его словамъ, впала въ летаргическій сонъ и стала подобна выброшенному на берегъ киту; онъ указалъ на Францію... И такъ какъ при этомъ вниманіе слушателей удвоилось, то крившаяся въ груди Бёрка внутренняя буря разразилась со страшною силой... «Франція! воскликнулъ онъ: она получаетъ теперь плату за то роковое увлеченіе, съ которымъ въ ней всё бросились навстрѣчу новыхъ ученій». И онъ набросалъ картину страшныхъ *злодѣйскихъ послѣдствій* этихъ ученій—таковы были его выраженія ²⁾.—Когда со всѣхъ скамей разомъ раздались крики: «Къ порядку! Слушайте, слушайте! Къ порядку! Продолжайте!»—онъ, среди неопишуемаго шума, сказалъ полунасмѣшливо, полугрустно: «Вотъ сцена, подобная тѣмъ, которыя можно теперь видѣть во Франціи!» ³⁾ Затѣмъ онъ снова началъ сыпать свои обвиненія, а когда его снова прервали, заявилъ торжественнымъ тономъ, что считаетъ своимъ долгомъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы предупредить палату общинъ, что странѣ грозитъ серьезная опасность, такъ какъ образовалась партія, имѣющая цѣлью подорвать и свалить конституцію.

«Если такъ—воскликнули нѣсколько членовъ—дѣло достаточно серьезно и должно стать предметомъ особаго обсужденія», послѣ чего лордъ Шеффилдъ предложилъ рѣшить, путемъ предложенія къ порядку дня, что разсужденія о французской конституціи и происходящихъ во Франціи событіяхъ не найдутся въ непосредственной связи съ биллемъ о Квебекѣ, который долженъ быть прочитанъ вторично, по статьямъ ⁴⁾.

Тотчасъ же всталъ Фоксъ, какъ бы съ цѣлью поддержать это ироническое предложеніе, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы поднять перчатку. Сдѣлавъ краткое вступленіе и дойдя до фран-

¹⁾ Свидѣтельство писателя, жившаго въ ту пору эмигрантомъ въ Англіи и присутствовавшаго на засѣданіи. Оно приведено въ *Cours de littérature française*, de M. Villemain, 16-e leçon.

²⁾ «He began to relate the nefarious consequences, as he termed them». *Annual Register*, vol. XXXIII, ch. XII, p. 264.

³⁾ *Memoir of the life and character of the Right hon. Edmund Burke*, by James Prior, ch. XI, p. 382.

⁴⁾ *Annual Register*, vol. XXXIII, ch. XII, p. 265.

пузской революціи, онъ отмстилъ за нее рѣчью, полною подавляющихъ сарказмовъ, облеченныхъ въ почтительныя формы.

«Итакъ—сказаль онъ—права человѣка представляютъ собою не болѣе, какъ пустую химеру! Онъ, Фоксъ, вѣрный ученикъ Бёрка, никогда не согласится повѣрить этому; не можетъ этому повѣрить онъ, научившійся отъ самого Бёрка радоваться успѣхамъ Вашингтона, плакать по поводу гибели Монгомери¹⁾, считать невозможнымъ, чтобы возстаніе цѣлаго народа было чисто искусственнымъ. Да, именно Бёркъ, его благородный другъ, его наставникъ въ политикѣ, энергично и краснорѣчиво сказалъ однажды: «Я не могъ бы бросить обвиненія цѣлому народу!» Именно онъ находилъ въ 1780 г., что вліяніе короны въ Англіи возросло свыше мѣры и должно быть уменьшено; какъ же послѣ этого удивляться тому, что въ глазахъ благоразумныхъ французовъ слишкомъ большое вліяніе короны оказалось небезопаснымъ? Его благородный другъ восторженно чтить монархическое устройство Англіи; чего же лучше? Но каждый можетъ припомнить, что въ 1783 г., когда въ рѣчи короны оплакивалась потеря, которую несутъ американцы, будучи лишены выгодъ монархическаго правленія, Бёркъ съ удивительнымъ искусствомъ сумѣлъ высмѣять эту рѣчь, сравнивъ ее со словами человѣка, который сказалъ бы: «Постойте, въ эту минуту, когда мы разстаемся, позвольте рекомендовать вамъ монархію»²⁾.

Подъ тяжестью этого брошеннаго ему другомъ обвиненія въ отступничествѣ, Бёркъ попытался обороняться, но не нашель въ себѣ обычной силы. Отравленная стрѣла попала ему прямо въ сердце и скорбь его вылилась въ жалобныхъ словахъ. Онъ напомнилъ о своихъ заслугахъ, говорилъ о своемъ преклонномъ возрастѣ, жаловался на человѣка, который такими жестокими нападками полагаетъ конецъ двадцати-двухлѣтней дружбѣ. «Впрочемъ—прибавилъ онъ—хотя нынѣшній день и прискорбенъ для меня, однако въ немъ нѣтъ ничего такого, что меня позорило бы. Одна сторона этой палаты отступилась отъ меня, другая отеклась отъ меня и отнеслась ко мнѣ съ порицаніемъ; тѣмъ не менѣе, я исполнилъ свой долгъ. Сочувствіемъ моей партіи и личными моими привязанностями я пожертвовалъ благу моей

¹⁾ Американскій генераль, погибшій въ войну за независимость при осадѣ Квебека въ 1775 г. (Переводч.).

²⁾ *Annual Register*, vol. XXXIII, ch. XI, p. 266, 267.

родины; быть можетъ, Англія оцѣнитъ глубину моихъ убѣжденій¹⁾, когда подумаетъ, какою цѣной я приобрѣлъ ихъ».

Фоксъ хотѣлъ отвѣтить, но его охватило волненіе и онъ залился слезами. На всѣхъ лицахъ замѣчалось выраженіе берущей за сердце тоскливой тревоги, и нѣсколько минутъ Фоксъ хранилъ молчаніе, прерывавшееся лишь рыданіями²⁾. Первыми словами его былъ лишь нѣжный, трогательный призывъ къ воспоминаніямъ благородной близости его къ Бёрку; но, разъ вернувшись снова къ преніямъ, ораторъ какъ бы помимо воли опять сталъ говорить ѣдко и задорно, что вызвало слѣдующую послѣднюю отвѣдь со стороны Бёрка: «Доброе расположеніе, выказанное мнѣ г. Фоксомъ въ началѣ его рѣчи, значительно изглажено ея продолженіемъ и окончаніемъ. Опъ, кажется, сожалѣлъ о рѣзкихъ выходкахъ за нынѣшній вечеръ: я очень боюсь, что враги наши будутъ всегда помнить ихъ». Затѣмъ, отвѣчая на великолѣпное похвальное слово, сказанное Фоксомъ французской революціи, и заявляя, что онъ никогда не нападалъ на республику, онъ сказалъ: «Франція не республика; это—тутъ онъ привелъ стихъ Мильтона—это темный, гигантскій и ужасный образъ смерти, съ кажущеюся короной на кажущейся головѣ, съ рычаніемъ, подобнымъ рычанію адскихъ псовъ, безконечно и безостановочно лающихъ вокругъ пояса грѣха. Это безформенное чудовище, порожденное хаосомъ и адомъ»³⁾.

Въ продолженіе этихъ достопамятныхъ преній, въ ту минуту, когда Бёркъ произнесъ слова: *Fly from the French constitution* (бѣгите отъ французской конституціи), Фоксъ спросилъ вполголоса: «Это не разрывъ дружбы?» на что Бёркъ отвѣтилъ сурово: «Это разрывъ дружбы»⁴⁾. И дѣйствительно, связь, такъ долго соединявшая этихъ двухъ знаменитыхъ людей, тогда порвалась—и уже навсегда.

¹⁾ *Annual Register*, vol. XXXIII, ch. XII, p. 267.

²⁾ «Tears for some time impeded his utterance». *Ibid.* См. также Prior, *Memoir on the life of Burke*, p. 384: «Mr. Fox found relief in tears.»

³⁾ «It was a compound (reciting the verses of Milton) of the sublimely obscure and tremendous figure of Death, having a likeness of a kingly crown upon the seeming head, with the cry of hell-hounds that bark without ceasing around the waist of sin. It was a shapeless monster, born of hell and chaos». *Annual Register*, vol. XXXIII, ch. XII, p. 269.

⁴⁾ James Prior, *Memoir on the life of Burke*, ch. XI, p. 283.

Одинъ французскій писатель — и при томъ весьма почтенный — утверждаетъ, что Питтъ, повидимому, оставался безпристрастнымъ и почти равнодушнымъ¹⁾. Это заблужденіе. Такъ держался онъ во время борьбы 1790 г.; на этотъ же разъ онъ, не бросая прямо вызова французской революціи, во всеуслышаніе заявилъ, что «Бёркъ оказалъ своей странѣ большую услугу, высказавъ съ такимъ искусствомъ и краснорѣчіемъ свое мнѣніе о существующей уже опасности»²⁾. И съ тѣхъ поръ онъ, казалось, съ особеннымъ удовольствіемъ публично подавалъ ему руку. Онъ говорилъ: «Г. Бёркъ можетъ быть увѣренъ, что я отъ всей души присоединюсь къ нему во всемъ, что будетъ способствовать сохраненію того, что онъ признаетъ самою совершенною конституціей въ мірѣ — способствовать такъ, чтобы эта конституція была передана въ наслѣдіе будущимъ поколѣніямъ, какъ наилучшая гарантія процвѣтанія, свободы и счастья Англіи»³⁾. Развѣ такія слова не были равносильны заявленію, что онъ отнимаетъ у оппозиціи одного изъ ея вождей?

Вечеромъ, по выходѣ съ засѣданія, одинъ изъ членовъ партіи Фокса въ этомъ вопросѣ, Кёрвенъ, дожидался своего экипажа, когда подошелъ Бёркъ и попросилъ довести его: шелъ дождь. Едва они усѣлись, Бёркъ съ чрезвычайнымъ жаромъ принялся повторять свои нареканія на революцію. Кёрвенъ молчалъ. Вдругъ Бёркъ, повернувшись къ нему, похвалилъ его за то, что онъ не принадлежитъ къ числу людей, одобряющихъ революціонныя ученія Франціи; потомъ онъ умолялъ, чтобы дать ему отвѣтить. Не успѣлъ Кёрвенъ высказать ему свои воззрѣнія, какъ Бёркъ яростно схватился за шнурокъ экипажа и закричалъ: «А, такъ вы изъ такихъ? Выпустите меня, живо!» Кёрвену съ трудомъ удалось удержать его; но послѣ этого онъ ѣхалъ уже молча и въ мрачномъ настроеніи, и какъ только лошади остановились, быстро выскочилъ изъ экипажа, не сказавъ ни слова⁴⁾.

Знаменитая ссора, которую зажгла французская революція, имѣла значительное вліяніе на политику Англіи. *Morning Chro-*

¹⁾ Villemain, въ его *Cours de littérature française*, 16 leçon.

²⁾ Относительно этого одобренія, публично выраженнаго Бёрку Питтомъ, см. книгу Prior, *Memoir on the life of Burke*, ch. XI. p. 382, и *Annual Register*, vol. XXIII, p. 269.

³⁾ *Annual Register*, vol. XXIII, p. 269.

⁴⁾ *Travels in Ireland*, t. II. — Цитировано Джэмсомъ Прайоромъ въ его биографіи Бёрка, стр. 392 и 393.

nicle заявила, что значительная часть виговъ приняла сторону Фокса, и что поэтому Бёрку остается только удалиться изъ парламента ¹⁾. Это значило дать могучаго помощника Питту и подбавить горючаго матеріала для того пожара, который готовился охватить всю Европу.

Огромною же цѣною купили авиньонцы званіе французовъ, котораго они такъ страстно желали! И однако въ душу ихъ, навсегда оставшуюся французскою, никогда не закрадывалось въ послѣдствіи сожалѣніе. Отдаваясь революціи, становясь братьями французовъ, они присоединялись къ эпическимъ страданіямъ, соглашались нести вмѣстѣ съ французами крестъ по пути къ французской Голгоѣ. И колебаніе было для нихъ невозможно! Кто объяснить эту плѣнительную силу, которою облечена Франція? Въ Англии революція, создавшая Кромвелля, была, конечно, очень глубока и очень обширна; она доставила человѣческому уму своеобразные поводы къ безпокойству, къ радости, къ возбужденію: отчего же это великое возстаніе Англии оказалось безсильнымъ переправиться за море на тѣхъ тысячахъ кораблей, которые находились въ ея распоряженіи? Отчего въ то самое время, когда оно всыхнуло, лицомъ къ лицу передъ нимъ, на сосѣднихъ берегахъ, открывало свое пышное, спокойное шествіе царствованіе Людовика XIV? А здѣсь—какая разница! Несмотря на то, что французская революція является въ ужающемъ видѣ, несмотря на то, что она сулитъ народамъ, которые дадутъ увлечь себя, лишь полную бурь свободу, появленіе ея всетаки приводитъ въ движеніе рѣшительно все не только вокругъ нея, но и въ отдаленныхъ краяхъ. Заговоритъ ли она, и безчисленные отклики, которыхъ и не подозрѣвали, разносятъ ея голосъ на край свѣта. Шевельнется ли она, и зашатается старая Европа. Поманитъ ли она къ себѣ знакомъ, и цѣлые народы, словно подталкиваемые тайною силой, устремляются ей навстрѣчу. О, родина моя! какъ ужасна, но и какъ славна твоя судьба!

¹⁾ James Prior, *Memoir on the life of Burke*, ch. XI, p. 394.

ГЛАВА III.

Возникновение коалиціи.

Екатерина II продолжает дѣлать завоеванія.—Пораженіе турокъ.—Взятіе русскими Измаила; ужасная рѣзня.—Впечатлѣніе, произведенное этими событіями въ Лондонѣ и Берлинѣ.—Измѣненіе стремленій Фридриха-Вильгельма.—Онъ усваиваетъ другой планъ.—Веденіе переговоровъ поручается Бишофвердеру.—Заявленія, сдѣланныя Франціи со стороны прусскаго короля.—Тайныя виды Монморена; онъ отвергаетъ предложенія Пруссіи.—Фридрихъ-Вильгельмъ возвращается къ своимъ рейхенбахскимъ тяготѣніямъ.—Тайная политика Леопольда.—Отставка Гертцберга.—Исторія циркуляра посланъ отъ 23 апрѣля 1791 г.—Двуличность Людовика XVI.—Колебанія французскаго двора.—Недовѣріе королевы къ графу Артуа.—Графъ Артуа въ Кобленцѣ.—Кобленцскій малый дворъ, руководимый Калонномъ.—Людовикъ XVI и королева внезапно сближаются съ графомъ Артуа.—Конфиденціальная миссія графа Дюрфора.—Совѣщанія въ Мантуѣ.—Колыбель коалиціи.—Леопольдъ противится проекту бѣгства Людовика XVI.—Интриги соперника Калонна, барона Бретѣйля.—Людовикъ XVI рѣшается бѣжать; побудительныя къ тому причины; онъ увлекаетъ Марію-Антуанету.—Неизданное письмо этой королевы къ Леопольду.

Царствовавшія особы слишкомъ хорошо видѣли притягательную силу французской революціи и, притомъ, понимали ея значеніе, но дипломатическія осложненія, найти выходъ изъ которыхъ имъ было трудно, мѣшали имъ дѣйствовать, разбивали ихъ усилія и заставляли ихъ откладывать осуществленіе своихъ замысловъ.

Вернемся къ внѣшнимъ событіямъ, начавъ съ положенія дѣлъ въ то время, когда мы ихъ оставили.

Въ одной изъ предшествующихъ главъ мы видѣли, что 5-го августа 1790 г. Рейхенбахскимъ договоромъ положенъ былъ конецъ долгому соперничеству между Австріей и Пруссіей; что почти тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ миръ въ Верелѣ разоружилъ на сѣверѣ Екатерину II и шведскаго короля; наконецъ, что Леопольдъ, провозглашенный 30-го сентября императоромъ, воспользовался своимъ сближеніемъ съ Пруссіей, чтобы въ концѣ 1790 г. вернуть бельгійскія провинція подъ австрійское владычество.

Каждое изъ этихъ событій устраняло по одному изъ препятствій, мѣшавшихъ образованію коалиціи государей противъ революціонной Франціи. Но послѣднее и самое значительное изъ всѣхъ препятствій еще существовало: то была ожесточенная, безпощадная война, которую Екатерина II вела съ турками.

Австрія и Пруссія, извѣщая царицу о результатѣ совѣщаній въ Рейхенбахѣ, не преминули выставить передъ нею свой образъ

дѣйствій въ видѣ примѣра, которому нужно слѣдовать. Сдѣланъ былъ даже намекъ, что если Екатерина II безусловно откажется вступить на путь умѣренной политики, то прусская армія не замедлитъ занять границы Курляндіи¹⁾. Ловкая императрица отвѣтила, что, такъ какъ войну объявили ей турки, то никто не долженъ ожидать, чтобы она дала диктовать себѣ условія мира. Въ то же время она старательно придерживалась при вѣнскомъ, берлинскомъ и сентъ-джемскомъ дворахъ самага мягкаго тона, давая имъ понять, что симпатія ея къ нимъ можетъ гораздо больше способствовать всеобщему умиротворенію, чѣмъ всѣ угрозы²⁾.

Однако, эти пустыя проявленія дружелюбія не вводили въ обманъ ни Пруссію, ни Англію. Обѣ эти державы, встревожившись успѣхами Россіи, съ удовольствіемъ смотрѣли на то, какъ на нее ополчился шведскій король; уже готовилась отправка Густаву денежной помощи отъ Пруссіи и помощи кораблями отъ Англіи, когда миръ въ Верелѣ внезапно разстроилъ завистливые планы обоихъ кабинетовъ, нарушилъ ихъ политику, отнялъ у Англіи надежду поставить Россію въ изолированное положеніе и внушилъ Пруссіи опасеніе, что Екатерина II водворила на сѣверѣ спокойствіе только для того, чтобы доставить себѣ возможность съ болышимъ успѣхомъ продолжать свои завоеванія на Востокѣ.

Опасенія эти оправдались на дѣлѣ; въ то время какъ Австрія давала туркамъ перемиріе, а дипломаты, собравшіеся въ Систовѣ для переговоровъ, теряли время на обсужденіе проектовъ, отвергавшихся тотчасъ по ихъ внесеніи, Потемкинъ, Репнинъ и Суворовъ завоевывали проходимыя ими турецкія области, взяли Килію и овладѣли устьями рѣкъ. Согласно дивимъ традиціямъ древней карагенской политики, перенесенной султанами и въ новые вѣка, Селимъ велѣлъ подлить яда или отрубить голову—на этотъ счетъ повѣствованія расходятся—старому воякѣ Хасану-пашѣ³⁾, который съ величіемъ духа въ теченіе пятнадцати лѣтъ боролся противъ унадка своей родины и сумѣлъ понесенными пораженіями обезсмертить себя въ большей мѣрѣ, чѣмъ

¹⁾ Extract of a letter from lord Malmesbury to the duke of Portland. *Diaries and correspondence of the earl of Malmesbury*, vol. II, p. 436.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ Louis-Philippe de Ségur, *Tableau historique et politique de l'Europe* t. I, p. 306. Paris, an X.

многіе прославившіеся триумфаторы обезсмертили себя побѣдами. Это только усилило среди турокъ ужасъ. Командованіе арміей принялъ Юсуфъ-паша. Новый великій визирь былъ человѣкомъ испытаннаго мужества, крутой и дальновидный солдатъ. Русскимъ, гордившимся своими успѣхами, онъ оказалъ неожиданное сопротивленіе. Но въ этой борьбѣ стараго народа съ народомъ молодымъ судьба видимо склонялась на сторону молодости: возникшіе въ Константинополѣ безпорядки¹⁾ послужили къ выгодѣ непріятеля, котораго можно бы назвать истребителемъ Оттоманской имперіи. Онъ съ нѣкотораго рода хищною алчностью использовалъ свою удачу и въ декабрѣ 1790 г. Суворовъ нанесъ Турціи ударъ, отъ котораго всю Европу охватилъ ужасъ.

Городъ Измаиль всегда считался ключомъ къ нижнему Дунаю: Суворовъ обложилъ эту крѣпость и 22-го декабря 1790 г., въ 5 часовъ утра, чтобы разгромить ее впрахъ, открылъ по ней самый страшный, какой только былъ тогда виданъ, артиллерійскій огонь. Когда ужасная бомбардировка вызвала въ городѣ оцѣпенѣніе, казаки бросились къ его стѣнамъ и отдано было приказаніе начать общій штурмъ. «Братцы,—говорилъ съ зловѣщею фамиллярностью Суворовъ окружившимъ его людямъ,— не давать пощады! особенно не давать пощады! Харчи дороги»²⁾. Турки проявили безстрашіе, равнявшееся ярости непріятеля. Восемь разъ рускіе были отбиваемы, опрокидываемы въ потокахъ крови. Потери ихъ были такъ значительны, что продолженіе штурма считалось невозможнымъ; взбѣшенный Суворовъ приказалъ конницѣ спѣшиться и бросилъ ее на штурмъ; самъ онъ, выхвативъ у знаменосца знамя, полѣзъ на крѣпостную стѣну и водрузилъ знамя на одной изъ турецкихъ батарей. Штурмующіе налегли съ удвоенною силой и вскорѣ масса солдатъ съ ревомъ ворвалась со всѣхъ сторонъ въ городъ. Тутъ развернулася ужасающая картина, подобная сохранившимся въ исторіи сценамъ подъ Нуманціей и Сагунтомъ. Одушевленные возвышеннымъ отчаяніемъ, ища смерти, турки стали толпами бросаться частью на непріятельскія штыки, частью въ волны Дуная. Никто не взывалъ къ жалости побѣдителей, и ярость ихъ только усиливалась отъ проявленія такого мрачнаго презрѣнія. Когда рускіе ворвались въ крѣпость, было 6 часовъ

¹⁾ Подробности см. въ *Annual Register*, vol. XXIII, ch. V.

²⁾ *Ibidem*, p. 100.

вечера, но они продолжали избіенія въ теченіе цѣлой ночи; когда взопло солнце, оно освѣтило сцену бойни, ужасъ которой, пока было темно, можно было угадывать только по гулу пушечныхъ выстрѣловъ, по крикамъ умиравшихъ и по воплямъ дѣтей и женщинъ. Всѣ защищавшіе Измаиль турецкіе солдаты, въ числѣ 24 тысячъ человекъ, погибли отъ перваго до послѣдняго. Число убитыхъ, считая и жителей обоого пола, всякаго возраста и положенія, доходило до 31 тысячи¹⁾. Измаильскаго губернатора нашли, всего въ ранахъ, подъ грудю мертвыхъ тѣлъ. Триста черкешенокъ изъ различныхъ гаремовъ собирались было уже броситься въ Дунай, чтобы избѣгнуть изнасилованія казаками, когда состоявшій на русской службѣ англичанинъ, полковникъ Коблей, вступился и спасъ ихъ²⁾.

Вѣсть о кровожадномъ ожесточеніи, съ которымъ войска Екатерины поддерживали то, что она называла своею славой, сильно взволновала сентъ-джемскій и берлинскій дворы. Особенно глубокое впечатлѣніе произвела она въ Берлинѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ счелъ, что его провели за носъ; онъ подумалъ, что лукавая царица только для того такъ настойчиво побуждала его вооружиться противъ французской революціи, чтобы устранить со своего пути къ осуществленію честолюбивыхъ замысловъ охранительныя силы Запада и Юга.

• Подозрительность его шла и далѣе.

Тронутый участіемъ Людовика XVI и понимая, насколько коронованныя особы заинтересованы въ оказаніи ему поддержки, онъ въ Рейхенбахѣ чистосердечно протянулъ руку Австріи, отказался отъ исключительно прусской политики Гертцберга и этимъ внезапнымъ рѣшеніемъ разрушилъ континентальную систему, созданную совмѣстными усиліями его великаго министра и англійскаго дипломата Юарта (Ewart). Переимѣну эту, вызванную ловкими забѣганіями Леопольда и внушеніями Бишофсвердера, Фридрихъ - Вильгельмъ совершилъ настолько искренно, что въ октябрѣ 1790 г., спустя два мѣсяца послѣ Рейхенбахскаго договора лордъ Мальмесбюри писалъ изъ Кобленца герцогу Портлендскому: «Его величество король прусскій, хотя и относился ко мнѣ со всею возможной милостью и добротою, тщательно

¹⁾ Louis-Philippe de Ségur говоритъ въ своей *Tableau historique et politique de l'Europe*, что убитыхъ было 15,000, но это ошибка, такъ какъ разслѣдованіемъ установлена была цифра 31,000.

²⁾ *Annual Register*, vol. XXIII, p. 101.

избѣгалъ бесѣды со мною о государственныхъ дѣлахъ; такую же сдержанность проявляетъ онъ и по отношенію къ послу его величества, который, вмѣсто того, чтобы быть повѣреннымъ тайнъ, какъ было нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и, въ нѣ-которомъ родѣ, управляющимъ прусскаго кабинета, теперь ни довѣриемъ не пользуется, ни къ совѣтамъ не привлекается»¹⁾.

Но когда Фридрихъ-Вильгельмъ увидѣлъ, что Екатерина II усиленно продолжаетъ свои завоеванія, что вѣнскій дворъ медлитъ заключеніемъ мира съ турками и остается привязаннымъ къ с.-петербургскому кабинету, въ немъ снова проснулось прежнее чувство соперничества по отношенію къ Австріи. Притомъ, ему было небезызвѣстно, что принятая въ Рейхенбахѣ новая система противорѣчила естественнымъ стремленіямъ прусской націи и что Бишофсвердеръ былъ очень непопуляренъ въ Берлинѣ. Дѣйствительно, тамъ, не скрываясь, роптали на него, во всеуслышаніе бранили его за то, что онъ продалъ Пруссію императору, и это обвиненіе допускалось тѣмъ легче, что Бишофсвердеръ былъ иностранецъ²⁾.

На что же, однако, рѣшиться? Вернуться ли къ политикѣ Гертцберга, не заботиться впредь ни о чемъ, кромѣ интереса Пруссіи, порвать съ Вѣной, предоставить потоку французской революціи нестись внизъ по откосу и отказаться отъ мысли о спасеніи Людовика XVI, которую съ такою нѣжностью питали до сихъ поръ?

На это Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшиться не могъ и, послѣ нѣкотораго колебанія, обличавшаго его взволнованное состояніе, онъ остановился на слѣдующей смѣшанной системѣ: вновь обратиться къ политикѣ Гертцберга, но отбросивъ ея исключительный характеръ; выступить со вмѣшательствомъ въ пользу Людовика XVI, но отдѣлившись отъ Австріи и не дѣйствуя больше въ согласіи съ нею; предложить французскому двору

¹⁾ «His Prussian Majesty, although as gracious, and even kind to me as possible, studiously avoided talking to me on public concerns; and he observes the same reserve with His Majesty's minister, who, instead of being as he was a few months ago, in the whole secret, and in a manner the director of the Prussian cabinet, is now neither consulted nor trusted». *Diaries and correspondence of the earl Malmesbury*, vol. II, p. 441.

²⁾ «. . . Bischofswerder being a foreigner, and taxed with having sold his master to the emperor». *Diaries and correspondence of the earl Malmesbury*.

быструю и немедленную помощь двадцати-четырёхтысячной армии, а въ видѣ вознагражденія за возстановленіе власти Людовика XVI потребовать отъ него, чтобы онъ порвалъ соединявнія его съ Австріей связи и вступилъ въ тѣсный союзъ съ Бранденбургскимъ домомъ ¹⁾.

Казалось, что этотъ планъ все уладить. Сколько выгодъ сразу! Австрія будетъ принижена, недовольство общественнаго мнѣнія въ Пруссіи смѣнится восторгомъ, интересъ Пруссіи восторжествуетъ, на долю Фридриха-Вильгельма выпадетъ та слава, что онъ одинъ выступилъ поборникомъ коронованныхъ особъ, а въ награду за это славное дѣло у вѣнскаго двора будетъ отнята выгода цѣннаго союза!

Къ несчастію, эта прекрасная мечта покоилась на осуществленіи двухъ одинаково гадательныхъ гипотезъ: одна изъ нихъ заключалась въ томъ, что стоитъ только сдѣлать нападеніе на французскую революцію, и она будетъ побѣждена; другая была та, что Людовикъ XVI охотно согласится на осуществленіе плана, враждебнаго Леопольду, т. е. государю, сестрою котораго была Марія-Антуанета.

Тѣмъ не менѣе, попытка была сдѣлана, и странно было то, что прусскій король поручилъ веденіе переговоровъ по этому дѣлу самому Бишофсвердеру ²⁾. Изъ боязни ли повредить отказомъ своему кредитору, или же въ тайной надеждѣ, что попытка потерпитъ неудачу, но Бишофсвердеръ принялъ порученіе и предписалъ барону Гольтцу сообщить французскому двору предложенія Пруссіи.

Но у Монморена былъ свой собственный планъ, совсѣмъ противоположный этимъ предложеніямъ; мы изложимъ его со словъ одного автора, вообще очень дурно освѣдомленнаго или жалкимъ образомъ ослѣпленнаго духомъ партіи, однако заслуживающаго въ данномъ случаѣ довѣрія, потому что онъ лично зналъ виды французскаго министра и не имѣлъ никакого интереса извращать ихъ характеръ.

По словамъ Бертрана де Мольвилля, Монморену хотѣлось, чтобы австрійскій императоръ составилъ коалицію съ Пруссіей, Россіей, Испаніей, Сардиніей и королемъ Неаполитанскимъ, съ цѣлью объявить Франціи войну, не выстуная тотчасъ же въ

¹⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 98 et 99.

²⁾ *Ibidem*, t. I, p. 98.

походъ. Онъ желалъ бы, чтобы эта коалиція издала манифестъ, которымъ союзные государи объявили бы о своемъ рѣшеніи пресѣчь революцію, угрожающую опасностью всѣмъ европейскимъ правительствамъ. Съ опубликованіемъ этого манифеста, императоръ, прусскій король, Неаполь и Сардинія двинули бы войска къ границамъ Франціи, но медленно, подъ предлогомъ, будто ожидается сосредоточеніе остальныхъ силъ коалиціи, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы дать Людовику XVI время для принятія внутри извѣстныхъ мѣръ, которыя были бы частью общей комбинаціи. Мѣры эти заключались бы въ томъ, чтобы, посредствомъ раздачи съ толкомъ двухъ милліоновъ, обезпечить себѣ преобладающее вліяніе въ Собраніи, на трибунахъ, въ муниципалитетѣ и секціяхъ, въ средѣ національной гвардіи и даже въ яacobинскомъ клубѣ.—Люди, спекулирующіе подкупомъ, не сомнѣваются вѣдь, что всюду есть негодяи, готовые продаться.—Такъ какъ угроза колоссальною войною способна распространить недовольство и ужасъ, то подобное настроеніе было бы легко обратить противъ Собранія. Король же, напротивъ, могъ бы использовать его къ своей выгодѣ и нашелъ бы въ немъ легкое средство къ возстановленію своей популярности, издавъ строгія повелѣнія о возвращеніи эмигрантовъ, призвавъ къ защитѣ угрожаемаго отечества всѣхъ французскихъ принцевъ, всѣхъ офицеровъ, достойныхъ этого наименованія, всѣхъ дворянъ. Для возстановленія своей популярности онъ могъ бы еще побудить королеву написать императору и неаполитанскому королю, чтобы отвлечь ихъ отъ коалиціи, причемъ письма эти, конечно, были бы оглашены; наконецъ, онъ могъ бы самъ стать въ ряды своей арміи, гдѣ онъ каждый день показывался бы солдатамъ, производилъ бы смотры и завоевывалъ бы расположеніе войскъ непринужденнымъ отношеніемъ къ нимъ и играя роль живого призыва къ ихъ вѣрности и преданности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ могъ бы открыто начать переговоры съ императоромъ, достигнуть перемирія и созвать Собраніе въ Мецѣ или въ Валансьенѣ, какъ бы для того, чтобы согласиться съ нимъ на счетъ требованій иностранныхъ державъ и условій мира. Иностранныя державы—согласно заранѣе заключенному тайному соглашенію—не преминули бы поставить такія условія, которыхъ король не могъ бы принять безъ согласія Собранія, а Собраніе не могло бы дать согласія безъ формальнаго обращенія къ народу. А разъ народъ былъ бы

созванъ—а созванъ онъ былъ бы по округамъ—его спросили бы не только о требованіяхъ различныхъ дворовъ, но и объ основахъ новой конституціи, которая примиряла бы свободу съ истинными началами монархіи ¹⁾).

Мы не будемъ останавливаться на указаніяхъ относительно того, сколько ребячества и самообмана было въ этомъ планѣ, въ которомъ подкупъ, ложь и лицемѣріе принимались за средства успѣха; ограничимся замѣткой, что онъ дѣлалъ предложенія Гольтца неприемлемыми для Монморена. Отвѣтъ французскаго министра представителю Пруссіи былъ тотъ, что такъ какъ предложеніе Пруссіи сводится съ слишкомъ крупной, слишкомъ рѣзкой и опасной попыткѣ контръ-революціи, то Людовикъ XVI не хочетъ, да и не можетъ присоединиться къ нему ²⁾).

Быть можетъ, этого отказа было бы недостаточно для того, чтобы вернуть Фридриха-Вильгельма къ его рейхенбахскимъ планамъ, если бы Леопольдъ, котораго извѣстили противники Гертцберга, не употребилъ всѣхъ средствъ для достиженія этой цѣли: и непосредственную переписку, и просьбы чрезъ третьихъ лицъ, и открытыя хлопоты, и такіе приемы, въ которыхъ не сознаются. Въ сущности, Фридрихъ-Вильгельмъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые способны на долгое сопротивленіе. Какой послѣдовательности въ мысляхъ, какой стойкости въ намѣреніяхъ можно было ожидать отъ государя, который, увлекаясь поочередно то поползновеніями къ славѣ, то прелестью удовольствій, постоянно колебался между войною и миромъ; отъ государя, такъ мало владѣвшаго собой, что онъ вступилъ въ бракъ съ графиней Энгофъ, не разойдясь со своей женою и разставшись съ своею любовницею, г-жею Рицъ? ³⁾ Въ глазахъ монарха, способнаго поддаваться вліяніямъ подобнаго рода, Гертцбергъ всегда былъ неправъ въ томъ, что оставался недоступнымъ для подлыхъ любезностей и хотѣлъ поднять и удержатъ политику выше будуарныхъ интригъ, выше совѣтовъ, даваемыхъ въ тѣни алькововъ. Такимъ образомъ, когда Леопольдъ письменно совѣтовалъ прусскому королю остерегаться министра,

¹⁾ См. *Annales de la Révolution française*, par Bertrand de Moleville t. IV, ch. XXXIX.

²⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 99.

³⁾ Louis-Philippe de Segur, *Tableau historique et politique de l'Europe*, t. I, p. 310.

преисполненнаго пылкою ненавистью и ярими страстями ¹⁾, онъ только усиливаль въ прусскомъ королѣ желаніе удалить неудобнаго надсмотрщика.

Предвидѣнный взрывъ послѣдовалъ. Въ апрѣлѣ 1791 г. Гертцбергу, власть котораго стала, впрочемъ, съ нѣкотораго времени второстепенною, приданы были графъ Альвенслебенъ и графъ Шуленбургъ-Кенертъ. Онъ понялъ, что желательна его отставка, и не замедлил удалиться въ свое имѣніе въ Помераніи ²⁾, съ глубокой горечью въ душѣ по поводу оказаннаго ему недоувѣрія и гибели его широкихъ замысловъ. Его отставка расчистила путь заправителю тайной политики—Бишофсвердеру, другу Австріи; и такимъ-то образомъ вновь взяли верхъ рейхенбахскія настроенія. Надо также сказать, что съ предшествовавшаго мѣсяца вѣнскій и петербургскій дворы проявили рѣшимость положить конецъ восточной войнѣ ³⁾, такъ какъ собиравшаяся въ Польшѣ гроза побуждала Екатерину дѣйствовать болѣе осторожно.

Итакъ, вотъ каково было положеніе дѣлъ, когда въ Парижѣ сдѣлана была неудачная попытка поѣздки въ Сень-Клу, о которой рассказано въ одной изъ предшествующихъ главъ. Чтобы не прерывать теченія вызванныхъ этою попыткой внутреннихъ событій во Франціи, мы ограничились тогда лишь упоминаніемъ о циркулярѣ, который былъ разосланъ Монмореномъ посламъ; теперь пришла пора рассказать о характерныхъ обстоятельствахъ, связанныхъ съ этимъ дѣломъ.

И прежде всего необходимо предъявить читателю самый текстъ циркуляра.

Письмо, сообщенное Національному Собранію министромъ отъ имени короля.

«Милостивый государь, король поручаетъ мнѣ увѣдомить васъ, что онъ самымъ опредѣленнымъ образомъ желаетъ, чтобы вы высказали двору, при которомъ пребываете, его мысли о революціи и о французской конституціи. Послы и посланники Франціи при всѣхъ европейскихъ дворахъ получаютъ такія же повелѣнія, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія

¹⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'État*, t. I, p. 101.

²⁾ *Ibid.*, p. 104.

³⁾ *Ibid.*, p. 100.

ни относительно намѣреній его величества, ни въ томъ, что новая форма правленія принята имъ свободно, ни въ его незабываемой присягѣ сохранить ее. Его величество созвалъ Генеральные Штаты своего королевства и постановилъ въ своемъ совѣтѣ, что въ нихъ общины будутъ имѣть число депутатовъ, одинаковое съ двумя другими существовавшими тогда сословіями. Этотъ временный законодательный актъ, который по обстоятельствамъ той минуты не могъ быть сдѣланъ болѣе благопріятнымъ, достаточно свидѣтельствовалъ о желаніи его величества возстановить націю во всѣхъ ея правахъ.

«Генеральные Штаты собрались и приняли наименованіе Національнаго Собранія; вскорѣ конституція, способная составить счастье Франціи и монарха, замѣнила собою старый порядокъ вещей, при которомъ подъ кажущеюся силой королевства крылась лишь реальная сила злоупотребленій нѣсколькихъ аристократическихъ корпорацій.

«Національное Собраніе приняло представительную форму правленія, въ связи съ наслѣдственной королевскою властью; законодательный корпусъ былъ объявленъ постояннымъ; избраніе министровъ исповѣданія, членовъ администраціи и судей представлено было народу; исполнительную власть возложили на короля, составленіе законовъ—на законодательный корпусъ, а утвержденіе ихъ—на монарха; государственныя силы, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, были организованы на тѣхъ же началахъ, согласно коренной основѣ различія властей: таково новое устройство королевства.

«То, что называютъ революціей, есть лишь уничтоженіе массы злоупотребленій, накопившихся за нѣсколько вѣковъ вслѣдствіе ошибокъ народа или власти министровъ, которая никогда не была властью королей; злоупотребленія эти были но менѣе губительны для народа, чѣмъ для монарха; въ благополучныя царствованія власть непрерывно боролась съ этими злоупотребленіями, но не могла уничтожить ихъ; теперь ихъ больше уже нѣтъ. Въ верховновластной націи есть лишь равноправные граждане, нѣтъ иного деспота, кромѣ закона, нѣтъ иныхъ органовъ, кромѣ общественныхъ должностныхъ лицъ, и первымъ изъ нихъ является король: такова французская революція.

«Она должна была встрѣтить враговъ въ лицѣ всѣхъ тѣхъ, кто, въ первую минуту заблужденія, пожалѣлъ изъ-за личныхъ

выгодъ о злоупотребленіяхъ стараго управленія: отсюда то кажущееся разъединеніе, которое обнаружилось въ королевствѣ и съ каждымъ днемъ слабѣетъ; отсюда, быть можетъ, нѣсколько строгихъ, пріуроченныхъ къ обстоятельствамъ законовъ, которые будутъ исправлены временемъ. Но король, истинная сила котораго нераздѣльна съ силою націи, который не имѣетъ ни иного честолюбія, кромѣ счастья народа, ни иной дѣйствительной власти, кромѣ ввѣренной ему,—король долженъ былъ, не колеблясь, принять счастливую конституцію, перерождающую одновременно его власть, націю и монархію. За нимъ сохранено все его могущество, кромѣ опасной власти вырабатывать законы; за нимъ оставлено веденіе переговоровъ съ иностранными государствами, забота о защитѣ королевства и объ отраженіи отъ него враговъ; но отнынѣ у Франціи будутъ нападающіе на нее только за-границей; внутреннихъ же враговъ у нея нѣтъ никого, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя, еще питая безумныя надежды, стали бы думать, будто воля двадцати-четырехъ милліоновъ людей, возстановленныхъ въ ихъ естественныхъ правахъ послѣ того, какъ они такъ организовали королевство, что о старыхъ формахъ и старыхъ злоупотребленіяхъ остались одни воспоминанія,—будто эта воля не неизмѣнна и не неизблема.

«Изъ этихъ враговъ самые опасные тѣ, которые старались возбудить повсюду сомнѣніе въ намѣреніяхъ монарха; люди эти очень виновны или сильно ослѣплены; они считаютъ себя сторонниками короля, но являются единственными врагами королевской власти; они лишили бы монарха любви и довѣрія великой націи, если бы его принципы и его честность были менѣе извѣстны. Чего только не сдѣлалъ король, чтобы показать, что къ числу своихъ правъ на славу онъ относитъ также революцію и французскую конституцію? Принявъ и утвердивъ всѣ законы, онъ не пренебрегалъ никакимъ средствомъ къ тому, чтобы они были приводимы въ дѣйствіе; въ февралѣ прошлаго года онъ далъ въ Национальномъ Собраніи обѣщаніе хранить эти законы; онъ принялъ въ этомъ присягу среди всеобщей федераціи королевства: будучи почтенъ титуломъ возстановителя французской свободы, онъ передастъ своему сыну больше чѣмъ корону—онъ передастъ ему конституціонное королевство.

«Враги конституціи непрестанно повторяютъ, что король несчастливъ, какъ будто для короля можетъ быть иное счастье, чѣмъ счастье народа; они говорятъ, что его власть унижена,

какъ будто власть, основанная на силѣ, не менѣе могущественна и не болѣе шатка, чѣмъ власть закона. Наконецъ, они полагають, будто король не свободенъ: эта клевета ужасна, если предположить, что воля его могла быть насилowana, и нелѣпа, если считать отсутствіемъ свободы то, что его величество неоднократно выражалъ согласіе остаться среди гражданъ Парижа— согласіе, которое онъ считалъ себя обязаннымъ дать въ виду ихъ патріотизма, даже въ виду ихъ опасеній, и особенно въ виду ихъ любви.

«Клевета эта проникла, однако, даже въ иностранные дворы; она была повторяема тамъ французами, которые добровольно выселились изъ отечества, вмѣсто того, чтобы дѣлать съ нимъ его славу, и которые если и не являются врагами родины, то все же, по меньшей мѣрѣ, покинули свой постъ гражданина. Король поручаетъ вамъ, милостивый государь, разстроить ихъ происки и замыслы. Та же клевета, распространяя самыя превратныя представленія о французской революціи, побудила многія сосѣднія націи подозрительно относиться къ намѣреніямъ французскихъ путешественниковъ, и король особенно рекомендуетъ вамъ оказывать послѣднимъ покровительство и защищать ихъ. Внушайте, милостивый государь, то же представленіе о французской конституціи, какое имѣетъ о ней самъ король; не оставляйте никакого сомнѣнія въ намѣреніи его величества всею своею властью поддерживать ее. Обезпечивая свободу и равенство гражданъ, конституція эта устанавливаетъ національное благополучіе на незыблемѣйшихъ основахъ; она упрочиваетъ королевскую власть законами; путемъ славной революціи она предотвращаетъ переворотъ, который вскорѣ вызвали бы злоупотребленія стараго порядка и который, можетъ быть, повелъ бы къ распаденію королевства, наконецъ, эта конституція составитъ счастье короля. Вашимъ первымъ долгомъ должна быть забота объ ея оправданіи и защитѣ, при чемъ вы должны руководствоваться ею въ вашихъ дѣйствіяхъ.

«Я уже неоднократно объяснялъ вамъ мысли его величества на этотъ счетъ; но, въ виду дошедшихъ до него свѣдѣній о томъ, какое мнѣніе о происходящихъ во Франціи событіяхъ стараются установить въ иностранныхъ государствахъ, онъ повелѣлъ мнѣ поручить вамъ сообщить содержаніе настоящаго письма двору, при которомъ вы находитесь; а чтобы дать

ему болѣе широкую огласку, его величество повелѣлъ напечатать его.

«Подписалъ Монморенъ».

«23 апрѣля 1791».

Людовикъ XVI не могъ, не позоря себя, согласиться на подобное заявленіе. Утверждать передъ лицомъ Европы, что онъ совершенно свободенъ, на слѣдующій же день послѣ собственныхъ его столь горькихъ публичныхъ жалобъ на то, что онъ лишенъ свободы; называть *ужасною клеветой* толки о принужденіи, противъ котораго онъ самъ же первый всегда протестовалъ; наконецъ, заявлять державамъ въ официальномъ документѣ, что онъ обожаетъ конституцію, тогда какъ всѣмъ была извѣстна вся его ненависть къ ней,—все это значило опускаться до позорной и, при томъ, бесполезной лжи. Злѣйшіе враги его не могли бы внушить ему болѣе гибельной затѣи. Бертранъ де Мольвилль увѣряетъ, не приводя тому никакихъ доказательствъ и не указывая источниковъ, будто вышеприведенный циркуляръ былъ составленъ *партіею Ламетовъ*¹⁾. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ эту пору братья Ламеты уже не помышляли сближаться съ дворомъ; но изъ опубликованныхъ недавно достовѣрныхъ документовъ оказывается, что составителемъ этого жалкаго, лицемѣрнаго циркуляра былъ Целланъ, состоявшій секретаремъ у Мирабо и оставшійся довѣреннымъ лицомъ графа Ла Марка²⁾.

Спрашивается, правда ли, что въ бесѣдѣ, происходившей 20 апрѣля, Монморенъ горячо указывалъ королю на неудобства и позоръ подобнаго заявленія? Правда ли, что, получивъ упомянутый документъ изъ рукъ Людовика XVI, онъ унесъ его къ себѣ, чтобы рассмотреть на досугъ, а затѣмъ отослалъ его обратно при письмѣ, въ которомъ настаивалъ на своемъ отказѣ подписать его и просилъ отставки? Правда ли, наконецъ, что Людовикъ XVI отвѣтилъ ему: «Я сохраню ваше прошеніе объ отставкѣ, потому что оно можетъ послужить вамъ впоследствии доказательствомъ, что вы подали его при настоящихъ обстоятельствахъ; но прошенія вашего я не принимаю по при-

¹⁾ См. *Annales de la Révolution française*, t. IV, ch. XXXIX.

²⁾ См. *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, t. III, p. 152.

чинамъ, которыя вамъ объясню; зайдите ко мнѣ завтра непременно?» А на слѣдующій день Людовикъ XVI, будто бы, уговорилъ Монморена поставить свою подпись, объяснивъ ему безусловную необходимость означеннаго заявленія и нѣсколько разъ повторивъ: «Не бойтесь за вашу честь; я обязываюсь исполнѣ оправдать васъ, когда придетъ время».

Разсказавъ все это, Бертранъ де Мольвилль говоритъ вполнѣ опредѣленно: «Заявляю, что мои доказательства таковы: во-первыхъ, увѣреніе г. Монморена, который, въ отвѣтъ на мой упрекъ въ подписаніи, показалъ мнѣ вышеупомянутую записку короля и разсказалъ мнѣ объ обстоятельствахъ, мною переданныхъ; затѣмъ, то, что было сказано мнѣ самимъ королемъ о подачѣ г. Монмореномъ прошенія объ отставкѣ при разсылкѣ письма къ посламъ»¹⁾.

Надо сказать, что при всей опредѣленности этого утвержденія, оно мало согласуется съ тѣми документами, на которые мы сейчасъ ссылались. Такъ, изъ нихъ видно, что 22 апрѣля 1791 г. Монморенъ писалъ графу Ла Марку, говоря о циркулярѣ: «Мнѣ было бы очень нужно имѣть проектъ Шеллана; я хотѣлъ бы возможно скорѣе послать мое письмо въ дипломатическую комиссію. Эта мѣра—одна изъ тѣхъ, которымъ придается наиболѣе важное значеніе. Возможно, что думаютъ также, будто я очень противлюсь, и въ этомъ не ошибаются; но такъ какъ сдѣлать это необходимо, *не смѣдуетъ доводить до того, чтобы насъ выдрали за уши*²⁾. А 23 апрѣля, черезъ три дня послѣ передаваемаго Бертраномъ де Мольвиллемъ разговора, тотъ же Монморенъ писалъ графу Ла Марку: «...Мое письмо послано. Я сдѣлалъ небольшія указанныя имъ (Шелланомъ) измѣненія и особенно возстановилъ пунктъ о свободѣ, какъ вы просили меня чрезъ Дюкенуа.—Я видѣлся съ королемъ, который все одобрилъ, *при чемъ ему было очень грустно соглашаться, а мнѣ—предлагать*. Я хотѣлъ идти къ королевѣ, но онъ сказалъ мнѣ, что беретъ на себя переговорить съ нею и что я не могу рассчитывать, что она одобритъ все,—по тому же мотиву, какъ и онъ»³⁾.

¹⁾ *Annales de la Révolution française*, t. IV, ch. XXXIX.—Не имѣя подъ рукою оригинала, я пользуюсь англійскимъ переводомъ.

²⁾ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Mark*, t. III, p. 150.

³⁾ *Ibid.*, p. 153.

Мы видимъ, какую важность представляетъ для исторіи переписка, предназначенная, какъ эта, къ сохраненію въ тайнѣ: авторы высказываются въ ней на-распашку, со всею непринужденностью объѣна интимными секретами. Но въ этихъ запискахъ Монморена, при сопоставленіи ихъ съ рассказомъ Бертрана де Мольвилля, роли оказываются совершенно переиначенными. На самомъ дѣлѣ министръ сознается въ своемъ нерасположеніи къ разсылкѣ циркуляра, но, тѣмъ не менѣе, на бумагѣ выходитъ, что именно онъ *предлагаетъ*, а король только *соглашается*.

Какъ бы то ни было, изъ обѣихъ версій одинаково оказывается, что дворъ рѣшился опубликовать циркуляръ къ посламъ отъ 23 апрѣля 1791 г., нисколько не дѣлая себѣ ни малѣйшей иллюзія относительно его унизительнаго характера.

Но еще болѣе унизительно и уже совсѣмъ переполняло мѣру то, что, едва циркуляръ былъ выпущенъ, какъ Людовикъ XVI отправилъ въ Брюссель и Кёльнъ агентовъ съ депешами, подлежащими сообщенію, съ одной стороны, прусскому королю, а съ другой—правительницѣ Нидерландовъ, эрцгерцогинѣ Маріи-Христинѣ. И что же заключалось въ этихъ депешахъ? Формальное, но секретное заявленіе царствующимъ особамъ, что утвержденіе королемъ декретовъ Национальнаго Собранія должно считаться недѣйствительнымъ, что всякая одобренная имъ мѣра въ пользу конституціи должна быть истолковывасма въ противоположномъ смыслѣ и что чѣмъ ярче будетъ выражено его согласіе съ тѣмъ или другимъ мѣропріятіемъ, тѣмъ меньше слѣдуетъ ему вѣрится!

Сверхъ того, въ эту пору поступки французскаго двора представляли собою не что иное, какъ сплошной рядъ противорѣчивыхъ попытокъ, неувѣренности, неожиданныхъ переменъ въ строеніи и обмановъ—то дѣйствительныхъ, то кажущихся. Такъ, въ тотъ самый день, когда дворъ выказалъ полное одобреніе проекту Монморена, ограничивавшемуся обращеніемъ къ державамъ съ просьбою о демонстраціи только угрожающаго характера, дворцовыя сферы склонились, повидимому, къ намѣренію прибѣгнуть къ насильственнымъ и рѣшительнымъ средствамъ, которыя совѣтовалъ принять графъ Мерси; поутру министра иностранныхъ дѣлъ увѣрили, что дѣлать опасную попытку бѣгства

¹⁾ *Memoires tirés des papiers d'un homme d'État*, t. I, p. 107 et 108.— Сочиненіе вполнѣ монархическое и рѣшительно враждебное революціи; дѣлаемая въ немъ сообщенія не могутъ быть заподозриваемы, когда клонятся къ обвиненію европейскихъ дворовъ или Людовика XVI.

на границу не имѣется въ виду, а вечеромъ на мысли о побѣгѣ стали останавливаться съ удовольствіемъ; къ графу д'Артуа относились съ недоувѣріемъ, порицали его чрезмѣрное усердіе, иногда смотрѣли подозрительно на его побужденія, а потомъ вдругъ изливали передъ нимъ свои чувства и мысли съ безусловнымъ довѣріемъ. Попробуемъ прослѣдить эти извилистыя тропинки, стараясь не сбиться на нихъ съ дороги.

Въ 1791 году графъ д'Артуа покинулъ Туринъ. Если мы захотимъ узнать, что думала о немъ королева, когда онъ еще находился въ этомъ городѣ, то намъ стоитъ только поразмыслить надъ слѣдующимъ письмомъ, писаннымъ 3 октября 1790 г. лордомъ Мальмсбери герцогу Портлендскому:

«Мнѣ сообщаютъ, что графъ д'Артуа и принцъ Конде издавна подготовили попытку контръ-революціи; что они отправили эмиссаровъ и затратили значительныя суммы въ Ліоннѣ, Франшъ-Конте, трехъ епископствахъ, и Бургундіи и предполагаютъ вступить около 15 октября во Францію со стороны Турина во главѣ многочисленнаго отряда войскъ, частью на вербованныхъ ими самими, частью поставленныхъ сардинскимъ королемъ. Королева и *Monsieur* настоятельно просили ихъ отложить осуществленіе этого проекта, потому что въ Парижѣ и его окрестностяхъ еще не готовы, а также потому, что королева желаетъ, чтобы они обождали, пока король венгерскій не стянетъ своей арміи въ Нидерланды; но графъ д'Артуа рѣшилъ оставить это безъ вниманія. Есть вѣроятность, что онъ поведетъ своихъ сотоварищей къ гибели, такъ какъ, помимо того, что мѣры его дурно приняты и недостаточно зрѣлы для выполненія, его пылкость возбудила въ королевѣ и *Monsieur* подозрѣніе, что онъ работаетъ для себя, а не для короля, и что въ случаѣ его удачи дѣла ихъ окажутся не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ подъ управленіемъ Національнаго Собранія»¹⁾.

¹⁾ «I am informed that the count d'Artois and the prince of Condé have been for a long time preparing themselves for an attempt to effect a counter-revolution; that they have employed emissaries, and expended large sums of money in the Lyonnais, Franche-Comté, les trois évêchés and Burgundy; and that they intend, on or about the 15-th of October, to enter France from the side of Turin, at the head of a considerable body of troops, partly raised by themselves, partly furnished by the king of Sardinia. They have been entreated by the queen and Monsieur to delay it, as they are not yet in Paris and the neighbourhood; and particularly the queen wishes them to wait till the king of Hungary has got his army assembled in the Low-Countries; but

вожились, тѣмъ болѣе, что подозрительность поддерживалъ баронъ Бретейль, который велъ отъ имени короля переговоры съ кабинетами и былъ личнымъ врагомъ Калонна¹⁾). Однако какъ разъ въ ту минуту, когда занятое графомъ д'Артуа положеніе могло быть дѣйствительно сочтено подозрительнымъ, Людовику XVI и королевѣ вздумалось не только сблизиться съ нимъ, но и облечь его своимъ довѣріемъ. Они поручили графу Альфонсу Дюрфору съѣздить къ нему и заявить ему отъ ихъ лица слѣдующее: что они горятъ желаніемъ вырваться изъ-подъ ига гнусныхъ разбойниковъ и окружить себя вѣрными слугами; что Лафайетъ человѣкъ слабый, фанатикъ и бунтовщикъ, на котораго они никогда не стануть полагаться; что Мопморенъ хорошъ, но не имѣетъ власти; что архіепископа санскаго всюду ненавидятъ и всѣ партіи его презираютъ, и что мнѣніе о немъ Людовика XVI и королевы совпадаетъ съ общественнымъ мнѣніемъ; что послѣ мятежа по поводу предполагавшейся поѣздки королевской фамилии въ Сень-Клу король являлся въ Собраніе единственно потому, что его принудили къ этому министры, къ которымъ онъ не можетъ питать довѣрія; что настроеніе народа отвратительно; что въ Собраніи никто не стоитъ за короля, такъ какъ единственный человѣкъ, который предложилъ бы ему поддержку, уже умеръ; что циркуляръ къ посламъ долженъ казаться чудовищнымъ, каковъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ, но что онъ является дѣломъ нѣкоторыхъ членовъ Собранія; что онъ былъ признанъ необходимымъ, и что, въ концѣ концовъ, король не поставилъ на немъ своей подписи.

На ожидавшійся со стороны графа д'Артуа вопросъ: «Намѣрены ли ихъ величества уѣхать изъ Парижа?»—графу Дюрфору поручено было отвѣтить утвердительно.

Что касается Калонна, то и онъ не былъ забытъ въ инструкціяхъ, дѣйствию которыхъ онъ, при своемъ вліяніи, могъ бы помѣшать. Король и королева сообщили ему, что они въ восторгѣ отъ того, что онъ пользуется такимъ довѣріемъ у графа д'Артуа. Затѣмъ ему сообщалось, что онъ поступилъ бы умно, если бы прервалъ всякія письменныя сношенія съ нѣкою виконтессой, явною любовницею отѣнскаго епископа, соединявшею съ любовью шпіонство²⁾).

¹⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 115.

²⁾ Bertrand de Moleville, въ t. IV, ch. XL своихъ *Annales de la Révolution*, въ разсказу объ этихъ переговорахъ примѣшалъ нѣсколько ребяческихъ

Графъ Дюрфоръ уѣхалъ въ концѣ апрѣля 1791 г. и, перешедши черезъ Альпы, направился въ Виченцу, гдѣ графъ д'Артуа ожидалъ испрошеннаго имъ свиданія съ Леопольдомъ, находившимся въ то время со своею сестрой, королевой неаполитанской, во Флоренціи.

Графъ д'Артуа былъ удивленъ и тронутъ: его предшествовавшія отношенія къ Маріи-Антуанетѣ не давали ему повода разсчитывать на такую беззавѣтную откровенность, и теперь онъ сталъ съ еще большимъ нетерпѣніемъ желать свиданія съ Леопольдомъ.

Калоннѣ, котораго онъ отправилъ съ этою цѣлью во Флоренцію, имѣлъ съ австрійскимъ императоромъ нѣсколько совѣщаній, на которыхъ этотъ государь проявлялъ крайнюю осторожность, граничившую съ таинственностью. Онъ пожелалъ принимать Калонна не иначе, какъ въ маленькомъ уединенномъ домикѣ, совершенно отдѣленномъ отъ дворца. Онъ ходилъ туда безъ свиты, безъ единаго лакея, и самъ открывалъ дверь людямъ, которымъ назначалъ свиданія¹⁾. Получивъ чрезъ посланнаго отъ графа д'Артуа извѣстіе о желаніи послѣдняго, онъ назначилъ испрашивавшееся свиданіе въ Мантуѣ на 20 мая.

Въ Мантуѣ графъ д'Артуа узналъ отъ Леопольда, что въ пользу французскаго короля составляетя могущественная коалиція и что уже обезпечено содѣйствіе Испаніи, Сардиніи, Швейцаріи и округовъ имперіи. Когда австрійскій императоръ подробно изложилъ свои виды, онъ поручилъ Калонну составить планъ ихъ осуществленія; тотъ ночью составилъ этотъ планъ, а на слѣдующій день представилъ его императору. Леопольдъ одобрилъ трудъ французскаго дипломата, сдѣлавъ въ немъ собственноручно лишь нѣсколько поправокъ²⁾. Сущность плана заключалась въ томъ, что въ іюлѣ 35,000 чел. имперскихъ войскъ будутъ двинуты къ Фландріи, 15,000 человекъ войскъ имперскихъ округовъ въ Эльзасъ, 15,000 швейцарцевъ къ Ліону, столько же сардинцевъ къ Греноблю и, наконецъ,

подробностей, но приводимыя имъ инструкціи, которыя онъ извлекъ изъ сообщенной ему самимъ графомъ Дюрфоромъ записки, не могутъ вызывать сомнѣнія. Притомъ, въ этомъ отношеніи сообщеніи Бертрана де-Мольвилля вполне согласны съ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 108 et 109.

¹⁾ Bertrand de Moleville, *Annales de la Révolution française*, t. IV, ch. XI.

²⁾ *Ibid.*

20,000 испанцевъ на границу Руссильона¹⁾). Кромѣ того, было условлено, что въ ту пору, когда войска придутъ на сборный пунктъ, союзныя державы издадутъ манифестъ, по предварительномъ опубликованіи протеста Бурбонскаго дома за подписью королей испанскаго и неаполитанскаго, инфанта пармскаго и французскихъ принцевъ, проживающихъ на свободѣ вѣ королевства²⁾).

Подробности эти, почерпнутыя изъ роялистскихъ источниковъ, полагаютъ конецъ всякимъ спорамъ по вопросу о возникновеніи той страшной войны, которая залила кровью Европу!

Но, по мысли Леопольда, серьезныя военныя дѣйствія должны были начаться лишь по постановленіи о томъ на конгрессѣ³⁾).

Результаты совѣщанія въ Мантуѣ нисколько не находились въ зависимости отъ попытки побѣга со стороны Людовика XVI. Совершенно вѣрно, что Леопольдъ, подобно всѣмъ другимъ государямъ, былъ извѣщенъ о томъ, что Людовикъ XVI втайнѣ условливается съ Булье относительно приготовленій къ бѣгству; совершенно вѣрно и то, что по полученіи этого извѣстія онъ приказалъ нидерландскому управленію предоставить въ распоряженіе французскаго короля войска и деньги, тогда какъ шведскій король, съ своей стороны, подъ предлогомъ побѣдки на воды, приближался къ французскимъ границамъ, готовясь присоединиться къ Людовику XVI при его предполагавшемся побѣгѣ. Но съ недавняго времени Леопольдъ совершенно перемѣнилъ свое мнѣніе относительно проекта побѣга. Успѣхъ его онъ считалъ слишкомъ сомнительнымъ, а неуспѣхъ слишкомъ зловѣщимъ. Въ Мантуѣ онъ могъ убѣдиться, что такъ же смотрѣли на дѣло и графъ д'Артуа и Калоннъ, и это упрочило его оппозиціонное отношеніе ко всякой попыткѣ къ бѣгству⁴⁾).

Бѣгству этому, оказавшемуся такимъ роковымъ для монархій, предстояло, однако, осуществиться! Ему предстояло состояться вопреки Леопольду, вопреки графу д'Артуа и Калонну и, можно

1) Старинная франц. провинція, нынѣ департаменты Восточныхъ Пиренеевъ (*Перевод.*).

2) *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 3.

3) По крайней мѣрѣ, такъ увѣряютъ вышеуказанныя *Mémoires*. Бертранъ де-Мольвилль, имѣвшій о данныхъ переговорахъ особыя свѣдѣнія, ничего не говоритъ объ этомъ обстоятельстве.

4) *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 113 et 114.

бы даже прибавить, вопреки самому Булье. Потому что въ тайной перепискѣ съ Людовикомъ XVI генераль этотъ указывалъ на большую опасность, на большой рискъ подобнаго шага и на то, что въ случаѣ неудачи онъ погубить монархію и подвергнетъ опасности даже самую жизнь короля¹⁾. Но Людовика XVI энергично подталкивалъ въ противномъ направленіи баронъ Бретейль, котораго снѣдало честолюбіе, который былъ озлобленъ совѣщаніями въ Мантуѣ и встревоженъ возроставшимъ вліяніемъ графа д'Артуа, такъ тѣсно связаннаго съ судьбою Калонна. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ эгоистическаго опасенія, досады, зависти, баронъ уѣхалъ изъ Золотурна, прибылъ въ Брюссель и тамъ, по соглашенію съ графомъ Мерси, разомъ добился скорѣйшаго побѣга Людовика XVI, сославшись на то, будто таково мнѣніе австрійскаго императора²⁾. Людовикъ XVI какъ нельзя болѣе охотно повѣрилъ увѣреніямъ барона Бретейля на этотъ счетъ. Легковѣріе такъ близко соприкасается съ желаніемъ! И достовѣрно то, что съ тѣхъ поръ, какъ въ Людовикѣ XVI расшевелили его религіозную щепетильность, онъ только и думалъ о бѣгствѣ³⁾.

Что касается королевы, архіепископъ тулузскій Фонтанжъ увѣрялъ въ оставленномъ имъ разказѣ о бѣгствѣ въ Вареннѣ, что лѣтомъ 1790 г. онъ слышалъ, какъ Марія-Антуанета говорила: «Что сталъ бы король дѣлать вдали отъ Парижа, безъ денегъ, безъ личной возможности вернуть армію къ вѣрности, безъ умѣнія руководить собою, безъ совѣта для восполненія того, чего у него недостаетъ, и, сверхъ того, при его отвращеніи къ междоусобию? Не будемъ больше говорить объ этомъ»⁴⁾.

Эти соображенія, конечно, не утратили въ 1791 г. той силы, какую они имѣли въ 1790 г. Кто же измѣнилъ взгляды Маріи-Антуанеты? По словамъ Фонтажа, король. Настояніямъ Людовика XVI она уступила, только убѣдившись, что спорить съ нимъ бесполезно⁵⁾.

И вотъ стали помышлять только о средствахъ къ побѣгу, и королева, снова почувствовавъ недоувѣріе къ графу д'Артуа, на-

¹⁾ *Mémoires de Bouillé*, ch. XI, p. 182.

²⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 115.

³⁾ *Mémoires de Weber*, t. II, ch. IV, p. 64.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 64.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 65.

Булье указалъ королю на графа д'Агу, какъ на человѣка, могущаго быть очень полезнымъ ему при непредвидѣнныхъ случайностяхъ. Графъ д'Агу былъ очень опытный и храбрый офицеръ; но на то мѣсто, которое предполагалось отвести ему въ экипажѣ, предъявила энергическое притязаніе гувернантка королевскихъ дѣтей, г-жа Турзель. Она считала это своимъ правомъ, связаннымъ съ ея должностію. И такова уже мелочность придворной жизни, что это притязаніе, обусловленное этикетомъ, признано было ненарушимымъ. Такимъ образомъ, г-жа Турзель была включена въ число ѣдущихъ, при чемъ ей же присвоили и званіе баронессы Корфъ. Королева должна была ѣхать въ качествѣ гувернантки, подъ именемъ г-жи Роше. Было условлено, что принцесса Елизавета возьметъ на себя роль компаньонки Розалии, а Людовикъ XVI, подъ именемъ Дюрана, будетъ играть роль лакея¹⁾. Графу Ферзену, на перегонѣ отъ Парижа до Бонди, предоставлена была роль кучера.

Приготовленія эти сплошь отличались отсутствіемъ предусмотрительности и ошибочными мѣропріятіями. Взять въ курьеры трехъ молодыхъ лейбъ-гвардейцевъ, не знакомыхъ съ почтовою службой, вмѣсто трехъ настоящихъ курьеровъ, знающихъ дорогу, обладающихъ подходящею наружностію, умѣющихъ запрячь лошадей, погонять ямщиковъ, говорить ихъ языкомъ—не значило ли это заранѣе выдать себя? Еще если бы эти трое лейбъ-гвардейцевъ, по крайней мѣрѣ, знали Парижъ! Но и этого не было. И, что еще страннѣе, самъ Ферзень, кучеръ Ферзень, тоже не зналъ Парижа! Но, видно, этомъ людямъ было на роду написано громоздить одну неосторожность на другую. Кто бы повѣрилъ, что незадолго до бѣгства одною изъ величайшихъ заботъ королевы было сдѣлать въ Брюсселѣ полный запасъ бѣлья и одежды для себя и для дѣтей? Г-жа Кампанъ, которой было поручено заказать или купить это, рассказываетъ, что она была вынуждена при этомъ переодѣваться, чтобы не быть узнанной, и заказывать полдюжины рубашекъ въ одномъ магазинѣ, полдюжины въ другомъ, въ одномъ мѣстѣ платья, въ другомъ пенюары²⁾. Цѣлый вечеръ былъ употребленъ на упаковку брилліантовъ, и королева отправила впередъ свой дорож-

¹⁾ *Relation du voyage de Varennes, par M-me la duchesse d'Angoulême, въ Mémoires de Weber, t. II, chap. IV.*

²⁾ *Mémoires de M-me Campan, t. II, chap. XVIII.*

Они разстались, а три дня спустя герцогъ Орлеанскій могъ бы указать примѣты экипажа, чего, однако, не сдѣлалъ ¹⁾).

Вдругъ появляется громоносная статья. Своимъ перомъ, которое народъ считалъ пророческимъ, Маратъ роняетъ слѣдующія потрясающія слова: «Нѣкій человекъ, состоящій на службѣ при королѣ, засталъ его въ кабинетѣ всего въ слезахъ, при чемъ онъ старался скрыть эти слезы отъ всѣхъ... Его хотятъ во что бы ни стало увезти въ Нидерланды, подъ тѣмъ предлогомъ, что его дѣло является дѣломъ всѣхъ коронованныхъ особъ въ Европѣ... Вы достаточно глупы, если не предупредите побѣга королевской фамилии. Парижане, бессмысленные парижане, я усталъ повторять вамъ: верните короля и дофина въ вашъ городъ; стерегите его потщательнѣе; запирайте австриячку, ея зятя и всѣхъ остальныхъ членовъ семьи. Потеря единого дня можетъ оказаться гибельною для націи и разверзнуть могилу для трехъ милліоновъ французовъ» ²⁾).

Секретъ этого предсказанія заключался въ слѣдующемъ. Въ числѣ патріотовъ, доставлявшихъ извѣстія въ газету *Ami du peuple*, былъ нѣкто Жавардэнъ, любовникъ прачки, въ числѣ клиентовъ которой находилось нѣсколько придворныхъ особъ. Въ карманѣ одной изъ состоявшихъ при королевѣ дамъ женщина эта нашла полуразорванное письмо, въ которомъ, однако, можно еще было прочесть фразу: *бумаги готовы; теперь займутся приготовленіемъ экипажей для отъѣзда*. Прачка передала это письмо Жавардэну, а тотъ не замедлилъ сообщить его Марату ³⁾).

Впрочемъ, тревога поднята была съ разныхъ сторонъ. Абатъ Мори подалъ прошеніе о выдачѣ паспорта, и это вызвало беспокойство; Каррè утверждалъ, что имъ получены секретныя свѣдѣнія; захваченъ былъ и отнесенъ въ городское управленіе сундукъ графа Прованскаго съ золотомъ, серебромъ и ассигнаціями ⁴⁾. Если правда, что за нѣсколько дней до побѣга Лафайетъ, бесѣдуя съ Ормессономъ, открылъ стѣнной шкапъ и, вынувъ оттуда кусокъ сукна, сказалъ: «Вотъ образчикъ одежды, которую король шьетъ себѣ къ отъѣзду», то это обстоятельство,

¹⁾ *Mémoires secrets du comte d'Allonville*, t. II, chap. XIII, p. 221.

²⁾ *L'Ami du peuple*.

³⁾ Отрывокъ изъ записокъ барона Гогла, въ *Mémoires de tous*, t. III p. 341 et 342. Paris, 1835.

⁴⁾ *Chronique de Paris*, № 173, année 1791.

утверждаемое аббатомъ Монгальяромъ¹⁾, все же представляется маловѣроятнымъ; но вотъ что не подлежитъ сомнѣнiю: Бальи, Лафайету и его адъютанту Гувьону переданы были вполне опредѣленные свѣдѣнiя о готовившемся побѣгѣ. Любовница Гувьона, служившая во дворцѣ, подала парижскому мэру форменный доносъ, въ которомъ заявляла, что въ Тюильрийскомъ дворцѣ дѣлаются дѣятельныя приготовленiя къ отъѣзду, что она угадала причину отправки дорожнаго несессера королевы, что она нашла во дворцѣ, на диванѣ въ антресолѣ королевы, разсыпанные брилліанты и вату²⁾. Бальи сохранилъ это донесенiе въ тайнѣ, рискуя совершить измѣну по отношенiю къ народу; такъ же поступили Лафайетъ и Гувьонъ, ограничившись усиленiемъ надзора³⁾.

Такъ какъ поѣздъ былъ назначенъ на ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, съ 19-го на 20-е iюня, то объ этомъ успѣшили дать знать Булье, который тотчасъ же принялъ свои мѣры.

Маршрутъ короля, начиная съ Шалона, былъ слѣдующій:

Сперва, въ трехъ льѣ отъ Шалона, Понъ-де-Сомвелль, на рѣчкѣ, черезъ которую надо непременно переѣхать; затѣмъ, въ четырехъ льѣ оттуда, Сентъ-Мену (Sainte-Menehould); потомъ, на такомъ же разстоянiи, Клермонъ-анъ-Аргонъ; за Клермономъ дорога развѣтвляется: направо идетъ большая дорога на Вердѣнъ, налѣво—въ Вареннъ; отъ Варенна до Дѣна пять льѣ; въ Дѣнѣ, отъ котораго едва шесть льѣ до Монмеди, переѣзжаютъ по мосту черезъ Маасъ и вступаютъ на большую дорогу, ведущую изъ Вердѣна въ Монмеди, оставивъ слѣва Стенэ.

Для охраны бѣгства королевской семьи Булье распорядился поставить: въ Понъ-де-Сомвеллѣ сорокъ лозѣнскихъ гусаръ, подъ командой герцога Шуазеля; въ Сентъ-Мену сорокъ драгунъ Королевскаго полка, подъ начальствомъ капитана Дандуэна; въ Клермонѣ сто драгунъ полка Monsieur и сорокъ драгунъ Королевскаго полка, подъ начальствомъ графа Шарля Дамâ; въ Вареннѣ шестьдесятъ лозѣнскихъ гусаръ, подъ командой подпоручика Родвеля, шевалье Булье и Режкура; въ Дѣнѣ сотню гу-

¹⁾ См. его *Histoire de France*, t. II, p. 365.

²⁾ *Mémoires de M-me Campan*, t. II, chap. XVIII, p. 142.

³⁾ Это явствуетъ изъ даннаго Гувьономъ, въ засѣданiи 21 iюня 1791 г., показанiя, въпрочемъ очень сбивчиваго.

г-жа Турзель, настояла на привилегіи ея должности, дающей ей право никогда не разставаться съ «дѣтьми Франціи», при которыхъ она состоитъ гувернанткой¹⁾).

Это замедленіе на сутки произошло оттого, что одна изъ горничныхъ дофина, женщина вполне надежная, которая должна была дежурить въ первоначально назначенный день, заболѣла²⁾ и поэтому на дежурствѣ оставалась до 20-го числа ея товарка, сильно подозрѣвавшаяся въ якобинствѣ; а такъ какъ во дворцѣ не рѣшались ни довѣриться ей, ни отказать ей, то и предпочли обождать. Такое нестати встрѣтившееся обстоятельство было истиннымъ несчастіемъ: оно вызывало необходимость новыхъ распоряженій, наименьшимъ неудобствомъ которыхъ было продленіе пребыванія войскъ въ такихъ пунктахъ, гдѣ ихъ присутствіе могло вызвать бурю!

Когда наступилъ день отъѣзда, королева, чтобы устранить всякія подозрѣнія, поѣхала кататься съ сестрой и сыномъ. Прогулку свою она окончила въ саду Бутэна и, пробывъ тамъ до 9 часовъ, вернулась во дворецъ³⁾).

Несмотря на распространившіеся съ нѣкоторыхъ поръ тревожные слухи, въ этотъ вечеръ господствовало въ Парижѣ обычное спокойствіе. Камилль Демуленъ, возвращаясь въ 11 часовъ изъ клуба якобинцевъ вмѣстѣ съ Дантономъ и нѣсколькими другими патріотами, удивлялся тому, что имъ встрѣтился всего одинъ патруль, и не могъ удержаться отъ замѣчанія, что городъ какъ будто покинутъ всѣми⁴⁾).

Около половины одиннадцатаго король и королева, поужинавъ какъ обыкновенно, удалились какъ бы на покой. Какъ только они могли предположить, что во дворцѣ всѣ заснули, они отправились въ апартаменты своей дочери, титуловавшейся *Madame Royale*. «Мама,—разсказывала потомъ эта принцесса съ трогательною простотой выраженій,—мама разбудила также и моего брата, и г-жа Турзель увела его въ маминъ антресоль. Я также пошла съ нимъ. Тамъ мы застали лейбъ-гвардейца, по фамиліи Мальденъ, который долженъ былъ насъ отправить. Мама нѣсколько разъ приходила къ намъ. Брата моего одѣли дѣвочкой; онъ былъ восхитителенъ. Такъ какъ ему страшно хо-

¹⁾ *Mémoires de Bouillé*, chap. XI, p. 236.

²⁾ Разсказъ архіепископа тулузскаго, *ubi supra*, p. 81.

³⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II. liv. X, p. 335.

⁴⁾ *Révolutions de France et des royaumes*, etc., № 82.

тѣлось спать, то онъ не понималъ, что такое дѣлается. Я спросила его, какъ онъ думаетъ, что мы будемъ дѣлать? Онъ отвѣчалъ, что, кажется, *мы будемъ играть комедію, потому что мы ряженые*»¹⁾. Дѣйствительно, Людовикъ XVI, который долженъ былъ играть роль лакея баронессы Корфъ, былъ въ сѣромъ одѣяніи и въ парикѣ.

Г-жа Турзель вышла первою, уводя дѣтей и въ сопровожденіи трехъ лейбъ-гвардейцевъ. Графъ Ферзенъ поджидалъ бѣглецовъ на Малой Карусельной площади, на углу улицы Эшель, сидя кучеромъ на козлахъ наемной кареты. Когда пришла принцесса Елизавета, слѣдовавшая на небольшомъ разстояніи, г-жа Турзель была уже въ каретѣ; рядомъ съ нею сидѣла *Madame Royale*, а у ногъ ея, на полу²⁾, лежалъ дофинъ, который, со свойственною его возрасту беззаботностью, пристроился тамъ, вѣроятно, поспать. Затѣмъ пришелъ Людовикъ XVI, счастливо избѣгнувшій большой опасности: когда онъ проходилъ довольно близко отъ стоявшаго у Карусельныхъ воротъ часового, у него сломалась пряжка на башмакѣ, что заставило его поправляться почти на глазахъ у солдата. Ждали только королевы, а она не показывалась. Что случилось? Не узнали ли ее? Не арестована ли она? Въ страшной тревогѣ несчастный Людовикъ XVI считалъ одну за другою тѣ минуты, которыя иногда кажутся годами. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ около кареты, которой предстояло вмѣстить въ себя судьбы монархіи, остановился незанятый фіакръ и извозчикъ его, принявъ Ферзена за одного изъ своихъ сотоварищей, затѣялъ съ нимъ разговоръ. Смѣлый графъ, сохранивъ присутствіе духа, сталъ отвѣчать ему на соотвѣтственномъ жаргонѣ. Но положеніе его было не столько трагическимъ, сколько страннымъ. У графа случайно была при себѣ плохенькая табакерка; онъ предложилъ своему навязчивому собрату понюхать табуку и успѣлъ отдѣлаться отъ него, не возбудивъ подозрѣній³⁾. Наконецъ, показалась королева, для сопровожденія которой оставленъ былъ третій лейбъ-гвардеецъ. Въ большой, прикрывавшей лицо шляпѣ, подъ покровомъ болѣе темной, чѣмъ обыкновенно, ночи, она прошла незамѣченною; ей даже посчастливилось безнаказанно пересѣчь дорогу Лафайету, который въ

1) *Relation du voyage de Varennes, par la duchesse d'Angoulême*, въ *Mémoires de Weber*, t. II. chap. IV, p. 57.

2) *Ibid.*, p. 58.

3) Разсказъ архіепископа тулузскаго, *ubi supra*, p. 86.

эту самую минуту проѣзжалъ черезъ Карусельную площадь въ каретѣ, окруженной лакеями и факелами¹⁾. Но, къ несчастью, ни она, ни ея проводникъ не знали Парижа. Слѣдствіемъ этого было то, что они, вмѣсто того, чтобы взять влѣво, пошли направо, перешли черезъ Королевскій мостъ и двинулись по улицѣ дю Бакъ. Пронлутавъ, такимъ образомъ, съ полчаса, они вынуждены были рѣшиться разспросить о дорогѣ, которую и указалъ имъ одинъ изъ часовыхъ, не узнавъ королеву. Тогда они вернулись прежнимъ путемъ, прошли вдоль дворовъ Тюильри и выбрались на улицу Эшель, потративъ даромъ много времени, когда выигрышь одного часа, одной минуты, быть можетъ, былъ бы спасеніемъ²⁾.

Вотъ вся семья въ сборѣ; лошади, которыя должны умчать ее отъ революціи, трогаются подъ ударами кнута: отъѣздъ состоялся. Надо было проѣхать къ дорожной берлинѣ, ожидавшей за Сентъ-Мартенскою заставой. Каково было безпокойство Людовика XVI, знавшаго топографію Парижа лучше своего проводника, когда онъ сообразилъ, что по улицѣ Сентъ-Оноре ѣдетъ та карета, въ которой находятся его жена, сестра, дѣти, все сокровище его сердца! Ферзенъ не зналъ кратчайшей дороги или не осмѣлился проѣхать ею! Проѣхали улицу Граммона, пересѣкли бульваръ, на улицѣ Шоссе-д'Антенъ миновали домъ подъ № 42...—О, Мирабо! если бы ты былъ живъ, вынужденъ ли былъ бы король предпринять побѣгъ?—Затѣмъ добрались до улицы Клиши и до дома г-жи Сюлливанъ. Ферзенъ тотчасъ же соскочилъ съ козелъ, чтобы справиться о своемъ ямщикѣ и о берлинѣ³⁾: «Уѣхали полтора часа тому назадъ»⁴⁾, пробурчалъ заспанный привратникъ. Полтора часа! Лошади снова подхватили и по старымъ бульварамъ быстро довели до Сентъ-Мартенской заставы. Берлина была тутъ; пересѣвъ въ нее, бросили наемную карету со всею запряжкой на большой улицѣ, оставивъ ее безъ присмотра и не поручивъ никому доставить ее хозяину⁵⁾.

Ферзенъ правилъ лошадьми во всю дорогу до Бонди, куда ранѣе королевской семьи отправлены были двѣ камеристки и кабриолетъ для прислуги. Привезшіи ихъ ямщикъ оставался

¹⁾ *Précis historique du comte de Varennes.*

²⁾ *Ibid.*, p. 86 et 87.

³⁾ *Mémoires du duc de Choiseul*, p. 79. Paris, 1822.

⁴⁾ Carlyle, *The French Revolution*, vol. II, book IV, chap. III.

⁵⁾ Разсказъ архіепископа тулузскаго въ *Mémoires de Weber*, t. II, chap. IV.

здѣсь и, должно быть, не мало удивился при видѣ того, какъ человѣкъ, одѣтый извозчикомъ, сойдя съ козелъ, сталъ съ почтительною преданностью и съ изящною манерой прощаться съ лицами, которыхъ подвезъ къ берлинѣ, послѣ чего, чтобы ѣхать обратно въ Парижъ, сѣлъ въ прекрасную, повидимому, собственную свою карету¹⁾. Человѣкъ этотъ былъ графъ Ферзень, миссія котораго оканчивалась въ Бонди. Въ большомъ волненіи распростился онъ съ королевой, къ судьбѣ которой привязывала его рыцарская вѣрность. Суждено ли было этому прощанію оказаться послѣднимъ?

Двѣ кареты, девятеро ѣдущихъ, одиннадцать лошадей, трое курьеровъ въ новыхъ ярко-желтыхъ курткахъ, одинъ изъ нихъ на козлахъ, другой скачетъ голопомъ у дверцы берлины, а третій мчится впередъ для заготовленія подставъ — вотъ картина, которую созерцали тысячи проникнутыхъ безумною подозрительностью людей на дорогѣ, по которой бродилъ призракъ эмиграціи; созерцали—и какъ бы не замѣчали ея! Но такъ какъ Парижъ, этотъ громадный Парижъ, уже не держалъ бѣглецовъ въ рукахъ, то бѣглецы почти совсѣмъ перестали вѣрять въ опасность и торопились въ Шалонъ съ надеждою въ сердцѣ.

Между тѣмъ весь Парижъ былъ на ногахъ. 21-го іюня, съ разсвѣтомъ, лица дворцоваго штата прислуги увидѣли, что покои короля и королевы пусты, и роковая вѣсть эта, переходя изъ устъ въ уста, разнеслась до самыхъ отдаленныхъ кварталовъ. На переполнившихся народомъ улицахъ, на площадяхъ, въ охваченныхъ ревомъ предмѣстьяхъ, въ дверяхъ каждой лавки, у воротъ cadaго дома, граждане обращались другъ къ другу со словами: «А вѣдь онъ уѣхалъ!» Въ первыя минуты всѣ были поражены, встревожены, раздражены. Какимъ образомъ могъ онъ бѣжать? Какимъ путемъ? Кто его сообщники? Значить, Лафайетъ, измѣнникъ, закрылъ глаза? Но съ какимъ же ужаснымъ замысломъ сопряженъ этотъ отъѣздъ? Неужели Франціи придется погибнуть, быть задавленной междоусобною и виѣшнею войнами? О, этотъ Людовикъ XVI, этотъ честный король, столько разъ клявшійся, что не уѣдетъ! Такъ вотъ какъ короли держатъ свое слово! Собраніе спѣшно открыло засѣданіе. Городское управленіе официально оповѣстило тремя пушечными выстрѣ-

¹⁾ *Précis historique, par le comte de Valory, p. 264, въ Mémoires sur l'affaire de Varennes.*

лами о побѣгѣ монарха. Клубы объявили свои засѣданія непрерывными¹⁾. Отдано приказаніе опечатать Тюильрійскій дворець. Выѣздъ изъ Парижа воспрецѣнъ. Въ то же время повсемѣстно били сборъ; знаменитыя пики 14-го іюля, нынѣ вновь разысканныя, были встрѣчены на Гревской площади громомъ рукоплексканій²⁾; въ больницѣ Гро-Кайу больные, услышавъ барабанный бой, силою устранивъ сторожей, хватались за сабли и выбѣгали въ обычной лазаретной одеждѣ, чтобы идти на защиту отечества³⁾; вновь появились всюду шерстяные колпаки, затмивъ на этотъ разъ медвѣжьи шапки⁴⁾, и громадная толпа двинулась къ Тюильрійскому дворцу, которымъ и овладѣла.

Здѣсь общее негодованіе смѣнилось презрѣніемъ; портретъ короля сняли съ обычнаго мѣста и повѣсили на воротахъ; какая-то молодая дѣвушка стала топтать ногами шляпку королевы, которую хотѣли на нее надѣть, а торговка фруктами, усѣвшись на кровати Маріи-Антуанеты, принялась продавать вишни, приговаривая: «Сегодня пришелъ чередъ націи пожить въ свое удовольствіе»⁵⁾. Газета Прюдона, сохранившая для исторіи эти характерныя подробности, увѣряетъ, что народъ не тронулъ классной комнаты дофина, но прибавляетъ: «Мы покраснѣли бы отъ стыда, если бы сообщили заглавія книгъ, выбранныхъ его матерью»⁶⁾—фраза клеветническая, очевидно, продиктованная ненавистью.

Подобныя сцены происходили въ городѣ повсемѣстно. И всюду презрѣніе сказывалось сильнѣе озлобленія, всюду къ презрѣнію примѣшивалась ироническая веселость. Въ одномъ мѣстѣ поднималось гоненіе на вывѣски, на которыхъ стояло имя короля, въ томъ числѣ и надпись «Вѣнценосный Быкъ»⁷⁾; въ другомъ дѣлались замѣчанія, что въ городскихъ афишахъ ничего не сказано о побѣгѣ, даже въ отдѣлѣ пропавшихъ вещей; въ иныхъ мѣстахъ патриоты, смѣясь, предлагали отправить курьеровъ къ принцу Конде, чтобы смѣрить его носъ, который,—го-

¹⁾ *Bouche de Fer*, приложение къ № 70, годъ 1791.

²⁾ *Chronique de Paris*, № 175, année 1791.

³⁾ *Révolutions de Paris*, № 102.

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ *Ibid.*

⁶⁾ *Ibid.*

⁷⁾ *Ibid.*, № 175, année 1791.

ворили они, — долженъ быть теперь необыкновенно длиненъ¹⁾. Въ Пале-Роялѣ сдѣлано было во всеуслышаніе предложеніе: если короля привезутъ обратно, выставить его на три дня на публичное посмѣшище, а потомъ отослать съ позоромъ назадъ. Ибо «къ чему онъ намъ? Онъ явился бы, какъ Терситъ, проливать крупныя слезы, о которыхъ говоритъ Гомеръ»²⁾. Женщины оспаривали у мужчинъ охрану городскихъ заставъ: «Короля доставили въ Парижъ женщины, — говорили онѣ, — мужчины же допустили его побѣгъ», на что мужчины возражали: «Не слишкомъ-то хвалитесь, сударыни: невеликъ подарокъ, который вы намъ сдѣлали этимъ»³⁾.

Такъ какъ и братъ короля, графъ Прованскій, тоже ускользнулъ изъ Люксембургскаго дворца и направился въ Брюссель, куда прибылъ безъ приключеній, оказавшись болѣе удачливымъ, чѣмъ Людовикъ XVI, то люксембургская секція изорвала пожалованное ей графомъ знамя и сдѣлала изъ него пушечный пыжъ⁴⁾.

Что касается партій, то побѣгъ короля одинаково удовлетворилъ ихъ всѣ, хотя и по весьма неодинаковымъ причинамъ. Дворяне, духовенство и царедворцы съ тщательно скрываемою радостью ждали, что вотъ наконецъ иностранный мечъ разрубитъ гордіевъ узелъ, развязать который они чувствовали себя не въ силахъ. Орлеанистамъ улыбался тронъ, ставшій вакантнымъ. Конституціоналисты надѣялись съ большею легкостью склонить Людовика XVI къ принятію конституціи, когда онъ утратитъ всѣ другія права на корону. Республиканцы рассчитывали доказать, что бѣгство короля упраздняетъ заключенный имъ съ народомъ договоръ и равносильно отреченію отъ престола.

Только одинъ человекъ былъ, казалось, глубоко взволнованъ и опасался насилій на слѣдующій день. То былъ Робеспьеръ. 20-го февраля 1791 г. въ Парижъ пріѣхала съ мужемъ г-жа Роланъ⁵⁾. Отправившись 21-го іюня послѣ полудня къ Петіону, она застала его бесѣдующимъ съ Робеспьеромъ и Бриссо о происшедшемъ ночью событіи. Бриссо и Петіонъ были очень ве-

¹⁾ *Révolution de Paris*, № 175, 1791 г.

²⁾ *Révolutions de France et des royaumes*, etc. № 82.

³⁾ *Révolutions de Paris*, № 102.

⁴⁾ *Chronique de Paris*, № 173, année 1791.

⁵⁾ *Mémoires particuliers de M-me Roland*, p. 350. Firmin Didot, 1847.

разослалъ, за собственною отвѣтственностью, приказъ всѣмъ національнымъ гвардейцамъ въ королевствѣ арестовать короля; изъ дворца онъ отправился въ городскую ратушу; среди упрековъ толпы, которую поразилъ своимъ хладнокровіемъ и обезоружилъ онъ сказалъ: «Да на что вы сѣтуете? Не приобретаеть ли каждый гражданинъ по 20 су дохода вслѣдствіе упраздненія гражданского листа?»¹⁾ Когда онъ вошелъ въ Собраніе, Барнавъ, начинавшій мѣнять свои симпатіи и ненависть, сталъ защищать его отъ падавшихъ на него подозрѣній, при чемъ говорилъ съ горячностью, которую многіе сочли благородною. Генераль Лафайетъ былъ въ мундирѣ. Когда онъ сѣлся рядомъ съ Камюсомъ, тотъ, вскочивъ съ мѣста, крикнулъ страстнымъ голосомъ: «Не надо здѣсь никакихъ мундировъ!»²⁾ Это было единственнымъ эпизодомъ, который могъ разъединить и озлобить умы; его живо замаяли, и Собраніе возобновило пренія со спокойствіемъ, которое больше уже не нарушалось. Дюпоръ далъ отчетъ о положеніи дѣлъ въ различныхъ кварталахъ Парижа. Выслушаны были Лафайетъ и Гувьонъ. Президенту вручено было письмо на имя королевы, найденное народомъ въ ея покояхъ; Собраніе воздержалось отъ его вскрытія.

Одинъ за другимъ явились министры; Монморена, домъ котораго подвергся нападенію со стороны народа, но былъ вырученъ по приказанію Собранія, пригласили занять мѣсто среди его сотоварищей. На обвиненіе въ томъ, что онъ, по меньшей мѣрѣ, былъ посвященъ въ тайну короля, онъ сказалъ президенту: «Можно держать пари, что если бы я посовѣтовалъ королю уѣхать, то я и самъ уѣхалъ бы либо раньше его, либо слѣдомъ за нимъ»³⁾. Слова эти рѣшали вопросъ. И въ самомъ дѣлѣ, Людовикъ XVI не открывалъ своего замысла ни Монморену, ни большинству тѣхъ изъ своихъ слугъ, которые во время сдѣланнаго на тронъ натиска отражали штурмующихъ, стоя у бреши; это было съ его стороны глубоко эгоистическою осторожностью, которая бросала этихъ несчастныхъ на произволъ народной мести! Какъ ярко разоблачается это жестокое равнодушіе къ чужой участи въ слѣдующей запискѣ Монморена къ графу ЛаМарку, отъ 21 іюня:

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 340.

²⁾ *Buchez et Roux, Histoire parlementaire*, t. X, p. 259.

³⁾ *Mémoires de Weber*, t. II, въ официальныхъ документахъ, замѣтка E bis.

«Сейчасъ я получилъ письмо отъ короля, который сообщаетъ мнѣ, что онъ уѣхалъ. Судите, въ какомъ положеніи я долженъ находиться; я не знаю, что случится. Думаю, что я долженъ остаться» ¹⁾).

Управляющій по дѣламъ цивильнаго листа, Делапортъ, также не былъ посвященъ въ тайну, хотя на него и возложена была миссія, которая могла стоить ему жизни: онъ доставилъ въ Собраніе бумагу, врученную ему королемъ въ запечатанномъ видѣ, съ повелѣніемъ сообщить ее президенту Національнаго Собранія въ указанное время. Бумага эта, озаглавленная «Воззваніе ко всѣмъ французамъ», начиналась такъ:

«Когда король могъ надѣяться, что порядокъ и благополучіе возстанутся при помощи употребляемыхъ Національнымъ Собраніемъ средствъ и благодаря его пребыванію близъ этого Собранія, онъ не щадилъ никакихъ жертвъ; онъ даже не сталъ бы жаловаться на отсутствіе свободы, которой онъ лишенъ съ октября 1789 года. Но нынѣ, когда результатомъ всѣхъ дѣйствій оказываются уничтоженіе королевской власти, насильственный захватъ собственности, нарушеніе безопасности отдѣльныхъ лицъ и полная анархія во всѣхъ частяхъ королевства, при отсутствіи всякой видимой власти, которая могла бы ее остановить, — король, опротестовавъ всѣ акты, исходившіе отъ него въ продолженіе его плѣненія, считаетъ долгомъ представить французамъ картину его образа дѣйствій».

Далѣе Людовикъ XVI съ горечью напоминалъ объ октябрьскихъ событіяхъ, о своемъ пребываніи въ Тюильрійскомъ дворцѣ, о неудобствахъ, которыя представляло для него и его семьи это жилище, остававшееся болѣе ста лѣтъ необитаемымъ, о насильственномъ удаленіи его охраны, объ убійствѣ двухъ человекъ изъ ея состава, о нападкахъ на честь его вѣрной супруги, «доведшей свое хорошее поведеніе до высшей степени», о своемъ заточеніи въ собственномъ дворцѣ, о томъ, что его поставили внѣ конституціи, о скудости цивильнаго листа, объ ущербѣ, нанесенномъ его власти, о всеиліи клубовъ, оскорбительномъ для униженной королевской власти, о сопротивленіи, оказанномъ отъѣзду тетокъ короля, о венсенскомъ мятежѣ, о гнусномъ изгнаніи изъ Тюильрійскаго дворца наиболѣе преданныхъ слугъ престола и, наконецъ, о системѣ принужденія, заставившей его

¹⁾ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck.*

удалить свою часовню, одобрить письмо министра Монморена къ иностраннымъ державамъ и слушать объдно у новаго приходскаго священника въ Сень-Жерменъ-Оксеруа.

«По всёмъ этимъ причинамъ—говорилъ Людовикъ XVI въ заключеніе—и въ виду невозможности для короля воспрепятствовать злу, естественно, что онъ постарался поставить себя въ безопасное положеніе. Французы и вы всё, которыхъ онъ называлъ жителями добраго города Парижа! не довѣряйтесь внушеніямъ бунтовщиковъ, вернитесь къ вашему королю; онъ всегда будетъ вашимъ другомъ, когда наша святая религія будетъ уважаться, когда управленіе будетъ покоиться на устойчивомъ основаніи, а свобода будетъ зиждиться на непоколебимыхъ основахъ».

«P.S. Король запрещаетъ своимъ министрамъ подписывать отъ его имени какія бы ни было приказанія, впредь до полученія послѣдующихъ повелѣній, и повелѣваетъ хранителю печатей прислать королю печать, когда это будетъ отъ него потребовано.

«Подписано: Людовикъ»¹⁾).

Въ цѣнной рукописи, которая находится въ нашемъ обладаніи и въ которой мы уже неразъ имѣли случай почерпать совершенно неизвѣстные до тѣхъ поръ подробности, утвердительно говорится, что *Воззваніе къ французамъ* было составлено *Monsieur*²⁾). Если это свѣдѣніе вѣрно, то въ немъ слѣдовало бы видѣть новое доказательство гнусности этого лукаваго принца. Въ самомъ дѣлѣ, могло ли что либо быть болѣе неумѣстнымъ, болѣе смѣшнымъ и способнымъ повредить репутаціи Людовика XVI, чѣмъ манифестъ, въ которомъ онъ изливалъ столь недостойныя возвышеннаго ума жалобы на скудость цивильнаго листа, сознаваясь, впрочемъ, что всегда питалъ отвращеніе къ той самой конституціи, которой присягалъ со всею видимостью полной искренности, чѣмъ самъ обвинялъ себя въ двуличности, да при этомъ еще унижался до того, что выдавалъ своей женѣ, французской королевѣ, свидѣтельство о благонравіи!

На слѣдующій день въ *Bouche de Fer* писали по этому поводу: «Вѣроломный человѣкъ, ты захотѣлъ подражать королю

¹⁾ Это воззваніе напечатано *in extenso* у Buchez et Roux, *Histoire parlementaire*, t. X, p. 269—274.

²⁾ Рукопись г-на Sauquaire-Souliné.

Иоанну, который призвалъ себя на помощь наемныхъ брабантцевъ и папскія буллы, чтобы при ихъ поддержкѣ нарушить данныя обѣщанія и уничтожить великую хартію Англіи, подписанную имъ, по его словамъ, противъ воли! Ты жалуешься, какъ избалованный ребенокъ, что къ твоему приему въ Тюильри ничего не было приготовлено. Неблагодарный! Отъ пятисотъ до шестисотъ вооруженныхъ человѣкъ охраняли твою безопасность и въ бѣдствіяхъ королевства винили лишь роковую судьбу королей и окружавшихъ тебя низкихъ людей»¹⁾.

Въ этихъ словахъ съ рѣзкостью выразилось то чувство, которое въ Собраніи облеклось въ формы презрѣнія. Ропамбо и находившіеся въ Парижѣ генералы, будучи вызваны въ Собраніе, посидѣли предложить свои шпаги къ услугамъ народныхъ представителей. Монморену поручено было разослать иностраннымъ державамъ увѣренія въ миролюбіи Франціи. На особыхъ комиссаровъ возложили обязанность составить опись вещей въ палатѣ королевскаго движимаго имущества, наблюдать за кассою экстраординарныхъ расходовъ и провѣрить настоящее состояніе государственной казны. Когда они представили отчетъ, изъ котораго оказывалось, что изъ коронныхъ брилліантовъ ничего не увезено, что въ государственной казнѣ состоитъ въ наличности 31.300,000 ливровъ, въ томъ числѣ 10 милліоновъ звонкою монетой, что платежи производятся правильно и казначейство дѣятельно продолжаетъ производить ихъ, Собраніе, среди одобрительныхъ возгласовъ на трибунахъ, холодно перешло къ очереднымъ дѣламъ²⁾.

Что касается народа, то онъ держалъ себя удивительно спокойно. Когда первые порывы улеглись, всюду, какъ бы по волшебству, водворился величайшій норадокъ. Всѣ лица вдругъ снова прояснились. Обычная дѣловая жизнь шла съ такою же быстротою, какъ будто король находился въ Тюильрійскомъ дворцѣ; рабочіе ходили на свою обычную работу, движеніе экипажей происходило какъ и прежде, зрѣлища открылись снова. Довольно ново было то, что на постахъ часовыхъ начали появляться лица княжескаго рода; такъ, было замѣчено, что у дверей Бурбонскаго дворца стоялъ на караулѣ герцогъ Мон-

¹⁾ *Bouche de Fer*, № 72, année 1791.

²⁾ *Mémoires de Farrières*, liv. X, p. 347 et 348.

Барнавъ намѣревался добиться постановленія, чтобы централь- ный клубъ написалъ филиальнымъ клубамъ: «Всѣ раздоры за- быты, всѣ патріоты слились воедино. *Національное Собраніе*— вотъ нашъ руководитель; *конституція*—вотъ объединяющій насъ кличъ». Робеспьеръ, полагавшій, что народу со всѣхъ сторонъ разставлены западни, выступилъ съ рѣчью. Въ своемъ обшир- номъ планѣ разоблаченій онъ бросалъ обвиненія королю, его коронованнымъ сообщникамъ, массовой эмиграціи, внутреннимъ контръ-революціонерамъ, министрамъ, Собранію—тому Собранію, которое пытается ввести общественное мнѣніе въ заблужденіе относительно характера побѣга короля и оставляетъ управление національными силами въ рукахъ служителей опозореннаго трона. «Говорятъ, черезъ минуту сюда явится весь клубъ 89-го года, мэръ, генералы, министры. Какъ могли бы мы ускользнуть? Легионами, которые отмстятъ за Цезаря, командуетъ Антоній, а легионами республики—Октавій! Намъ говорятъ объ объединеніи, о необходимости сплотиться вокругъ однихъ и тѣхъ же людей; но когда Антоній расположился лагеремъ рядомъ съ Лепидомъ и тоже завелъ рѣчь объ объединеніи, вскорѣ оказался одинъ только лагерь Антонія, и Бруту съ Кассіемъ осталось только умертвить себя... Я знаю, что эти истины не спасутъ націи безъ чуда Провидѣнія, которое охраняетъ залогомъ свободы лучше, чѣмъ ваши начальники. Но я хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, воздвиг- нуть въ вашемъ протоколѣ памятникъ тому, что съ вами слу- чится... Обвиняя почти всю совокупность моихъ собратьевъ, чле- новъ Собранія, въ томъ, что они контръ-революціонеры—одинъ изъ страха, другіе по невѣдѣнію, третьи изъ мстительности; четвертые, вслѣдствіе оскорбленной гордости или слѣпой довѣр- чивости,—я знаю, знаю, что этимъ точу на себя тысячу кин- жаловъ; но если еще въ началѣ революціи, когда я былъ едва замѣтенъ въ Національномъ Собраніи, если еще въ то время, когда на меня смотрѣла только моя совѣсть, я принесъ мою жизнь въ жертву истинѣ, то теперь, когда голоса моихъ согра- жданъ хорошо заплатили мнѣ за эту жертву, я приму почти какъ благодѣяніе смерть, которая не допуститъ меня быть свидѣте- лемъ бѣдствій, на мой взглядъ неизбѣжныхъ»¹⁾.

Собраніе было глубоко потрясено. Вдругъ встаетъ, со сле- зами на глазахъ, Камилль Демуленъ и восклицаетъ: «Мы всѣ

¹⁾ *Révolutions de France et des royaumes, etc., № 82.*

умремъ раньше тебя!» При этихъ словахъ, восемьсотъ человѣкъ, протянувъ руки къ Робеспьеру, даютъ клятву сомкнуться вокругъ него, «являя картину, дивную по горячности ихъ словъ, движенію рукъ, выраженію лицъ и по неожиданности этого внезапнаго одушевленія»¹⁾.

Въ эту самую минуту въ залъ входили Деменье, Ле-Шапелле, Бомэсъ, д'Андре, Лафайетъ и «вся лепрозорія 89-го года»²⁾. Всѣ тѣ нападки, которые Робеспьеръ сдѣлалъ на такое большое число людей, Дантонъ тотчасъ же вздумалъ обрушить на одну голову, чтобы придавить ее ихъ тяжестью, и онъ выбралъ для этого Лафайета. Одобреніе, высказанное этимъ генераломъ двухпалатной системѣ аббата Сьейса, лицемѣрная нѣжность его къ проектамъ Мунье, его ежедневная борьба съ свободными произведеніями пера, венсенская экспедиція, покровительство «кавалерамъ кинжала,» охрана короля при отъѣздѣ въ Сентъ-Клу, дѣло гренадеръ Ораторіи, наконецъ все то, что уже нѣсколько мѣсяцевъ служило темою сыпавшихся на Лафайета основательныхъ или неосновательныхъ обвиненій—все это Дантонъ сосредоточилъ въ громоносной рѣчи. «Я буду говорить такъ — сказалъ онъ въ началѣ—какъ будто пишу исторію для будущихъ столѣтій»³⁾.

Какова отвага! Дантонъ, осмѣливавшійся такъ говорить съ Лафайетомъ, получалъ отъ двора деньги — и Лафайетъ зналъ это!

Вотъ что писалъ Мирабо гарфу Ла Марку незадолго до своей смерти: «Дантонъ получилъ вчера тридцать тысячъ ливровъ, а у меня есть доказательства, что послѣдній номеръ газеты Камилла Демулена составленъ именно Дантономъ... Словомъ, это безстыжій человѣкъ»⁴⁾!

Какія соображенія заставили Лафайета удержаться отъ произнесенія слова—ужаснаго слова—которое раздавило бы его антагониста? Побоялся ли онъ скомпрометировать Монморена, повиннаго въ подкупѣ? Опасался ли онъ скомпрометировать самого себя разоблаченіемъ столь постыдной тайны единственно потому, что это стало нужнымъ лично для него? Достоверно

¹⁾ *Revolution de France et des royaumes, etc.*, № 32.

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ Извлечено изъ *Registres des Ami de la constitution* отъ 21 іюня 1791.

⁴⁾ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, t. III, p. 82.

Республиканцы поняли, что пришла пора повести дѣло къ учрежденію республики. Клубъ кордельеровъ опубликовалъ слѣдующій, приуроченный къ обстоятельствамъ, призывъ во главѣ манифеста, въ которомъ заявлялъ, что въ клубѣ столько же цареубійць, сколько членовъ:

Songez qu'au champ de Mars, à cet autel auguste,
Louis nous a juré d'être fidèle et juste.
De son peuple et de lui tel était le lien:
Il nous rend nos serments, puisqu'il trahit le sien.
Si, parmi vous, Français, il se trouvait un traître
Qui regrettât les rois et qui voulût un maître,
Que le perfide meure au milieu des tourments!
Que sa cendre coupable, abandonnée aux vents,

въ предмѣстьяхъ однѣ насмѣшки съ веселой примѣсью презрѣнія къ королю и нарождавшася нерасположенія къ королевской власти. Слѣдующая пѣсенка, распѣвавшаяся народомъ на улицахъ, даетъ правдивое представленіе о тогдашнемъ народномъ настроеніи:

Not' gros s'en va-t-en guerre,
Miroton, ton-ton, mirotaine,
Il part à la légère,
Mais il lui en cuira.

J'gagn'rai ma nourriture,
Miroton, ton-ton, mirotaine.
Je vous ferai z'une serrure,
Dont vous prendrez la clef.

J' m'ennye de ma courone
Miroton, ton-ton, mirotaine
J'la laisse à qui me donne
Du vin de Malaga.

Dites qu'on m'en apporte,
Miroton, ton-ton, mirotaine.
Et mettez sur ma porte:
C'est le dernier des rois *).

(«Нашъ толстякъ въ походъ собрался. Онъ ѣдетъ съ легкимъ сердцемъ, но ему попадетъ за это. Я добуду себѣ пропитаніе: я сдѣлаю вамъ замокъ, ключъ отъ котораго возьмете вы. Корона мнѣ надоѣла; предоставляю ее тому, кто дастъ мнѣ малаги. Велите принести ее, а на моей пвери напишите: это послѣдній король»).

*) *Bouche de Fer*, № 73, année 1791.

милль Демуленъ гораздо лучше Марата зналъ господствовавшее теченіе, когда писалъ: «Король прицѣлился въ народъ. Онъ стрѣлялъ долго. Теперь очередь стрѣлять за націей. Нѣтъ сомнѣнія, что она презрительно откажется мѣряться силами съ однимъ человѣкомъ, и я первый выстрѣлю на воздухъ; но нужно, чтобы нападающій вымолилъ у меня жизнь» ¹⁾).

Что касается республики, этой формы правленія совершеннолѣтнихъ націй, единственной, которая даетъ человѣку право ходить съ высоко поднятой головой, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что она была бы въ то время возможна, если бы Собраніе не оказалось въ этомъ отношеніи значительно ниже своей роли. Но и самъ клубъ якобинцевъ настолько не былъ въ этотъ моментъ на уровнѣ обстоятельствъ, что отказался выслушать республиканскую петицію клуба кордельеровъ ²⁾! Быть можетъ, это было большимъ несчастіемъ. Исторія слишкомъ хорошо доказываетъ, что и падающія съ эшафота короны подбираются!

Среди этого броженія умовъ Собраніе испытывало нѣкоторое безпокойство относительно настроенія армейскихъ войскъ: засѣданіе 22 іюня было спеціально посвящено принятію мѣръ, относившихся къ этому вопросу. Письменное обязательство честнымъ словомъ, которое было ранѣе потребовано отъ офицеровъ, оказывалось уже недостаточнымъ: какъ допустить, чтобы они по-прежнему принимали присягу на вѣрность королю, который теперь вооружился противъ народа? Эмри, «котораго примѣръ присяги Людовика XVI, Булье, Гиньяра, Мори и Малузѣ еще не привелъ къ ученію пиагорійцевъ, считавшихъ присягу нечестіемъ и актомъ безумія», Эмри предложилъ слѣдующую, принятую затѣмъ единогласно: «Клянусь употреблять вручаемое мнѣ оружіе на защиту отечества и поддерживать декретированную Національнымъ Собраніемъ конституцію противъ всѣхъ ея внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, скорѣе умереть, чѣмъ допустить вторженіе иноземныхъ войскъ на французскую территорию и повиноваться только тѣмъ приказаніямъ, которыя будутъ даваемы мнѣ на основаніи декретовъ Національнаго Собранія» ³⁾).

Едва декретъ этотъ былъ принятъ, какъ, по предложенію барона Эльбека, встрѣченному восторженно, члены Собранія, со-

¹⁾ *Révolutions de France et des royaumes*, etc., № 82.

²⁾ *Chronique de Paris*, № 178, année 1791.

³⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 351 et 352.

стоявшіе на военной службѣ, бросились толпою къ трибунаѣ принимать присягу. Ланкуръ, Тулонжонъ, Кюстинъ, Мену, д'Эгильонъ, Александръ Ламетъ, Монморанси, Ла-Маркъ, герцогъ Орлеанскій, Шарль Ламетъ, Крильонъ, Каstellанъ, Ларошфуко, Монтескьё, Монтемаръ ¹⁾, крупнѣйшія имена монархіи, потомки храбрыхъ рыцарей минувшихъ временъ,—все взаимски спѣшили отдать свои шпаги на служеніе той конституціи, которая навсегда выбила рыцарскую вѣрность изъ колеи.

Вечеромъ Демёнье прочелъ, отъ лица конституціонной коммисіи, проектъ отвѣтнаго адреса на воззваніе короля; проектъ этотъ начинался такъ:

«Совершено великое преступленіе. Національное Собраніе заканчивало свои продолжительные труды; конституція была близка къ завершенію, революціонныя бури были готовы улетѣть; а враги общественнаго блага захотѣли единымъ преступленіемъ принести всю націю въ жертву своей мести. Король и королевская семья похищены 21-го числа настоящаго мѣсяца» ²⁾).

Итакъ, Собраніе упорно продолжало называть похищеніемъ то, что Людовикъ XVI самъ признавалъ добровольнымъ побѣгомъ! Боязнь окончательно порвать съ монархіей выступала еще ярче въ слѣдующей фразѣ: «Должно ли опасаться послѣдствій документа, исторгнутаго передъ отъѣздомъ у увлеченнаго государя, котораго мы лишь въ послѣднія минуты сочтемъ не заслуживающимъ уваженія?» ³⁾ За исключеніемъ этого, адресъ не имѣлъ недостатка ни въ силѣ, ни въ достоинствѣ. Въ немъ съ неумолимою выпуклостью указывалось все то, что было ложнаго или ребяческаго въ изложенныхъ Людовикомъ XVI жалобахъ. 5-го октября произошли безпорядки; но развѣ изъ-за того, что среди громадной толпы могутъ оказаться нѣсколько разбойниковъ, слѣдуетъ всю толпу признать отвѣтственною за ихъ насилие? Ставила ли нація въ упрекъ Людовику XVI тѣ насилія, которыя были совершены въ его царствованіе и въ царствованіе его предковъ? Король жалуется на то, что его принудили присягнуть на вѣрность конституціи... О, значить, еслибы онъ не заявилъ однажды, что добросовѣтность была захвачена врасплохъ бунтовщиками, заставившими его высказать эту неосто-

¹⁾ Buchez et Roux, *Histoire parlementaire*, t. X, p. 308.

²⁾ *Ibidem.*, p. 313.

³⁾ *Ibidem.*, p. 315.

рожную жалобу, то онъ самъ объявилъ бы всему міру... о своемъ клятвopепреступленіи! «Народные представители—сказано было въ адресѣ (и это было важнымъ мѣстомъ въ немъ)—преодолютъ всѣ препятствія. Они спокойно измѣряютъ размѣры возложеннаго на нихъ долга. Общественная свобода будетъ сохранена. Заговорщики и рабы познаютъ безстрашіе французской націи, и мы беремъ на себя, отъ лица націи, обязательство отмстить за законъ или умереть. Франція хочетъ быть свободною и будетъ свободна. Революція назадъ не пойдетъ»¹⁾.

По одобреніи этой редакціи, засѣданіе было приостановлено. Была половина десятаго вечера... Вдругъ во всѣхъ частяхъ зала возникло величайшее волненіе. По коридорамъ бѣжалъ, весь въ поту, запыхавшись, курьеръ; какой-то голосъ крикнулъ: *онъ арестованъ!*

ГЛАВА V.

Король подъ арестомъ²⁾.

Поѣздка изъ Парижа въ Вареннѣ.—Неслыханное сѣвленіе роковыхъ случайностей.—Людовикъ XVI узнанъ.—Арестъ королевской семьи въ Вареннѣ.—Пробываніе въ мелочной лавкѣ Соса.—Возстаніе городовъ и деревень.—Тщетныя попытки и отступленіе Булье.—Отъѣздъ королевской семьи въ Парижъ.—Шалонскіе роялисты.—Назначеніе Собраніемъ трехъ комиссаровъ.—Сцены при возвращеніи.—Внутри кареты.—Королевская семья проѣзжаетъ по Парижу.—Поведеніе населенія.—Развязка.

Мы оставили берлину въ пути къ Шалону.

Въ небольшомъ разстояніи отъ Парижа бѣглецы замѣтили верхового, который, казалось, все время слѣдилъ за каретой³⁾;

¹⁾ Buzet et Roux, *Histoire parlementaire*, t. X, p. 314.

²⁾ О поѣздкѣ въ Вареннѣ существуетъ множество разсказовъ, которые почти всѣ сильно расходятся между собою и полны противорѣчивыхъ подробностей или рискованныхъ обвиненій, что вызвало безконечную полемику. Историкъ невозможно добиться истины, если онъ не приметъ на себя, въ нѣкоторомъ родѣ, роли слѣдователя, заключающейся въ сопоставленіи свидѣтельскихъ показаній, въ опредѣленіи ихъ цѣнности со стороны большаго или меньшаго интереса, какой могутъ имѣть свидѣтели въ извращеніи истины, въ сопоставленіи дать, въ объясненіи характерныхъ обстоятельствъ однихъ другими и въ выясненіи правдоподобія того или другаго факта, съ цѣлью разсѣять темноту, создаваемую противорѣчивыми утвержденіями. Именно такъ я и старался поступать, опираясь вообще лишь на заявленія тѣхъ лицъ, которыя разсказываютъ видѣнное или слышанное ими самими, да и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти лица не имѣютъ вѣроятнаго интереса лгать.

³⁾ Разсказъ герцогини Ангулемской, въ *Mémoires de Weber*, t. II, chap. IV.

они встревожились, но эта пронесшаяся въ ихъ сердцахъ тревога вскорѣ разсѣялась. «*Франсуа* — говорила королева графу Валори — *мнѣ кажется, что все идетъ хорошо*»¹⁾. Значить, они были въ дорогѣ преисполнены надежды на успѣхъ. Надеждѣ этой способствовала весна; воздухъ былъ насыщенъ благоуханіемъ, поля сіяли свѣжестью, а главное, бѣглецы чувствовали себя свободными! Людовикъ XVI, увлекшись прелестью пейзажа, пожелалъ взойти пѣшкомъ на гору²⁾... Но уже въ Этожѣ пришлось сдѣлать остановку для починки кареты; проволочки слѣдовали за проволочками, а въ Понъ-де-Сомвеллѣ съ безпокойствомъ ждалъ путниковъ Шуазель, пристально вглядывался въ горизонтъ.

Было 4 или 5 часовъ пополудни, когда, 21-го іюня, берлина въѣхала въ Шалонъ. Тамъ, пока перепрягали лошадей, какой-то человекъ³⁾, казалось, узналъ короля. По совѣту мэра, онъ промолчалъ объ этомъ. Карета продолжала путь.

Въ сдѣланныхъ генераломъ Вулье распоряженіяхъ все было расчитано минута въ минуту, и проѣздъ королевской семьи черезъ Понъ-де-Сомвелль былъ назначенъ на 3 часа пополудни. Но часъ этотъ давно прошелъ, а Шуазель не видѣлъ появленія ни кареты, ни курьера. По роковой случайности, въ виду отказа крестьянъ въ имѣніи иѣжкой г-жи Эльбѣфъ отъ уплаты не подлежавшихъ выкупу пошлинъ, имъ пригрозили военною экзекуціей, что вызвало въ той округѣ большое смятеніе; и вотъ, когда крестьяне увидѣли, что ѣдутъ гусары, они подумали, что тѣ присланы для дѣйствій противъ нихъ, и въ деревнѣ ударили въ набатъ⁴⁾. Присутствіе войскъ вызвало тревогу и въ окрестномъ населеніи. Вокругъ гусаръ начала собираться толпа, которая съ каждою минутой становилась гуще и въ ней слышался ропотъ. А все дѣло стараются объяснить эскортированіемъ денежнаго транспорта? На всѣхъ лицахъ однако виднѣлось выраженіе сомнѣнія. «*Гусары хитры* — говорили въ толпѣ — *а мы хитрые изъ*»⁵⁾. Гусары, въ свою очередь, смущенные окружавшимъ ихъ

1) *Précis historique du comte de Valory*, p. 269, въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*.

2) L'abbé de Montgaillard, *Histoire de France*, t. II, p. 352.

3) Разсказъ архіепископа тулузскаго, *ubi supra*. Разсказъ этотъ имѣетъ авторитетность показанія очевидца, такъ какъ составленъ изъ подробностей ѧ, сообщенныхъ Фонтанжу самою королевой.

4) *Mémoires du duc de Choiseul*, p. 80 et 81.

5) *Ibid.*, p. 81.

насмѣшливымъ вниманіемъ, уже и сами не знали, какъ относиться къ этой тайнѣ. Шуазель и Гогла, въ тоскливой тревогѣ, долго совѣщались между собою¹⁾. Какъ быть? На что рѣшиться? Ужъ не порвалась ли нить, на которой въ эту минуту висѣла участь цѣлаго поколѣнія королей? Ждать ли, ждать ли еще? Шуазель послалъ парикмахера королевы, Леонара, извѣстить Булье о своемъ положеніи и о своей тревогѣ. Наконецъ, опасаясь, чтобы дальнѣйшее ожиданіе не вызвало народнаго движенія, онъ увелъ свой отрядъ; отъ Гогла онъ узналъ, что наканунѣ проѣздъ гусаръ вызвалъ въ Сентъ-Мену очень сильное броженіе¹⁾, а потому рѣшилъ идти проселками въ Вареннъ, бросивъ, такимъ образомъ, промежуточные пункты безъ сообщенія имъ болѣе полныхъ свѣдѣній и не оставивъ никого, кто могъ бы объяснить королю его отсутствіе.

Поэтому Людовикъ XVI былъ, по прибытіи, сильно удивленъ. Тревожно озираясь, онъ искалъ глазами Шуазеля и обѣщанный эскортъ... Нѣтъ никого! Впрочемъ, никакого зловѣщаго шума не слышно. По отъѣздѣ гусаръ, народныя группы разошлись. Спокойно перепрягли лошадей, тронулись по направленію къ Сентъ-Мену и прибыли туда, «слава Бога»²⁾. Несчастные, Богъ не слышалъ вась!

Былъ уже тотъ часъ, когда кончаются дневныя работы. Многіе деревенскіе жители ушли съ полей и разошлись по домамъ. Солнце, сіявшее на самомъ дальнемъ мѣстѣ сѣвера-запада, послѣдними своими лучами окрашивало въ красный цвѣтъ верхушки холмовъ. Мельница въ Вальми застыла въ неподвижности. Въ Сентъ-Мену жители, стоя группами на улицахъ, сидя съ солдатами за столиками въ кабакахъ или разположившись на каменныхъ приступкахъ у своихъ домовъ, оживленно бесѣдовали о неожиданномъ прибытіи гусаръ, о пріѣхавшихъ имъ на смѣну драгунахъ, о таинственномъ денежномъ транспортѣ, проѣздъ котораго, какъ говорили, ожидается, о данномъ солдатамъ въ теченіе дня приказаніи изготовиться къ посадкѣ на коней, а потомъ о приказаніи разсѣдлать лошадей³⁾. Около полудня многіе отправились къ ратушѣ, говоря, что все это не совсѣмъ понятно, что генералу Булье довѣрять не слѣдуетъ, что гражданамъ

¹⁾ *Mémoires du baron de Goguelat*, p. 16.

²⁾ Разсказъ герцогини Ангулемской, *ubi supra*.

³⁾ Объ этомъ см. заявленіе квартирмистра Ла-Гаша въ *Mémoires du duc de Choiseul*, въ оправдательныхъ документахъ.

стеромъ, Людовикъ XVI неосторожно выглянулъ въ окно ¹⁾. Сходство этого лица съ изображеніемъ короля на ассигнаціи въ 50 ливровъ поразило Друэ ²⁾. Подозвавъ одного изъ своихъ товарищей, онъ сказалъ ему на-ухо: «Гильомъ, это король!» Но карета уже тронулась. Вслѣдствіе ли сказанныхъ словъ, или изъ боязни передъ драгунами, но Друэ смолчалъ, однако тотчасъ же велѣлъ Гильому осѣдлатъ двухъ лучшихъ лошадей, рѣшивъ поскакать вдогонку за бѣглецами и опередить ихъ, а самъ побѣжалъ въ ратушу сообщить ужасный секретъ, послѣ чего вернулся къ Гильому, и оба они помчались по дорогѣ къ Клермону.

Позади себя, въ деревнѣ, они оставили бурю: то, что въ началѣ передавалось лишь шопотомъ, перешло уже въ громкіе клики. Раздавался барабанный бой, національные гвардейцы требовали раздачи пороха и патроновъ, со всѣхъ сторонъ сбѣгались жители, вооружившіеся цѣпами, рабочіе постоялыхъ дворовъ прибѣжали съ вилами. Вызванный въ ратушу Дандуэнъ едва успѣлъ лишь передать на-скоро квартирмистру Ла-Гашу бумажникъ съ важными депешами, послѣ чего тотъ бросился вонъ изъ города, держа въ обѣихъ рукахъ по пистолету, а поводъ уздечки взявъ въ зубы ³⁾. Выбравшись изъ Сентъ-Мену и взвѣхавъ на возвышенное мѣсто, онъ увидѣлъ вдали очень быстро мчавшагося верхового. Тотчасъ догадавшись, съ какою пѣлюю тотъ скачетъ, онъ прищипорилъ коня. Друэ мчался за королемъ, стремясь захватить его, а Дандуэнъ гнался за Друэ, чтобы убить его.

Было уже почти совсѣмъ темно, когда карета прибыла въ Клермонъ. Нѣкогда Карлу VI повстрѣчался въ Манскомъ лѣсу закутанный въ саванъ и похожій на привидѣніе человекъ, который сказалъ ему: «Король, не ѣзди дальше; вернись, потому что тебя выдали!» Теперь и Людовику XVI тоже было видѣніе: ему тоже какой-то неизвестный бросилъ мимоходомъ грозныя слова: «Васъ выдали!» Тѣмъ не менѣе, въ Клермонѣ благополучно перепрягли лошадей и никто даже не поостерегся неосторожнаго поступка графа Дамъ, который, подойдя къ каретѣ, пустился въ разговоръ съ королевскою семьей; онъ былъ въ

¹⁾ Разсказъ архіепископа тулузскаго: *ubi supra*.

²⁾ Докладъ Друэ, въ *Moniteur*, засѣданіе 24 іюня 1791 г., въ 5 часовъ вечера.

³⁾ Заявленіе Ла-Гаши.

нымъ дорогамъ Клермонскаго округа, на откосахъ холмовъ, въ тѣни густыхъ лѣсовъ, въ ихъ топяхъ и оврагахъ плутало много растерявшихся кавалеристовъ: здѣсь Дамъ со своими людьми, тамъ Шуазель и Гогла, за которыми ѣхали нѣмецкіе гусары; дальше блуждали впопыхахъ Ремі и его драгуны; въ другомъ мѣстѣ гнались за своею добычей Друэ и Гильомъ, преслѣдуемые сами! И всѣ лихорадочно шпорили коней до крови! Берлина, въ свою очередь, неслись во весь опоръ, такъ какъ теперь уже было не до того, чтобы пѣшкомъ взбираться на горы.

Городокъ Вареннъ, населеніе котораго не превышало въ ту пору полутора тысячъ душъ, расположенъ на обоихъ берегахъ рѣки Эръ, которая дѣлитъ его на верхній и нижній городъ. Нижняя часть, примыкающая къ горѣ, соединяется съ верхнею узкой дорогой, ведущей къ мосту, котораго можно достигнуть не иначе, какъ проѣхавъ подъ массивнымъ темнымъ сводомъ. Такъ какъ въ Вареннѣ не было постоянной почтовой стаціи, то Булье послалъ туда своего второго сына и графа Ражкура съ порученіемъ выставить тамъ подставу. Эти офицеры, оба очень молодые, остановились въ гостиницѣ *Grand monarque*, расположенной за мостомъ, въ нижнемъ городѣ; здѣсь они временно помѣстили смѣнныхъ лошадей и ожидали курьера, который, согласно даннымъ инструкціямъ, долженъ былъ извѣстить ихъ о прибытіи короля и указать наиболѣе подходящее мѣсто, куда прислать лошадей. Однако было уже одиннадцать часовъ съ четвертью, а курьеръ не являлся. Только какой-то неизвѣстный проѣзжій просилъ позволенія переговорить съ ними и умолялъ ихъ достать ему лошадей, объясняя, что въ своемъ экипажѣ онъ везетъ церемоніальное одѣяніе короля и драгоценныя вещи королевы. Онъ говорилъ, что ѣдетъ въ Люксембургъ, гдѣ долженъ выждать приказаній ихъ величествъ, что онъ разстался съ герцогомъ Шуазлемъ въ Сентъ-Мену и что тамъ, такъ же, какъ и въ Клермонѣ, произошло народное возмущеніе. Человѣкъ этотъ былъ парикмахеръ королевы Леонаръ¹⁾. Изъ его словъ оба офицера заключили, что планъ побѣга не удался, однако пошли пройтись по дорогѣ. Но вмѣсто того, чтобы остаться тамъ, они около половины двѣнадцатаго вернулись въ гостиницу, взошли наверхъ въ свои комнаты и погасили огонь—чтобы лечь

¹⁾ *Mémoire de Louis de Bouillé et Exposé de la conduite de M. de Raigecourt*, p. 116 et 190 въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*.

спать, какъ говорили ихъ обвинители, или чтобы казалось, будто они легли, чтобы тѣмъ предотвратить всякія подозрѣнія, какъ заявляли они сами въ своей защитѣ¹⁾.

Какъ бы то ни было, какъ разъ въ это самое время въ верхній городъ пріѣхалъ графъ Валори, всего нѣсколькими минутами раньше прибытія туда же королевской семьи, которая и здѣсь опять была бы спасена, еслибы лейбъ-гвардеецъ Валори былъ настоящимъ курьеромъ и пріѣхалъ бы часомъ раньше короля!

Всюду господствовала глубокая тишина; городъ уснулъ и лишь тамъ и сямъ виднѣлся свѣтъ въ нѣсколькихъ окнахъ. Валори съ трепетомъ разыскиваетъ подставу, но ничего не видитъ и не слышитъ и въ недоумѣніи возвращается къ ѣхавшей за нимъ въ небольшомъ разстояніи каретѣ. Король, королева, ихъ дѣти—все спали, но вдругъ были разбужены зловѣщимъ крикомъ опередившаго ихъ верхового: «Ямщики!¹⁾ по повелѣнію націи, распрягайте! Вы везете короля!»²⁾). И почти тотчасъ же раздался бой барабана; потомъ снова водворилась тишина, нарушавшаяся лишь стукомъ колесъ.

На уклонѣ шоссе стоялъ домъ, принадлежавшій старому офицеру, по фамиліи Префонтэнъ. Въ окнахъ его виднѣлся свѣтъ; карета разомъ остановилась, и одинъ изъ трехъ гвардейцевъ, Мутье, силою ворвавшись въ дверь, которая быстро затворилась за нимъ, вошелъ въ этотъ домъ. Старикъ-маіоръ приближалъ въ халатѣ и твердымъ тономъ спросилъ: «Что вамъ нужно?»—«Нужно оказать услугу одной дамѣ».—«Знаемъ мы, въ чемъ дѣло», возразилъ маіоръ. Онъ подошелъ къ каретѣ, обмѣнялся нѣсколькими словами съ королемъ и, по его просьбѣ, провелъ Мутье къ командиру лезѣнскихъ гусаръ³⁾. Но время шло. Въ безпокойствѣ королева вышла изъ кареты и подъ-руку съ графомъ Мальденомъ вошла въ домъ Префонтена⁴⁾, но почти тотчасъ же выпла оттуда, стала бродить съ королемъ по ули-

¹⁾ *Exposé de la conduite de M. Raigecourt, ubi supra*, p. 129.

²⁾ *Précis historique du comte de Valory*, p. 281, въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*.

³⁾ Разсказъ графа Мутье.—Разсказъ этотъ, опубликованный въ 1815 г., такъ же какъ и сообщеніе графа Валори, расходятся съ нимъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Оба они нуждаются въ сопоставленіи со всею совокупностью другіихъ свидѣтельскихъ показаній и въ тщательномъ разборѣ.

⁴⁾ *Précis historique du comte de Valory*, p. 283.

цамъ и стучалась въ нѣсколько дверей... Всѣ поиски оказались тщетными. Графъ Мутье, съ своей стороны, печально вернулся къ своимъ господамъ: онъ не могъ разыскать командира гусаръ, который — какъ онъ думалъ — должно быть бѣжалъ¹⁾. Пришлось предложить ямщикамъ не обращать вниманія на происшедшее и ѣхать дальше; но они отказались, ссылаясь на усталость лошадей. Наконецъ, путемъ настойчивыхъ просьбъ, король добился отъ нихъ согласія перевезти его, по крайней мѣрѣ, по ту сторону моста и, вмѣстѣ съ королевой, снова усѣлся въ карету²⁾.

Тѣмъ временемъ, прибылъ Друэ, этотъ ужасный Друэ. Онъ поспѣшно направился на базарную площадь, въ таверну *Bras d'or*, гдѣ сидѣло за столомъ нѣсколько скототорговцевъ, отвелъ хозяина въ сторону и коротко спросилъ его: «Бонифацій, ты хорошій патріотъ?» — «Еще бы!» — «Ну, такъ идемъ». Они вышли и отправились извѣстить молочнаго торговца Соса, занимавшаго должность прокурора общины; затѣмъ, скликнувъ пятерыхъ или шестерыхъ товарищей, всѣ они направились подъ сводъ, подъ которымъ должна была проѣхать королевская карета, загородили путь опрокинутою повозкой и, съ ружьями въ рукахъ, засѣли въ засаду³⁾.

Берлина подѣвжаетъ, вотъ она уже подъ сводомъ. «Стой! ваши паспорта!» И черезъ обѣ дверцы просовываются накрестъ въ карету два штыка, а прокуроръ общины наводитъ свѣтъ фонаря на лицо короля⁴⁾. Надо ли, да можно ли было сопротивляться? У лейбъ-гвардейцевъ были при себѣ только охотничьи рожки⁵⁾. Оружіе, которое должно бы было находиться въ каретѣ⁶⁾, забыли туда положить. Друэ грубо потребовалъ, чтобы прутники явились къ прокурору общины, домъ котораго находился очень близко отсюда, при чемъ, однако, не проронилъ ни слова, которое могло бы дать поводъ думать, что это король и

¹⁾ *Précis historique du comte de Valory*, p. 284.

²⁾ Разсказъ архіепископа тулузскаго, *ubi supra*, p. 110.

³⁾ См. *Histoire de la Révolution, par deux amis de la liberté*, и докладъ Друэ.

⁴⁾ *Mémoires du duc de Choiseul*, p. 88.—Королева еще въ самомъ Вареннѣ разсказала ему о происшедшемъ.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 55.

⁶⁾ *Précis historique du comte de Valory*, p. 251 въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*.

королева. Въ свою очередь, и Сось сдѣлалъ видъ, будто принимаетъ ихъ просто за проѣзжающихъ, просмотрѣлъ ихъ паспортъ и, казалось, призналъ его находящимся въ порядкѣ. Онъ только замѣтилъ имъ, что лошади не могутъ слѣдовать дальше, не отдохнувъ, и потому просилъ путниковъ отдохнуть въ его домѣ, гдѣ, по его словамъ, имъ будетъ удобнѣе, чѣмъ въ каретѣ. Королевская семья была принята въ низкой залѣ, изъ которой можно было бы видѣть все происходившее на улицѣ. Людовикъ XVI обнаруживалъ большую ясность духа. Входя, онъ безъ церемоній попросилъ напиться; ему принесли бутылку бургонскаго и сыру¹⁾. Королева сѣла молча.

Сось завелъ разговоръ о разныхъ незначительныхъ предметахъ, время отъ времени выходилъ, какъ бы для того, чтобы посмотрѣть, не готовы ли лошади, но на самомъ дѣлѣ для отданія нужныхъ приказаній²⁾. Людовикъ XVI, начинавшій тревожиться по поводу этихъ постоянныхъ выходовъ и возвращеній, сказалъ ему: «Оставайтесь здѣсь, вашъ разговоръ *мнѣ нравится*». Но уже все вспыхнуло: Друэ бѣшено трезвонилъ въ набатъ, барабанъ билъ сборъ, жители вскакивали съ постелей и вооружались; городъ освѣщался, и разосланные Сосомъ гонцы скакали по всѣмъ направленіямъ подымать сосѣдніе приходы. Приказанія свои прокуроръ-синдикъ отдавалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Живо, отправляйтесь съ оружіемъ и пушками; пришлите національную гвардію. Живо! Здѣсь король съ королевскою семьей. Живѣ! живѣ!»³⁾. Когда Сось счелъ, что все готово, онъ сказалъ Людовику XVI, указывая пальцемъ на висѣвшій на стѣнѣ портретъ¹⁾: «Ваше величество, вотъ вашъ портретъ!» — «Ну да, да, мой другъ, — отвѣчалъ въ волненіи Людовикъ XVI, — я король»⁴⁾.

¹⁾ Рассказъ архіепископа тулузскаго.—Эти подробности не сходятся съ сообщаемыми графомъ Валори. Но послѣдній написалъ свои воспоминанія лишь спустя много времени послѣ событія, когда память его, какъ говоритъ онъ самъ, *ослабла*; не надо забывать и того, что рассказъ Фонтанжа основывался на бесѣдѣ его съ королевой въ то время, когда впечатлѣніе фактовъ было еще совсѣмъ свѣжо.

²⁾ *Lettre écrite de Verdun à la Chronique de Paris*, помѣченное 25 іюня 1791 г.—Письмо это, представляющее поразительное сходство съ рассказомъ Фонтанжа и написанное несомнѣнно очевидцемъ, заключаетъ въ себѣ подробности, опущенныя, по понятнымъ причинамъ, архіепископомъ Фонтанжемъ.

³⁾ *Révolutions de France et des royaumes*, etc., № 82.

⁴⁾ *Lettre de Verdun*, *ibid.*

другу: *Der König, die Königin!* (король! королева!). Шуазель командовалъ: *Sabliz naгом!* и повелъ ихъ крупною рысью къ дому прокурора общины¹⁾. Домъ этотъ былъ въ то время полонъ народа. Король и его семья находились во второмъ этажѣ.

Соскочивъ съ лошади, Шуазель встрѣтился въ дверяхъ съ только-что прибывшимъ графомъ Дамà. «Достаточно ли у васъ силъ?» спросилъ Шуазель.—«Я одинъ; мой полкъ отказался». Шуазель, въ сопровожденіи графа Дамà и барона Гогла, поднялся по витой лѣстницѣ во второй этажъ. У входа въ комнату, гдѣ находился король, стояли двое крестьянъ, вооруженныхъ вилами. Они хотѣли заградить дверь, но Шуазель отстранилъ ихъ и вошелъ со шпагою въ рукѣ²⁾.

Какая потрясающая картина! На беспорядочно сбитой постели спитъ глубокимъ сномъ, совсѣмъ одѣтый, сынъ короля; около него, схватившись руками за голову, т-жа Турзаль; у окна принцесса Елизавета и сестра дофина; далѣе, въ бесѣдѣ съ мелочнымъ лавочникомъ, король и королева; въ глубинѣ комнаты сидятъ трое лейбъ-гвардейцевъ, а на столѣ видны хлѣбъ, бутылка, нѣсколько стакановъ³⁾.

Людовикъ XVI, его жена и сестра почти радостно подошли къ вошедшимъ и милостиво встрѣтили этихъ посѣтителей, преданность которыхъ была имъ извѣстна. «Что намъ дѣлать!» спросилъ король.—«Спасаться, ваше величество», отвѣтилъ графъ Дамà⁴⁾. Шуазель сказалъ: «Ваше величество, у меня здѣсь сорокъ гусаръ; семерыхъ изъ нихъ я спѣшу. На одну изъ лошадей сядете вы, взявъ на руки дофина; на другой поѣдетъ королева и по одной лошади придется подъ сѣдло королевской принцессы, т-жи Турзаль и принцессы Елизаветы, а также т-жа Невиль и Брюнье, которыхъ вы не хотите покинуть; мы оцѣпимъ васъ остальными тридцатью тремя гусарами и расчистимъ вамъ дорогу саблями. Нельзя терять ни минуты! Черезъ часъ моихъ гусаръ смѣнятъ»⁵⁾. Но Людовикъ XVI былъ не изъ тѣхъ людей, которые способны принимать рискованныя рѣшенія. Основываясь на рѣчахъ Соса, онъ думалъ, что для него

¹⁾ *Mémoires du duc de Choiseul*, p. 90 et 91.

²⁾ *Ibid.* p. 92.

³⁾ *Ibid.*, p. 92 et 93.—См. также *Mémoires du baron de Goguelat*, p. 28.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 93.—См. также рассказъ графа Дамà, p. 232 въ *Mémoires sur l'affaire de Varcennes*.

⁵⁾ *Mémoires du duc de Choiseul*, p. 93 et 94.

все дѣло сводится только къ тому, чтобы дождаться разсвѣта. Съ другой стороны, зная, что молодой Булье уѣхалъ съ извѣстіями къ отцу въ ноловицѣ двѣнадцатаго, и соображая, что отъ Варенна до Стенэ можно доѣхать верхомъ меньше, чѣмъ въ три часа, онъ разсчитывалъ на предстоящее прибытіе Булье, какъ на единственный безопасный исходъ. «Потому что—говорилъ онъ герцогу Шуазёлю—развѣ, въ концѣ концовъ, вы ручаетесь, что въ неравной схваткѣ тридцати человѣкъ съ толпою въ семьсотъ—восемьсотъ человѣкъ не будутъ убиты ружейнымъ выстрѣломъ королева, или моя дочь, или мой сынъ, или моя сестра?»¹⁾

Гоглѣ сошелъ внизъ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Онъ увидѣлъ, что гусары держатся еще хорошо, и замѣтилъ, что въ мутящейся толпѣ многія были дурно вооружены, а нѣкоторые безоружны; онъ узналъ также, что близъ моста есть бродъ. Если бы захотѣть сдѣлать смѣлую вылазку, осуществить ее было бы возможно. Гоглѣ горячо изложилъ это королевѣ; но она, при всемъ своемъ безстрашіи, не рѣшилась на такой большой рискъ, ссылаясь на то, что вѣдь съ нею ея дѣти. «Я ничего не хочу брать на себя, отвѣчала она. Этотъ нашъ шагъ былъ рѣшенъ королемъ, пусть онъ и отдаегъ приказанія, а мой долгъ—исполнить ихъ»²⁾. Притомъ она, подобно Людовику XVI, возлагала надежды на Булье.

Но уже самое присутствіе Булье въ Вареннѣ не послужитъ ли сигналомъ къ страшно опаснымъ осложненіямъ? Какъ знать предѣлы, до которыхъ дошла бы ярость жителей, какъ только городу стала бы грозить опасность? Вотъ что хорошо понимали Шуазель и Дамă; но они разсчитывали на то, что эта ярость и опасность продержится лишь одно мгновеніе. Разъ прорвавши заставу, можно ли сомнѣваться въ быстромъ и полномъ разсѣяніи толпы? Значитъ, всего важнѣе было поставить короля и его семью внѣ предѣловъ досягаемости. Защитниковъ, окружавшихъ тогда королевскую семью, насчитывалось десять человѣкъ: герцогъ Шуазель, графъ Дамă, баронъ Гоглѣ, Флоракъ, Реми, трое лейбъ-гвардейцевъ и двое унтеръ-офицеровъ полка *Monsieur-Dragns*. Шуазель и Дамă условились между собою овладѣть внутренними помѣщеніями дома, воспользовавшись особенно-

¹⁾ *Mémoires du duc de Choiseul*, p. 94.

²⁾ *Mémoires du baron de Goguelat*, p. 29.

стями его устройства и витой лѣстницей, по которой можно было всходить только по одному; закрыть окна двухъ комнатъ верхняго этажа и ввѣрить оборону послѣднихъ лейбъ-гвардейцамъ; затѣмъ, при первомъ же извѣщеніи о прибытіи войска, при первыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ, прогнать людей, находившихся въ передней комнатѣ, передъ комнатою короля, и воспользоваться выгодами витой лѣстницы, чтобы закрыть проходъ по ней. «Здѣсь—пишетъ герцогъ Шуазель—одинъ человекъ могъ остановить нѣсколькихъ; здѣсь пришлось бы перебить насъ всѣхъ одного за другимъ, прежде чѣмъ оборона лѣстницы была бы брошена; оборона же эта въ такомъ узкомъ проходѣ затянулась бы изъ-за загроможденія лѣстницы тѣлами убитыхъ съ той и другой стороны»¹⁾. Итакъ, стали ждать, причемъ королева проводила время въ томъ, что рассказывала подробности своего отъѣзда изъ Парижа своимъ вѣрнымъ слугамъ, развлекая ихъ нетерпѣніемъ своихъ рассказовъ²⁾.

А набатъ продолжалъ гудѣть, разносясь по окрестности, и сосѣдніе приходы, которыхъ онъ призывалъ, подымались цѣликомъ; на пространствѣ нѣсколькихъ льё кругомъ каждый бросалъ жену, дѣтей, свой плугъ и бѣжалъ къ королю—къ тому королю, который, какъ говорили, передался неприятелю—и многіе деревенскіе мэры поступали по примѣру луврскаго и брались за ружье!³⁾ Вскорѣ число сбѣжавшихся достигло пяти или шести тысячъ человекъ. Лавка Соса наполнилась шумною толпой. На улицѣ, у дверей, національные гвардейцы запросто окружали гусаря, пожимали имъ руки, подносили имъ выпивку. Члены муниципальнаго совѣта, послѣ перваго посѣщенія королевской семьи, совѣщались въ ратушѣ. Въ окрестности бродилъ дозоромъ озлобленный Друэ.

Когда Гогла вторично сошелъ внизъ, чтобы взглянуть, каково настроеніе солдатъ, Друэ, подойдя къ нему, бросилъ ему слѣдующее ужасное предупрежденіе: «*Я вижу ясно, что вы хотите увезти короля; но вамъ не взять его иначе, какъ мертвымъ!*»⁴⁾. Минуту спустя, когда Гогла попытался разогнать кучку народа, майоръ вареннской національной гвардіи Роланъ крикнулъ ему: «*Еще шагъ—и я васъ убью!*» Гогла бросился на майора, но былъ

¹⁾ *Mémoires du duc de Choiseul*, p. 98.

²⁾ Рассказъ графа Дама, p. 233, въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*.

³⁾ Заявленіе луврскаго мэра, *Chronique de Paris*, № 173, année 1791.

⁴⁾ *Mémoires du baron de Goguelat*, p. 22.

раненъ pistolетнымъ выстрѣломъ въ грудь и упалъ. Его снесли, въ крови, въ одинъ изъ сосѣднихъ домовъ, при крикахъ гусаровъ: *Да здравствуетъ нація!*¹⁾.

Проходили цѣлыя часы, а Булье все не являлся.. зато явились члены муниципальнаго совѣта. Людовикъ XVI долго льстилъ себя надеждой, что на разсвѣтѣ онъ, во всякомъ случаѣ, получить возможность продолжать путь; когда же онъ услышалъ, что его хотятъ везти обратно въ Парижъ, всѣ силы его покинули. Онъ сталъ умолять, чтобы этого не дѣлали. И въ какое же унижительное положеніе пришлось тогда стать королевѣ, самой королевѣ, этой гордой и надменной дочери Маріи-Терезин! Сидя на скамейкѣ въ жалкой лавчонкѣ, между двухъ ящиковъ со свѣчами, съ глубокою горечью въ сердцѣ и съ измѣнившимся лицомъ, она, сложивъ руки, умоляла г-жу Сось; она старалась затронуть въ ней чувства жены, чувства матери. «Развѣ и у васъ нѣтъ дѣтей?» говорила она и указывала на спавшихъ дофина и его сестру. Но жена лавочника отвѣчала ей съ холоднымъ здравымъ смысломъ: «Мнѣ крайне непріятно, сударыня, что я не могу быть вамъ полезной. Вы думаете о королѣ, а я думаю о г. Сосѣ». Вышла бабушка прокуроръ-синдика, восьмидесятилѣтняя старушка. Она была глубоко растрогана, опустилась на колѣни около кровати, цѣловала дѣтямъ руки, помолилась за нихъ и, благословивъ ихъ, ушла вся въ слезахъ²⁾.

Тѣмъ временемъ, графъ Режкуръ и шевалье Булье, выѣхавшіе изъ Варенна въ половинѣ двѣнадцатаго, прибыли въ Денъ. Тайну свою они не рѣшились довѣрить командовавшему отрядомъ гусаръ Делону³⁾; но тотъ, зная отъ проѣзжавшаго Ровделля, что въ Вареннѣ задержаны два экипажа, въ которыхъ находились мужчина, двѣ женщины и дѣти, догадался, въ чемъ дѣло, и, слѣдуя единственно движенію своего сердца, отправился во главѣ своего отряда. Отъ Дѣна до Варенна добрыхъ пять льѣ разстоянія: отрядъ проскакалъ ихъ менѣе, чѣмъ въ два часа⁴⁾. Делонъ предполагалъ начать атаку тотчасъ же, но удержался при видѣ возведенныхъ у вѣзда на мостъ баррикадъ. Если бы у солдатъ были патроны, онъ могъ бы сиѣшить часть своего отряда и двинуть ее впередъ; къ несчастію—и это очень

¹⁾ *Mémoires du baron de Goguelat*, p. 22.

²⁾ *Mémoires du duc de Choiseul*, p. 96.

³⁾ Докладъ Делона, стр. 176 въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*.

⁴⁾ *Ibidem*.

паны, сюртукъ разстегнуть, и самъ онъ былъ въ страшиѣйшемъ волненіи. «*Ваше величество—сказалъ онъ—въ Парижѣ рѣзня... наши жены, наши дѣти...*»—А я развѣ не мать тоже?— прервала королева, схвативъ посланца за руку и показывая на дофина—*развѣ я не мать? Да, наконецъ, чего вы отъ насъ хотите?*» Въ это время растворилась дверь и вошелъ Ромѣфъ, весь въ слезахъ и опустивъ глаза; въ рукѣ у него была бумага. «Лафайетъ!—неистово воскликнула королева—у него въ яловѣ только и есть, что его американская республика... Вотъ онъ увидитъ, что такое республика!.. Ну, покажите-ка мнѣ, милостивый государь, этотъ декретъ». Она живо схватила бумагу, заглянула въ нее и, не дочитавъ, воскликнула: «*Наглцы!*» Людовикъ XVI, въ свою очередь, тоже не могъ сдержаться: «Во Франціи короля больше нѣтъ», сказалъ онъ и положилъ декретъ на постель. Но королева, тотчасъ же схвативъ его снова, бросила его на полъ, крича: «*Нѣтъ, я не хочу, чтобы онъ осквернялъ постель моихъ дѣтей!*» Ромѣфъ, колеблясь между жалостью, скорбью и уваженіемъ, наклонился къ Маріи-Антуанетѣ и вполголоса сказалъ ей слѣдующія слова, которыя ее поразили: «*Пожелала ли бы королева, чтобы не я, а кто-нибудь другой былъ свидѣтелемъ этихъ порывовъ¹⁾?*»

Бальонъ спустился внизъ и вышелъ на улицу, гдѣ сталъ одушевлять народъ²⁾. Вызванные набатомъ, мрачные призывы котораго повторялись всюду, переносясь изъ одной деревни въ другую, жители окрестныхъ селеній собрались теперь въ Вареннѣ, въ числѣ около 10,000 человекъ³⁾. Возбужденіе достигло высшей степени. Въ толпѣ кричали: «*Въ Парижѣ, въ Парижѣ!*» Послышалась жестокая угроза: «*Мы за ноги потащимъ его въ карету!*⁴⁾» Королева, въ которой поочередно смѣнялись другъ друга порывы презрѣнія, гнѣва, ужаса, безпокоилась о судьбѣ своихъ слугъ. Подойдя къ герцогу Шуазёлю, она сказала ему: «*Какъ вы думаете—г. Ферзенъ спасся⁵⁾?*»

Съ улицы неся повелительный ревъ: Людовика XVI тре-

¹⁾ Объ этой необычайной сценѣ см., сопоставля ихъ, рассказъ герцога Шуазёля, стр. 103 и 104 его *Mémoires* и рассказъ архіепископа тулузскаго т. II et 119 въ *Mémoires de Weber*.

²⁾ Рассказъ графа Дамъ, р. 239 въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*.

³⁾ *Mémoires du duc de Choiseul*, р. 105.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *Ibidem*.

тронъ; вторые ожидали оскорбленій и тревожились по поводу своего безсилія предотвратить ихъ; конституціоналисты же сознавали, что для республики выгоднѣе, когда король униженъ, чѣмъ когда онъ отсутствуетъ! Между главными вожаками Собранія состоялись тайныя совѣщанія по вопросу о назначеніи комиссаровъ, которыхъ имѣлось въ виду послать навстрѣчу королевской семьѣ. Въ собравшуюся для этого комиссію приглашенъ былъ Матьё Дюмá; тамъ же присутствовалъ другой военный, маршалъ Рошамбо. «Всѣ—говоритъ Матьё Дюмá въ своихъ *Souvenir*—единогласно высказались за сохраненіе монархическаго принципа и подобающаго королевской семьѣ уваженія»¹⁾. Въ комиссары оказались выбранными: конституціоналистъ и большой другъ Лафайета Латуръ-Мобуръ, республиканецъ Петіонъ и Барнавъ, слишкомъ вѣрный представитель того движенія въ сторону отпаденія, которое начинало разъединять лѣвую. На Матьё Дюмó было возложено сопутствовать троицъ комиссарамъ и принять командованіе вооруженною силой, которая, какъ предполагалось, должна была прибыть къ мѣсту проѣзда²⁾. Они уѣхали.

Четверо посланцевъ встрѣтили королевскую карету 23-го іюня между Шато-Тьеры и Шалонемъ, въ двухъ льѣ позади Дормана. Они вышли изъ экипажа. Окна въ обѣихъ дверцахъ королевской кареты были открыты. Барнавъ подошелъ и подалъ декретъ. «Очень радъ васъ видѣть, господа—сказалъ Людовикъ XVI, прочитавъ бумагу.—Я вовсе не хотѣлъ выѣзжать изъ королевства. Я ѣхалъ въ Монмеди, гдѣ предполагалъ пребыть впредь до разсмотрѣнія мною и свободнаго принятія конституціи»³⁾. При этихъ словахъ Барнавъ сказалъ вполголоса стоявшему около него Матьё Дюмá: «Если король вспомнитъ и повторитъ это, мы его спасемъ»⁴⁾. Затѣмъ, вскарабкавшись на козлы, онъ прочиталъ вслухъ декретъ⁵⁾.

Г-жа Турзэль пересѣла изъ кареты короля къ одному изъ

1) *Souvenirs de Mathieu Dumas, de 1770 à 1836, publiés par son fils, t. I. p. 486. Paris. Charles Gosselin MDCCCXXXI.*

2) *Ibid.*, p. 487.

3) *Ibid.*, p. 489.

4) А не «Вотъ слово, которое спасетъ королевство», какъ ошибочно общасть Мишле; это большая разница. См. разсказъ самого Матьё Дюма, t. I et p. 489 его *Souvenirs*.

5) *Ibid.*, p. 490.

комиссаровъ въ ту карету, въ которой послѣдніе прибыли. Двое другихъ комиссаровъ сѣли въ королевскую карету. Королевѣ хотѣлось бы, чтобы однимъ изъ нихъ былъ Латуръ-Мобуръ, потому что она знала его; но онъ замѣтилъ ей потихоньку, что Барнавъ очень вліятельный членъ Собранія, что онъ разсчитывалъ сѣсть съ королевскою семьей, и честолюбіе его будетъ этимъ очень польщено; королева же будетъ, такимъ образомъ, имѣть случай узнать его поближе, а это можетъ оказаться довольно важнымъ для интересовъ ея величества¹⁾). Графъ Валори, который сидѣлъ на козлахъ кареты и легко могъ не видѣть того, что въ ней происходило, разсказываетъ, что «Петіонъ довелъ свою грубость до того, что потребовалъ, чтобы принцесса уступила ему заднее мѣсто въ каретѣ, на которомъ она сидѣла»²⁾). Но этотъ фактъ дикой грубости, уже и самъ по себѣ такъ мало вѣроятный, рѣшительно опровергается разсказомъ архіепископа тулузскаго, писавшаго въ нѣкоторомъ родѣ подъ диктовку королевы, который говоритъ: «Все устроилось такъ: Барнавъ, бывший довольно худощавымъ, сѣлъ на заднихъ мѣстахъ между королемъ и королевой; Петіонъ помѣстился на переднемъ сидѣньѣ между принцессою Елизаветой и молодою принцессою; дофинъ расположился на колѣняхъ у своей матери, тетки и сестры»³⁾).

Вначалѣ королева была не въ духѣ и закрыла лицо вуалью, какъ будто рѣшивъ не открывать рта во всю дорогу. Но быстрый взглядъ, брошенный Барнавомъ на сидѣвшихъ на козлахъ троихъ лейбъ-гвардейцевъ, и легкая улыбка, съ которою брошенъ былъ этотъ взглядъ⁴⁾, повидимому, искавшій Ферзена, сразу выдали странную озабоченность молодого адвоката. Марія-Антуанета въ одно мгновеніе угадала все. Безъ всякой аффектаціи, она нашла поводъ объяснить, кто эти сидящіе на козлахъ лица⁵⁾, и Барнавъ, котораго присутствіе Ферзена, можетъ быть, привело бы въ раздраженное и насмѣшливое настроеніе, тотчасъ же сталъ очень милъ, предупредителенъ и почтителенъ,

¹⁾ Разсказъ архіепископа тулузскаго, *ubi supra*.

²⁾ *Précis historique du comte de Valory*, p. 307, въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*.

³⁾ Разсказъ архіепископа тулузскаго, т. II, стр. 130, въ *Mémoires de Weber*.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *Ibidem*.

при чемъ былъ также и взволнованъ. Когда Людовикъ XVI заговорилъ съ нимъ о революціи, о Собраніи, онъ сталъ защищать свои воззрѣнія съ такою деликатностью, что королева не могла не замѣтить этого и была тронута. Безсознательно поддавшись весьма естественному и законному желанію расположить къ себѣ человѣка, съ такимъ мягкимъ увлеченіемъ открывшаго свою душу, она подняла вуаль и стала разговаривать. Барнавъ былъ очарованъ, онъ погибъ!

Если Петіонъ, напротивъ, доводилъ свою суровость до наглости, если онъ держалъ себя фамиллярно до цинизма, если, захотѣвъ пить, онъ рѣзко потребовалъ питья отъ принцессы Елизаветы и даже не поблагодарилъ ее¹⁾—то вѣдь это утверждаютъ свидѣтельства слишкомъ роялистскія для того, чтобы не быть заподозренными въ преувеличеніи. Достоверно то, что онъ нехотѣлъ вздумалъ разыгрывать неотесаннаго человѣка, былъ рѣзокъ, догматиченъ и сухъ, позабывъ, что если рѣзкость является иногда достоинствомъ при обращеніи къ силѣ, то по отношенію къ людямъ несчастнымъ она оказывается проявленіемъ лишь дурного тона, и что главную добродѣтель истиннаго республиканскаго сердца составляетъ великодушіе. Поэтому королева не могла скрыть, насколько оскорбленною она себя чувствуетъ. Въ ту минуту, когда Петіонъ держалъ у себя на колѣняхъ маленькаго дофина и накручивалъ себѣ на пальцы его прелестные бѣлокурые волосы, да еще съ такою силой, что мальчикъ вскрикивалъ, Марія-Антуанета сказала ему: «Дайте мнѣ моего сына; онъ привыкъ къ такому уходу и такому внимательному обращенію, которые мало располагаютъ его къ подобнымъ фамиллярностямъ»²⁾.

Впрочемъ, маленькій принцъ чаще и охотнѣе—тѣмъ болѣе, что къ тому поощряла его улыбкою мать—подходилъ къ Барнаву, открытое лицо котораго привлекало его. Однажды, глядясь въ пуговицы на сюртуркѣ этого трибуна, онъ замѣтилъ на нихъ буквы, сталъ разбирать по складамъ и, разобравъ надпись, радостно воскликнулъ: «*Смотри, мама, жить свободно или умереть!*» Онъ сталъ разсматривать другія пуговицы и, убѣдившись, что всѣ онѣ одинаковы, прибавилъ: «*Ахъ,*

¹⁾ Разсказъ архіеп. Тулубскаго, т. II, стр. 134, въ *Mémoires de Weber*. О поведеніи Петіона см. также *Mémoires de Ferrières*, т. II, р. 377, *Mémoires de M-me Campan*, т. II, р. 153. *Précis historique du comte de Valory*, etc.

²⁾ *Mémoires de M-me Campan*, т. II, ch. XVIII, р. 153.

мама, вездѣ: жить свободнымъ или умереть!» Барнавъ былъ глубоко тронутъ. Королева смотрѣла молча¹⁾...

Въ половинѣ девятаго вечеромъ прибыли въ Дорманъ. Городъ былъ освѣщенъ. Для королевской семьи была приготовлена подходящая квартира, гдѣ она и провела спокойно ночь, тогда какъ передъ гостиницей стояла собравшаяся толпа; она была спокойна, нѣма, даже почтительна, но не теряла каретъ изъ виду!²⁾

На слѣдующій день, 24-го іюня, когда королевская семья снова тронулась въ путь на разсвѣтѣ, число однихъ только національныхъ гвардейцевъ, составлявшихъ часть кортежа, доходило приблизительно до десяти тысячъ. Матѣ Дюма расположилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ справа и слѣва по парижской дорогѣ, такъ что кареты ѣхали между двухъ линій войскъ. Въ сердцахъ еще перемѣшивались противорѣчивыя чувства; воспоминанія о прошломъ еще такъ сильно боролись въ нихъ съ озлобленіемъ данной минуты и съ представленіемъ о республиканскомъ равенствѣ, что при проѣздѣ узниковъ войска отдали имъ честь и, въ знакъ почтенія, преклоняли знамена³⁾. Кромѣ того, со времени прибытія комиссаровъ не раздавалось ни одного возмутительнаго возгласа, ни одного оскорбительнаго слова по адресу короля и его семьи; не было совершено ни одного насилія. Однако между Шалономъ и Мо какой-то священникъ, задѣвній общее чувство черезчуръ показнымъ проявленіемъ скорби и негодованія, подвергся серьезной опасности и спасеніемъ своей жизни былъ обязанъ единственно нѣсколькимъ благороднымъ словамъ Барнава, который при этомъ едва не бросился вонъ изъ кареты, но былъ удержанъ принцессою Елизаветой. Рассказывая объ этомъ, королева говорила, что въ минуты величайшихъ кризисовъ ее всегда поражали причудливые контрасты и что ей показался въ высшей степени поразительнымъ поступокъ набожной принцессы Елизаветы, удержавшей Барнава за полу⁴⁾.

Проѣхавъ Шато-Тъери и Лаферте-су-Жуаръ, путники остановились въ Мо, гдѣ назначены были ужинъ и ночлегъ въ томъ дворцѣ, который нѣкогда былъ озаренъ присутствіемъ Боссюэта

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 378.

²⁾ *Souvenirs de Mathieu Dumas*, t. I, liv. V, p. 492.

³⁾ *Ibid.*, p. 493.

⁴⁾ *Mémoires de M-me Campan*, t. II, ch. XVIII, p. 154.

и еще былъ полонъ воспоминаній о немъ. Здѣсь Петіонъ, опасавшійся за троихъ лейбъ-гвардейцевъ, предложилъ дать имъ возможность бѣжать въ переодѣтомъ видѣ, но они отклонили это предложеніе. Чтò могло быть мотивомъ этого отказа? Серьезно ли думалъ Людовикъ XVI—какъ онъ говорилъ частнымъ образомъ своимъ стражникамъ—что Петіонъ втайнѣ намѣревался убить его¹⁾, подъ предлогомъ его спасенія? Неужели могъ онъ до такой степени очернить передъ самимъ собою чисто гуманную мысль Петіона? Вѣдь ни онъ, ни королева не могли не знать, какимъ опасностямъ подвергають они своихъ слугъ тѣмъ, что удерживаютъ ихъ при себѣ. Графъ Валори рассказываетъ, что однажды Марія-Антуанета, уведя его вмѣстѣ съ обоими его товарищами въ комнату, примыкавшую къ комнатѣ Людовика XVI, вынула таблички, чтобы записать данныя имъ при крещеніи имена, а также имена ихъ отцовъ, матерей, сестеръ и братьевъ, послѣ чего сказала имъ со слезами на глазахъ: «*Если бы мы имѣли несчастье лишиться васъ* и не пали бы сами подъ ударами нашихъ враговъ, будьте увѣрены, что мы не оставили бы ваши семьи нашими благодѣяніями. Объ ихъ несчастіи сообщилъ бы имъ *не кто другой, какъ я*, и я же передала бы имъ о тѣхъ чувствахъ къ вамъ, которыя уже не могутъ искорениться въ нашихъ сердцахъ»²⁾). Значить, королева предвидѣла ту участь, которая могла выпасть на долю ея охранителямъ. Почему же благородное предложеніе Петіона было такъ оскорбительно отвергнуто? Было бы, по крайней мѣрѣ, умѣстно снять съ троихъ лейбъ-гвардейцевъ костюмъ, въ который ихъ перерядили и который слишкомъ легко могъ навлечь на нихъ злобу толпы! Этому-то и требовалъ Матьё Дюма. Онъ настоятельно просилъ и короля, и королеву, согласиться на то, чтобы курьерскія куртки были замѣнены мундирами гренадеръ національной гвардіи, но ничего не могъ добиться. Королева разомъ пресѣкла его настоянія страннымъ отвѣтомъ: «*Нѣтъ, король долженъ вѣрнуться въ Парижъ со своей семьей и со своими людьми въ томъ видѣ, въ какомъ онъ уѣхалъ отсюда*»³⁾).

Въ Мо вечеръ ознаменовался однимъ обстоятельствомъ, показывающимъ, въ какомъ тревожномъ состояніи духа нахо-

¹⁾ *Précis historique du comte de Valory*, p. 309, въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*.

²⁾ *Ibid.*, p. 301.

³⁾ *Souvenirs de Mathieu Dumas*, t. I, liv. V, p. 498.

дился Людовикъ XVI. Такъ какъ было очень жарко, то онъ усѣлся у стола въ рубашкѣ, несмотря на то, что двери были раскрыты и сосѣдняя комната была полна народу. Вдругъ онъ зоветъ начальника вооруженныхъ силъ: «Дюма, поставили ли со стороны сада часовой?» — «Да, ваше величество, я самъ распорядился». — «Хорошо; а вотъ за этой гардеробной есть лѣстница, ведущая въ садъ. Посмотрите, куда она выходитъ»¹⁾. Матьё Дюма исполнилъ это приказаніе и Людовикъ XVI, по видимому, успокоился, узнавъ, что внизу лѣстницы стоитъ часовой.

25-го іюня—въ тотъ день, когда предстояло прибыть въ Парижъ—очень рано, когда дѣлались приготовленія къ отъѣзду, Марія-Антуанета позвала къ себѣ Матьё Дюма. Она казалась очень взволнованною. «По какимъ улицамъ—спросила она—мы поѣдемъ въ Тюильри?» — «По внѣшнимъ бульварамъ, ваше величество, чрезъ заставу Этуаль, Елисейскими полями и садомъ». — «Зачѣмъ такой крюкъ? Такъ какъ Парижъ спокоенъ, то почему бы королю не поѣхать прямо въ свой дворецъ?» — «Это для того, ваше величество, чтобы разстроить замыслы злнамѣренныхъ людей; проѣздъ будетъ по такой дорогѣ, гдѣ почти нѣтъ домовъ». — «Понимаю!»²⁾ сказала королева.

Увы, она поняла еще больше, когда между Ливри и Бонди увидѣла вышедшую изъ лѣсу группу изступленныхъ людей, которые, почти подлѣзая лошадямъ подъ брюхо, хотѣли изломать карету въ куски, и когда, немного дальше, на краю дороги появились съ ужасными криками женщины, съ виду похожія на вѣдьмъ Макбета³⁾.

А что же происходило тѣмъ временемъ въ Парижѣ? Парижъ, грозно насупившись, ждалъ. На этотъ разъ не было ни напрасныхъ воплей, ни проявленій ярости, ни шума. На стѣнахъ были расклеены плакаты: «*Кто станетъ рукоплескать королю, тотъ будетъ битъ палками; кто его оскорбитъ, тотъ будетъ повѣшенъ*». Въ силу одного изъ тѣхъ внезапныхъ и твердыхъ рѣшеній, на которыя способенъ только парижскій народъ—быть можетъ, одинъ въ мірѣ—онъ далъ себѣ обѣщаніе быть спокойнымъ. Ибо онъ считалъ себя какъ бы самимъ правосудіемъ,

¹⁾ *Souvenirs de Mathieu Dumas*, p. 496.

²⁾ *Ibid.*, p. 498.

³⁾ *Ibid.*, t. I, liv. V, p. 501.

Сантеръ повернулся къ нему спанюю, подобно тому, какъ и самъ онъ поступилъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ съ герцогомъ Шартрскимъ¹⁾. Позади кареты короля—этой подлинной похоронной колесницы монархіи—ѣхало нѣчто вродѣ триумфальной, осѣненной пальмами колесницы, съ высоты которой Друэ и Гильомъ принимали отъ толпы знаки почтенія²⁾. Проѣхавъ площадь Людовика XV и Тюильрійскій садъ, королевская семья вышла изъ экипажа у дверей средняго павильона. До сихъ поръ все шло въ внушительномъ порядкѣ; народъ неизмѣнно проявлялъ умѣренность и безъ озлобленія, почти съ одобрительнымъ удивленіемъ, отнесся къ роялистскому депутату Гилерми, когда тотъ швырнулъ далеко въ толпу свою шляпу, крикнувъ, чтобы ему принесли ее обратно тѣ, кто кричалъ: «Не снимать шляпы!» Но какъ вороны слѣдуютъ за арміею на походѣ, такъ есть и среди людей хищники, которыхъ всегда влекутъ за собою революціи, подавая имъ надежду на какую-нибудь кровавую добычу. Въ ту минуту, когда королевская семья готова была войти во дворецъ, какіе-то разъяренные люди бросились впередъ, горя желаніемъ начать драку; національная гвардія дала отпоръ ихъ натиску и произошла схватка, въ которой трое сидѣвшихъ на козлахъ лейбъ-гвардейцевъ были избиты; Матье Дюма, потерявъ въ свалкѣ шляпу, португезю и ножны отъ шпаги, вышелъ изъ этой схватки лишь въ разорванной въ лохмотья одеждѣ³⁾. Среди этого безпорядка, при этихъ опасностяхъ, королева проявила достойный всякаго почтенія порывъ: она пожелала выйти изъ кареты не иначе, какъ послѣ всѣхъ⁴⁾. Тутъ подбѣжали къ ней два человѣка, которыхъ она ненавидѣла—герцогъ д'Эгиллонъ и виконтъ Ноайль—съ благороднымъ стремленіемъ оградить ее своею популярностью; несмотря на ея, въ нѣкоторомъ родѣ, отвращеніе, они высадили ее изъ кареты и почти бѣгомъ провели ко дворцу⁵⁾, тогда какъ другой членъ лѣвой, Мэну, на рукахъ понесъ туда же дофина⁶⁾.

Войдя въ свои комнаты и не видя сына, Марія-Антуанета была охвачена тревожнымъ ужасомъ: она подумала, что сына у

1) *Révolutions de France et des royaumes*, etc., № 82.

2) *Ibid.* и *Chronique de Paris*, № 178. Année 1791.

3) *Souvenirs de Mathieu Dumas*, t. I, liv. V, p. 503.

4) Рассказъ архіепископа тулузскаго, t. II, p. 138 въ *Mémoires de Weber*.

5) *Ibid.*

6) *Souvenirs de Mathieu Dumas*, t. I, liv. V, 503.

миѣнія этого держались якобинцы; третье миѣніе—миѣніе кордельеровъ—требовало республики.

Займемся сперва изученіемъ хода дѣлъ въ Собраніи.

Въ числѣ конституціоналистовъ, значительно превосходившихъ численностью сторонниковъ стараго порядка вещей, всегда существовала—рядомъ съ парламентскою фракціей, которою руководили Туре, д'Андре, Ле Шапелье и Демёнъе—другая фракція, имѣвшая точку опоры внѣ Собранія; ее двигали впередъ якобинцы, ей содѣйствовали Пале-Рояль, ее привѣтствовала республиканская печать, и до варенискаго побѣга она состояла, главнымъ образомъ, изъ обоихъ Ламетовъ, Дюпора, Барнава, Петіона, аббата Грегуара, Антуана и Робеспьера.

Мы уже видѣли, какую болѣзненную зависть вызвало въ Ламетъ возроставшее вліяніе Робеспьера въ клубѣ якобинцевъ; мы видѣли также, какъ Дюпоръ, почувствовавъ утомленіе, разомъ остановился на крутомъ откосѣ революціи, и какъ улыбка арестованной королевы покорила ей Барнава. Съ возвращеніемъ Людовика XVI въ Парижъ, эти четыре важныхъ дѣятеля уже больше не колебались. Порвавъ связь съ улицей и съ якобинскою фракціей Собранія, они безусловно и беззавѣтно присоединились къ чисто парламентской фракціи, которая съ тѣхъ поръ стала вполне господствующею какъ на трибунѣ, такъ и въ комиссіяхъ.

Я сказалъ въ другомъ мѣстѣ, говоря о буржуазіи нашихъ дней: «Буржуазія, не имѣя демократическаго духа, все-таки бываетъ республиканскою. Сдѣлавъ насиліе надъ своею природою, она приняла монархію только изъ эгоизма. Она думала, что королевская власть поможетъ ей сдерживать народъ, что тронъ будетъ подобіемъ тѣхъ одѣтыхъ въ платье палокъ, которыя втыкаются на поляхъ, чтобы не давать птицамъ садиться на нихъ»¹⁾. И вотъ, таково же было настроеніе и буржуазіи въ 1791 г. Она желала короля, который находился бы у нея въ подчиненіи, который согласился бы жить въ подначальномъ положеніи и принялъ бы свое величіе съ уступкой—короля безъ почина, безъ мысли, безъ движенія, но только непремѣнно короля. Такъ какъ она считала тронъ за такое мѣсто, которое, въ интересахъ порядка, должно быть постоянно занято, то ей было нужно поставить на этомъ мѣстѣ статую, при чемъ она

¹⁾ *Histoire de dix ans, t. V. Conclusion.*

наивно предполагала, что статуя эта будетъ неподвижна, тогда какъ, въ концѣ концовъ, этою статуей былъ человѣкъ.

Поэтому противъ того, чтобы Людовикъ XVI былъ, въ наказаніе за свой побѣгъ, публично лишень сана и объявленъ низложеннымъ, конституціоналисты Собранія, быть можетъ, не стали бы слишкомъ возражать, такъ какъ они не были связаны съ монархіей никакими узами, которыя вытекали бы изъ суетвѣрной привязанности или рыцарской вѣрности; они не стали бы возражать противъ этого, если бы замѣщеніе Людовика XVI на престолѣ возможно было тогда совершить немедленно, прочнымъ и мирнымъ образомъ. Но дофинъ былъ еще ребенкомъ, революція была въ полномъ разгарѣ и присоединять къ осложненіямъ обширнаго соціального обновленія еще и затрудненія регентства было опасно; опасность эта представлялась слишкомъ большою и безъ того уже напуганному воображенію такихъ людей, какъ Туре, Ле Шапелье, Сьейсъ, Гупиль де-Префельнъ, Барнавъ, Дюпоръ. Поэтому они рѣшили отвратить, насколько возможно, отъ Людовика XVI отвѣтственность за побѣгъ, который въ глазахъ общественнаго мнѣнія и въ виду обстоятельствъ являлся истиннымъ государственнымъ преступленіемъ. И это рѣшеніе привело ихъ къ цѣлому ряду мѣръ, въ которыхъ не могло быть ни откровенности, ни прямоты, ни достоинства.

Виляющая политика, которая даже послѣ столь яснаго заявленія Людовика XVI побудила Собраніе назвать его побѣгъ *позищеніемъ*, выступила вновь въ слѣдующемъ проектѣ декрета, внесенномъ Туре въ день возвращенія королевской семьи въ Парижъ.

«Немедленно по прибытіи короля въ Тюильрійскій дворецъ, ему будетъ временно дана стража, которая, состоя подъ начальствомъ генерала, командующаго парижскою національною гвардіей, будетъ ограждать его безопасность и отвѣчать за его особу.

«Наслѣднику престола будетъ временно дана особая стража и Національное собраніе назначить ему воспитателя.

«Всѣ сопровождавшіе королевскую семью будутъ заключены подъ арестъ и допрошены; будутъ выслушаны заявленія короля и королевы; все это будетъ сдѣлано неотложно.

«Особая стража дана будетъ временно королевѣ.

«Пока не послѣдуетъ другихъ распоряженій, будетъ, попрежнему, исполняться во всѣхъ своихъ частяхъ декретъ 21-го іюня,

обязывающей министра скреплять приложением государственной печати декреты Национального Собрания, при чем утверждение и принятие их королем не нужны.

«Министры и королевские комиссары, выдающие кассу экстраординарных расходов, национальное казначейство и ликвидационное управление сохраняют временно право, каждый по своему ведомству и под своею ответственностью, исполняют функции исполнительной власти»¹⁾.

Если бы декрет этот мог оставить некоторые сомнительные относительно того духа, которым он был внушен, то сомнительные эти были бы устранены происходившими по поводу его прениями. Когда у Редерера сорвалось выражение: *временное арестование короля*, среди конституционалистов раздался ропот и Туре поспешил заявить от их имени протест против оскорбительного истолкования королевской власти. Александр Ламетъ, съ своей стороны, постарался установить, что дело отнюдь не идет об изменении формы правления. «Присланные сюда—сказал он—чтобы дать нашей стране конституцию, мы полагали, что размеры королевства и двадцатипяти-миллионная численность его населения требуют единства власти и действия, которое возможно *только при монархическом устройстве*»²⁾. Затѣмъ говорилъ Малуэ, возставшій противъ мѣръ, которыя, по его словамъ, обращаютъ короля въ узника и передаютъ всю власть Собранию. Наконецъ, Гупиль предложилъ, «для успокоения г. Малуэ», прибавить, что особа короля всегда будетъ священна и неприкосновенна.

Итакъ, ничего не можетъ быть яснѣе: въ представленіи авторовъ проекта, дело шло, по выраженію Редерера, не о предохраненіи націи отъ короля, а о предохраненіи короля отъ націи. И, однако же, проектъ этотъ принятъ былъ «почти единогласно»³⁾.

Но общественное мнѣніе не сбилось съ пути.

Маратъ, часто искупавшій рѣзкость и грубость своего языка большою трезвостью сужденій, далъ отчетъ о засѣданіи Собрания въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Серьезный фарсъ, разыгранный между двумя сценами. Въ первой изъ нихъ Малуэ сдѣлалъ

¹⁾ Buchez et Roux, *Histoire parlementaire*, t. X, p. 360 et 361.

²⁾ *Ibid.*, p. 364.

³⁾ *Ibid.*

видъ, будто противится декрету подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ клонится къ измѣненію формы правленія, и тѣмъ далъ Александру Ламету поводъ заявить, что Собраніе никогда на это не согласится.. Въ послѣдней сценѣ Малюэ возсталъ противъ декрета подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ клонится къ назначенію суда надъ королемъ, и тѣмъ далъ поводъ Туре вопіять о томъ, что Собранію приписываются намѣренія, отъ которыхъ оно далеко. Декретъ прошелъ, и ловкачъ Ле Шапелье тотчасъ же предложилъ опубликовать его при трубныхъ звукахъ»¹⁾).

Бриссо, въ свою очередь, писалъ: «Какъ охарактеризовать эту двойственность: короля арестуютъ, а объявить, что его арестуютъ, не хотятъ; на офицеровъ возлагаютъ отвѣтственность за его охрану, а сами хотятъ увѣрить, будто онъ свободенъ? Что же, узникъ онъ или нѣтъ? Если узникъ, то къ чему лгать? Если же онъ не узникъ, зачѣмъ арестовывать его?»²⁾).

Фактъ тотъ, что, вопреки увѣреніямъ Туре и всѣмъ парламентскимъ изворотамъ, король и его семья были узниками въ самомъ реальномъ значеніи слова. Во дворахъ дворца была размѣщена многочисленная стража. Дворцовые сады, переполненные палатками и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ сопровождается пребываніе солдатъ, имѣли видъ лагеря. Всякій, кто не принадлежалъ къ необходимому служебному персоналу, подвергался при входѣ и выходѣ обыску³⁾. Адъютантъ Лафайета, Гувьонъ, приказалъ вывѣсить внизу лѣстницы, ведущей къ королевѣ, портретъ гардеробной камеристки, своей любовницы⁴⁾, чтобы часовой не допускалъ туда другихъ женщинъ⁵⁾; Людовику XVI пришлось лично просить Лафайета объ огражденіи Маріи-Антуанеты отъ неприятностей этого деспотическаго и оскорбительнаго распоряженія. Часовые были разставлены даже на крышахъ, и это было еще ничто въ сравненіи съ внутреннимъ надзоромъ⁶⁾. Рядомъ съ комнатою королевы была гардеробная, такая темная, что ее всегда надо было освѣщать свѣчами; передъ нею имѣлась небольшая площадка съ выходомъ на потайную лѣст-

¹⁾ *L'Ami du peuple*, № 503.

²⁾ *Le Patriote français*, № 688.

³⁾ Разсказъ архіепископа тулузскаго въ *Mémoires de Weber*, t. II, ch. IV, p. 142.

⁴⁾ *Mémoires de M-me Campan*, t. II, ch. XVIII, p. 141.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 147.

⁶⁾ Разсказъ архіепископа тулузскаго, *ubi supra*, p. 132.

ницу: тутъ подозрительный надзоръ былъ еще бдительнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Въ первые дни королева была вынуждена ложиться, вставать и одѣваться въ присутствіи двухъ стоявшихъ въ ея комнатѣ часовыхъ, которые буквально проводили здѣсь ночи... Впослѣдствіи строгость этихъ неприличныхъ распоряженій была немного ослаблена. Часовые оставались въ комнатѣ королевы до тѣхъ поръ, пока она бывала на ногахъ, и удалялись только въ то время, когда она ложилась въ постель. Тогда одинъ изъ нихъ располагался въ подобіи тамбура, который образовали двѣ устроенныя въ толщѣ стѣны двери, при чемъ онъ могъ, однако, видѣть все происходящее чрезъ ту изъ дверей, которая вела въ комнату королевы и всегда оставалась пріотворенною¹⁾.

Въ подтвержденіе этихъ подробностей, сообщаемыхъ Фонтанжемъ, г-жа Кампанъ пишетъ: «Моя компаньонка, г-жа Жаржаи (Jargaiе), рассказывала мнѣ, что однажды ночью баталіонный командиръ, спавшій между двумя дверьми, видя, что она спитъ глубокимъ сномъ, а королева не спитъ, сошелъ со своего поста и подошелъ къ ея величеству, чтобы дать ей совѣтъ относительно того, какъ ей слѣдуетъ поступать. Хотя она изволила сказать ему, чтобы онъ говорилъ потише, такъ какъ иначе разбудитъ ея первую даму, послѣдняя проснулась и чуть не умерла отъ страха, увидѣвъ челоуѣка въ мундирѣ парижской гвардіи такъ близко отъ постели королевы. Ея величество успокоила ее, велѣла ей не вставать и сказала, что челоуѣкъ, котораго она видитъ, хорошій французъ»²⁾... И г-жа Кампанъ прибавляетъ, что темный коридоръ позади комнаты служилъ королю и королевѣ для сообщенія между собою, и что на занятіе этого поста часто напрашивался актеръ Сенъ-При, цѣлью котораго было доставлять обоимъ супругамъ возможность повидаться на короткое время³⁾.

Между тѣмъ, вожаки Собранія продолжали идти своимъ путемъ. Имъ было мало заботы объ атрибутахъ королевской власти, чтò они доказали недавно тѣмъ, что лишили ее ея наиболѣе благодѣтельной прерогативы—права помилованія⁴⁾; мало заботы было имъ и объ особѣ и достоинствѣ монарха, чтò они

¹⁾ Рассказъ архіепископа тулузскаго, *ubi supra*, p. 143.

²⁾ *Mémoires de M-me Campan*, t. II, ch. XVIII, p. 149.

³⁾ *Ibid.*, p. 50.

⁴⁾ Декретъ 3 іюни 1791 г.

доказывали теперь, подвергая его строгостямъ оскорбительнаго плѣна. Тѣмъ не менѣе они не желали, чтобы тронъ хоть на день, хоть на минуту пересталъ служить ошлотомъ противъ напора хлынувшей черезъ край демократіи. Для этого имъ надо было устроить такъ, чтобы выгородить Людовика XVI, не отказываясь отъ выгоды имѣть его подъ-рукою. Но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ надо было избѣгать того, что, давая поводъ къ предположенію, будто они бравируютъ общественное мнѣніе, тѣмъ самымъ могло бы довести гнѣвъ общества до бѣшенства. Поэтому конституціоналисты прикинулись, будто питаютъ сильнѣйшее негодование по отношенію къ второстепеннымъ виновнымъ лицамъ. Неудовольствовавшись заточеніемъ въ тюрьму Мальдена, Мутье и Валори, они всю корпорацію, къ которой принадлежали эти три дворянина, обвинили въ томъ, что она питаетъ привязанность не къ отечеству, а къ королю; и вотъ четыре роты лейбъ-гвардейцевъ были раскассированы¹⁾. Де-Бонэ, пытавшійся защитить ихъ, былъ самъ оглашенъ какъ сообщникъ: ему поставлено было въ вину то, что онъ ѣздилъ въ Версаль за лошадыю изъ королевской конюшни, чтобы сопровождать бѣглецовъ. Отрицая это, онъ воскликнулъ: «На мой взглядъ, король и нація нераздѣльны. Я присягалъ на повиновеніе и тому и другой. Если бы моего совѣта спросили, я не посовѣтовалъ бы уважать; но если бы король повелѣлъ мнѣ слѣдовать за нимъ, я счелъ бы за счастье умереть около него»²⁾. Заявленіе это было не лишено мужества; но нелѣпо было называть короля и націю нераздѣльными, когда король такимъ путемъ отдѣлился отъ народа.

26-го іюня Дюпоръ внесъ въ конституціонную комиссію проектъ декрета, которымъ постановлялось, что лица, арестованныя на основаніи ранѣе принятаго рѣшенія, будутъ *допрошены судомъ тюльмрійскаго округа*; что-же касается короля и королевы, то *ихъ заявленія будутъ выслушаны тремя комиссарами Собранія*.

«Я противъ этихъ рабскихъ различій—сказалъ Робеспьеръ. Развѣ король выше закона? Развѣ онъ не гражданинъ?»—«Король не гражданинъ—возразилъ Дюпоръ—онъ власть». А Малюзэ посмѣшилъ высказаться еще сильнѣе, прибавивъ, что это власть

¹⁾ Bertrand de Moleville, *Annales de Révolution*, t. IV, chap. XLII.

²⁾ *Ibid.*

священная, неприкосновенная, заранее непричастная никакому преступленію и не подлежащая никакому преслѣдованію.

Люди ловкіе поняли опасность такого чрезмѣрнаго усердія. Д'Андре и Тронше, сводя вопросъ къ болѣе простымъ выраженіямъ, замѣтили, что дѣло идегъ единственно о *полученіи справокъ* отъ короля и королевы, чѣмъ устраняются представленіе судьяхъ и о судопроизводствѣ, а равно и необходимость подвергать сомнѣнію принципъ королевской неприкосновенности. «Ну, хорошо, тонко и съ отгѣнкомъ насмѣшки—сказалъ Барреръ—отчего же бы справки эти не получить судьямъ? Развѣ, когда совершено преступленіе, не судѣя поручается допросить, въ случаѣ надобности, *жертвы* этого преступленія?». Но для успѣха политики конституціоналистовъ было важно установить рѣшительное различіе между *обвиняемымъ королемъ* и *обвиняемымъ гражданиномъ*. Проектъ декрета былъ принятъ, и тремя комиссарами назначены были Тронше, д'Андре и Дюпоръ¹⁾.

Въ тотъ же вечеръ они отправились во дворецъ, какъ бы для выслушанія самопроизвольнаго заявленія Людовика XVI. Но все было тщательно налажено заранее и они прекрасно знали отвѣтъ, за полученіемъ котораго шли, такъ какъ отвѣтъ этотъ былъ втайнѣ продиктованъ королю Барнавомъ²⁾. Ничего не можетъ быть пошлѣе, постыднѣе заявленій, сдѣланныхъ въ этомъ случаѣ королемъ, по внушенію его новыхъ совѣтниковъ. Его показаніе, отъ начала до конца, было опроверженіемъ того заявленія, которое было оставлено имъ при отъѣздѣ изъ Парижа. Онъ утверждалъ, онъ имѣлъ смѣлость утверждать, что уѣхалъ онъ именно для того, чтобы испытать, насколько онъ свободенъ; что онъ съ большимъ удовольствіемъ видитъ себя вновь среди французовъ и особенно парижанъ; что его предшествовавшій протестъ касался отнюдь не принциповъ конституціи, а только формы, въ которой они должны быть санкціонированы; что, кромѣ того, его поѣздка показала ему, какъ дорога конституція народу³⁾, и пр. и пр.

Когда это странное заявленіе было подписано, комиссары отправились къ королевѣ... Но она велѣла имъ сказать, чтобы

¹⁾ См. Bachez et Roux, *Histoire parlementaire*, t. X, p. 380—389, и *Patriote français*, № 689.

²⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 389.

³⁾ См. текстъ, напечатанный *in extenso* въ *Histoire parlementaire*, t. X, p. 394—397.

они приходили на слѣдующій день: она брала ванну. Когда они явились вновь, она продиктовала имъ отвѣтъ, въ такой же степени гордый, въ какой отвѣтъ Людовика XVI былъ лишенъ гордости. Заботясь объ устраненіи опасности отъ лицъ, ей послужившихъ, она относительно самой себя ограничилась слѣдующимъ заявленіемъ: «Заявляю, что такъ какъ король желалъ уѣхать вмѣстѣ съ дѣтьми, то ничто не могло бы воспрепятствовать мнѣ послѣдовать за нимъ; за два года я достаточно доказала, что не покину его никогда»¹⁾.

Послѣ этого, въ газетахъ появилось письмо, надѣлавшее большого шума.

Партиійные люди, большіе орлеанисты, чѣмъ самъ герцогъ Орлеанскій, какъ только узнали объ арестованіи короля въ Вареннѣ, тотчасъ же заговорили о регентствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они стали превозносить отличныя качества герцога, напоминать объ оказанныхъ имъ дѣлу народа услугахъ, словомъ, призывать революцію къ тому, чтобы она остановила на немъ свой выборъ. Пронеслась вѣсть: 23-го іюня, въ Вандамѣ, юный герцогъ Шартрскій съ благородною неустрашимостью спасъ отъ народной ярости старика-священника, провинившагося, какъ говорили, нанесеніемъ оскорбленія викарію изъ числа присягнувшихъ конституціи²⁾. Извѣстіе это явилось прекрасною темой для панегиристовъ Орлеанской фамиліи: сынъ оказывался достойнымъ своего отца! Дошло до того, что въ своей газетѣ *Feuille villageoise* Серюти счелъ долгомъ обратиться къ герцогу Шартрскому со слѣдующимъ предупрежденіемъ: «Славный молодой человѣкъ, вамъ подобаетъ носить гражданскій вѣнецъ. Вы слишкомъ большой другъ народа, чтобы вамъ могли желать иного вѣнца»³⁾.

Въ силу ли искренняго безкорыстія, или же изъ боязни быть скомпрометированнымъ своими честолюбивыми сторонниками, слишкомъ горячо рвавшимися впередъ, Филиппъ Орлеанскій помѣстилъ въ революціонныхъ газетахъ слѣдующее свое политическое исповѣданіе:

«...Я готовъ служить родинѣ на сушѣ, на морѣ, по дипломатической части, на всякихъ постахъ, гдѣ требуются лишь

¹⁾ *Histoire parlamantaire*, т. X, стр. 394—397.

²⁾ *Journal du fils aîné de d'Orléans*, 27 juin 1791.

³⁾ *La Feuille villageoise*, 41-е semaine.

усердіе и беззавѣтная преданность общественному благу; но если ставится вопросъ о регентствѣ, я отказываюсь въ эту минуту и, притомъ, навсегда отъ даваемыхъ мнѣ конституціею правъ на него. Смѣю сказать, что послѣ столькихъ жертвъ принесенныхъ мною общественному интересу и дѣлу свободы, мнѣ уже непозволительно выходить изъ рядовъ гражданина, и что честолюбіе было бы во мнѣ неизвинительною непослѣдовательностью¹⁾).

«Л.-Ф. Орлеанскій»¹⁾).

26-го іюня 1791 г.

Патріоты встрѣтили это письмо рукоплесканіями; ультра-роялисты выходили изъ себя отъ бѣшенства.

«Архимощеникъ!—писалъ Сюло,—кто тебѣ сказалъ, что поставленъ вопросъ о регентствѣ? Или ты уже приказалъ убить Людовика XVI? Развѣ выѣхали твои эмиссары? Или Національное Собраніе должно пытками заставить короля позорно отречься отъ престола?»

Мы видимъ, что у роялистовъ тоже было свои Мараты и Фрероны.

Но чтò было еще болѣе отвратительно, чѣмъ горячечный бредъ партій, такъ это ихъ эгоизмъ. Такъ какъ конституціоналисты напрягали всѣ силы, чтобы избавить Людовика XVI отъ унижительнаго и опаснаго привлеченія къ суду, то контръ-революціонерамъ правой, казалось бы, слѣдовало, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, придти имъ на помощь; однако этого не было. Изслѣдуйте то положеніе, какое они заняли при такихъ обстоятельствахъ, когда ихъ несчастный государь такъ нуждался въ поддержкѣ! Они были поглощены единственною мыслью: воспользоваться всеобщимъ смятеніемъ, а если возможно, то и увеличить его, чтобы среди хаоса вернуть Францію къ старому порядку вещей. Ихъ воодушевляло единственное желаніе: присутствовать при послѣднемъ торжествѣ анархіи. По мѣрѣ того, какъ конституціонная партія, изъ страха передъ республиканскою, старалась сблизиться съ ними, они отступали. Они отказали въ своемъ содѣйствіи, котораго отъ нихъ просили съ единственною цѣлью спасти короля. Въ самомъ дѣлѣ, чтò значитъ гибель монарха, если этою цѣной можно купить шансъ на воз-

¹⁾ Это письмо было вначалѣ послано въ газету, носившую заглавіе *Assemblée nationale*.

вратъ къ прошлому? Людовикъ XVI будетъ отданъ подъ судъ? декретировано будетъ его низложеніе? Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, потому что тогда европейскимъ коронованнымъ особамъ непремѣнно придется обнажить шпаги. А развѣ среди случайностей внѣшней войны и перепитіями войны междуособной не будетъ позволительно ожидать всего отъ непредвидѣннаго оборота дѣлъ? «Дворяне и духовенство искали только достаточно яркаго повода къ разрыву съ иностранными державами. Они были бы въ восторгѣ, если бы Національное Собраніе отдало Людовика XVI подъ судъ и декретировало его низложеніе»¹⁾. Такъ выражается маркизь Феррьеръ, одинъ изъ единомышленниковъ, знавшихъ всѣ ихъ тайны, хотя и не раздѣлявшій всѣхъ ихъ вождедѣній.

Нельзя сказать, чтобы между ними—такъ же, какъ и между конституціоналистами—не было нѣсколькихъ искреннихъ, добросовѣстныхъ, людей героевъ-рыцарей. Но, увы, въ партіяхъ рѣдко бываетъ, чтобы руководящее вліяніе, особенно въ минуты великой борьбы, принадлежало благороднымъ стремленіямъ или даже генію, если онъ повиненъ въ чрезмѣрной добродѣтели. Если вы хотите постоянно руководить партіей, то сперва скомкайте свое сердце, отрекитесь отъ лучшей части самого себя: тогда вы станете владыкою, а сами будете послѣднимъ изъ рабовъ!

Что мы видимъ здѣсь? Казалось, проникнишь скорбью, почувствовавъ, что все окружающее опротивѣло ему и, потерявъ вкусъ къ жизни, выходитъ въ отставку; онъ покидаетъ трибуну, съ которой говорить бесполезно, и уходитъ на поле битвы, гдѣ можетъ умереть... А Мори остается! Остается для того, чтобы собрать среди своихъ, въ согласіи съ наиболѣе слѣпыми и наиболѣе пылкими, подписи къ манифесту, который являлся актомъ, враждебнымъ по отношенію къ конституціоналистамъ, а по отношенію къ Людовику XVI—истиннымъ актомъ отступничества.

Въ немъ говорилось, что такъ какъ затронута особа монарха и упраздненіе монархіи завершилось, то члены правой, хотя и будутъ попрежнему присутствовать при преніяхъ Собранія, однако съ рѣшеніемъ больше не участвовать въ нихъ, въ виду того, что отнынѣ они уже не могутъ признавать ни законности декретовъ, ни ихъ принциповъ. И однако же, путемъ оговорки, обличавшей ихъ боязнъ отреченія отъ участія въ дѣлахъ, пра-

¹⁾ *Mémoires du marquis de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 418.

вые оставляли за собою право вотировать, «когда явится опасность для единственныхъ интересовъ, которые еще нужно защищать»¹⁾).

Манифестъ этотъ, «зловредное намѣреніе»²⁾ котораго отнюдь не ускользнуло отъ вниманія конституціоналистовъ, былъ подписанъ 290 депутатами правой; очевидно, правые хотѣли взвалить всю тяжесть положенія на конституціоналистовъ, предоставить имъ выносить проклятія клубовъ и предмѣстій, если они спасутъ Людовика XVI, или заранѣе навлечъ на себя месть коронованныхъ особъ въ томъ случаѣ, если это имъ не удастся. Этимъ объясняется фраза Туре, который на просьбу дворянъ его партіи вновь пересмотрѣть вопросъ объ упраздненіи дворянскаго званія, въ бѣшенствѣ отвѣтилъ, держа въ рукахъ манифестъ 290-ти: «Вотъ, прочтите! Никакихъ сдѣлокъ больше! Эти люди вынуждаютъ насъ опереться на народъ, чтобы укрыться отъ ихъ ненависти!»³⁾).

Однако, правые поступили не такъ—до того страшилъ ихъ призракъ республики, уже встававшій передъ ними въ исполнскихъ очертаніяхъ!

30-го іюня президентъ Національнаго Собранія получилъ пакетъ съ письмомъ, съ которымъ генераль Булье изъ Люксембурга, гдѣ онъ укрывался, обращался къ народнымъ представителямъ. Самъ «Чингисханъ во главѣ ста тысячъ татаръ» не написалъ бы иначе.

«Я знаю мои силы, — писалъ съ невѣроятною дерзостью Булье,—и вскорѣ кара надъ вами послужитъ памятнымъ примѣромъ для потомства: такъ вынужденъ говорить съ вами человѣкъ, которому вы сначала внушали жалость. Не вините никого въ заговорѣ противъ вашей адской конституціи; отданныя королемъ приказанія составлены были не имъ. Я одинъ распорядился всѣмъ; на меня одного должны вы точить ваши кинжалы и заготовлять ваши яды. Вы отвѣчаете за жизнь короля и королевы передъ всѣми государями цѣлаго міра; если съ ихъ головы падетъ хоть одинъ волосъ, въ Парижѣ не останется камня на камнѣ. Я знаю дороги, я поведу иностранныхъ арміи...

¹⁾ См. текстъ, напечатанный *in extenso* въ *Histoire parlementaire*, t. X, p. 433—437.

²⁾ Это собственное выраженіе маркиза Ферьера. См. его *Mémoires*, t. II, liv. X, p. 417.

³⁾ *Mémoires du marquis de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 393 et 394.

прощайте, господа; кончаю безъ привѣтствій: мои чувства вамъ извѣстны» ¹⁾).

Эта фанфаронада, смѣшная сторона которой почти совсѣмъ заслонила собою ея преступную отвагу, была встрѣчена въ Собраніи потрясающимъ взрывомъ хохота ²⁾; внѣ стѣнъ Собранія сами роялисты, за небольшими исключеніями, оказались сильно пристыженными ею. Сюло, контръ-революціонеръ Сюло, и тотъ не пощадилъ главнаго полководца контръ-революціи: «По-моему,—написалъ онъ,—странна та храбрость, которой многіе дивятся въ стихѣ:

Dans les champs de Pharsale il eût fallu l'avoir ³⁾).

«Къ лицу ли такія похвальбы, когда потеряно все, даже честь» ⁴⁾).

Собраніе презрительно перешло къ очередному порядку: удостоивъ получить письмо взялъ на себя, ради своего личнаго удовлетворенія, Редереръ. Напомнивъ генералу Булье разговоръ, въ которомъ тотъ сказалъ ему: «Даю вамъ честное слово, что всегда буду заставлятъ всѣхъ уважать декреты Національнаго Собранія», Редереръ прибавилъ: «Философія съ давнихъ поръ старалась обезчестить честь, чтобы поставить на ея мѣсто добродѣтель. Людовикъ XVI и вы оказали эту услугу націи» ⁴⁾).

А что дѣлалось тѣмъ временемъ въ клубѣ якобинцевъ? Бѣглый обзоръ засѣданій этого клуба покажетъ намъ, какой отгѣнокъ общественнаго мнѣнія онъ представлялъ собою.

Засѣданіе 23-го іюня. Дантонъ: «Человѣкъ, объявленный королемъ французовъ, преступенъ или глупъ. Такъ какъ мы можемъ выбирать, то выберемъ послѣднее. Но *человѣкъ-король* не можетъ оставаться королемъ, если онъ глупъ. Регента тоже не надо, но нуженъ смѣняемый, избираемый департаментами совѣтъ» ⁵⁾).

Засѣданіе 27-го іюня. Д'Анжу требуетъ учрежденія совѣта регентства подъ предсѣдательствомъ главнаго намѣстника коро-

¹⁾ См. о засѣданіи 30 іюня въ *Moniteur* или въ *Histoire parlementaire*, т. X, р. 404.

²⁾ «Не слѣдовало бы проявить на поляхъ Фарсала» (т. е. когда въ ней была надобность).

³⁾ *Journal de M. Suleau*, № 4.

⁴⁾ Это письмо Редерера см. въ *Feuille villageoise*, 42-е semaine.

⁵⁾ *Journal des débats de la Société des amis de la Constitution*, № 15.—Первый номеръ этой газеты помѣченъ 1 іюня 1791 г.

левства, лица, которое по праву рожденія можетъ быть регентомъ: «Провидѣніе,—говоритъ онъ,—повидимому, сохранило этого человѣка, предъ которымъ и слѣдовало бы пасть на колѣни». При этихъ подобострастныхъ словахъ по отношенію къ герцогу Орлеанскому, раздается неодобрительный ропотъ. Ораторъ продолжаетъ. Онъ выражаетъ желаніе, чтобы членовъ королевской семьи предали суду, чтобы приговоръ былъ постановленъ при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ на границахъ и чтобы къ наслѣднику престола былъ назначенъ воспитатель не изъ тѣхъ людей, на которыхъ указываютъ въ салонныхъ пересудахъ, вродѣ Кондорсе и Ларошфуко, а изъ числа патріотовъ того закала, какъ Петіонъ или Робеспьеръ. Жире-Дюпре замѣчаетъ, что Людовикъ XVI, будучи неприкосновеннымъ въ качествѣ короля, вовсе не пользуется неприкосновенностью какъ человѣкъ. «Зачѣмъ,—говоритъ онъ,—смѣшивать неприкосновенность съ ненаказуемостью?» На этомъ основаніи Жире-Дюпре требуетъ, чтобы Людовикъ XVI былъ объявленъ лишеннымъ короны, впредь до полного окончанія его процесса въ высокомъ жюри, но не позже 30-го августа. Въ своей ѣдкой рѣчи онъ позволилъ себѣ сказать, между прочимъ: «Англичане дважды подали вамъ великій примѣръ; вы достойны подражать имъ». Этотъ кровавый намекъ выслушанъ спокойно¹⁾.

Засѣданіе 29-го іюня. Антуанъ предлагаетъ назначить регента и объявить о низложеніи короля: «Пусть одна голова высотою своей принизитъ головы честолюбцевъ», замѣчаетъ онъ. Редереръ желаетъ учрежденія совѣта регентства въ тѣхъ видахъ, чтобы «*регентство безъ регента* являлось доказательствомъ, что можно имѣть *очень хорошую монархію безъ монарха*»²⁾.

Засѣданіе 1-го іюля. Вареннъ³⁾ ставитъ вопросъ: «Какая форма правленія болѣе пригодна для насъ: монархическая или республиканская?» При этихъ словахъ возникаетъ сильный шумъ. Предсѣдательствующій Бушъ прерываетъ оратора: «Конститу-

¹⁾ *Journal des Débats de la Société des amis de la Constitution*, № 15.

²⁾ *Ibid.*, № 18.

³⁾ Такъ называется *Journal des Jacobins* Бильо-Варенна, того самаго, который такъ прославился впослѣдствіи. Если вѣрить разсказу архіепископа тулузскаго, онъ былъ однимъ изъ лицъ, арестованныхъ въ Вареннѣ Людовика XVI. Фамилія его была Бильо, а слово Вареннъ онъ присоединилъ къ ней въ память объ этомъ событіи. См. *Souvenirs de la Terreur*, par George Duval, t. 1, ch. XII, p. 311.

цією признано, що для Франції найбільше пригодна монархическая форма правленія. Вы видите, какое вамъ выражено неодобреніе. Лишаю васъ слова». Энскій епископъ и одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ клуба, Ройе, встаетъ и категорически предлагаетъ вычеркнуть фамилію Варенна изъ списковъ партіи. Другіе высказываютъ мнѣніе, что слѣдуетъ ограничиться призывомъ Варенна къ порядку. Онъ пытается объясниться, но большинство отказывается выслушать его. Онъ выходитъ; раздаются рукоплесканія.

Такимъ образомъ, въ отличіе отъ конституціоналистовъ, якобинцы желали низложенія Людовика XVI и привлеченія его къ суду, и Жире-Дюпре могъ, не вызывая въ нихъ волненія, показать имъ вдали... эшафотъ; но, съ другой стороны, они, подобно конституціоналистамъ, заодно съ ними и съ одинаковой съ ними горячностью настаивали на поддержаніи монархическаго принципа, и настаивали съ такою рѣшительностью, что Варенну нельзя было не только высказаться противъ него, но даже выразить сомнѣнія въ немъ!

Такимъ образомъ, якобинцы расходились съ конституціоналистами только въ вопросѣ о личности монарха, и это потому, что клубъ стоялъ ближе, чѣмъ Собраніе, къ улицѣ, съ которой въ то время неслись самыя оскорбительныя для злосчастнаго Людовика XVI вопли. Да и могло ли быть иначе? Не стояли ли постоянно наготовѣ Маратъ, Фреронъ, Камиллъ Демуленъ, возбуждая страсти народа, скорѣе поддерживая въ немъ ненависть къ лицамъ, чѣмъ побуждая его къ обсужденію идей, и вливая въ его чувство крайняго презрѣнія струю жестокости? Они писали такія вещи: «Гордость, обжорство, злоба, скупость, сладострастіе, всѣ семь смертныхъ грѣховъ — вотъ то тѣсто или та грязь, изъ которыхъ Ариманъ вылѣпилъ животное-короля, самца или самку¹⁾. — Людовикъ XVI — идіотъ, котораго надо смѣстить, или чудовище, которое надо удавить... Жену бывшаго монарха, эту хищную зачинщицу всѣхъ преступленій двора, надо обрить и запереть въ смирительный домъ²⁾. — Въ этой королевѣ-злодѣйкѣ похотливость Мессалины сочетается съ пожиравшею Медичисовъ кровожадностью³⁾. И какъ будто этихъ бившихъ

¹⁾ *Revolutions de France et des royaumes*, etc. № 83.

²⁾ *L'Ami du peuple*, № 501.

³⁾ *L'Orateur du peuple*, III-e vol., № XLVI.

ренесемся на ту сцену, гдѣ смѣлые мыслители, не унижая себя низкими нападками на особу монарха, призывали общественное мнѣніе къ осужденію монархіи.

Тутъ выступаютъ четыре главныя фигуры: Бонвилль, Томасъ Пэнъ, Бриссо и Кондорсе.

Въ 1825 г. одинъ изъ нашихъ друзей¹⁾, проходя въ Парижѣ по маленькой улицѣ des Grès, замѣтилъ въ витринѣ одной изъ многочисленныхъ книжныхъ лавокъ, окаймляющихъ эту улицу, которая хорошо извѣстна обывателямъ Латинскаго квартала, женщину уже старую, но съ бойкими манерами; лицо ея сразу поражало; особенное же вниманіе обращали на себя ея черные, цвѣта воронова крыла, волосы, совершенно необычнымъ образомъ вздымавшіеся надъ головою. Нашъ другъ вошелъ въ лавку и завелъ разговоръ съ этою женщиной. Въ глубинѣ лавки, въ тѣни, сидѣлъ на стулѣ довольно страннаго вида человекъ, говорившій только со своею собакой и произносившій только по-английски тѣ немногія слова, которыя срывались съ его устъ. Этотъ обломокъ прошлаго былъ Бонвилль. Отъ его жены, вынужденной тогда ради пропитанія торговать книгами, другъ нашъ, сообщившій намъ эти подробности, узналъ, что бѣдняга лишился разсудка, что его воображеніе, зачарованное подъ конецъ фантастическими образами Гофмана, блуждаетъ въ сферахъ чудеснаго, и что по необъяснимой причинѣ онъ, какъ оказывается, позабылъ родной языкъ и, повидимому, утратилъ чувство своей индивидуальности. У него былъ сынъ, служившій въ Америкѣ. Жена, женщина умная, дѣятельная, философски настроенная и высоко честная, безъ сожалѣнія говорила о своемъ быломъ богатствѣ и съ простотою рассказывала о знаменитыхъ знакомыхъ, украшавшихъ ихъ зрѣлые годы, напримѣръ о Бернарденѣ де Сентъ-Шьерѣ. У нея было нѣсколько очень любопытныхъ сувенировъ изъ былой поры и она показывала, какъ святыню, письменный приборъ Томаса Пэна.

Какія грустныя сопоставленія встрѣчаются въ человѣческой жизни! Старикъ на улицѣ des Grès былъ тотъ самый человекъ, талантъ котораго нѣкогда такъ ярко искрился и которому такъ дивился Шарль Нодье! Послѣ варенскаго побѣга онъ первый

¹⁾ Дюлакъ, народный представитель въ послѣднемъ Собраніи, человекъ благороднаго сердца, находящійся нынѣ, подобно многимъ другимъ, въ изгнаніи.

поднял голосъ за республику. Бонвилль всегда былъ очень восторженнымъ человѣкомъ. Рассказываютъ, что еще въ молодости, гуляя однажды съ книгою въ рукѣ по Примрозской горѣ, онъ вдругъ впалъ въ такое восторженное состояніе, что сталъ поворачиваться во все четыре стороны міра и благословлять человѣчество книгою, которую только что читалъ: знаменитымъ письмомъ Юнія Брута къ Георгу III¹⁾. Въ 1790 г., вскорѣ послѣ праздника Федерациі, онъ обратился къ Людовику XVI, котораго тогда любили, съ письмомъ, гдѣ монархъ въ первый разъ за всю жизнь встрѣтилъ обращеніе къ нему «на ты»: «О, Людовикъ XVI,—писалъ Бонвилль,—о, отецъ мой! несчастіе твое въ томъ, что ты началъ прислушиваться къ голосу истины лишь тогда, когда раздались жалобы доведеннаго до отчаянія народа... Законъ призналъ тебя неприкосновеннымъ; законъ этотъ дорогъ французскому народу»²⁾.

Съ тѣхъ поръ Бонвилль, отрезвленный проступками короля, ушелъ значительно впередъ; что же касается его первоначальной восторженности, то если она еще и оставалась въ немъ, то уже согласовалась съ основными началами строгой логики и съ невѣроятными порывами смѣлаго ума. Монархическій принципъ нигдѣ не подвергался болѣе остроумнымъ и горячимъ нападкамъ, какъ въ *Bouche de Fer*. И нижеприводимая фраза, которую съ удовольствіемъ присвоилъ себѣ Бриссо, не скрывая, впрочемъ, ея источника, принадлежала Бонвиллю: «Египтяне водрузили на престолѣ камень, служившій имъ царемъ. Поступимъ такъ же и придадимъ этому камню, этому вѣчному символу государева сердца, превосходный исполнительный совѣтъ»³⁾. А иногда онъ проявлялъ мрачные и лирическіе порывы. Людямъ, утверждавшимъ, что для республики еще не назрѣло время, Бонвилль отвѣчалъ слѣдующимъ призывомъ: «Если время не назрѣло, то вы, друзья истины, во мгновение ока создающіе зрѣлость Бастилій, зажгите во всемъ мірѣ такой ужасный огонь, чтобы въ немъ *созрѣла*, наконецъ, свобода для народовъ! Пусть со всехъ сторонъ поднимется крикъ:

Les temps sont arrivés, et pour leur jugement,
La trompette a sonné le dernier jugement⁴⁾.

¹⁾ *Biographie universelle*.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Le patriote français*, № 701.

⁴⁾ *La Bouche de Fer*, № 75. «Наступили времена и для сужденія о нихъ провозглашенъ трубнымъ звукомъ страшный судъ».

Или же онъ говорилъ: «Ходить слухъ, что послы отказываются вести прямые переговоры отъ имени своихъ повелителей?»

Nous combattrons vos rois, retournez les servir! ¹⁾

А въ клубѣ якобинцевъ, отвергавшихъ республику, онъ восклицалъ гордо-презрительнымъ тономъ: «Якобинцы, разбейте ваши оковы!»

Но для торжества республиканской доктрины страстныхъ ироническихъ возгласовъ и горячихъ выходокъ Бонвилля было бы недостаточно: для этого нужны были холодный разумъ, спокойное знаніе и хладнокровный темпераментъ. Качества эти оказались у одного англичанина.

Мало бываетъ такихъ людей, которыхъ ихъ соотечественники терзали бы съ большею жестокостью, чѣмъ Томаса Пэна. Память его трепали съ нѣкотораго рода бѣшенствомъ Чамеръ (Chalmer), Розъ, Коббетъ и почти всѣ англійскіе біографы. Послушать ихъ, такъ вся жизнь Томаса Пэна окажется просто нагроможденіемъ пороковъ. Въ одномъ памфлетѣ, изданномъ противъ него подъ псевдонимомъ Френсиса Олдиса,—въ этомъ ядовитомъ пасквилѣ, выдержавшимъ до шести изданій и озаглавленномъ: *Біографія Томаса Пэна, автора возмутительной книги «Права человека»* ²⁾ его сравниваютъ съ дикимъ звѣремъ ³⁾, а даваемое ему убѣжище—съ звѣриною ямой ⁴⁾. Его біографія, написанная Вильямомъ Коббетомъ, заканчивается слѣдующимъ выводомъ: «Гдѣ бы и когда бы Томасъ Пэнъ ни умеръ, послѣдній вздохъ его не вызоветъ ни скорби, ни жалости. Ему не закроетъ глаза рука друга. Никто не вздохнетъ и не прольетъ слезъ у его холоднаго праха. Подобно Іудѣ, будетъ онъ жить въ памяти потомства. Люди научатся называть все низменное, злое, вѣроломное и богохульственное простымъ односложнымъ словомъ: *Пэнъ*» ⁵⁾.

¹⁾ *Ibid.*, № 78. («Мы будемъ биться съ вашими государями, возвращайтесь служить имъ!»).

²⁾ *The life of Thomas Pain, the author of seditious writings entitled: Rights of Man*, by Francis Oldys. The sixth edition.

³⁾ «Like other hunted animals our adventurer... etc.», p. 9.

⁴⁾ «Pain, like other animals, who delight in savage life... etc.», p. 17.

⁵⁾ «Whenever or wherever he breathes his last, he will excite neither sorrow nor compassion. No friendly hand will close his eyes. Not a groan will be uttered, not a tear will be shed. Like Judas, he will be remembered by posterity; men will learn to express all that is base, malignant, treacherous, unnatural and blasphemous by the single monosyllable: *Paine*». *The Life of Thomas Paine*, by William Cobbet, p. 57.

Эти проклятія были уже нѣсколько лѣтъ посылаемы по адресу Пэна, когда, въ одинъ прекрасный день, пріѣхавшій изъ Америки путешественникъ торжественно объявилъ жителямъ Ливерпуля, что онъ привезъ прахъ знаменитаго республиканца Томаса Пэна и приглашаетъ всѣхъ друзей свободы почтить память великаго человѣка постановкою надгробнаго памятника. Путешественникъ этотъ было... Вильямъ Коббетъ!¹⁾

Намъ было бы легко опровергнуть обвиненія, направлявшіяся на Томаса Пэна писателями, которые въ своихъ злобныхъ отзывахъ о немъ руководились, очевидно, ненавистью. Такъ, они говорили, что, состоя въ Англии акцизнымъ сборщикомъ, онъ потерялъ эту должность, и намекали, будто причиною тому былъ, вѣроятно, какой-нибудь преступный поступокъ съ его стороны; но они поостереглись прибавить, что меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ онъ вновь получилъ прежнее мѣсто; «это доказываетъ, что онъ не заслуживалъ увольненія»²⁾. Они рассказываютъ, что онъ разстался со своей первой женой, и небрежно пишутъ: «Нѣкоторые говорятъ, что смерть этой женщины была послѣдствіемъ дурнаго обращенія, которому ей приходилось подвергаться»³⁾; но основывать такое страшное обвиненіе на такой неопредѣленной догадкѣ—и преступно и гнусно. Они безъ дальнихъ поясненій попрекаютъ его тѣмъ, что онъ попалъ за долги въ тюрьму; но имъ слѣдовало бы отмѣтить, что онъ сталъ жертвою внезапнаго банкротства одного американскаго купца при попыткѣ постройки желѣзнаго моста въ Розерэмѣ, въ Йоркширѣ⁴⁾. Они увѣряютъ, что въ 1777 г., состоя секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ при конгрессѣ Соединенныхъ Штатовъ, онъ былъ уволенъ за скандальное нарушеніе довѣрія⁵⁾; но они не говорятъ, что это *скандальное нарушеніе довѣрія* заключалось въ мужественномъ публичномъ разоблаченіи Сайлеса Дина, этого недобросовѣстнаго агента, о которомъ онъ нашелъ въ иностранной перепискѣ очень неблагопріятныя донесенія и продажность

¹⁾ См. Rose's *Biographical Dictionary* и *The Biographical Treasury*, by Samuel Maunder, слово Thomas Paine.

²⁾ «A circumstance which seems to prove that he had not merited his dismissal». *Impartial Memoirs of the life of Thomas Paine*, p. 6.

³⁾ «By some it is said to have perished on the road of ill usage». Francis Oldys, p. 6.

⁴⁾ *Impartial Memoirs*, p. 12.

⁵⁾ «Scandalous breach of trust.» Chalmer's *Biographical Distionary*.

котораго была въ послѣдствіи доказана съ такою несомнѣнностью, что онъ вынужденъ былъ скрываться въ Англіи, не смѣя больше появляться въ Америкѣ ¹⁾).

О, въ глазахъ хулителей Томаса Пэна это были еще не главныя его преступленія: за нимъ числились и другія, которыхъ англійская аристократія не могла ему простить. Онъ избралъ своимъ девизомъ слова: *Я мыслилъ самъ по себѣ* (*I thought for myself*) и, слѣдуя этому девизу, достойному Декарта, онъ не щадилъ въ своихъ сочиненіяхъ ни религіозныхъ предрасудковъ Англіи, ни ея политическихъ учреждений. «Упадокъ и паденіе англійской финансовой системы» (*The decline und fall of the English system of finance*) такая книга, которою достаточно объясняютъ нападки многихъ англійскихъ писателей на Томаса Пэна. Но еще лучше объясняется ихъ озлобленіе тѣмъ активнымъ, блестящимъ, неутомимымъ и плодотворнымъ участіемъ, которое Томасъ Пэнъ принималъ въ борьбѣ за независимость американцевъ.

Почтенный дружбою Франклина, прославленный выраженіемъ патріотической признательности со стороны Вашингтона ²⁾), авторъ знаменитой брошюры «Здравый смыслъ» (*The Common sense*), которая для судьбы Америки значила почти столько же, какъ выигранное сраженіе, обогащенный штатомъ Пенсильванія и штатомъ Нью-Йоркъ, которые, въ воздаяніе его заслугъ, подарили ему: первый—имѣніе въ Новой-Рошеліи, а второй—500 фунтовъ стерлинговъ ³⁾), Томасъ Пэнъ пользовался уже въ Новомъ Свѣтѣ популярностью, когда его привлекла и удержала при себѣ французская революція.

Вскорѣ салоны и клубы стали совмѣстными усиліями вводить его въ моду. Отъ природы склонный къ сомнѣнію, онъ проявлялъ величайшее презрѣніе къ чужимъ книгамъ, признаваясь безъ оговорокъ, что, будь это въ его власти, онъ уничтожилъ бы всѣ бібліотеки въ мірѣ, чтобы искоренить собранныя въ нихъ заблужденія. И въ этомъ отношеніи вполне можно вѣрить утвержденію Этьена Дюмона ⁴⁾: «Потому что Пэнъ уже писалъ, говоря о самомъ себѣ: «Я слѣдовалъ тому, что мнѣ подсказывало сердце. Я не читалъ книгъ и никогда не старался изслѣдовать

¹⁾ *Biographie universelle.*

²⁾ *Impartial Memoirs*, p. 12.

³⁾ *Ibid.*, p. 12. См. *Chalmer's Biographical Dictionary.*

⁴⁾ См. *его Souvenirs sur Mirabeau*, ch. XVI, p. 332.

чужія мнѣнія»¹⁾). Но даже и это самодовленіе, прикрытое парадоксомъ, привлекало къ нему общее вниманіе, тѣмъ болѣе, что онъ обладалъ остроуміемъ, живымъ воображеніемъ, общедоступнымъ краснорѣчіемъ и извѣстнымъ умѣніемъ пользоваться смѣшными сторонами предмета²⁾).

Въ мартѣ 1791 г. онъ издалъ, подъ заглавіемъ «*Права чело-вѣка*», первую часть своего отвѣта Бёрку: услышавъ о варенскомъ побѣгѣ, онъ сказалъ своему пріятелю Кристи: «Вы видите нелѣпость монархическихъ правительствъ! Вотъ теперь вся нація будетъ повергнута въ безпокойство изъ-за безумія одного чело-вѣка»³⁾). Разсказываютъ также, что во время вѣзда Людовика XVI обратно въ Парижъ, очутившись на пути слѣдованія королевской кареты въ то время, когда всѣ стояли съ шляпами на головѣ, онъ едва не подвергся большой опасности изъ-за того, что потерялъ пришиленную къ его шляпѣ кокарду⁴⁾). Но случай этотъ, кажется, мало коснулся его, такъ какъ черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ уже находился въ первомъ ряду народныхъ агитаторовъ, по крайней мѣрѣ въ области идей.

Дѣйствительно, не кто-нибудь другой, а именно онъ⁵⁾ составилъ 1 іюля слѣдующій адресъ, который молодой военный, Ахиллъ Дюшатле, перевелъ, подписалъ и велѣлъ расклеить не только повсемѣстно на стѣнахъ въ Парижѣ, но и въ коридорахъ Собранія:

«Вратья и граждане,... все, относящееся къ бывшему королю, сводится къ слѣдующему;

«1) Онъ отрекся отъ престола, онъ покинулъ свой постъ въ управленіи.

«2) Нація никогда не можетъ почтить своимъ довѣріемъ чело-вѣка, который, не исполнивъ своихъ обязанностей и нарушивъ присягу, замыслилъ втайнѣ совершить побѣгъ, обманнымъ образомъ добылъ себѣ паспортъ, пытался скрыть французскаго ко-

1) «I followed exactly what my heart dictated. I neither read books nor studied other people's opinions».

2) Это признаеть и не любившій его Этьенъ Дюмонъ въ своихъ *Souvenirs*, ch. XVI, 322.

3) «You see the absurdity of monarchical governments. Here will be a whole nation disturbed by the folly of one man». *Impartial Memoirs*, t. II, liv. X, p. 398.

4) *Impartial Memoirs*.

5) *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 398.

роля подъ костюмомъ лакейской одежды, направился къ болѣе чѣмъ подозрительной и переполненной перебѣжчиками границѣ и, очевидно, умышляетъ вернуться къ намъ не иначе, какъ съ вооруженною силою, чтобы продиктовать намъ законы.

«3) ...Самъ ли онъ принялъ это рѣшеніе или оно внушено ему? Не все ли намъ равно? Идіотъ ли онъ или тиранъ, — онъ одинаково недостоинъ королевской власти.

«4) Слѣдовательно, мы не связаны съ нимъ, и мы свободны отъ него; мы больше не обязаны повиноваться ему.

«5) Исторія Франціи представляетъ собою лишь длинный рядъ народныхъ бѣдствій, причиною которыхъ всегда были кѣроли... Всѣмъ ихъ преступленіямъ недоставало только измѣны. Теперь мѣра переполнена.

«Что это за должность въ управленіи, которая не требуетъ ни опытности, ни умѣнія, которая можетъ быть предоставляема на произволь случайности рожденія и занимаема одинаково и идіотомъ, и плутомъ, и дурнымъ человѣкомъ, и мудрецомъ? Пусть Франція, достигшая разсудительнаго возраста, не страшится болѣе словъ и разсмотритъ, не очень ли опасенъ ничтожный король?»...¹⁾

Адресъ этотъ чрезвычайно взволновалъ Собраніе. Малюэ потребовалъ, чтобы противъ автора возбуждено было преслѣдованіе, Мартино—чтобы онъ былъ арестованъ, Шабрү—чтобы ему выражено было презрѣніе. Возникли оживленные пренія, завершившіяся переходомъ къ очереднымъ дѣламъ²⁾.

На слѣдующій день Дюшатле написалъ Шабрү и Ле Шапелье:

«Я узналъ, что одинъ изъ васъ обвинялъ меня въ безуміи, а другой въ преступленіи, за то, что я подписалъ анти-роялистскій документъ. Нельзя вѣрить въ особенную добросовѣстность этихъ обвиненій, когда они исходятъ изъ устъ людей, воздвигшихъ памятникъ Руссо, который называлъ себя *врагомъ королей*, и воздававшихъ заслуженныя почести Бенжамену Франклину, который признавалъ *роялизмъ преступленіемъ, равнымъ отравленію*. Нѣкто, почтившій меня своею дружбой, именно докторъ Прайсъ, думалъ такъ же, какъ Руссо и Франклинъ; онъ даже утверждалъ, что должно придти время, когда весь міръ составитъ еди-

¹⁾ *Le Patriote français*, № 693.

²⁾ Засѣданіе 1 іюля 1791 г.

ную республику. Не знаю, объявили ли бы вы его *безумцемъ*, но я видѣлъ, что многіе люди считали его *мудрецомъ*»¹⁾).

Томасъ Пэнъ, съ своей стороны, публично вызвалъ Съейса на серьезный споръ о сравнительныхъ выгодахъ республики и монархіи²⁾. Но Съейсъ неохотно спустился съ облаковъ, въ которыхъ ему нравилось прятаться.

Для этого движенія оказалась нужною газета, и вотъ основанъ былъ *Republicain*. Кромѣ того, республика уже располагала своимъ официальнымъ органомъ въ газетѣ Бриссо, который въ эту пору проявлялъ рѣдкую силу почина. 24 іюня, говоря о политикѣ клуба якобинцевъ, онъ писалъ: «Въ глазахъ философа должно представляться весьма страннымъ это отвращеніе къ слову *республика*, къ названію того состоянія, въ которомъ мы находимся!»³⁾ 2-го іюля онъ пишетъ: «Республиканскій образъ мыслей распространяется и будетъ распространяться постоянно: эта сама истина. Онъ идетъ уже исполинскими шагами»⁴⁾. А въ слѣдующемъ номерѣ говорилось: «Въ типографіи *Patriote français* хранятся 300 ливровъ, подлежащія выдачѣ, въ видѣ преміи, тому, кто съ точностью установитъ политическія и моральныя характерныя черты, которыми *свободный гражданинъ* отличается, отъ *республиканца*. Намъ очень жаль, что премія такъ ничтожна но въ нашемъ распоряженіи нѣтъ цивильнаго листа»⁵⁾.

Эти вызывающія выходки, эти высокомерныя насмѣшки, эта громко афишируемая увѣренность въ близкой побѣдѣ, не замедлили всколыхнуть общественное мнѣніе. Въ клубѣ якобинцевъ Реалю уже возможно было воскликнуть: «Республика—хлѣбъ сильныхъ: это та пища, о которой говоритъ Руссо, и которая требуетъ для своего сваренія не такихъ желудковъ, какъ наши. Черезъ двадцать лѣтъ наша молодежь будетъ обладать образованіемъ, у стариковъ нашихъ уже не будетъ предразсудковъ; у насъ будутъ лучшіе нравы, и республиканская форма правленія—не сомнѣвайтесь въ томъ—станетъ правленіемъ французскимъ, а можетъ быть и всѣхъ европейскихъ народовъ»⁶⁾.

Но Бриссо готовился нанести болѣе сильный ударъ. 10 іюля,

1) Письмо это было напечатано въ *Patriote français*, № 695.

2) *Patriote français*, № 704.

3) *Ibid.*, № 686.

4) *Ibidem*, № 693.

5) *Ibid.*, № 694.

6) *Journal des débats de la Société des amis de la Constitution*, № 21.

въ томъ самомъ клубѣ, откуда нѣсколько дней тому назадъ хотѣли выгнать Бильо-Варенна, Бриссо {произнесъ въ пользу республики чрезвычайно блестящую и сильную рѣчь.

«Увѣряютъ, — говорилъ онъ, что король неприкосновененъ! Неприкосновененъ! Какъ *король*, да, по выраженію конституціи; но какъ *человѣкъ* — какое опасное безуміе! Если еще можно, въ крайнемъ случаѣ, понять эту прикрывающую его фикцію по отношенію къ административнымъ дѣйствіямъ, отвѣтственность за которыя призваны нести за него другіе, то какъ допустить эту фикцію по отношенію къ такимъ мѣропріятіямъ, которыя, по самой природѣ своей, зависятъ только отъ него! Значитъ, неприкосновененъ государь, который поднялъ-бы руку на свою жену? неприкосновененъ государь, который соблазнилъ бы свою дочь? неприкосновененъ государь, который сжегъ бы свой домъ? Мужайтесь, короли! Будьте безумцами, сколько вамъ угодно, будьте бѣшеными, измѣнниками, убійцами: вы неприкосновенны! не достаточно ли это оскорбительно для человѣческаго разума? Нѣкоторыя ссылались на примѣръ Англіи. Но вѣдь это неправда, чтобы даже въ Англіи неприкосновенность понималась такимъ смѣшнымъ образомъ. Развѣ въ Англіи конвентъ 1688 г. не объявилъ престолъ вакантнымъ?... Развѣ Іаковъ I, какимъ бы теоретикомъ деспотизма онъ ни былъ, не призналъ того, что государь подчиненъ законамъ? Пусть потрудятся пробѣжать исторію: изъ нея будетъ видно, что Маріана, писавшій при Филиппѣ II, допускалъ тираноубійство; что у евреевъ цари были судимы синедріономъ, у спартанцевъ — сенатомъ изъ 28 членовъ и эфорами, у франковъ — народомъ, который смѣщаль ихъ даже просто за неопытность. Является ли побѣгъ въ Вареннъ случайно такимъ поступкомъ, за который должны отвѣчать не Людовикъ XVI, а другіе? Нѣтъ, такъ какъ его собственные министры были оставлены въ невѣдѣніи. Слѣдовательно, Людовикъ XVI долженъ быть судимъ. Что касается вопроса о томъ, какая польза отъ конституціоннаго монарха, отъ монарха-автомата, то тѣмъ, кто такъ глубоко увѣренъ въ этой пользѣ, слѣдовало бы, по крайнсей мѣрѣ, подумать объ ея удешевленіи и взять въ примѣръ египтянъ, которые, признавая царскую власть дѣломъ хорошимъ, но царей вредными, замѣнили ихъ камнемъ; а то есть еще примѣръ сейковъ, которые кладутъ на тронъ коранъ и саблю и живутъ себѣ республиканцами: во всякомъ случаѣ, это было бы средствомъ къ сокращенію цивильнаго листа!

Перейди затѣмъ къ разсмотрѣнію мотивовъ, по которымъ можно было бы опасаться неудовольствія иностранныхъ дворовъ, Бриссо въ бѣглыхъ и живыхъ словахъ указалъ на ихъ несостоятельность. Кромѣ того, «если бы Мильтиаду, Кимону и Аристиду сказали: «Примите нашего царя, или вы погибнете», они отвѣтили бы: «Мы съ вами увидимся подъ Мараономъ или при Саламинѣ!» Солдаты Вашингтона, шедшіе безъ башмаковъ и пятнавшіе ледъ своею кровью, говорили: «Завтра у насъ будутъ башмаки: мы побьемъ англичанъ». И они отгадали, потому что дрались за свободу¹⁾.

Эта рѣчь навела якобинцевъ на размышленія, а кордельеровъ привела въ восторгъ. Камилль Демуленъ не могъ смолчать. Забывъ, съ какою рѣзкостью онъ обличалъ Бриссо въ склонности къ Лафайету, впечатлительный писатель разразился похвалами. Онъ и самъ давно уже помышлялъ о республикѣ, провозвѣщалъ ее, заявлялъ, что она неизбѣжна. Въ № 84 его газеты мы находимъ слѣдующую глубокую замѣтку: «Собраніе, при всемъ своемъ монархизмѣ, увлечено собственными декретами, обстоятельствами и своими страстями на путь республиканскихъ мѣръ, Оно не хочетъ регентства, а признать главою націи такого опозореннаго короля, какъ Людовикъ XVI, мѣшаетъ ему стыдъ. Безъ короля и безъ регента, мы получимъ республику²⁾».

Достовѣрно, что, отвергая съ такою силою идею республики, конституціоналисты Собранія, сами того не замѣчая, катились по наклонной плоскости, которая прямо вела къ республикѣ, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, наиболѣе способныхъ унижить, въ лицѣ Людовика XVI, и монарха и главу семьи. Мы видѣли, что было декретировано назначить къ дофину воспитателя; а въ засѣданіи 28 іюня Собраніе постановило, что на эту должность не можетъ быть назначенъ никто изъ его членовъ, причемъ оно оставило, однако, за собою составленіе списка кандидатовъ. Списокъ этотъ, котораго публика ждала съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ, наконецъ появился. Въ немъ, въ числѣ многихъ неизвѣстныхъ и вызвавшихъ общее удивленіе именъ, значилось и нѣсколько извѣстныхъ, хотя и странно сопоставленныхъ лицъ: Беркэнъ, Бугенвилль, Дюсисъ, Кондорсе, Бер-

¹⁾ Текстъ рѣчи см. или въ *Patriote français*, или въ № 85 газеты Камилла Демулена.

²⁾ *Révolutions de France et des royaumes*, etc. № 84.

Бриссо, Камилль Демуленъ не могли встрѣтить болѣе могучаго помощника. Жизнь его изобиловала тѣми чертами, въ которыхъ сказывается истинно республиканская душа. Состоя редакторомъ *Mercur*, онъ отказался напечатать письмо, въ которомъ фернейскій патриархъ чрезмѣрно принижалъ Монтеस्कье, и тѣмъ самымъ показалъ, что отдаетъ справедливости предпочтеніе передъ славной дружбою Вольтера ¹⁾). Чтобы не имѣть сношеній съ Неккеромъ, экономическихъ воззрѣній котораго онъ не раздѣлялъ, онъ сложилъ съ себя должность инспектора монетнаго двора ²⁾). Однажды, будучи въ ссорѣ съ Дидро, онъ утверждалъ, что всякій, кто ссорится съ этимъ человѣкомъ, неправъ; «а вы?» возразилъ ему на это собесѣдникъ.—«И?—просто отвѣтилъ онъ—я тоже былъ неправъ» ³⁾). Твердый характеръ совмѣщался въ немъ съ природною робостью, свѣтскость уживалась съ привычками простолюдина, холодный умъ — со страстнымъ сердцемъ; словомъ, онъ представлялъ собою сочетаніе контрастовъ, даже въ наружности: при жидкихъ ногахъ, высокій ростъ, громадная голова и атлетически сложенный бюстъ. Лицо его отличалось нѣжностью, настолько близкою къ расплывчатости, что г-жа Роланъ была введена имъ въ заблужденіе и опредѣляла его такъ: *вата, пропитанная тонкимъ ликеромъ* ⁴⁾). Но д'Аламберъ, знавшій его лучше, называлъ его *вулканомъ подъ снѣгомъ* ⁵⁾).

Тотчасъ послѣ исторіи въ Варениѣ, Кондорсе сталъ устраивать у себя собесѣдованія, на которыя приглашалъ своихъ друзей для обсужденія средствъ къ учрежденію республики. Въ числѣ другихъ выдающихся лицъ, сюда являлись Дюпонъ де Немуръ и тотъ герцогъ Ларошфуко, на голову котораго, по шутливому выраженію Рюльера, Тюрго возложилъ такъ много принциповъ. Большинство высказалось за монархію. Но Кондорсе не счелъ себя связаннымъ постановленіемъ салона и, рискнувъ разрывомъ со своимъ старымъ другомъ, герцогомъ, который дѣйствительно не простилъ ему этого, поспѣшилъ перенести пренія въ Соціальный кружокъ.

Большое произошло тамъ волненіе, когда онъ, въ присутствіи многолюдной, образованной и внимательной аудиторіи, до-

¹⁾ *Biographie universelle.*

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Éloge de Condorcet*, par François Arago, p. CLXX.

⁴⁾ *Ibid.*, p. CXVI.

⁵⁾ *Ibid.*, p. CLXII.

казаль: что всюду, гдѣ власти хорошо организованы, отнюдь не существуетъ необходимости въ королѣ; что свобода и вліяніе печати не боятся возвращенія Кромвелля; что обширные размѣры Франці болѣе благопріятны, чѣмъ противны учрежденію республики; что напрасно непрерывно ссылаются на Римъ и на Аѳины, гдѣ вовсе не было истинной республики, такъ какъ тамъ допускалось существованіе привилегированныхъ классовъ; что наследственность престола, это постоянное препятствіе къ движенію обществъ впередъ, создаетъ борьбу, вовсе не являясь причиною устойчивости и гарантіею противъ безпорядка¹⁾.

Мнѣніе такого человѣка, какъ Кондорсе, было способно увлечь многихъ, что и случилось. По весьма вѣскому свидѣтельству того времени, общество его стало по-истинѣ очагомъ республики²⁾. Онъ женился на молоденькой дѣвицѣ Групи, которая была такъ мила и умна, что мать герцога Ларошфуко, завзятая противница браковъ ученыхъ, на этотъ разъ должна была сказать провинившемуся геометру: «Мы васъ прощаемъ»³⁾. Вліяніе г-жи Кондорсе немало способствовало политическому результату, на который только-что было указано. Женская месть—говорили нѣкоторые—объясняемая какими-нибудь презрительными поступками королевы! Но Этьенъ Дюмсинъ, котораго въ данномъ случаѣ едва ли можно заподозрить въ пристрастіи, совершенно отвергаетъ это оскорбительное предположеніе. «При серьезномъ характерѣ, при умѣ, склонномъ къ философскимъ размышленіямъ, чтеніе республиканскихъ произведеній и страсть къ сочиненіямъ Руссо воспламенили голову г-жи Кондорсе. У ея мужа была восторженность мысли, а у нея восторженность чувства; оба они были глубоко убѣждены, что во Франці свобода не можетъ удержаться рядомъ съ трономъ»⁴⁾.

Для полноты исторіи республиканскаго движенія, прибавимъ, что съ той поры пламенно содѣйствовать тому стала и г-жа Роланъ, прибывшая въ февралѣ съ мужемъ въ Парижъ; ея салонъ сдѣлался самымъ громкимъ отголоскомъ движенія въ области идей.

¹⁾ *La Bouche de Fer*, № 88.

²⁾ *Souvenirs d'Étienne Dumont*, ch. XVI, p. CXV.

³⁾ *Éloge de Condorcet*, par François Arago, p. 95, въ *Oeuvres complètes de Condorcet*.

⁴⁾ *Souvenirs d'Étienne Dumont*, ch. XVI, p. 329.

На минуту эта борьба мнѣнній была отклонена въ сторону однимъ совершенно новымъ, хотя и ожидавшимся уже событіемъ:

11 іюля по Парижу торжественно провезенъ былъ, среди громаднѣйшаго скопленія народа, прахъ Вольтера. На основаніи декрета Собранія и согласно самымъ настойчивымъ требованіямъ, когда либо раздававшимся въ средѣ населенія Франціи, прахъ этотъ былъ доставленъ изъ Сельерскаго аббатства; онъ прибылъ на скромной колесницѣ, на обѣихъ сторонахъ которой начертаны были стихи:

Si l'homme a des tyrans, il doit les détrôner.
Si l'homme est créé libre, il doit se gouverner¹⁾.

У воротъ столицы высокочтимые останки были перемѣщены на великолѣпную колесницу и направились къ Пантеону.

Бываютъ торжества, ничего не говорящія уму и нисколько не трогающія человѣческую душу: бываютъ торжества глупыя, и оскорбительныя, устраиваемыя съ цѣлью отвлечь слишкомъ молодые или уже постарѣвшіе народы отъ мысли о ихъ приниженномъ положеніи—тѣ народы, которые можно попирать ногами, лишь бы давать имъ *хлѣба и зрѣлища*. Такія зрѣлища составляютъ роскошь рабства. Чѣмъ они блестящѣе, тѣмъ болѣе унижаютъ любопытныхъ, которые охотно идутъ глазѣть на нихъ. Но тутъ мертвый Вольтеръ слѣдовалъ въ Пантеонъ сквозь густую массу взволнованной толпы, чтобы вступитъ въ свои права на безсмертіе, и это являлось высшимъ поощреніемъ для однихъ и карою или урокомъ для другимъ. Какой-то замѣшавшійся въ толпу священникъ крикнулъ: «За Тебя отомстятъ, Боже!»²⁾. Но вѣдь Вольтеръ всю жизнь защищалъ Верховное Существо отъ тѣхъ людей, которые, узурпировавъ Его величіе, обратили его на служеніе своимъ страстямъ, для чего окружили имъ алтарь. О, въ этотъ день за Бога мстилъ Вольтеръ! Онъ мстилъ также и за народъ, хотя одною изъ его слабостей и было воскуреніе еиміама государямъ; и что долженъ былъ думать въ этотъ день Людовикъ XVI, вспоминая свой недавній вѣздъ въ Парижъ и сопоставляя его съ тою захватывавшею сценою, кото-

¹⁾ *Révolutions de Paris*, № 105. («Если надъ человѣкомъ есть тираны, онъ долженъ ихъ низвергнуть. Если человѣкъ созданъ свободнымъ, онъ долженъ управлять собою самъ»).

²⁾ *Ibidem*.

рую онъ съ удивленіемъ созерцалъ съ высоты, изъ слухового окна павильона Флоры! ¹⁾

Саркофагъ везли двѣнадцать бѣлыхъ лошадей и на погребальномъ одрѣ красовалось изображеніе усопшаго философа. Сочиненія его, волновавшія и донинѣ волнующія міръ, были несены въ золотомъ ларцѣ. На шелковыхъ флагахъ видѣлось безчисленное множество надписей, частью трогательныхъ, частью грозныхъ.

Exterminez, grand Dieu, de la terre où nous sommes,
Quiconque avec plaisir répand le sang des hommes ²⁾.

Такова была надпись, выбранная братскимъ обществомъ рыночныхъ торговцевъ. Но во главѣ гражданъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья шла женщина съ пикой, на которой развѣвалась надпись: *Послѣдній доводъ народа* ³⁾, являвшаяся рѣзкимъ отвѣтомъ на *послѣдній доводъ королей*, какъ окрещены были пушки! Колесница остановилась передъ домомъ Шарля Виллета, гдѣ Вольтеръ скончался. Здѣсь устроенъ былъ изъ перевитыхъ дубовыхъ гирляндъ красивый навѣсъ, подпертый тополями. Г-жа Виллетъ, сойдя съ амфитеатра, переполненнаго молодыми дѣвушками въ вѣнкахъ изъ розъ, со слезами встрѣтила того, кто далъ ей прозвище «Прекрасной и доброй» (*Belle et Bonne*). По бокамъ ея находились дочери Каласа! ⁴⁾

Къ сожалѣнію, конецъ церемоніи не былъ озаренъ солнцемъ: на пути отъ площади Французскаго театра до Пантеона пошелъ дождь. «Искупительное омовеніе,—весело сказалъ Камилль Демулень,—удовлетвореніе, потребованное св. Денисомъ за нѣкоторыя мѣста въ *La Pucelle*» ⁵⁾.

Это приключеніе, присутствіе актрисъ въ кортежѣ, слишкомъ пышная выставка античныхъ костюмовъ, г-жа Виллетъ, одѣвшаяся Ифигенію, вѣнокъ, брошенный ею Лафайету, который, покраснѣвъ, поднялъ его ⁶⁾—все это дало роялистамъ поводъ для насмѣшекъ, къ которымъ присоединились нареканія янсе-

¹⁾ *La Bouche de Fer*, № 90.

²⁾ «Великій Боже, истреби на землѣ, гдѣ мы живемъ, всякаго, кто съ удовольствіемъ проливаетъ человѣческую кровь».

³⁾ *La Feuille villageoise*, 43-е semaine.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *Révolutions de France et des royaumes, etc.*, № 85.

⁶⁾ *Révolutions de Paris*, № 104.

нистовъ, питавшихъ досаду болѣе мрачнаго характера. Но общее впечатлѣніе было, тѣмъ не менѣе, восторженное и трогательное¹⁾. Фреронъ, сынъ знаменитаго, такъ жестоко униженнаго Вольтеромъ журналиста, Фреронъ, называвшій себя *единственнымъ во Франціи человекомъ, которому невозможно быть вольтеріанцемъ*, написалъ однако: «Пышность вчерашняго торжества напоминала объ афинянахъ, возвращавшихъ въ Аѳины прахъ Тезея, побѣдителя чудовищъ и тирановъ, какъ Вольтеръ былъ побѣдителемъ предрасудковъ и духовенства»²⁾.

Тѣмъ временемъ, Собраніе, повидимому, старалось какъ можно больше ступешаться: оно проводило время за выслушиваніемъ адресовъ, вотировало національное вознагражденіе Друэ и его сотоварищамъ, занялось муниципальною полиціей, декретировало чеканку и выпускъ въ обращеніе мелкой серебряной монеты въ 15 и 30 су; словомъ, оно, казалось, позабыло изъ-за второстепенныхъ дѣлъ великій вопросъ, державшій всѣ умы въ напряженномъ состояніи. Но эта беззаботность Собранія была только кажущаяся. Семь комиссій собирались въ засѣданія и въ тѣни парламентскихъ бюро готовились къ нанесенію задуманнаго ими удара. Обсужденію никогда еще не подвергался интересъ такой огромной важности. Нетерпѣніе было чрезвычайно велико, и тревога стала всеобщею.

Наконецъ, 13 іюля Мюге де Нанту внесъ въ Собраніе труды комиссій. Публика, наполнившая галереи, была очень изумлена. Послушать оратора, такъ Людовикъ XVI вовсе не былъ виновенъ. Въ чемъ можно было бы упрекнуть его? Въ побѣгѣ? Но вѣдь онъ не выѣзжалъ изъ королевства! Въ отъѣздѣ его изъ столицы? Но вѣдь конституція даетъ ему право удаляться отъ Собранія на разстояніе до двадцати льё! Его заявленіе? Но такъ какъ оно не подписано ни однимъ министромъ, то является лишь частнымъ актомъ короля, простымъ черновымъ наброскомъ для памяти. Притомъ, Франція желаетъ монархіи, а монархія невозможна безъ неприкосновенности короля, которая признана безусловно. Дѣйствительно, какую цѣну имѣла бы королевская власть, безпрестанно подвергаемая сомнѣнію, безпрестанно преслѣдуемая, открытая для нападковъ перваго встрѣчнаго клевет-

¹⁾ «Это торжество было возвышенно и трогательно», говоритъ Серюти въ *Feuille villageoise*, 43-е semaine. То же сообщаютъ о впечатлѣніи почти всѣ рассказы того времени.

²⁾ *L'Orateur du peuple*, vol. IV, № 2.

ника, постоянно подвергающаяся дѣйствию ядовитыхъ стрѣлъ, всегда направляемыхъ въ центры величія и могущества? ¹⁾).

Итакъ, заключенія соединенныхъ комиссій сводились къ тому, что слѣдуетъ предать орлеанскому суду, для сужденія по всей строгости законовъ, Булье, Эмана, Кенглэна, Оффлиза, Гогла, Шуазёля, Ферзена и трехъ лейбъ-гвардейцевъ, игравшихъ роль курьеровъ... а Людовика XVI признать къ дѣлу не причастнымъ ²⁾).

Робеспьеръ зналъ, что вопросъ уже предрѣшенъ Собраніемъ и что пренія уже не измѣнятъ результата голосованія. Ему хотѣлось бы дать общественному мнѣнію за стѣнами Собранія время вступить въ дѣло, и съ этою цѣлью онъ потребовалъ отсрочки преній. Но этому очень горячо воспротивился Шарль Ламетъ и конституціоналисты, которые торопились привести дѣло къ развязкѣ; они немедленно открыли пренія.

Положеніе, занятое при такихъ условіяхъ Робеспьеромъ, заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться. Хотя онъ, навѣрное, не чувствовалъ никакой нѣжности къ монархіи, однако онъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на то, что Кондорсе и Бриссо взяли на себя такого рода починъ, который онъ признавалъ слишкомъ стремительнымъ и несвоевременнымъ. Ему казалось, что вопросъ о республикѣ ставится преждевременно, потому что, по его мнѣнію—какъ онъ и объяснилъ впоследствии—вопросъ этотъ могъ въ то время разъединить патріотовъ и послужить врагамъ народа предлогомъ для оповѣщенія, что существуетъ партія, которая, подъ видомъ патріотизма, злоумышляетъ противъ конституціи.

Поэтому онъ, не дожидаясь дальнѣйшихъ событій, отправился вечеромъ 13 іюля въ клубъ якобинцевъ и изложилъ тамъ свое слѣдующее оригинальное политическое исповѣданіе:

Въ Собраніи меня обвиняли въ томъ, что я республиканецъ: *мнѣ сдѣлали слишкомъ много чести*,—я не республиканецъ. Если бы меня винили за то, что я монархистъ, *это опозорило бы меня*—я также и не монархистъ. Для многихъ людей слова *республика* и *монархія* лишены смысла. Слово *республика* не обозначаетъ никакой особой формы правленія,—оно относится ко всякому управленію свободныхъ людей. Можно быть свободнымъ и при

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 428—434.

Текстъ декрета см. въ *Histoire parlementaire*, t. II, p. 69 et 70.

монархъ, и при сенатѣ. Что такое нынѣшнее наше государственное устройство? Это республика съ монархомъ. Оно ни монархія, ни республика,—оно и та и другая»¹⁾).

Въ этихъ словахъ не было точности, не было искренности. Поддавшись, на этотъ разъ, внушеніямъ заурядной ловкости и забывъ, что сила его всегда заключалась въ томъ, что онъ шелъ прямою линіей черезъ колебанія партій, Робеспьеръ спустился къ политикѣ мелкаго благоразумія. По собственному его признанію, онъ былъ республиканцемъ, такъ какъ заявлялъ, что названіемъ этимъ ему *оказываютъ честь* и что онъ счелъ бы себя *опозореннымъ*, если бы его обвинили въ монархизмъ; зачѣмъ же было играть словами? зачѣмъ проявлять напускное презрѣніе къ *формамъ правленія*, всегда и всюду имѣющимъ такое важное значеніе? Онъ считалъ нужнымъ идти въ ногу съ революціей и опасался пойти болѣе скорымъ шагомъ, чѣмъ якобинцы: прекрасно; но, въ такомъ случаѣ, ему слѣдовало бы быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ и былъ впослѣдствіи, т. е. оставаться въ «партіи своей совѣсти»! То, что объясняетъ поступки человѣка, еще не оправдываетъ ихъ; и я говорю, не колеблясь, что въ этомъ отношеніи Бриссо былъ выше Робеспьера.

Въ свою очередь выступилъ съ рѣчью и Дантонъ, но и онъ не рѣшился объявить себя республиканцемъ: до такой степени робки были еще якобинцы! Онъ ограничился громоносными возраженіями противъ королевской неприкосновенности²⁾, въ полной увѣренности, что въ этой области идей ему обезпечены рукоплесканія клуба якобинцевъ.

Въ Собраніи пренія, начавшіяся 13-го іюля, закончились только 15-го.

Петіонъ очень хорошо доказалъ, что для того, чтобы пользоваться неприкосновенностью, надо бы быть безгрѣшнымъ, и что, во всякомъ случаѣ, неприкосновенность не можетъ быть распространяема на частныя безумныя выходки и преступленія короля.

Аббатъ Грегуаръ, тономъ, не допускавшимъ возраженій, выяснилъ, что личную отвѣтственность короля невозможно отдѣлать отъ столькихъ служащихъ къ его обвиненію обстоятельствъ, каковы: заговоры Булле, подложный паспортъ, переодѣваніе,

¹⁾ *Journal des débats de la Société des amis de la Constitution*, № 26.

²⁾ *Ibidem*.

ночной побѣгъ, военныя приготовленія иностранныхъ дворовъ, королевское заявленіе, выпущенное по способу пареанъ, которые пускали стрѣлы, обратившись въ бѣгство.

Робеспьеръ указалъ на то, какъ подло карать подчиненныхъ преступниковъ, щадя въ то же время преступниковъ могущественныхъ, и какъ нелѣпо преслѣдовать *сообщниковъ* за то, въ чемъ, какъ увѣряютъ, нѣтъ никакого *преступленія*.

Наконецъ, Бюзо отрицалъ право Собранія судить соперничающую съ нимъ власть, при чемъ ссылаясь на примѣръ англійской палаты общинъ, предоставившей рѣшеніе участи Іакова II національному конвенту¹⁾.

Но ни Петіонъ, ни аббатъ Грегуаръ, ни Робеспьеръ, ни Бюзо не коснулись существеннаго вопроса минуты: вопроса, поставленнаго въ клубѣ якобинцевъ и вызвавшаго тамъ бурю, а именно: какая форма правленія лучше—монархическая или республиканская? Потому что если допускалось, что правительство должно быть сохранено, то конституціоналистамъ оставалось только доказать одно: что принципъ королевской неприкосновенности—каковы бы ни были неудобства этой политической фикціи—является для монархіи необходимымъ условіемъ существованія. Это отлично понялъ Барнавъ и, настаивая на этомъ пунктѣ, онъ считалъ свою побѣду обезпеченною. Но для того, чтобы заранѣе очистить эту побѣду отъ безнравственной окраски, которую придавали бы ей молчаливо признанная виновность Людовика XVI, нужно было, какъ сознавала конституціонная партія, постараться сперва защитить челоуѣка, а уже потомъ защищать принципъ; и при распредѣленіи ролей Салль взялъ на себя роль защитника короля, а Барнавъ— роль защитника принципа.

Рѣчь Салля была образцомъ вкрадчивой ловкости. Онъ выяснилъ—и, въ сущности, это была правда—что лживость Людовика XVI (слово это произнесено не было) проистекала единственно изъ его слабохарактерности. Онъ изобразилъ его окруженнымъ царедворцами, клеветавшими передъ нимъ на революцію, обманывавшими его относительно чувствъ и желаній народа, съ адскимъ искусствомъ вводившими его въ заблужденіе и запугивавшими его. Заговоръ, въ составленіи котораго про-

¹⁾ См. *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv, X, p. 437—441, и *Histoire parlementaire*, t. II, p. 30.

тивъ народа обвиняли Людовика XVI, Салль назвалъ гнусною ловушкой, куда преступные слуги вовлекли и самого злосчастнаго монарха. Онъ взывалъ къ чувству жалости, которая, по его словамъ, бываетъ иногда справедливою. Затѣмъ онъ произнесъ слѣдующія слова, которыя, въ примѣненіи къ Людовику XVI имѣли трогательное значеніе: «Какъ несчастно положеніе короля!»¹⁾

Потомъ поднялся Барнавъ. Онъ всегда, даже будучи трибуномъ, стремился къ славѣ государственнаго человѣка. Всегда, даже въ пылу своихъ битвъ съ Мирабо, онъ говорилъ спокойно и держалъ себя степенно. Тѣмъ съ бѣльшимъ основаніемъ онъ долженъ былъ сохранять эту манеру теперь, когда, утомившись ролью агитатора, выступалъ съ видомъ будущаго министра. Поэтому онъ былъ сухъ, подтянутъ, сдержанъ, догматиченъ. Въ рѣчи его не было ничего такого, что было бы рассчитано на воображеніе, на блескъ. Казалось, будто онъ намѣренно угасилъ въ себѣ чувство и предоставилъ говорить одной головѣ. Но зато онъ не опустилъ ничего изъ всего того, что могло послужить дѣлу конституціоналистовъ.

«Вы хотѣли, чтобы король утверждалъ ваши декреты?—говорилъ онъ. — Король долженъ имѣть возможность дѣлать это независимо; если же онъ не пользуется неприкосновенностью, то будетъ ли онъ независимъ? Если же онъ долженъ быть неприкосновеннымъ для того, чтобы гарантирована была его независимость, то не долженъ ли онъ быть неприкосновеннымъ также и для того, чтобы государство было устойчивымъ? Вѣдь именно неприкосновенность, ограждающая его отъ воздѣйствія всѣхъ партій, поддерживаетъ его на посту, а вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживаетъ и правительство, главою котораго онъ состоитъ. —Для короля существуютъ два возможныхъ рода преступленія: преступленія политическія и преступленія гражданскія. Что касается первыхъ, то надо замѣтить, что исполнительная власть осуществляется, собственно говоря, не королемъ, а его министрами, скрѣпа которыхъ необходима; значить, они и отвѣтственны. Что касается преступленій гражданскихъ, то польза, которая получилась бы отъ того, что дѣяніе этого рода было бы наказано, право, очень ничтожна, сравнительно съ тою, которая проистекаетъ для народа изъ сохраненія его спокойствія

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 441—449.

и формы правленія. Такимъ образомъ, если король совершитъ гражданское преступленіе, средствомъ противъ этого служить предположеніе о ненормальности его разсудка — предположеніе удачное, ограждающее устойчивость власти и обеспечивающее общественное спокойствіе, ежеминутно нарушаемое при противной системѣ путемъ обвиненій, которымъ подвергался бы государь.

Такова была, въ немногихъ словахъ, аргументація Барнава; и хотя она была очень слаба противъ республиканцевъ, однако, являлась очень сильною противъ тѣхъ, кто имѣлъ непослѣдовательность желать монархіи безъ тѣхъ неприятныхъ, но изибѣжныхъ условій, изъ которыхъ она слагается.

Рѣчь свою Барнавъ заключилъ слѣдующимъ замѣчательнымъ обращеніемъ къ интересамъ и опасеніямъ буржуазіи:

«Революція не можетъ сдѣлать больше ни шага, не подвергаясь опасности. Если на пути свободы первымъ слѣдующимъ дѣйствіемъ будетъ упраздненіе королевской власти, то на пути равенства первымъ дѣйствіемъ, которое могло бы послѣдовать, было бы покушеніе на собственность. — Какую ночь 4-го августа остается теперь совершить? Всѣ должны сознавать, что общій интересъ требуетъ, чтобы революція остановилась. Тѣ люди, которые понесли потери, должны видѣть, что заставить ее пойти назадъ невозможно и что дѣло можетъ идти уже только о ея закрѣпленіи... Обновители отечества! дадимъ случай для торжества тѣмъ людямъ, которые въ иноземныхъ странахъ интересовались нашей революціей. Они кричатъ намъ: Вы могущественны, вы умны, будьте умѣренны! Этимъ завершена будетъ ваша слава»¹⁾.

Итакъ, подъ вліяніемъ эгоизма — увы, могущаго опечалить мыслителя—новаторы средняго класса, получившіе отъ революціи такъ много выгодъ, требовали отъ нея, чтобы она остановилась на томъ пунктѣ, когда имъ уже не предстояло никакихъ дальнѣйшихъ выгодъ, и людямъ, стоявшимъ наверху, они говорили: «Подавите ваши сожалѣнія!» а стоявшимъ внизу: «Откажитесь отъ вашихъ надеждъ!» Но какъ помѣшать человѣческой душѣ вспоминать и надѣяться?

Заключенія комиссій были приняты²⁾. Тѣмъ самымъ Людовикъ XVI былъ выгороженъ, а всѣ содѣйствовавшіе его побѣгу

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 452—462.

²⁾ Засѣданіе 15 іюля 1791 г.

привлечены къ орлеанскому высшему суду; другими словами, заявлялось, что сообщники есть, а главнаго виновнаго нѣтъ. Народъ выразилъ величайшее негодованіе.

Вечеромъ въ клубѣ якобинцевъ появился на трибунѣ Пуашъ и сообщилъ слѣдующее внушительное извѣстіе: «Сегодня столица облеклась во всеобщій трауръ, который раскинется на всѣ 83 департамента. Съ удовольствіемъ сообщаю вамъ, что народъ только что велѣлъ закрыть зрѣлища» ¹⁾).

Лакло тотчасъ же предложилъ подать въ Собраніе петицію отъ имени всѣхъ добрыхъ гражданъ — мужчинъ, женщинъ, дѣтей. «Мы распредѣлимъ,—сказалъ онъ,—по категоріямъ эти три рода подписей, и ихъ будетъ десять милліоновъ. Посмотримъ тогда, бунтари ли тѣ, кто желаютъ низложенія короля» ²⁾).

Дантонъ горячо поддержалъ это предложеніе, сказавъ: «Намъ нужно очистительное голосованіе, и вотъ оно тутъ какъ тутъ» ³⁾).

Робеспьеръ проявилъ въ этомъ случаѣ крайнюю осторожность и сдержанность. «Законъ,—сказалъ онъ,—недостаточно ясенъ, такъ какъ въ немъ говорится о *сообщникахъ*, а ихъ не могло быть, если нѣтъ *главнаго виновнаго*; поэтому нація имѣетъ право сказать Собранію: *объяснитесь!* Что касается мнѣнія г. Лакло, то мнѣ кажется, что его слѣдуетъ если не отклонить, то, по крайней мѣрѣ, измѣнить. Къ чему собирать подписи женщинъ и несовершеннолѣтнихъ?» ⁴⁾. Вѣроятно, Робеспьеръ опасался, что агитація повернется къ выгодѣ герцога Орлеанскаго, на что, повидимому, указывали и вмѣшательство Лакло и подозрительное предложеніе собирать подписи *дѣтей*.

Во всякомъ случаѣ, въ ту минуту, когда присутствовавшіе готовы были вотировать петицію, въ залъ нахлынуло около четырехъ тысячъ человѣкъ, которые заявили, что они намѣрены отправиться на слѣдующій же день на Марсово поле, и тамъ дать клятву не признавать Людовика XVI. Что эта сцена была подстроена заранѣе, доказывается тѣмъ, что, по свидѣтельству присутствовавшей при томъ г-жи Роландъ ⁵⁾, вся эта толпа явилась изъ Пале-Рояля, служившаго обычнымъ мѣстомъ политическихъ собраній Лакло, которому такимъ образомъ данъ былъ по-

¹⁾ *Journal des débats de la Société des amis de la Constitution*, № 27.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *Mémoires de M-me Roland*, p. 353. Collection Berville et Barrière.

водъ подкрѣпить предложеніе о «выступленіи народа»¹⁾. Благодаря этому подкрѣпленію, проектъ петиціи прошелъ, и прошелъ въ томъ видѣ, въ какомъ его представилъ истинный главарь орлеанистской партіи, при чемъ оставлены были умныя замѣчанія Робеспьера, которыя предотвратили бы много бѣдъ, если бы были лучше взвѣшены обстоятельства. Когда условились относительно основныхъ положеній петиціи, состоялось назначеніе комиссаровъ, въ число которыхъ попали Лакло и Бриссо.

Они остались въ залѣ, тогда какъ Собраніе стало расходиться, и приступили къ работѣ.

Можетъ показаться страннымъ, что послѣ такого категорическаго отказа герцога Орлеанскаго отъ роли регента, Лакло все еще преусердно продолжалъ агитировать въ его пользу. Но не надо забывать, что герцогъ меньше всѣхъ принадлежалъ своей собственной партіи. Изъ опасенія ли повредить чрезмѣрною торопливостью успѣху своихъ тайныхъ замысловъ, или же изъ желанія польстить Бриссо, чтобы легче склонить его на сторону орлеанистской реакціи, только Лакло прикинулся, будто вполне полагается на своего товарища. Сославшись на головную боль и на желаніе поспать, онъ попросилъ Бриссо взяться за перо²⁾. Онъ просилъ только объ одномъ: чтобы въ петиціи, вмѣстѣ съ выраженіемъ требованія относительно низложенія Людовика XVI, выражено было желаніе о его *замѣщеніи конституціонными средствами*. Это значило открыть дверь для герцога Орлеанскаго. Ускользнулъ ли этотъ умыселъ отъ Бриссо? Или не подумалъ ли онъ, что ему не слѣдуетъ слишкомъ хорошо угадывать честолюбивые замыслы, облеченные въ форму уваженія къ законности? Какъ бы ни было, онъ написалъ:

«Нижеподписавшіеся французы, члены державнаго народа, принимая во вниманіе, что по вопросамъ, съ которыми связано общественное благо, народъ имѣетъ право выражать свои желанія для освѣдомленія и руководства своихъ уполномоченныхъ;

«что никогда еще не представлялось вопросовъ болѣе важныхъ, чѣмъ вопросъ, касающійся побѣга короля;

«что въ изданномъ 15-го іюля декретѣ не содержится никакого распоряженія относительно Людовика XVI;

¹⁾ *Journal des débats de la Société des amis de la Constitution*, № 27.

²⁾ *Mémoires de M-me Roland*, p. 354.

«что во исполненіе этого декрета весьма важно быстро сдѣлать постановленіе объ участи этого человѣка;

«что основою рѣшенія должны послужить его поступки;

«что его клятвопреступленіе, побѣгъ и протестъ равносильны формальному отреченію отъ престола;

«что Національное Собраніе судило его, захвативъ исполнительную власть, приостановивъ дѣйствіе королевской власти и содержа его подъ арестомъ;

«что новыя обѣщанія со стороны Людовика XVI отнюдь не представляли бы достаточной гарантіи противъ новаго заговора;

«что, наконецъ, величеству націи, а также и ея интересамъ было бы противно ввѣрять отнынѣ бразды правленія клятвопреступнику, измѣннику и бѣглецу,—

«стребуютъ формально и категорически, чтобы Національное Собраніе, именемъ націи, приняло отреченіе, заявленное Людовикомъ XVI 21-го іюня, и озаботилось замѣщеніемъ его всеми конституціонными средствами;

«нижеподписавшіеся заявляютъ, что они никогда не признаютъ Людовика XVI своимъ королемъ, если только большинство націи не выразитъ желанія, противнаго настоящей петиціи»¹⁾.

Лакло могъ въ полуснѣ поздравить себя: фраза, которая для него составляла *суть* всей петиціи, была, наконецъ, написана на бумагѣ. Помимо этого редакция Бриссо была какъ нельзя болѣе удачна. Хотя и очень сильная по тону, она не имѣла бунтовскаго характера. Въ петиціи не было протеста противъ декрета 15-го іюля, а только заявлялось — и это была правда — что онъ умалчиваетъ объ участи Людовика XVI и тѣмъ самымъ даетъ всякому право желать объясненій на этотъ счетъ, а также желать того, чтобы оно дано было самою націей.

Парламентскіе конституціоналисты, освѣдомившись о томъ, что происходило въ клубѣ якобинцевъ вечеромъ 15-го іюля и ночью, съ замѣчательною ловкостью отвели ударъ. Еще въ засѣданіи 14-го іюля, т. е. наканунѣ принятія декрета, Приёръ, встрѣтившись въ кулуарахъ Собранія съ Демёнью, спросилъ его: «А какова будетъ участь короля, если Собраніе вотируетъ въ смыслѣ комиссій?» На это Демёнью отвѣтилъ: «Дѣйствіе его власти будетъ приостановлено впредь до завершенія конституціи;

¹⁾ *La Bouche de Fer*, № 95.

если онъ ея не приметъ, то не будетъ королемъ». А присутствовавшій при этомъ разговорѣ Грегуаръ замѣтилъ: «Онъ приметъ, присягнетъ и не сдержитъ слова»¹⁾. И вотъ, 16-го іюля Демёнъ, чтобы лишить петицію Бриссо характера легальности, вылилъ свой отвѣтъ Приёру въ форму декрета²⁾ и Собрание, съ великою напускною торжественностью, декретировало слѣдующее:

Ст. 1. Если король по принятіи присяги на вѣрность конституціи возьметъ свою присягу назадъ, то будетъ сочтено, что онъ отрекся отъ престола.

«Ст. 2. Если король станетъ въ главѣ арміи, съ цѣлью направить ее противъ націи, или прикажетъ осуществить такой проектъ своимъ генераламъ, или же, наконецъ, не воспротивится формальнымъ актомъ всякому дѣйствію этого рода, которое выполнялось бы отъ его имени, то будетъ сочтено, что онъ отрекся отъ престола.

«Ст. 3. Король, отрекшійся отъ престола или признанный отрекшимся, становится простымъ гражданиномъ; онъ будетъ подлежать обвиненію, согласно обычнымъ формамъ, за всѣ преступленія, совершенныя имъ послѣ отреченія»³⁾.

Этотъ декретъ, имѣвшій цѣлью превратить петицію Бриссо въ актъ мятежный, едва ли былъ способенъ удовлетворить общественное мнѣніе; онъ не отвѣчалъ на то предположеніе, которое Грегуаръ такъ хорошо выразилъ словами: «Король приметъ, присягнетъ и не сдержитъ своего слова». Въ сущности, конституціоналисты понимали это, а потому приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы охранить Собрание отъ предусматривавшихся и, по крайней мѣрѣ, возможныхъ, послѣдствій народнаго негодованія. Съ нѣкоторыхъ поръ на улицахъ то и дѣло производились угрожающіе военные смотры и маневры и раздавался барабанный бой.

16-го іюля Собрание, въ которомъ преобладали конституціоналисты и предсѣдательствовалъ Шарль Ламетъ, пошло далѣе: внезапно взявъ на себя наступательную роль, оно какъ бы съ лихорадочною горячностью стало клонить къ открытію битвы. Вадье, который въ одномъ изъ предшествовавшихъ засѣданій громилъ заключенія комиссій съ такимъ дикимъ преувеличе-

¹⁾ *Le Patriote français*, № 706.

²⁾ *Ibid.*, p. 708.

³⁾ См. *Moniteur*.

ніемъ, что Марать могъ обвинить его въ плагіатѣ¹⁾, заявилъ теперь, что такъ какъ заключенія комиссій обратились въ декретъ, то онъ готовъ рисковать жизнью ради ихъ защиты и что онъ «ненавидитъ республиканскій строй». Эта выходка покрыта была нѣсколькими взрывами рукоплесканій²⁾. Д'Андре, чтобы получше вѣншить членамъ муниципальнаго совѣта и слабому Балли злобныя чувства конституціонной партіи, началъ притворно жаловаться на мягкость ратуши. Чего медлить? говорилъ онъ: надо составить воззваніе къ французамъ, пригласить муниципалитетъ въ Собраніе, предписать ему, чтобы онъ тщательнo слѣдилъ за охраненіемъ общественнаго спокойствія, возложить на общественныхъ обвинителей города Парижа отвѣтственность за всякое нарушеніе закона, оставленное безъ преслѣдованія, и довести обо всемъ до свѣдѣнія министерства. Все это было вотировано почти безъ преній, тотчасъ же, словно въ какомъ мрачномъ увлеченіи и подъ охраною пушекъ Лафайета. Лафайетъ же поспѣшилъ собрать національную гвардію; а вмѣстѣ съ тѣмъ,—разсказываетъ Бриссо,—«будто изъ опасенія, что синіе мундиры, пожалуй, не устоятъ въ этой воображаемой ужасной схваткѣ—тогда какъ народъ хотя и былъ раздраженъ, однако держался спокойно—сформированъ былъ еще и военный отрядъ изъ рыночныхъ крючниковъ»³⁾.

Нѣтъ надобности прибавлять, что на Лафайета со всѣхъ сторонъ сыпались нареканія. Самъ Бриссо, бывший до тѣхъ поръ его поклонникомъ и навлекшій на себя столько оскорбленій за то, что онъ заступился за него, сдѣлавъ въ *Patriote Français* слѣдующее заявленіе: «Эти ужасные маневры производятся подъ начальствомъ человѣка, сто разъ говорившаго мнѣ, что онъ республиканецъ, называвшаго себя другомъ Кондорсе, словомъ, подъ начальствомъ Лафайета!.. Отнынѣ я не имѣю больше ничего общаго съ нимъ»⁴⁾.

Тѣмъ временемъ, кордельеры и значительное число людей изъ народа собрались на Марсовомъ полѣ, въ ожиданіи, пока изъ клуба якобинцевъ принесутъ для подписанія на алтарѣ отечества той петиціи, которую должны были наканунѣ составить Лакло и Бриссо. Комиссары явились и начали читать пе-

¹⁾ *L'Ami du peuple*, № 253.

²⁾ См. засѣданіе 16 іюля въ *Histoire parlementaire*, t. II, p. 90.

³⁾ *Le Patriote français*, № 707.

⁴⁾ *Ibid.*

ГЛАВА VII.

Бойня на Марсовомъ полѣ.

Глубокое раздраженіе конституціоналистовъ; его причины.—Яростныя нападки Марата.—Брань Камилла Демулена.—Замѣчательная сводка поступковъ конституціоналистовъ, сдѣланная Камилломъ.—Оскорбленія по адресу національной гвардіи.—Всюду распространяется духъ законности.—Легальное ходатайство въ городскую ратушѣ 16 іюля.—Росписка, выданная прокуроромъ-синдикомъ Демуссо; «*Законъ покрываетъ васъ неприкосновенностью*».—Двойное убійство въ *Gros-Caillou*, совершенное утромъ 17-го іюля.—Преступленіе это не имѣло ничего общаго съ проектированной народомъ петиціей.—Дѣлаемая въ Собраніи усилія увѣрить въ противномъ и распространеніе ложныхъ слуховъ.—Странное великодушіе Лафайета.—Марсово поле имѣетъ праздничный видъ.—Мирное настроеніе толпы, собравшейся вокругъ алтара Отечества.—Подписаніе петиціи на Марсовомъ полѣ.—Ратуша посылаетъ на Марсово поле комиссаровъ.—Они очарованы представляющимъ имъ зрѣлищемъ и одобряютъ петицію.—Видъ Гревской площади въ это время; въ національной гвардіи искусно возбуждается ярость.—Посланія Шарля Ламета въ ратушу; развернуть красный флагъ.—Возвращеніе комиссаровъ въ ратушу; ихъ докладъ, составленный въ благопріятномъ для схода духѣ; они протестуютъ противъ выставленія краснаго знамени; муниципалитетъ оставляетъ этотъ протестъ безъ вниманія.—На Гревской площади заряжаются ружья.—Провокаторы.—Залпъ, данный раньше трехъ установленныхъ предупрежденій: перебиты женщины и дѣти.—Благородныя поступки національныхъ гвардейцевъ округа Марэ и Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, а также наемныхъ гвардейцевъ у Военнаго училища.—Ничѣмъ не оправдываемое отсутствіе Дантона, Фрерона и Камилла Демулена.—Вечеръ 17-го іюля.—Оскорбленіе клуба якобинцевъ.—Робеспьеръ находитъ пріютъ у столяра Дюплэ.—Вады на трубинѣ, 18-го іюля.—Ложь въ протоколѣ муниципалитета.—Судь исторіи.—Насколько извращались донныя эти событія.

Мы дошли теперь до кроваваго дня 17 іюля 1791 года! Что породило тотъ сильный порывъ страстей, который придалъ этому дню столь роковой характеръ? По отношенію къ этому, особенно важно ничего не упустить изъ виду. Историкъ не обвинитель, онъ судья; а частью судебного разбирательства всегда была оцѣнка смягчающихъ обстоятельствъ.

Со времени возвращенія Людовика XVI въ Парижъ, среди конституціоналистовъ господствовало глубокое раздраженіе. Причинами его были: дѣлавшіяся на нихъ яростныя нападки; тайный стыдъ за тѣ ухищренія, на которыя обрекала ихъ усвоенная ими политика фикцій; возникновеніе партіи, грозившей разрушить ихъ работу и отодвинуть ихъ въ тѣнь; наконецъ, быстрый упадокъ популярности, требованій которой они не хотѣли выносить, но виміама, который имъ курили, было жаль лишиться.

Прежде всего, если говорить о нападкахъ, слѣдуетъ привести здѣсь двѣ выдержки, которыя дадутъ достаточное представленіе о ихъ злобѣ:

«О, недостойные представители націи! меня возмущаютъ не ложь, не вѣроломство, не преступленія Людовика XVI и его жены. Если король—развратитель, хищникъ, свирѣпый человѣкъ, фальшивый монетчикъ, плутъ, измѣнникъ, то ужъ такова его природа, чтобы высасывать соки народа и пожирать людей: я не могу питать къ нему большей ненависти, чѣмъ къ волку. Подобно тигру, сосущему кровь путника, король-звѣрь только слѣдуетъ своему инстинкту, когда сосетъ кровь народа; но кто заслуживаетъ всей нашей ненависти, такъ это вы, наши представители, которыхъ мы избрали для нашей защиты. Это вы не перестаете призывать на свои головы кару закона двѣнадцати таблицъ, дозволявшаго первому встрѣчному броситься на невѣрнаго уполномоченнаго: *qui clienti fraudem fecerit sacer esto*»¹⁾.

Но это еще что! рѣчи эти были ничто въ сравненіи съ воплями Марата, доходившаго прямо до безумной жестокости:

«Что дѣлать? писалъ онъ: *обрубить большіе пальцы на рукахъ всѣмъ прирожденнымъ холопамъ и представителямъ бывшаго дворянства и высшаго духовенства, не какъ невѣрнымъ, а какъ врагамъ. Что касается народныхъ депутатовъ, продавшихъ деспоту права націи—всѣхъ этихъ Съейсовъ, Ле Шапелье, Дюпоровъ, Тарже, Тюре, Вуаделей, Барнавовъ, Эмри, Бюро-де-Пуэзи, Прюньоновъ—то надѣлайте изъ нихъ живьемъ чучелъ и пусть они въ теченіе трехъ дней будутъ выставлены передъ народомъ на зубцахъ стѣнъ сената»²⁾.*

Такія яростныя выходки были слишкомъ противны и потому не могли объединить чувствомъ злобы очень большое число людей; но зато онѣ незамѣтно подготовляли умы къ зрѣлищамъ казней и, кромѣ того, приводили къ тому, что даже тѣ, кто не относился къ нимъ серьезно, начинали считать себя умѣренными, въ виду того, что ограничивались только презрѣніемъ или ненавистью къ конституціоналистамъ.

Человѣкъ созданъ такъ, что преувеличенныя или несправедливыя нападки раздражаютъ его менѣе, чѣмъ заслуженныя: конституціоналисты, можетъ быть, еще простили бы своимъ противникамъ яростныя, доходившія до бѣшенства выходки; но разоблаченіе ихъ провинностей, ихъ противорѣчій, хитростей и глухихъ происковъ подымало въ нихъ желчь. Брань Камила

¹⁾ *Révolutions de France et des royaumes, etc.*, № 83.

²⁾ *L'Ami du peuple*, № 514.

Демулена волновала ихъ, должно быть, гораздо меньше, чѣмъ слѣдующая потрясающая сводка ихъ поступковъ, которую онъ сдѣлалъ въ своей газетѣ:

«Какъ надо было поступить? Когда нація, однѣми своими силами и какъ бы играя, зарождаетъ для свободы болѣе многочисленныя арміи, чѣмъ полчища, когда-либо набравшіяся депотизмомъ въ двадцати царствахъ для Ксеркса и для Тамерлана, слѣдовало занять положеніе, подобающее свободѣ такого народа. Обманываетъ только слабый. Слѣдовало назвать преступленіе Людовика XVI настоящимъ именемъ, а вовсе не скрашивать его живымъ словомъ *похищеніе*.

«Слѣдовало заключить Людовика XVI подъ арестъ, потому что онъ былъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія, и, арестовавъ его, заявить, что онъ арестованъ, а не говорить, что ему *даютъ стражу*.

«Слѣдовало посмѣяться надъ Малуэ и Дюпоромъ, которые ссылались на *неприкосновенность короля*, такъ какъ съ той минуты, когда онъ готовился стать во главѣ враговъ націи, онъ пересталъ быть королемъ; потому что нельзя же быть главою двухъ враждебныхъ армій...

«Слѣдовало допросить короля не чрезъ комиссаровъ, а въ самомъ Собраніи, предъ лицомъ націи, и позволить всѣмъ депутатамъ допрашивать его о фактахъ и подробностяхъ. Вмѣсто этого, къ нему послали трехъ комиссаровъ, какихъ-то д'Андре, Дюпора и Тронше, что придадо дѣлу такую видимость, будто Собраніе боялось устныхъ разоблаченій Людовика XVI, при чемъ онъ могъ указать въ его же средѣ цѣлую толпу своихъ сообщниковъ.

«Не слѣдовало разыгрывать роль ожидающихъ въ передней просителей и допускать, чтобы преступникъ по прибытіи комиссаровъ сѣлъ въ ванну, а затѣмъ дожидаться, пока онъ, сидя въ ваннѣ, позвонитъ, чтобы допустить къ себѣ Собраніе какъ банщика!

«Такъ какъ побѣгъ и манифестъ короля составляютъ преступленіе оскорбленія націи, то слѣдовало передать это дѣло въ высшій національный судъ...

«Должность короля такова, что ее можно предоставлять на произволъ случайности рожденія и что, слѣдовательно, она не требуетъ ни опытности, ни умѣнія, и можетъ быть выполняема идіотомъ, сумасшедшимъ или дурнымъ человѣкомъ, такъ что

въ дѣйствительности король является настолько нулемъ въ конституціи, что ничего не можетъ сдѣлать безъ подписи министра; сказать по правдѣ, онъ просто нѣчто вроде штампеля. Поэтому слѣдовало сказать монархистамъ, какъ говорилъ прохожимъ скупецъ:

Mettez une pierre à la place.
Elle vous vaudra tout autant¹⁾.

Другую причиной раздраженія было для конституціоналистовъ то, что они уже видѣли на горизонтѣ восходившее новое свѣтило: республику. И такъ, эта монархическая конституція, стоившая имъ столькихъ трудовъ и бессонныхъ ночей, конституція, которую они надѣялись оставить въ наслѣдство потомству, какъ безсмертный памятникъ ихъ мудрости, стала колебаться наканунѣ своего завершения, подъ ударами партіи, которую начинала привѣтствовать своими кликами улица!

Улица! О, она и ихъ тоже окружала раньше самыми опьяняющими почестями и рождала въ нихъ предвкушеніе славы. А теперь?... Если и говорили теперь о Ле Шапелье, о Туре, о Демёнье, о Вуаделѣ и Дюпорѣ, то только съ негодованіемъ или сокрушеніемъ по поводу того, что называли ихъ отступничествомъ. Если и думали о Ламетахъ, то только вспоминая фразу Мирабо: «Въ ожиданіи того времени, когда имъ можно будетъ завладѣть министерствомъ, Ламеты оставляютъ на мѣстахъ своихъ лакеевъ»²⁾. А Барнавъ? Увы, Камиллъ Демуленъ билъ себя въ грудь въ досадѣ на то, что нѣкогда восхвалялъ его, и, забывая собственное достоинство, лучше ужъ обвинялъ себя во лжи, чѣмъ отречься отъ похвалъ, которыя теперь бросали его въ краску. Онъ признавался, что это неправда—какъ онъ утверждалъ прежде—будто Мирабо когда-либо говорилъ ему о Барнавѣ, что онъ *высокое дерево, которое станетъ корабельною мачтою*; объ этомъ—де дано было ему знать самимъ Барнавомъ!³⁾ Но что-де правда, чего, слава Богу, не придется опровергать впоследствии и чѣмъ Барнавъ, вѣроятно, забудетъ похвастаться, такъ это то, что во время возвращенія изъ Варенна, получивъ отъ Людовика XVI приглашеніе къ обѣду, онъ сталъ за крес-

¹⁾ *Révolutions de France et des royaumes etc.*, № 84. («Положите на это мѣсто камень; онъ будетъ имѣть для васъ то же значеніе»).

²⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 422.

³⁾ *Révolutions de France et des royaumes etc.* № 85.

ломъ, непрерывно наливалъ вино и исполнялъ обязанности лакея»¹⁾).

Въ Испаніи тореадоры—и тѣ употребляютъ меньше усилій, чтобы раздражить выведеннаго на арену быка.

Это еще не все: такіе удары, приправлявшіеся колкостями, выпали и на долю Балли, муниципальнаго совѣта, Лафайета и національной гвардіи. Маратъ, путемъ частаго повторенія, ввелъ въ моду кличку, данную имъ горожанамъ, носившимъ мундиръ: «*Лафайетовы шпіоны*». Возможно ли было придумать болѣе вызывающую бранную кличку въ народѣ, у котораго всегда было такъ живо щепетильное чувство чести? Такимъ образомъ, оказалось, что къ услугамъ озлобленныхъ жожаковъ Собранія явилось озлобленіе муниципалитета, который долженъ былъ, въ случаѣ надобности, скомандовать: «Пли!» и озлобленіе вооруженной буржуазіи, которая должна была при этой роковой командѣ открыть огонь!

Было, однако, мало вѣроятности, чтобы для этого представился поводъ, если только кто-нибудь не захотѣлъ бы непременно усмотрѣть его тамъ, гдѣ его вовсе не было бы. Ибо нужно замѣтить, что среди всеобщаго броженія и несмотря на всѣ увлеченія нѣкоторыхъ журналистовъ, преобладавшимъ настроеніемъ—странная, но неоспоримая вещь!—было: уваженіе закона. Его критиковали свыше мѣры, съ большою горячностью, но никто не подвергалъ сомнѣнію того, что ему нужно повиноваться. Въ клубѣ якобинцевъ Робеспьеръ торжественно сказалъ: «*Мы жслаемъ повиноваться всѣмъ декретамъ*, даже такимъ, которые кажутся намъ подлежащими измѣненію»²⁾). А въ *Patriote français* Бриссо восклицаетъ по поводу засѣданія 15 іюля: «Позоръ нашихъ законодателей доведенъ до послѣдняго предѣла. Декретъ принять. Однако, разъ онъ изданъ, надо ему повиноваться»³⁾). Мы видѣли, что въ вечернемъ засѣданіи клуба якобинцевъ 16 іюля составленная Бриссо петиція была взята назадъ: однимъ изъ мотивовъ было то, что она утратила легальный характеръ съ тѣхъ поръ, какъ Собраніе, согласно предложенію Демёнье, сдѣлало опредѣленное постановленіе относительно участи Людовика XVI.

¹⁾ *Révolution de France et des royaumes etc.*, № 85. Заявленіе это сдѣлано было въ оскорбительной формѣ, но фактъ былъ вѣренъ.

²⁾ *Journal des débats de la Société des amis de la Constitution*, № 27.

³⁾ *Le Patriote français*, № 706.

И вотъ, въ ту самую минуту, когда клубъ якобинцевъ, изъ уваженія къ закону, бралъ назадъ петицію, которую было рѣшено подписать на Марсовомъ полѣ, граждане, предполагавшіе отправиться туда для ея подписанія, прислали отъ себя двѣнадцать человѣкъ, чтобы предупредить о своемъ намѣреніи муниципалитетъ, согласно слѣдующей статьѣ закона: «Граждане, желающіе воспользоваться правомъ подачи петицій, должны быть безъ оружія и заявить о своемъ собраніи за сутки впередъ».

Двѣнадцать депутатовъ явились въ городскую ратушу, сдѣлали свое заявленіе и получили собственноручную росписку прокурора-синдика, Демуссо, при чемъ послѣдній, кромѣ того, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами, которыхъ не надо будетъ забывать: «*Законъ покрываетъ васъ своею неприкосновенностью!*»¹⁾. Что касается росписки, то она была впослѣдствіи предъявлена Бальи въ день суда надъ нимъ... и онъ заплатился за нее жизнью!

Такимъ образомъ, утромъ 17 іюля положеніе дѣлъ было таково:

Конституціоналисты и національная гвардія, на которую они опирались, выходили изъ себя отъ злости и были наготовѣ, чтобы отразить петицію Бриссо ружейными выстрѣлами.

Петицію эту клубъ якобинцевъ еще наканунѣ вечеромъ отложилъ всторону, признавъ ее, по разсмотрѣніи, нелегальною.

Но граждане, приглашенные для ея подписанія и не бывшіе въ клубѣ якобинцевъ, не зная ни того, что петиція взята назадъ, ни того, по какой причинѣ все-таки приготовились идти на Марсово поле и, притомъ, съ тѣмъ большею довѣрчивостью, что, выполнивъ передъ муниципалитетомъ требуемыя формальности, они были совершенно чисты передъ закономъ.

Прелюдией къ бѣдствіямъ этого дня явилось преступленіе. Очень рано поутру нѣкій юноша, почти ребенокъ, получилъ отъ своего отца позволеніе сходить на Марсово поле, чтобы списать надписи, высѣченныя на алтарѣ Отечества. Вдругъ онъ слышитъ подъ своими шагами звукъ, похожій на сверленіе бурава. Онъ бѣжитъ заявить объ этомъ караулу въ Gros-Caillois, находитъ, что за малочисленностью состава никто отлучиться оттуда не можетъ, и тогда онъ спѣшитъ въ ратушу, откуда и возвращается съ сотнею людей и съ инструментами для поднятія досокъ. Доски подняты—и что же оказывается? Лежатъ, пови-

димому спящіе, два человѣка, изъ которыхъ одинъ инвалидъ съ деревянною ногой. Около нихъ провізія на сутки и вино ¹⁾). Ихъ отвели въ секцію. Что они дѣлали, чего поджидали, спрятавшись такимъ образомъ подъ алтаремъ Отечества? По словамъ однихъ, они сознались, что имъ обѣщана была пенсія въ 25 луидоровъ каждому ²⁾),—и это выставляло ихъ агентами какого-нибудь гнуснаго заговора; по словамъ другихъ—и это наиболѣе распространенная версія—изъ отвѣтовъ ихъ можно было заключить, что единственнымъ побужденіемъ ихъ было любопытство непристойнаго характера ³⁾). Какъ бы ни было, комиссаръ уже отпустилъ было ихъ на волю ⁴⁾), какъ ихъ схватили какіе-то разсвирѣпѣвшіе люди. Никто не зналъ или, по крайней мѣрѣ, никто не говорилъ съ увѣренностью, выдали ли себя инвалидъ и его товарищъ какими-нибудь неосторожными рѣчами; неизвѣстно, не подъ вліяніемъ ли паники возникло подозрѣніе, что они хотѣли взорвать алтарь Отечества, такъ какъ боченокъ съ виномъ превращенъ былъ молвою въ боченокъ съ порохомъ; никто не зналъ также, негодяи ли это, которымъ дано было отвратительное порученіе вызвать беспорядки. Достоверно, къ сожалѣнію, то, что оба захваченные человѣка были убиты. Но это случилось на Gros-Caillou, а не на Марсовомъ полѣ, и пали они отъ руки нѣсколькихъ разбойниковъ, а не подъ ударами народа, на который гнусно распространяютъ отвѣтственность за подобныя преступленія, дѣлая это, притомъ, съ тою ужасною неопредѣленностью, которая служитъ любимымъ оружіемъ клеветниковъ на народъ. Кромѣ того, не было и не могло быть ничего общаго между этимъ двойнымъ убійствомъ, совершенномъ очень рано на *Gros-Caillou*, и петиціонерами, которые собрались на *Марсовомъ полѣ девятью или десятью часами позже* ⁵⁾), когда ихъ стали разстрѣливать.

¹⁾ Разсказъ Сантера въ засѣданіи клуба якобинцевъ 18 іюля; факты общены были Сантеру самимъ юношей. См. *Journal des débats de la Société des amis de la Constitution*, № 29.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Révolutions de Paris*, № 106. Издатели *Mémoires de M-me Roland* приписываютъ этотъ разсказъ *Révolutions de Paris* журналисту Лусталю. Это ошибка: въ эту пору Лусталю уже умеръ.

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ Это воплиѣ устанавливаетъ, въ своей *Biographie de Bailly*, Франсуа Араго, несмотря на всю свою благосклонность къ Бальи. См. въ этой біографіи стр. CCXV.

Между тѣмъ, что же произошло? Въ то время, какъ по Парижу носили ужасающіе трофеи въ видѣ насаженныхъ на пики головъ обоихъ убитыхъ, какъ бы «съ цѣлью приготовить этимъ страшнымъ зрѣлищемъ бойню»,—говоритъ мрачный комментаторъ Камилль Демуленъ¹⁾, президентъ Національнаго Собранія, при открытіи засѣданія, заявилъ о случившемся въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Намъ только что сообщили съ достовѣрностью, что на Марсовомъ полѣ двое гражданъ пали жертвами своего усердія за то, что говорили возмущившейся части войскъ, что нужно поступать по закону; ихъ тотчасъ же повѣсили»²⁾. А Реньо де Сентъ-Жанъ д'Анжели прибавилъ: «Эти жертвы—два національныхъ гвардейца, которые требовали соблюденія закона»³⁾.

Было ли это невольною ошибкой или умышенной ложью, но изложеніе событія въ такомъ тонѣ представляется, въ первомъ случаѣ, прискорбнымъ, а во второмъ, допустить который отказывается человѣческое чувство,—подлымъ. При происшествіи присутствовало много національныхъ гвардейцевъ и описывать случившееся въ такомъ видѣ значило бросить огонь въ порохъ!

О кровавой расправѣ у Gros-Caillois муниципальный совѣтъ узналъ въ 11 часовъ⁴⁾. Онъ уже принялъ и опубликовалъ постановленіе о воспрещеніи сборищъ, уже отправилъ двухъ своихъ членовъ въ Бастильскій кварталъ, о которомъ говорили, что тамъ сильное волненіе, но который комиссары нашли совершенно спокойнымъ⁵⁾; теперь же, обсудивъ все дѣло подробно, совѣтъ рѣшилъ немедленно послать на Марсово поле трехъ комиссаровъ отъ городской ратуши⁶⁾.

Когда, около 12 часовъ, тамъ начали собираться граждане и прибыли, съ своей стороны, войска подъ начальствомъ одного изъ адъютантовъ Лафайета, съ пригорка раздался выстрѣлъ, попавшій въ адъютанта. Въ самого Лафайета въ упоръ прицѣлился въ Gros-Caillois какой-то яростный человѣкъ, ружье котораго,

1) *Révolutions de France et des royaumes* etc., № 86.

2) *Révolutions de Paris*, № 106.

3) *Ibid.*

4) Протоколъ парижскаго муниципалитета, прочитанный въ засѣданіи 18 іюля.

5) *Ibid.*

6) *Ibid.*

дало, однако, осѣчку; говорили, что то былъ нѣкій Фурнье¹⁾, побывавшій въ Америкѣ. Его немедленно арестовали, но, по приказанію Лафайета, освободили²⁾. Но за исключеніемъ этого происшествія, которое подало поводъ къ неблагопріятнымъ толкамъ, въ виду проявленнаго Лафайетомъ страннаго въ такую минуту и слишкомъ поспѣшнаго великодушія, снокойствіе не нарушалось.

Въ 2 часа обширный районъ Марсова поля представлялъ самое веселое, самое пріятное зрѣлище. Погода была великолѣпная. Съ середины дня сюда стекалась не только изъ разныхъ кварталовъ Парижа, но и изъ сосѣднихъ деревень значительная толпа, привлекаемая солнцемъ, любопытствомъ и все еще свѣжимъ воспоминаніемъ о большомъ праздникѣ Федерациі, придавшемъ этому мѣсту священный характеръ. Мужья вели съ собою женъ, матери—своихъ дѣтей. Ни у кого не было ни ружья, ни другого оружія; едва встрѣчались тамъ и сямъ трости. Продащицы пряниковъ и нантерскихъ пирожковъ весело переходили отъ одной группы къ другой. Что сказать еще? То была сходка нѣсколькихъ тысячъ семей, лѣтній праздникъ, воскресный день³⁾.

Нужно прибавить, что тутъ не было ни одного изъ тѣхъ людей, присутствіе которыхъ могло бы подать поводъ къ тревогѣ. Конечно, если бы хорошенько поискать, въ громадной толпѣ возможно было бы найти нѣсколько замѣшавшихся въ нее лицъ, за которыми революція обезпечила въ послѣдствіи громкую репутацію: Моморо, Шомета, Анріо, Гебера (Hébert), бельгіяца Робера и дѣвицу Кералио⁴⁾, на которой онъ недавно женился; но ни одна

¹⁾ Weber утверждаетъ это положительно. См. его *Mémoires*, t. II, ch. IV, p. 149.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ Это фактъ несомнѣнный, исторически доказанный, подтверждаемый единогласіемъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній. Относительно этого, Франсуа Араго ссылается въ своей *Biographie de Bailly* на авторитетъ одного изъ своихъ сотоварищей по Академіи, бывшаго въ этотъ день на Марсовомъ полѣ. Въ свою очередь и Мишле въ III томѣ своей *Histoire de la Révolution*, стр. 151, приводитъ, въ видѣ подтвержденія, рассказъ, сообщенный ему очевидцемъ, Моро де Жонэсомъ. Миротлюбивое настроеніе толпы въ этотъ день засвидѣтельствовано также и газетами того времени, особенно газетою *Révolutions de Paris*; всѣ онѣ говорятъ на этотъ счетъ очень опредѣленно и утвердительно.

⁴⁾ Всѣ эти имена значатся подъ подлинною петиціей, хранящейся въ архивѣ департамента Сены.

изъ этихъ фізіономій еще не обратила на себя въ ту пору вниманія и ни одно изъ этихъ именъ не имѣло вліянія въ революціи. Шометъ былъ всего-то медицинскимъ студентомъ, Геберъ гонялся—но тогда еще не успѣлъ вполне—за своею знаменитостью циника; объ Анріо никто пока не говорилъ. Что же касается тѣхъ людей, которымъ Собраніе охотно приписывало бунтарскія поползновенія или зловредное вліяніе, то ихъ на Марсовомъ полѣ не было. Марать не вышелъ изъ своихъ любимыхъ потемокъ, а Дантонъ, Фреронъ и Камилль Демуленъ уѣхали предшествовавшей ночью за городъ¹⁾, подъ вліяніемъ опасеній, о которыхъ намъ еще придется высказать наше сужденіе.

Прибылъ посланецъ клуба якобинцевъ. Онъ явился для того, чтобы заявить, что клубъ взялъ обратно ожидаемую здѣсь петицію и займется новою ея редакціей. Такъ какъ послѣ этого кто-то крикнулъ, что новую петицію нужно составить сію же минуту на алтарѣ Отечества, и предложеніе это было единогласно принято, то присутствовавшіе выбрали четырехъ комиссаровъ; ихъ обступили и одинъ изъ выборныхъ началъ писать:

«На алтарь Отечества, 17 іюля III года.»

«Народные представители, вы были близки къ завершенію вашихъ работъ; вашимъ преемникамъ, всѣмъ выбраннымъ самимъ народомъ, предстояло вскорѣ пойти по вашимъ слѣдамъ, не встрѣчая уже тѣхъ препятствій, которыя ставили вамъ депутаты привилегированныхъ сословій, неизбѣжныхъ враговъ всѣхъ принциповъ святого равенства. Совершается большое преступленіе: Людовикъ XVI совершаетъ побѣгъ; онъ недостойно покидаетъ свой постъ; государство оказывается на волосъ отъ анархіи. Граждане арестуютъ его въ Вареннѣ; его привозятъ обратно въ Парижъ. Народъ этой столицы настоятельно требуетъ отъ васъ не дѣлать никакихъ постановленій относительно участи этого преступника, не выслушавъ предварительно желанія восьмидесяти трехъ прочихъ департаментовъ. Вы оттягиваете; въ Собраніе поступаетъ куча адресовъ; всѣ секціи во всемъ государствѣ одновременно требуютъ, чтобы Людовикъ былъ привлеченъ къ суду. Вы, господа, предрѣшили, что онъ невиновенъ и неприкосновененъ, объявивъ вчерашнимъ вашимъ декретомъ, что кон-

¹⁾ См. объяснительную замѣтку въ № 86. *Révolutions de France et des royaumes*, etc.

ституціонная хартія будетъ представлена ему, когда закончена будетъ выработка конституціи. Законодатели! народъ желаетъ не того, а мы думаемъ, что величайшая ваша слава, даже вашъ долгъ въ томъ, чтобы являться органомъ общественной воли. Несомнѣнно, господа, что къ этому постановленію васъ увлекла толпа тѣхъ отпавшихъ депутатовъ, которые заранѣе заявили протестъ противъ всякаго рода конституціи; но, господа, но, представители великодушнаго и проникнутаго довѣріемъ народа, вспомните, что эти двѣсти тридцать протестантовъ уже не имѣли голосовъ въ Національномъ Собраніи и что, слѣдовательно, декретъ недѣйствителенъ какъ по формѣ, такъ и по существу: по существу потому, что онъ противенъ желанію верховновластнаго народа, а по формѣ потому, что онъ вынесенъ 290 неправомочными лицами. Эти соображенія, всѣ соображенія всеобщаго блага, настоятельное желаніе избѣгнуть анархіи, въ которую ввергло бы насъ отсутствіе гармоніи между представителями и ихъ вѣрителями—все обязываетъ насъ требовать, именемъ всей Франціи, чтобы вы отмѣнили означенный декретъ, приняли во вниманіе то, что преступленіе Людовика XVI доказано и что король этотъ отрекся отъ престола; требовать, чтобы вы приняли его отреченіе и созвали новую учредительную власть для открытія истинно національнаго суда надъ преступникомъ и особенно для замѣны и организаціи новой исполнительной власти.

«*Пэръ, Вашаръ, Роберъ, Демуа*».

Подлинникъ этой петиціи существуетъ; онъ хранится въ архивѣ департамента Сены¹⁾. Такъ какъ я былъ высланъ изъ моей родины, то не могъ осмотрѣть этотъ документъ, сохранившійся въ единственномъ экземплярѣ. Моему славному собрату, г. Мишле, посчастливилось больше моего: да позволить же онъ мнѣ заимствовать у него слѣдующія любопытныя и характерныя подробности:

«Тысячами подписей заполняются листки или небольшія, сшитыя вмѣстѣ тетрадки. Порядка никакого. Очевидно, каждый

¹⁾ См. эту петицію въ *Révolution de Paris*, № 106 и въ *Histoire parlementaire*, t. II, p. 114 и 115. Обѣ редакціи, послѣдняя изъ которыхъ списана съ самаго подлинника, одинаковы за изъятіемъ незначительной разницы въ заголовкѣ, какъ справедливо замѣчаютъ Buchez и Roux. Въ *Révolutions de Paris* напечатано: *Pétition à l'Assemblée nationale, rédigée sur l'autel de la Patrie, le 17 juillet 1791*, а подлинникъ озаглавленъ: *Sur l'autel de la Patrie, le 17 juillet de l'an III*.

ставилъ свою подпись по мѣрѣ того какъ подходилъ; почти всѣ подписи дѣлались чернилами, нѣкоторые сдѣланы карандашомъ...— Есть множество подписей женщинъ и дѣвушекъ: въ этотъ воскресный день онѣ, конечно, пришли сюда съ отцами, братьями, мужьями...—Число подписей было, навѣрное, громадно: на уцѣлѣвшихъ листкахъ можно насчитать ихъ нѣсколько тысячъ. Но многіе листки, очевидно, утратились.—Подпись Гебера набросана вовсе не длинными, тонкими буквами, какъ говорили нѣкоторые: буквы въ ней невысоки, скорѣе низки и нехарактерны; почеркъ во всѣхъ отношеніяхъ заурядный. —Послѣднею стоитъ подпись Сантера» ¹⁾.

И пусть не думаетъ читатель, что все это происходило съ шумомъ, въ горячкѣ мятежнаго озлобленія: нѣтъ. Здѣсь присутствовалъ Фабръ д'Эглантинъ; какъ редакторъ *Révolution de Paris*, онъ, по всей вѣроятности, самъ и написалъ въ этой газетѣ очень подробный отчетъ о происходившемъ, а въ отчетѣ этомъ говорится, что «молодые люди развлекались танцами», что въ числѣ 50,000 человекъ, вскорѣ покрывшихъ все Марсово поле, было много мирныхъ «матерей семействъ», что «это было однимъ изъ тѣхъ величественныхъ и трогательныхъ собраний, какія бывали въ Афинахъ и въ Римѣ» ²⁾.

Поэтому, когда, около 2 часовъ, на Марсово поле прибыли посланные ратушею три должностныхъ лица муниципалитета, въ сопровожденіи большого эскорта національной гвардіи, они были и поражены, и очарованы господствовавшимъ тамъ спокойствіемъ. Подойдя къ алтарю, они были привѣтствованы трогательнѣйшими проявленіями патріотизма и радости. Очень растроганные, они заявили: «Господа, мы чрезвычайно рады, что узнали ваше настроеніе. Намъ говорили, что здѣсь происходитъ безпорядокъ; насъ обманули. Мы непременно дадимъ отчетъ о видѣнномъ и не только не станемъ препятствовать вамъ въ составленіи вашей петиціи, но въ случаѣ, если вамъ станутъ мѣшать, окажемъ вамъ помощь общественною вооруженною силой» ³⁾. Имъ прочли петицію, они нашли ее согласною съ принципами и заявили, что сами подписали бы ее, если бы не были при исполненіи служебныхъ обязанностей ⁴⁾.

¹⁾ Michelet, *Histoire de la Révolution française*, t. III, p. 144 et 145.

²⁾ *Revolutions de Paris*, № 106.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibid.*

Вотъ что утверждаетъ газета *Revolutions de Paris*, и было бы тщетно отрицать авторитетность этого свидѣтельства: для торжества истины сохранился, слава Богу, неопровержимый, грозный документъ, который былъ предъявленъ Балби въ день суда надъ нимъ. Это—заявленіе трехъ членовъ муниципальнаго совѣта: Ле Ру, Реньо и Арди. Въ этомъ заявленіи говорится, что «Собравшіеся на Марсовомъ полѣ граждане ни въ чемъ не нарушили закона; они только просили дать имъ время подписать петицію, прежде чѣмъ разойтись», что «толпа оказывала комиссарамъ все вниманіе, какое только можно себѣ представить, и являла знаки подчиненія закону и его органамъ»¹⁾.

Въ виду даннаго положенія дѣлъ трое комиссаровъ отъ ратуши распорядились удаленіемъ войскъ, и войска, сами очень довольныя такимъ оборотомъ, ушли, взявъ съ собою двѣнадцать гражданъ, откомандированныхъ толпою на Марсовомъ полѣ въ ратушу, чтобы ходатайствовать объ освобожденіи двухъ гражданъ, задержанныхъ, какъ всѣмъ казалось, безвинно²⁾.

Но въ муниципальный совѣтъ уже поступили со всѣхъ сторонъ ходатайства о принятіи насильственныхъ мѣръ; въ половинѣ второго совѣтъ получилъ отъ президента Собранія, Шарля Ламета, настойчивое посланіе³⁾; въ ратушу, одинъ за другимъ, являлись гонцы; по городу распространялись самыя тревожныя

¹⁾ Обо всѣхъ этихъ фактахъ и о неопровержимо свидѣтельствующей въ ихъ пользу деклараціи Ламартинъ не говоритъ ни слова въ своемъ разсказѣ, къ тому же чрезвычайно неполномъ и очень мало вѣрномъ. Самъ Мишле—что удивительно—ограничивается упоминаніемъ мимоходомъ о посылкѣ двоихъ комиссаровъ, которые не выражаютъ неодобренія прочитанной имъ петиціи. Что касается другихъ историковъ революціи—Больё, Бертрана де Мольвилля, Тьера, то они тщательно уклоняются отъ сообщенія того, что отняло бы у нихъ право говорить съ широкою неопредѣленностью, ничего не отмѣчая въ отдѣльности, ничего не подтверждающа доказательствами: *Бунтовщики Марсова поля, мятежники Марсова поля, мятежъ на Марсовомъ полѣ* и т. д. О, святая истина!

²⁾ *Révolutions de Paris*, № 106.—А Ламартинъ изображаетъ это такъ: «Мятежники, встревожившись при видѣ краснаго флага, развѣвавшагося въ одномъ изъ оконъ городской ратуши, отправили въ муниципалитетъ двѣнадцать человекъ изъ своей среды, въ качествѣ депутаціи!!!» *Histoire des Girondins*, t. I, liv. III, p. 126, édition de Bruxelles.—Какіе мятежники? Какъ могло случиться, что мятежники, бывшіе на Марсовомъ полѣ, встревожились при видѣ краснаго флага, развѣвавшагося на ратушѣ? (при разстояніи верстъ въ 5—6 между обоими пунктами).

³⁾ Протоколъ муниципальнаго совѣта.

слухи; въ страшной путаницѣ, виною которой были подлые умыслы однихъ и заблужденіе другихъ, валили въ одну кучу бывшее поутру двойное убійство и петицію, намѣренія петиціонеровъ и покушеніе на жизнь Лафайета, такъ что національная гвардія, считая себя оскорбленною и угрожаемою въ лицѣ своего начальника, не столько ждала, сколько требовала сигнала къ выступленію. Часамъ къ пяти муниципальный совѣтъ принялъ, наконецъ, рѣшеніе. Объявлено было военное положеніе и отданъ былъ приказъ бить тревогу и дать пушечный выстрѣлъ. Въ половинѣ шестого у главнаго окна ратуши уже развѣвался красный флагъ ¹⁾.

Напоминать ли о слѣдующей ужасной подробности? При видѣ флага смерти, войска, переполнявшія Гревскую площадь, подняли свои ружья и стали оглашать воздухъ радостными кликами! ²⁾

Но—вотъ неожиданное счастье!—въ ту самую минуту, когда муниципалитетъ трогается въ путь, на лѣстницу ратуши входятъ трое комиссаровъ ³⁾, которые были посылаемы на Марсово поле. Въ сопровожденіи двѣнадцати депутатовъ съ Марсова поля, они сквозь лѣсъ штыковъ протискиваются въ аудіенцъ-залъ. «Подождите насъ!» говорятъ они депутатамъ и входятъ. Въ залѣ они съ подобающею правдивостью рассказали о томъ, что видѣли; протестуя противъ объявленія военнаго положенія, они заявили, что если красный флагъ будетъ развѣваться, то ихъ сочтутъ—и, съ полнымъ основаніемъ—за *измѣнниковъ, за безсовѣстныхъ людей* ⁴⁾.

Тщетныя усилія! Двѣнадцать депутатовъ съ Марсова поля видятъ, какъ выходятъ муниципальные должностныя лица. Они подходятъ прямо къ Балли, говорятъ ему, что явились хода-

¹⁾ Протоколъ муниципальнаго совѣта.

²⁾ *Révolutions de Paris*, № 106.

³⁾ Протоколъ муниципальнаго совѣта.

⁴⁾ Мишле въ III т., стр. 147, своей книги говоритъ объ этомъ лишь вскользь, даже слишкомъ вскользь, быть можетъ подъ вліяніемъ слишкомъ сочувственнаго воспоминанія о трагической кончинѣ Балли и съ дѣлюю возможно болѣе смягчить отвѣтственность за поступки, такъ жестоко искупленные парижскимъ мѣромъ. Франсуа Араго, какъ ни преклонялся передъ Балли, какъ ни желалъ оградить его память, все же не счелъ себя обязаннымъ быть до такой степени сдержаннымъ, за что его и слѣдуетъ похвалить. См. *Biographie de Sylvain Bailly*, р. ССХVI. Что касается Ламартина, то онъ не говоритъ обо всемъ этомъ ни слова.

тайствовать объ освобожденіи задержанныхъ, говорятъ о данномъ обѣщаніи... Балли отвѣчаетъ, что «обѣщанія эти его не касаются и что онъ отправляется на поле Федераціи для возстановленія тамъ спокойствія»¹⁾. Дѣйствительно члены муниципальнаго совѣта сходятъ на площадь, и многіе видѣли, какъ онъ, опоясанный своимъ шарфомъ, началъ ходить по рядамъ національныхъ гвардейцевъ, обращался къ одному офицеру за другимъ и говорилъ имъ что-то на ухо²⁾. Прибѣгаетъ какой-то капитанъ національной гвардіи съ докладомъ: «Марсово поле переполнено разбойниками!» А тутъ еще Собраніе присылаетъ второе посланіе... Какъ быть? Мишле написалъ: «Собраніе предписываетъ, Балли не можетъ не повиноваться»³⁾. А мы напишемъ такъ: лучше умереть, чѣмъ убивать неповинныхъ; Собраніе предписываетъ, Балли можетъ только отказать въ повиновеніи. Но онъ слишкомъ хорошо повинуется! Приказъ былъ отданъ, ружья заряжены—характерное обстоятельство!—тутъ же на Гревской площади⁴⁾, и гвардія тронулась, и пушки загромыхали по мостовой.

Тѣмъ временемъ на Марсовомъ полѣ молодежь продолжала себѣ веселиться и плясать; матери по прежнему прогуливались, водя за руку своихъ ребятишекъ; небо, на минуту нахмурившееся, снова прояснилось и всѣ были настроены радостно. Чего было бояться этой толпѣ? Подписывалась петиція; но вѣдь право подачи петицій было торжественно освящено декретами; вѣдь оно неизгладимо начертано въ конституціи и являлось одною изъ статей новаго евангелія; вѣдь одобренная редакція петиціи была неоспоримо легальна, такъ какъ отъ Собранія требовалось—и, притомъ, въ почтительныхъ выраженіяхъ—только то, чтобы оно *отмѣнило* изданный имъ декретъ; вѣдь всѣ условія, установленныя для правильнаго пользованія правомъ подачи петицій, были соблюдены: муниципалитетъ извѣщенъ за день впередъ, и никто изъ петиціонеровъ не былъ при оружіи; вѣдь только что пріѣзжали три муниципальныхъ комиссара и народъ обмѣнялся съ ними лишь поздравленіями и патриотическими подбадриваніями. Дѣйствительно, чего было опасаться? Народъ былъ въ своемъ правѣ, соблюдалъ законъ!

¹⁾ *Révolutions de Paris*, № 106. Редакторъ заявляетъ, что объ этихъ фактахъ онъ узналъ отъ двухъ изъ депутатовъ.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Histoire de la Révolution*, t. III, p. 147.

⁴⁾ *Biographie de Sylvain Bailly*, par François Arago, p. CCXXI.

Вдругъ раздался барабанный бой. Черезъ всѣ улицы вступали на Марсово поле баталіоны: съ одного конца—со стороны Военнаго училища, съ другого—со стороны Сены, и, наконецъ, черезъ средній выходъ, соответствовавшей дорогѣ, пересѣкающей Gros-Caillois. Почему по всѣмъ дорогамъ? Развѣ—говорили въ толпѣ—имѣется въ виду оцѣпить, а не разогнать собравшихся? Развѣ начальство поклялось не давать никому спастись отсюда? Народъ былъ такъ увѣренъ, что его охраняетъ законъ такъ спокоенъ за свою безопасность, что—по свидѣтельству одного изъ выстроившихся передъ Военнымъ училищемъ національныхъ гвардейцевъ¹⁾—толпа хлынула въ этомъ мѣстѣ навстрѣчу войскамъ. Но она была оттѣснена колоннами пѣхоты которыя подошли, заполняя выходы, быстро развернулись, и особенно конницей, которая, торопясь занять боковыя части поля, подняла облака пыли, окутавшей всю эту шумную сцену²⁾. На противоположномъ концѣ другая колонна вступала на Марсово поле съ деревяннаго моста, а третья, пришедшая со стороны Gros-Caillois³⁾, въ яростномъ настроеніи ворвалась черезъ средній выходъ Марсова поля; въ рядахъ ея былъ Балли, ведшій за собою многочисленную шайку парикмахеровъ, пресмѣшно одѣтыхъ по-военному поверхъ ихъ профессиональнаго костюма⁴⁾, который въ ту пору очень выдавался своею своеобразностью. При этой колоннѣ былъ красный флагъ, но такой малозамѣтный, что въ послѣдствіи его называли *карманнымъ* флагомъ⁵⁾; и вмѣсто того, чтобы нести его во главѣ войскъ, какъ требовалъ законъ, его помѣстили такъ, что людямъ, на которыхъ дѣлалось наступленіе, было невозможно увидѣть его⁶⁾.

Затѣмъ—и нельзя сказать съ достовѣрностью, было ли это проявленіемъ крайней глупости или предательствомъ—люди, стоявшіе въ сторонѣ⁷⁾ и вовсе не бывшіе частью мирной массы, собравшейся на Марсовомъ полѣ, стали кричать: *Долой штыки!*

¹⁾ Моро де Жонеса.

²⁾ Разсказъ Моро де Жонеса г-ну Мишле; см. книгу послѣдняго, т. III, стр. 151.

³⁾ Здѣсь Мишле сдѣлалъ очень серьезную ошибку, которую мы далѣе выяснимъ, въ виду тѣхъ выводовъ, которые онъ изъ нея дѣлаетъ.

⁴⁾ *Annales patriotiques*, de Carra.

⁵⁾ *Biographie de Sylvain Bailly*, par François Arago, p. CCXXI.

⁶⁾ *Ibidem*.

⁷⁾ Это удостовѣрено протоколомъ парижскаго муниципалитета, прочитаннымъ въ засѣданіи 18 іюля.

Бальи скомандовалъ «стой!» и хотѣлъ сдѣлать народу требуемый закономъ три предостереженія. Уже выступили впередъ члены муниципальнаго совѣта, съ закономъ въ рукахъ, но тутъ разсѣянные по откосамъ провокаторы начали бросать въ національную гвардію камнями, а одинъ драгунъ оказался раненъ пистолетнымъ выстрѣломъ. Национальная гвардія отвѣтила залпомъ въ воздухъ.

Тѣснившаяся вокругъ алтаря Отечества толпа не могла повѣрить, чтобы ее стали избивать на этомъ благословенномъ мѣстѣ, на этомъ величественномъ театрѣ братскаго союза, три дня тому назадъ отпразднованнаго здѣсь же патріотическими рѣчами и молитвами. Нѣсколько голосовъ крикнуло: *Не трогайтесь съ мѣста: стрѣляютъ холостыми зарядами; пусть объявятъ здѣсь законъ*¹⁾. И толпа осталась неподвижною. Да и куда же ей было бы бѣжать, когда со всѣхъ сторонъ штыки? А войска продолжали наступать... и вдругъ раздался страшный залпъ, а за нимъ послышался отчаянный крикъ. Послѣ шутовскаго или, если угодно, великодушнаго, залпа по провокаторамъ на откосахъ, войска дали теперь второй залпъ—наэтотъ разъ уже серьезный и ужасный—по безобидной толпѣ Марсова поля! И когда разсѣялся дымъ, открылось ужасное зрѣлище: алтарь Отечества весь въ крови, на землѣ лежатъ трупы дѣтей и женщинъ! Теперь несчастная публика, уже не ставя себѣ вопроса, есть ли какой нибудь свободный выходъ, бросилась бѣжать, и въ воздухъ раздавались уже только раздирающіе вопли: *О, моя мать! Охъ, мой мужъ! О, мой сын!*²⁾. А конница—повѣрить ли потомство такому изступленію?—въ бѣшенствѣ поскакала за этой растерявшейся массой, и національные гвардейцы кидали саблями по ногамъ тѣхъ, кого не могли настичь³⁾. Въ свою очередь, и артиллеристы, какъ бы жаждая своей доли славы въ этой бойнѣ, дрожали отъ нетерпѣнія, и одинъ изъ нихъ уже совѣмъ-было приготовился пустить выстрѣлъ, когда Лаф йетъ, охваченный, наконецъ, ужасомъ и съ безстрашіемъ ужаса, заклонилъ пушечное жерло своею лошадью⁴⁾.

Къ счастью, войска, поставленныя передъ Военнымъ учи-

1) *Révolutions de Paris*, № 106.

2) *Ibidem*.

3) *Ibidem*.

4) *Mémoires de Lafayette, publiés par sa famille*, t. III, ch. XVII, p. 109. Édition de Paris.

лицемъ, далеко не раздѣляли этого дикаго опьяненія. То были національные гвардейцы округа Marais и Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, именно баталіонъ той казенной гвардіи, тѣхъ старыхъ французскихъ гвардейцевъ, которые отказались обогреть кровью колыбель революціи, отдали на служеніе ей свое мужество и соединились съ народомъ подъ стѣнами осажденной Бастиліи. Здѣсь всѣ—и національные и французскіе гвардейцы—проявили достойную удивленія гуманность и истинный патриотизмъ. Они разступались передъ гражданами, которые подвергались избіенію, прикрывали ихъ своею грудью и въ весьма выразительныхъ словахъ выражали свое изумленіе, негодованіе и скорбь¹⁾.

Что касается петиціи, то ее спасли. На трупахъ жертвъ, почти подъ ногами лошадей, подъ дулами пушекъ, нѣсколько героевъ занялись подбораніемъ тетрадей рукописи-мстительницы. «Петиція остается—могла сказать газета *Révolutions de Paris*—она хранится въ священномъ ковчегѣ, который помѣщенъ въ храмѣ, недосыгаемомъ ни для какихъ штыковъ. Когда нибудь она выйдетъ оттуда!»²⁾.

Когда члены муниципалитета явились на Марсово поле, было почти 8 часовъ вечера; когда они удалились оттуда, было уже темно. *Побѣдители* возвращались въ Парижъ среди полуподавленныхъ проклятій, тамъ и сямъ прерывавшихъ мрачную тишину города. Изъ нихъ ни одинъ не палъ въ этой безопасной битвѣ; но о силѣ народнаго озлобленія свидѣтельствовали убитые впослѣдствіи два стрѣлка національной гвардіи. Сколько жертвъ было со стороны народа? Сдѣланные подсчеты чрезвычайно сильно расходятся: по однимъ, пострадало 200, по другимъ—600 человѣкъ; нѣкоторые насчитывали даже 2,000—цифра, явно преувеличенная въ одну сторону, какъ преувеличена въ другую сторону и цифра 24, наудачу отмѣченная муниципальнымъ совѣтомъ при спѣшномъ составленіи протокола³⁾. Совѣтъ имѣлъ

¹⁾ См. № 108 *Révolutions de Paris* и *Biographie de Sylvain Bailly*, par François Arago, p. CCXXII.

²⁾ *Révolutions de Paris*, № 106.

³⁾ Въ протоколѣ сказано: «Число умершихъ *опредѣляютъ* въ 11 или 12 человѣкъ, а число раненыхъ отъ 10 до 12». Но впослѣдствіи муниципалитетъ имѣлъ всѣ средства къ тому, чтобы провѣрить, вѣрно ли это исчисленіе, сдѣланное въ первую минуту и такъ неопредѣленно выраженное; чѣмъ же объяснить, что онъ не рѣшился опубликовать, послѣ провѣрки, *официальную цифру*?

слишкомъ большой интересъ уменьшить численность могилъ, которыя онъ самъ разверзъ! Увѣряли, что много труповъ было брошено въ Сену, но это не доказано ¹⁾).

Мы сказали, что нѣсколько человекъ изъ инициаторовъ этого движенія уклонились отъ публичнаго выступленія. Тогда какъ избивали людей, которыхъ привели на Марсово поле зажига- тельныя рѣчи Дантона, Фрерона, Камилла Демулена, сами они были за городомъ, въ Фонтенэ-су-Буа и, преспокойно сидя за столикомъ въ кофейнѣ зятя Дантона, ожидали результата!

Въ № 86 газеты Камилла Демулена было заявлено, въ видѣ оправданія, что наканунѣ сдѣлано было среди бѣл-дня нападе- ніе на нѣкогого Ротондо, что на Фрерона напали на Новомъ мо- сту и что то же самое случилось съ какимъ-то гражданиномъ, котораго нападавшіе приняли за Камилла Демулена. О, если бы это была правда! Развѣ осторожность покрываетъ недостатокъ мужества, когда мужество является долгомъ? Фреронъ писалъ 15 іюля: «Лафайетъ получилъ отъ муниципалитета приказаніе стрѣлять въ народъ. Но не робѣйте. Вѣрьте, что если Лафайетъ прикажетъ разстрѣливать безоружный народъ, его солдаты—т. е. солдаты отечества—тотчасъ же сложатъ оружіе, какъ они сдѣ- лали это 18 апрѣля. *Кромъ того, кто не умѣетъ умирать, тотъ недостойнъ быть свободнымъ* ²⁾» И послѣ такихъ-то рѣчей?..

Въ извиненіе этого жалкаго поступка говорили, что при- сутствіе видныхъ вожаковъ только усилило бы раздраженіе на- ціональной гвардіи. Плохое извиненіе! Оно предполагаетъ, что была опасность; но всякому, кто увлекаетъ народъ на путь опасностей, заранѣе указано—если онъ человекъ съ душою— мѣсто тамъ, гдѣ онъ былъ бы возможно ближе къ смерти.

Вечеръ былъ полонъ угрозъ. Національные гвардейцы, кото- рые, вернувшись съ Марсова поля, проходили улицею Сентъ- Оноре, мимоходомъ нанесли оскорбленіе клубу якобинцевъ. Мно- гіе опасались за свою свободу или за свободу своихъ друзей. Роланъ и его жена, далеко еще не питавшіе той ненависти къ Робеспьеру, которую пробудила въ нихъ вполнѣдствіи полити- ческая борьба, попросили кое-кого проводить ихъ въ 11 час. ве- чера къ нему въ глушь квартала *Marais*, рѣшивъ предложить

¹⁾ Утвержденіе Марата въ № 524 *l'Ami du peuple*, при всей его катего- ричности, нельзя принять за доказательство.

²⁾ *L'Orateur du peuple*, t. IV, № VII.

ему убѣжище¹⁾). Но его не было дома. Когда онъ выходилъ изъ клуба якобинцевъ, столяръ Дюплэ, увидѣвъ его, завелъ его къ себѣ. Уступая настояніямъ этого горячаго патріота и его жены, а можетъ быть и нѣмымъ просьбамъ ихъ дочери, Робеспьеръ согласился остаться у нихъ, пока не пройдетъ гроза. Но когда онъ захотѣлъ попомъ уйти, это оказалось невозможнымъ. Его съ любовью какъ бы насильно удержали и такимъ образомъ домъ столяра сталъ и его домомъ.

На слѣдующій послѣ побоища день, 18 іюля, Балль взшелъ на трибуну Національнаго Собранія, сказавъ слѣдующія слова, въ которыхъ ложь служила апологією убійства:

«Муниципальный совѣтъ является предъ вами, глубоко опечаленный происшедшими событіями. *Совершены были преступленія и былъ приведенъ въ дѣйствіе законъ.* Смѣемъ увѣрить васъ, что это было необходимо. Общественный порядокъ былъ упраздненъ, образовались лиги и общества заговорщиковъ: мы огласили мстящій законъ. Мятежники провоцировали силу; они стрѣляли по представителямъ городского управленія и по національнымъ гвардейцамъ, но на ихъ преступныя головы пала кара за ихъ преступленіе»²⁾.

Итакъ, право подачи петицій, осуществленное правомѣрно, согласно мельчайшимъ предписаніямъ закона, превратилось, какъ оказывается, въ преступленіе! Граждане, пришедшіе къ алтарю Отечества съ женами и дѣтьми, оказывались мятежниками! И этихъ мятежниковъ, *не имѣвшихъ при себѣ даже тростей*, не только дѣлали отвѣтственными за выстрѣлъ, за единственный pistolетный выстрѣлъ, сдѣланный съ откоса по драгуну, но еще осмѣливались винить въ томъ, будто они *стрѣляли* по членамъ муниципалитета и по національнымъ гвардейцамъ!

Прочитанный затѣмъ мэромъ Балль протоколъ муниципалитета былъ достоинъ такого предисловія. Почти въ каждомъ параграфѣ его истина была оскорбляема то ложнымъ утвержденіемъ, то умолчаніемъ—особенно умолчаніемъ. Въ протоколѣ ничего не было сказано ни о состоявшейся 16 іюля подачѣ въ ратушу, за 24 часа впередъ, какъ требовалъ законъ, заявленія о назначенной на слѣдующій день сходкѣ; ни о роспискѣ, выданной посланцамъ прокуроромъ-синдикомъ Демуссо; ни о

¹⁾ *Mémoires de M-me Roland*, p. 356. Collection Berville et Barrière.

²⁾ См. Buzet et Roux, *Histoire parlementaire*, t. II, p. 117.

сказанныхъ имъ словахъ: *законъ ограждаетъ васъ своею неприкосновенностью*; ни о томъ, что ружья были заряжены еще на площади передъ ратушей; ни о томъ, что толпа на Марсовомъ полѣ была безоружна; наконецъ—и это серьезнѣе всего—ни о докладѣ троихъ муниципальныхъ комиссаровъ, Жака Ле Ру, Реньо и Арди, относительно мирнаго поведенія и безукоризненнаго настроенія окружавшаго алтарь Отечества народа¹⁾.

Умолчаніе объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ было тѣмъ болѣе преступно, что оно клонилось къ опозоренію троихъ несчастныхъ комиссаровъ, давая поводъ предполагать, что они нарушили свои обѣщанія и поступили противъ совѣсти. Они могли поднять голосъ, должны были сдѣлать это и впослѣдствіи сдѣлали. Но въ эти минуты горячки они сочли за лучшее сойти за измѣнниковъ, промолчавъ, чѣмъ выставить своихъ сотоварищей убійцами. Послѣдствіемъ этого было то, что люди, слышавшіе ихъ слова на Марсовомъ полѣ, признали ихъ подлецами и по невольной несправедливости, написали: «Жакъ, Реньо и Арди — вотъ три имени, навсегда обреченныя нынѣ на народную ненависть»²⁾.

Когда Балъи въ засѣданіи 18 іюля окончилъ свой докладъ, Собраніе, черезъ своего президента, поздравило его, а Барнавъ распространился о вѣрности и храбрости національной гвардіи. Затѣмъ Рено де Сенъ-Жанъ д'Анжели, выступивъ отъ лица конституціонной и юридической комиссій, предложилъ декретировать, что впредь «будутъ признаваемы мятежниками и нарушителями спокойствія люди, которые своими сочиненіями или рѣчами вызовутъ убійство, грабежъ, поджогъ и неповиновеніе закону». Этимъ, повидимому, давалось понять, что сходка на Марсовомъ полѣ имѣла цѣлью убійство, грабежъ, поджогъ и неповиновеніе закону. Когда Петіонъ замѣтилъ по этому поводу, что такимъ способомъ можетъ быть убита свобода печати, авторъ предложенія прервалъ его словами: «Хорошо, такъ пусть слово *вызовутъ* будетъ замѣнено словами: *формально присовѣтуютъ*». Съ этимъ измѣненіемъ проектъ декрета и былъ принятъ, послѣ чего Собраніе разошлось въ торжествующемъ настроеніи³⁾.

¹⁾ См. протоколъ муниципалитета въ *Histoire parlementaire*, t. II, p. 117—123, или, въ случаѣ желанія видѣть его цѣликомъ, въ *Mémoires de Roland*, p. 414—425 официальныхъ документовъ. Collection Berville et Barriere.

²⁾ См. *Révolutions de Paris*, № 106, и *Révolutions de France*, № 86.

³⁾ Объ этомъ засѣданіи см. *Histoire parlementaire*, t. II, p. 123—126.

Многіе усматривали въ этихъ событіяхъ лишь результатъ обширнаго, ужасающаго заговора:

«Разсмотрите—говорили они—и сопоставьте все обстоятельства. Два человѣка—неизвѣстно въ точности, зачѣмъ—прячутся подъ алтаремъ Отечества. Когда ихъ открыли, они говорятъ о полученныхъ ими деньгахъ, а какіе-то негодяи, оставшіеся неизвѣстными и ненаказанными, убиваютъ ихъ: отличное средство для пресѣченія болѣе полныхъ разоблаченій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, превосходный отводъ, даваемый клеветникамъ народнаго движенія! И, въ самомъ дѣлѣ, что же дѣлаютъ? Въ Собраніи съ безстыдной лживостью изображаютъ двойное убійство въ Gros-Saillon въ видѣ дѣянія петиціонеровъ, совершеннаго надъ добрыми гражданами, требовавшими уваженія къ закону; а чтобы раздражить національную гвардію, спѣшатъ распустить слухъ, будто жертвами оказались два національныхъ гвардейца. Затѣмъ, такъ какъ необходимо довести раздраженіе до ярости, оказывается, что на томъ же мѣстѣ какой-то разбойникъ, вѣроятно, кто нибудь изъ петиціонеровъ, дѣлаетъ покушеніе на жизнь Лафайета. Къ счастью, ружье даетъ осѣчку. Въ чемъ былъ въ данномъ случаѣ первый долгъ Лафайета? Покушавшійся былъ схваченъ: очевидно, его слѣдовало задержать подъ арестомъ, по крайней мѣрѣ допросить его, узнать его имя... Но тогда комедія неудавшагося покушенія обратилась бы противъ авторовъ! Лафайетъ улаживаетъ дѣло трижды ловкимъ великодушіемъ: онъ велитъ отпустить арестованнаго на волю... И тотчасъ же вслѣдъ, затѣмъ среди національной гвардіи начинаютъ распространять что мятежники въ упоръ стрѣляли въ ея начальника и что онъ, всегда оставаясь героемъ, простилъ виновныхъ. И вотъ, національная гвардія достаточно подготовлена къ тому, чего отъ нея ожидаютъ: она разъярена до бѣшенства! Между тѣмъ, народъ стекается на Марсово поле. Чтобы усыпить его опасенія—если бы они у него оказались—депутатамъ, присланнымъ отъ него накануне въ ратушу, было сказано, что публикѣ опасаться нечего, что «ее ограждаетъ своею неприкосновенностью законъ». Несчастный народъ! Онъ полагается на этихъ *Синоновъ*¹⁾ въ трехцвѣтныхъ шарфахъ; а въ то время, когда онъ спокойно и весело подписываетъ на алтарѣ Отечества петицію, каждое слово

¹⁾ Синономъ, какъ извѣстно, звали того грека, который убѣдилъ троянцевъ везти въ городъ деревяннаго коня (*Шереводч.*).

которой дышитъ приверженностью къ закону, національные гвардейцы выступаютъ съ Гревской площади съ уже заряженными ружьями—до такой степени опредѣленно принятое заранѣе рѣшеніе устроить бойню! Странно: употребленный въ этотъ день красный флагъ такъ малъ, что почти незамѣтенъ, и, притомъ, его несутъ не во главѣ колоннъ, какъ требуется закономъ, а скрытымъ въ шеренгахъ. Національная гвардія является на Марсово поле и занимаетъ все выходы. Горе народу! Ибо даже если предположить, что будутъ сдѣланы три законныхъ предупрежденія, какъ будетъ ему возможно разойтись, когда онъ оцѣплень? Потомъ, кто привелъ туда, на откосы, этихъ людей, державшихся особнякомъ отъ толпы, и что побуждаетъ ихъ при появленіи національной гвардіи огласить воздухъ безсильными криками и бросить нѣсколько камней или, скорѣе, комьевъ земли, въ людей, могущихъ отвѣтить имъ ружейными выстрѣлами? Скажутъ: это безсмысленная ярость! Пусть будетъ такъ; но вотъ очень странное, загадочное обстоятельство: въ людей, бросающихъ ей вызовъ, національная гвардія стрѣляетъ холостыми зарядами; по людямъ же, не дѣлающимъ ей вызова, по старикамъ, женщинамъ и дѣтямъ, она даетъ яростный залпъ! И залпъ этотъ дѣлается безъ трехъ предупрежденій, требуемыхъ закономъ, тѣмъ закономъ, который будто бы предполагается защитить или восстановить¹⁾!

При отсутствіи математически точныхъ доказательствъ и каковы бы ни были видимые признаки, допускать такое адское предумышленіе было бы равносильно оскорбленію человѣческой природы. Все, что позволительно сказать,—такъ какъ фактъ этотъ принадлежитъ исторіи—это то, что предъ революціоннымъ судомъ Бабаи, на вопросъ о томъ, былъ ли заговоръ, далъ слѣдующій замѣчательный отвѣтъ: «Тогда я не зналъ о немъ, но опытъ навелъ меня впоследствии на мысль, что *такой заговоръ въ то время существовалъ*»²⁾. Спокойное и разсудочное, но непоколебимое мужество Бабаи не допускаетъ предположенія, что отвѣтъ этотъ данъ былъ имъ подъ вліяніемъ трусливаго страха, и поэтому панегиристы его были правы, когда полагали,

¹⁾ Относительно этого способа обвиненія см. *Révolutions de Paris*, № 106; *Révolutions de France et des royaumes*, etc. № 86. *Biographie de Sylvain Bailly*, par François Arago, p. CCXXI.

²⁾ *Biographie de Bailly*, p. CCXX.

что «никогда еще не было писано ничего болѣе серьезнаго противъ инициаторовъ кровавыхъ насилій 17 іюля»¹⁾.

Кто же были эти инициаторы? Если бы мы поколебались сказать это, то вмѣсто насъ это сказали бы—и притомъ ужаснымъ голосомъ—факты: инициаторами были вожаки конституціонной партіи въ Собраніи. Даже отбрасывая всякую мысль о заговорѣ, холодно замышленномъ и комбинированномъ во всѣхъ своихъ частяхъ, мы неотразимо придемъ къ признанію того, что предводители конституціонной партіи желали государственнаго переворота и не пренебрегали ничѣмъ, чтобы совершить его. Обвиненіемъ ихъ является рѣшительно все: и настоятельный личный интересъ ихъ въ этомъ; и рѣчи ихъ, подготовлявшія этотъ переворотъ; и непосредственная выгода, которая происходила изъ него для нихъ; и жалобы д'Андре на мягкость репрессивныхъ мѣръ со стороны властей; и лживый докладъ Рено де Сенъ-Жанъ-д'Анжели; и смертоносныя посланія Шарля Ламета въ городскую ратушу; и поздравленія, официально сдѣланныя Балли и національной гвардіи; и нѣчто вродѣ побѣдной пѣсни, затянutoй Барнавомъ. Лафайетъ былъ только ихъ шпагою, а Балли лишь отвѣтственнымъ за нихъ лицомъ.

Послѣднему пришлось расплатиться за такую честь головою. Вотъ почему мы вдвойнѣ обязаны быть справедливыми къ его памяти. Безусловно обѣщать его значило бы пожертвовать истинной внушаемому его участью чувству состраданія; но въ его пользу имѣются смягчающія обстоятельства, приведенія которыхъ требуетъ справедливость. Балли, очень твердый предъ лицомъ опасности, былъ человѣкомъ, котораго очень легко было направлять въ ту или другую сторону; онъ обладалъ того рода слабохарактерностью, которая безусловно поддается вліянію окружающихъ пріятелей, а эта чрезмѣрная довѣрчивость превращаетъ иногда самую прямую натуру въ орудіе самыхъ извращенныхъ замысловъ. «Я имѣю несчастье быть близорукимъ—писалъ онъ Вольтеру въ 1776 году. Я иногда бываю жалокъ среди бѣла дня: тогда какъ я съ трудомъ различаю домъ на разстояніи ста шаговъ, друзья мои рассказываютъ мнѣ о вещахъ, которыя они видятъ за пять или за шесть льѣ. Я пялю глаза и утомляюсь, ничего не видя»²⁾. Балли былъ близорукъ не только фи-

¹⁾ *Biographie de Bailly*, p. CCXX.

²⁾ *Lettres à Voltaire sur l'origine des sciences*, мѣсто, цитированное Франсуа Араго въ его *Biographie de Bailly*, p. CCXXII.

чески, но и морально. Будучи обманутъ окружавшими его со-
вѣтниками, чрезмѣрно порабощенъ вліяніемъ Собранія и его по-
сланій, сбить съ толку и увлеченъ криками національной гвар-
діи, онъ уступилъ... Уступилъ! и если эти соображенія не смят-
чаютъ обыкновенно суровости политическаго судилища, то тѣмъ
не менѣе заслуживаютъ того, чтобы ихъ не упустили изъ вида
умъ мыслителя и сердце человѣка.

Съ другой стороны, вполне достовѣрно, что не Балли при-
казалъ войскамъ зарядить ружья на Гревской площади и что
на Марсовомъ полѣ ни онъ, ни Лафайетъ не отдавали прика-
занія стрѣлять; достовѣрно и то, что Балли былъ даже огорченъ
бойнею до такой степени, что въ тотъ же вечеръ публично вы-
сказалъ похвалу французскимъ гвардейцамъ, которые, подъ на-
чальствомъ Юлена, проявили такое великодушіе¹⁾. Правда, на
слѣдующій день онъ говорилъ въ Собраніи уже другимъ язы-
комъ! Можетъ ли быть болѣе убѣдительно доказательство его
слабохарактерности? 18 іюля, послѣ ночи, въ продолженіе которой
его навѣрное уговаривали, при чемъ онъ не могъ устоять, гово-
рилъ уже не человѣкъ, а только парижскій мэръ. 17-же числа,
на залитомъ кровью Марсовомъ полѣ, говорилъ Балли!

Бойня на Марсовомъ полѣ, еще больше, чѣмъ избіенія въ
Нанси, вызвала въ народѣ броженіе неискоренимой ненависти
и жажды мщенія. Она заранѣе придавала событіямъ 20 іюня и
10 августа характеръ отмщенія. Дѣло въ томъ, что подобныя
событія никогда не проходятъ въ обществѣ безслѣдно. Значеніе
этого событія, къ которому мы еще вернемся, нельзя было учесть
заранѣе; но оно было ужасно²⁾.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

¹⁾ *Biographie de Bailly*, par François Agago, p. CCXXII.—Объ этомъ чув-
ствѣ Балли упоминается также въ свидѣтельствѣ редакторовъ *Revolutions de
Paris*, не вызывающемъ въ этомъ отношеніи особыхъ подозрѣній. См. № 108
этой газеты.

²⁾ Эта часть исторіи революціи была странно извращена историками
всѣхъ отѣнковъ. Мы безобязательно говоримъ, что изъ всѣхъ опубликован-
ныхъ доннынѣ описаній наше описаніе является наиболѣе полнымъ и един-
ственно вѣрнымъ.

Въ *Essais historiques sur les causes et les effets de la Revolution* Болье
нагромоздилъ кучу ошибокъ, или, не слѣдуетъ ли сказать: клеветъ? Ничего
не доказывая, ничего съ точностью не опредѣляя, нисколько не считааяся

съ наличными документами, онъ изображаетъ петиціонеровъ мятежниками, которые, убивъ двухъ человекъ, *сздають скверный завтракъ въ укромномъ отъ лучей паллцаго солнца мѣстѣ*, а потомъ начинаютъ носить головы обоихъ убитыхъ по Парижу, *съ цѣлю вызвать патрістическій терроръ*, а когда стягивается національная гвардія, *вынуждены спасаться бѣгствомъ, вмѣстѣ со своими ужасными трофеями...* и т. д., и т. д.!

Въ *Histoire de la Révolution par deux amis de la liberté*, сочиненіи, современномъ описываемымъ въ немъ событіямъ, изъ котораго *Moniteur* сдѣлалъ, безъ указанія на это, значительныя позаимствованія и которымъ все вообще пользовались, мы только и находимъ, что бѣшеные вопли противъ *разбойниковъ, яростной орды, вышедшей изъ себя толпы*, заполнившей Марсово поле, которое *обратилось въ поле фурій!* Правда, книга эта написана цѣлкомъ въ духѣ конституціонной партіи, страсти которой она и выражаетъ въ этихъ отзывахъ.

На столько же правдивъ и Бертранъ де Мольвилль. Объ этомъ можно судить по слѣдующей подробности: говоря о несчастныхъ людяхъ, перебитыхъ въ Gros-Cailloz, онъ сообщаетъ, что они были изрублены въ куски, *впрямую за то, что отказались подписать петицію!* Въ такомъ же родѣ и все остальное. (См. его *Annales*, t. IV, chap. XLIV).

Г-жа Роланъ хотя и присутствовала на Марсовомъ полѣ утромъ 17 іюля, однако ограничивается однимъ лишь упоминаніемъ о бывшей тамъ бойнѣ. (См. ея *Mémoires*, p. 355).

Ферьеръ почти ничего не знаетъ, и то немного, что онъ говоритъ, показываетъ, какъ плохо онъ былъ освѣдомленъ. Напр., онъ увѣряетъ, что 17 іюля Дантонъ прочиталъ петицію на Марсовомъ полѣ, а Камилль Демуленъ обратился къ народу съ рѣчью съ алтаря Отечества! Но вѣдь извѣстно, что Демулена и Дантона не было въ этотъ день въ Парижѣ. (См. *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 470 et 471). Кромѣ того, Ферьеръ надѣлалъ много ошибокъ, особенно по части чиселъ мѣсяца, и вообще годится для справокъ только относительно того, что онъ самъ видѣлъ, до чего, въ нѣкоторомъ родѣ, касался перстами, относительно парламентскихъ преній и партійныхъ происковъ, потому что онъ обладаетъ извѣстнаго рода скептическимъ безпристрастіемъ, которое дѣлаетъ его показанія допустимыми во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ имѣлъ случай располагать хорошими свѣдѣніями.

Аббатъ Монгальяръ находитъ возможность въ 22 строкахъ, посвященныхъ имъ событію на Марсовомъ полѣ, сгруппировать всякаго рода ложныя обвиненія и неправды, особенно слѣдующую: *Начальникъ Лафайетъ, по приказанію мэра Бальи, велѣлъ открыть стрельбу.* (См. его *Histoire de France*, t. II, p. 390 et 391).

Тьеръ посвящаетъ событію на Марсовомъ полѣ всего нѣсколько строкъ, въ которыхъ почти каждое слово—ошибка, не говоря уже о томъ, что имъ опущены все подробности, придающія фактамъ ихъ истинный характеръ. Онъ говоритъ, будто муниципальные должностныя лица распорядились удаленіемъ народа, что за удаленіемъ его наблюдали національные гвардейцы, что потомъ снова поднялся безпорядочный шумъ, а убійство двухъ человекъ ставитъ послѣ всего этого. А изъ такого неяростнаго нагроможденія невѣрныхъ свѣдѣній уже естественно вытекаетъ, что *употребленіе силы было*

справедливо, что петиціонеры были мятежниками, что Балли были вынуждены распорядиться исполненіемъ закона, что это было сдѣлано имъ тѣмъ болѣе достойнымъ образомъ, что въ него направлено нѣсколько выстрѣловъ, впрочемъ не задѣвшихъ его... и т. д., и т. д.!!! (См. *Histoire de la Révolution*, par M. Thier, t. I, p. 186 et 187, édition de Bruxelles).

Минье, очевидно, руководствовался только Ферьеромъ. Этимъ все сказано.

Бюше и Ру, по своему обыкновенію, ограничились работою ножницъ. Они воспроизводятъ систематическій разсказъ Камилла Демулена, разсказъ газеты *Révolutions de Paris* и лишь часть протокола муниципальнаго совѣта. Но этихъ документовъ, несмотря на всю ихъ важность, недостаточно. Безъ сопоставленія съ другими, они могутъ даже повести къ страннымъ промахамъ, особенно къ признанію обманчивыми и измѣнниками трехъ муниципальных комиссаровъ—Реньо, Ле-Ру и Арди—которые только въ томъ и были виновны, что смолчали, когда имъ несправедливо приписали измѣну. И именно въ эту-то ошибку и впалъ Альфонсъ Эскиросъ, который въ своей краснорѣчивой *Histoire des Montagnards*, t. I, ch. IV, ограничивается тѣмъ, что шагъ за шагомъ слѣдуетъ за *Révolutions de Paris*.

Ламартинъ ни слова не говоритъ обо всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя доказываютъ, что сходка на Марсовомъ полѣ была вполне легальна. Онъ не упоминаетъ ни о посланной 16 іюля въ ратушу депутаціи, ни о данной ей отвѣтъ, ни о полученной ею отъ прокурора-синдика роспискѣ, ни о докладѣ трехъ муниципальных комиссаровъ Ле-Ру, Реньо и Арди о мирномъ характерѣ и прекрасномъ настроеніи сходки. Мало того, разсказъ его, такъ сильно погрѣшающій опущеніемъ фактовъ, въ не меньшей степени грѣшитъ и своими утвержденіями. Какъ можетъ онъ, если имѣетъ передъ собою прочитанный самимъ Балли въ засѣданіи 18 іюля протоколъ, говорить, будто Балли велѣлъ сдѣлать три предписываемыя закономъ предупрежденія?.. (См. *Histoire des Girondins*, t. I, liv. III, p. 128, édition de Bruxelles).

Въ разсказѣ Мишле—впрочемъ, очень интересномъ и очень обстоятельнымъ—мы могли бы указать нѣсколько неточностей, но онѣ не особенно важны, сравнительно съ капитальною ошибкою, проходящей черезъ весь разсказъ—ошибкою прискорбною въ книгѣ, написанной съ такимъ чувствомъ и талантомъ. Мы больше чѣмъ кто-либо расположены допустить, что Мишле, самъ того не замѣчая, поддался въ сущности очень почтенному стремленію сложить съ буржуазіи и конституціоналистовъ отвѣтственность за эту кровавую расправу. Но согласно ли съ истиной, согласно ли со справедливостію говорить, какъ онъ говоритъ въ заголовкѣ главы VIII, тома III своей книги: «Наемная гвардія и роялисты стрѣляютъ въ народъ.—*Національная гвардія спасаетъ будущіе*?» И въ другомъ мѣстѣ, гл. IX, стр. 168: «*Кто подтолкнулъ наемную гвардію? Достаточно просто здраваго смысла, чтобы ответить: тѣ, въ чьихъ интересахъ это было, т. е. роялисты, дворяне или кліенты дворянъ*». Прежде всего, тѣми, въ чьихъ это было интересахъ, были конституціоналисты,—конституціоналисты, которые вели тогда за собою Собраніе, противъ которыхъ спеціально направлена была петиція, которые провели декретъ 15 іюля, которые видѣли, что въ своемъ политическомъ вліяніи они вскорѣ будутъ замѣщены республиканцами, уже начавшими вытѣснять ихъ

въ смыслѣ популярности, которые одни фигурировали во всемъ этомъ дѣлѣ въ лицѣ д'Андре, Рено де Сентъ-Жанъ д'Анжели, Шарля Ламета, Балли, Лафайета, Барнава. Дворяне же и кліенты дворянъ, далеко не заинтересованные въ отклоненіи, цѣною кровавой побѣды, петиціи, требовавшей низложенія Людовика XVI, при чемъ такая побѣда могла дать выгоды — по крайней мѣрѣ непосредственно — только конституціоналистамъ, какъ оно и случилось, — дворяне или кліенты дворянъ должны были, по своему кастовому эгоизму, желать низложенія короля, чтобы вызвать всеобщую путаницу и привести къ войнѣ съ Европой. И они дѣйствительно желали этого, какъ свидѣтельствуеъ Феррьеръ, близко знавшій ихъ тайныя стремленія и выражающійся такъ: *Они были бы въ восторгѣ, еслибы Собраніе предало Людовика XVI суду и декретировало его низложеніе.* (См. *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 418). Какъ! сказавъ на стр. 158, что дворяне или кліенты дворянъ были заинтересованы въ бойнѣ на Марсовомъ полѣ, Мишле, по странному противорѣчію, говорить на стр. 174, что *нигдѣ ужасъ не былъ ощущенъ такъ сильно, какъ въ двухъ мѣстахъ: въ Тюльрійскомъ дворцѣ и въ клубѣ якобинцевъ, что первые выстрѣлы отозвались въ сердцѣ королевы, что она поняла, что ея неосторожные сторонники разверзли кровавую пропасть, которой уже никогда не закрыться.* Но что бы ни подсказывалъ здѣсь здравый смыслъ, исторія, при наличности точныхъ фактовъ, не должна выѣзжать на предположеніяхъ. Возьмите тогдашнія газеты всѣхъ оттѣнковъ, официальные документы, протоколы муниципалитета — всюду говорится, что стрѣляла *національная гвардія*. Однисыпаютъ ее за это поздравленіями, другіе извиняютъ ее, третьи клянутъ, но никому и въ голову не приходитъ отрицать ея отвѣтственность. Однако Мишле отрицаетъ ее; гдѣ же его авторитеты? Онъ ихъ не указываетъ. Для него достаточно того, чтобы дѣло рѣшилъ здравый смыслъ, и онъ, повидимому, считаетъ рѣшающимъ то обстоятельство, что *тамъ были дворяне или кліенты дворянъ въ качествѣ офицеровъ національной гвардіи или любителей-добровольцевъ, какъ, напр., нѣкій кавалеръ мальтійскаго ордена, который черезъ нѣсколько дней похвалялся этимъ въ газетахъ* (стр. 158). Сказавъ откровенно, это значитъ довольствоваться слишкомъ немногимъ! Хуже всего то, что ради обѣденія національной гвардіи Мишле некстати обвиняетъ гвардію казенную, старыхъ французскихъ гвардейцевъ. Если что-либо достоверно и доказано, такъ именно то, что казенная гвардія, находившаяся подъ начальствомъ Юэна, напротивъ, была возмущена бойней, укрыла бѣжавшихъ въ своихъ рядахъ, въ согласіи съ великодушными національными гвардейцами округа Магази и Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, и спасла большое число несчастныхъ гражданъ, за которыми гнались войска съ намѣреніемъ перебить ихъ. Если что-либо достоверно и доказано, такъ это то, что Балли въ тотъ же вечеръ выразилъ имъ за это похвалу. При всей своей враждебности къ Балли, газета *Révolutions de Paris* заявляетъ объ этомъ категорически; можно также прочесть, что утверждаетъ, съ своей стороны, на этотъ счетъ ученый и проницательный авторъ *Biographie de Bailly*, Франсуа Араго, на стр. ССХХІІ своего прекраснаго труда. Но у Мишле эта ошибка въ оцѣнкѣ опирается на еще болѣе серьезные фактическія ошибки, и вотъ очень яркій тому примѣръ. Часть войскъ, стрѣлявшая въ народъ, была та часть, которая прибыла на Марсово поле черезъ Gros-Caillois. А Мишле

(стр. 151) ставить сюда главную массу казенной гвардіи; о той же части національной гвардіи, которая явилась съ Балыи и краснымъ флагомъ, онъ говоритъ (стр. 152), что она пришла чрезъ деревянный мостъ (гдѣ нынѣ Ленскій мостъ), т. е. со стороны Шайо. Тутъ Мишле впалъ въ матеріальную ошибку. Байи и представители муниципалитета, выйдя изъ ратуши, направились по дорогѣ, проходящей чрезъ Gros-Caillois; на этотъ счетъ существуетъ неопровержимое свидѣтельство—свидѣтельство самого Балыи, который не могъ ни самъ обмануться, ни обмануть кого бы ни было относительно того, по какой дорогѣ онъ ѣхалъ. Вотъ подлинныя слова протокола муниципалитета: «*Прибывъ по дорогѣ, ведущей чрезъ Gros-Caillois, муниципальный советъ замѣтилъ очень большое число людей, выходящихъ съ поля Федерациі... Сначала муниципальный советъ намѣревался направиться къ алтарю Отечества, который былъ окруженъ лицами обоого пола, а затѣмъ къ Военному училищу. Но едва муниципальный советъ вступилъ въ проходъ, ведущій къ полю Федерациі...*» и т. д. И немного далѣе: «*Національная гвардія, будучи не въ силахъ сдержать свое негодованіе, открыла огонь*». Еще немного далѣе: «*Такъ какъ муниципальный советъ не могъ привести въ исполненіе статью VI военнаго положенія, то національная гвардія, воспользовавшись предоставленною по ст. VII властью, прибѣгла къ употребленію силы*» и т. д. Итакъ, остается вполнѣ доказаннымъ, доказаннымъ офиціально, доказаннымъ свидѣтельствомъ самого Балыи: 1) что сопровождавшая его національная гвардія прибыла по дорогѣ Gros-Caillois, а не чрезъ деревянный мостъ, какъ думаетъ Мишле; 2) что именно эта національная гвардія и стрѣляла въ народъ, а не только казенные гвардейцы, о которыхъ Мишле говоритъ (стр. 151 и 152): «*Эта казенная гвардія его (Лафайета) сила. Вы видите, какъ она почти вся дѣлкомъ, шумливая и страшная, вступаетъ чрезъ Gros-Caillois на средину Марсова поля, близясь къ центру, къ алтарю, къ народу... берегись, народъ!*»

Намъ остается только упомянуть—не о разсказѣ Франсуа Араго—это не разсказъ—а объ его блестящей и почтенной диссертациі о дѣлѣ на Марсовомъ полѣ въ *Biographie de Baille*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Франсуа Араго приступилъ къ глубокому изученію касающихся этой катастрофы фактовъ со страстнымъ желаніемъ совершенно смыть это пятно съ памяти Балыи, котораго онъ любитъ, на котораго онъ смотритъ съ почитательнымъ удивленіемъ, панегирикъ которому ему надо составить. Нѣтъ сомнѣнія, что едѣланныя имъ изысканія привели Франсуа Араго къ признанію бойни на Марсовомъ полѣ кровавымъ насиліемъ, дикимъ нарушеніемъ закона, преступленіемъ. Однако здѣсь есть кое-что вызывающее возраженія. Признавая, что посягательство, совершенное на Марсовомъ полѣ якобы восстановителями закона, заслуживаетъ заклеменія, Араго старается оправдать Балыи тѣмъ, что онъ былъ человѣкомъ слишкомъ довѣрчивымъ, что онъ не считалъ окружающихъ его людей способными лгать, что не онъ отдалъ приказаніе стрѣлять и даже, при видѣ бойни, выразилъ сожалѣніе о пролитой крови. Но столь черствой, столь несправедливой рѣчи, произнесенной 18 іюля, Араго не приводитъ. Съ другой стороны, онъ признаетъ, что умолчанія въ протоколѣ были *серьезны*, но признаетъ ихъ *несвольными*, тогда какъ они, напротивъ, были вполнѣ умышленны. Могла ли ратуша не знать о законномъ на-

вѣщеніи, поданномъ муниципалитету депутатами отъ народа, о пресловутой фразѣ: *законъ ограждаетъ васъ своею нерушимостью*, о выданной прокуроромъ-синдикомъ роспискѣ, о докладѣ Ле Ру, Реньо и Арди — могла ли не знать обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, имѣвшихъ такую рѣшительную важность, городская ратуша, бывшая и свидѣтельницею, и дѣйствующимъ лицомъ? И если она на упомянула о нихъ, когда они являлись для нея подавляющимъ обвиненіемъ, то можно ли предполагать, что это случилось *неволью*?

Остановимся. Быть можетъ, нѣкоторые лица осудятъ автора за то, что онъ позволилъ себѣ критиковать своихъ собратьевъ. Но для историка существуетъ культъ, который долженъ стоять выше даже хорошаго вкуса: это культъ истины.

57242H

Историческая библіотека.

До послѣдняго времени множество иностранныхъ сочиненій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, полныхъ научныхъ достоинствъ, появившихся въ Западной Европѣ въ разное время, были совершенно недоступны для русской интеллигенціи. Наиболѣе замѣчательные ученые труды иностранныхъ историковъ, пользующихся повсюду извѣстностью, даже въ оригиналѣ, на иностранныхъ языкахъ, допускались въ Россіи только для немногихъ привилегированныхъ лицъ. Нынѣ, для пополненія этого важнаго пробѣла въ исторической литературѣ, будутъ издаваться историческія сочиненія извѣстныхъ авторовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, въ полномъ ихъ объемѣ и безъ пропусковъ. Нынѣ печатается соч. Луи Влана—Исторія французской революціи 1789 года.

Первые три тома этого сочиненія уже вышли и разсланы подписчикамъ; послѣдующіе томы будутъ выходить по мѣрѣ ихъ отпечатанія, и все это капитальное изданіе окончится не позже середины будущаго года.

Доннынѣ вышли первые три тома, содержаніе которыхъ слѣдующее:

Томъ I. Янъ Гусъ.—Лютеръ.—Индивидуализмъ.—Монтанъ.—Буржуазія.—Общины.—Генеральные Штаты.—Ришелье.—Фронда.—Янсенизмъ.—Людовикъ XIV.—Регентство.—Вольтеръ.—Монтескьё.—Тюрго.—Крестьянская война.

Томъ II. Картина французскаго двора.—Революціонеры-мистики.—Процессъ объ ожерельѣ.—Дефицитъ.—Выборное движеніе.—Национальное Собраніе.—Призывъ къ силѣ.—Возстаніе въ Парижѣ.—Взятіе Бастиліи.—Разрушеніе феодализма.

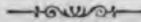
Томъ III. Собственность предъ лицомъ революціи.—Учредительное Собраніе.—Двѣ недѣли заговоровъ.—Женщины въ Версали.—Короля приводятъ въ Парижъ.—Нападки на духовенство.—Мирабо.—Заговоры Люксембургскаго дворца.

Цѣна тома 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Для удобства подписчиковъ редакція предлагаетъ желающимъ не высылать денегъ впередъ, а выписывать каждый томъ съ наложеннымъ платежемъ, при чемъ подписчики будутъ получать томы тотчасъ же по мѣрѣ выхода ихъ изъ печати.

Цѣна съ пересылкою и наложеннымъ платежемъ 3 р. 60 к.

Съ требованіями обращаться: 1) Въ главный складъ—Петербургъ, Фонтанка 145, кв. 3; и 2) Контора историческаго журнала «Русская Старина», Фонтанка 18, кв. 4.

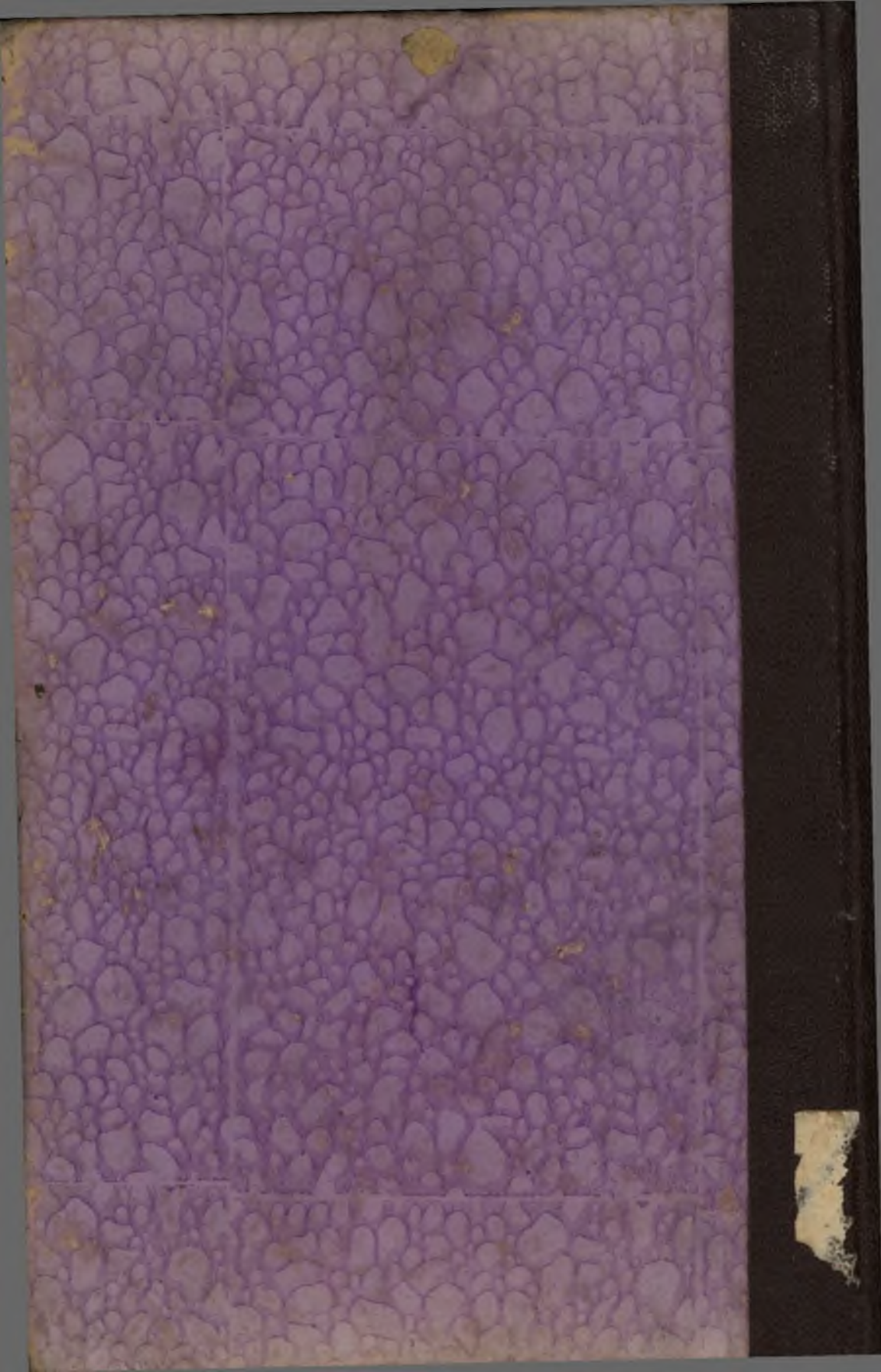

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 626801

св. Роха.—Изъ ста тридцати восьми епископовъ или архіепископовъ только четверо присягаютъ.—Число отказавшихся отъ присяги кюре; преслѣдованіе.—Чудеса, рассказываемыя священниками.—Противорѣчивыя измѣны Мирабо; *его адресъ относительно гражданскаго строя духовенства*; адресъ отвергнутъ.—Инструкція гражданскаго строя духовенства, одобренная Національнымъ Собраніемъ.—Отвратительныя совѣты, данныя Мирабо двору.—Краснорѣчивая рѣчь Казалеса.—Мѣткія слова Монлозье о послѣдствіяхъ раскола

99

ГЛАВА VII.

Благо человечества—высшій законъ.

Лживость Людовика XVI; письмо его къ прусскому королю.—Перемѣна въ политической системѣ Европы.—Исторія обстоятельствъ, приведшихъ къ этой перемѣнѣ.—Сближеніе между Леопольдомъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ подъ влияніемъ ненависти къ французской революціи.—Рейхенбахскій конгрессъ.—Миръ въ Верелѣ между Екатериною II и шведскимъ королемъ.—Вооры всѣхъ государей устремлены на Францію.—Клеветники французской революціи въ Европѣ; Калоннъ, Лалли-Толлендаль, Бёркъ.—Яростный его памфлетъ; произведенное имъ громадное впечатлѣніе.—Единодушныя поздравленія автора со стороны королей.—То былъ первый пушечный выстрѣлъ, дѣйствительно выпущенный противъ Франціи.—Австрія въ Брюсселѣ; Людовикъ XVI задумываетъ о бѣгствѣ.—Планъ внутренней политики, тайно представленный двору Мирабо.—Тайная переписка Людовика XVI съ Булье.—Приски графа Прованскаго.—Безпорядки въ Э.—Обнаруженіе заговора въ Лионѣ.—Кровавое дѣло въ Шанелѣ.—Слухи объ эмиграціи, усиленный надзоръ на дорогахъ.—Тетки короля утѣзаютъ изъ Парижа.—Всеобщее волненіе.—Народъ въ Люксембургскомъ дворцѣ.—Лицемеріе графа Прованскаго.—Волненіе въ Венсенѣ, съ цѣлью развести тюрьму.—Обсужденіе закона противъ эмиграціи.—Крупная роль Мирабо въ этомъ дѣлѣ.—Случай съ «кавалерами книжала».—Засѣданіе клуба якобинцевъ.—Верховный законъ—*Благо человечества*, а не *Благо народа*.—Реальность и трагическая важность этого различія

127

ГЛАВА VIII.

С м е р т ь М и р а б о .

Угасаніе Мирабо.—Чрезвычайная дѣятельность его въ послѣдніе дни жизни.—Издаваемые противъ него пасквили; жена кабатчика Муръ, г-жа Сентъ-Юэрти, Генріэта Нери, г-жа Ле-Жѣ.—Подозрѣваемые попытки отравленія; письмо Мирабо объ этомъ.—Его припадки меланхоли.—Странное положеніе, занятое имъ въ преніяхъ о регентствѣ.—Дѣло о рудникахъ.—Посѣщеніе графомъ Мирабо графа Ла Марка: *«Ваше дѣло выиграно, а я умеръ»*.—

и афишированія.—Соперничество клуба якобинцевъ съ Собраниемъ; возрастающее вліяніе Робеспьера въ клубъ якобинцевъ.—Робеспьеръ домогается изданія декрета о томъ, что члены Собранія не будутъ избраны вновь; сильная досада Туре, Ле Шапелье, Демёнье и всей конституціонной партіи.—Грустная рѣчь Дюпора; онъ заявляетъ, что *Революція завершилась*.—Робеспьеръ и Дюпоръ вступаютъ въ соглашеніе, съ цѣлью потребовать отмѣны смертной казни, но это оказывается тщетнымъ.—Замѣчательная статья автора *lettres b.....t patriotiques* объ отмѣнѣ смертной казни.—Онъ клеветаетъ на народъ.—Народный ораторъ и Казелёсъ на террасѣ фѣльянтинцевъ.—Аббатъ Рейналь.—Пренія по вопросу объ увольненіи офицеровъ; Робеспьеръ одинокъ въ Собраніи.—Насколько онъ былъ популяренъ.—Дюпоръ, назначенный председателемъ уголовного суда, отказывается изъ-за того, что общественнымъ обвинителемъ назначенъ Робеспьеръ.—Нападки Камилла Демулена на Дюпора.—Коалиціи рабочихъ.—Робеспьеръ становится героемъ данной минуты

206

ГЛАВА II.

Притягательная сила французской революціи.

Жители Авиньона хотятъ быть французами.—Священники возбуждаютъ Карпентрасъ противъ Авиньона.—Ужасное междоусобіе въ графствѣ Конта.—Якобинцы оказываютъ авиньонцамъ поддержку.—Бойня въ Саррианѣ.—Убіеніе Патриса.—Погощникъ мулловъ Журданъ становится генераломъ.—Осада Карпентраса авиньонцами.—Ужасающія подробности этой осады.—Національное Собраніе понуждаютъ удовлетворить желаніе Авиньона.—Докладъ Мену.—Пренія о присоединеніи Авиньона къ Франціи.—Долгія колебанія Собранія.—Въ Конта посылаются трое комиссаровъ-успокоителей.—Авиньонъ раздѣляется между партіями муниципалитета и военною.—Декретъ о присоединеніи Авиньона къ Франціи.—Смута въ Авиньонѣ.—Смерть Лекюйе.—Бойня у Гласьеръ.—Авиньонцы остаются въ душѣ французами.—Обаятельная сила революціи и Франціи

231

ГЛАВА III.

Возникновеніе коалиціи.

Екатерина II продолжаетъ дѣлать завоеванія.—Пораженія турокъ.—Взятіе русскими Изманда; ужасная рѣзня.—Впечатлѣніе, произведенное этими событіями въ Лондонѣ и Берлинѣ.—Измѣненіе стремленій Фридриха-Вильгельма.—Онъ усваиваетъ другой планъ.—Веденіе переговоровъ поручается Бишофсвердеру.—Заявленія, сдѣланныя Франціи со стороны прусскаго короля.—Тайные виды Монморена; онъ отвергаетъ предложенія Пруссіи.—Фридрихъ-Вильгельмъ возвращается къ своимъ рейхенбахскимъ тяготѣніямъ.—Тайная политика Лепольда.—Отставка Герцберга.—Исторія циркуляра посланъ отъ 23 апрѣля 1791 г.—Дву-

февраля 1790 года она, посредством органа Шарля Ламета, выразилась слѣдующимъ образомъ:

«Арміи, созданныя для защиты народовъ, заняты лишь тѣмъ, что сдерживаютъ ихъ. Предназначенныя покровительствовать свободѣ, онѣ ее угнетаютъ; предназначенныя охранять права гражданина, онѣ ихъ насилуютъ. Если въ какомъ-нибудь уголку государства нѣсколько великодушныхъ людей безстрашно и энергично требуютъ естественныхъ правъ, — туда посылаютъ солдатъ. Слабые гнутся, мужественные гибнутъ и возстановляется порядокъ, то есть рабство. Живя въ центрѣ, я не скажу ихъ родины, но ихъ страны, подобно побѣдителямъ среди завоеванныхъ народовъ, офицеры и солдаты, слѣпья орудія воли начальника, заняты лишь поддержкою его славы, то есть его авторитета. Поступая на службу, они должны отказаться отъ самыхъ дорогихъ естественныхъ привязанностей. Ихъ религія заключается въ томъ, чтобъ не знать ни родителей, ни братьевъ, ни друзей, а только умѣть повиноваться» ¹⁾.

Нанси, которое до сихъ поръ не было какъ слѣдуетъ освѣщено и подробно никѣмъ не рассказано, музей предоставилъ намъ безчисленные и драгоценные матеріалы. Мы могли описать эту ужасную драму, имѣя передъ глазами журналы того времени и мемуары, единственные источники, изъ которыхъ почерпали свѣдѣнія авторы *Исторіи парламента*.

1) *Détail des évènements survenus à Nancy au régiment suisse de Lullin de Châteauvieux*, par le baron de Silis-Samade, major de ce régiment; 2) *Rélation exacte et impartiale de ce qui s'est passé à Nancy*, par Léonard; 3) *Précis des principaux évènements arrivés à Nancy publié par la municipalité de cette ville*; 4) *Rapport de Sillery à l'Assemblée nationale*; 5) *Rapport de Duvyrier et Cahier, commissaires nommés par le roi*; 6) *Reponse au rapport de M. M. les commissaires du roi sur les troubles de Nancy*; 7) *Lettre de M. Louvain Pescheloche en reponse à celle de M. Sillery, rapporteur de l'affaire de Nancy*; 8) *Ce qui m'est arrivé avant, pendant et après le transport armé de la garnison de Nancy à Lunéville*, par Journiac Saint-Meard; 9) *Nouveaux détails authentiques sur la marche de l'armée de Bouillé*; 10) *Récit des principaux faits arrivés à Nancy et auxquels la garde nationale de Metz a pris part*; 11) *Détail de l'affreuse révolte de la garnison de Nancy*; 12) *Détail des ravages, désordres et excès commis dans la ville de Nancy*; 13) *Dialogue entre deux citoyens sur l'affaire de Nancy*; 14) *Le sens commun du bonhomme Richard sur l'affaire de Nancy*; 15) *Extrait des registres des délibérations du département de la Meurthe*; 16) *Extrait du registre des délibérations de la municipalité de Nancy*; 17) *Lettre de M. de Bouillé à M. de La Tour-du-Pin, ministre de la guerre* и т. д. и т. д., не считая манускрипта о составѣ и духѣ арміи той эпохи, дающаго очень интересныя и драгоценныя подробности.

¹⁾ *Мониторъ*, засѣданіе 9-го февраля 1790 года.

сячь семьсотъ двадцать семь ливровъ; этимъ фактомъ и воспользовались солдаты»¹⁾).

Волненіе загорѣлось въ Лотарингіи, въ Нанси. Этотъ городъ— бывшая резиденція герцоговъ и Станислава Лещинскаго, сохранилъ нереволюціонныя традиціи. Герцогъ Леопольдъ далъ дворянству большія привилегіи. Муниципальный совѣтъ такъ открыто былъ противъ революціи, что еще въ апрѣлѣ 1790 года онъ объявилъ мятежнымъ рѣшеніе національной гвардіи относительно федераціи²⁾). Но, съ другой стороны, здѣсь, быть можетъ, больше, чѣмъ гдѣ-либо царилъ якобинскій духъ. Очагъ якобинцевъ въ Парижѣ имѣлъ здѣсь горячихъ сторонниковъ, могущество молодыхъ идей царило въ несвободныхъ еще классахъ, и солдаты составляли одно цѣлое съ народомъ.

Въ эту эпоху въ Нанси стояло три полка: одинъ кавалерійскій и два полка пѣхоты—Шатовьё и Королевскій.

Кавалерійскій полкъ былъ открыто на сторонѣ революціи. То же самое замѣчалось и среди швейцарцевъ Шатовьё, французовъ провинціи Ваагланда и Женевскаго озера, которые послѣ взятія Бастиліи отказались стрѣлять въ толпу и съ тѣхъ поръ были дороги партіи патриотовъ.

Что же касается до Королевскаго полка, то онъ принадлежалъ къ числу привилегированныхъ полковъ. Привилегіи его во всѣхъ отношеніяхъ были огромны и еще болѣе почетны, чѣмъ во французской гвардіи. Это былъ единственный полкъ, въ которомъ сохранилось четыре баталіона со времени раздѣленія полковъ графомъ Сенъ-Жерменомъ. Кромѣ ротныхъ командировъ, существовавшихъ тогда въ каждомъ полку, Королевскій полкъ имѣлъ еще четырехъ ротныхъ подпоручиковъ, что составляло группу въ двѣсти офицеровъ, половина изъ которыхъ не имѣла и двадцати одного года. Происходя изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій, они имѣли привилегію поступать капитаномъ или вторымъ майоромъ, подполковникомъ или даже полковникомъ въ какой угодно полкъ, какъ только достигали положеннаго для производства возраста³⁾).

¹⁾ *Révolution de Paris*, N° 57.

²⁾ *Rapports des comités, réunis militaire, des rapports et des recherches sur l'affaire de Nancy*, par Sillery, imprimé par ordre de L'Assemblée nationale, dans la *Bibliothèque historique de la Révolution*.—Nancy, 326, 7, 8. British museum.

³⁾ *Relation manuscrite de l'affaire de Nancy*.

Составъ солдатъ Королевскаго полка мало отличался отъ офицеровъ. Ихъ заставляли посѣщать курсы математики и фортификаціи, устроенные для офицеровъ. Эти преимущества и красивая форма привлекали въ Королевскій полкъ много молодыхъ людей изъ буржуазіи, между которыми встрѣчались очень богатые. По всему этому можно было думать, что этотъ полкъ вполне преданъ двору, и самъ дворъ это думалъ и былъ намѣренъ даже вызвать его въ Парижъ послѣ измѣны французской гвардіи¹⁾. Но какъ кавалерійскій, какъ полкъ Шатовьё, такъ и Королевскій полкъ не могъ не подвергнуться революціонной разразѣ. Въ сентябрѣ 1789 года въ Нанси появились темныя личности, которыхъ приняли за эмиссаровъ герцога Орлеанскаго; Теруанъ де Мерикуръ слѣдовала по ихъ стопамъ²⁾ и, какъ говорить, не безуспѣшно вела пропаганду среди солдатъ при помощи ласковыхъ взглядовъ и горячихъ рѣчей.

Несомнѣнно лишь то, что солдаты Королевскаго полка скоро начали выказывать неповиновеніе властямъ. Прошло всего нѣсколько недѣль со времени взятія Бастиліи, а они ужъ предъявили мятежныя требованія свободнаго ухода изъ казармъ и отмѣны четырехчасовой службы³⁾. Сначала офицеры отказали, потомъ уступили: это было необдуманной слабостью, первымъ колебаніемъ основъ дисциплины, которая исчезаетъ, если хоть на минуту перестаетъ быть безпомощной и неумолимой. Въ апрѣлѣ 1790 года—новый мятежъ. Солдаты воспротивились тому, чтобы подполковникъ Лоренци принялъ командованіе полкомъ, потому что это былъ непреклонный и суровый человекъ. Пришлось прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, и тридцать шесть солдатъ было уволено съ желтыми позорными билетами⁴⁾.

Къ несчастью, вмѣсто того, чтобы стараться предотвратить опасность, молодые офицеры какъ будто поставили себѣ цѣлью раздуть мятежъ. Они съ непростительнымъ легкомысліемъ говорили о *Декларациіи правъ*, какъ о паутинѣ, которую легко сместь⁵⁾. Когда въ Нанси была объявлена федерація, они сначала

¹⁾ *Relation manuscrite de l'affaire de Nancy.*

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ *Rapport de Sillery*, стр. 9.

⁴⁾ *Ibidem*, стр. 11.

⁵⁾ «Joung epaulettet men... do sniff openly... at our Rights of man, a sat newtaugled cobweb, which de brushed down again». Carlyle, *The French Révolution*, т. II, кн. II, гл. III, стр. 91. Второе изданіе.

появился, къ нему подошелъ гренадеръ, по фамилии Бургиньонъ, и надѣлъ на него колпакъ, на одной сторонѣ котораго было написано позорящее слово: *Искаріотъ*, а на другой: *Такъ честь наказываетъ низость*¹⁾. Затѣмъ его окружили, выстригли ему волосы, какъ капуцину, и выгнали²⁾. Три подстрекателя-офицера исчезли.

Между тѣмъ недоразумѣнія усложнялись, каждый день прибавлялъ какую-нибудь новую несправедливость и недовольство къ тому, что давно накопилося въ сердцахъ, и все въ общемъ состояніи умовъ принимало зловѣщую окраску. Собака одного солдата укусила лапу собакъ полковника, и бѣднаго солдата посадили въ тюрьму, предварительно убивъ на его глазахъ его собаку³⁾.

Въ Королевскомъ полку сформировался патриотическій комитетъ; офицеры дѣлали все возможное для его уничтоженія: они распускали о немъ низкія клеветы, обвиняли его учредителей въ военномъ бунтѣ и кончили тѣмъ, что послали девять лучшихъ стрѣлковъ провокаторами туда, гдѣ собирались члены комитета. Такъ, по крайней мѣрѣ, думали, потому что надо сознаться, что относительно этого нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Слышали только, какъ эти наемные убійцы говорили о деньгахъ, которыя они пропили въ кабацѣ, какъ объ ихъ общей собственности, и было выяснено, что одинъ изъ нихъ, послѣ федераціи, дрался съ гражданиномъ на другой же день послѣ того, какъ получилъ шесть ливровъ отъ майора Компьена⁴⁾.

Какія же преступленія совершилъ этотъ комитетъ, который офицеры поклялись уничтожить? «Мы имѣемъ передъ глазами,—говоритъ Сильери,—протоколъ засѣданій. Въ немъ замѣчается огромное уваженіе къ постановленіямъ Національнаго Собранія, пылкая любовь къ свободѣ и принципамъ чести, всегда руководившимъ этимъ храбрымъ полкомъ»⁵⁾. Правда, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обращается къ г-ну де-ла-Баливьеръ, прося, чтобы

¹⁾ *Histoire abrégée de la Révolution française*, par l'auteur de *l'Histoire du règne de Louis XVI*, т. I, часть II, стр. 51. Парижъ 1803 г.

²⁾ *Rapport de Sillery*, стр. 12.

³⁾ *Histoire abrégée de la Révolution*, par l'auteur de *l'Histoire du règne de Louis XVI* т. I, часть II, стр. 51.

⁴⁾ *Rapport de Sillery*, стр. 15.

⁵⁾ *Ibidem.*, стр. 13.

въ декретѣ, воспреещающемъ привилегированныя назначенія, было уничтожено назначеніе кадетъ-дворянъ на офицерскія мѣста; но это заявленіе, вполнѣ законное, *было сдѣлано въ самомъ уважительномъ тонѣ*¹⁾. Комитету приписывали также, что онъ возбудилъ въ Королевскомъ полку нетерпѣливое желаніе получить денежную отчетность; но развѣ въ этомъ не было ничего законнаго?

Авторъ имѣющагося у насъ въ рукахъ манускрипта, при всемъ его горячемъ желаніи оправдать несправедливости офицеровъ, не можетъ отрицать, что они дѣйствительно производили незаконные вычеты и что существовалъ беспорядокъ въ денежныхъ кассахъ. Онъ упрекаетъ солдатъ въ томъ, что они сгустили краски, но признается, что «въ ихъ требованіяхъ были нѣкоторыя основанія». Онъ не отрицаетъ также того, что офицеры прибѣгали къ предосудительнымъ поступкомъ для выполненія своихъ плановъ, на примѣръ подкупали сержантовъ, сѣяли между стрѣлками и гренадерами недовѣріе, ревность и ненависть²⁾.

Главный очагъ непокорности замѣчался среди гренадеръ, которыми управляли три человѣка: Помье, тогда еще простой, но очень развитой храбрый солдатъ, сдѣлавшійся впоследствии военнымъ комиссаромъ, Арналь, котораго ждало званіе старшаго офицера, и Бургиньонъ³⁾.

Этотъ послѣдній былъ особенно ненавистенъ властямъ. Однажды, когда онъ стоялъ на стражѣ у Королевскихъ воротъ, Монлюкъ, командовавшій этимъ постомъ, приказалъ солдатамъ, послѣ отбоя къ смѣнѣ, вернуться подъ колоннаду, окружавшую кордегардію. Бургиньонъ отказался. Хоть на приказы и давно перестали обращать вниманіе, но былъ отданъ формальный приказъ: Монлюкъ приказалъ, чтобъ Бургиньона отвели подъ арестъ. Рота гренадеръ отказалась повиноваться. Дену, военный губернаторъ города, оштрафовалъ эту роту. Тогда всѣ гренадерскія роты стали роптать: Дену оштрафовалъ всѣ роты. Полкъ принялъ сторону гренадеръ: Дену арестовалъ весь полкъ⁴⁾.

Свершилось—дисциплина погибла. Когда Дену пригласилъ

1) *Rapport de Sillery*, стр. 4.

2) *Manuscrit sur l'affaire de Nancy*.

3) *Ibidem*, стр. 4.

4) *Rapport de Sillery*, стр. 16.

призванной федераціей въ Нанси ¹⁾). Не на него ли, наконецъ, дворъ обращалъ взоры во всѣхъ своихъ планахъ бѣгства?

Другой, почти столь же неудачный, выборъ палъ на Мальсена. Этотъ офицеръ, которому дали деликатное порученіе провести въ Нанси декретъ 6-го августа, для чего онъ былъ вызванъ изъ Безансона, приобрѣлъ себѣ мрачную извѣстность. О немъ сложилась репутація, какъ о первомъ бойцѣ арміи, его мѣткая рука была къ услугамъ придирчиваго характера и властной, пылкой натуры. Еслибъ дѣло шло о раздуваніи пожара, который, наоборотъ, слѣдовало погасить, никто лучше него не сумѣлъ бы этого сдѣлать ²⁾). Этого ли хотѣлъ дворъ? И Лафайетъ, большой сторонникъ ³⁾) этого безумнаго выбора, не боялся ли потерять случай *нанести рѣшительный ударъ?*

Декретъ 6-го августа сталъ извѣстенъ въ Нанси 9-го, но лишь на бумагѣ, а такъ какъ солдаты желали покончить свои счета ранѣе официальнаго объявленія декрета, то волненія усилились. 10-го солдаты Королевскаго полка добились, что имъ выдали должную имъ сумму въ 150.000 ливровъ, что составило 73 ливра на человѣка. Позднѣе офицеры увѣряли, что эта сумма была у нихъ вырвана угрозой; это невѣрно,—объ этомъ свидѣтельствуется инструкція, писанная рукою одного изъ старшихъ офицеровъ полка въ рапортѣ королевскихъ комиссаровъ ⁴⁾). Не подлежитъ сомнѣнію, что эта раздача, по увѣренію Сильери, имѣла два печальныхъ слѣдствія; во-первыхъ, она дала возможность солдатамъ со стаканомъ въ рукѣ сблизиться съ разными провокаторами; во-вторыхъ, послужила примѣромъ для кавалерійскаго полка и полка Шатовѣ.

Дѣйствительно, 11-го швейцарцы послали къ майору двухъ депутатовъ изъ своей среды просить его, въ силу декретовъ Національнаго Собранія, ознакомить ихъ съ содержаніемъ кассы. Въ отвѣтъ на это они получили плети. Но по одному тому, какъ

¹⁾ *Histoire abrégée de la Révolution française*, par auteur de *l'Histoire du règne de Louis XVI*, т. 1, кн. II, стр. 59.

²⁾ *Le sens commun du bonhomme Richard sur l'affaire de Nancy*. Philadelphie, an II.

³⁾ См. письмо Булле, гдѣ онъ говоритъ, что выборъ Мальсена *очень приятенъ Національному Собранію*. *Mémoires du marquis de Bouillé*, гл. VII, стр. 136.

⁴⁾ См. рапортъ Дюверье и Кафе, королевскихъ комиссаровъ, въ *Bibliothèque historique de la Révolution*.—Nancy, 326—328.

18-го арестованные подали жалобу, а 19-го их перевели въ Инвалидный домъ, куда прибыли члены комитета для допроса ¹⁾. Молодой гренадеръ говорилъ отъ имени своихъ товарищей и какъ человѣкъ и какъ солдатъ. «Не среди офицеровъ,—сказалъ онъ— революція найдетъ своихъ настоящихъ защитниковъ. Дайте намъ образованіе; свѣтъ познаній уничтожитъ среди насъ пороки, которые не болѣе, какъ результатъ грубыхъ привычекъ и невѣжества; онъ разовьетъ въ насъ благородство, а благородство, руководящее арміей, будетъ самымъ лучшимъ генераломъ, самымъ искуснымъ полководцемъ. Мы бѣдны, но ваши декреты объявили, что всѣ люди равны въ правахъ и свободны» ²⁾).

Въ это время декретъ 16-го августа былъ полученъ въ Нанси. Его зарегистрировали и послали въ палаты, но по небрежности муниципальнаго совѣта, которая позднѣе вызвала по его адресу серьезные упреки, онъ не былъ ни объявленъ войскамъ, ни обнародованъ въ городѣ ³⁾. Когда солдаты его узнали, они скорѣе разсердились, чѣмъ испугались, принявъ его за униженіе, которое хотѣли имъ нанести въ глазахъ арміи ⁴⁾. Съ меньшей горечью узнали они и объ арестъ своихъ товарищей. Во всякомъ случаѣ, они были до такой степени сбиты съ толку, что, когда національная гвардія предложила имъ свое ходатайство, они охотно его приняли. Скоро привычка къ подчиненію до того взяла верхъ, что они даже подписали *актъ раскаянія*, въ которомъ «умоляли Національное Собраніе, короля и своихъ начальниковъ забыть тѣ заблужденія, въ которыя они могли впасть». Они обѣщали повиноваться впередъ правиламъ дисциплины, призывали снисходительность Національнаго Собранія къ нимъ самимъ и къ ихъ депутатамъ и въ очень почтительной формѣ просили вернуть ихъ.

Въ Парижѣ было рѣшено, что два изъ восьми арестованныхъ солдатъ поѣдутъ въ Нанси съ Пешелошемъ, чтобы предупредить всякое неправильное донесеніе. Пешелошъ со дня своего

¹⁾ *Lettre de Louvain-Pescheloché en réponse à celle de M. Sillery, rapporteur de l'affaire de Nancy*, p. 3 dans la *Bibliothèque historique de la Révolution*. Нанси, 326, 7, 8. Британскій музей.

²⁾ *Journal de révolutions de l'Europe*, т. XIII, стр. 18.

³⁾ *Panoptes Sillery*, стр. 22.

⁴⁾ *Lettre de Louvain-Pescheloché*, стр. 20.

пріѣзда встрѣтилъ въ войскахъ самый радушный пріемъ ¹⁾. Ему стоило сказать одно слово, чтобы впольнѣ всѣхъ успокоить. 22-го онъ былъ приглашенъ на завтракъ компаніей стрѣлковъ Королевскаго полка и былъ удивленъ и обрадованъ спокойнымъ настроеніемъ солдатъ. Ему предложили банкетъ съ музыкою и, что слѣдуетъ особенно отмѣтить, приглашенные пили за здоровье не только націи и короля, но и *офицеровъ* ²⁾. Въ тотъ же день Королевскій полкъ выбралъ двухъ людей изъ роты, чтобы дать ужинъ представителю парижской національной гвардіи, и этому послѣднему не стоило никакого труда достигнуть, чтобы они вернули въ складъ только что взятые ими 20,000 зарядовъ картечи, чтобы отдали обратно реестровыя книги, взятыя въ штабѣ, чтобы они не собирались больше на улицахъ съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы, наконецъ, они подчинились дисциплинѣ... ³⁾. Какъ видно, въ то время ласковымъ обращеніемъ можно было предотвратить ужасныя несчастія ⁴⁾.

Въ это время разнеслась вѣсть, предвѣщавшая мрачныя событія: Мальсэнь, страшный Мальсэнь былъ въ Нанси. Со своей обычной кичливостью, какъ будто его разбирало нетерпѣнье оправдать ужасъ, соединенный съ его именемъ, онъ направился прямо въ казармы швейцарцевъ и, предложивъ имъ изложить вкратцѣ ихъ требованія, рѣзко сталъ упрекать ихъ за поведеніе и оставилъ въ ихъ сердцахъ впечатлѣніе жестокой обиды ⁵⁾. Его увѣдомили объ этомъ, но сама опасность привлекала его, и онъ на другой же день одинъ явился въ казармы, съ нахмуреннымъ челомъ и мрачнымъ взглядомъ. Солдаты сами не впольнѣ сознавали, чего хотятъ. Въ ихъ рядахъ поднялась цѣлая буря разнорѣчивыхъ возгласовъ и неяснаго ропота. Но большинство кричало: *денегъ и пусть насъ судитъ генералъ!* Онъ подошелъ къ нимъ съ высоко поднятой головой, но его видъ напомнилъ имъ его вчерашнюю рѣчь, и они разразились упреками. Наиболѣе вспыльчивые кричали: *не выпускайте его!* И, дѣйствительно, когда

¹⁾ *Rapportъ Сильери*, стр. 23.

²⁾ *Lettre de Pescheloche*, стр. 7.

³⁾ *Ibidem*, стр. 9.

⁴⁾ *Histoire abrégée de la Révolution française*, par l'auteur de *l'Histoire du règne de Louis XVI*, т. I, вн. II, стр. 53.

⁵⁾ *Rapportъ Сильери*, стр. 25. — *Lettre de Pescheloche*, стр. 14. — *Détail des évènements etc.*, par Salis-Samadé, стр. 14.

увѣряли, что Булье съ нимъ заодно, и что наступила контръ-революція.

Въ самый разгаръ этихъ волненій и полного безучастія муниципальнаго совѣта, солдаты швейцарскаго полка разѣзжали по городу въ каретахъ, за ними слѣдовала несмѣтная толпа и при видѣ сорванныхъ ими красныхъ стору, которыми они размахивали, какъ кровавыми военными флагами, взрывы аилдисментовъ и хохота раздавались вдоль всего пути ¹⁾.

Мальсэнь исчезъ. Это неожиданное бѣгство, столь несовмѣстимое съ его непреклоннымъ характеромъ и неустрашимостью, могло быть лишь результатомъ кровавыхъ замысловъ. И дѣйствительно, впоследствии было дознано, что въ это самое время директорія департамента вела тайную переписку съ Булье ²⁾. Желали не мировой сдѣлки, а побѣды.

Народный инстинктъ не ошибался въ данномъ случаѣ. Странное обстоятельство подтвердило справедливость подозрѣній: парижская почта привезла № 337-й *Annales patriotiques et littéraires de France* и тамъ прочли: «Якобинцы получили извѣстие, что шпіоны, находящіеся на жалованьи у исполнительной власти, посланы въ разныя провинціи. Надо остерегаться!» Это таинственное оповѣщеніе, соединенное съ необъяснимымъ отбѣздомъ Мальсэня, смутило всѣхъ ³⁾. Солдаты вооружились, перестали слушать приказанія офицеровъ и на суровыя мѣры отвѣчали угрозами. Можно ли больше сомнѣваться? Этотъ неожиданный сборъ національной гвардіи возбудилъ въ войскахъ тревожный слухъ, что это дѣлается, чтобы лишить городъ обороны, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что австрійцы находятся на границѣ, а измѣнникъ Мальсэнь очевидно, намѣренъ съ ними соединиться ⁴⁾.

Забили тревогу; вытащили Дену изъ дома и раздѣтаго бросили въ тюрьму въ арестантскомъ халатѣ; нѣсколько офицеровъ, Сенъ-Соверъ, де Бальи, де-ла-Шотери, де-Босманъ, де Сенъ-Аньянь, де Розетти, были ранены, пытались защитить своего начальника; одного поручика, переодѣвагося женщиной, узнали въ этомъ костюмѣ, повлекли по улицамъ и только благодаря состраданію національной гвардіи онъ нашелъ пріютъ въ ра-

¹⁾ *Panopte Sillescu*, стр. 29.

²⁾ *Relation exacte et impartiale de ce qui s'est passé à Nancy*, Леонара, стр. 73.

³⁾ *Panopte Sillescu*, стр. 31.

⁴⁾ *Lettre de Pescheloche*, стр. 49.

лись за оружіе, всё, начиная съ офицеровъ и кончая стариками.

А Булье все приближался и приближался. 31-го между шестью и восемью часами утра онъ находился въ Фруарѣ, деревнѣ, отстоящей на разстояніи двухъ лье отъ Нанси. Съ ними были его сынъ Людовикъ де Булье и Гувернэ, сынъ военного министра¹⁾. Имѣлъ онъ всего три тысячи человекъ пѣхоты и тысячу четыреста коней, между тѣмъ какъ, по его собственному признанію, онъ предполагалъ, что ему придется сражаться, по крайней мѣрѣ, противъ десяти тысячъ человекъ²⁾. «Я не могъ льстить себя надеждой на успѣхъ»,—писалъ онъ впоследствии и прибавилъ: «Я слѣпо ввѣрялъ себя моей судьбѣ»³⁾.

Какая же тайна крылась въ такомъ необъяснимомъ поведеніи опытнаго военного? Онъ уступалъ, судя по его словамъ, злобному настроенію своихъ собственныхъ войскъ, расположенныхъ тогда подозрѣвать власти вообще, а его самого въ частности⁴⁾. Но какъ объяснить это озлобленіе его войскъ противъ войскъ Нанси, если онъ самъ не раздувалъ его? Какой смыслъ солдатамъ одного города идти убивать солдатъ другого города, когда у нихъ и общая вина и общій интересъ? Неужели Булье, думая, что его ожидаютъ десять тысячъ вооруженныхъ человекъ, въ довольно большомъ городѣ, поддерживаемыхъ возмущеннымъ народомъ, могъ идти противъ такой силы съ четырьмя тысячами человекъ, страсти которыхъ онъ не въ состояніи былъ сдержать и которые подозрѣвали его въ измѣнѣ? Серьезные писатели увѣряютъ, что Булье, видя спасеніе монархіи лишь въ гражданской войнѣ, хотѣлъ ея, хотѣлъ во что бы то ни стало. Они рассказываютъ, что онъ поставилъ во главѣ своей маленькой арміи національную гвардію, которая присоединилась къ нему въ надеждѣ на то, что горожане, не привыкшіе къ огню, не выдержатъ боя. Отсюда во всемъ королевствѣ среди національной гвардіи получилось чувство униженія, которое, безъ сомнѣнія, не замедлило бы перейти въ негодованіе; отсюда получилась неминуемая необходимость въ высшей сте-

¹⁾ *Nouveaux détails authentique sur la marche de l'armée de M. Bouillé, dans la Bibliothèque historique de la Révolution. Nancy, 326, 7, 8.* Британскій музей.

²⁾ *Mémoires de Bouillé*, тл. IX, стр. 149.

³⁾ *Ibidem*, стр. 153.

⁴⁾ *Ibidem*, стр. 153.

пени крайнихъ средствахъ; отсюда—общій безпорядокъ, смятеніе, гражданская война и, въ силу обстоятельствъ всего этого хаоса, спасеніе старой монархіи¹⁾.

Какъ бы то ни было, но депутація солдатъ, къ которой присоединились, перевязанные своими шарфами, муниципальные офицеры Герри, Дебурбъ и Николая, прибыла около полудня въ лагерь Булье. Булье далъ имъ аудіенцію на большомъ дворѣ, полномъ гренадеръ и національной гвардіи Меца²⁾. Въ ту минуту, какъ Дюмонтэ открылъ ротъ, чтобъ говорить, Булье перебилъ его слѣдующей грубой фразой: «*Я имѣю намѣреніе переколооть шпагой...*». Отъ этого начала зависѣлъ конецъ. Обернувшись къ своимъ, Булье спросилъ: «*Не таковы ли ваши намѣренія?*» Крикъ согласія былъ ему отвѣтомъ.—«Вы всегда были отцомъ солдата,—застѣнчиво произнесъ Дюмонтэ.—«Да, солдата покорнаго, но я покидаю солдата мятежнаго и вспоминаю о немъ лишь для того, чтобы наказать его по всей строгости законовъ»³⁾.

Тогда, на возвысившихъ голосъ военныхъ депутатовъ, солдаты Меца гнѣвно закирчали: «*Это негодли, это измѣнники, ихъ надо повѣсить!*»⁴⁾. «Ихъ надо повѣсить!»—повторили швейцарскіе солдаты полка Вижё, говоря о своихъ соотечественникахъ, солдатахъ полка Шатовьё,—мы теперь краснѣемъ за нашъ мундиръ, слишкомъ похожій на мундиръ этихъ разбойниковъ». И они вывернули обшлага⁵⁾. Муниципальные офицеры сослались на усталость, чтобъ не возвращаться въ Нанси⁶⁾. Они послали туда нижеслѣдующее письмо:

«Мы можемъ только сообщить вамъ намѣренія г. де Булье. Онъ требуетъ: чтобы гарнизонъ Нанси вышелъ изъ города подъ предводительствомъ господъ Мальсэня и Дену и чтобы по четыре человекъ отъ полка, признанныхъ вожаками мятежа, были тотчасъ же присланы въ Національное Собраніе и подвергнуты

¹⁾ *Histoire abrégée de la Révolution française*, автора *l'Histoire du règne de Louis XVI*, т. I, кн. II, стр. 60.

²⁾ *Mémoires de Bouillé*, гл. IX, стр. 150.

³⁾ *Extrait du registre des délibérations de la municipalité de Nancy*, стр. 48.

⁴⁾ *Mémoires de Bouillé*, гл. IX, стр. 151.

⁵⁾ *Extrait du registre des délibérations de la municipalité de Nancy*, стр. 48 и 49.

⁶⁾ *Ibidem*, стр. 49.

суду по всей строгости законовъ. Если полки будутъ упорствовать, то черезъ двадцать четыре часа послѣ прибытія депутатовъ онъ силою войдетъ въ Нанси и казнить всѣхъ, кого застанеть съ оружіемъ въ рукахъ»¹⁾).

Просить каждый полкъ выбрать по четыре человѣка для преданія ихъ палачу значило просить невозможнаго.

Было половина четвертаго, когда въ Нанси узнали содержаніе этого кроваваго письма. Послѣдовала новая депутація солдатъ. Булье призвалъ Гувернэ, продиктовалъ ему и подписалъ слѣдующій отвѣтъ: «Черезъ часъ господъ Мальсэнь и Дену покинуть городъ, равно какъ и три полка. Иначе я открою пушечную пальбу»²⁾. Въ то же время, онъ послалъ людей ознакомиться съ окрестностями Нанси, расположивъ пикеты гусаръ Лозена на ведущихъ къ нему дорогахъ³⁾).

Противъ всякаго ожиданія, въ городѣ воцарилось спокойствіе. Солдаты Королевскаго полка уже вернулись въ свои казармы, послушные приказаніямъ Булье; они ужъ послали другимъ полкамъ предложеніе слѣдовать ихъ примѣру и со всѣхъ устъ не сходило слово: *законъ! законъ!* Дену выпустили изъ тюрьмы, и вотъ, въ четыре часа, три полка вышли изъ города, чтобы построиться къ бою на равнинѣ, около моста Максвилъ, въ предмѣстьи Трехъ домовъ. Нѣкоторое недовѣріе еще не покидало ихъ, но надежда уже озарила всѣ лица и преобладало радостное настроеніе⁴⁾).

Въ Парижѣ тоже, повидимому, воцарился духъ примиренія. Въ этотъ же самый день, 31-го августа, почти въ тотъ же самый часъ, Національное Собраніе голосовало предложеніе Варнава послать войскамъ отеческую прокламацію, чтобы успокоить солдатъ торжественнымъ обѣщаніемъ безпристрастнаго рѣшенія. Напрасно Эммери просилъ Національное Собраніе одобрить то, что Булье *сдѣлалъ и раздѣлалъ*; напрасно конгръ-революціонеры обѣщались пуститься на крайности; напрасно Лафайетъ вошелъ на трибуну, чтобъ восхвалять своего двоюроднаго брата Булье,.. умиротворяющіе совѣты Котена, Робеспьера, Біоза и аббата Гуть

¹⁾ *Рапортъ Силлери*, стр. 50 и 51.

²⁾ *Ibidem*. Булье не былъ такъ точенъ въ своихъ мемуарахъ. См. гл. IX этихъ мемуаровъ, стр. 153.

³⁾ *Nouveaux détails authentiques arrivés de Metz, sur la marche de l'armée de Bouillé*, стр. 2.

⁴⁾ *Рапортъ Силлери*, стр. 53.

восторжествовали. Тутъ присутствовали депутаты національной гвардіи Нанси; Робеспьеръ предложилъ своимъ коллегамъ ихъ выслушать, и можно ли было въ этомъ отказать? Депутаты высказали, что проступки солдатъ преувеличены, а офицеровъ скрыты». «Насколько возстаніе опасно,—сказали они,—настолько же его легко и погасить мягкими и успокоительными средствами»¹⁾. Тутъ, даже контръ-революціонеры поняли, что если будутъ настаивать на гражданской войнѣ, то заслужатъ порицаніе. Барнаву было поручено составить мирную прокламацію и рѣшено было, что военная сила будетъ педчинена двумъ комиссарамъ, выбраннымъ Національнымъ Собраніемъ²⁾.

Увы, было уже слишкомъ поздно! Неумолимый Булье все приближался и, въ то время, когда Національное Собраніе голосовало успокоеніе Нанси, онъ ужъ подходилъ къ воротамъ этого несчастнаго города.

Мы видѣли, что солдаты покорились и вышли изъ Нанси... У городскихъ воротъ Станислава и Стенвила оставались только швейцарцы полка Шатовё да небольшое число національной гвардіи. Что слѣдовало сдѣлать для того, чтобъ избѣжать кровопролитія? Булье слѣдовало отложить свой вѣздъ въ городъ. Присоединившійся къ нему Дену умолялъ его сдѣлать это, онъ уналь даже передъ нимъ на колѣни, говоря, что беретъ на себя отвѣтственность за городъ³⁾. Но, нѣтъ; Булье хотѣлъ войти сейчасъ же, какъ триумфаторъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, судя по его поведенію, такъ какъ онъ не только отказался остановиться, но, вмѣсто того, чтобъ идти во главѣ своихъ людей, онъ отдалился отъ передней колонны и держался въ сторонѣ съ муниципальными офицерами и Мальсэнемъ, вышедшимъ ему на встрѣчу⁴⁾, покинувъ такимъ образомъ на волю случая, который слишкомъ легко было предвидѣть, швейцарцевъ полковъ Вижё и Шатовё, которыхъ они такъ жестоко оскорбили. Увѣренный въ своей побѣдѣ, Булье уже послалъ приготовить квартиры и приказалъ первой колоннѣ, которая

¹⁾ *Мониторъ*, засѣданіе 31-го августа.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Histoire abrégée de la Révolution française*, автора *l'Histoire du règne de Louis XVI*, т. I, кн. II, стр. 68.

⁴⁾ Это видно изъ протокола муниципальнаго совѣта Нанси и рассказа самого Булье.

должна была сначала прорваться въ ворота Станислава, войти прямо воротами Стенвиля.

Когда адъютантъ Булье, Родэ, явился съ этимъ приказомъ, одинъ изъ солдатъ національной гвардіи крикнулъ изъ-за воротъ: «*Кто идетъ?*» — *Друзь* — отвѣтилъ адъютантъ. — «Если вы друзья — уйдите». — Мы несемъ съ собой сюда порядокъ. Впередъ! Маршъ! ¹⁾. — При этихъ словахъ тѣ, которые защищали ворота Стенвиля, думая, что погибли, если уступятъ, были охвачены тѣмъ слѣпымъ бѣшенствомъ, которое внушается отчаяніемъ, и отдали приказъ стрѣлять изъ пушекъ. Тогда одинъ молодой офицеръ Королевскаго полка, по фамиліи Дизиль, бросился къ орудіямъ и, прикрывая ихъ своимъ тѣломъ, крикнулъ: «Нѣтъ, вы не будете стрѣлять!» Его схватили, откинули за орудія, но онъ съ геройскимъ упорствомъ снова сталъ передъ жерлами пушекъ, упалъ, сраженный четырьмя ружейными выстрѣлами и въ то время, когда другъ уносилъ его окровавленнаго на рукахъ, — раздался пушечный выстрѣлъ. Неизвѣстно, кто далъ выстрѣлъ, солдатъ ли Кавалерійскаго полка поджегъ фитиль выстрѣломъ изъ своего ружья, или швейцарскій солдатъ, котораго нашли затѣмъ среди мертвыхъ, съ еще горящей палкой въ рукахъ ²⁾.

Поднялся невообразимый гамъ, сливавшійся съ выстрѣлами; призракъ измѣны всталъ у всѣхъ передъ глазами; войска, вышедшія изъ города, возвратились въ него ускореннымъ маршемъ, полныя неувѣренности и отчаянія. Два офицера, Дангланъ и Бассиньякъ, съ великимъ трудомъ удержали Кавалерійскій полкъ ³⁾. Неувѣренные, взбѣшенные, разрываемые тысячею различныхъ чувствъ, солдаты Королевскаго полка вернулись на свои квартиры, съ сердцемъ, полнымъ тревогъ, а большая часть полка Шаговѣ поднялась въ крѣпость. Чтò могли сдѣлать защитники воротъ Стенвиля? Они были взяты, между тѣмъ какъ Булье, немедленно вернувшійся къ своимъ прежнимъ намѣреніямъ, дробилъ въ щепы пушечными выстрѣлами ворота Станислава ⁴⁾. Тогда началось жестокое кровопролитіе. Одна бѣдная женщина, по фамиліи Гумберъ, рискуя быть убитой, вылила кувшинъ воды на фитиль пушки и, такимъ образомъ,

¹⁾ *Nouveaux détails authentiques, arrivés de Metz, sur la marche de l'armée de M. Bouillé*, стр. 7.

²⁾ *Рапортъ Силлери*, стр. 57.

³⁾ *Ibidem*, стр. 58.

⁴⁾ *Ibidem*, стр. 58.

не дала послѣдовать выстрѣлу. Но человѣчество потеряло свое подобіе Божіе, такъ какъ пробилъ часъ гнѣва. Рѣшившись не погибнуть безъ отмщенья, защитники воротъ Стенвила разбрелись, но лишь для того, чтобъ продолжать борьбу. Одни забрались въ верхніе этажи домовъ и расположились въ окнахъ; другіе спустились въ погреба, чтобы стрѣлять оттуда по нападавшимъ; нѣкоторые, считая себя жертвами измѣны муниципальнаго совѣта, бросились въ залу ратуши... и остановились только при видѣ гражданина, упавшаго передъ ними на колѣни и простирающаго къ нимъ руки¹⁾. Но солдаты Булье не останавливались, нѣтъ! Мостовая улицъ была залита кровью; дома навсегда были запятнаны смертоубійствомъ; душили дѣтей, душили беременныхъ женщинъ²⁾. Въ семь часовъ вечера былъ восстановленъ порядокъ, но онъ воцарился на трехъ тысячахъ труповъ³⁾ и комиссары, посланные Національнымъ Собраніемъ, могли написать: «*Мы прибыли не въ городъ, а на кладбище*⁴⁾».

Наступило время холодной, обдуманной, неумолимой мести. Соединенные судьи полковъ Вижё и Кастеллы присудили тридцать два солдата полка Шатовё къ смерти и сорокъ одного къ галерамъ на тридцать лѣтъ⁵⁾. Въ отчетѣ они говорили: «Признавая неминуемую необходимость быстрого и суроваго правосудія, мы придерживались обычныхъ формъ»⁶⁾.

Многія изъ жертвъ запечатлѣли храбростью свой конецъ. Одинъ солдатъ полка Шатовё, по фамилии Совэ, крикнулъ въ минуту казни: «Булье каторжникъ. Позднѣ поймутъ его измѣну и нашу невинность. Я умираю: да здравствуетъ нація!»⁷⁾. Бутилье, поручикъ Королевскаго полка, защищая Нанси, получилъ смертельную рану. Когда его несли въ госпиталь, онъ сказалъ: «Нѣтъ, если я долженъ умереть, то пусть меня несутъ подъ знамена полка!»⁸⁾.

¹⁾ *Extrait du registre des délibérations de Nancy*, стр. 59.

²⁾ *Histoire abrégée de la Révolution française*, автора *l'Histoire du règne de Louis XVI*, т. I, вн. II, стр. 71.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ Эти комиссары были Дюверье и Каёе-де-Жервиль, прибывшіе 5-го сентября.

⁵⁾ *Rapport Силлеру*, стр. 62.

⁶⁾ *Histoire abrégée de la Révolution française*, автора *l'Histoire du règne de Louis XVI*, т. I, вн. II, стр. 71.

⁷⁾ *Ibidem*, стр. 83.

⁸⁾ *Ibidem*, стр. 77.

Увы, гражданскія побѣды ведутъ обыкновенно лишь къ реакціямъ. То, что слѣдовало за борьбой въ Нанси, долго еще имѣло ужасныя послѣдствія. Одинъ изъ лучшихъ хирурговъ полка Шатовѣ былъ приговоренъ къ галерамъ за то, что, перевязывая раненыхъ, сказалъ: «*Я не вижу буртовщика въ умирающемъ товарищѣ*»¹⁾. Всѣхъ сторонниковъ революціи преслѣдовали, какъ людей, руки которыхъ обогрены кровью; самыхъ уважаемыхъ гражданъ арестовывали. Малѣйшій поводъ, улыбка, жестъ... и это уже считалось преступленіемъ. Муниципальный совѣтъ надменно торжествовалъ: онъ разоружилъ національную гвардію; онъ закрылъ патріотическій клубъ; онъ допустилъ новый гарнизонъ держать себя, какъ побѣдоносную армію; онъ допустилъ публичное оскорбленіе женщинъ; онъ осмѣлился соединиться съ гражданскими чиновниками, чтобы испросить у Національнаго Собранія право инквизиторскаго, безапелляціоннаго суда²⁾. Закрытыя магазины, переполненныя тюрьмы, эмиграціи, эшафотъ—вотъ послѣдствія возстановленнаго порядка. Такъ плачущіе плачутъ втихомолку, боясь привлечь на себя вниманіе громкими рыданіями...

По полученіи перваго извѣстія о рѣзнѣ, Людовикъ XVI написалъ Національному Собранію письмо, въ которомъ поздравлялъ себя *съ миромъ, возстановленнымъ въ городѣ Нанси, благодаря твердости и прекрасному поведенію господина де Булье*, которому Національное Собраніе, со своей стороны, несмотря на Робеспьера, поторопилось послать поздравленіе. Что же касается Лафайета, то въ самый день рѣзни онъ послалъ королю тайное донесеніе, найденное впоследствии въ желѣзномъ шкафу.— «Если господинъ де Булье настолько счастливъ, что его армія послѣдуетъ за нимъ сегодня, то онъ все приведетъ въ порядокъ, *прежде чѣмъ комиссары будутъ въ состояніи ему помочь*»³⁾.

Парижскій муниципальный совѣтъ въ память погибшихъ, защищая порядокъ, какъ онъ выражался, устроилъ похоронное празднество и велѣлъ застлатъ чернымъ сукномъ огромное Марсово поле. Народъ собрался на торжество въ глубокомъ траурѣ и плакалъ... о побѣжденныхъ.

Наканунѣ Лустало умеръ отъ безнадежной любви,—да, отъ

¹⁾ *Histoire abrégée de la Révolution française*, автора *l'Histoire du règne de Louis XVI*, т. I, кн. II, стр. 83.

²⁾ *Rapportъ Силлеру*, стр. 63 и 64.

³⁾ *Mémoires de tous*, т. IV, стр. 127.

отбыли своего наказанія до конца—до такой степени измѣнчивы судьбы и волны! Позднѣе, они были освобождены и возвращены Національнымъ Собраніемъ, и Парижъ ихъ встрѣтилъ съ необычайнымъ энтузіазмомъ. Послѣ банкета, даннаго имъ яacobинцами, было рѣшено, что одна часть цѣпей, которыя они носили, будетъ повѣшена на потолокъ залы, а изъ другой выкуютъ оружіе противъ враговъ Франціи. Яcobинцы сдѣлали больше этого: они рѣшили носить красные колпаки, которыми хотѣли заклеить головы этихъ каторжниковъ, и скоро эти колпаки сдѣлались революціоннымъ уборомъ по всей Франціи¹⁾.

ГЛАВА III.

Восемьсотъ милліоновъ ассигнацій.

Упадокъ могущества Неккера; паденіе его популярности; пренебреженіе Національнаго Собранія; онъ удаляется; его арестъ въ Arcis-sur-Aube.—Неккеръ въ своемъ заточеніи.—Неккеръ передъ лицомъ исторіи.—Въ какомъ положеніи онъ оставилъ финансовыя дѣла.—Измѣнники сборщики податей; предложеніе Вернье.—*Казна не сможетъ уплатить сегодня вечеромъ*.—Двадцать первое письмо Мирабо двору: онъ предлагаетъ Клавьера въ министры финансовъ; характеристика Клавьера, сдѣланная Мирабо.—Споры по поводу второго выпуска ассигнацій.—Галейранъ—защитникъ ассигнацій.—Памфлетъ Дюпонъ де Немура.—Влестящая рѣчь Мирабо въ защиту второго выпуска ассигнацій.—По его предложенію выпускаютъ восемьсотъ милліоновъ ассигнацій, прибавленныхъ къ четыремъстамъ милліонамъ, выпущеннымъ раньше.—Важность этого крупнаго факта.

Есть какой-то злой геній, играющій судьбами выдающихся людей. Многимъ ли дано торжественно подняться до вершинъ исторіи, избѣжавъ до конца опасности быть свергнутымъ въ бездну?

Съ того самаго дня, когда Неккеръ, призванный изъ изгнанія голосомъ цѣлаго народа, осмѣлился въ рагушѣ сдѣлать въ пользу Безенваля попытку нравственнаго вліянія, которое онъ считалъ безграничнымъ, его возвышеніе съ каждой минутой близилось къ паденію. Скоро противъ его господства, котораго не могли долго вытерпѣть гордыя души, поднялась цѣлая армія журналистовъ, пасквилянтовъ, спорщиковъ, публичныхъ крикуновъ. Маратъ преслѣдовалъ его своими доносами, а Камилль Демуланъ своими болѣе острыми, чѣмъ стрѣлы, насмѣшками.

¹⁾ *Histoire abrégée de la Révolution française*, автора *l'Histoire du règne de Louis XVI*, т. I, кн. II, стр. 85, 87 и 93.

Онъ лично, въ стилѣ, какъ бы сотканномъ изъ вздоховъ, рассказывалъ въ послѣдствіи свою министерскую агонію¹⁾. Если для того, чтобъ оплатить муку и скоть, необходимые для существованія Парижа, если для того, чтобы уплатить жалованье толпѣ рабочихъ, которымъ благотворительныя работы давали пропитаніе, онъ старательно копилъ деньги, то эти старанія назывались барышничествомъ. Если эти же деньги переправлялись военными или морскими казначеями изъ Парижа на постройку порта въ Брестѣ или на жалованье войскамъ, его обвиняли въ томъ, что онъ потворствуетъ вывозу денегъ. Если онъ защищалъ права кредиторовъ графа Артуа, то, конечно, былъ тайнымъ союзникомъ графа. Если онъ не могъ удовлетворить въ опредѣленной суммѣ предъявленныхъ къ нему счетовъ, то хотѣлъ прикрыть какое-нибудь хищеніе. Наконецъ, покупку ржи за границей объясняли тѣмъ, что она тамъ очень дорога, или же желаніемъ привести въ исполненіе планъ преступной монополіи.

Къ довершенію несчастія, Неккеръ возстановилъ противъ себя Національное Собраніе. Разъ придя къ убѣжденію въ несостоятельности финансовыхъ операцій министра, котораго оно раньше признавало за геніальнаго спасителя, оно, завладѣвъ при помощи своихъ административныхъ комитетовъ финансами, желало сдѣлать изъ Неккера послушнаго приказчика. Это униженіе побудило его держать себя еще болѣе надменно; онъ далъ нѣсколько объясненій, нѣсколько совѣтовъ; онъ говорилъ съ этими калифами на часъ языкомъ, въ которомъ не было и тѣни лести. Но такъ какъ его считали безпомощнымъ, то отказались выслушивать его рѣзкости и заносчивость²⁾.

Съ другой стороны, дворъ питалъ къ нему глубокую ненависть; что же касается короля... но не все ли равно, любилъ его король или нѣтъ?

Подъ тяжестью такого положенія вещей онъ впалъ въ отчаяніе и трижды, въ разное время, предупреждалъ Національное Собраніе о своемъ скоромъ уходѣ, ссылаясь на разстроенное здоровье. Онъ ожидалъ проявленія хоть какого-либо участія: холодный пріемъ, встрѣтившій эти заявленія, доказалъ ему

¹⁾ *Sur l'administration de M. Necker, par lui-même*, стр. 408 и слѣдующія.

²⁾ См. жалобы Неккера по этому поводу въ его книгѣ, озаглавленной *Sur l'administration de M. Necker*, стр. 407—409.

унадокъ его могущества, и когда 4-го сентября 1790 года, на другой день послѣ мятежа, выгнавшего его изъ его дома, онъ доложилъ Національному Собранію о своемъ намѣреніи удалиться въ деревню, то въ залѣ царило глубокое молчаніе и присутствующіе, подчеркивая свое презрѣніе, перешли къ очереднымъ дѣламъ ¹⁾). Неккеръ понялъ, что все кончено, что ему остается лишь живымъ спуститься въ могилу.

Онъ уѣхалъ 8-го сентября въ сопровожденіи своей жены и нѣсколькихъ слугъ, оставивъ въ Парижѣ больную дочь ²⁾, ту дочь, которая сдѣлалась мадамъ де Сталь. Онъ похожъ былъ на бѣглеца и къ нему и относились, какъ къ бѣглецу. Въ Arcis-sur-Aube, когда онъ остановился отдохнуть на нѣсколько минутъ на почтовой станціи, онъ вдругъ услышалъ ревъ толпы; ворвавшись въ его комнату, нѣсколько вооруженныхъ людей потребовали, чтобъ онъ показалъ паспорта. У него ихъ было три и особый билетъ отъ короля; онъ ихъ показалъ, но этого оказалось недостаточно и между цѣлымъ рядомъ стрѣлковъ, онъ и его жена, должны были прослѣдовать въ гостиницу, гдѣ они, въ качествѣ плѣнниковъ, должны были ждать, чтобы Національное Собраніе, которому тотчасъ же написали, рѣшило ихъ судьбу ³⁾). Тамъ, въ этомъ самомъ мѣстѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Неккера принимали съ обожаніемъ! Національное Собраніе очень холодно и сухо отвѣтило, что онъ можетъ свободно продолжать свой путь, и онъ, съ разбитымъ сердцемъ, обвиняя и свою судьбу и людей, поѣхалъ въ заключеніе, изъ котораго писалъ впослѣдствіи ⁴⁾): «Иногда у подножья этихъ горъ, куда меня забросила неблагодарность представителей коммунъ, и въ минуты, когда я слышу, какъ свирѣпыя порывы вѣтра стараются поколебать мой пріютъ, я говорю, какъ король Лиръ: «Войте, бѣшено войте, буйные вѣтры; я не обвиняю васъ въ неблагодарности; я не называю васъ моими дѣтьми, вы не подвластны мнѣ» ⁵⁾).

Когда Неккеръ былъ министромъ, онъ выказалъ всѣ до-

¹⁾ *Sur l'administration de M. Necker, par lui-même*, стр. 425.

²⁾ *M-me de Staël, Considerations sur les principaux évènements de la Révolution française*, ч. II, гл. XVIII.

³⁾ *Sur l'administration de M. Necker, par lui-même*, стр. 426 и 427.

⁴⁾ *Ibidem*, стр. 406.

⁵⁾ «Blow winds, rage blow, I tax not you, you, elements, of unkindness; I called not you, my children, I never gave you kingdom».

добно ему, отказались бы отъ жизни, еслибъ вы были осуждены на хлѣбъ и на воду!»¹⁾). Узнавъ о томъ, что нѣкоторые называютъ Мирабо замѣстителемъ Неккера, Маратъ говорилъ: «Это значило бы перейти изъ огня да въ полымя... Что можетъ быть хуже, какъ поручить неблагоразумному расточителю государственное имущество?»²⁾). По поводу одного декрета Национальнаго Собранія, установившаго, что на пуговицахъ мундира національной гвардіи будетъ изображена корона съ такими словами: *Законъ и король*, Маратъ возражалъ: «Почему отсутствуетъ слово *нація*? Король есть только первый слуга націи»³⁾).

Лафайетъ, имѣвшій свою долю въ этомъ потокѣ нападокъ, потерялъ, наконецъ, терпѣніе; противъ Марата была организована ночная экспедиція; сбирь ратуши проникли въ его домъ и сдѣлали обыскъ; однако, ночной обыскъ нѣкой госпожи Менье, распространявшей газету *Другъ народа*⁴⁾, оказался безрезультатнымъ, а на другой день Марата, слова котораго слышались всюду, но которой какъ бы нигдѣ лично не дѣйствовали, предметъ привѣтствовали, какъ непобѣдимаго.

Кто бы могъ подумать, что и во Французской комедіи были свои волненія? Съ нѣкотораго времени признаки анархіи появились за кулисами и оттуда проникли на сцену...

Но здѣсь надо уступить мѣсто словамъ самого Камилля Демулэна, потому что трудно лишить себя удовольствія воспроизвести его прекрасный рассказъ.

«Чтобы напасть на вѣрные слѣды.. и привлечь чѣмъ-нибудь вниманье парижанъ, я, подобно Алкивиаду, обрѣзалъ хвостъ у моей собаки или, вѣрнѣе, поставилъ себѣ задачей измѣнить во Французской комедіи силы патріотовъ и аристократовъ столицы. Вамъ извѣстно, что, когда слишкомъ строгіе законы послужили къ возмущенію народа, Августъ усмирилъ возстаніе, выдавъ народу актера Пилада, съ которымъ труппа актеровъ Мецената не пожелала имѣть больше ничего общаго. Судя по этому о вліяніи актеровъ, я принялъ это за основную точку моего плана правильнаго представленія о контръ-революціи: надо имѣть на моей сторонѣ Французскую комедію.

«Было несвоевременно составлять репертуаръ во вкусѣ ари-

1) Письмо *de l'Ami du peuple à Necker*, dans le *Journal de Marat*, № 214.

2) *L'Ami du peuple*, № 214.

3) *Ibidem*, № 215.

4) *L'Orateur du peuple*, т. I, № 36.

конта де Мирабо, считалъ своей обязанностью брать приступомъ трибуны¹⁾, то Казалесъ, охваченный бѣшенствомъ, бросался на президента, показывая ему кулаки, между тѣмъ какъ въ общемъ порывѣ, но среди гробового молчанія, большинство членовъ снимало шляпы передъ президентомъ въ знакъ огорченія и уваженія²⁾. «*Мирабо говоритъ, какъ каторжникъ и убійца!*» — крикнулъ, однажды, въ разгарѣ засѣданія, депутатъ по фамилии Гильерми; эта неслыханная дерзость возмугила Національное Собраніе, и виновный подвергся аресту на тридцать шесть часовъ въ своемъ домѣ³⁾.

Въ другой разъ, старшій братъ этого самаго Мирабо, которому напомнили о порядкѣ за двѣ грубыхъ клеветы по адресу Робеспьера, завладѣлъ трибуной, рѣзко оттолкнулъ своихъ противниковъ и обозвалъ ихъ подлецами. Можно себѣ представить, какіе крики бѣшенства, какую бурю поднялъ этотъ фактъ! Одни хотѣли, чтобы брата Мирабо изгнали изъ Національнаго Собранія на всю сессію; другіе — чтобъ его изгнали окончательно и безвозвратно; третьи, съ насмѣшливой и жестокой снисходительностью, предлагали, чтобъ ему позволили присутствовать только *на постобъединныхъ засѣданіяхъ*. Предсѣдательствовавшій на засѣданіи Мену рѣшилъ просто его простить, принимая во вниманіе, что онъ *вышелъ изъ себя* и слѣдовательно не хотѣлъ оскорбить Національное Собраніе⁴⁾.

Во Франціи, почти всегда, въ ссорахъ играетъ роль великодушіе. Мы рассказывали, какъ однажды Барнава оскорбилъ Казалесъ, и какія это имѣло послѣдствія: въ свою очередь Мирабо, Редереръ, Мену, Рабо-Сентъ-Этьенъ, Бернаръ, Гаффинъ, Шарль Ламетъ подвергались провокаціи членовъ правой стороны, союзу наемныхъ убійцъ, какъ говорили негодующіе патриоты⁵⁾. Эта кровожадная ненависть особенно сказывалась на Ламетѣ. 11-го ноября молодой офицеръ кавалерійскаго полка, Шовиньи де Бло, вызвалъ Шарля Ламета въ пріемную Національнаго Собранія и сказалъ голосомъ, въ которомъ слышалась угроза: — «Это вы, милостивый государь, развратили кавалерійскій полкъ, вы толкнули его на мятежъ. Я имѣлъ честь слу-

¹⁾ *L'Orateur du peuple*, т. I, № 36.

²⁾ *Bègue de Louis XVI*, т. VI, § 23. Парижъ, 1791 г.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *Ibidem*.

При этомъ извѣстїи встрепенулся весь Парижъ и заволновались предмѣстья. Пронесся упорный слухъ о томъ, что шпага Кастріе была отравлена, и это еще болѣе возбудило народное негодованье. Въ *Actes des apôtres* была напечатана слѣдующая эпиграмма:

Идетъ большой споръ:
Отравлена ли шпага
Господина Кастріе?
Я утверждаю, что да... но послѣ дуэли ¹⁾.

Но то, что возбуждало злобную радость въ однихъ, вызывало крики бѣшенства въ другихъ. Рѣшившись покончить разъ навсегда съ этими систематическими дуэлями, народъ бросился къ дому побѣдителя съ намѣреніемъ разрушить его до основанія. «Но этотъ домъ не принадлежитъ ему», крикнулъ кто-то. При этихъ словахъ народъ измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшилъ, что месть должна пасть на одного Кастріе; толпа ворвалась въ его квартиру и уничтожила и поломала все: мебель, постели, зеркала, картины. Но вотъ портретъ короля... «Остановитесь,—сказалъ одинъ гражданинъ,—король неприкосновененъ». И портретъ избѣгъ общей участи,—его съ уваженіемъ перенесли въ ратушу ²⁾.

Прибылъ Лафайетъ на своей бѣлой лошади, но очень поздно, и встрѣтилъ полуулыбкой этотъ народный судъ. «Онъ всѣмъ очень любезно раскланялся,—разсказываетъ Прюдомъ въ своей газетѣ,—и велѣлъ опустить ружья» ³⁾. Народъ понялъ, что первый же воръ будетъ повѣшенъ на площади, и когда расходились, каждый разстегивалъ куртку, обнажалъ грудь и выворачивалъ карманы ⁴⁾. Вечеромъ въ Пале-Рояль одинъ изъ гуляющихъ защищалъ Кастріе и его чуть не бросили въ прудъ ⁵⁾: это было послѣднее проявленіе народнаго раздраженія.

Національное Собраніе слишкомъ поздно узнало объ этомъ; только на другой день вечеромъ, 13-го ноября, прибыла депутация отъ батальона Бонъ-Нуvielъ, посланная просить декрета противъ дуэлей. Когда аплодировали Фромантену, докладчикъ

¹⁾ *Cimée dans l'Histoire parlementaire*, т. VIII, стр. 61.

²⁾ *Règne de Louis XVI*, т. VI, § 23.

³⁾ *Révolutions de Paris*, № 70.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *Ibidem*.

отношеніе къ поведенію народа. При другихъ обстоятельствахъ я не высказался бы такъ ясно. Это было причиною того, что мнѣ напомнили о порядкѣ. Нѣсколько подобныхъ сценъ окончательно подорвали бы довѣріе къ Національному Собранію, и если то, что я поставилъ имъ на видъ, можно назвать невпнымъ коварствомъ, то дворъ не можетъ относиться ко мнѣ съ подозрѣніемъ. Вторая часть рѣчи не опаснѣе первой. Не для того, чтобы оправдать, но для того-чтобы извинить народъ, я очень ясно подчеркнул то религиозное уваженіе къ портрету короля, которое выказали даже мятежники. Въ то время, когда вся ненависть великой націи къ министрамъ превращается въ клеветы о дворѣ, гораздо существеннѣе, чѣмъ думаютъ, дать понять провинціямъ, что даже при возстаніи народъ не смѣшиваетъ своихъ враговъ съ монархомъ. Якобинцы, видѣ всякаго сомнѣнія, вычеркнули бы этотъ параграфъ изъ моей рѣчи» ¹⁾).

Вотъ какими лицемѣрными доводами долженъ былъ Мирабо замѣять скандалъ, вызванный его безразсудствомъ. Но глазъ народа не проникалъ во всѣ эти тайны; Мирабо не лишился популярности благодаря своей геніальности, и въ тотъ же вечеръ, когда онъ писалъ вышеприведенное постыдное письмо, обманутый имъ народъ, во время представленія *Брута*, встрѣтилъ его настоящимъ триумфомъ ²⁾).

Что же касается Шарля Ламета, рана котораго, къ счастью, оказалась не смертельной, то онъ оказался предметомъ по-истинѣ трогательнаго сочувствія публики. Нѣсколько батальоновъ парижской арміи послали къ нему депутатовъ, одинъ изъ которыхъ выразился такъ: «Храбрый Ламетъ, наши товарищи послали насъ къ тебѣ, чтобы засвидѣтельствовать ихъ участіе къ твоему здоровью. Они страдали за твою побѣду; суди же самъ, какъ они оплакиваютъ твое несчастье». Сторонники конституціи въ Шербургѣ писали ему: «Всѣ патріоты ранены твоею раною. Это первое огорченіе, причиненное имъ тобою: думаемъ, что оно будетъ послѣднимъ» ³⁾).

Разсказъ о министерскомъ кризисѣ, тянувшемся уже два мѣсяца и, наконецъ, разрѣшившемся, пополнить картину всѣхъ этихъ волненій. Почти тотчасъ же послѣ кровопролігія въ

¹⁾ Сорокъ второе письмо Мирабо двору. Переписка между графомъ Мирабо и графомъ де Ла Маркь, стр. 336, 337 и 338.

²⁾ См. *Мониторъ* 19-го ноября 1790 года.

³⁾ *Règne de Louis XVI*, т. VI, § 23.

скомъ монастырѣ, на Шассе д'Антэнъ, покончилъ свое безполезное существованіе. Умѣренные издавали пережившую ихъ газету, которая служила какъ бы не органомъ ихъ, а духовнымъ завѣщаніемъ.

За этой смѣлой попыткой послѣдовала другая, съ такимъ же успѣхомъ. Послѣ знаменитаго предложенія дома Жерля, правые рѣшились устроить въ Калупинскомъ монастырѣ нѣчто въ родѣ публичныхъ лекцій, на которыя народъ повалилъ толпами... но для того, чтобы освистать ораторовъ. Этимъ дѣло не кончилось. Пресса засыпала несчастныхъ учредителей насмѣлками въ стихахъ и въ прозѣ¹⁾.

¹⁾ Вотъ образецъ этихъ не особенно деликатныхъ нападокъ:

Pauvres abbés, chers calotin,
On vous a pris votre péculé,
Vos domaines et vos catins.
La perte est, ma foi, peu commune.
Pauvres abbés, que je vous plains!
Partez pour l'Inde ou pour la lune,
Mais n'allez pas au Capucins*).

(Бѣдные аббаты, милые безумцы, у васъ отняли ваши деньги, помѣстья и продажныхъ женщинъ. Потеря, право, не малая. Бѣдные аббаты, какъ я васъ сожалею! Отправляйтесь лучше въ Индію или на луну, но не ходите къ калупинамъ).

На это Маршанъ отвѣтилъ въ роялистской газетѣ *Chronique du Manège*:

Il est deux partis dans la France:
L'un a fixé sa résidence
Aux Jacobins,
Et l'autre, errant dans cette ville,
Pent avoir à peine un asile
Aux Capucins.
L'un voudrait de la Rome antique
Parodier la République,
Aus Jacobins,
L'autre, aimant le pouvoir unique
Tient beaucoup pour le monarchique,
Aux Capucins.
Tous sont égaux, laquais et maîtres,
Duc et barbiers, catins et prêtres,
Aux Jacobins;

*) *L'Observateur*.

чается въ всемірномъ единеніи, Боневиль пропогандироваль пантеизмъ:

L'esprit divinisé se conçoit, s'éternise,
Remonte vers les cieux, par les cieux aimanté¹⁾
L'homme est Dieu... Connais-toi! Dieu, c'est la verité.

(Божественный духъ зарождается, увѣковѣчивается, возносится къ небесамъ, привлекаемый небесами. Человѣкъ есть Богъ... Познай себя! Богъ есть истина).

Характерной чертою *Общественнаго кружка* было то, что принимаемая въ него женщины ратовали за права своего пола, протестовали противъ учрежденій и нравовъ, которые часто дѣлають изъ брака постыдную торговлю и изъ любви—обманъ. Обращаться къ революціи съ просьбой поднять права матери, жены и возлюбленной было, конечно, достойной ея челобитной!²⁾

Нужно ли говорить больше, чтобъ показать разницу, существовавшую между *клубомъ якобинцевъ* и *Общественнымъ кружкомъ*? Насколько первый отличался политической независимостью, революціонной энергической дѣятельностью, настолько второй превосходилъ его широтою взглядовъ, философской смѣлостью, научными идеями, обдуманностью будущаго. Но въ циркѣ Палэ-Рояля говорили о преимуществахъ мира, когда всюду загоралась война; въ немъ затрогивали глубины общества, когда на его поверхности тысячи недобрыхъ силъ привлекали взоры и будили безпокойство. Поэтому вполнѣ понятно, что первенствующее вліяніе принадлежало *клубу якобинцевъ*, который, дѣйствительно больше отвѣчалъ и потребностямъ и заботамъ дня. Съ другой стороны для многихъ Вольтеръ продолжалъ оставаться первымъ проповѣдникомъ революціи, и когда Клодь Фоме уноминалъ это великое имя, невольно вспоминали, что Фоме — ораторъ, въ сущности,—проповѣдникъ. Этимъ объясняются нападки, направленные противъ *Общественнаго кружка* и Анахарсисомъ Клопомъ и редакторами *Révolutions de Paris* и очень искренними, очень рѣшительными патріотами, которые вовсе не желали, чтобъ трогали ихъ идола—фернейскаго отшельника.

¹⁾ *Bouche de fer*, № XIV.

²⁾ См. въ *Bouche de fer*, рѣчь г-жи Пальмъ д'Альдерсъ, прочитанную въ кружкѣ однимъ изъ секретарей 3 января 1791 года.

бандистскихъ судовъ, захваченныхъ испанцами у западнаго берега Америки¹⁾.

Такимъ образомъ, вступивъ на престолъ, Леопольдъ очутился какъ бы въ центрѣ пожара и лицомъ къ лицу съ безчисленными затрудненіями. Турки потерпѣли страшные удары, но и сами нанесли удары очень сильные. Вѣдомые на смертной бой и къ славѣ неукротимымъ старцемъ Гассаномъ-Али, желавшимъ уготовать себѣ мѣсто на небѣ, а на землѣ приобрѣсть незабвенное во вѣкъ имя, они проявляли изумительную рѣшимость, которая была какъ бы начертана на ихъ черномъ форменномъ одѣяніи²⁾. Другимъ—и весьма серьезнымъ—предметомъ заботъ не могла не быть для Леопольда Пруссія, сплошь вооруженная и объята пыломъ недавняго соперничества. Мало того, развѣ не казалось, что вокругъ него и подъ нимъ австрійская монархія находится наканунѣ распаденія на части. Горько жаловалась Венгрія, объята была броженіемъ Чехія, а Брабантъ уже провозгласилъ свою независимость³⁾. Правда, на лицо былъ союзъ съ Россіей; но можно было опасаться, что у Россіи, атакванной, съ одной стороны, Швеціей, съ другой—Турціей, тревожимой Англією и революціей въ Польшѣ, вскорѣ окажется достаточно своихъ собственныхъ дѣлъ.

Леопольдъ проявилъ много твердости, осторожности и хладнокровія, чтобы преодолѣть это трудное положеніе. Это былъ государь серьезный, сдержанный, молчаливый, владѣвшій собою даже въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ; правя вначалѣ малымъ государствомъ—тѣмъ, гдѣ когда-то писалъ Маккиавели—онъ научился тамъ въ тиши искусству управлять людьми. Ему предстояло вернуть Нидерланды, успокоить недовольство другихъ провинцій, избѣгнуть все болѣе и болѣе разорительныхъ послѣдствій войны въ Левантѣ и добиться своего избранія въ римскіе короли: онъ понималъ, что цѣною успѣха должно быть быстрое примиреніе съ Пруссіей. Впрочемъ, къ этому примиренію побуждало его рѣшительно все: его истощенная казна,

¹⁾ Louis-Philippe de Ségur, *Tableau historique et politique de l'Europe*, t. I, chap. VIII, p. 284. Paris. 1803.

²⁾ «Selim's troops were clad in black, to denote their readiness to meet death in defense of their cause» (Войска Селима были одѣты въ черное, въ видѣ указанія на ихъ готовность встрѣтить смерть при защитѣ ихъ дѣла). *Annual Register*, vol. XXXIII, chap. I, p. 2.

³⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'État*, t. I, p. 80 et 81.

утомленные войска, возмущившіеся подданные, когда, къ тому же, послѣдовала смерть славнаго фельдмаршала Лаулона, что было бѣдствіемъ, которое вызвало въ австрійской арміи бѣльшій упадокъ духа, чѣмъ какой вызвали бы три проигранныя сраженія¹⁾.

Но былъ ли для сближенія между вѣнскимъ и берлинскимъ дворами какой-нибудь предлогъ, который Леопольдъ могъ бы выставить съ расчетомъ обоюдной выгоды? Да, былъ, и поводомъ къ союзу являлся интересъ, который короли имѣли къ тому, чтобы, отрекшись отъ своихъ разногласій, прекратить свои ссоры въ виду общаго врага—французской революціи.

На этомъ всесильномъ соображеніи Леопольдъ и излагалъ свои доводы прусскому королю, которые были дѣятельно поддержаны передъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ царедворцами этого государя, монархистскими *иллюминистами*, особенно Бишофсвердеромъ. Люди при берлинскомъ дворѣ, ненавидѣвшіе Гертцберга, завидовавшіе ему, горѣвшіе желаніемъ занять его мѣсто, «обослѣли» монарха; они представили ему слѣдующее:

Что Гертцбергъ приноситъ счастье Пруссіи въ жертву блеску, а ея истинные интересы—блестящимъ призракамъ; что самъ великій полководецъ Фридрихъ не разъ раскаявался въ томъ, что уступалъ совѣтамъ его честолюбія; что союзъ съ Англійей ненадеженъ; что турки съ минуты на минуту могутъ заключить миръ; что, кромѣ того, пора возможно скорѣе положить конецъ неисчислимой опасности провозглашенныхъ во Франціи новыхъ принциповъ, какъ слишкомъ ясно доказываетъ федерація на Марсовомъ полѣ, гдѣ была публично принята, какъ наглый вызовъ, брошенный королямъ,—мнимая депутація патриотовъ всѣхъ странъ²⁾.

Соображенія эти были одобрены Фридрихомъ-Вильгельмомъ, котораго, къ тому же, искушала слава выступить въ Европѣ посредникомъ. Конфиденціальному уполномоченному князя Кауница, барону Шпильману, было поручено войти въ тайные переговоры съ соперникомъ руководящаго министра, генераломъ Бишофсвердеромъ; Леопольдъ, вступивъ въ дѣло непосредственно, открылъ оживленную переписку съ прусскимъ королемъ, и въ короткое время дѣло было доведено до того, что въ

¹⁾ Louis-Philippe de Ségur. *Tableau historique et politique de l'Europe*, t. I, chap. VIII, p. 290.

²⁾ *Ibidem*, t. 1, p. 293 et 294.

дипломатомъ, маркизомъ Мутье ¹⁾. Фридрихъ-Вильгельмъ съ особенною благосклонностью принялъ бригаднаго генерала Эмана (Neumann), рекомендованнаго ему Людвигомъ XVI, и съ каждымъ днемъ все щедрѣе оказывалъ ему знаки вниманія.

Да и какъ могли, впрочемъ, иностранные государи не поддаться чувству глубокаго ужаса, когда въ брошюрахъ, подписанныхъ внушительными именами и обильно распространявшихся по всей Европѣ, Франція изображалась передъ ними въ видѣ цирка дикихъ звѣрей? Развѣ Калоннѣ, укрывшійся со времени своего паденія въ Лондонѣ, не преслѣдовалъ революцію своими выкладками, каждая цифра которыхъ являлась оскорбленіемъ? Развѣ Мунье не бѣжалъ отъ Собранія совершенно такъ же, какъ бѣжалъ бы отъ мрачной норы? А Лилли-Толлендаль, этотъ стонавшій сообщникъ бѣгства Мунье,—не изобразилъ ли онъ, въ своемъ второмъ письмѣ къ избирателямъ, октябрьскія событія, пышное плѣненіе Людовика XVI и участь королевы въ такомъ видѣ, который долженъ былъ вселить въ сердца всѣхъ государей жалость, смѣшанную съ негодованіемъ ²⁾?

Лалли этимъ не ограничился. Второе письмо къ его избирателямъ, помѣченное Невшателемъ, было опубликовано въ январѣ 1790 г., а 1-го ноября того же года онъ выпустилъ въ Женевѣ свою пресловутую брошюру *Quintius Capitolinus aux Romains*. Сдѣлавъ восторженный обзоръ процвѣтанія и силъ Франціи былыхъ временъ, онъ говорилъ: «Нынѣ, когда свобода должна бы была возвести ее въ послѣдній періодъ человѣческаго величія, эта самая Франція не можетъ съ безопасностью ни пустить въ море судно, ни выставить въ поле войска. Ея адмиралы отказываются служить ей, генералы ея въ изгнаніи, лицъ, ведущихъ отъ ея имени переговоры, едва терпятъ, торговля ея уничтожена, на подданныхъ ея всюду смотрятъ съ боязнью, ужасомъ или состраданіемъ, завистники оскорбляютъ ее, враги заранѣе ее пожираютъ ³⁾.

Но что въ томъ, что Франція была унижена, ослаблена, что революція заставляла ее лишиться послѣдняго солдата, послѣдняго матроса, послѣдняго эяку? Для того, чтобы вооружить коро-

¹⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'État*, t. I, p. 92.

²⁾ См. это письмо въ *Bibliothèque historique de la Révolution*, гдѣ оно напечатано подъ заглавіемъ *Mémoire du comte de Lally-Tollendal*. Lally-Tollendal, p. 329, 330. British Museum.

³⁾ *Ibid.* Quintius Capitolinus aux Romains, p. 26.

Никогда не бывало памфлета, который был бы до такой степени пропитанъ ядомъ и который, рядомъ съ удивительно краснорѣчивыми страницами, заключалъ бы въ себѣ столько прискорбныхъ яростныхъ выходовъ, а рядомъ съ несомнѣнными истинами—самыя грубыя ошибки. Искренній—какъ мы думаемъ—въ своей ненависти, но ослѣпленный ею, Бёркъ, повидимому, считаетъ французскую революцію не болѣе какъ чудовищнымъ припадкомъ безумія, безпредѣльною оргіей, въ которой вмѣсто вина льется кровь, нагроможденіемъ безумныхъ поступковъ и ужасовъ, которымъ до тѣхъ поръ не бывало на свѣтѣ примѣра. Восторженный поклонникъ Маріи-Антуанеты, онъ то превозносить ее, называя лучезарною звѣздой, то—вслѣдъ за Лалли-Толендалемъ и подобно ему—очерчиваетъ ее словами: «Почти зарѣзанная королева»¹⁾. Онъ съ удовольствіемъ приводитъ и усваиваетъ самъ слова «вертепъ людоѣдовъ», примѣненные Лалли-Толендалемъ къ Національному Собранію²⁾. Онъ высказываетъ сожалѣніе по поводу того, что Людовикъ XVI недостаточно походитъ на Генриха IV, который всегда умѣлъ сочетать съ мягкими рѣчами твердый образъ дѣйствій и не стѣснялся проливать кровь своихъ противниковъ—часто на полѣ сраженія, а иногда на эшафотѣ³⁾. Крайній хранитель дворянскаго сословія, уничтоженіе котораго онъ оплакиваетъ, заявляя, что сословіе это совершенно неповинно въ вѣковомъ угнетеніи, грубой спеси и грабежѣ; неумѣренный защитникъ духовенства, роль котораго, въ силу пошлаго и кощунственнаго смѣшенія, онъ сливаетъ съ ролью Бога, авторъ приравниваетъ народную массу къ скопищу *свиней*, топчущихъ ногами какъ дворянство и духовенство, такъ и своего естественнаго покровителя—знаніе⁴⁾. Въ одной изъ проповѣдей, которая вызвала въ Англии живое возбужденіе, Прайсъ въ восторженномъ тонѣ говорилъ о томъ зрѣлищѣ, какое представляетъ неограниченный монархъ, вынужденный сдаться своимъ подданнымъ; а Бёркъ возвраще-

1) *Mémoire on the life and character of the Right hon. Edmund Burke*, p. 364.

2) *Reflections on the Revolution in France*, p. 109. London, MDCCXC.

3) *Ibid.*, p. 110.

4) «Frodden down under the hoofs of swinish multitude».—Биографъ Бёрка приводитъ эту фразу и извиняетъ ее, сознаваясь, однако, что она произвела скандалъ. См. *Mémoire on the life and character of the Right hon. Edmund Burke*, by James Prior, chap. XI, p. 369.

императоромъ и пріобрѣвши съ тѣхъ поръ свободу привести въ движеніе значительную часть своихъ силъ, онъ двинулъ австрійскія войска на Брюссель.

Тамъ все было въ полномъ разстройствѣ. Народъ, дворяне и духовенство, вполне согласные между собою въ ту пору, когда дѣло шло о завоеваніи независимости страны, раскололись на слѣдующій же день послѣ ея завоеванія. Дворянство и духовенство пожелали воспользоваться одержанною надъ Австрією побѣдой для закрѣпленія своихъ привилегій; демократы же подняли крикъ о свободѣ и равенствѣ, всюду разносившійся отголоскомъ изъ Парижа, и изъ этихъ противоположныхъ стремленій возникла ожесточенная борьба, которая не могла не оказаться гибельною для народа въ такой странѣ, гдѣ господствовало суевѣріе. Мы видѣли ¹⁾, какой ударъ былъ нанесенъ конгрессомъ демократіи въ лицѣ генерала Вандермерша: беспорядокъ возросталъ; дворяне, которымъ помогало въ этомъ духовенство, не краснѣя натравливали на истинно-демократическую партію бунтарскую демагогію и подонки городовъ ²⁾; умами овладѣли отвращеніе, тревога; многіе, утомившись настоящимъ и боясь темнаго будущаго, стали сожалѣть о прошломъ, и Леопольдъ ловко воспользовался на эти сожалѣнія посредствомъ воззванія, въ которомъ обѣщалъ уважать всѣ права, предать забвенію ошибки и уврачевать всѣ раны. Конгрессъ, когда почувствовалъ себя накануне гибели, тщетно пытался снова зажечь то одушевленіе первыхъ минутъ, огонь котораго былъ имъ же самимъ погашенъ: общее истощеніе было очевидно и непоправимо. А между тѣмъ на Брюссель двигался австрійскій генераль Бендеръ! Прежде чѣмъ вступить туда силою, онъ отправилъ въ конгрессъ посланіе, назначая ему срокъ, по истеченіи котораго грозилъ покончить съ городомъ: «Если вы вынудите меня надѣть сапоги—писалъ онъ—клянусь, что не сниму ихъ до тѣхъ поръ, пока не выгоню васъ изъ Нидерландовъ» ³⁾. Конгрессъ не

¹⁾ Въ четвертомъ томѣ настоящаго сочиненія, въ главѣ «Неспособность конгресса-революціи».

²⁾ См. *Tableau historique et politique de l'Europe*, par M. de Ségur, t. I, chap. VIII, p. 279 и *Annual Register*, vol. XXIII, chap. III, p. 58.

³⁾ «Assuring them, and confirming it by an oath, that if, at the expiration of that term, they obliged him to draw on his boots he would not take them off again, until he had chased them out of the Netherlands». *Annual Register*, vol. XXXIII, chap. III, p. 63.

зями съ принцемъ Конде, герцогомъ Бурбонскимъ, графомъ д'Артуа¹⁾. Когда Барнавъ по этому поводу потребовалъ, чтобы бѣглымъ французамъ, состоящимъ чиновниками или на жалованьи, было приказано либо вернуться, либо отказаться отъ получаемыхъ пенсій и содержанія, Казалесъ сказалъ: «Вы предлагаете вызвать принцевъ обратно; но будутъ ли они въ безопасности въ этомъ королевствѣ?» А Мори, выйдя на средину зала, воскликнулъ: «Кто желаетъ застраховать мнѣ мою жизнь?»²⁾.

Прискорбное происшествіе, случившееся 24 января 1791 г. въ Шапельѣ, еще болѣе усилило подозрѣнія. Наемные стрѣлки, набранные для вооруженныхъ дѣйствій противъ контрабандистовъ, разгромили жилище одного гражданина, изранили его и дали на улицѣ нѣчто вродѣ сраженія національной гвардіи съ мэромъ во главѣ, при чемъ на мостовой пало нѣсколько жертвъ, въ томъ числѣ и женщинъ³⁾. Не было никакихъ доказательствъ того, чтобы эта дикая выходка находилась въ связи съ выполнениемъ какого нибудь контръ-революціоннаго и роялистскаго плана; но въ глазахъ толпы все легко получало этотъ характеръ, и когда Камиллъ Демуленъ писалъ; «Цѣль аристократовъ—вызвать бойню въ Васси»⁴⁾, онъ былъ вполне увѣренъ, что ему повѣрятъ на слово.

И какой же строгій надзоръ былъ установленъ на дорогахъ! «Говорили, будто жена короля замышляла бѣжать, переодѣвшись жокеемъ: теперь жокею невозможно тронуться въ путь безъ того чтобы отъ него не потребовали такихъ же доказательствъ, какія пришлось бы предъявить, чтобы стать папою, со времени приключенія съ Іоанномъ VIII...⁵⁾, а съ тѣхъ поръ, какъ нѣкій журналистъ разсказалъ, что Людовика XVI хотѣли заставить бѣжать переодѣтымъ въ фельяна, горе бѣднымъ странствующимъ монахамъ, если они немного полного тѣлосложенія!»⁶⁾

¹⁾ Докладъ Вуаделя въ засѣданіи 20 декабря 1790 г.

²⁾ Buchez et Roux, *Histoire parlementaire*, t. VIII, p. 273.

³⁾ Протоколъ членовъ городского управленія и именитыхъ гражданъ города Шапель-Сенъ-Дени.

⁴⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 62 (Въ Васси, какъ извѣстно, герцогомъ Гизомъ произведено было въ 1562 г. массовое избіеніе протестантовъ, послужившее сигналомъ къ революціоннымъ войнамъ, свирѣпствовавшимъ во Франціи въ концѣ XVI в.—Примѣч. переводчика).

⁵⁾ Намекъ на Іоанну изъ Майнца, будто бы занимавшую въ теченіе двухъ лѣтъ папскій престолъ послѣ папы Льва IV (855 г.).—Примѣч. переводчика.

⁶⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 64.

кинжала¹⁾. На заданные ему вопросы онъ отвѣчалъ довольно темно, и затѣмъ быстро распространился слухъ, что хотѣли убить короля. По словамъ аристократовъ, разнесшихъ этотъ слухъ, не было никакого сомнѣнія, что убійцу изрыгнули изъ своей среды якобинцы; одни говорили, что это братъ Барнава, другіе утверждали, что это Мену²⁾. Около трехсотъ дворянъ тотчасъ-же вооружились кинжалами или пистолетами, поспѣшно явились во дворецъ, наполнили собою комнаты и поклялись умереть, чтобы спасти короля. Это было какъ разъ въ тотъ часъ, когда Лафайетъ, возвращаясь изъ Венсена, вѣзжалъ въ Парижъ. Ему доложили объ оскорбленіи, нанесенномъ національной гвардіи, какъ естественной охранѣ жизни монарха, и онъ въ негодованіи поскакалъ въ Тюильри. Онъ добился отъ Людовика XVI формальнаго повелѣнія его защитникамъ-офицерамъ сложить свое оружіе на двухъ большихъ столахъ, поставленныхъ въ пріемной. Они повиновались; но, чтобы выйти изъ апартаментовъ, они были вынуждены проходить между двумя рядами національныхъ гвардейцевъ, и тутъ были освистаны, побиты и оскорбительнымъ образомъ обысканы³⁾. Нѣкоторые изъ нихъ оказали сопротивленіе. Богарне младшій заявилъ, что его обыщутъ не иначе, какъ мертвымъ, и гвардейцы, тронутые достоинствомъ, съ которымъ онъ показалъ свое мужество, оставили его свободнымъ⁴⁾. Другимъ менѣе посчастливилось съ ихъ протестами: ихъ повалили наземъ и топтали ногами⁵⁾. Арестованы были д'Эпремениль, Фрондвиль, д'Агу, Бертье-Совиньи⁶⁾.

Этотъ эпизодъ привелъ въ восторгъ народъ, который и прозвалъ побѣжденных «кавалерами кинжала».

Маратъ, котораго удовлетворить было не такъ легко, выразилъ свирѣпое сожалѣніе: «Казалось, само Небо взяло на себя задачу собрать черный рой заговорщиковъ подъ оружіе гренадеровъ; послѣдніе имѣли право перебить ихъ, и могли сдѣлать это безнаказанно. Истинные друзья свободы будутъ всегда жалѣть о томъ, что они упустили такой благопріятный случай,

¹⁾ *Règne de Louis XVI*, t. VI, § 27.

²⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 66.

³⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. IX, p. 246.

⁴⁾ *Règne de Louis XVI*, t. VI, § 27.

⁵⁾ *Ibid.*

⁶⁾ L'abbé de Montgaillard, *Histoire de France*, t. II, p. 286.

который никогда не встрѣтится вновь. Особенно неутѣшенъ по этому поводу Другъ народа»¹⁾. Въ сущности, Марата терзало опасеніе, чтобы подобные наносимые кстати удары не вернули Лафайету популярности: дѣло въ томъ, что довѣріе къ этому генералу со дня на день падало, и Марата начиналъ уже предвидѣть осуществленіе самаго дорогого изъ его предсказаній: «Еще двѣ бутылки чернилъ—и я опрокину божественнаго Мотье».

Вечеромъ состоялось большое засѣданіе въ клубѣ якобинцевъ. Туда отправились Ламеты, въ надеждѣ отмстить Мирабо, бросить ему обратно полученныя отъ него униженія, раздавить его. Настроеніе умовъ было бурное и различныя событія дня оживали въ глазахъ всѣхъ въ причудливо-преображенномъ грозными толкованіями видѣ. Говорили, и многіе тому вѣрили, будто составленъ безобразный заговоръ, цѣлью котораго является истребленіе якобинцевъ; будто подавленный Лафайетомъ венсенскій мятежъ былъ организованъ имъ же самимъ, съ цѣлью разжечь страсти въ Парижѣ и создать поводъ къ избіенію патріотовъ, на-подобіе бойни Варооломеевой ночи; будто вторженіе во дворецъ было частью этого мрачнаго замысла, который и былъ бы приведенъ въ исполненіе, если бы Собраніе высказалось противъ якобинцевъ путемъ простого отклоненія закона противъ эмиграціи; но такъ какъ обстоятельства случайно сложились въ ихъ пользу, то пришлось, будто бы, измѣнить планъ; будто этимъ и объясняется крайнее негодование, *притворно проявленное* Лафайетомъ по отношенію къ «кавалерамъ кинжала», будто, кромѣ того, такая искусная тактика, слишкомъ превышавшая умственныя способности Лафайета, могла быть дѣломъ одного только человѣка, именно... *Макиавелли-Мирабо*²⁾. Дѣйствительно, не онъ ли говорилъ о необходимости покончить съ «бунтарями всѣхъ партій»? и не причислялъ ли онъ мысленно якобинцевъ къ подлежащимъ истребленію «бунтарямъ»?

Мирабо предупредила. Онъ зналъ, что возбудилъ противъ себя непримиримую ненависть. Да какъ и могъ онъ сомнѣваться въ этомъ? Въ тотъ самый вечеръ ему нанесено было самое кровное оскорбленіе; въ тотъ самый вечеръ д'Эгиллонъ, у котораго его ожидали къ обѣду вмѣстѣ съ двѣнадцатю сотоварищами, захлопнулъ передъ нимъ дверь!³⁾ И онъ, намекая на

¹⁾ *L'Ami du peuple*, № 394.

²⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 66.

³⁾ *Ibidem*.

надменнѣ, почти оскорбителенъ для слушателей: Мирабо сошелъ съ трибуны среди молчанія, къ которому онъ не привыкъ. Затѣмъ всталъ Александръ Ламетъ.

Если вѣрить Камиллу Демулену, онъ былъ *высокъ*—высокъ выраженіемъ лица, странною тѣлодвиженіемъ и огнемъ взора въ такой же мѣрѣ, какъ и рѣчью. «Мирабо, сѣвшій около него, былъ уже не Геркулесомъ-Мирабо: казалось, что Ламетъ вырвалъ у него его жезлъ». И въ самомъ дѣлѣ, ничто не можетъ быть живѣе, проникновеннѣе, ничто не можетъ прямѣе мѣтить въ сердце врага, чѣмъ рѣчь Александра Ламета, въ томъ видѣ, въ какомъ она передана въ *Révolutions de France et de Brabant*. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ нея: «О, насъ здѣсь уже не *тридцать*; насъ *сто пятьдесятъ* человѣкъ, сто пятьдесятъ членовъ Національнаго Собранія, мы его истинная сила.—Почему мы сегодня утромъ молчали? Потому, что контръ-революція называетъ якобинцевъ «бунтарями»;» потому, что г. Мирабо очень хотѣлось бы истребить этихъ «бунтарей», мы же не хотѣли попасть въ ловушку, поставленную нагіотамъ организаторами мятежей,—тѣми, кто велитъ бить въ барабанъ!.. Для насъ, г. Мирабо, важно вотъ что: сдѣлать такъ, чтобы васъ узнали: какимъ бы геніемъ ни обладали измѣнники, бояться ихъ уже нечего, разъ ихъ знаютъ.—«*Главарии общественнаго мнѣнія!*» Какая наглость! Повидимому, существуютъ *рабы общественнаго мнѣнія!* О, да вѣдь это несчастіе для народа, что такіе люди, какъ Мерлэнъ, Мюгэ, Вернье, Ревбель, Пріёръ, Робеспьеръ не состоятъ *главарями общественнаго мнѣнія*—эти люди, которые никогда не измѣняли народу!—Я не принадлежу къ числу тѣхъ, кто считаетъ столь необходимымъ не отчаяваться въ г. Мирабо. Неужели вы думаете, что если бы его не было среди насъ, то онъ былъ бы опаснѣе, чѣмъ Казалесъ, чѣмъ Мори? Пусть же онъ исключитъ себя изъ этого общества, если ему угодно! Сила его здѣсь; пусть онъ уйдетъ—и онъ лишится ея.—Но онъ это хорошо знаетъ!—Подождите, вы услышите отъ него увѣренія въ его неизмѣнной любви къ свободѣ. Я предполагаю, что онъ скажетъ вамъ, что никогда не требовалъ права *veto* для короля, что онъ не хотѣлъ предоставлять ему чудовищное право объявленія мира и войны! онъ будетъ отрицать то, что всякому изъ насъ извѣстно... Но рѣчи г. Мирабо минуютъ, а протоколы Собранія останутся».

Во время этой ужасной обвинительной рѣчи, произнесенной

щее человѣку уже по одному тому, что онъ человѣкъ, ряду предупредительныхъ условій, становящихся еще болѣе отвратительными вслѣдствіе неизбѣжно произвольной оцѣнки, значило вступать на путь системы проскрипцій, долженствовавшей постепенно распространиться—и, увы, распространившейся—на стариковъ, женщинъ, дѣтей.

И потомъ, не вело ли это рѣшеніе частнаго вопроса объ эмиграціи къ другой, болѣе общей и поистинѣ зловѣщей теоріи? Въ засѣданіи 24-го февраля, когда Мирабо спросилъ, существуетъ ли законъ, который воспрещалъ бы теткамъ короля уѣхать изъ королевства, нѣкій безвѣстный членъ Собранія отвѣтилъ: «Да, *благо народа*» ¹⁾. Но зналъ ли человѣкъ, произнесшій эти слова, что наступитъ день—а онъ былъ уже недалекъ—когда они отдадутся звукомъ удара топора? Не будемъ торопиться пройти мимо этого. Есть слова, которыя, будучи дурно истолкованы, губятъ цѣлыя царства; есть формулы, въ которыхъ кроется больше убійствъ, чѣмъ въ сотнѣ пушекъ, снаряженныхъ картечью; есть ошибки, полныя крови! Кто осмѣлился бы поклясться, что во Франціи, въ близкомъ будущемъ, жизнь нѣсколькихъ тысячъ людей не будетъ зависѣть отъ того толкованія, которое будетъ дано трагическимъ словамъ: верховный законъ—*благо народа*?

Надо согласиться: на первый взглядъ подлежащая здѣсь рѣшенію задача приводитъ совѣсть въ изумленіе.

Какъ! общественный интересъ, всеобщая безопасность, состояніе государства, быть можетъ даже существованіе націи—вотъ что потребовали бы отъ насъ принести въ жертву соображеніямъ второстепенной важности? Справедливо ли же и можетъ ли когда-либо быть справедливымъ, чтобы отвлеченное понятіе взяло верхъ надъ реальностью, часть надъ цѣлымъ, и чтобы ради охраны одного члена давали погибнуть всему тѣлу? Такъ говорили Ламеты въ Собраніи, а Камилль Демуленъ и Маратъ—въ печати.

Однако, если подъ предлогомъ общественнаго блага вы подвергаете ostracismуThemistocle, если вы ссылаете навсегда семью дурного государя, если вы поднимаете руку на невиннаго, потому что онъ кажется вамъ опаснымъ—гдѣ будетъ моральная бусоль вселенной? Гдѣ будетъ убѣжище отъ несправедливости, внезапно ставшей справедливостью въ силу *блага народа*, понятаго такъ или иначе и произвольно истолкован-

¹⁾ *Révolutions de France et Brabant*, № 66.

разлагаетъ»¹⁾. Сидѣлкѣ же онъ сказалъ: «О чемъ ты плачешь? что тебѣ за дѣло до моей славы? что тебѣ до газетчика, выкрикивающегоъ вечеромъ на улицахъ: *великое предложеніе Мирабо*»²⁾).

Страшный часъ близился! Вскорѣ лицо Мирабо обратилось въ лицо трупа. И именно тогда онъ сталъ высокъ сердцемъ и помысломъ, какъ будто съ разрушеніемъ земной оболочки прекратилось въ немъ сліяніе нравственной нечистоты съ величіемъ безсмертной души. Онъ пожелалъ видѣть около себя—возможно ближе къ себѣ—тѣхъ, кто былъ ему дорогъ, поручить бѣдныхъ изъ нихъ заботамъ тѣхъ, которые были богаты; онъ всѣхъ утѣшалъ и, пока могъ еще говорить, бесѣдовалъ съ ними о славѣ, о будущемъ, объ отечествѣ, о свободѣ. На что ему былъ officialный посредникъ между Высшимъ Существомъ и имъ самимъ? Единственнымъ духовнымъ лицомъ, которое онъ принялъ, былъ епископъ отѣнскій; ему онъ поручилъ прочесть съ трибуны написанную имъ рѣчь о завѣщаніяхъ. Его озабочивала Англія; онъ отлично сознавалъ, что тамъ образуется предвѣщающая бурю черная точка. «Этотъ Питтъ — сказалъ онъ — является министромъ подготовительныхъ дѣйствій. Онъ править, скорѣе, помощью того, чѣмъ угрожаетъ, нежели посредствомъ того, что дѣлаетъ. Если бы я еще пожилъ, я надѣлалъ бы ему огорченій»³⁾. Если бы я еще пожилъ! Онъ, въ самомъ дѣлѣ, считалъ свое существованіе какъ бы прекратившимся, и было замѣчено, что въ послѣдніе два дня онъ говорилъ о своей жизни только въ прошедшемъ времени!⁴⁾

Утромъ 2 апрѣля онъ велѣлъ открыть окна и твердымъ голосомъ сказалъ своему врачу: «Другъ мой, сегодня я умру. Когда доходишь до этого, то остается сдѣлать только одно: надушиться, надѣть вѣнокъ цвѣтовъ и окружить себя музыкой, чтобы пріятно впасть въ сонъ, отъ котораго уже не просыпаются». Солнце сіяло. Онъ прибавилъ: «Если это не Богъ, то, по крайней мѣрѣ, его двоюродный братъ». Затѣмъ онъ попросилъ позвать графа Ла Марка и, вложивъ въ его руку руку Фрошѣ, сказалъ: «Завѣщаю его вашей дружбѣ». Потомъ онъ лишился языка и только слабыми знаками сталъ

¹⁾ Cabanis, *Journal de la maladie et de la mort de Mirabeau*, p. 51.

²⁾ *Chronique de Paris*, № 93.

³⁾ Cabanis, *Journal de la maladie et de la mort de Mirabeau*, p. 53.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 54.

и осыпанную брилліантами шкатулку; что когда Мирабо велѣлъ потребовать отъ него ключи, а тотъ дать ихъ не могъ, то умирающій самъ послалъ за стражей; что въ ту минуту, когда дверь была взломана, Конъ крикнулъ: «*Свѣтъ, ты озаряешь великаго негодяя!*»; что затѣмъ онъ захотѣлъ лишить себя жизни, и что ключи, которыхъ тщательно искали, найдены были въ золѣ камина.

Такова была версія, распространенная газетою *Chronique de Paris* ¹⁾, а Камиллъ Демуленъ опредѣленно говоритъ въ № 72 своей газеты: «Никто не оспариваетъ того, что, когда стража вошла къ секретарю Мирабо, онъ вскрикнулъ: «*Свѣтъ, ты озаряешь великаго негодяя*» ²⁾.

Отсюда масса всякихъ соображеній, въ которыхъ нашло себѣ мѣсто и предположеніе объ отравѣ. Но кто же виновные? По обыкновенію, противныя партіи винили одна другую.

«Мирабо—разсказываетъ одинъ писатель, находившійся въ связи съ его семьею—Мирабо, казалось, хотѣлъ въ свои послѣднія минуты высказать тѣ подозрѣнія, которыя внушало ему его состояніе; но, съ трудомъ выговоривъ нѣсколько словъ, онъ остановился и сказалъ: «Что мнѣ за дѣло! около меня не одна св...». И тотъ, кого онъ, повидимому, разумѣлъ, былъ потомъ секретаремъ поэта Руше, человѣка, котораго можно было обидѣть, но который никогда никого не обманулъ, и вотъ что я слышалъ отъ него, какъ слышалъ вышеприведенныя подробности отъ самой семьи: «Такъ какъ нѣкоторыя противорѣчивыя заявленія возбудили во мнѣ подозрѣнія относительно характера этого негодяя, то однажды я, затворивъ дверь моего кабинета, сказалъ ему и притомъ съ такою живостью, что онъ поблѣднѣлъ: Отъ чего умеръ Мирабо?—Отъ яда.—Кто далъ его ему?—Я.—Кто его доставилъ?—Братья Л...—Пошелъ, уродъ! Бѣги! я не хочу быть причиной твоей казни, но не попадайся мнѣ на глаза» ³⁾.

Подобный разсказъ, основанный на самомъ неправдоподобномъ изъ признаній и въ такой полной степени опровергаемый характеромъ обличаемыхъ въ немъ лицъ, не можетъ найти вѣры со стороны исторіи; но въ немъ мы находимъ постоянный

¹⁾ № 94.

²⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 72.

³⁾ *Mémoires secrets de 1770 à 1830, par le comte d'Allonville*, t. II, chap. X, p. 191. Bruxelles, 1838.

отголосокъ ходившихъ въ ту пору страшныхъ слуховъ. Ибо достоверно, что винили братьевъ Ламетовъ, и не всѣ роялисты сочили себя вынужденными быть настолько же справедливыми, какъ Ферьеръ, который, хотя и былъ врагомъ якобинцевъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ отвергаетъ нелѣпую клевету, преслѣдовавшую тогда двоихъ изъ ихъ вожаковъ: «Якобинцы могли употребить столько другихъ средствъ, что имъ не было никакой надобности прибѣгать къ яду»¹⁾).

Что касается двора, то съ его стороны отравленіе Мирабо было бы не только преступленіемъ, но и безуміемъ. Какой интересъ могъ онъ имѣть въ смерти того человѣка, который, готовясь испустить духъ, воскликнулъ съ горечью: «*Я уношу съ собою трауръ по монархіи, обломки которой станутъ добычей бунтовщиковъ?*»²⁾).

Между тѣмъ, весь Парижъ въ движеніи, желая отдать покойному царскія почести. Департаментъ, муниципалитетъ, многія другія административныя учрежденія наложили на себя восьмидневный трауръ; депутація отъ сорока восьми секцій потребовала наложенія общественнаго траура, какъ при большихъ національныхъ бѣдствіяхъ³⁾; клубъ якобинцевъ постановилъ присутствовать на похоронахъ въ полномъ составѣ и, наконецъ, 4-го апрѣля, Собраніе, забѣгая впередъ, декретировало, что отнынѣ мѣстомъ погребенія великихъ людей будетъ служить церковь св. Женевьевы, что Мирабо признается достойнымъ этой почести и что надъ фронтономъ церкви будутъ высѣчены слова: *Великимъ людямъ благодарное отечество*.

Нашлось всего только три оппозиціонныхъ голоса, именно д'Эпремениля, Монлозье и Рошбрюна. Робеспьеръ заявилъ, что всѣми силами поддерживаетъ проектъ относительно почтенія памяти человѣка, который въ критическія минуты проявлялъ столько мужества противъ деспотизма⁴⁾).

Похороны были великолѣпны. На пути слѣдованія страннаго, навѣкъ уснувшаго героя, тѣснилось все громадное насе-

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. IX, p. 310.

²⁾ Кабанисъ счелъ нужнымъ опустить въ своемъ разсказѣ эти слова, но изъ опредѣленнаго заявленія Фрошб, который присутствовалъ при этомъ, оказывается, что Мирабо дѣйствительно произнесъ ихъ. См. *Mémoires de Mirabeau*, t. VIII, liv. X, p. 460.

³⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 72.

⁴⁾ *Histoire parlementaire*, t. IX, p. 280.

Когда Мирабо умеръ, Лафайетъ естественно долженъ былъ казаться болѣе великимъ. Марату это внушило трепетъ, и испугъ его вскорѣ перешелъ въ бѣшенство. Въ лицѣ Фрерона онъ нашелъ пособника, яростныя выходки котораго, при всемъ ихъ декламаторскомъ и искусственномъ характерѣ, тѣмъ не менѣе волновали предмѣстья. Въ письмахъ, которыя онъ заставлялъ писать къ себѣ и сопровождалъ яростными комментаріями, Фреронъ каждое утро отмѣчалъ мнимыя доказательства мрачныхъ замысловъ Лафайета¹⁾. Ничто не могло быть менѣе убѣдительно, чѣмъ обличавшіеся газетою *l'Orateur du peuple* факты; но въ перечнѣ содержанія каждого нумера выдѣлялись напечатанные крупнымъ шрифтомъ заголовки, способные сильно подѣйствовать на умы: «*Разоблаченіе новыхъ тираническихъ дѣйствій Бальи и Мотье*»²⁾; «*Полное разоблаченіе Лафайета и Бальи*»³⁾ и т. п. Народъ всегда, въ концѣ концовъ, вѣритъ тому, повтореніе чего непрерывно слышитъ. Притомъ, Маратъ умѣлъ дополнять свои клеветы обвиненіями основательными, которыя придавали имъ зловѣщее правдоподобіе.

Во всякомъ случаѣ, звѣзда Лафайета начала тускнѣть въ ту минуту, когда навсегда закатилась звѣзда Мирабо. Когда секція *Французскаго театра* потребовала смѣщенія генерала, четырнадцать другихъ секцій выразили пожеланіе, чтобы вопросъ этотъ былъ подвергнутъ обсужденію, а баталіонъ *Елисейскихъ Полей* отказался признавать его командиромъ⁴⁾. Признаки эти, хотя и не были рѣшающими, имѣли, однако, серьезное значеніе. Но это не отвѣчало ни тревогамъ Марата, ни требованіямъ его ненависти. По поводу того, что разоблаченіе, выдвинутое противъ Лафайета нѣкимъ Рюто, застряло въ слѣдственной комиссіи, что никто не спѣшилъ смѣстить Лафайета и что его не объявили, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ, измѣнникомъ отечеству, Маратъ восклицалъ: «О, парижане, вы такъ невѣжественны, такъ глупы, такъ проникнуты самомнѣніемъ и такъ трусливы, что пытаться извлечь васъ изъ пропасти было бы

fastes de la liberté.—Этимъ заглавіемъ Камилль Демуленъ, начиная съ № 73, замѣнилъ заголовокъ своей газеты *Révolutions de France et de Brabant*.

¹⁾ См. напр., въ № 48 газеты *l'Orateur du peuple* письмо за подписью *Monselet fils*.

²⁾ *Ibid.*, № 25.

³⁾ *Ibid.*, № 52.

⁴⁾ *Révolutions de France et des royaumes* и т. д., № 73.

лось нѣсколько изъ тѣхъ людей, прискорбною миссіей которыхъ въ ту смутную пору было обращаться съ рѣчами всегда не къ разуму народа, а къ его чувству недовѣрчивости или злобы. Послѣдствіемъ этого были разныя постыдныя выходки. Когда на мѣсто сѣборища пришла въ сопровожденіи матери какая-то молодая барышня, ее высѣкли на ступеняхъ церкви, послѣ чего къ церковнымъ дверямъ привязаны были, въ видѣ угрозы, два вѣника¹⁾. То былъ недостойный поступокъ, который встрѣтилъ потомъ слишкомъ много подражаній, и непристойною защитой котораго опозорилъ свое пылкое перо Камилль Демуленъ!

Между тѣмъ, Людовикъ XVI изнемогалъ отъ угрызений совѣсти. Привыкнувъ видѣть Бога не иначе, какъ черезъ священника, онъ считалъ, что душа его непоправимо осквернена съ тѣхъ поръ, какъ онъ допустилъ, чтобы на духовенство наложили руку. Слѣдующее письмо отъ 15 апрѣля, которое онъ тайно написалъ епископу клермонскому, даетъ понятіе о терзавшихъ его тогда чувствахъ, о его колебаніяхъ и о странномъ характерѣ его страха.

«Обращаюсь къ вамъ, почтенный отецъ, съ довѣріемъ, какъ къ одному изъ членовъ духовенства, всегда проявлявшему самое просвѣщенное рвеніе къ религіи, чтобы посовѣтоваться съ вами относительно говѣнія: могу ли и долженъ ли я говѣть? Вы знаете ужасное положеніе, въ какомъ я нахожусь, принявъ декреты относительно духовенства. Я всегда считалъ это принятіе поступкомъ вынужденнымъ и, что касается меня самого, никогда не колебался остаться въ единеніи съ католическими пагерами и твердо рѣшилъ вполнѣ возстановить католическое исповѣданіе, если когда либо верну мою власть. Я видѣлся съ однимъ священникомъ, который полагаетъ, что этихъ чувствъ достаточно и что говѣть я могу; но особенно вамъ подобаешь сказать, что думаетъ на этотъ счетъ церковь, и оцѣнить условія, въ которыя я поставленъ... и т. д.

«Подписано: Людовикъ».

Въ жесткомъ, непреклонномъ отвѣтѣ, данномъ клермонскимъ епископомъ на это столь покорное письмо несчастнаго монарха, сказывается духъ церкви. Выразивъ, что онъ очень тронутъ довѣріемъ короля, спесивый прелатъ прибавлялъ:

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. IX, p. 269 et 270.

И въ примѣненіи къ Людовику XVI слова эти были слишкомъ правдивы. Доказательство тому почти тотчасъ же представила записка, которую, по особому повелѣнію короля, Монморанъ разослалъ всѣмъ французскимъ посламъ при иностранныхъ дворахъ и которая помѣчена 23 апрѣля 1791 г. Во избѣжаніе всякой неясности въ изложеніи фактовъ, мы приведемъ эту записку лишь нѣсколько далѣе, когда о ней естественно будетъ рѣчь въ разсказѣ о дипломатическихъ проискахъ; она произвела громадное впечатлѣніе и являлась чудомъ смѣлости, образцомъ лживости. Здѣсь достаточно будетъ замѣтить, что записка заключала въ себѣ слѣдующія, поистинѣ непостижимыя слова государя, который за четыре дня ранѣе жаловался Собранію на то, что онъ несвободенъ: «Враги конституціи утверждаютъ, будто король несвободенъ: это жестокая клевета, если предположить, что надъ его волей могло быть совершенно насиліе; клевета эта нелѣпа, если за отсутствіе свободы принимать неоднократно выраженное его величествомъ согласіе остаться среди парижскихъ гражданъ¹⁾».

Бывали ли когда либо противорѣчія болѣе поразительны. Бывала ли когда либо ложь болѣе прозрачна? Монморанъ, которому было очень противно подписывать эту слишкомъ знаменитую записку и который, сколько могъ, отказывался поставить на ней свою подпись²⁾, хотѣлъ, чтобы изъ нея вычеркнута была хоть вышеприведенная фраза. «Въ самомъ дѣлѣ — писалъ онъ въ отчаяніи графу Ла Марку — это ужъ черезчуръ: говорить о свободѣ короля на другой день послѣ того, какъ онъ самъ говорилъ въ Собраніи, что ему не дали уѣхать и что онъ настаиваетъ на своемъ намѣреніи³⁾». Но король настоялъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ долженъ былъ уступить.

Можно ли послѣ этого удивляться тому, что среди горожанъ господствовало крайнее недовѣріе? Могли ли они не считать себя обманываемыми, когда ихъ обманывали съ такою малою осторожностью, и когда королевская власть, нося маску, даже не трудилась хорошенько подвизать ее? Поэтому тревога народа была

¹⁾ Относительно этой записки, которую мы, впрочемъ, приведемъ ниже in extenso, см. *Histoire parlementaire*, t. IX, p. 414—417.

²⁾ Bertrand de Moleville, *Annales de la Révolution française*, t. IV, chap. XXXIX.

³⁾ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, t. III, p. 152.

слова сухими жестами отстаивалъ на трибунѣ народное дѣло, многіе часто видѣли, какъ, среди перешептыванія и насмѣшекъ Мирабо съ задумчивымъ любопытствомъ разсматривалъ этого блѣднолицаго человѣка съ своеобразною улыбкой на устахъ, лицо котораго дышало чѣмъ-то вродѣ неопредѣленной мягкости, въ которомъ все обличало страсть къ порядку и который, казалось, былъ проникнутъ самоуваженіемъ: такъ тщательно онъ бывалъ одѣтъ, такъ степенно держался и такъ много отдѣлки вносилъ въ свои рѣчи.

Кто же былъ этотъ новый пришлецъ, въ которомъ всѣ предчувствовали высокое дарованіе, и какова будетъ его роль въ революціи?

Онъ будетъ требовать справедливости для всѣхъ, для всѣхъ безъ исключенія; онъ будетъ проповѣдывать право.

И никакой компромиссъ уже невозможенъ: развѣ правда не *едина*? Пусть ни одна изъ партій не предъявляетъ на него притязаній: онъ принадлежитъ къ партіи своего убѣжденія, и этого достаточно. Съ перваго же его шага на томъ поприщѣ, гдѣ онъ оставитъ слѣдъ своей крови и покрытое проклятіями имя, его могли прозвать *Непоколебимымъ, l'Immuable*. Когда онъ былъ простымъ адвокатомъ, честные люди указывали на его честность, а когда сдѣлался законодателемъ, дурные люди стали этой честности опасаться. Всегда готовый защищать народъ, онъ не знаетъ, что значить льстить ему: для этого въ немъ слишкомъ много гордости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ много добродѣтели. Въ обществѣ, находящемся въ беспорядочномъ состояніи, онъ держится культа порядка. Къ анархіи онъ относится съ ужасомъ; популярность, нищенски выпрашиваемая при помощи циническихъ привычекъ или цинической манеры говорить—дѣло жалкое въ его глазахъ; онъ не скрываетъ своего презрѣнія къ изступленнымъ людямъ. А, между тѣмъ, ему дивится Фреронъ, его уважаетъ Эберъ и самого Марата онъ заставляетъ отзываться о немъ съ похвалою¹⁾.

Жизнь его трудовая и суровая; нравы его дѣлаютъ честь его принципамъ. Другіе изъ числа извѣстныхъ трибуновъ станутъ блистать подозрительнымъ богатствомъ, будутъ давать ужины при свѣтѣ золотыхъ люстръ, опиваться изысканными винами и засыпать на груди своихъ любовницъ: онъ же жи-

¹⁾ Это мы увидимъ на протяженіи настоящей главы.

они или нѣтъ? Я краснѣю при мысли, что мнѣ приходится спрашивать объ этомъ. Или вы хотите остаться одинокими въ защитѣ себя и ихъ?»¹⁾ Когда, употребивъ слово *народъ*, онъ былъ прерванъ депутатомъ Люка, который съ горечью воскликнулъ: «*Народъ*—это всѣ граждане», Робеспьеръ продолжалъ: «Я и самъ подъ словомъ *народъ* разумѣю совокупность отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ слагается общество. Но, употребляя это выраженіе въ ограниченномъ смыслѣ, я вѣдь говорю вашимъ языкомъ!» И, въ самомъ дѣлѣ, что это были за люди, которые стремились расколоть общество на два класса и, насилуя французскій языкъ, противопоставляли слово *народъ* слову *буржуазія*,—люди, которые разрушали общественное единство? Не тѣ ли самые были они, которые придумали и хотѣли расширить различіе между *активными* и *неактивными гражданами*—различіе столь произвольное, столь обидное?

Рабо понялъ все значеніе нападокъ Робеспьера. Чтобы дать общественному мнѣнію другое направленіе, онъ сталъ говорить, что если исключить допущеніе неактивныхъ гражданъ въ національную гвардію, «допущеніе,—прибавилъ онъ,—къ которому я питаю склонность, но противъ котораго возстаютъ формальные декреты»²⁾, то все, чего теперь требуютъ, уже есть въ проектѣ комиссіи; при этомъ онъ привелъ слѣдующую выдержку изъ одного древняго писателя: «Пришли двое: одинъ сказалъ, что нужно сдѣлать, а другой сказалъ: я это уже сдѣлалъ»³⁾.

Но Робеспьеръ былъ не такой человекъ, чтобы отступить передъ ловкимъ ораторскимъ приемомъ: на слѣдующій день онъ выступилъ снова еще болѣе энергично и настойчиво. Въ проектѣ комиссіи слово *свобода* не было упомянуто ни разу, и рѣчь въ немъ шла только объ отпорѣ резбойникамъ и о привлеченіи бунтовщиковъ къ суду; конституціонная комиссія, повидимому, и не подозрѣвала, что національная гвардія предназначена не только для борьбы противъ безпорядка, но также и для того, чтобы сдерживать тиранію: все это было выяснено Робеспьеромъ безъ бурныхъ порывовъ, но съ большою силой и ясностью. Его поддержалъ Петіонъ, а д'Андре попытался опровергнуть.

¹⁾ *Moniteur*, засѣданіе 27 апрѣля 1791 г.

²⁾ Достоверно то, что исключеніе неактивныхъ гражданъ изъ національной гвардіи не заключалось *формально*, а только *подразумывалось* въ двухъ предшествовавшихъ декретахъ—отъ 12 іюня и отъ 6 декабря 1790 г.

³⁾ *Ibidem*.

Что касается Собранія, то оно заранѣе составило себѣ мнѣніе и горѣло желаніемъ закрыть пренія. Когда неутомимый трибунъ въ третій разъ появился на трибунѣ, въ Собраніи раздался ропотъ; этимъ объясняется слѣдующая высококомѣрная фраза Робеспьера: «Всякое требованіе, имѣющее цѣлью подавить мой голосъ, гибельно для свободы». Жребій былъ брошенъ: неактивные граждане исключены изъ національной гвардіи¹⁾. Буржуазія завершила свое военное устройство и становилась особнякомъ!

«Какой же,—воскликнулъ въ засѣданіи Дюбуа-Крансе,—какой же гражданинъ тотъ, кто не можетъ всегда уплатить тридцать или сорокъ франковъ налога, если только онъ не бродяга или нищій?» Но, какъ очень хорошо замѣтила газета Бриссо, постоянныя колебанія торговли, промышленные кризисы, пріостановки въ дѣлахъ вносятъ неувѣренность и зыбкость въ существованіе большого числа людей, которые, не будучи ни бродягами, ни нищими, тѣмъ не менѣе могутъ, за недостаткомъ работы, впасть въ крайнюю бѣдность. Такъ случается часто съ рабочими большой фабрики; дѣло доходитъ до того, что, напр., въ Ліонѣ, въ 1789 г., число рабочихъ, временно оказавшихся неспособными уплатить какой бы ни было налогъ, возросло до 25 тысячъ!²⁾ У кого нѣтъ хлѣба, тому не давать никакихъ политическихъ правъ, сказало Собраніе. Значитъ, неимѣніе хлѣба никогда не бываетъ послѣдствіемъ несчастія? Значитъ, въ обществѣ, не умѣющемъ обезпечить жизнь рабочаго человѣка, неимѣніе хлѣба всегда бываетъ позоромъ?..

Возставая противъ этихъ безбожныхъ выводовъ, Робеспьеръ не могъ не придать своей роли болѣе величія, не могъ не облагородить ее: вскорѣ ему пришлось выдержать другія, не менѣе славныя стычки.

До этихъ поръ братья Ламеты, Дюпоръ, Мену, д'Эгильонъ, Барнавъ и Богарне составляли нѣкотораго рода *patriotическій сентимиратъ*³⁾, пользовавшійся большимъ довѣріемъ въ народныхъ кругахъ, но довѣрію этому, по всей вѣроятности, предстояло вскорѣ пойти на убыль. Двумя людьми, которые начинали приковывать къ себѣ вниманіе въ Собраніи и которымъ

¹⁾ *Histoire parlementaire*, t. IX, p. 345.

²⁾ *Patriote français, fragment d'une lettre sur la séance du 28 avril*, № 630.

³⁾ *Révolutions de France et des royaumes*, № 78.

вольствиемъ сталъ называть его «нашъ Аристидъ»¹⁾. Марать, никому не дававшій пощадъ и обзывавшій трусами Ламетовъ, Варнава, Мену, Дюпора, Дюбуа-Крансе, Приёра, Шабру, Гупиля и даже Петіона²⁾, не могъ удержаться, чтобы не написать слѣдующихъ, довольно удивительныхъ подъ его перомъ словъ: «Достойный, неподкупный Робеспьеръ»³⁾. Въ другомъ мѣстѣ, выражая сожалѣніе по поводу того, что этотъ, по его мнѣнію, единственный въ революціи человекъ, недоступный для нападокъ, не присутствовалъ на извѣстномъ засѣданіи, гдѣ обсуждались вопросы великаго интереса; онъ объяснялъ это отсутствіе тѣмъ, что: «Робеспьеръ навѣрное боленъ, если только не сдѣлался жертвой какого-нибудь покушенія со стороны заговорщиковъ»⁴⁾. Характерная черта: не въ состояніи будучи заподозрѣть Робеспьера въ погрѣшимости, Марать возмѣщалъ себѣ это тѣмъ, что заподозрѣвалъ его враговъ въ преступленіи!

Тѣмъ временемъ, какъ революція подвигалась впередъ, разграничительная межа, которую она такъ неосторожно провела собственными руками между собою и народомъ⁵⁾, углублялась съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Буржуазія имѣла своимъ представителемъ большинство Національнаго Собранія, народъ же группировался за клубомъ якобинцевъ, который хотя еще и не имѣлъ вполне установившихся принциповъ, однако являлся соперничествовавшею съ Собраніемъ силою. И вотъ обѣ эти противныя силы вступили въ схватку изъ-за вопроса громадной важности.

Вопросъ былъ таковъ: когда нынѣшнее законодательное собраніе достигнетъ конечнаго срока своихъ трудовъ и своего существованія, то могутъ ли его члены быть избраны вновь?

Якобинцы, все болѣе и болѣе стремившіеся подорвать господство главныхъ вождей Собранія, обоихъ Ламетовъ, Дюпора

¹⁾ *Révolutions de France et des royaumes, etc.*, № 81.

²⁾ *Ibidem*, № 428.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *L'Ami du peuple*, № 470.

⁵⁾ Въ обществѣ, въ которомъ—вслѣдствіе ли привилегій рожденія или вслѣдствіе извѣстныхъ привилегій, связанныхъ съ богатствомъ.—существуютъ классы, слово *народъ* можетъ быть употребляемо только въ ограниченномъ смыслѣ, какъ противопоставленіе слову *дворянство* или слову *буржуазія*. Нѣтъ надобности говорить, что во всякомъ дѣйствительствѣ демократическомъ обществѣ единственнымъ опредѣленіемъ слова *народъ* было бы выраженіе *совокупность гражданъ*.

торая стоит выше добродѣтели и любви къ родинѣ? Я горжусь тѣмъ, что не знаю этого ¹⁾). Въ сильномъ негодованіи вскочилъ Казалесь и съ устъ его полился бурный потокъ словъ, вродѣ: *клеветническія діатрибы, туслая клевета*. «Я—прибавилъ онъ, стараясь перекричать прерывавшіе его крики «въ Аббатство» ²⁾):— я выслушалъ предшествующаго оратора потому, что я—заявляю это—сторонникъ самой неограниченной свободы; но никакая человѣческая власть не въ силахъ помѣшать мнѣ относиться къ этимъ діатрибамъ со всеѣмъ презрѣніемъ, какого онѣ заслуживаютъ» ³⁾). Затѣмъ онъ началъ настаивать, чтобы проектъ объ увольненіи офицеровъ былъ единогласно отвергнутъ, при чемъ заявилъ, что когда армія узнастъ объ этихъ преніяхъ... «послѣдствія отъ этого могутъ быть ужасны» ⁴⁾).

При этой неожиданной угрозѣ лѣвая смутилась. Петіонъ и Бюзо, въ затрудненіи, сидѣли молча и неподвижно. Самъ Антуанъ, предложившій въ клубѣ якобинцевъ проектъ относительно выпуска арміи, не осмѣливался теперь поднять голосъ. Одинъ Робеспьеръ оказался въ этомъ случаѣ стоящимъ выше всякихъ малодушныхъ чувствъ. Стоя среди своихъ сидѣвшихъ товарищей, онъ долго обводилъ глазами правую и лѣвую, какъ бы желая запечатлѣть въ своей памяти лица и движенія тѣхъ ⁵⁾, которые побоялись бы вотировать подъ гнетомъ сомнѣнія относительно того, что скажетъ армія? Побѣда осталась, такимъ образомъ, за проектомъ комиссіи и все ограничилось принятіемъ декрета, которымъ предписывалось офицерамъ сухопутныхъ и морскихъ силъ дать подписку въ повиновеніи конституціи ⁶⁾).

Тѣмъ временемъ Робеспьеръ былъ выбранъ въ должность общественнаго обвинителя, а Дюпоръ, назначенный президентомъ того же суда, отказался отъ чести, которую ему пришлось бы дѣлать съ нелюбимымъ имъ человѣкомъ. Вотъ какъ отнесся Камиллъ Демуленъ къ этому отказу, который и Бриссо, съ своей стороны, осудилъ очень строго, хотя и съ большею серьезностью: «Вы думаете, что Дюпоръ отказался изъ-за желанія

¹⁾ Засѣданіе 10 іюня 1791 г. См. *Histoire parlementaire*, t. X, p. 181.

²⁾ *Prison de l'Abbaye*—названіе военной тюрьмы въ Парижѣ. (*Переводч.*)

³⁾ *Histoire parlementaire*, t. X, p. 182.

⁴⁾ *Ibidem*, p. 183.

⁵⁾ Объ этомъ см. письмо за подписью *Pio*, присланное Камиллу Демулену и напечатанное имъ въ № 81 его газеты.

⁶⁾ Декретъ отъ 11 іюня 1791 г.

лянь, тогда какъ заслуживалъ алтарей; Малуз—что принятіемъ Авиньона Франція встревожила бы всю Европу¹⁾.

Сколько самыхъ убѣдительныхъ доводовъ въ поддержку доклада ни развивали Робеспьеръ, Гупиль и Пегіонъ, Собраніе, оставаясь попрежнему въ нерѣшимости, приняло въ засѣданіи 5 мая слѣдующую двусмысленную редакцію: Авиньонъ и Конта не являются непремѣнною составною частью Франціи. Но на слѣдующій день записанные въ протоколъ слова: *Собраніе декретируетъ* были замѣнены словами: *Собраніе заявляетъ*, для того, чтобы было достаточно видно, что вынесеннымъ накануне постановленіемъ Собраніе имѣло въ виду лишь констатировать *фактъ*, оставляя въ сторонѣ *право*²⁾.

Тѣмъ временемъ въ Конта продолжалось истребительное междуусобіе, въ которомъ одушевленные завистью города боролись съ городами, деревни съ деревнями, католики съ протестантами и дакіе воины съ фанатическими шайками, которыхъ подталкивало впередъ духовенство. Муниципальныя должностныя лица Авиньона, съ своей стороны, усиленно настаивали передъ Собраніемъ, отправляли къ нему одно посланіе за другимъ. 24 мая они писали ему: «Мы горимъ желаніемъ вернуться въ великую семью, съ которою были слишкомъ долго разлучены. Наша воля—быть французами или умереть»³⁾.

Собраніе воспротивилось еще и на этотъ разъ, но оно не могло, не совершая варварства, оставаться глухимъ къ этимъ трогательнымъ мольбамъ: на мѣсто со всею поспѣшностью выѣхали назначенные трое посредниковъ; то были аббатъ Мюло, Лассэнъ и Вернинакъ. Прибывъ въ Оранжъ, они созвали тамъ представителей враждебныхъ партій и, благодаря искусно проведеннымъ переговорамъ, 9 іюня былъ, наконецъ, подписанъ миръ. Онъ былъ гарантированъ именемъ Франціи⁴⁾.

Вслѣдствіе этого, осада Карпентраса была снята и *воклюзской арміи*, стоявшей лагеремъ въ Монтѣ, приказано было уйти обратно въ Авиньонъ. Это было почти неожиданнымъ счастьемъ для обѣихъ несчастныхъ странъ. При объѣздѣ края французскіе посредники видѣли толпившіяся слѣдомъ за ними тысячи бѣдныхъ поселянъ, которые въ волненіи и со слезами благо-

¹⁾ *Le Patriote français*, № 633, и *Chronique de Paris*, № 123.

²⁾ *Chronique de Paris*, № 123.

³⁾ *Ibid.*, № 145.

⁴⁾ *Compte rendu de l'abbé Mulot à l'Assemblée nationale*, p. 17.

дарности показывали на свои пивы съ безопасными уже отъ пожара хлѣбами. Миротворцамъ подносили вѣнки изъ плодовъ. Карпентрасцы, въ видѣ благороднѣйшаго дара, какой только могъ быть поднесенъ имъ, передали имъ военноплѣнныхъ¹⁾.

Но въ этотъ промежутокъ времени, честолюбіе, зависть, желаніе выступить на сцену и цѣликомъ занять ее, взаимныя обвиненія, вскорѣ перешедшія въ ожесточенный обмѣнъ клеветническими нареканіями—все это посѣяло сѣмена неискоренимой ненависти между муниципальными должностными лицами Авиньона и военачальниками лагеря подъ Монтѣ. Муниципальная партія, проклиная и угрожаемая военной партіей, съ негодованіемъ—къ сожалѣнію, слишкомъ оправдывавшимся обстоятельствами—возстала противъ насилій, которыми солдаты *вокюзской арміи* запятнали свою храбрость; она прозвала ихъ *разбойниками* и приказала арестовать восьмерыхъ изъ ихъ начальниковъ. Однако, свирѣпыхъ воиновъ Монтѣ не такъ-то легко было запугать: будучи отозваны обратно въ Авиньонъ, они на всемъ пути туда оглашали воздухъ криками мщенія. Желая какъ можно явственнѣе выказать презрѣніе къ своимъ врагамъ, они, какъ бы щеголяя оскорбленіями, разукрасили своихъ коней и сами украсились оскорбительными ярлыками, на которыхъ сдѣлана была слѣдующая невѣроятная надпись: *Храбрый разбойникъ вокюзской арміи*²⁾. Въ городъ они вступили съ барабаннымъ боемъ, съ зажженными фитилями и во главѣ ихъ гордою поступью выступали ихъ приговоренные къ аресту начальники. Городъ распался на двѣ враждебныя партіи, и не прошло и мѣсяца, какъ въ немъ водворились смятенія, стоны, яростныя вопли. Муниципальныя должностныя лица частью очутились въ кандалахъ, частью вынуждены были бѣжать; Журданъ и его присные царили неистовствомъ меча; старое выборное собраніе вынуждено было скитаться изъ одного города въ другой, а французскіе посредники, очутившись въ центрѣ безпорядка, были поражены безсиліемъ. И только тогда, послѣ ряда этихъ бѣдствій, Національное Собраніе надумалось поступить рѣшительно: такъ горячо просимое и такъ страстно ожидавшееся присоединеніе было, наконецъ, декретировано³⁾.

1) *Compte rendu de l'abbé Mulot à l'Assemblée nationale*, p. 18.

2) *Ibid.*, p. 21.

3) Декретъ 14 сентября 1791.

Съ тѣхъ поръ, какъ эта картина внутреннихъ французскихъ событій была набросана чловѣкомъ вполне посвященнымъ въ тайны кабинетовъ, графъ д'Артуа перемѣнилъ мѣсто своего жительства, Туринскій дворъ былъ однимъ изъ наименѣе развращенныхъ европейскихъ дворовъ и графъ скучалъ, живя при немъ¹). Онъ написалъ Калонну, проживавшему эмигрантомъ въ Лондонѣ, и тотъ, позондировавъ почву, указалъ на Кобленцъ, какъ на мѣсто, весьма подходящее для того, чтобы стать главною квартирою эмиграціи. Графъ д'Артуа отправился туда; потомъ пріѣхалъ туда же и Калоннъ, который сталъ съ этихъ поръ душою его предпріятій и высшимъ руководителемъ его замысловъ. Стѣхались царедворцы и фаворитки, потребовались деньги; графъ д'Артуа не постѣснился попрошайничать у различныхъ государей на содержаніе своего дома и къ собираемой имъ съ нихъ дани Людовикъ XVI присоединилъ и съ своей стороны недвусмысленные знаки щедротъ. Но въ Кобленцѣ не все время отдавалось удовольствіямъ. Калоннъ, умѣвшій сочетать распутство съ дѣловитостью, что уже и доказалъ раньше, создалъ вокругъ графа д'Артуа сферу неустанной дѣятельности; онъ овладѣлъ умомъ курфюрста трирскаго, убѣдилъ его, что монархію погубилъ Людовикъ XVI и что по завершеніи контръ-революціи къ упроченію ея результатовъ долженъ быть призванъ графъ д'Артуа, въ качествѣ главнаго намѣстника королевства. А пока онъ разыгрывалъ роль перваго министра, назначилъ своимъ министромъ финансовъ Девилля, обратилъ маршала Броглю какъ бы въ военнаго министра, учредилъ полицію, подчинивъ ее управленію Рея и Пріорана; изъ нихъ первый служилъ прежде начальникомъ полиціи въ Ліонѣ, а второй былъ начальникомъ полицейской стражи при королевской охотѣ; оба они были люди способные и интриганы²).

На этотъ разъ королева и Людовикъ XVI, кажется, встре-

d'Artois will not listen to this, and is determined to proceed on the day mentioned. He will probably lead his followers to certain destruction; as besides his measures being ill-taken, and not ripe for execution, his eagerness has created a jealousy in the queen and Monsieur, that it is for himself, *not for the king*, that he is working; and that they shall not be better off if he succeeds than under the rule of the national Assembly». *Diaries and correspondence of the earl of Malmesbury*, vol. II, p. 437, 438.

¹) *Histoire secrète de Coblentz, dans la Révolution des Français, attribuée à M. de Rivarol*, Londres, 1795.

²) *Ibid.*, p. 28—29.

писала 7 іюня 1791 г. Леопольду слѣдующее письмо, приводимое здѣсь въ сообщенной нами дословной копіи.

«7-го іюня 1791 г.

«Осторожность требуетъ не говорить графу д'Артуа ничего конфиденціального о томъ, что вы знаете, потому что онъ изъ усердія могъ бы открыться окружающимъ его лицамъ. Я полагаю на проектъ нѣкоторую надежду и вашъ другъ, разъ очутившись на свободѣ, будетъ въ состояніи самъ ставить условія, вмѣсто того, чтобы получать ихъ отъ другихъ; дѣло его правое, и оно является дѣломъ всѣхъ честныхъ людей, которые, къ несчастію, слишкомъ робки... Мой мужъ и мои дѣти здоровы и держатъ себя очень бодро среди всѣхъ нашихъ бѣдъ.

«Марія-Антуанета».

ГЛАВА IV.

Бѣгство короля.

Приготовленія къ побѣгу.—Притворство и неосторожность.—Страшная встрѣча герцога Орлеанскаго съ Ферзеномъ на Венсенской дорогѣ.—Тайное сообщеніе Жавардена Марату; письмо, найденное въ карманѣ у одной придворной дамы; Маратъ обличаетъ проектъ побѣга.—Карра бьетъ тревогу.—Захватъ сундука, принадлежащаго графу Прованскому.—Балли и Гувьонъ получаютъ тайное извѣщеніе.—Распоряженія Булье.—Парижъ вечеромъ 20 іюня.—Ночное бѣгство королевской семьи.—Событія 21 іюня въ Парижѣ.—Впечатлѣніе, произведенное бѣгствомъ короля.—Народъ въ Тюильри.—Собраніе.—Мѣры общественнаго спасенія.—Слуги короля предоставлены народному мщенію.—*Воззваніе къ французамъ*.—Страшная выходка Бонвилля. Презрительное спокойствіе представителей.—Геройское поведеніе Парижа.—Нормальное состояніе партій.—Г-жа Роланъ и Робеспьеръ у Петіона.—Робеспьеръ въ клубѣ якобинцевъ.—Дантонъ задѣваетъ Лафайета.—Парижъ 22 іюня.—Распѣваемая на улицахъ пѣсня.—Въ клубѣ кордельеровъ требуютъ республики, въ клубѣ якобинцевъ ее отвергаютъ.—Республиканскіе плакаты Ахилла Дюшатле и Томаса Пэна.—Противуположные одинъ другому призывы Бонвилля и Марата.—Презрительная гуманность Камилла Демулена.—Предложеніе барона Эльбека; новая формула присяги.—Отвѣтъ Собранія на *Воззваніе къ французамъ*.—Важное извѣстіе.

Дворецъ охранялся вооруженнымъ отрядомъ шестисотъ человекъ, выставленныхъ отъ секцій. Два зоркихъ всадника находились у наружныхъ дверей; всѣ наружные посты были заняты

¹⁾ Этимъ любовнымъ сообщеніемъ мы обязаны г. А. Доннадѣ, одному изъ самыхъ просвѣщенныхъ и самыхъ извѣстныхъ въ Европѣ собирателей автографовъ.

національною гвардією, внимательно и тревожно смотрѣвшюю во всѣ глаза; у каждаго воротъ дворцоваго сада стояли часовые; вдоль выходящей на Сену террасы также разставленъ былъ рядъ часовыхъ на разстояніи ста шаговъ одинъ отъ другого. Всюду, даже во внутреннихъ помѣщеніяхъ дворца, торчали штыки: и у выходовъ, ведшихъ къ кабинету короля, и на пути къ апартаментамъ королевы и даже въ небольшомъ темномъ коридорѣ, гдѣ находились скрытыя лѣстницы для прислуги обоихъ высокиихъ узниковъ¹⁾. Кромѣ того, за ними зорко слѣдили всѣ, имѣвшіе съ ними общеніе, отъ старшихъ камеристокъ до послѣдняго лакея. Плохо пришлось бы имъ, если бы они не сумѣли придумать для себя непонятный окружающимъ языкъ, такъ какъ сами стѣны подсматривали за ними и подслушивали ихъ!

Однако, они отнюдь не отчаявались... Но, во-первыхъ, куда, въ какую сторону бѣжать? Король уже довольно давно обратилъ взоры на Булье и велъ съ нимъ шифрованную переписку. Послѣ обмена цѣлымъ рядомъ таинственныхъ писемъ, Булье, съ самаго начала понимавшій всю опасность задуманнаго побѣга, безъ оговорокъ, съ безстрашнымъ и мрачнымъ спокойствіемъ, предложилъ свои услуги.

Между нимъ и королемъ было условлено, что мѣстомъ укрытія будетъ очень хорошо укрѣпленный городъ Монмеди, на границахъ Шампани. Тамъ король былъ бы почти во владѣніяхъ австрійскаго императора; онъ находился бы по сосѣдству съ Люксембургомъ и, въ случаѣ несчастія, на помощь къ нему подоспѣли бы австрійцы.

Оставалось выяснить, какую дорогой королю ѣхать въ Монмеди. Булье предложилъ избрать дорогу на Реймсъ, которую легче было прикрыть и по которой пришлось бы проѣзжать лишь небольшое число городовъ. Но именно въ этомъ городѣ происходило коронованіе и Людовика XVI слишкомъ хорошо знали тамъ въ лицо; поэтому было рѣшено ѣхать на Шалонъ, чрезъ Клермонъ и Вареннъ. Булье взялъ на себя всѣ распоряженія на пространствѣ отъ Шалона-на-Мариѣ, который былъ—если ѣхать изъ Парижа—первымъ городомъ въ предѣлахъ его

¹⁾ *Relation du voyage de Varennes, par un prêtre, membre de l'Assemblée constituante, à un ministre en pays étranger, въ Mémoires de Weber, t. II, chap. IV.*—Это описаніе принадлежит перу тулузскаго архіепископа Фонтанжа и составлено по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ самой королевы.

командованія; королева, съ своей стороны, взялась приготовить все для выѣзда изъ Парижа ¹⁾).

Въ нижнемъ этажѣ Тюильрійскаго дворца было помѣщеніе, имѣвшее выходы во дворъ *Принцевъ* и на *Королевскій дворъ*. Ни одинъ изъ обоихъ этихъ выходовъ не былъ охраняемъ и, при томъ, стоявшіе во дворѣ часовые были изъ тѣхъ, надзора которыхъ можно было меньше всего опасаться, такъ какъ они привыкли видѣть, какъ изъ дворца выходило сразу много народа, особенно около 11 часовъ вечера, когда оканчивалась дворцовая служба². Если побѣгъ былъ вообще возможенъ, то именно этимъ путемъ. На бѣду, чтобы попасть въ это помѣщеніе, остававшееся пустымъ за отъѣздомъ герцога Вилькье, который въ немъ жилъ, нѣжно было пройти черезъ комнату одной изъ состоявшихъ при королевѣ дамъ, г-жи Рошрель. Подъ предлогомъ, будто въ виду нѣкоторыхъ перемѣнъ во внутреннемъ убранствѣ комната эта нужна ей, Марія-Антуанета завладѣла ею, добыла ключъ отъ квартиры Вилькье и затѣмъ занялась уже лишь прочими необходимыми мѣрами.

Заботу о томъ, чтобы лошади и экипажи держались наготовѣ, королева возложила на молодого шведа-аристократа, графа Ферзена, который питалъ къ ней чувство восторженнаго поклоненія. Въ качествѣ курьеровъ выбраны были трое лейбъ-гвардейцевъ, Валори, Мутье и Мальденъ, на которыхъ указалъ графъ д'Агу ³⁾. Необходимъ былъ паспортъ, который былъ бы годенъ для всей королевской семьи, и вотъ, благодаря счастливой случайности, оказалось, что нѣкая русская барыня, баронесса Корфъ, находившаяся въ дружбѣ съ графомъ Ферзеномъ, только что выхлопотала паспортъ для себя, двухъ дѣтей, лакея и двухъ женщинъ. Ферзену нетрудно было упросить баронессу, чтобы она заявила, будто нечаянно бросила этотъ паспортъ въ огонь, а сама отдала бы его Ферзену и потребовала себѣ новый паспортъ ⁴⁾.

¹⁾ *Relation du royaume de Varennes, etc.*

²⁾ *Ibidem*,

³⁾ *Précis historique du comte de Valory*, въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*, p. 249. Paris, 1823.

⁴⁾ См. въ *Annual Register*, vol. XXXII, *appendix to the chronicle*, № 13, письма русскаго посла Симолина къ Монморену, съ приложеніемъ письма баронессы Корфъ о ея сторгвшемъ паспортѣ.

ный несессерь, подь слишкомъ прозрачнымъ предлогомъ, будто посылаетъ его въ подарокъ эрцгерцогинѣ Христинѣ¹⁾.

Въ то же время притворство доводилось, со страннымъ легкомыслиемъ, до прямой лжи. Людовикъ XVI категорически заявлялъ генералу Рошамбо, что никогда не имѣлъ намѣренія покинуть Парижъ²⁾; въ томъ же онъ такъ увѣрилъ г-жу Ламбаль, что та передала это увѣреніе его врачу Стаферу; съ превосходно разыграннымъ добродушиемъ король заявлялъ, что поѣдетъ на крестный ходъ на праздникъ Тѣла Господня и заплатитъ расходы по сооруженію усыпальницы³⁾; или же, бывало, вдругъ велитъ положить на столъ совѣта министровъ камень отъ Бастилии. Королева, съ своей стороны, заявляла, что хочетъ дать бѣлыхъ лошадей для запряжки въ триумфальную колесницу Вольтера, прахъ котораго ожидался въ Парижѣ⁴⁾. Встрѣтившись съ Монморономъ, она спросила его, видѣлъ ли онъ принцессу Елизавету, и прибавила: «Я употребила всѣ силы, чтобы склонить ее къ присутствію на крестномъ ходѣ Тѣла Господня; она, повидимому, отказывается, но мнѣ кажется, что ей все-таки слѣдовало бы поступиться своимъ мнѣніемъ ради ея брата»⁵⁾.

Но лица, пытавшіяся прикрыться этою завѣсой, поминутно сами же разрывали ее. Ферзенъ велѣлъ соорудить экипажъ, въ которомъ имъ предстояло ѣхать; это была громадная берлина — громадная настолько, что не замѣтить ея было невозможно. Желая удостовѣриться въ ея прочности, онъ производилъ ей испытаніе на Венсенской дорогѣ, при чемъ ее везла скорою рысью шестерка сильныхъ лошадей; вдругъ онъ встрѣчаетъ герцога Орлеанскаго, гулявшаго по той же дорогѣ съ г-жею Бюффонъ. «Вы съ ума сошли, милый графъ,—крикнулъ герцогъ,—вы затѣяли игру, на которой свернете себѣ шею!»—«Дѣло въ томъ, что мнѣ не хочется, чтобы моя карета сломалась въ дорогѣ».—«Да зачѣмъ она такая большая? Развѣ въ ней увезутъ отъ насъ весь оперный хоръ?»—«Нѣтъ, ваше высочество, хоръ я оставлю вамъ».—«Прощайте, счастливаго пути!»

¹⁾ *Mémoires de M-me Campan*, t. II, chap. XVIII.

²⁾ L'abbé Montgaillard, *Histoire de France*, t. II, p. 369.

³⁾ *Chronique de Paris*, année 1791, № 174.

⁴⁾ L'abbé Montgaillard, *ubi supra*.

⁵⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 333.

саръ Лозѣнскаго полка, подъ начальствомъ эскадроннаго командира Делона.

Чтобы имѣть возможность быстро получать донесенія и немедленно отдавать необходимыя приказанія, самъ Булье долженъ былъ находиться между Стенэ и Дёномъ, почти въ центрѣ расположенія постовъ.

Но дорога, по которой рѣшено было ѣхать, навлекала на себя наибольшія подозрѣнія вслѣдствіе проѣзда по ней многихъ эмигрантовъ, почему придорожное населеніе стало крайне недовѣрчивымъ; и здѣсь въ болъшей, чѣмъ гдѣ-либо, степени революція зорко слѣдила за своими врагами: что стали бы здѣсь думать объ этихъ передвиженіяхъ войскъ?. Булье надѣялся обмануть встревожившееся населеніе, распустивъ слухъ, будто идетъ транспортъ денегъ для раздачи жалованья полкамъ, а выступленіе свое изъ Меца онъ объяснилъ предпринимаемымъ, будто бы, объѣздомъ, о которомъ позаботился объявить заранее. «Я до такой степени убѣдилъ публику—пишетъ онъ въ своихъ *Mémoires*—будто австрійцы стягиваютъ въ этой сторонѣ отрядъ войскъ, хотя на границахъ не было никакого движенія, что имѣлъ возможность двинуть въ окрестности Монмеди то небольшое количество надежныхъ полковъ, какое у меня еще оставалось¹⁾».

Въ числѣ людей, пользовавшихся довѣріемъ королевы, былъ офицеръ инженерно-географическаго корпуса баронъ Гоглэ²⁾: на него-то и было возложено произвести развѣдку дороги и представить королю докладъ о распоряженіяхъ Булье. Тайна сообщена была также Дамэ, Дандуэну, Оффлизу, Кленглэну и Эману, но только наканунѣ осуществленія плана; другихъ же командировъ увѣрили, что дѣло идетъ о сопровожденіи денежнаго транспорта³⁾.

Таково было положеніе дѣлъ, когда 15-го іюня Булье получилъ въ Лонгви письмо, въ которомъ король извѣщалъ его, что отъѣздъ его замедлялся, что онъ выѣдетъ только 20-го, между 12 и 1 ч. ночи и что онъ не можетъ везти въ своей каретѣ маркиза д'Агу, такъ какъ гувернантка королевскихъ дѣтей,

¹⁾ *Mémoires de Bouillé*, chap. XI, p. 236.

²⁾ *Mémoires du baron de Goguelat*, въ оправдательныхъ документахъ, p. 53 et 54.—*Ibid.*, p. 9.

³⁾ Разсказъ архіепископа тулузскаго въ *Mémoires de Weber*, t. II, chap. IV, p. 80.

селы и полны надеждъ. По ихъ словамъ, король, совершивъ побѣгъ, только уступилъ мѣсто республикѣ. Но мыслимо ли, возможно ли, чтобы королевская фамилія рискнула на подобный шагъ, не оставивъ позади себя коалицію, готовую устроить патриотамъ Варооломеевскую ночь? Такъ говорилъ Робеспьеръ и спрашивалъ: что такое республика? Слова его были довольно темны, довольно двусмысленны, особенно если правда, что онъ произнесъ ихъ «грызя ногти и посмѣиваясь»¹⁾.

Въ этомъ критическомъ положеніи народъ прежде всего подумалъ о Национальномъ Собраніи. «Людовикъ XVI—говорилъ онъ—можетъ себѣ ѣхать, куда хочетъ; нашъ король тутъ, въ Собраніи»²⁾. И дѣйствительно, Собрание проявило много ума и силы. Оно пригласило министровъ, разослало въ департаменты курьеровъ съ приказаніемъ арестовывать всякаго вызъжающаго изъ королевства, окружило залу сильными вооруженными отрядами въ видахъ обезпеченія свободы своихъ преній, снарядило комиссаровъ для наблюденія за общественнымъ порядкомъ и вызвало къ себѣ Лафайета, Балли и Гувьона, которыхъ разгоряченная толпа задержала, какъ виновныхъ въ сообщничествѣ по побѣгу короля; послѣ этого, Собрание приказало расклеить слѣдующее объявленіе:

«Приняты строжайшія мѣры къ тому, чтобы открыть участниковъ побѣга; граждане должны полагаться единственно на народныхъ представителей въ дѣлѣ охраны общественнаго порядка; всякое движеніе, клонящееся къ возбужденію смуты, всякая угроза отдѣльнымъ лицамъ, всякое покушеніе на собственность являются преступнымъ оскорбленіемъ націи».

Затѣмъ, съ цѣлью придать управленію единство и энергію, было постановлено: что министры будутъ допускаемы на засѣданія; что декреты Собранія будутъ имѣть силу закона во всемъ королевствѣ; что декреты эти министръ юстиціи будетъ скрѣплять государственною печатью; что наблюденіе за внутреннею безопасностью приметъ на себя военная комиссія; что будетъ выяснено настроеніе швейцарскихъ полковъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ Собрание прибылъ Лафайетъ. Получивъ однимъ изъ первыхъ извѣстіе о побѣгѣ, онъ поскакалъ въ Тюильрійскій дворецъ; тамъ, по совѣту Богарне и Балли, онъ

¹⁾ *Mémoires particuliers de M-me Roland*, p. 255.

²⁾ *Révolutions de Paris*, № 102.

пансье¹⁾; но на что нужны были часовые? Преобладавшимъ настроеніемъ стало отнынѣ презрительное и гордое спокойствіе. Римъ, послѣ сраженія при Каннахъ, проявилъ не большую глубину чувствъ, чѣмъ Парижъ, которому грозила вѣроятность, что на него обрушится вся Европа. Спокойствіе было до того велико, что въ одинъ только день распродано было на 100,000 ливровъ національныхъ имуществъ, продажа которыхъ еще продолжалась²⁾.

Однако контрастомъ этому всеобщему чувству безопасности являлось безпокойство нѣкоторыхъ трибуновъ, проникнутыхъ подозрительностью. Ни Камилль Демуленъ, ни Маратъ, ни Дантонъ, ни Робеспьеръ, ни Бонвилль не чувствовали себя удовлетворенными; Собраніе, проявившее, съ конституціонной точки зрѣнія, столько благоразумія, прозорливости и силы, именно этимъ внушало имъ недовѣріе съ отгѣнкомъ злобы. Привыкнувъ разбираться въ партійныхъ интригахъ, они замѣтили, съ какою подозрительною ловкостью вожаки монархической лѣвой, нападая на кумиръ, сохранили его пьедесталъ и отвели отъ королевской власти удары, которые имъ пришлось нанести королю. Они предчувствовали предстоявшія отпаденія. Откуда, напр., такая внезапная внимательность Барнава по отношенію къ Лафайету? Особенно раздражало ихъ то, что Собраніе позаботилось назвать побѣгъ короля его *похищеніемъ*: это было грубою ложью—грубою настолько, что она представлялась ребяческою. Встрѣтившись съ Лафайетомъ, Камилль Демуленъ сказалъ ему безъ обиняковъ: «Я извиняю ложь лакея, котораго хозяинъ прогналъ бы, если бы онъ сказалъ правду; но Собраніе, въ распоряженіи котораго находятся три милліона штыковъ! какая низость или какое предательство!» Лафайетъ пробормоталъ, что слово *похищеніе* объясняется неудачною редакціей и что Собраніе исправитъ ее³⁾. Но онъ очень хорошо зналъ, что этого не будетъ. Желая смягчить пылкаго молодого человѣка, онъ пожалъ ему при разставаніи руку и сказалъ: «Этотъ поступокъ короля большая гнусность»⁴⁾.

Вечеромъ 21-го іюня собрался клубъ якобинцевъ. Робеспьеръ явился туда съ болѣе, чѣмъ обыкновенно, мрачнымъ лицомъ.

¹⁾ *Chronique de Paris*, № 174, année 1791.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Révolutions de France et des royaumes, etc.*, № 82.

⁴⁾ *Ibidem*.

только то, что онъ воздержался, какъ это предвидѣлъ ловкій и безстыдный Дантонъ.

Всталъ Александръ Ламетъ и, стараясь примирить обѣ стороны, обратился къ Дантону съ вопросомъ: «Не правда ли, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда я отзывался передъ вами о Лафайетѣ съ самой дурной стороны, я всегда ручался въ его патриотизмѣ и утверждалъ, что во время контръ-революціи онъ во главѣ патриотовъ положить свою жизнь?» Дантонъ вернулся на свое мѣсто рядомъ съ Камилломъ Демуленомъ. «Возможно ли это?» воскликнулъ послѣдній.—«Да», отвѣтили Дантонъ и, не колеблясь, подтвердилъ слова Ламета¹⁾.

Всѣ голоса звали Лафайета на трибуну; «онъ направился къ ней — рассказываетъ Камиллъ Демулень — военнымъ шагомъ, чтобы не выдать своей колеблющейся походки», заявилъ, что только что присоединился къ клубу якобинцевъ, потому что тамъ истинные патриоты, и вышелъ изъ зала, тогда какъ сторонники его, поддерживаемые клубомъ 89-го года, подняли шумъ по поводу того, что они признавали его побѣдой²⁾.

По правдѣ, сознание общей опасности располагало всѣхъ къ соглашенію. Посланіе къ филиальнымъ якобинскимъ клубамъ, въ томъ видѣ, въ какомъ задумалъ его Барнавъ, было принято, съ прибавкою слѣдующей фразы, въ которой чувствовались расчеты и монархическія вождедѣнія Собранія: «Король, введенный въ заблужденіе преступными внушеніями, удалился изъ столицы»³⁾.

На слѣдующій день, 22-го іюня, парижане, вставъ поутру, говорили: «Короля у насъ нѣтъ, а между тѣмъ мы спали очень хорошо»⁴⁾.

Буржуазія, въ свою очередь, такъ и сыпала насмѣшками и одна серьезная газета того времени съ пріятнымъ чувствомъ рассказываетъ, что депутаціи отъ національной гвардіи, шли къ Собранію, предшествуемые музыкантами, которые, въ видѣ намека на предполагавшееся арестованіе короля, играли пѣсню: *Ah! tatan, le bel oiseau! Colin l'a mis dans sa cage*⁵⁾.

1) *Révolutions de France et des royaumes, etc.*, № 82.

2) *Ibid.*

3) *Journal des débats des Jacobins*, чрезвычайное засѣданіе 22 іюня 1791 г.

4) *Chronique de Paris*, № 175, année 1791.

5) Ахъ, мамаша, что за прелестная птичка! Ее посадилъ въ мою клѣтку Колень.—Отъѣздъ короля, на минуту вызвавшій испугъ, теперь возбуждалъ

Ne laisse ici qu'un nom plus odieux encore
Que le nom des tyrans que l'homme libre abhorre¹⁾.

Въ числѣ газетъ, съ наибольшою горячностью устремившихся на этотъ путь, слѣдуетъ назвать *Bouche de Fer*, редакцію которой Клодъ Фоше, находившійся въ ту пору въ Канѣ, представилъ смѣлому Бонвиллю. «Замѣтили ли вы — писалъ Бонвилль—какія братскія чувства поднимаются въ васъ, когда раздается набатъ, когда бьютъ сборъ и короли обратились въ бѣгство?—Не нужно больше ни королей, ни диктаторовъ, ни императоровъ, ни протекторовъ, ни регентовъ! Нашъ врагъ—это нашъ повелитель: говорю вамъ это яснымъ французскимъ языкомъ.— Не надо Лафайета, не надо Орлеанскаго! Законъ, одинъ лишь законъ, и притомъ составляемый всѣми.—Орлеанскій—честолюбецъ. Барнавъ запутался въ школьническихъ расчетахъ. Лафайетъ всегдѣ *середка на половинѣ*.—Вы непремѣнно хотите формулы присяги? Примите такую: «Граждане, либо я погибну, либо вы будете безъ повелителя». — О, парижане, современные аэианне! Около трона стоитъ Филиппъ: вотъ гдѣ опасность²⁾!».

Совсѣмъ другія рѣчи велъ Маратъ. Онъ, напротивъ, желалъ диктатора: диктатора, чтобы покончить съ контръ-революціей быстро, сильно, разомъ; диктатора потому—говорилъ онъ со свирѣпою отвагой—что «пришло время снести головы министрамъ и ихъ подчиненнымъ, *Мотье*, всѣмъ злодѣямъ главнаго штаба и всѣмъ антипатріотическимъ баталіоннымъ командирамъ, мэру Балли, всѣмъ контръ-революціоннымъ членамъ городского управленія, всѣмъ измѣнникамъ Національнаго Собранія». — «Трибуна намъ!—кричалъ этотъ искренній и изступленный Маккиавели—военнаго трибуна, или вы безвозвратно погибнете!»³⁾

Слава Богу, настроеніе умовъ было вовсе не таково, чтобы такой кровавый призывъ имѣлъ шансы быть услышаннымъ; Ка-

¹⁾ *Révolutions de France et des royautes*, etc., № 82.—Подумайте о томъ, что на Марсовомъ полѣ, у высокаго алтара, Людовикъ клялся намъ быть вѣрнымъ и справедливымъ. Такова была его связь съ народомъ; такъ какъ онъ нарушаетъ свою присягу, то освобождаетъ и насъ отъ нашей присяги. Еслибы среди васъ, французы, нашелся измѣнникъ, который сталъ бы сожалѣть о короляхъ и желать повелителя, пусть этотъ вѣроломный человекъ умретъ мучительною смертью! Пусть его преступный прахъ будетъ развѣянъ по вѣтру и не оставитъ здѣсь еще болѣе ненавистнаго имени, чѣмъ имя тирановъ, къ которымъ съ ужасомъ относится свободный человекъ.

²⁾ *Bouche de Fer*, № 71, 72 et 73, аnée 1791.

³⁾ Manifeste de *l'Ami du peuple*.

хорошо бы снарядить стражу, и что департаментское управление прислало триста новыхъ ружей, которые и надо непременно раздать. И такъ возбужденіе было велико и еще усиливалось.

У послѣднихъ воротъ деревни вы увидели бы человѣка, расхаживавшаго въ халатѣ ¹⁾ взадъ и впередъ твердыми и порывистыми шагами; на лицѣ его виднѣлись слѣды недавняго раздраженія: то былъ почтмейстеръ Друэ, бывший драгунъ принца Конде, человѣкъ, однако, еще молодой и патріотъ. Не далѣе какъ поутру этого самаго дня у него произошла ссора съ содержателемъ гостиницы, въ которой остановился Гогла, ссора вышла изъ-за лошади, которую должны бы были спросить у него, но о которой переговоры велись съ содержателемъ гостиницы ²⁾). Это обстоятельство, само по себѣ ничтожное, способствовало усилю возникшихъ у Друэ подозрѣній и вызвало въ немъ намѣреніе показать себя неумолимымъ, когда представится случай. Недалеко отсюда прогуливался на площади, въ компаніи нѣсколькихъ драгунъ, капитанъ Дандуэнъ, стараясь придать себѣ спокойный видъ ³⁾.

Послышался топотъ скачущей галопомъ лошади и мимо озадаченныхъ жителей деревни проскакалъ графъ Валори въ своей прекрасной желтой курьерской курткѣ. Изумленіе ихъ еще болѣе увеличилось, когда черезъ пять минутъ они увидѣли огромную берлину, нагруженную сверху цѣлою горой коробокъ и картонокъ. Вначалѣ они подумали, что это ѣдетъ принцъ Конде, возвращающійся инкогнито во Францію ⁴⁾. Карета проѣхала сквозь разступившуюся передъ нею группу драгунъ. По побужденію, довольно непонятному, такъ какъ драгуны не были посвящены въ тайну, они тотчасъ же «сдѣлали подъ козырекъ», тогда какъ сидѣвшая въ каретѣ дама въ шляпѣ съ опущенными полями, въ свою очередь, кланялась имъ съ тѣми благосклонностью и достоинствомъ, которыя, какъ многіе знали, были присущи манерѣ королевы ⁵⁾.

По одной изъ того множества роковыхъ случайностей, которыми всегда бываютъ обставлены крупныя паденія, вышло такъ, что въ ту минуту, когда карета остановилась передъ почтмей-

¹⁾ *Memoires du duc de Choiseul*, p. 86.

²⁾ Заявленіе квартирмейстера Ла-Гаша.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ Разсказъ архіепископа тулузскаго, *ubi supra*.

своей полицейской шапкѣ и поминутно невольно порывался снять ее ¹⁾). Былъ сдѣланъ еще и другой промахъ, оказавшійся болѣе роковымъ: въ минуту отъѣзда, сидѣвшій на козлахъ курьеръ очень громко крикнулъ ямщикамъ, чтобы они ѣхали на Вареннѣ. Ямщики изъ Сентъ-Мену, доставившіе карету въ Клермонъ, услышали приказаніе свернуть съ большой дороги. Объ этомъ они рассказали Друэ, котораго встрѣтили на своемъ обратномъ пути; поэтому Друэ взялъ на-перерѣзъ и не заѣхалъ въ Клермонъ, гдѣ его, можетъ быть, задержалъ бы графъ Дамъ ²⁾). Какое причудливое сдѣшленіе обстоятельствъ, столь роковыхъ для этой семьи! Друэ, поскакавъ теперь лѣсомъ, скрылся вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ вида гнавшагося за нимъ квартирмистра ³⁾), и избѣжалъ опасности, который вовсе не подозрѣвалъ.

До той минуты, когда графъ Дамъ, полагая, что король спасенъ, думалъ только о выступленіи со своими кавалеристами изъ Клермона, городъ былъ довольно спокоенъ; но едва раздался, по его приказанію, сигналъ къ посадкѣ на коней, все приняло другой видъ: городъ, какъ бы по волшебству, озарился огнями и огласился колокольнымъ звономъ ⁴⁾). Члены городского управленія бросились съ разпросами къ графу Дамъ и, не получивъ отъ него никакого удовлетворительнаго отвѣта, попытались задержать его ⁵⁾). Ему лишь съ большимъ трудомъ удалось ускользнуть, да и то одному, такъ какъ драгуны отказались идти за нимъ. Однако онъ еще ранѣе приказалъ своему квартирмистру Ремю догнать съ отрядомъ карету, что тотъ и поставилъ себѣ долгомъ исполнить. Успѣи онъ догнать королевскую семью—а онъ могъ бы догнать ее черезъ часъ—онъ прибылъ бы съ нею въ Вареннѣ и—почемъ знать?—можетъ быть, король былъ бы спасенъ. Но тутъ опять произошла роковая случайность. Ремю сбился съ дороги и только подъ Вердѣномъ, послѣ шестичасового быстрого перехода, въ отчаяніи увидѣлъ свою ошибку ⁶⁾).

Странная это была ночь... По наѣзженнымъ и не наѣзжен-

¹⁾ *Mémoires du de Choiseul*, p. 87.

²⁾ Разсказъ Дамъ стр. 223 *Mémoires sur l'affaire de Varennes*.—См. также донесеніе Друэ, *ubi supra*.

³⁾ См. заявленіе Ла-Гаши.

⁴⁾ Допесеніе Реми, въ *Mémoires du duc de Choiseul*, въ оправдательныхъ документахъ, № 7.

⁵⁾ Извлечено изъ протоколовъ клермонскаго управленія.

⁶⁾ Докладъ Реми.

Шуазель, Гогла и ихъ нѣмецкіе кавалеристы подѣзжали къ Варенну. Они могли бы прибыть сюда гораздо раньше, если бы не одинъ изъ безчисленнаго множества несчастныхъ случаевъ, которыми отмѣчена была эта предначертанная судьбою эпопея. Такъ какъ ночь настигла ихъ въ лѣсу, среди топкихъ мѣсть, то одинъ изъ гусаръ попалъ въ глубокую яму и лишился чувствъ; товарищи не захотѣли бросить его и вотъ пришлось потратить три четверти часа на то, чтобы отыскать его, поднять и привести въ чувство¹⁾. И вышло такъ, что Шуазель и Гогла добрались до Варенна лишь въ половинѣ перваго ночи, около полутора часовъ послѣ арестованія короля, когда уже со всѣхъ сторонъ сбѣгались національные гвардейцы и когда, при барабанномъ боѣ и трезвонѣ въ колокола, молодой Булье, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Режкурромъ, ускакалъ къ отцу²⁾.

Шуазель не безъ труда добрался до казармы, гдѣ онъ рассчитывалъ застать 60 гусаръ Родвелля: двое людей схватили его лошадь за поводья и кричали ему, что *его долъ повиноваться муниципальному управленію и только его одно и знать!*³⁾. Ему удалось отбиться отъ нихъ, но, по прибытіи въ казарму, онъ узналъ, что король арестованъ, а 60 гусаръ разсыпались по городу и пьянствуютъ⁴⁾. Начальникъ ихъ, Родвелль, явился одинъ, но и онъ не замедлил покинуть свой постъ, передавъ командованіе своему квартирмистру, а тотъ, будучи патриотомъ, оставилъ своихъ людей въ полномъ бездѣйствіи⁵⁾.

Такимъ образомъ, въ распоряженіи Шуазеля находились всего сорокъ приведенныхъ имъ изъ Понъ-де-Сомвилля гусаръ. Не зная, какая участь его ожидаетъ, онъ отозвалъ въ сторону ихъ офицера Буде и передалъ ему брилліанты принцессы Елизаветы, съ просьбою отвезти ихъ, въ случаѣ его смерти, къ графу Прованскому; затѣмъ, обратившись къ гусарамъ, онъ сказалъ имъ взволнованнымъ голосомъ, что королевская семья арестована и что нужно либо освободить ее, либо умереть. Гусары были изумлены и, переглядываясь между собою, говорили другъ

1) *Mémoires du duc de Choiseul*, p. 85.

2) *Exposé de la conduite de M. Raigecourt*, p. 194 въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*.

3) *Mémoires du duc de Choiseul*, p. 90.

4) *Ibid.*, p. 91.

5) Донесеніе командира гусаръ въ Понъ-де-Сомвиллѣ, Буде, въ *Mémoires particuliers de Bertrand de Moleville*, t. I, chap. XIX.

характерно—патроны, выданные гусарамъ при выдѣленіи ихъ изъ полка, были украдены у нихъ въ различныхъ домахъ, въ которыхъ они остававливались въ пути¹⁾! Делонъ заявилъ о своемъ желаніи, чтобы его провели къ королю, получилъ разрѣшеніе на это отъ командовавшего вареннскою національною гвардіей Сижмона, потребовалъ себѣ заложника и, оставивъ своихъ людей у городскихъ воротъ, отправился прямо въ лавку Соса. Будучи допущенъ къ Людовику XVI, онъ наскоро изложилъ ему положеніе дѣлъ и спросилъ, что сказать генералу Булье. Объ этомъ въ донесеніи Делона, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ опубликованъ въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*, говорится: «Король горько жаловался на то, что его арестовали, и говорилъ съ необыкновенною твердостью и мужествомъ»²⁾. Но тутъ извращеніе истины, сдѣланное уже впоследствии, такъ какъ въ томъ же донесеніи, въ той редкціи, въ какой оно было вначалѣ воспроизведено Бертраномъ де Мольвиллемъ, сказано; «Король былъ въ такомъ удрученномъ состояніи, что г. Делонъ опасался, что его величество не слышалъ его, хотя онъ и повторялъ три раза одно и то же»³⁾. Подъ конецъ у несчастнаго государя вырвались слѣдующія слова, вполне обрисовывавшія тревожное состояніе его духа: «Скажите г. Булье, чтобы онъ сдѣлалъ то, что будетъ въ состояніи сдѣлать. Я арестантъ и не могу больше давать приказаній»⁴⁾. Делонъ, обратившись затѣмъ къ королевѣ, заговорилъ съ нею по-нѣмецки, но король тотчасъ же прервалъ этотъ разговоръ, который могъ показаться подозрительнымъ. Когда Делонъ уходилъ, графъ Дамà пристально посмотрѣлъ на него и тихонько сказалъ ему по-нѣмецки: «*На коней и атакуйте!*» При этомъ кто-то крикнулъ грубымъ голосомъ: «*Не говорите по-нѣмецки!*»⁵⁾.

Между 5 и 6 часами послышался сильный шумъ: прибыли курьеры изъ Парижа. То были Ромѣфъ, посланный Лафайетомъ въ погоню за королемъ, и Бальонъ, отправленный городской ратушей. Бальонъ вошелъ одинъ; волосы его были растре-

¹⁾ Докладъ Делона, стр. 176, въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*. p. 177.

²⁾ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*, p. 178, изд. 1823 г.

³⁾ См. *Mémoires particuliers de Bertrand de Moleville*, t. I, ch. XIX, p. 414. Paris, MDCCCXVI, а также рассказъ архіепископа тулузскаго, t. II и p. 122 въ *Mémoires de Weber*.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ Рассказъ графа Дамà, стр. 238, въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*.

бовали къ окну; онъ показался... Боже, какое униженіе! О, внуки тѣхъ, кто въ Людовикѣ XIV обожалъ величіе бога, знайте, что этотъ человѣкъ въ сѣромъ сюртукѣ, эта фигура съ лицомъ, на которомъ волненіе смѣнилось угнетеннымъ выраженіемъ, съ растрепанными волосами, съ приниженною головою, съ повисшими руками, съ безмолвными устами, со взоромъ безъ слѣда мысли, словомъ, этотъ лакей Дюранъ—это король! Говорятъ, въ толпѣ нѣкоторые были растроганы; говорятъ, были и такіе, которые сочувственно кричали: «*Въ Вердѣн!*»¹⁾ Да почему же бы и не быть тому? Развѣ несчастіе не есть самая дорогая для благородныхъ сердець сила?

Тѣмъ временемъ, Булье мчался, сломя голову, во главѣ королевско-нѣмецкаго полка.

Онъ, самъ-четверть, почти всю ночь прождалъ вѣстей, притаившись между Дѣномъ и Стенэ во рву у дороги, имѣя при себѣ старшаго сына²⁾. Они вздрогнули отъ радости, когда около половины пятого поутру увидѣли вдали двухъ верховыхъ. То были шевелье Булье, котораго сопровождалъ Режкуръ. Генераль думалъ, что король спасенъ, а узналъ, что его держатъ узникомъ. Въ отчаяніи, онъ послалъ своего сына, Людовика, въ Стенэ за королевско-нѣмецкимъ полкомъ, которому ранѣе былъ данъ приказъ держать лошадей подъ сѣдломъ, наготовѣ къ выступленію. Оказалось, что ничего не было приготовлено; командиръ спалъ!³⁾ Люди сѣли на коней лишь черезъ $\frac{3}{4}$ часа⁴⁾, тогда какъ на это требовалось четверть часа. Булье роздалъ имъ бывшіе при немъ четыреста луидоровъ, обѣщалъ имъ, что они станутъ нѣмецкою стражей короля, и тронулся съ ними въ путь галопомъ. «Уже поздно!» крикнулъ имъ какой то священникъ, увидавшій ихъ скачущими. Они продолжали мчаться, но, въ виду Варенна, предупрежденіе священника было подтверждено имъ Делономъ. Было 9 часовъ, а король уѣхалъ въ восемь! Булье хотѣлъ скакать впередъ, но начальники и офицеры отклонили его отъ этого намѣренія. Они указали ему на всѣ препятствія: на возстаніе деревень, оглашаемое отъ одного мѣста до другого барабаннымъ боемъ и колокольнымъ звономъ, на приближеніе вердѣнскаго гарнизона, идущаго съ пушками,

¹⁾ Разсказъ графа Дамъ стр. 237 въ *Mémoires sur l'affaire de Varrennes*.

²⁾ *Mémoire du comte Louis de Bouillé*, p. 122.

³⁾ *Ibide*, p. 125.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 127.

на невозможность отыскивать бродъ, на то, что кареты уже далеко, на измученное состояніе лошадей, проскакавшихъ быстрымъ галопомъ около девяти льё. Булье приказалъ трубить отбой и, обратившись къ сыну, который всегда поздравлялъ его съ удачею всякихъ предпріятій, сказалъ ему раздирающимъ голосомъ: «*Что же, ты и теперь скажешь, что я удачливъ?*»¹⁾).

Королевская семья дѣйствительно уѣхала, и карета, въ которой ее везли обратно въ Парижъ, двигалась медленно, потому что впереди, вкругъ и позади нея шла громадная и разнородная толпа: тутъ были и національные гвардейцы, и граждане, и сельчане; все это потрясало пиками, вилами или ружьями, кричало, сыпало угрозами, ревѣло, катясь въ перемѣшку волною подъ лучами іюньскаго солнца, среди облаковъ пыли. Чтобы взглянуть на это столь новое зрѣлище, какъ короля влекутъ, плѣннаго, чрезъ его владѣнія, люди сбѣгались изъ дальнихъ, очень дальнихъ мѣстъ и съ каждымъ шагомъ эскортъ увеличивался и становился болѣе страшнымъ. И все-таки оскорбленія сыпались только на трехъ лейбъ-гвардейцевъ, бывшихъ на козлахъ кареты, какъ преступники у позорнаго столба. Короля щадили, въ виду его слишкомъ извѣстной слабости; щадили также и королеву, которую ограждали двое ея несчастныхъ дѣтей, отъ времени до времени мелькавшія въ окнѣ кареты своими бѣлокуроыми головками.

При приближеніи къ Сентъ-Мену, процессія приняла бурный характеръ, а недалеко за Сентъ-Мену даже ознаменовалась пролитіемъ крови. Нѣкій дворянинъ, маркизъ Дампьеръ, прискакавшій на горячей лошади привѣтствовать короля, проѣхалъ сквозь толпу съ такимъ видомъ, будто дѣлалъ ей смотръ. Толпѣ это показалось оскорбительнымъ. Чьи-то сильныя руки схватили его лошадь подъ-узцы, маркизъ рванулся, чтобы высвободиться и, успѣвъ вырваться, поскакалъ въ поле; народъ погнался за нимъ, какъ гонятся на охотѣ собаки за оленемъ²⁾; онъ выстрѣлилъ изъ пистолета, но былъ вскорѣ нагнанъ, окруженъ и исчезъ... А черезъ нѣсколько минутъ голова его уже торчала на пикѣ! Выразить сомнѣніе въ томъ, что это ужасное убійство было послѣдствіемъ слѣпого озлобленія, что оно яви-

¹⁾ *Mémoires du comte de Bouillé*, p. 131 et 132.

²⁾ *Précis historique du comte de Valory* p. 301 въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*.

лось отвѣтомъ разъяренныхъ людей на вызовъ, быть можетъ воображаемый, но считавшійся дѣйствительно сдѣланнымъ — значило бы клеветать на человѣческій родъ. Самъ графъ Вальри, описавшій это убійство, соглашается, что множество шедшихъ по дорогѣ людей могло безнаказанно оказывать королевской семьѣ знаки глубокаго участія, уваженія и любви¹⁾.

А въ Шалонѣ, самомъ роялистскомъ въ то время городѣ, было еще и не то. Къ узникамъ подходили дамы и дѣвицы, въ слезахъ, съ букетами въ рукахъ; по свидѣтельству очевидца, чести быть представленными имъ добивались наперебой²⁾. Они были приняты въ обширномъ залѣ, въ присутствіи всѣхъ сѣли за столъ и всѣ стали осыпать ихъ благословеніями. Въ шалонской національной гвардіи толковали даже о томъ, что надо составить для нихъ конную стражу и доставить ихъ въ Монмеди³⁾. Всю ночь они вдыхали этотъ сладкій ѳиміамъ и еще разъ чувствовали себя счастливыми! Но какая внезапная и ужасная переменна наступила на слѣдующій день, когда, на зарѣ, буржуазный, фабричный и республиканскій городъ Реймсъ прислалъ фаланги своихъ грубыхъ рабочихъ, клубистовъ и сектантовъ! Точно цѣлая армія нахлынула въ Шалонъ: сюда стеклось почти все населеніе Шампани. Шалонцы же и пришельцы изъ Реймса смотрѣли одни на другихъ такъ недружелюбно, что казалось, еще минута — и завяжется бой⁴⁾. Когда Людовикъ XVI выходилъ отъ обѣдни, отслуженной для него въ приспособленной для того комнатѣ, раздались крики: *въ Парижъ! въ Парижъ!* и кое-кто уже сталъ цѣлиться изъ ружей въ окна. Покоряясь своей участи, король сошелъ внизъ, со спокойнымъ видомъ прошелъ мимо какого-то изступленнаго, который грозилъ ему кулакомъ⁵⁾, и молча сѣлъ съ семьей въ карету.

По свидѣтельству Ферьера, въ Парижѣ извѣстіе объ арестованіи короля произвело немалое замѣшательство среди орлеанистовъ, контръ-революціонеровъ и даже конституціоналистовъ⁶⁾. Первые утрачивали выгоду, которыя сулилъ имъ вакантный

1) *Précis historique du comte de Valory*, p. 302, въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*. p. 300.

2) *Ibid.*, p. 301.

3) *Ibid.*,

4) *Ibid.*, p. 303.

5) *Ibid.*, p. 305.

6) *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 369.

въ ту минуту, когда предъ нимъ должны предстать виновные; и Бонвилль только выразилъ общую всѣмъ мысль, написавъ въ газетѣ *Bouche de Fer*: «Смирно! Не снимайте шляпъ. Онъ будетъ отданъ подъ судъ»¹⁾).

Лафайетъ выѣхалъ впередъ до Пантэнской заставы. Тутъ кареты на минуту остановились. Тутъ же Людовикъ XVI—почувствовавъ ли себя дурно, или желая подкрѣпиться, чтобы предохранить себя отъ слишкомъ сильнаго волненія—спросилъ стаканъ вина, который и выпилъ залпомъ²⁾. Дороги были покрыты безчисленною толпой. «Улицы Сентъ-Оноре и бульваръ казались двумя большими потоками, вздувшимися отъ обильнаго дождя и извергающимися въ обширный рукавъ моря»³⁾. Кареты ѣхали черезъ Парижъ среди тишины, въ которой чувствовалось возбужденіе. Окаймлявшая бульваръ національная гвардія держала ружья наперевѣсъ, какъ въ день траура⁴⁾. За нею, спокойный, но мрачный, со шляпами на головѣ, стоялъ народъ. И при малѣйшемъ шумѣ онъ кричалъ: *Законъ! законъ!*⁵⁾ По бокамъ передка кареты, немного ниже козелъ, на придѣланной снизу доскѣ, поставлены были двое гренадеръ, при ружьяхъ съ примкнутыми штыками; въ виду этого обстоятельства, придававшего тремъ сидѣвшимъ на козлахъ лейбъ-гвардейцамъ видъ преступниковъ, многіе думали, что они прикованы къ козламъ⁶⁾. Жара была страшная; воздухъ затемнялся раскаленною пылью, которую поднималъ двигавшійся необозримый кортежъ. Марія-Антуанета, казалось, жестоко страдала; на лицѣ принцессы Елизаветы лежала печать спокойствія души, воспарившей превыше житейскихъ бурь. Дофинъ плакалъ на колѣняхъ матери⁷⁾, а Людовикъ XVI, весь блѣдный, усталый, обводилъ толпу безумно-изумленнымъ взоромъ⁸⁾. Узнавъ грознаго Сантера, находившагося во главѣ баталіона Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, онъ хотѣлъ заговорить съ нимъ, но

1) *Bouche de Fer*, № 74. Année 1791.

2) *Révolutions de France et des royaumes*, etc. № 82.

3) *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 378.

4) Разсказъ архіепископа тулузскаго, *ubi supra*.

5) *Chronique de Paris*, № 78. Année 1791.

6) *Précis historique de comte de Valory*, p. 312, въ *Mémoires sur l'affaire de Varennes*.

7) *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. X, p. 379.

8) «Взоромъ пьянаго», говоритъ *Bouche de Fer*, № 74. Année 1791.

нея похитили¹⁾. Однако, ея разбитымъ сердцемъ испытано было уже достаточно горя: судьба пощадила ее, по крайней мѣрѣ, отъ этого послѣдняго удара.

Такова была развязка вареннской трагедіи. 25-е іюня! Похоронный день для Людовика XVI, почти въ такой же степени похоронный, какимъ былъ въ послѣдствіи день 21-го января! Ибо 21-го января убитъ былъ человекъ, а 25-го іюня убили короля.

ГЛАВА VI.

Междуцарствіе.

Политика Національнаго Собранія.—Политика якобинцевъ.—Политика кордельеровъ.—Старанія конституціоналистовъ выгородить Людовика XVI.—Положеніе дѣлъ во дворцѣ. Допросъ короля и королевы.—Политическое исповѣданіе Филиппа Орлеанскаго.—Ругательства Сюло.—Роялистская партія изъ эгоизма приноситъ въ жертву Людовика XVI; манифестъ 290-та.—Письмо Булье.—Оцѣнка, данная ему Сюло.—Отвѣтъ Редерера по адресу Булье.—Посѣщеніе клуба якобинцевъ; ихъ сильное нерасположеніе къ республикѣ; въ чемъ они расходились съ конституціоналистами.—Рѣзкія выходки Марата и Камилла Демулена.—Лживыя заявленія Фрерона.—Вонвилль.—Его роль въ 1791 году.—Томасъ Пенъ; несправедливость его хулителей.—Его афиша, переведенная Дюшатле и требующая республики.—Письмо Дюшатле къ Шабру и Ле-Шапелье.—Основаніе газеты *Republicain*.—Смѣлнѣйшій починъ Бриссо.—Республиканцы Кондорсе и его жена.—Перенесеніе праха Вольтера въ Пантеонъ.—Пренія объ участи короля.—Двусмысленное заявленіе Ребеспьера въ клубѣ якобинцевъ относительно республики.—Барнавъ, какъ реакціонеръ.—Декретъ 15 іюля 1791 г.—Народъ велитъ закрыть арѣища.—Проектъ петиціи.—Благоразумная предусмотрительность Робеспьера.—Политическія комбинаціи Лакло.—Составленная Бриссо петиція.—Демѣнье отражаетъ ударъ.—Собраніе кордельеровъ на Марсовомъ полѣ.—Грозныя приготовленія.—Вады перемѣняютъ фронтъ.—Вечернее засѣданіе клуба якобинцевъ 16 іюля.—Петиція Бриссо беретъ назадъ.—Набросанная Робеспьеромъ злобѣщая картина.

Съ тѣхъ поръ, какъ королевская семья была доставлена обратно въ Тюильри, всѣ партіи сразу задались вопросомъ: что дѣлать?

Мы сейчасъ увидимъ, что на этотъ счетъ, среди перипетій умственной драмы—наиболѣе интересной изъ всѣхъ, когда-либо бывшихъ—стали формироваться три очень различныхъ мнѣнія: одно изъ нихъ сводилось къ тому, чтобы сохранить монархію и спасти короля: это было мнѣніе Собранія; другое клонилось къ сохраненію монархіи, но съ низложеніемъ Людовика XVI:

¹⁾ Разсказъ архіепископа тулузскаго, *ubi supra*, p. 139.

черезъ край ругательствъ было еще мало, за ними слѣдомъ шли грубѣйшія выдумки и до смѣшного неправдоподобные рассказы. Людовикъ XVI былъ изображенъ то сумасшедшимъ, для котораго величайшимъ развлеченіемъ было прятаться подъ кровать¹⁾, то маниакомъ, ломавшимъ въ своей комнатѣ мебель и разбиавшимъ зеркала и стѣнные часы²⁾. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что по прибытіи въ Тюильрійскій дворецъ онъ сказалъ: «Препоганую я сдѣлалъ поѣздку (un f... u voyage). Но вѣдь могу же и я шутить шутки, какъ всякій другой... Пусть мнѣ подадутъ курицу»³⁾. Фреронъ утверждалъ, что имъ записано подъ диктовку нѣкой г-жи Фландръ письмо, которое, по ея увѣренію, было послано Маріей-Антуанетою принцу Конде и начиналось такъ: «Другъ нашъ, не обращайтесь никакого вниманія на декретъ, изданный противъ васъ собраніемъ *свиной*. Мы покажемъ имъ, какъ расшевеливать *жабъ* и *лягушекъ* (парижанъ). Нашъ *толстякъ* уѣдетъ вотъ какимъ образомъ...» и т. д., и т. д. И находились люди, которые вѣрили этимъ дикимъ клеветамъ! А Фреронъ со всею серьезностью привелъ г-жу Фландръ въ *секцію французскаго театра*, гдѣ она и *подтвердила* свои слова!⁴⁾ И двѣнадцать избранныхъ *секціею французскаго театра* комиссаровъ, въ числѣ которыхъ былъ и Камиллъ Демуленъ, изложили бы это дѣло въ Собраніи, если бы доступъ туда былъ облегченъ имъ Петіономъ и Робеспьеромъ, къ которымъ они обратились и которые отклонили ихъ просьбу⁵⁾, вѣроятно, возмущившись этимъ непристойнымъ фарсомъ.

Подобныя яростныя выходки едва ли удивительны со стороны Фрерона, этого подражателя Марата или, скорѣе, второго Марата, безъ его искренности и пронизательности. Но какая скорбь, какое отчаяніе охватываютъ душу, когда подумаешь, что подражателемъ Фрерона въ этомъ отношеніи былъ Камиллъ Демуленъ—да, Камиллъ, этотъ плѣнительный умъ, мужъ нѣжной Люсилы, который—по крайней мѣрѣ въ эту пору—долженъ бы былъ проявлять доброту, такъ какъ онъ былъ счастливъ, былъ любимъ!

Отвернемся скорѣе отъ этого прискорбнаго зрѣлища и пе-

¹⁾ *Révolutions de France*, etc., № 83.

²⁾ *L'Orateur du peuple*, III-e vol., № LIII.

³⁾ *Révolutions de France et des royaumes*, etc. № 83.

⁴⁾ *L'Orateur du peuple*, III vol., № XLIX.

⁵⁾ Равсказъ объ этомъ Камилла Демулена см. въ № 82 его газеты.

нардень де Сень-Пьеръ, Ласепедъ, мистикъ Сень-Мартенъ, Геро де Сешель, Серюти, Боссю, академикъ Дасье, бывший прокуроръ Серванъ. Но даже и по отношенію къ этимъ именамъ злые языки сумѣли устроить такъ, что кандидатура ихъ оказалась почти невозможною. Говорили такъ: «Боссю? Этотъ будетъ го-денъ, когда дофипъ начнетъ учиться математикѣ.—*Буренвилль?* Онъ совершилъ кругосвѣтное путешествіе, но вѣдь у насъ есть декретъ, которымъ королю разрѣшается путешествіе только по Франціи, лишь бы онъ не началъ съ поѣздки въ Монмеди.—*Серюти?* Какъ жаль, что онъ былъ іезуитомъ и такъ уменъ!—*Дюсисъ?* Изображать на сценѣ слѣпыхъ, глупыхъ или безумныхъ королей совсѣмъ не то, что подготовить молодого принца къ занятію престола. Въ первомъ случаѣ въ оригиналахъ не бываетъ недостатка, а во второмъ все приходится создавать самому.—*Геро де Сешель?* Чиновникъ-щеголь, любезный человѣкъ. Было бы жаль отнимать его у тѣхъ кружковъ, которымъ онъ доставляетъ такъ много удовольствія»¹⁾).

Единственнымъ кандидатомъ, къ которому готовы были бы отнестись серьезно, былъ Кондорсе. Но онъ работалъ надъ учрежденіемъ республики и, конечно, никто не былъ болѣе достойнъ участія въ случайностяхъ этого движенія къ будущему, чѣмъ авторъ безсмертнаго *Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain*¹⁾, чѣмъ этотъ человѣкъ, писавшій: «Родъ человѣческій будетъ счастливъ» въ то время, когда самъ былъ удрученъ бѣдствіями, страдалъ отъ нанесенныхъ въ чувствительнѣйшія части сердца ударовъ и почти находился подъ ко-сою смерти, «которая только ждала, пока выяснится самоличность ея жертвы»²⁾).

Въ 1791 году Кондорсе было 48 лѣтъ. Въ революціи онъ былъ представителемъ того поколѣнія энциклопедистовъ, отъ котораго оставались уже только обломки; онъ уже вполнѣ пользовался извѣстностью какъ академикъ, геометръ и ученый и находился въ полной зрѣлости своего генія. Поэтому въ мотивахъ, побудившихъ его отдать свои обширныя познанія и авторитетъ своего имени на служеніе республиканскому принципу, не было и слѣда юношескаго увлеченія. Бонвилль, Томасъ Пэнъ,

¹⁾ *Révolutions de Paris*, № 104.

²⁾ «Набросокъ исторической картины успѣховъ человѣческаго ума».

³⁾ *Éloge de Condorcet*, par François Arago, p. CXLIV, въ *Oeuvres complètes de Condorcet*.

тицію; но едва толпа услышала слова: «*Замѣщеніе Людовика XVI законными средствами*», какъ поднялся сильнѣйшій шумъ; народъ узналъ, что составителемъ петиціи былъ Бриссо и дивился, какъ могла подобная фраза сорваться съ пера республиканца; послѣ преній фраза эта была вычеркнута¹⁾.

Наступилъ вечеръ, и якобинцы собрались въ своемъ мрачномъ святилищѣ. Имъ докладываютъ петицію съ вычеркнутой фразой, которая была написана по внушенію Лакло. Понятно, что онъ не могъ смолчать! «Скажите прямо,—воскликнулъ онъ,—хотите ли вы или не хотите отказаться отъ лучшаго изъ вашихъ званій, отъ званія *друзей конституціи*? Смотрите: Бриссо республиканецъ, однако созналъ, что не слѣдуетъ дѣйствовать слишкомъ круто». Слова эти произвели впечатлѣніе. Притомъ, и декретъ, въ которомъ Собраніе въ этотъ же день сдѣлало постановленіе относительно участи короля—на этотъ разъ вполне определенное — измѣнялъ характеръ петиціи Бриссо. Она была взята назадъ и уже начатое печатаніе ея было приостановлено²⁾.

Въ тотъ же вечеръ, часовъ въ семь, Робеспьеръ, обращаясь къ якобинцамъ, говорилъ: «Я буду повиноваться закону, но я долженъ сказать вамъ правду... правду ужасную!» И онъ началъ набрасывать картину дѣятельности соединенныхъ комиссій, ихъ ухищреній и зловѣщихъ умысловъ. Картина эта ужаснула слушателей; казалось, будто они слышатъ Ралея, который кричитъ своимъ палачамъ: «Рубите! когда сердце чисто, не все ли равно, куда дѣнется голова?»³⁾.

¹⁾ *La Bouche de Fer*, № 96.

²⁾ Отчета объ этомъ засѣданіи въ газетѣ якобинцевъ нѣтъ, но онъ напечатанъ въ № 96 газеты *La Bouche de Fer*.

³⁾ *Ibid.*